

АДАМ ОЛЕАРИЙ

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ

БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИКА

А а	Аа	А	Оо	О
Б б	Вв	В	Пп	П
Г г	Дд	Д	Рр	Р
И и	Йй	Й	Сс	С
К к	Лл	Л	Тт	Т
М м	Нн	Н	Уу	У
Ф ф	Хх	Х	Уу	У

БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИКА

АДАМ ОЛЕАРИЙ

ОПИСАНИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
В МОСКОВИЮ

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2003

УДК 93/99 [947+957]
ББК 63.3 (2) 46
О 53

Серия основана в 2003 году

Перевод, вступительная статья и комментарий А. М. Ловягина

Олеарий А.

О 53 Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. — Смоленск: Русич, 2003. — 480 с., ил. — (Библиотека историка).

ISBN 5-8138-0374-2

Описание путешествия немецкого ученого, посла Голштинии, Адама Олеария (1603–1671) в Московию стало одним из интереснейших и ценнейших источников по изучению истории, быта и нравов России 30-х гг. XVII в.

В настоящем издании использованы перевод на русский язык и комментарии 1906 года.

В книге воспроизведены многочисленные рисунки из изданий 1647 г. и 1656–1671 гг., выполненные при участии самого автора.

УДК 93/99 [947+957]
ББК 63.3 (2) 46

ISBN 5-8138-0374-2

© Издательство «Русич», 2003

ВВЕДЕНИЕ

I

Из всех иностранных изданий XVII в., посвященных России, сочинение Олеария — самое знаменитое, самое распространенное и самое богатое по содержанию. В многочисленных изданиях, переведенных на разные языки, оно вплоть до XVIII в. считалось одним из основательнейших трудов о России. Отличали этот труд не одни лишь осведомленность, наблюдательность и в то же время выдающаяся эрудиция его автора, но и изобилие прекрасно исполненных на меди рисунков, с особою тщательностью изображавших диковинные для наблюдателя XVII в. стороны жизни в Московии.

Олеарий — писатель, по языку своему не относящийся к числу легких. Он происходил из Саксонии, где говорили по-верхненемецки, служил в нижненемецкой Голштинии и был женат на эстляндской уроженке. Во время посольства он окружен был лицами, говорившими на разных диалектах. Например, посол Брюггеман говорил по-нижненемецки. Этими обстоятельствами легко объясняется отсутствие единообразия в формах слов у него и в связи с нею и при-

чуждость орфографии. Настоящий перевод, являющийся вторым в русской литературе, уже по этому одному должен представлять собою попытку пойти дальше первого перевода, исправить то, что было неточным в предыдущем, и разъяснить то, что оставалось неясным для первого переводчика.

Ввиду громадной важности книги Олеария, как исторического источника, переводчик старался близко держаться текста, отступая от него лишь в случаях, когда строй русской речи требовал отступлений. Если для большей ясности прибавлялись слова, обороты или, в редких случаях, целые предложения, то они ставились в прямые [] скобки. Таким образом, читатель имеет возможность отличить вводные слова и предложения подлинника, стоящие, если в том представляется необходимость, в обычных дугообразных скобках (), от добавлений переводчика, всегда стоящих в прямых [] скобках.

Весьма много затруднений было с собственными именами. Олеарий, который и в немецком языке не признает определенного правописания,

еще менее придерживается его по отношению к собственным именам, которые он берет из чужих языков. Прежде всего, почти все часто упоминаемые у него лица именуются в разных местах его книги различно. Даже один из послов именуется у Олеария четырьмя способами: Бругман, Брюгман, Брюггеман(н) и Бригман. Имя этого часто упоминаемого у Олеария посла так и появляется у нас в переводе в разных начертаниях. Следует заметить, что в подлинной грамоте 1636 г., хранящейся в московском архиве министерства иностранных дел, сам он подписался Otho Brugheman, а в русских документах его именуют то Брюхман, то Брюгеман. Русский переводчик второго посольства называется у Олеария Арпенбеке, Арпенбак и Арпенбэк. При таких условиях не может быть и речи о соблюдении каких-либо правил в транскрипции русских собственных имен. Не говоря уже об обычном у многих немцев

путании d и t, p и b, Олеарий то, по нижненемецкому обычаю, не признает звука ш (sch) и пишет, например, Slick (Шлик) и Puskin (Пушкин), то вписывает sch совершенно правильно (Coinische — конюший). Под буквою G у него то разумеется j, то ch; например, Gam = Ям, а Gomodof = Хомутов. Tz у него обозначает очень часто и ч (Tzerkaski = Черкасский) и ш (Tzeremettou = Шереметев). Установлению правильной формы в каждом отдельном случае, по отношению к русским именам, помогло переводчику обращение к русским документам XVII в., частью напечатанным («Дворцовые разряды», «Разрядные книги», «Выходы государей», сборники исторических актов, списки бояр, воевод и т. п.), а частью — рукописным; доставленным в его распоряжение из московского главного архива министерства иностранных дел благодаря содействию императорской археографической комиссии.

II

Автор «Московитского и Персидского путешествия» не был главою посольства, и книга его не является донесением о дипломатических сношениях с Москвою и Персиею. Напротив, о целях посольства и о переговорах, которые вели послы, он говорит лишь в общих неясных выражениях. Не вполне ясна у него и роль Брюг(ге)мана, или Бругмана, одного из послов, с которым у Олеария в течение путешествия были крупные столкновения, в книге его указанные лишь намеками.

Представляется поэтому необходимым остановиться на этих обстоя-

тельствах в настоящем введении, так как они значительно уясняют многие частности в изложении Олеария.

Разрешение торговли через Россию с Персиею — обычная цель посольств торговых государств в Московию в XVII столетии. Из посольства К. фан-Кленка видно, как эта цель привлекала еще в конце XVII в. голландцев. Московское правительство, со своей стороны, относилось всегда недружелюбно к этим попыткам, основываясь на заключениях московских купцов. Главной причиною нежелания русских допустить этот «персидский торг» была боязнь

экономического захвата России иноземцами, вполне несомненного в том случае, если бы постройка иноземцами судов на русских реках, движение их торговых караванов через Россию, устройство ими торговых факторий в главных пунктах России стали явлениями обычными. Согласие на такой торг, данное голштинцам при царе Михаиле Феодоровиче, объяснялось лишь крайним истощением денежных средств России и надеждою пополнить царскую казну. Только этой надеждою — впрочем, не осуществившейся — мы можем объяснить, если голштинцам разрешено было то,

*...в чем императорам и папам
отказали,
В чем королям запрет...*

К тому же герцог шлезвиг-голштинский не вызывал таких опасений в Москве, как могущественные Голландия или Англия, владевшие уже колониями в других частях света.

Чтобы читатель имел возможность разобраться в довольно запутанном деле переговоров с Голштиниею, мы приведем, прежде всего, хронологический обзор этих переговоров, основанный преимущественно на извлечениях Н. Н. Бантыша-Каменского из дел бывшего посольского приказа. В этих извлечениях, к которым нами прибавлены некоторые добытые нами рукописные данные, ход переговоров изображается следующим образом.

В 1632 г. 17 июня в Новгород, а 10 июля в Москву приехал голштинский посол Отто Брюггеман, а с ним его товарищ в пути Балтазар Мушерон. 15 июля он подал царю Михаилу Феодоровичу от шлезвиг-голштин-

ского князя Фридерика грамоту (от 11 февраля), в грамоте князь благодарил за прием, оказываемый его подданным в России, и сообщал, что посылает в подарок 12 пушек медных; он далее обещал дозволить купить в Голштинии всякой военной сбруи и нанять военных людей, прося за то отпустить к нему хлеба и дозволить свободно приезжать его подданным в Россию торговать, 12 августа посол был у государя на отпуске. По отбытии посла товарищ его Мушерон ездил в Архангельск за пушками и, привезши их в Москву, остался здесь жить.

В 1633 г. 26 марта из Готторпа голштинский князь Фридерик писал к государю и к патриарху Филарету, благодаря за дозволение вывезти из России 30 тысяч четвертей хлеба и прося о свободном из России пропуске не только голштинских, но и шведских посланников.

В 1634 г. 14 августа приехали в Москву голштинские послы Филипп Крузиус и Отто Брюггеман. 19 августа, быв у государя, они подали от князя Фридерика грамоту (от 26 августа 1633 г.) верящую о себе, а 22 сентября на конференции вручили боярам другую от него же грамоту (от 9 октября 1633 г.), обещавшую присылку, по требованию государя, доктора Венделина Зибелиста.

Главною целью посольства их было испросить голштинскому купечеству дозволение ездить через Россию в Персию и Индию для торговли; об этом подан был от них (26 октября) проект, в 17 статьях, а 12 ноября они дали письменное обязательство платить ежегодно в российскую казну за это же дозволение по 600 тысяч ефимков, или

по 300 тысяч русских рублей. 3 декабря постановили они «запись» с русскими уполномоченными: боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым-Оболенским, окольниковым Василием Ивановичем Стрешневым, печатником и думным дьяком Иваном Тарасьевичем Грамотиным и другим дьяком, Иваном Афанасьевым сыном Гавреневым, в присутствии бывших тогда в Москве шведских послов Гюлленшерна, Буреуса и Спирина, на ниже перечисленных условиях.

Голштинской компании дозволяется ездить через Россию в Персию сначала на 10 лет, а по усмотрении с обеих сторон, и еще на столько же лет потом. За это дозволение компания будет платить в русскую казну на первые десять лет ежегодно по 600 тысяч больших ефимков («а имать ефимки, привешив в фунты, а фунт по 14 ефимков»). Для отдачи этой казны быть в Москве всегда голштинскому агенту. В исправном платеже этих денег никакими купеческими несчастиями не отговариваться; платеж начать, приехав с товарами из Голштинии в Ярославль, внеся тотчас 300 тысяч ефимков, а другую половину в конце того же года, «без всякаго в платеже подлога». Отвозить в Персию и привозить оттуда увязанные в кипах товары без всякой пошлины, давая однако росписи привозным и отвозным товарам. Из помянутых товаров, что понадобится для русского государя, уступать по прямой цене. Далее от имени компании писалось: «А торговати нам в Персиде и покупати тех земель всякие товары, т. е. шолк сырой, камень дорогий, краски, и иные большие товары, которыми русские

торговые люди не торгуют, а в краску нам в Персиде сырова шолку не давати, и крашеными шелками нам русским торговым людям в их торговле в Персиде не мешати, а иных нам товаров, которые его царскаго величества торговые люди у персидских людей торгуют и покупают, т. е. всякие крашеные шолки, всяких цветов бархаты, отласы и камки персидские золотые и шолковые, дороги всякие, кутни всяких цветов, зендени, киндяки [?], сафьяны, краска крутик и мягкая, миткали, кисеи, вязи, кумачи, всякия выбойки, бумага хлопчатая, кушаки всякие, ремень и корень чепучинное, пшено сорочинское, нашивки, пояски шолковые, сабли, полосы, ножи, тулунбасы, луки ядринские и мешецкие [?], наручи и доспехи, всякие ковры, попоны, шатры и полатки, миткалинные и бязинные [?] полсти, орешки чернильные, ладан и москательные всякие товары, и селитра, которыми прежде сего торговали и меняли на свои товары русские торговые люди, и тех нам не покупати, и русским торговым людям в их торговле не мешати, а которые товары в сей записи не написаны, и те нам покупати поволено, а которые товары наши торговые люди из Персиды в российское государство привозити учнут, и теми нашим торговым людям не торговати, а возить те товары в наши земли, а будет наши торговые люди в Персиде и в Индее учнут краску крутик и мягкую, и нашим торговым людям тое краски мимо российского государства не провозити, а отдавати из тое краски в царскаго величества казну во всякой год краски крутику, а не мягкие, по 4000 пудов, коли будет царскому величе-

ству надобно, а будет столько не надобно, ино взяти сколько будет надобно, а больши 4000 пудов не имати, а денег за тое краску имати нам из его царскаго величества казны за всякий пуд по 15 рублей потому, что тое краску покупают в Индее по 2 рубля пуд, а в Персиде по 7 рублей, а ревеню нам давати в его царскаго величества казну по 30 пудов, а коренья чепучиннаго тож число на всякий год, коли будет надобно ж, а отдавать голштинским торговым людем его царскому величеству и русским торговым людем по той цене, по чему они в Персиде покупать учнут. В случае желания компании продавать в России привозные из Персии товары, она должна платить таможенную пошлину. Компании состоять из 30 голштинских подданных, не дозволяя отнюдь никого из другой какой-либо нации, под смертною казнию, брать с собою. Для обороны от волжских казаков и других воров десяти голштинских купеческих кораблей дозволить им иметь на каждом корабле по 40 вооруженных своих людей. Идучи водою и сухим путем, к селениям русским не приставать и никаких не чинить насилий; а если кто на компанию нападет или ограбит, защищаться им самим пушками и самопалами, не оставляя, однако, ни, того менее, продавая этих орудий в Персии и в грабеже не требуя удовлетворения. Меди в Персию отнюдь не возить. Русских солдат и работных людей, а не кабальных и беглых, принимать на корабли в работу. Корабли купеческие строить в России, употребляя тут же плотников русских «повольною ценою». Никакого злого умыслу не иметь им против государя и русского государ-

ства. Купечеству русскому в его торгах никакой не делать помехи, и купцам свободно ссужаться деньгами и товарами по крепостным письмам. Церквей своей веры нигде не строить в русской земле, а отправлять службу в домах своих. «Римских попов» в Россию не привозить под смертною казнию. Приходить им в Россию кораблями или чрез Швецию и Лифляндию, на Новгород и Ярославль, и Волгою в Астрахань, или чрез Архангельскую пристань старым двинским устьем. Будучи в Архангельске, товары свои продавать русским, но не покупать у русских или иноземцев для отвозу в Персию. В случае, если иностранные купцы откажутся привозить к Архангельску свои немецкие товары, тогда дозволяется из Голштинии приезжать к Архангельску со всякими товарами. В случае неплатежа по договору в каком-либо г. сполна денег, следует уплатить неустойки вдвое. По усмотрению каких-либо невыгод для России от этой персидской торговли, государю иметь право, выждав два, три или пять лет, отказать в ней, и голштинскому князю за это не иметь неудовольствия. На этот договор испросить у голштинского князя подтверждение.

Такое же условие (запись) было дано голштинским послам от русских вышеупомянутых бояр с приложением печатей боярина и окольничего 16 декабря того же года. В тот же день послы имели отпускную аудиенцию, а 31 декабря из Новгорода поехали в Голштинию.

В 1636 г. 29 марта те же послы Крузиус и Брюггеман снова приехали в Москву и 3 апреля подали государю от голштинского герцога

Фридерика просительную грамоту (от 24 сентября 1635 г.) — дозволить им проезд чрез русские города в Персию.

5 апреля подали они подтвердительную на вышепомянутый договор князя своего грамоту (без числа), т. е. ратификацию. Но как в этой ратификации во многих местах оказались неисправности и несогласие с первоначальным условием (записью), то она была отдана обратно послам с требованием присылки новой и исправной.

28 апреля Брюггеман доносил боярам втайне, отдельно от Крузиуса, данное ему от голштинского князя повеление объявить, что шведы с голландцами договорились, дабы последним поселиться в Ижорской земле.

В мае месяце те же послы прислали другую запись, обозначив, с какого срока начать считать персидскую торговлю и платить по договору за «персидской ход» ефимками, а именно: по возвращении из Персии в Москву, спустя семь месяцев, начать первый десятилетний срок и тогда же вскоре заплатить половину, т. е. 300 тысяч ефимков, хотя бы товары их не были вскоре доставлены в Ярославль; другую же половину уплатить в последних числах того же года.

7 июня послы писали к князю своему, чтобы он прислал новую на учиненный в Москве с ними договор подтвержденную грамоту; сами же они 1 июля отправились в Персию с русскими посланниками Алексеем Савиным Романчуковым, подьячим Скобельцыным и толмачом Юшковым.

1 июля послан в Голштинию гонец Григорий Арефьев сын Неронов, подьячий Юрий Зяблой и толмач

Нечай Дрябин с объявлением князю, что послы его в Персию поехали, но «в подъемах, подводах и кормех учинился государю убыток за непривозом из Голштинии по договорной записи казны». Неронов 5 февраля 1637 г. возвратился в Москву с ответною (от 7 октября 1636 г.) грамотою: герцог, благодаря за позволение проезда послам его в Персию, обещал утвердить учиненный 20 мая 1635 г. договор и условленные деньги на урочный срок прислать в Москву.

В 1639 г. 2 января голштинские послы Крузиус и Брюггеман, возвратясь из Персии в Москву, были у государя 8 января и 23 февраля. Между прочим жаловались они на думного дьяка Назара Чистого, взявшего у них, послов, «запону (т. е. взятку) в 2000 руб. безденежно»; наконец, 8 марта, разменясь ратификациями и уверив «твердо содержать все условия, прежде с ними, послами, учиненные», они поехали из Москвы 14 марта, а с ними отпущен был в Голштинию и персидский посол Имам-Кули-бек. В Москве остался голштинским агентом Балтазар де-Мушерон.

18 марта отправлены в Голштинию в гонцах Петр Дементьев сын Образцов, подьячий Юшка Зяблой и толмач Архип Малахов с известием о возвратном из Персии в Москву приезде голштинских послов и с требованием, чтобы по договору присланы были к сроку деньги, трактатом обещанные. 3 декабря они возвратились в Москву с двумя от князя ответными, от 3 сентября, грамотами из Готторпа. В первой князь жаловался на печатника Лихачева, несправедливо донесшего государю о многих вещах, до голштинской ком-

пании относящихся; а во второй — на думного дьяка Назарья Чистого, не только бесстыдно и безбоязненно похвалявшегося разрушить все это «важное о коммерции в Персию дело», но и домогавшегося еще 1000 ефимков к двум уже полученным в дар от него, князя, чрез Марселиса.

27 июня прислали из Ревеля те же послы к агенту Мушерону «немчина Якова Сверкеля» с письмом (от 16 мая), сообщавшим, что царская ратификация, коею они в Москве разменялись, «нашлась во многих местах с прибавкою». Прибавка состояла в условии: «если по приезде из Персии в Москву голштинских послов, спустя семь месяцев, не будут заплачены по договору 300 тысяч ефимков, то взыскать эти деньги на них, послах, или на самом голштинском князе».

10 декабря агент Мушерон объявил в посольском приказе просьбу голштинского князя о пропуске в Персию на 80 возах товаров на 400 тысяч и послов для договора с шахом о персидской торговле. Сначала ему в этом было отказано, так как по договору голштинский князь не заплатил 300 тысяч ефимков, которые 2 августа должно было внести, но как он дал 17 марта 1640 г. обещание, что за эти товары особо будет заплачено 20 тысяч ефимков пошлины, то государь согласился.

22 марта отпущен был в Голштинию гонец Яков Сверкель с грамотою, наполненною выговором как за неплатеж доселе обещанных по договору денег, так и за порицание думных русских людей.

9 сентября находившийся в Москве гамбургец Петр Гаврилов сын Марселис подал государю от голш-

тинского герцога Фридерика (от 3 июня) грамоту, прося в ней уничтожить заключенный в Москве с послами его Крузиусом и Брюггеманом договор о голштинско-персидской торговле, так как договор «не по данному им наказу учинен, но по прихоти и воровству плута Брюггемана», за то получившего смертную казнь; притом, отрешая от агентства Мушерона (который вскоре затем в Москве умер) и Давида Рутца (Рутса), наперсников Брюггемановых, князь поручал дела свои датчанину Петру Гаврилову сыну Марселису, назначая его комиссаром и возлагая на него заключить новый о персидской торговле договор, старое же об этом дело все отставить и выдать обратно ему, Марселису.

17 октября Марселис, быв спрошен, объявил, что поставленная в договоре погодная дача 600 тысяч ефимков с этого торга — истинная невозможность, потому что это дело в Персии оказалось не таким, как говорено было с русской стороны. Вследствие этого Марселис подал новый в трех статьях проект для постановления договора на новых условиях.

В 1641 г. 8 января Марселис снова был у государя и объявил, что ему о «персидском торгу» говорить больше от князя голштинского не велено; он просил ответной к государю грамоты, которая ему и дана «с выговором и домогательством»: 1) чтоб он, голштинский князь, непременно по договору уплатил все деньги в казну; 2) что обвинение на посла Брюггемана пустое, потому что он, князь, сам подтвердил все в Москве условленное; 3) что другого об этой коммерции договора делать не для

чего и 4) что Россия от этого дела «никогда не отступится».

В 1642 г. 6 июня Марселлис подал на вышеупомянутую государеву грамоту ответ от князя (от 18 октября 1641 г.); князь, изъявляя свое неудовольствие, просил государя более не укорять его этим делом, которое, может быть, со временем вновь будет предложено к рассмотрению его, государя.

В последний раз о том же деле писал царю Михаилу Феодоровичу герцог Фридерик в декабре 1643 г. Принося свои поздравления по случаю объявления царевича Алексея наследником, герцог пояснял, что он невиновен, если прекратилась торговля с Персией через русские пределы, так как он от персидского шаха не получил соответствующего дозволения.

Таким образом закончилась эта дипломатическая переписка.

Следует заметить, что роль Брюгемана, личного врага Адама Олеария, в этих переговорах представляется несколько странною. Во многих случаях, как видно и из книги Олеария, он поступал на свой страх; кроме того, поведение его в России и Персии не могло содействовать успеху переговоров. Тем не менее не из-за него расстроилась персидская торговля голштинцев, но по многим причинам, из которых важнейшие были: опасность пути в Персию, ошибочное предположение о возможности огромных барышей от этой торговли и — трудность для герцога голштинского добыть необходимые по условию деньги. Трудность эта усиливалась еще потому, что московское правительство ни за что не хотело допустить в голштинскую

компанию голландцев и англичан, боясь, по-видимому, их экономической силы. Что касается Брюгемана, то в Москве были правы, видя в его обвинении пустые отговорки голштинцев, желавших избежать исполнения тягостных для них условий. По книге Олеария (кн. VI, гл. 27 — не переведенная в настоящем издании), Брюгеман не мог дать полной отчетности в деньгах, был обвинен в оскорблении секретаря посольства, т. е. самого же Олеария, а затем оказался также виновным в том, что «нарушил должную верность его княжеской светлости, преступил в опасной и грубой мере пределы повелений, презрел совесть, честь и стыд и углубился в разные преступные, для посла неслыханные правонарушения и пороки». Точнее определяет Олеарий преступления Брюгемана, следующим образом перечисляя их: «он превышал приказанное, вскрывал письма к высоким лицам и подделывал их, дал неправильный отчет, допускал явные обманы, вскрывая и задерживая письма собственного коллеги и других, прелюбодействовал, вел жизнь, полную соблазна, совершил преднамеренное убийство (засек персидского солдата при возвращении из Персии), растратил много тысяч денег и товаров княжеских, представлял подложные счета и т. п.». За все это Брюгеман был приговорен к позорной казни повешением, но помилован к отсечению головы мечом. Перед казнью, как рассказывает сам бывший секретарь посольства, бывший посол в присутствии ряда свидетелей примирился с Олеарием.

Во всех упомянутых проступках и преступлениях Брюгемана нет ни-

какого основания видеть исключительную причину неудачи голштинского предприятия. Большинство их не имело никакого значения для посольства, так как они касались только частных отношений Брюггемана к другим лицам посольства, а указание на нарушение полномочий опровергается тем, что договоры, за-

ключенные Брюггеманом (притом совместно с Крузиусом), были ратификованы. В биографии Адама Олеария, написанной Ф. Ратцелем в «Allgemeine Deutsche Biographie», сказано: «Казнь Брюггемана — темный, не вполне выясненный пункт в истории этого замечательного посольства».

III

Биография Олеария представляется в главных своих чертах достаточно известною.

Адам Олеарий — Olearius, как он себя называл, латинизируя свою фамилию Oelschlagel, — родился в Ашерслебене около 1599 г. и умер в своем доме под Готторпом 22 февраля 1671 г. Отец его был бедный портной в Ашерслебене, по-видимому, рано умерший, так как, по сведениям биографов, молодой Олеарий получал средства для обучения своего в высшем учебном заведении от прибелей пряжи, которой занимались его мать и сестры. Лишь изумительное прилежание дало ему возможность посещать лейпцигский университет, где он в 1627 г. стал магистром философии, а затем ассессором философского факультета и «коллегиагом» меньшего княжеского учреждения — Fürstenstiftung (а не ординарным профессором). С 1630—1633 гг. он был конректором (помощником ректора) Николаевской гимназии в Лейпциге. Лейпцигским связям, по-видимому, обязан Олеарий участием в голштинском посольстве 1634 и следующих годов, а со своей сторо-

ны он сам, как кажется, привлек к этому делу своих друзей Павла Флеминга и Гартмана Грамана. По возвращении в апреле 1635 г. Олеарий, по поручению герцога, посылался к кардиналу-инфанту брабантскому, вернулся больным и долго лежал в постели, но все-таки мог примкнуть и ко второму, еще более знаменитому посольству уже не только в Московию, но и в Персию. Оно еще более подробно описано в его книге (в нашем издании переведены только те главы ее, которые касаются России). Кратковременным пребыванием в Персии Олеарий воспользовался как нельзя лучше; это видно как из его описания путешествия, так и из позднейших трудов его по персидскому языку и литературе. К сожалению, ему сильно мешали выходки посла Брюггемана, от которых страдали достоинство всего посольства. Олеарий, от лица товарищей решившийся сделать Брюггеману представление, принужден был от бешенства его спастись у испанских августинских монахов и лишь неохотно отказался от мысли вернуться через Вавилон и Алеппо. Он не упускал случая определять поло-

жение разных мест, делать наблюдения над магнитною стрелкою, собирать всякие материалы для карт и приобретать персидские книги и рукописи. Друга своего фон-Мандельсло, путешествие которого в Индию Олеарий позже издал, он оставил вместе с другими членами посольства в Испани. На возвратном пути отношения между Олеарием и послом Брюггеманом стали еще хуже. Как рассказывает Олеарий в издании 1647 г., в Астрахани Брюггеман вновь сильно задел его лично во время обеда. Олеарий отвечал едкою фразою, из-за которой Брюггеман, схватив кинжал, грозил его убить и заставил уйти из-за стола. На это оскорбление Олеарий по возвращении жаловался в Голштинии, и Брюггеман должен был публично и письменно извиниться перед ним. В 1639 г. посольство вернулось в Голштинию. Олеарий, на которого Брюггеман сильнее всего злоумышлял, поспешил еще до остальных лиц свиты вернуться в Готторп, по-видимому, чтобы принести жалобу на Брюггемана. Эта жалоба, вероятно, и привела к уголовному процессу, результатом которого была казнь Брюггемана. Еще когда Олеарий возвращался в 1639 г., московский царь сделал попытку принять его у себя на службу в качестве астронома, но Олеарий, недовольный тем, что его в России считали за волшебника и звездочета, отказался, тем более что друг его Иог. Ад. Кильман стал герцогским советником и он ожидал хорошей карьеры в Готторпе. В 1643 г., когда Олеарий вновь был в Москве, он снова отказался от подобного же предложения остаться. Он так и остался в Готторпе верным слугою герцога

Фридерика и его преемника Христиана-Альбрехта до самой смерти своей. Герцог Фридерик сделал его своим математиком и антикварием и принял его в число своих советников. В 1650 г. ему поручили управление библиотекою и так называемою кунсткамерою. В библиотеке видное место заняли привезенные Олеарием арабские, персидские и турецкие рукописи; по восточной литературе он многое издал, а арабско-персидско-турецкий словарь оставил в рукописи. Олеарий старался также привести в порядок собрание редкостей своего государя, приобретая для него знаменитую тогда коллекцию врача Палудана в Энкгейзене. Чтобы ознакомить широкие круги общества с этой кунсткамерою, Олеарий издал с иллюстрациями ее описание. Из описания видно, что здесь на особых куклах имелись и мужское и женское русские одеяния, одеяние черкесов, татар и т. п. В 1651 г. он стал членом литературного общества «Fruchtbringende Gesellschaft», состоявшего под председательством герцога саксен-веймарского. Олеарий славился в это время, как «голштинский Плиний» или «готторпский Улисс»; он являлся математиком, физиком, историком, ориенталистом (он известен был как лучший в Европе знаток персидского языка) и поэтом. Под присмотром Олеария с 1654 по 1664 г. строился Андреем Бушем знаменитый готторпский глобус, 11 футов в диаметре, с изображением на внутренней стороне звездного неба, а на наружной — земного шара; внутри глобуса был стол, за которым могли сидеть 10 человек, наблюдая движение небесных тел по системе Коперника. Этот глобус Христианом-Авгус-

Надпись кругом «М[агистр] Адам Олеарий из Ашерслебена в Саксонии, в возрасте 45 лет». Девиз его по Псалму 73: «Ты поведешь меня по совету Твоему и примешь меня потом в славе».

Внизу стихотворение:

*Здесь на рисунке, читатель, стоит перед тобой Олеарий!
 Славный мой друг для тебя облик его начертал.
 Личным знакомством почтил его некогда цесарь рутенов,
 Так же как Персии царь, славный богатством Сефи.
 Так как нельзя на рисунке и гений его здесь представить,
 Сам силой гения он дал нам свой гений узнать.*

*Полик. Вирт из Лейтцига
 посвящает это стихотворение.*

Совсем внизу надпись: В г. 1645.

том, внуком Фридерика, подарен был Петру Великому в 1713 г. и в 1714 г. перевезен в С.-Петербург. Жизнь Олеария в общем протекла спокойно, хотя смуты XVII в. несколько коснулись и его. 30 октября 1658 г., во время датско-шлезвигской войны, его дом близ Готторпа был разграблен императорскими войсками. Когда смерть на 72 году положила конец прилежной до конца деятельности этого крепкого, жизнерадостного старика, тело его было погребено в шлезвигском соборе; на надгробном камне были высечены его портрет и длинная эпитафия, составленная зятем его Л. Бурхардом.

По возвращении из Персии Олеарий женился на Екатерине Мюллер, дочери ревельского магистратского советника Иоганна Мюллера. От нее он имел двоих детей: сына Филиппа-Христиана Олеария (род. 14 апреля 1658 г.), получившего в 1689 г. в Эрфурте степень доктора медицины, и дочь Марию-Елисавету (род. в 1640 г.), вышедшую замуж за Бурхарда Нидерштадта, советника при герцоге голштинском; она была известна благочестием, ученостью и поэтическими способностями; умерла она в Шлезвиге в 1686 г., потеряв за год перед тем свою единственную дочь, бывшую замужем за голштинским вице-канцлером Андреем Улкениусом.

Во всем, что нам известно о жизни Олеария, он выступает перед нами как человек далеко недюжинный. Этот порою кропотливый кабинетный ученый, возивший постоянно с собою часть своей библиотеки, там, где требовалось действовать, выступал как человек энергичный, твердый, правдивый и предприимчивый.

Он не отличался той суровостью натуры, как многие деятели XVII в. Некоторого рода чувствительная сентиментальность отличала, например, ту нежную дружбу, которая его связывала с поэтом Павлом Флемингом и с умершим в молодых годах фон-Мандельсло. Этот многосторонний человек, который, по словам Павла Флеминга, во время посольства был «правой рукою» послов и многое вынес на своих плечах, был до того скромн, что в истории посольства даже не упоминает о своих заслугах. Его наблюдательность и восприимчивость в достаточной мере отражаются в его книге. Менее отражается в ней его чуткость к красотам природы: как справедливо указывает Фр. Ратцель в своей биографии Олеария, «филологические и антикварные интересы заставляют его закрывать картины природы густою сетью цитат». В этих цитатах проявляется изумительная разносторонняя эрудиция Олеария и критическое чутье его. В общем он очень умело из разных мнений выбирает наиболее близкое к истине, хотя иногда и отдает дань своему веку, слишком доверчиво относясь к рассказам о знамениях и т. п. Речь его как нельзя лучше отражает и век, и автора. То она кудрява и напыщенна и блещет ученостью, то отличается суровой прямоотой, искренностью, сжатостью и краткостью. Подобно большинству ученых XVII в., и Олеарий писал стихи и даже написал их довольно много, но поэтом он не может быть назван.

Особое значение для нас должны иметь труды Олеария как рисовальщика. Мы приводим относящееся к ним заявление самого Адама Олеария из предисловия к изданию

1647 г. «Что касается выгравленных на меди рисунков этого издания, то не следует думать, что они, как это порою делается, взяты из других книг или рисунков на меди. Напротив, я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков (некоторые же из них — наш бывший врач Г. Граман, мой верный товарищ) с натуры. Потом они были приведены в законченный вид при помощи хорошего художника Августа Иона, много лет тому назад учившего меня в Лейпциге рисованию; при этом применялись модели, одетые в национальные костюмы, вывезенные мною сюда. Чтобы, однако, при работе граверною иглою не потеряно было отчасти сходство, я в течение долгого времени держал трех граверов, не без больших расходов, у себя дома; они должны были по моим указаниям работать. У меня, правда, гораздо больше чертежей и рисунков городов, зданий и других предметов, а также несколько специальных ландкарт; однако, в настоящий момент не оказалось для издания их времени». Указанный здесь способ изготовления рисунков Олеария заставляет нас считать их не менее достоверными, чем те, которые помещены в альбоме Мейерберга.

Посвящая свою книгу во втором издании Иоганну-Адольфу Кильману, Олеарий пишет в предисловии, помеченном 5 марта 1656 г.: «У меня все еще в свежей памяти, как, по окончании персидского путешествия, я хотел из Голштинии опять вернуться в Московию и поступить там на службу его царского величества. Я собрался уже в путь в силу полученного приглашения, когда вы, основываясь на старой дружбе со време-

ни лейпцигского университета, убедительно стали мне приводить основания, чтобы я переменял свое намерение и лучше устроился бы на верном месте при голштинском дворе. После этого я, по желанию светлейшего и проч. государя Фридерика, ...милостивейшим его предстательством, освободился от русской службы и поступил всеподданнейше на его службу».

По отношению к этому эпизоду сохранился известный документ, до сих пор имеющийся в черновом отпуске в московском архиве министерства иностранных дел. Приводим его по снятой нами копии с рукописи:

«Божиею милостию от великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Руси самодержца (полный титул) государя и обладателя, Саксонские земли Адаму Олиариусу. Ведомо нам, великому государю, нашему царскому величеству, учинилось, что ты гораздо научон и навычен астрономии, и географии и небесного бегу и землемерию и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, нашему царскому величеству, мастер годен, и мы, великий государь, наше царское величество, велели к тебе послати сее нашу, царского величества, опасную грамоту и тебе б, Адаму, нашего царского жалованья к себе поискати ехати к нам, великому государю, тем мастерством своим послужити также, как и в иных в розных государствах службу свою объявил, и на Москве у нашего царского величества побыти тебе вольно по твоей воле и хотенью, а мы, великий государь, пожалуем тебя нашим царским жалованьем, смотря по твоей к нашему царскому

Надпись кругом портрета: «Адам Олеарий из Ашерслебена в Саксонии, при дворе в Кимверии библиотекарь и математик, в возрасте 55 лет». Девиз тот же и стихотворение под портретом то же. Направо внизу подпись:

«К. Ротгиссер приготовил (офорт)».

Как видно из надписи, Олеарий называл себя *Ascanius* (Ангалтский) вместо *Ascharius* (Ашерслебенский), так как Ашерслебен находился в прежнем асканском графстве в Ангальте.

величеству службе. А будет ты похочешь ехать назад в свою землю и тебе будет тогда по нашему царскому жалованью назад отъехать добровольно ж со всеми твоими людьми и с животы безо всякого задержанья и зацепки. А ся наша царского величества грамота тебе и опасная. Писан в государствия нашего дворе в царствующем граде Москве, лета от создания миру 7147, месяца марта 11 дня.

Такова государева опасная грамота отослана к боярину к Федору Ивановичу Шереметеву».

После отказа от этого приглашения Олеарий, однако, в 1643 г. все-таки приехал в Москву с каким-то поручением от голштинского правительства. Об этом имеется следующего рода сохранившийся до сих пор в рукописи документ от августа 1643 (7151) г.:

«Отпуск из Москвы голстинского гонца Адама Олеариуса с государевыми грамотами к князю голстинскому (и к саксонскому курфирсту) просительными о присылке рогу единорога:

Перевод с письма, что прислал в посольской приказ голштенского Фридерика князя гонец Адам Олиариус в настоящем во 151 г. августа в 22 день:

«Его царского величества канцлеру Федору Федоровичу. Высокопочтенный господин Федор Федорович, со униженным моим челобитьем и прошением к тебе, господину, о трех статьях.

Первое: бью челом его царскому величеству на его царское великое жалованье и дарех, и буду то похвалять государю своему Фридериду, князю голштенскому.

Другое: которое надобно, о чем

мне дана грамота курфирсту саксонскому, чтобы тое грамоту велети перевести здесь, потому что в Дрездене, где курфирст сакской живет, переводчика нет. А государь мой, хотя с тою царскою грамотою к курфирсту и пошлет и мочно мне сказать, что для однорожца, а того не видно, которым обычаем или как его купили или торговать хотят.

Третье то, что был у меня здесь на Москве оставлен у двора Николаева малой Яганко Брун, как из Персиды шли, для наученья русского языка, и я бью челом, чтоб его имя велети в проезжую грамоту написать, чтоб мне в том на дороге мешкоты не было.

И бью челом господину канцлеру, что меня вскоре отпустить и потом предаю тебя в сохраненье Бога Вышнего во многолетнем здравье. Писан на Москве лета 1643 августа в 22 день. А внизу у письма написано Адам Олиариус имя его».

Дьяк или канцлер, на имя которого это прошение писано, — Федор Федорович Лихачов. Документ о единороге, о котором говорит Олеарий, имел такого рода содержание в том его тексте, который адресован на имя Фридерика:

«...Вельможному Фридериду, наследнику норвежскому, арцуху шлезвигскому, голштинскому (полный титул)...

Ведомо нам, великому государю, учинилось, что есть у вас прямая кость инрогова рогу, и нашему царскому величеству такая кость годна, и вам бы, Фридериду князю, тое инороговы прямые кости половину прислати к нашему царскому величеству в цену за деньги, и о том к нашему царскому величеству ведомо учини-

Фронтиспис издания 1647 г.

ти, что той инрогове кости цена и сколь велика мерою та половина будет. Да нашему же царскому величеству ведомо учинилось подлинно, что у Ягана Юрья, курфистра сакского, есть инрогова рогу целая прямая кость, а тебе он свой, и мы, великий государь, к нему о том писали в нашей царского величества грамоте: будет ему ту инрогову кость нашему царскому величеству в деньги продати мочно или половину и сколь велик и что тому рогу или половине цена и он бы, курфистр, о том нашему царскому величеству ведомо учинил, а наша царская грамота о том послана с твоим подданным с... [неразборчиво].

И вам бы, князю Фридерiku, ту нашу, царского величества, грамоту к курфистру сакскому послать от себя, по свойству и по любви, отписать с кем пригоже о том инрогове рогу вели, той инрогов рог или половину нам, великому государю, в цену продати, и сколь велик и что цена, о том бы о всем тебе, князю Фридерiku, нашему царскому величеству отписать, а мы, великий государь, по вашей любви также вам рады воздавать нашею государскою любовью, что будет нашему царскому величеству возможно.

Писано в государствия нашего дворе в царствующем граде Москве, лета от создания миру 7151 г. августа... дня».

Сохранилась и подорожная, данная в этом случае Олеарию:

«Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России от Москвы по городам до Твери и до Торжку и Великого Новагорода и до Пскова боярам нашим и воеводам и дьяком и всяким нашим приказным

людем. По нашему указу отпущен от нас с Москвы голштенского князя Фридерика гонец Адам Алиариус, а с ним людей его два челов. и проводить его послан до Новагорода и до Пскова новгородец Микита Панской, а с ним для береженья до Твери три челов. литовских стрельцов, и на корм гонцу с людьми дано от Москвы до Новагорода, да и до Пскова, на две недели деньгами на Москве, а питье дано ему на Москве до Твери на три дни по три чарок вина, по две кружки меду, по три кружки пива, людем его по три чарки вина, по две кружки пива человеку на день. И как в который город Микита Панской с голштенским гонцом приедет и вы б, воеводы наши и дьяки и всякие наши приказные люди, голштенскому гонцу с людьми и приставу их Миките давали подводы по подорожным, а провожатых давали от города до города по три челов., а питье голштенскому гонцу и людем его вино и пиво и мед велели давати по городам с кабаков потому ж, как выше сего написано и отпускали... [неразборчиво] не задерживая. Писано на Москве лета 7161, августа в 22 день».

Это пребывание свое в Москве сам Олеарий называет последним. В книге есть указание на то, что в Эстляндии Олеарий был и позже этой даты.

А. М. Ловягин
1906 г.

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ГОЛШТИНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКОВИЮ И ПЕРСИЮ

I

(Книга I, глава 2)

О первом отбытии из Голштинии, плавании по Балтийскому морю и прибытии в Лифляндию

Когда светлейший высокородный князь и государь Фридерик, наследник норвежский, герцог шлезвигский, голштинский, стормарнский и дитмарсенский, граф ольденбургский и дельменгорстский, милостивейший князь и государь мой, решил предпринять и отправить, по важным причинам, выше [в заглавии] упомянутое драгоценное посольство, то были определены послами его тогдашние советники: благородные, честные, высокопочтенные и ученейшие господа Филипп Крузиус из Эйслебена, обоих прав лицензиат, ныне, по дворянству, особой милостью его королевского величества шведского ему дарованному, именуемый Филиппом Крузеншерном и состоящий королевским придворным советником, бургграфом нарвским и генерал-директором

коммерции в Эстонии и Ингерманландии, и господин Отто Бругман из Гамбурга. Оба они в год по Р. Х. 1633, 22 октября, впервые были отправлены из княжеской резиденции Готторпа в Москву к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всея России самодержцу и проч., чтобы просить о свободном пропуске через Россию в Персию. Когда все необходимые для такого путешествия вещи были заготовлены, они со свитою в 34 челов. 6 ноября собрались в путь из Гамбурга, 7 того же месяца прибыли в Любек, а 8 в Травемюнде, где мы приняли на судно опытного корабельщика по имени Михаила Кордеса, намереваясь воспользоваться его помощью на Каспийском море, 9 мы, с веселыми пожеланиями многих добрых друзей, сопровождавших нас из Гамбурга и Любека до берега, вышли в море. Судно, на котором мы плыли, называлось *Fortun*, корабельщиком был Ганс Мюллер. С нами же на судне ехал и господин Венделин Зибелист, доктор медицины, которого великий князь призвал к себе в гоф- и лейб-медики, а его княжеская светлость

герцог шлезвиг-голштинский рекомендовал его царскому величеству.

После обеда мы весело оттолкнулись от берега и стали на рейде на якоре. Вечером к 9 часам, когда подул желанный зюйд-вест, мы, во имя Божие, стали в паруса и в ту же ночь сделали 20 миль. На следующий день, с одобрения господ послов и корабельщиков, были составлены кое-какие корабельные законы и постановления, чтобы народ вел себя тихо и скромно, а также, чтобы потом кое-что от штрафов наших преступников досталось бедным. С этой целью были установлены некоторые должности, а знатнейшим лицам было поручено следить за исполнением законов и штрафовать преступников. Этого порядка настолько строго придерживались, что по окончании плавания, т. е. через четыре дня, выручены были 22 рейхсталера, которые переданы корабельщику для распределения половины рижским, а половины любекским бедным.

10 ноября, к вечеру, мы прошли мимо острова Борнгольма, оставив его на добрую милю вправо от нас; до сюда считается 40 миль от Любека. Это высокий и местами скалистый остров, в 3 мили длиною и шириною, с хорошими пастбищами; говорят, он ежегодно дает несколько ластов масла. Здесь имеется у самого берега замок старинной постройки, именуемый Гаммерстаузен. Этот остров в старину принадлежал городу Любеку, но был передан, по особым причинам, его королевскому величеству датскому в качестве крестинного подарка, и до сих пор еще подвластен ему.

Близ острова, к северу, лежат опасные по кораблекрушениям под-

водные скалы Эрдгольм, которых мореплаватели осенним временем очень боятся. Так как эти скалы ночью нельзя заметить даже с помощью лота — в непосредственной близости у них очень глубоко, — то и случается так, что много судов там терпят крушение и идут ко дну.

11 сего месяца в полдень мы, при добрых погоде и ветре, пришли к 56° широты. К вечеру ветер позади нас начал крепчать и продолжался всю ночь; поэтому пришлось уменьшить паруса. Большинство из нас, кто еще не ездил по морю, получили обычную морскую болезнь и лежали столь слабыми, что иные думали уже помирать. Болезнь эта, однако, происходит не оттого, что (как пишут Понтан в книге «Bellaria Attica» и другие) нам претит сильный запах морской воды, но исключительно от движения судна. Ведь у большинства оно вызывает непривычное сотрясение живота и головокружение; те же, кто привыкли к этому движению и несклонны к головокружениям, не испытывают неудобств. Вот, по-моему, и причина, почему маленькие дети, привычные еще к качанию в колыбели, очень редко ощущают эту болезнь. Причина этого недомогания ясна и из того, что оно чувствуется не в самом начале плавания, пока ветер еще слабый, но часто только через несколько дней, когда сильный ветер качает корабль. Если же бурная погода держится несколько дней, то болезнь у большинства проходит сама собою. Я подобное явление изучил на некоторых из нас на реке Волге, в которой нет соленой воды: при тихой погоде они долгое время плыли, ничего не ощущая, а когда началась сильная буря, с ветром против тече-

Фронтиспис издания 1656 г.

ния реки, и корабль стал качаться, то они опять ощутили это недомогание. Поэтому ничего не стоит замечание Понтана в той же книге: «*Quod, dui in fluvio navigant, horum nihil persentient, quia ibi non faetor maris*» (т. е. «плывущие по реке на судне не ощущают подобных неудобств, так как там нет запаха моря»); на самом деле, все нужно приписать непривычному движению.

С таким только что упомянутым сильным ветром мы могли придерживаться правильного пути или курса, как говорят корабельщики, и за эту ночь сделали 15 миль. На следующий день, 12, последовал за ветром совершенный штиль, так что ветерок не колыхнулся, и судно остановилось на месте. При такой тихой погоде мы велели вынести на мостик наши музыкальные инструменты, благодарили и хвалили Бога пением и струнной игрою за милостивую охрану, нам дарованную в предыдущую ночь. К обеду мы опять получили с юга добрый ветер, доставивший нас потихоньку к Домеснесу, мысу, который от Курляндии вдается в море. Здесь мы стали на якорь и оставались тут до 13 вечера, когда ветер стал западным и мы вокруг мыса смогли въехать в залив. 14 рано утром прибыли мы к окопам Дюнамюнде (Усть-Двинска), лежащим у устья реки Двины (отсюда и наименование их), в двух милях от города Риги. Так как спустился густой туман и ничего нельзя было видеть вдаль от себя, то мы сообщили о своем приближении трубою, чтобы из окопов получить лоцмана, без которого заезжему не двинуться с места и не въехать, ввиду нечистого дна. Вскоре затем прибыли таможенные и осмот-

рели судно, нет ли в нем купеческих товаров, за которые надо платить пошлину. Не найдя ничего, они прислали к нам лоцмана, с которым мы двинулись вперед и вечером очень поздно, благодарение Богу, благополучно подошли к городу Риге.

II

(Книга I, глава 3)

Из Риги, через Вольмар и Дерпт, в Нарву

После того, как господ послы оповестили горожан о своем приезде, они, кое с кем из народа, вышли на берег и прошли в город, где нас встретили несколько военных офицеров с пустою каретою, присланною местным губернатором для приема послов. Будучи, однако, недалеко от гостиницы, послы не захотели сесть, но пешком были сопровождены до гостиницы Ганса Краббенгёфта, где они и поместились с знатнейшими из своей свиты, разместив остальных в соседних домах. 21 ноября господ послы получили подарки от благородного магистрата, а именно: быка, несколько овец, кур, зайцев и много дичи, равно как и несколько пшеничных и ржаных хлебов и одну аму рейнского вина. На третий день после этого послы устроили угощение, пригласив на него губернатора г. Андрея Эрихсена, благородный магистрат, суперинтендента магистра Самсония и несколько высших военных офицеров города. Мы спокойно оставались в городе пять недель, пока мороз и снег не приготовили нам хорошего санного

пути через болота, лежащие в окрестностях. Отсюда путь шел на г. Дерпт, и 14 декабря наши вещи и утварь (или багаж), кое с кем из народа, были на 31 санях посланы вперед, а господ послы следовали на другой день. Так как большинство из нас были непривычны к езде в санях и управлению лошадью из саней, а теперь приходилось этим заняться, то в первый день можно было видеть, как тот или другой несколько раз вываливались из саней, а потом со своими вещами опять поднимались со снега. 18 мы прибыли в городок Вольмар и были приняты здесь начальником (или комендантом). Город этот в 18 милях от Риги и очень опустошен нападением русских и поляков. Жители устроили себе на старых стенах разрушенных домов и около них деревянные жилища, по способу шведов и русских. Отсюда мы 20 проехали 6 миль до замка Эрмес, принадлежащего полковнику де-ла-Барр; здесь нас приняли и княжески угостили двумя обедами. 21 мы двинулись дальше на 4 мили до усадьбы Гальмет, где нам в комнату привели к столу ручного лося, ростом выше лошади. Этих животных здесь много. Они послужили поводом к тому, чтобы привлечь сюда несколько лет тому назад ремесленников и рабочих из Германии для обработки земли; их убедили, что страна тут богатая и полюбится им, так как тут, будто, такое изобилие всего, что лоси забегают даже в дома к людям. Так как, однако, немцы не были привычны к тамошней тяжелой работе и к способу обработки полей, то им пришлось плохо, они обеднели и, действительно, Elend, но не в смысле «лося», а «нищенства», зашел к ним в дома. С

горем, при помощи добросердечных немцев, они опять отправились в Германию, как некоторые из них, которых мы как-то встретили, сами нам жаловались.

22 декабря мы подвинулись вперед еще на 4 мили до замка Ринген, а на следующий день достигли города Дерпта. Этот город лежит в Эстонии или Эстляндии на реке Эмбек, посреди Лифляндии, окружен круглой каменной стеной и бастионами, которые, подобно домам, построены по-старинному. Многочисленными войнами, особенно в 1571 г. русскими — город этот очень опустошен, как о том можно прочесть в «Лифляндской хронике» Геннинга. Раньше он принадлежал московитам и назывался Юрьевым-городом. Занят он немецкими геермейстерами в год по Р. Х. 1230 и сделан епископской резиденцией. Здесь был епископом герцог Магнус Голштинский, зять тирана, о чем вспоминает Гамельман в «Ольденбургской хронике». В 1558 г. тиран Иван Васильевич снова завоевал Дерпт. В 1582 г. король Стефан польский подчинил город себе, но когда герцог Карл Зюдерманландский принял шведскую корону и повел войну с поляками, то он, между другими городами, завладел и этим. Таким образом, Дерпт и теперь в подданстве его королевского величества шведского.

В Дерпте находится лифляндская высшая школа или университет и королевский гофгерихт. Высшая школа основана по почину и при поддержке г. Иоганна Скитте, владельца в Дудероффе, бывшего информатора и гофмейстера короля Густава Адольфа, и освящена в 1632 г. 15 октября. Сын г. Иоганна Скитте Яков

был первым ректором этого университета, а при нем состоял в качестве проректора Андрей Виргиний, померанский дворянин и доктор Св. Писания. Среди ученых людей и знаменитых профессоров, с которыми мы там познакомились, находились: упомянутый доктор Виргиний, Иоган Балау из Ростока, доктор медицины, позже призванный в лейб-медики в Москву, Фридрих Мений, увенчанный императором поэт и профессор истории, и магистр Петр Андрей Шомер, математик, родом из шведского Гапсаля. Число студентов было в наше время еще очень невелико: всего только 10 шведов и немного финнов находились там.

Отпраздновав в Дерпте наш рождественский праздник, мы 29 декабря направились дальше и продолжали путь наш до Нарвы.

III

(Книга I, глава 4)

Как мы прибыли в Нарву. Путешествие оттуда, через крепости Ям и Копорье, до Нотебурга

3 января 1634 г. мы прибыли в Нарву и остановились у Якоба фон Кёллена, видного местного торговца и трактирщика. Здесь мы, из-за долгого неприбытия шведских господ послдов, которые, ради известных причин, желали с нами вместе подняться в Москву, прождали в большой досаде до 22 недель. Впрочем, нельзя сказать, чтобы у нас тут не доставало увеселений для препровождения времени. Мы не только ежедневно устраивали княжеский стол с хорошим уго-

щением и порядочною музыкою, причем многие знатные господа, зачастую посещавшие господ послдов, вели приятные беседы, — но мы и ездили на различные важные пиршества, а также приглашались и уводились в поездки верхом и на охоту. Однако страстное желание ехать дальше не давало нам оценить все это веселье. К тому же много хлопот было нашим господам послдам из-за нашего простого люду, столь долго остававшегося в праздности и часто вступавшего в ссоры и драки с нарвскими солдатами; постоянно поэтому приходилось им, вместе с г. губернатором, судить и мирить.

Так как мы, однако, предполагали, что до весны нам отсюда не выбраться, а в это время между Нарвою и Новгородом по большой дороге очень трудно пробираться, то магистр Павел Флеминг кое с каким людом, с лошадьми, веденными под уздцы, и с тяжелым скарбом, 28 февраля, при хорошей санной дороге, был отправлен вперед в Новгород. Одновременно поехал вперед и доктор Венделин со своими людьми, вскоре затем собравшийся и дальше в путь до Москвы.

Когда, наконец, в Нарве мы почувствовали такой недостаток в провианте, что наши закупщики русские должны были искать кур и овец за 8 миль кругом, а мы все-таки еще, по известным причинам, не могли вскоре ожидать прибытия господ шведских послдов, главою которых назначен был ревельский губернатор г. Филипп Шейдинг, то наши господа послды с 12—10 лицами отправились в Ревель, оставив остальных в Нарве. В Ревеле мы были приняты, со стороны благородного магистра-

та, с салютами и подарками. Здесь мы пробыли еще 6 недель, а тем временем г. губернатор, благородный магистрат и знатнейшие граждане оказывали нам всяческую честь и дружбу.

Что сказать о городах Ревеле и Нарве, об этом будет речь во втором путешествии.

Когда многократно упоминавшийся г. губернатор 10 мая узнал из почты, что другие прикомандированные к нему посланцы уже прибыли в Нарву, то он пустился в путь и в день Вознесения, а именно 15 мая, направился с нами в Нарву, 18 того же месяца мы вновь прибыли туда, причем шведские господ послы, а именно полковник г. Генрик Флеминг, г. Эрик Гилленшерна и г. Андрей Буреус со значительною свитою выехали к нам навстречу за милю до города, любезно приветствовали нас и ввели в город, где вторично нас приняли с салютами из орудий.

По свидании господ послов, с обеих сторон решено было, что обе партии возьмут путь к Новгороду через Карелию по Ладожскому озеру; об этом эстафетою сообщено было новгородскому воеводе, чтобы он знал, где нас встретить и принять, и нам не пришлось бы слишком долго стоять у границы. Ведь в России, как и в Персии, обычай такой, что чужие посольства, прибывшие к границе, должны заявить о себе и ждать, пока их прибытие будет эстафетою сообщено властелину страны и будут отправлены приказы наместникам и начальникам провинций, как их принять и угостить. Ведь у московитов и персов все послы и гонцы, посылаемые великими государями, сколь долго они остаются в их пределах, получают бесплатно пропитание и проезд

с конвоем для охраны. Поэтому послам и дается проводник (по-русски «пристав», по-персидски «мехемандар») с несколькими солдатами, чтобы вести их через страну.

Когда, таким образом, эстафета, как сказано, отправлена была в Новгород, шведские господа послы 22 мая выехали из Нарвы и поднялись до крепости Копорья, чтобы там отпраздновать Троицу и подойти поближе к русской границе.

24 мая, в субботу перед Троицею, я отправился в русскую Нарву посмотреть, как русские поминают своих умерших и погребенных друзей. Кладбище было полно русских женщин, которые на могилах и могильных камнях разложили прекрасные вышитые пестрые носовые платки, а на эти последние ими были положены на блюдах штуки 3 или 4 длинных оладий и пирогов, штуки 2 и 3 вяленых рыб и крашеные яйца. Иные из них стояли, другие лежали на коленях тут же, выли и кричали и обращались к мертвым с вопросами, какие, говорят, приняты на похоронах у них. Если проходил мимо знакомый, они обращались к нему, разговаривали со смеющимся ртом, а когда он уходил, снова начинали выть. Между ними ходил священник с двумя прислужниками, с кадильницею, куда он временами бросал кусочек воску, и окуривал могилы, приговаривая несколько слов. Женщины говорили попу (так называют они своих священников) подряд имена своих умерших друзей, из которых некоторые уже лет 10 как умерли, другие читали имена из книги, некоторые же давали их читать прислужникам, а поп должен был повторять их. Тем временем женщины

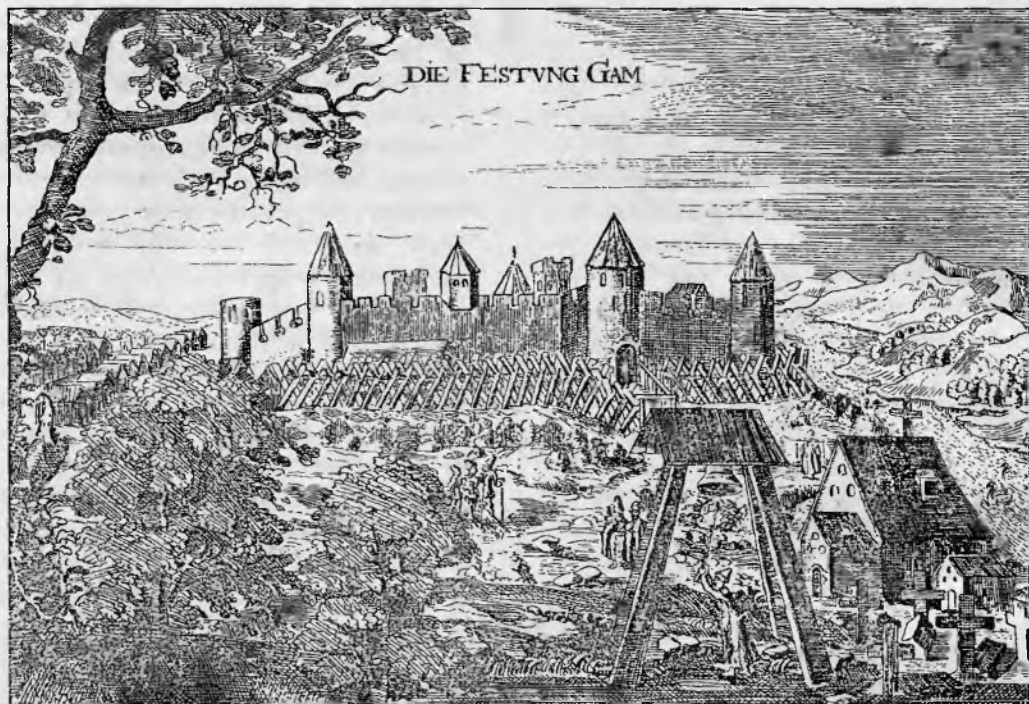
наклонялись к попу, иногда знаменуя себя крестным знамением, а он помахивал против них кадильницею.

Женщины тянули и тащили попа с одного места на другое, и каждая желала иметь преимущество для своего покойника. Когда это каждение и моление, которое поп совершал с блуждающим лицом, без особого благоговения, бывало закончено, то женщина давала ему крупную медную монету, вроде зеслинга по-голландски или 6 пфеннигов в мейсенской монете. Пирогов же и яйца слуги священника забрали себе, дав кое-что из них и нам, немцам, смотревшим на это зрелище. Мы их, в свою очередь, роздали бедным детям.

26 мая мы примирились с Господом, приняли причастие и затем, послав нашу утварь и вещи кое с кем из простого люда, водою, вперед в Ниеншанц, сами последовали сушею туда же. При салютующих выстрелах из города мы, в сопровождении командующего там полковника Порта, отправились в крепость Ям, которая, в 3 милях (а не 12 милях, как пишет фон Герберштейн) от Нарвы, лежит в Ингерманландии за рекою, богатою рыбою, особенно лососями, и называющеюся «Ямскою речкою». Здесь переезжают на пароме. Эта крепость невелика, но окружена крепкими каменными стенами и 8 бастиянами. Когда Нарва была отнята у

Поминовение усопших

Крепость Ям

русских, тогда же и этот город был завоеван. Здесь вблизи имеется мыза, населенная русскими, которые, наравне с крепостью, в подданстве у его королевского величества шведского.

Здесь нам дали новых лошадей, на которых 29 того же месяца мы проехали верхом 6 миль до крепости Копорье, где нас прекрасно встретили салютными выстрелами, а наместник г. Бугислав Розен прекрасно угостил нас, накормив еще в тот же вечер 48 блюдами и разными винами, медом и пивом. Угощений и пиршеств на следующий день было не меньше, но даже еще обильнее и с прибавлением к ним музыки и другого веселья. В 3 часа после обеда нас с салютными выстрелами и на свежих лошадях отправили дальше. От-

сюда поездка шла через двор русско-го боярина, именем Н(икиты) Васильевича; так как он расположен в 7 милях от Копорья, а мы оттуда поздно выбрались, то нам пришлось ехать всю ночь, пока мы прибыли ко двору. Рано утром в 3 часа нас боярин любезно принял и угостил разными кушаньями и напитками из серебряной утвари. У него были два трубача; при столе, особенно при тостах — чему он, вероятно, научился у немцев, он заставлял их весело наигрывать. По всему было видно, что это человек веселый и храбрый. Он участвовал и в битве, которая происходила в 1631 г. перед Лейпцигом, и показывал нам на разных местах своего тела некоторые раны, там им полученные.

Перед нашим уходом он велел

выйти к нам своей жене и еще другой ее родственнице, которые обе были очень молоды и красивы лицом и прекрасно одеты; их сопровождала некрасивая спутница для того, чтобы еще более выдвинуть их красоту. Каждая из женщин должна была пригубить чарку водки перед господ полами, передать ему в руки и поклониться ему. Русские считают это величайшею честью, которую они кому-либо оказывают, чтобы указать, что гость был им приятен и любезен. Если дружба и близость очень велики, то гостю разрешается поцеловать жену в уста, о чем ниже будет сказано подробнее.

31 мая, в 1 час пополудни, мы здесь простились, до вечера проеха-

ли 4 больших мили до Иоганнсталя, где благородный владелец Иоганн Скитте собрался строить город, и церковь уже, по большей части, была готова. Здесь имеется тройное эхо или отзвук, которым мы, через нашего трубача, добрую часть ночи увеселялись, тем более что от большого количества комаров не могли заснуть. Здесь мы, из-за многих болотистых местностей, впервые имели сильнейшие неудобства и неприятности днем от больших мух и ос, накусавших большие волдыри на нас и наших лошадях, а ночью — от комаров, которых мы могли отгонять только дымом, неприятным для наших глаз и нашего сна.

Здесь мы узнали, что королев-

Крепость Копорье

ские шведские господа послы ждут нас в Ниеншанце. Тем скорее собрались мы в путь, а именно 1 июня рано утром, в 3 часа, и прибыли на место в 6 часов. Ниеншанц, или Ние, как иные его зовут, лежит в 2 1/2 милях от Иоганнсталя на судоходной воде, которая вытекает из Ладожского озера в Финское и Балтийское море, отрезывает Корелию от Ингерманландии и имеет хорошее питание. Здесь мы застали королевских господ послы, которые, поговорив секретно о некоторых делах с нашими послами, отправились вперед к Нотебургу. Мы последовали за ними 2 июня. Тамошним наместником г. полковником Иоганном Кунемундтом, храбрым видным человеком, выехавшим к нам по воде навстречу

в гондоле, или крытой лодке, мы были хорошо приняты и введены при салютных выстрелах.

Крепость Нотебург, в 8 милях от Ниеншанца, лежит от экватора на $53^{\circ} 30'$ у выхода из Ладожского озера; она со всех сторон окружена глубокою водою и расположена на острове, похожем на орех, как видно из прилагаемого плана. Отсюда и название его Noteburg (Ореховый замок). Здесь я нашел магнитное склонение равным $5^{\circ} 30'$ в сторону запада. Крепость построена русскими и окружена стенами в 2 1/2 сажени толщиной. Так как амбразуры (подобно таковым во всех старых русских крепостях) направлены прямо вперед и снаружи немногим лишь шире, чем изнутри, то они не особенно удобны для

Крепость Нотебург

стреляния из них и для защиты. В одном из уголков крепости находится особая, крепко защищенная небольшая цитадель, откуда крепость может быть обстреливаема внутри. Эта крепость была взята на капитуляцию его королевским величеством шведским чрез полководца г. Якова де-ла-Гарди. Нам говорили, что осажденные русские держались вплоть до последних двух человек. Когда они по капитуляции должны были выступить со всем скарбом и имуществом и со всеми находившимися при них людьми, то вышли только эти двое. Когда их спросили, где же остальные, они отвечали: остались только они одни, так как все другие умерли от заразной болезни. Вообще русских хвалят, что они гораздо храбрее и смелее держатся в крепостях, чем в поле. Об этом ниже подробнее.

Как ни весело расположено это место, все-таки оно представляется нездоровым, ввиду пресного озера и многих расположенных кругом болот. При нас в июне месяце целых три недели тут было такое множество комаров, род *Pugetis*, или огненных мух, которые летят кругом огня и сами себя сжигают (как показано на фигуре и плане крепости), что не видно было с ладонь свободного от них воздуха и нельзя было ходить с открытым лицом, не испытывая неудобств. Ежегодно в это время этого гнуса встречается очень много во всей Карелии, хотя и не в столь больших количествах, как в Нотебурге. Жители называют их «русскими душами».

Так как мы предполагали, что нам придется прождать некоторое время в Нотебурге, то господа послы оставили при себе только шесть человек, а остальных направили впе-

ред к русской границе, так как там было удобнее по части провианта. Мы пробыли здесь до седьмой недели и наши господа, тем временем, ежедневно приглашались королевскими господами послами, пока эти последние находились там, чрез их маршала, высокоблагородного г. Вольфа Спарра и их гофьюнкеров, к обеду. Кое-кто из нас, наряду с ними, встречал тут хорошее угощение и обхождение.

17 июня прибыл в Нотебург один из господ Спириггов, посланный в догонку его королевским величеством шведским и прибавленный к числу господ королевских послов. С ним было немного народу.

IV

Когда 25 того же месяца пришло известие, что новгородский воевода прислал пристава на границу, чтобы отдельно и прежде всего отвезти шведских господ послов, эти последние 26 пустились в путь и поднялись к Лаве. При отбытии Бог отвратил от них большое несчастье, так как в лодку, в которой находился посол Буреус, когда она проезжала у башни, откуда стреляли салют, от гула выстрела упала большая доска с крыши, ударившись оземь у самой головы посла.

Наши господа провожали королевских послов целых четыре мили, я же, с их согласия, проехал с ними верхом даже до границы, чтобы видеть церемонии и обычаи русских при приеме посольств. Итак, они 27 того же месяца рано утром в 4 часа прибыли к реке, протекающей, при ширине в 40 шагов, мимо деревни Лавы и отделяющей русскую грани-

цу от шведской. Когда королевские господа послы, при прибытии своем, узнали, что на русской стороне их ждут 17 лодок, то они тотчас послали своего переводчика на тот берег к приставу, чтобы он переслал несколько лодок для своевременной нагрузки их вещей: тогда они скорее смогут двинуться в путь после приема. Однако пристав, человек старый, велел ответить, что он не смеет ничего подобного сделать до приема послов: «Да и не думают ли они, что его царскому величеству нечем будет прокормить их, если их кормить придется лишний день из-за возможного промедления?» Около полудня пристав прислал своего толмача, или переводчика, на тот берег с четырьмя стрельцами, или мушкетерами, (последних с ним было 30 человек) и велел сказать: ему теперь было бы очень приятно принять господ послов: не желают ли они пожаловать? Один из господ послов на это велел ответить приставу, что им уже пятую неделю приходится лежать и ждать: поэтому несколько не обидно будет приставу, если и он их теперь подождет один лишний день. Впрочем, он не желает этим давать полного ответа, так как его собратья улеглись для полуденного сна, как потому, что они всю ночь путешествовали, так в особенности — вследствие усвоения ими у русской границы русских обычаев: ведь почти все русские отдыхают ежедневно в полдень.

Далее был задан вопрос: когда же будут приняты голштинские послы? Толмач полагал, что это случится разве недели через три, после доставки шведских господ в Москву, дело в том, что, по его мнению, доставало ладей или ботов и лоша-

дей, нужных для путешествия. После обеда в 4 часа господа велели сообщить на тот берег, что теперь они желали бы быть приняты; пусть поэтому пристав приходит. Затем они сели со своим переводчиком в лодку, а их гофьюнкеры, к которым и я присоединился, в другую. Пристав, действительно, выехал навстречу с 15 разодетыми русскими в лодке. Чтобы показать высокое положение свое, они, очень медленно и не производя особого движения лодки, опускали свои весла в воду, так что они еле отошли от берега; временами они останавливались совершенно, чтобы лодка господ шведов к ним приближалась. Они подали весло в лодку послов, чтобы ее потащить за собою. К этой цели подучили они и рулевого, правившего лодкою послов. Когда господа послы заметили, к чему стремятся русские, то один из них закричал приставу, чтобы он ехал быстрее: к чему такая несвоевременная церемония? ведь ею пристав ничего не может приобрести для великого князя, а они ничего не потеряют для своих государей. Когда теперь лодки столкнулись посередине реки, пристав выступил и сказал, что великий государь и царь Михаил Феодорович, всея России самодержец (с прочтением всего его титула), велел ему принять королевских господ послов и приказал их, со всем их народом, при достаточном провианте и подводах, доставить в Москву. Когда на это получен был ответ, то пристав повел их на берег и пригласил в дом некоего сына боярского или дворянина, в небольшую, от дыма черную, как уголь, и натопленную комнату. Стрельцы своими ружьями, составляющими, наравне с саблями,

Лава

общее оружие их, дали салют, без всякого порядка, кто только смог раньше справиться. Господ послал для привета предложены были несколько чарок очень крепкой водки и двух родов невкусный мед с несколькими кусками пряника. Они и мне дали попробовать этого угощения, прибавив (по-латыни): «Стоит подбавить немного серы и — готово питье для ада».

Через час после такого угощения, господ шведы на 12, а русские на 3 лодках, со знаменем и барабаном, отплыли и направились к Новгороду. Я же опять через Ладожское озеро отправился в Нотебург, где нам, по словам русского толмача,

следовало ждать еще целых 3 недели. Все это остальное время мы провели очень весело. Ведь это место, вследствие воды, веселых окружающих его видов и нескольких небольших островов с разного рода дичью, представляется очень приятным. Между прочим, в Ладожском озере, в 4 милях от Нотебурга, лежат два острова, поросшие кустарником и массою малины, отстоящие один от другого на выстрел из ружья; на меньшем из них стояла небольшая часовня, в которой русские, отправляясь на рыбную ловлю, совершают богослужение; внутри, из-за гнездившихся здесь птиц, была такая вонь, что мы не могли здесь долго выдержать. К

этим островам некоторые из нас иногда ездили поохотиться. Вокруг островов бесчисленное количество тюленей всевозможных цветов; когда они располагались на разбросанных вокруг широких камнях, на солнце, то мы их очень легко могли доставать из-за кустов.

Нашим превосходным собеседником был также высокоблагородный г. Петр Крус-Биорн, ученый, многоопытный и храбрый мужчина, которого его величество король шведский послал в Москву как своего резидента; он также ждал со своею свитою приглашения из России. Мы пользовались его дружбою.

Когда нам 16 июля было возвещено, что пристав, по имени Семен Андреевич Крекшин, прибыл в Лаву, чтобы нас принять, то мы 20 собрались в путь и отправились туда. Через несколько часов после нашего прибытия пристав прислал своего толмача со стрельцом на нашу сторону и велел спросить, готовы ли послы быть принятыми. Когда мы велели спросить, примет ли он нас на той стороне или же на воде, как шведов, он отвечал, чтобы мы переезжали: «Нет нужды встречаться на воде, так как у нас не может быть спора о границах, из которых ничего не принадлежит вам».

Когда мы, вследствие этого, переехали, выступил наперед пристав в красном дамастовом кафтане, и остановился в нескольких шагах от берега. Когда же послы вышли на берег, он, с покрытой головой, вышел к ним навстречу и не хотел снимать шапки, пока не начал говорить и не назвал имени великого князя. Подобно предыдущему, он взял записку в руки и сказал: «Его царское величе-

ство Михаил Феодорович, вся России самодержец и проч., прислал меня сюда, чтобы тебя, Филиппа Крузиуса, и тебя, Оттона Брюггемана, как княжеских голштинских послов, принять, вас, вместе с вашими людьми, снабдить провиантом, ладьями, лошадьми и всем необходимым и доставить в Москву». Его толмач, по имени Антоний, не знал порядочно немецкого языка и переводил так скверно, что еле можно было понять его. Только после того как послы дали свой ответ, пристав подал им руку и повел нас сквозь ряды стрельцов (это были двенадцать казаков, стоявших с ружьями наготове) в свою гостиницу. Когда дан был салют из ружей, то это произведено было с такою неосторожностью, что секретарь шведского резидента, стоявший с нами, чтобы глядеть на это торжество, получил большую дыру в своем колете. Угощение, с которым пристав нас принял, состояло из пряников, водки и варенья из свежих вишен. Посидев с полчаса, мы, при салютах стрельцов, вновь переехали через воду и собрались в дальнейшую поездку. После обеда в полдень, данного нам наместником Нотебурга, проводившим нас и на прощанье хорошо угостившим всевозможными вкусными напитками, мы на 7 ладьях поехали в путь через Ладожское озеро.

Когда мы 22 того же месяца рано закончили наш путь по озеру на протяжении 12 миль и вышли на берег у монастыря Никольского на Волховской губе, пришел русский монах и принес послу для приветия хлеб и вяленую семгу. Наш пристав, который должен был готовить нам «корм», или продовольствие, спросил, дол-

жен ли он ежедневно доставлять нам провизию и заставлять готовить ее или же нам будет приятнее получать деньги, на сей предмет назначенные его царским величеством, и давать нашему повару готовить кушанья по нашему способу. Мы, как это всего обычнее у посольств в этих местах, просили передавать нам деньги и закупали сами. Такса же везде определялась самим приставом, так что мы все получали очень дешево: да и вообще во всей России, вследствие плодородной почвы, провиант очень дешев. Ведь 2 копейки за курицу — это в нашей монете 2 шиллинга или 1 грош мейссенской монеты; 9 яиц получали мы за 1 копейку. Мы полу-

чали ежедневно 2 рубля и 5 копеек, т. е. 4 рейхсталера 5 шиллингов: дело в том, что на каждое лицо, от высшего до низшего, пропорционально, назначается известная сумма.

После обеда мы отправились по реке, которая привела нас в Ладогу, городок, расположенный в 17 милях от Лавы. Сюда мы прибыли в тот же вечер. По дороге нас встретил пристав с тремя ладьями; он должен был доставить еще шведского г. резидента, покинутого нами в Нотебурге.

На всем нашем пути мы нигде не видали большей толпы детей лет от 4 до 7, как здесь, в Ладоге. Когда некоторые из нас ходили гулять, эти дети толпами шли позади и крича-

Ладога

ли, не желаем ли мы купить красной ягоды, которую они звали «малина» и которая в большом количестве растет во всей России. Они давали за копейку полную шляпу, и, когда мы расположились для еды на зеленом холме, человек с пятьдесят стали кругом нас. Все, и девочки и мальчики, были со стриженными волосами, с локонами, свешивавшимися с обеих сторон, и в длинных рубахах, так что нельзя было отличить мальчиков от девочек.

Здесь мы услышали первую русскую музыку, а именно в полдень 23 того же месяца, когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Феодоровича; заметив, что нам это понравилось, они сюда прибавили еще увеселение танцами, показывая разные способы танцев, употребительные как у женщин, так и у мужчин. Ведь русские в танцах не ведут друг друга за руку, как это принято у немцев, но каждый танцует за себя и отдельно.

А состоят их танцы больше в движении руками, ногами, плечами и бедрами. У них, особенно у женщин, в руках пестро вышитые носовые платки, которыми они размахивают при танцах, оставаясь, однако, почти все время на одном месте.

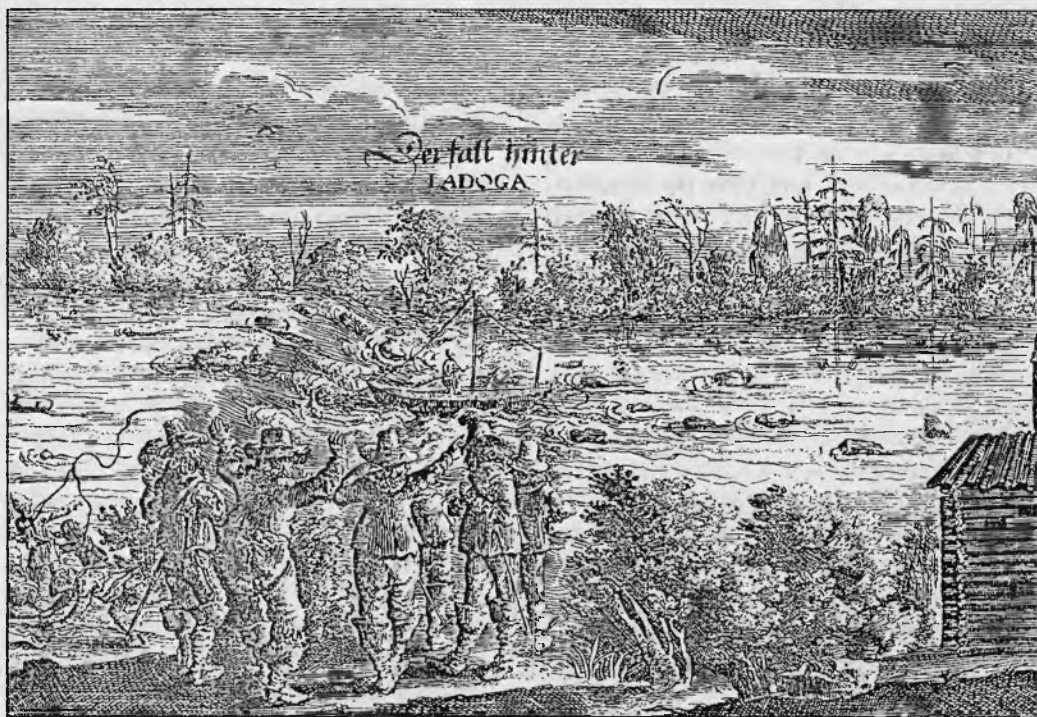
После обеда мы снова сели в наши лодки и поплыли по реке Волхову. Более сотни детей, вместе со старыми людьми, стояли на стенах, глядя на нас. На берегу стоял монах, которого наши стрельцы подозвали, чтобы принять у него благословение. Это у них обычай такой; мы и потом довольно часто видели, как они, на

поездке, проезжая мимо монастыря или попа, подходили к последнему и давали себя благословить, или же, по крайней мере, перед крестами на придорожных часовнях делали поклоны и крестные знамена, приговаривая: «Господи, помилуй!»

Когда ветер стал попутным для нас, мы подняли паруса. Однако едва стали мы под паруса, как канат лопнул и парус упал на одного из наших стрельцов, свалившегося замертво. Когда он, однако, через час начал приходить в сознание и получил чарку водки, то у него все прошло.

Волхов — река почти той же ширины, как и Эльба, течет, однако, не так сильно; она вытекает из озера за Великим Новгородом, называющегося у них Ильмер-озером. Впадает она в Ладожское озеро.

В семи верстах от Ладоги (пять верст составляют одну немецкую милю) на этой реке пороги, и еще через семь верст другие, через которые очень опасно переезжать в лодках, так как там река стрелою мчится вниз с больших камней и между ними. Поэтому, когда мы прибыли к первым порогам, то вышли из лодок и пошли берегом, дожидаясь, пока наши лодки сотнею людей перетаскивались через пороги на канатах. Однако все прошло счастливо, за исключением последней, в которой мы должны были оставить Симона Фризе, купеческого сына из Гамбурга, ввиду сильной болезни, которую он страдал. Когда эта лодка сильнее всего боролась с течением, вдруг разорвался канат, и она стрелою помчалась назад. Она, вероятно, достигла бы опять порогов, через которые ее с трудом перетаскивали, и, без со-

Водопад у Ладоги

мнения, разбилась бы тут, если бы, по особому счастью, канат, значительный обрывок которого еще остался на лодке, не закинулся случайно за большой выдававшийся из воды камень, зацепившись за него с такой силою, что только с трудом можно было опять отвязать его. Нам сообщили, что на этом самом месте несколько ранее засело судно некоего епископа, нагруженное рыбою, и погибло вместе с епископом.

Через другие пороги, которые не так опасны, мы прошли к вечеру и, устроив ночевку у монастыря Николы на Посаде, остались здесь до следующего дня, пока наши остальные лодки не подошли. Здесь, как и во все продолжение нашей поездки, мы испытывали много тягот, вследствие

беспрерывного леса и сырого кустарника, от комаров, мух и ос, так что мы из-за них ни днем ни ночью не могли ехать или спать спокойно. Физиономии большинства наших людей, которые не береглись как следует, были так отделаны, точно у них была оспа. Гнуса этого в летнее время во всей Лифляндии и России так много, что путешественники принуждены раскрывать, в защиту от комаров, свои сетки или палатки, приготовленные из тонкого или особым способом сотканного, с мелкими дырочками, холста; там, где желают отдохнуть, разбивают эти палатки и скрываются под ними. Такие палатки у нас изображены на рисунке города Твери. Крестьяне же и ямщики, у которых таких палаток

нет, разводят большой огонь, усаживают и ложатся к нему так близко, как только можно, и все-таки едва пользуются покоем.

Старый монах из вышепомянутого монастыря, где всей братии было четверо, явился и принес послу для приветия редьку, огурцы, зеленого горошку и две восковых свечи. За это он получил подарок, так ему понравившийся, что он, нам в угоду, против обыкновения их, отпер церковь и надел свое священническое одеяние. В преддверии на стенах были изображены, по его словам, чудеса св. Николая, наивно и неискусно, как это обычно в произведениях их живописи. Над дверьми был изображен Страшный Суд. Здесь монах, между прочим, показал нам челов. в немецком одеянии и сказал: «И немцы и другие народы могут спастись, если только души у них русские, и они, не боясь людей, поступают благо для Бога». Он показал нам и библию их на славянском языке, так как ведь никто из русских, ни духовный ни мирянин, не знает иного языка, помимо родного, кроме языка славянского. Он прочел нам первую главу Евангелия от Иоанна, оказавшуюся вполне согласно с нашим текстом. Знаком для отметки, как много им прочитано, была капелька воску. Он рассказал также, как он однажды был в Ревеле и как тамошние священники экзаменовали его из библии; он, правда, очень плохо понимал немецкого переводчика, но вполне мог рассказать все истории, когда увидел библейские картины. Монах нас, без сомнения, ввел бы и совершенно в церковь, если бы не подошли наши стрельцы и не начали ворчать, что он нас слишком

далеко пустил. Мы подарили ему талер, за что он нам несколько раз поклонился до земли. Когда мы сидели на зеленой лужайке (мы, ввиду веселого местоположения, ежедневно так располагались) за столом, и тем временем поднялся попутный для нас ветер, монах снова пришел с большою редькою и полною чашкою с огурцами, говоря, что добрый ветер послан нам св. Николаем за наши благодеяния к нему, монаху.

С таким ветром мы в 2 часа пополудни стали под паруса и прошли 4 мили до деревни Городище. Так как место на берегу показалось нам веселее деревни, то мы здесь расположились с нашей кухнею и столом. Пристав прислал молодого медведя для забавы послам, так как они не желали здесь ложиться спать, а думали ехать дальше, как только лодочники немного отдохнут. После полуночи мы поехали дальше до деревни Сольцы, пройдя 4 мили. Наш пристав, отставший ночью, вновь вернулся к нам, приведя с собою и своего хозяина, так угостившего его, что оба были пьяны. Хозяином этим был некий русский князь, по имени Роман Иванович, который пришел повидать и посетить послов. Так как у него была охота выпить еще, то мы водкою и испанским вином, которые мы всегда возили с собою, так помогли ему достигнуть опьянения, что он упал наземь и остался лежать.

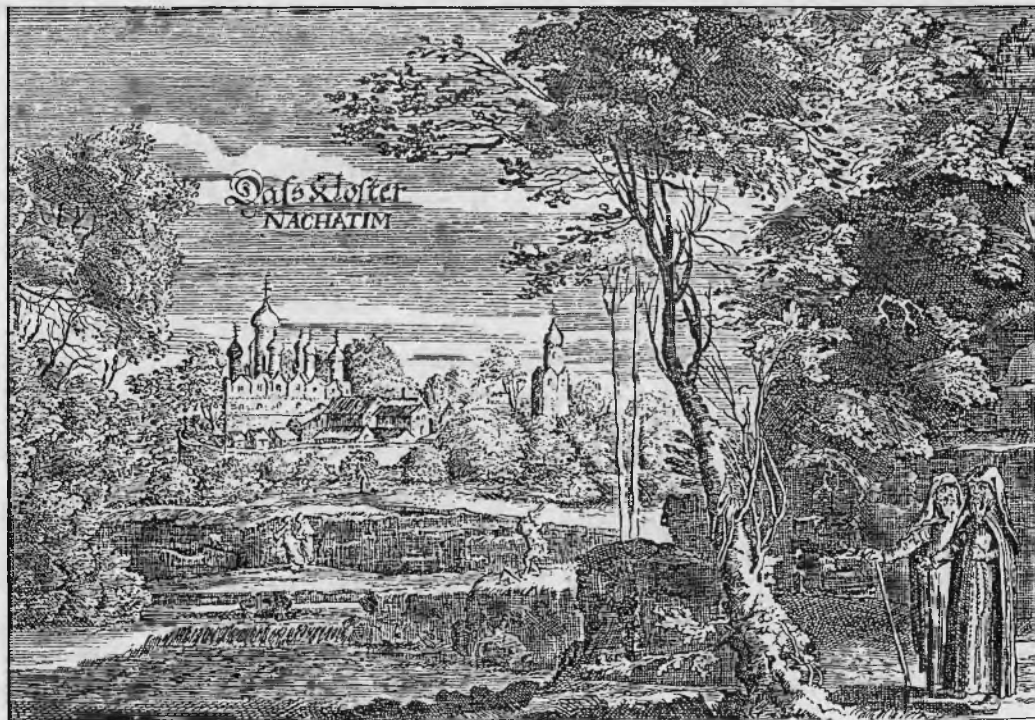
Вечером мы прошли 6 миль до села Грузина, откуда перед нами разбежались все крестьяне. Поэтому мы расположились на зеленой лужайке напротив деревни у пруда, развели три костра и остались здесь, пока собиралась ночь. Так как все мы днем спали в лодках, то никого из нас не

клонило ко сну, и мы провели ночь, рассказывая разные веселые истории и забавляясь. В этом нам помогли двумя лютьями и игрою с медведем и стрельцы, получившие несколько чарок водки. Местность эта так полна журавлей, что мы их заметили более трехсот штук, стоявших у пруда друг возле друга.

К утру около 3 часов 26 июля мы снова собрались в путь и к полудню, пройдя 4 мили, прибыли к деревне Высокой. Когда пристав в полдень сидел у нас за обедом и в застольной молитве услышал имя Иисуса, он, по русскому способу, перекрестился и потом пожелал узнать смысл нашей молитвы по-русски. Когда он услышал его, то молитва ему очень понрави-

лась и он сказал, что не ожидал, чтобы немцы были такие добрые христиане и богобоязненные люди.

27 того же месяца мы проплыли весь день и всю ночь и на следующее утро к восходу солнца прибыли к деревне Кречевице, где должны были стоять и ждать, пока пристав не сообщил о прибытии нашем воеводе новгородскому — Новгород находится в двух милях отсюда — и не получил ответа от него. На расстоянии доброго от этой деревни выстрела лежит прекрасно построенный монастырь, который одни зовут Хутынью, а другие Кречевицким Хутынским Спасовым монастырем. Он расположен в очень веселой местности, имеет игумена, 60 человек братии и 400

Хутынский монастырь

крестьян, которые содержат этот монастырь. Говорят, он ежегодно на свой счет должен был содержать 100 человек на службе его царского величества в Новгороде.

На следующее утро, а именно 28 июля, мы наконец въехали в Великий Новгород. Некоторые из нашего люду, которые, как выше сказано, были посланы вперед по санному пути, и уже более 4 месяцев с нетерпением ждали нашего прибытия, от сильной радости выехали на лодке больше чем за милю навстречу нам.

Воевода, для привета нам, прислал в гостиницу бочку пива, меду и бочонок водки. В виде обратного подарка ему был послан серебряный позолоченный прибор для питья.

Мы оставались в Новгороде в бездействии четверо суток и в последнее число июля, к вечеру, отправились дальше до Бронниц водою, так как, из-за болотистой, топкой местности, невозможно было ехать сушею.

1 августа, когда мы в Бронницах у реки перенесли наши вещи на берег, в эту местность явились и русские в процессии для водосвятия, в следующем порядке. Сначала шли двое мужчин; они несли на длинных шестах: один крест, в четырех концах которого были изображены евангелисты, другой — древней живописи картину, обвешанную белым платком; за ним шел священник в богослужебной ризе, неся обеими

Церковная процессия

руками деревянный крест, длиною с пядень; он пел вместе с мальчиком, несшим за ним книгу. Далее следовали крестьяне с женами и детьми. Все взрослые несли в руках по горячей восковой свече, а позади шел причетник, держа в руках более десяти восковых свеч, скрученных вместе и горевших. Когда священник пошел и почитал с добрых полчаса на берегу, он взял скрученные восковые свечи и ткнул их в воду; тогда и все остальные погасили свои свечи. Потом священник трижды погрузил крест в воду и дал воде с него стечь в сосуд. Такая вода считается самою святою. Когда это случилось, женщины схватили своих детей, малых и больших, в сорочках и без них, и трижды окунули их в воду; а некоторые взрослые сами бросились в нее. Наконец они и лошадей привели, чтобы напоить их столь святою и целительною водою. После всего этого они все опять вернулись в церковь, где приняли благословение; отсюда слышались такой шум и такие крики молодых и старых людей, точно в простых банях или корчмах, либо шинках.

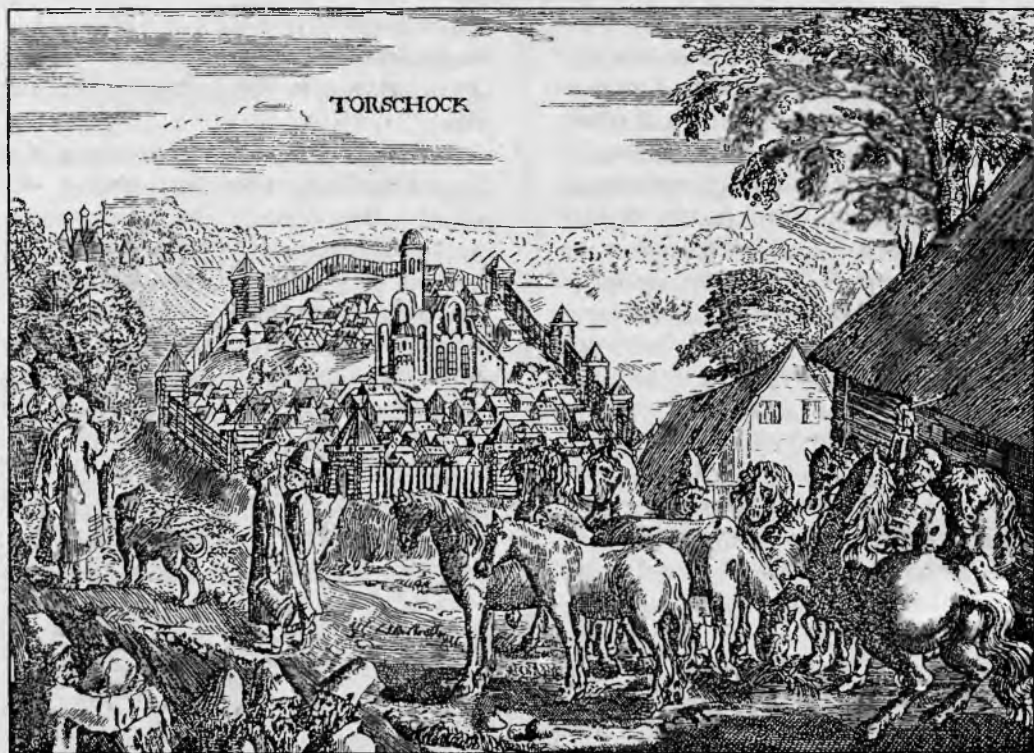
После обеда в 4 часа мы сели на лошадей, а вещи наши и утварь послали вперед на 50 подводках. Этот багаж повстречали на дороге несколько немецких солдат, вышедших в отставку в Москве; они понавелись в корзину с провизиею, выбили дно в бочке с пивом, напились и отняли у нашего конвойного стрелца его саблю. Когда они наткнулись на нас и сделанное ими дело стало известно, двое из них были сильно избиты нашим приставом, и шпаги и ружья у них были отняты. Мы в этот вечер прошли три мили до деревни Красные Станки. 2 того же месяца

мы прошли 8 миль до яма Крестцы. Русские называют «ямами» те места, где меняют лошадей и получают свежих.

3 того же месяца мы прошли 6 миль до Яжелбицы, небольшой деревни, откуда крестьяне также бежали. Так как наш повар отправился за 2 мили вперед для заказа кухни, а мы, из-за плохой дороги, не могли поспеть за ним в тот же вечер, то в этот день нам пришлось провести ночь на поле, без еды.

В эти дни мы встретили несколько военных офицеров; которые, по окончании войны под Смоленском, возвращались из Москвы. Так, например, 4 того же месяца в яме Зимогорье мы встретили полковника Фукса, а в Волочке, другом яме, полковника Шарльса с другими офицерами. Когда они пришли посетить послов, их угостили испанским вином. Так как несколько часов подряд сильно пили, то наш трубач Каспер Герцберг до того захмелел, что спьяна смертельно ранил шпагою одного из наших стрельцов. Раненого мы оставили лежать, дали ему и тем, кто должны были ухаживать за ним, немного денег и отправились дальше. Этот трубач, по окончании персидского путешествия, был сам в Москве, куда он поступил на великокняжескую службу, гнусным образом заколот каким-то негодяем.

5 рано утром мы прошли через пустую деревню, так как крестьяне разбежались в лес перед шедшими из Москвы немецкими солдатами. Вечером пришли мы к селу Коломенскому, находящемуся на берегу стоячего озера. Недалеко отсюда нашли мы в кустах у дороги очень большой широкий камень, лежавший точно

Торжок

надгробная плита. Его тиран Иван Васильевич хотел перевезти из Лифляндии в Москву. Когда, однако, возчики услышали, что тиран умер, они тотчас сбросили камень и оставили его лежать. Такие камни, которые должны были быть доставлены из Ревеля в Москву, лежат и дальше, на расстоянии одного дня пути, у реки, через которую нужно переправляться.

7 прибыли мы в деревню Будово, где живет русский князь. Едва прибыли мы в деревню, как наши лошади начали скакать, лягаться и бегать, точно они взбесились, так что иные из нас оказались на земле раньше, чем самостоятельно успели спуститься. Мы сначала не знали, в чем дело; когда

мы, однако, поняли, что явление это зависит от пчел, которых в этой деревне очень много, да почувствовали, что и сами мы не смогли бы обезопасить себя от них, то мы накинули наши кафтаны на головы, выехали из деревни и расположились в открытом поле на зеленом пригорке. Позже нам сообщили, что крестьяне раздражили пчел, чтобы выжить нас из деревни. Как гласит история, к подобной хитрости будто бы прибегали и другие: рассказывают, что осажденные в некоем городе бросали со стены рои пчел на врага, вследствие чего всадники и лошади испытывали мучения: лошади стали сильно лягаться, изранили друг друга, и враг принужден был отступить.

8 августа мы вновь достигли какого-то яма и прибыли к городку Торжку. Он лежит с правой стороны дороги, немного поодаль ее, и окружен забором и бревенчатыми укреплениями. Здесь находят хороший хлеб, мед и пиво. Так как нас не пускали в город, но поместили в нескольких домах перед городом, то господа послы велели на зеленом холме устроить хижину из зеленых ветвей: здесь они пообедали и переночевали кое с кем из своего люду.

На следующий день мы перешли через две речки — одну сейчас же за Торжком, другую в 2 верстах от Медной. Вечером были мы перед Тверью, в 12 милях от Торжка. Тверь несколь-

ко больше Торжка и лежит на холме за рекою; это епископская резиденция; здесь, как и в Торжке, имеется воевода. Перед городом соединяются, образуя довольно широкую реку, река Твер[ца], от которой город имеет свое название, и Волга, протекающая 600 немецких миль через Россию и Татарию и впадающая в Каспийское море. Здесь нам пришлось переправляться на плоту и нас поместили за городом в мызе. Так как здесь последний ям, то нам дали свежих лошадей, которые должны были окончательно доставить нас в Москву.

13 августа мы достигли последнего села перед Москвою, Николю

Тверь

Нахимского, в двух милях от города. Отсюда пристав послал эстафету в Москву для сообщения о нашем прибытии.

V

(Книга I, глава 6)

Как нас перед городом Москвою приняли и ввели в город

14 рано утром пристав со своим переводчиком и писцом предстали перед господами послами, поблагодарили их за оказанные нами им во время поездки благодеяния и тут же просили прощения в том, если они служили нам не так, как следует. Приставу подарен был большой бокал, толмачу и другим даны были деньги. Когда эстафета вернулась опять из города, мы приготовились к въезду в следующем порядке:

1. Спереди ехали стрельцы, которые нас сопровождали.

2. Трое из наших людей: Яков Шева (фурьер), Михаил Кордес, Иоганн Алльгейер, все в ряд.

3. Далее следовали 3 ведшиеся за уздцы лошади, вороная и две серые в яблоках, одна за другою.

4. Трубач.

5. Маршал.

Затем следовали:

6. Гофьюнкеры и прислужники при столе, по трое в ряд, в трех шеренгах.

7. Далее секретарь, лейб-медик и гофмейстер.

8. Господа послы, перед каждым из которых шли четыре телохранителя-стрелка с карабинами.

9. Пристав ехал по правую руку от послон, несколько в стороне.

10. Следовали пажи, всего шестеро, в двух шеренгах.

11. Карета, запряженная четырьмя серыми в яблоках лошадьми.

12. Каретник, с другими 8 лицами, в трех шеренгах.

13. Некоторые из княжеских подарков, которые предполагалось поднести великому князю, неслись на пяти подставках, вроде носилок, покрытых коврами.

14. Коляска, в которой ехал больной Симон Фризе.

15. Далее следовали 40 простых повозок с нашим скарбом.

16. В самом конце ехали три мальчика.

Когда мы в таком порядке медленно подвигались вперед и находились едва в полумиле от города, прибыли десять конных эстафет, ехавших во весь карьер. Один за другим подъезжали они к нам, указывали приставам, где теперь находятся русские, долженствующие нас принять, и приносили приказания ехать то быстрее, то опять медленнее, то вновь быстрее, чтобы одна партия не прибыла раньше другой на определенное место и не была принуждена поджидать. Тем временем к нам навстречу шли разные отряды разодетых русских, мчались мимо нас и опять возвращались обратно. Здесь находились и некоторые из людей, состоявших при шведских господ посллах: их, однако, не подпустили подать нам руки, и им пришлось кричать нам издали. Когда мы подошли на 1/4 мили к городу, то мы застали стоявших сначала в очень хорошем строю четыре тысячи рус-

ских, в дорогих одеждах и на лошадях. Нам пришлось ехать сквозь их строй.

Когда мы подвинулись вперед на выстрел из пистолета, подъехали два пристава в одеждах из золотой парчи и высоких собольих шапках, на прекрасно убранных белых лошадях. Вместо поводьев у лошадей были очень большие серебряные цепи со звеньями, шириною более чем в два дюйма, но толщиною не шире тупой стороны ножа, притом столь великими, что почти можно было просунуть руку; эти цепи при движении лошадей производили сильный шум и странный звон. За ними следовал великокняжеский шталмейстер с 20 белыми лошадьми, ведомыми за узды, и еще большое количество народа, верхами и пешком. Когда они подошли к послам, пристав и послы сошли с лошадей, старший пристав обнажил свою голову и начал так: «Великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович, всея России самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода низовья земли, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея северных страны повелитель, государь Иверския страны, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств государь и обладатель и проч. велит вас, герцога шлезвигского,

голштинского, стормарнского и дитмарсенского, графа ольденбургского и дельменгорстского, великих послов, чрез нас, принять, жалует вас и ваших гофънкеров для въезда своими лошадьми, а нас обоих назначает приставами, чтобы вам, пока вы будете находиться в Москве, служить и доставлять все необходимое». Когда посол Филипп Крузиус ответил на это, то послам для въезда были подведены две большие белые лошади, покрытые вышитыми немецкими седлами и украшенные разными уборами.

Как только господ послы сели, прежний пристав с казаками, ведший нас от границы до Москвы, должен был отъехать от нас. Новые приставы были — Андрей Васильевич Усов и Богдан Федорович. Для знатнейших из людей при посольстве были поданы еще десять белых лошадей в русских седлах, покрытых золотой парчою. И так послы поехали между обоих приставов. Вообще же русские, если три и более человек идут или едут рядом, считают высшим местом то, на котором правая рука наружу и свободна [т. е. никого нет правее]. За лошадьми шли русские слуги и несли попоны, сделанные из барсовых шкур, парчи и красного сукна. Рядом с послами ехали верхом другие москвиты густою толпою вплоть до города и посольского дома. Нас поместили внутри Белой стены, в пределах так называемого Царь-города, т. е. императорского города. При въезде мы видели на всех улицах и на домах бесчисленное множество народу, стоявшего, чтобы смотреть на наш въезд. Однако улицы были весьма опустошены сильным пожаром,

бывшим перед самым нашим приездом и испепелившим более пяти тысяч домов. Люди должны были там и сям жить в палатках, да и мы не были помещены в посольском дворе, который также сгорел, а в двух деревянных обывательских домах.

VI

(Книга I, глава 7)

Как нас в Москве принимали: о первой публичной аудиенции и о прибытии Спирина в Москву

Через полчаса после нашего прибытия в Москву, для приветствования нас, из великокняжеских кухни и погреба была прислана нам провизия, а именно: 8 овец, 30 кур, много пшеничного и ржаного хлеба, и потом еще 22 различных напитка: вино, пиво, мед и водка, один напиток лучше другого; их принесли 32 русских, шедших гуськом друг за другом. Подобного рода провизия подобным же образом доставлялась нам ежедневно — однако только в половинном размере. У них ведь такой обычай, что послы в первый день своего прибытия, а также в дни, когда они побывают у руки его царского величества, постоянно получают двойное угощение.

По передаче этого угощения, передний двор нашего помещения был заперт и стал охраняться 12 стрельцами, так что никто ни от нас не мог выйти, ни к нам кто-либо чужой зайти — до допущения нас к первой аудиенции. Приставы же ежедневно заходили для посещения послов, а также чтобы справиться,

не нуждаются ли они в чем-либо. У нас же во дворе всегда должен был оставаться один из русских толмачей, который посылал стрельцов служить нам и покупать всякие нужные вещи, по нашему требованию. Этот толмач, по имени Иван, был русский по происхождению, находился в плену у поляков, а затем два года служил лакеем его княжеской милости Янушу Радзивиллу, когда тот обучался в университете, в Лейпциге; тут-то он и научился немецкому языку.

15 августа у русских был большой праздник, а именно Успение Девы Марии, когда у них кончался пост, начинающийся 1 августа, и они снова ели мясо.

17 того же месяца его царское величество отправился в некое село на паломничество для молитвы; не будь этого, мы, по словам пристава, получили бы в этот день аудиенцию. Зато и мы совершили благодарственное моление Богу с проповедью и с музыкою, в ознаменование благополучного прибытия на место. К этому празднику, с соизволения великого князя, явился также жительствующий здесь нашего милостивого князя и государя комиссар Бальтазар Мушерон. Он сообщил, что порядок наш при въезде очень понравился русским: они удивлялись, как это в Германии имеются столь знатные князья, что они могут снаряжать такие видные посольства. Дело в том, что их князья, даже самые знатнейшие по именам и доходам, могут быть приравняемы только нашим немецким простым дворянам.

18 того же месяца пришли приставы и сообщили, что его царское величество завтра желает дать господ послам публичную аудиенцию, и что

по сему случаю нам надлежит быть в готовности. Они же, от имени государственного канцлера, пожелали иметь список княжеских подарков, имеющих быть поднесенными; список и был им передан. После обеда пришел младший пристав, чтобы вновь нас известить, что завтра мы будем допущены к руке его царского величества.

Так как в предыдущий день мы слышали бесчисленное количество выстрелов из орудий и видели из нашего помещения много орудий на некоем поле, но не знали, что все это обозначало, то пристав разъяснил нам: «Его царское величество велел испробовать несколько новых орудий и сам глядел на эту пробу из окна». Другие, однако, думали, что сделано это было с тою целью, чтобы шведские послы поняли, что не все орудия — как это рассказывалось — остались под Смоленском, но что их еще имеется очень много.

Рано утром 19 августа приставы явились вновь, чтобы узнать, собираемся ли мы в путь, и когда они увидели, что мы вполне готовы, то поспешно поскакали опять к Кремлю. Вслед за тем доставлены были великокняжеские белые лошади для поезда. В 9 часов приставы вернулись в обыкновенных своих одеждах, велев нести за собою новые кафтаны и высокие шапки, взятые ими из великокняжеского гардероба: приставы надели их в передней у послов, где они в нашем присутствии разубрались наилучшим образом. После этого мы в плащах, но без шпаг (таков у них обычай: никто со шпагою не смеет явиться перед его царским величеством), сели на коней и отправились к Кремлю в таком порядке:

Спереди 36 стрельцов.

Наш маршал.

Три низших гофьюнкера.

Другие три гофьюнкера.

Комиссар, секретарь и медик, в одной шеренге.

Далее следовали княжеские подарки, один за другим: их вели и несли русские. Подарки были следующие:

1. Вороной жеребец, покрытый красивою попоною.

2. Серый в яблоках мерин.

3. Еще гнедая лошадь.

4. Конская сбруя, прекрасно выработанная из серебра, осыпанная бирюзой, рубинами и другими камнями; ее несли двое русских.

5. Крест, длиною почти с четверть локтя, из хризолитов, оправленных в золото; его несли на блюде.

6. Дорогая химическая аптечка; ее ящик был из черного дерева, окванного золотом; баночки также из золота, обсаженного драгоценными камнями; ее несли двое русских.

7. Хрустальная кружечка, обитая золотом и осыпанная рубинами.

8. Большое зеркало, длиною в 5 четвертей и шириною в локоть, в раме из черного дерева, покрытого толстыми литыми из серебра листьями и рисунками; его несли двое русских.

9. Искусственная горка, с боевыми часами, с изображением при них истории блудного сына в подвижных картинах.

10. Серебряный позолоченный посох со зрительною трубою в нем.

11. Большие часы, вделанные в черное дерево, обитое серебром.

За этими подарками шли два камерьюнкера, которые в вытянутых руках держали верительные грамоты:

одну к великому князю и одну к патриарху, отцу его царского величества, Филарету Никитичу: хотя этот последний, пока мы были в дороге, и скончался, тем не менее, сочтено было за благо передать это послание великому князю.

Далее ехали оба господ посла между приставами, перед которыми ехали два толмача.

Рядом с послами шли четыре лакея, а за ними прислуживающие отроки или пажи.

От посольского двора до зала аудиенции в Кремле, на протяжении восьмушки мили, были расставлены более двух тысяч стрельцов или мушкетеров, с обеих сторон, тесно друг к другу; мы должны были проехать сквозь их строй. За ними, во всех переулках, домах и на крышах стояла густая толпа народа, глядевшая на наш поезд. По дороге несколько эстафет, во весь карьер, неслись к нам из Кремля навстречу, указывая приставам, чтобы мы то быстро, то медленно ехали, то, наконец, останавливались, чтобы его царскому величеству не пришлось сесть на трон для аудиенции раньше или позже прибытия послов.

Проехав на верхней площади Кремля мимо посольского приказа и сойдя с лошадей, наши офицеры и гофьюнкеры выстроились в порядке. Маршал пошел впереди презентов или подарков, а мы шли перед господ послами. Нас повели налево через сводчатый проход и в нем мимо очень красивой церкви (это, говорят, собор) в залу аудиенции, находящуюся направо на верхней площади. Нас потому должны были провести мимо их церкви, что мы христиане. Турок, татар и персов ведут не по этой до-

роге, но сразу же через середину площади и вверх по широкому крыльцу.

Перед аудиенц-залом мы должны были пройти через сводчатое помещение, в котором вокруг стены сидели и стояли старые осанистые мужчины с длинными седыми бородами, в золотых одеждах и высоких собольих шапках. Это, говорят, «гости» его царского величества или именнейшие купцы; одежда на них принадлежит его царского величества сокровищнице и выдается только при обстоятельствах, подобных настоящему, а затем сдается обратно.

Когда послы пришли пред двери этой передней, из аудиенц-зала вышли два командированные его царским величеством боярина в золотых, вышитых жемчугом кафтанах, приняли послов и сказали, что его царское величество пожаловал их, допустив явиться перед ним как их самих, так и их гофьюнкеров. Подарки были оставлены в этом помещении, а послов, за которыми прошли их офицеры, гофьюнкеры и пажи, провели внутрь к его царскому величеству. Когда они вошли в дверь, знатнейший переводчик царя Ганс Гельмес, мужчина в ту пору лет 60 (он был жив еще в 1654 г. и отправлял свою должность), выступил вперед, пожелал великому государю царю и великому князю счастья, продолжительной жизни и объявил о прибытии голштинских послов. Аудиенц-зал представлял собою четырехугольное каменное сводчатое помещение, покрытое снизу и по сторонам красивыми коврами и сверху украшенное рисунками из библейской истории, изображенными золотом и разными красками. Трон великого князя сзади у стены поднимался от земли на три

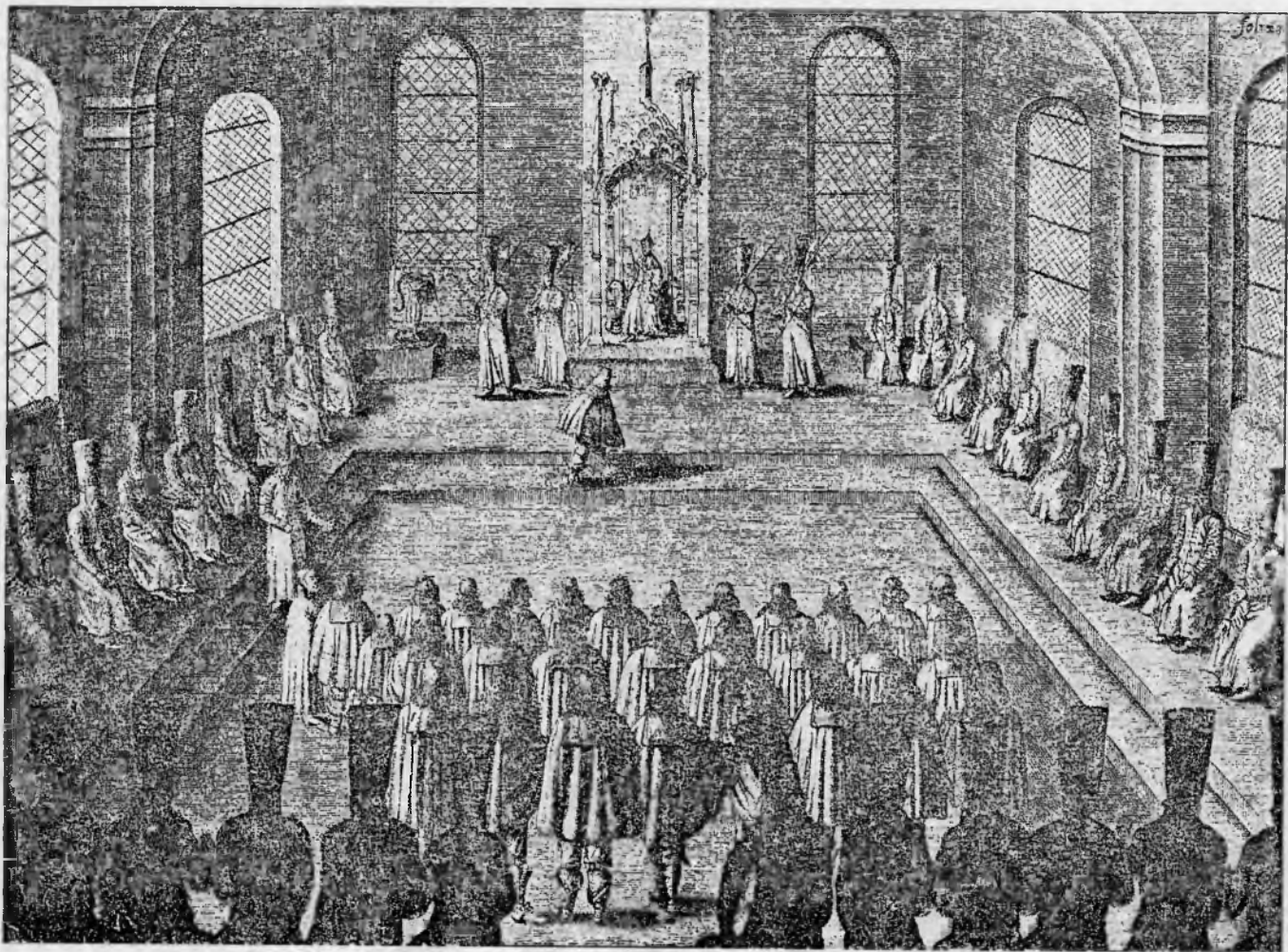
ступени, был окружен четырьмя серебряными и позолоченными колонками или столбиками, толщиной в три дюйма; на них покоился балдахин в виде башенки, поднимавшейся на 3 локтя в высоту. С каждой стороны балдахина стояло по серебряному орлу с распростертыми крыльями. Впрочем, в это время готовили как раз трон гораздо более великолепный и роскошный, на который отпущено было 800 фунтов серебра и 1100 дукатов для позолоты: его, со всеми расходами на него,

ценили в 25000 талеров. Три года над ним работали немцы и русские, причем самым видным мастером в этом деле был житель Нюрнберга Исаия Цинкгрэфф.

На вышеозначенном престоле сидел его царское величество в кафтане, осыпанном всевозможными драгоценными камнями и вышитом крупным жемчугом. Корона, которая была на нем поверх черной собольей шапки, была покрыта крупными алмазами, так же как и золотой скипетр, который он, вероятно, ввиду

Царь Михаил Феодорович

Публичная аудиенция посольства

его тяжести, по временам перекладывал из руки в руку. Перед тронном его царского величества стояли четыре молодых и крепких князя, по двое с каждой стороны, в белых даматовых кафтанах, в шапках из рысьего меха и белых сапогах; на груди у них крестообразно висели золотые цепи. Каждый держал на плече серебряный топорик, как бы приготовившись ударить им. У стен кругом слева и напротив царя сидели знатнейшие бояре, князья и государственные советники, человек с 50, все в очень роскошных одеждах и высоких черных лисьих шапках, которые они, по своему обычаю, постоянно удерживали на головах. В пяти шагах от трона вправо стоял государственный канцлер. Рядом с престолом великого князя направо стояла золотая держава, величиною с шар для игры в кегли, на серебряной резной пирамиде, которая была высотой в два локтя. Рядом с державою стояла золотая чашка для умывания и рукомойник с полотенцем, чтобы его царское величество, как послы приложатся к его руке, снова мог умыться.

Его царское величество только христианам дозволяет целовать ему руку, но отнюдь не турецким, персидским и татарским послам. Поссевину это мытье рук очень не нравится; он говорит: «*quod quasi ad expiationem soleat abluere*» («точно для искупления греха он умывает свои руки»). Так как это умывание происходит в присутствии столь многочисленных вельмож, которые этим обрядом еще более утверждают в ненависти к правоверующим своим единоверцам христианам, то он полагает, что другие христианские кня-

зья должны бы указать москвиту на неуместность этого обряда и дать ему понять, что они не будут более присылать послов, пока он не откажется от этого постыдного обмывания. Об этом можно прочесть в книге Поссевина «*De rebus Moscoviticis*».

Итак, когда послы с должною почтительностью вошли, они сейчас же были поставлены против его царского величества, в десяти от него шагах. За ними стали их знатнейшие слуги, справа же два наших дворянина с верительными грамотами, которые все время держались в протянутых вверх руках. Великокняжеский переводчик Ганс Гельмес стал с левой стороны послов. После этого его царское величество сделал знак государственному канцлеру и велел сказать послам, что он жалует их — позволяет поцеловать ему руку. Когда они, один за другим, стали подходить, его царское величество взял скипетр в левую руку и предлагал каждому, с любезною улыбкою, правую свою руку: ее целовали, не трогая ее, однако, руками. Потом государственный канцлер сказал: «Пусть господа послы сообщат, что им полагается». Начал говорить посол Филипп Крузиус. Он принес его царскому величеству приветствие от его княжеской светлости, нашего милостивейшего князя и государя, с одновременным выражением соболезнования по поводу смерти патриарха: его-де княжеская светлость полагал, что Бог еще сохранит ему жизнь по сию пору; оттого-то и на его имя была отправлена грамота, которую они, послы, наравне с обращенною к его царскому величеству, ныне намерены передать с достождною почтительностью. После этого послы взя-

ли верительные грамоты и направились к его царскому величеству, сделавшему знак канцлеру, чтобы тот принял грамоты.

Когда послы опять отступили назад, его царское величество снова подозвал знаком государственного канцлера и сказал, что ему отвечать послам. Канцлер от царского престола прошел пять шагов по направлению к послам и сказал: «Великий государь царь и великий князь (и прочее) велит сказать тебе, послу Филиппу Крузиусу, и тебе, послу Оттону Брюггеману, что он вашего князя герцога Фридерика грамоту принял, велит ее перевести на русский язык и через бояр на нее дать ответ, герцогу же Фридерiku он напишет в иное время». Читая по записке титулы великого князя и его княжеской светлости, канцлер обнажал голову, а потом сейчас же снова надевал шапку. Позади послов была поставлена скамейка, покрытая ковром; на нее послы, по желанию его царского величества, должны были сесть. Потом канцлеру велено было сказать: «Его царское величество жалуется и знатнейших посольских слуг и гофьюнкеров, дает им облобызать свою руку».

Когда это было сделано, его царское величество немного приподнялся на троне и сам спросил послов в таких словах: «Князь Фридерик еще здоров?» На это был дан ответ: «Мы, слава Богу, оставили его княжескую светлость, при нашем отбытии, в добром здравии и благоденствии. Бог да пошлет его царскому величеству и его княжеской светлости и в дальнейшем здоровья и счастливого правления».

После этого выступил гофмейстер великого князя, прочел список княжеских подарков, которые тотчас же были внесены и держаны на виду, пока канцлер не кивнул, чтобы их вновь вынесли. Затем канцлер продолжал говорить и сказал: «Царь и великий князь всея России и государь и обладатель многих государств пожаловал господ послов, дал им говорить далее». Послы, после этого, в силу капитуляций по персидским делам, заключенных между его королевским величеством шведским и его княжескою светлостью шлезвиг-голлштинским, просили тайной аудиенции, одновременной с шведскими господами послами.

На это его царское величество велел спросить, как поживают послы, и передать им, что он жалуется их сегодня кушаньем со своего стола. После этого господа послы были выведены теми же двумя боярами, которые раньше ввели их. Мы, с приставами и стрельцами, в прежнем порядке, отправились опять верхами домой.

Вскоре после этого прибыл великокняжеский камерьюнкер, некий князь, высокий, осанистый мужчина, в великолепном платье, верхом на красиво разукрашенной лошади. За ним следовали много русских. Они должны были, от имени его царского величества, угостить послов. Некоторые из людей князя накрыли стол длинною белою скатертью и поставили на нее серебряную солонку с мелко натертой солью, две серебряных кружечки с уксусом, несколько больших бокалов или чар, чаши для меда диаметром в 1 1/2 четверти (три из чи-

стого золота и две серебряных), длинный нож и вилку.

Великокняжеский посланец сел вверху стола и попросил послов сесть с ним рядом. Наши гофьюнкеры прислуживали за столом. Посланец велел поставить перед послами три больших бокала, наполненных вином Аликанте, рейнским вином и медом, и приказал затем подавать на стол в 38 большею частью серебряных, но не особенно чистых больших блюдах, одно за другим, всякие вареные и жареные, а также печеные кушанья. Если не было места, то ранее поставленное опять убиралось. Когда последнее блюдо было подано на стол, князь поднялся, стал перед столом, кивнул послам, чтобы и они стали перед столом, и сказал: «Вот кушанья, которые его царское величество, чрез него, велел подать великим голштинским послам: пусть они ими угощаются». После этого он взял большую золотую чашу, наполненную очень сладким и вкусным малиновым медом, и выпил перед послами за здоровье его царского величества. После этого он и послам и каждому из нас дал в руки по такому же сосуду с напитками, и мы все вместе должны были их выпить. Один из нас, стоявший несколько поодаль от него и не могший, из-за множества народа, стоявшего вокруг, получить чашу из его рук, хотел, чтобы чаша была ему передана через стол. Князь, однако, не позволил этого, кивнул ему, чтобы он вышел из-за стола, и сказал: «Стол теперь знаменует собою стол русского императора: никто не смеет становиться за ним, но следует стоять перед ним».

За первым тостом, подобным же

образом воспоследовал тост за его княжескую светлость, нашего милостивейшего князя и государя, в таких словах: «Бог сохранит князя Фридрика в долговременном здоровье и даст, чтобы он и его царское величество пребыли во все времена в добром единении и дружбе». Наконец, пили круговую и за здоровье молодого принца, государя наследника его царского величества.

После этого они опять сели за стол: пили еще несколько чаш вишневого и ежевичного меду. Послы подарили посланцу позолоченный бокал в 54 лота. Он велел его нести перед собою и опять верхом отправился в Кремль, где он показал великому князю, что им было получено. У них существует такой обычай, что все принятые в подобных случаях от чужеземцев подношения, равно как и подарки, полученные посланцами к чужим государям, должны быть, по возвращении, показаны великому князю. Тиранический великий князь Иван Васильевич иной раз даже присваивал и задерживал у себя эти подарки, как рассказывает Герберштейн в своих «*Rerum Moscoviticarum commentarii*».

20 августа наши приставы опять пришли к нам и сообщили: «Его царское величество жалует нас: дозволяет выходить. Город нам открыт. Буде угодно ехать верхом, нам будут доставлены лошади. Разрешено также шведским послам и их людям приходить к нам, а нам к ним». Это было большое чудо: ведь у московитов раньше существовал обычай, что никто ни из послов, ни из людей их, пока они находились в Москве, не

смел выходить один. Даже если им приходилось справлять что-либо нужное вне дома, то и тогда стрелец должен был сопровождать их. Нам же из особого благорасположения, как и шведам, дана была эта свобода выходить без сопровождения стрельцов.

Когда русские услышали, что наши господа охотно посетили бы шведских господ послов, то, на третий день после этого, пришли к нам приставы с великокняжеским подштаб-мейстером, привели 6 лошадей его царского величества и проводили наших послов к господам шведам. После этого мы зачастую сходились, не встречая ни малейшего противоречия со стороны русских.

23 того же месяца господа послы пригласили к себе в гости нескольких добрых друзей из числа немцев и, между прочими, лейб-медика и аптекаря его царского величества. Когда, однако, эти последние попросили канцлера о позволении, им было отказано с запретом в течение трех дней заходить к нам. Дело в том, что русские еще не успели, как это у них принято, произвести расценку княжеских подарков. А так как среди подарков находилась химическая аптека, то медик и аптекарь были привлечены к участию в расценке.

24 того же месяца прибыл к Москве вышеупомянутый Аренд Спиринг, главноуправляющий ведомством торговых налогов в Лифляндии. Русские сначала не хотели ввести его с обычным великолепием, как посла. Когда, однако, другие шведские послы на это обиделись и стали возражать, то русские все-таки, в конце концов, послали ему навстречу за город пристава, чтобы тот принял и ввел его.

VII

(Книга I, глава 8)

Как русские справляют свой
Новый год

1 сентября русские торжественно справляли свой Новый год. Они ведь считают свои годы от сотворения мира и уверены, подобно некоторым старинным еврейским и греческим писателям, с которыми и иные наши ученые согласны, что мир начался осенью. Я не намерен излагать причины этого убеждения. Об этой причине говорят Альфонс Тостат, Госпиниан, Кальвизий и Ориган, которые все того же мнения.

Московитский год в то время (в год по Р. Х. 1634) был 7142. Русские, приняв от греков веру, захотели последовать им и в их летосчислении.

Греческая и восточные церкви утверждают, что они придерживаются хронологии Никифора; они насчитывают от начала мира до Рождества Христова 5508 лет, хотя Никифор и считает всего 5500 лет. Если теперь причислить сюда тогдашнюю цифру года от Р. Х., а именно 1634, то получится 7142. Таким образом нынешний 1654 год пишется московитами и греческими христианами 7162. Мы же, согласно истине библейских рассказов о создании мира в 3949 г. до Р. Х., должны считать теперь 5603 г.

Процессия, которую устроили русские, справляя этот праздник, была очень красива на вид. На кремлевской площади собрались более двадцати тысяч человек, молодых и старых. На верхнюю площадь вышел патриарх со всем клиром, с почти 400 попов в священническом убранстве.

с очень многими хоругвями, иконами и раскрытыми старыми книгами. Они вышли из церкви, лежащей по правую руку, если подниматься вверх. Его царское величество, со своими государственными советниками, боярами и князьями, вышел с левой стороны площади. Великий князь с обнаженной головой и патриарх в епископской митре, оба поодиночке, выступили вперед и поцеловали друг друга в уста. Патриарх также подал его царскому величеству, чтобы тот мог приложиться, крест, с пядень длиною, осыпанный большими алмазами и другими драгоценными камнями. Затем он во многих словах произнес благословение его царскому величеству и всей общине, а также пожелал всем счастья к Новому году. Народ кричал в ответ: «Аминь!» Тут же стояло бесчисленное количество русских, державших вверх свои прошения. Со многими криками бросали они эти прошения в сторону великого князя: потом прошения эти собирались и уносились в покои его царского величества. Затем, в чинной процессии, каждый опять вернулся на свое место.

VIII

(Книга I, глава 9)

О первой тайной аудиенции, а также о том, каков был выезд татарских послов. О рождении великокняжеской дочери

3 сентября некоторых из шведских господ послов: г. Гилленшерну, г. Буреуса и г. Спиринга, коих поручение совпадало с нашим делом

(остальные господ послы, как-то: г. Филипп Шейдинг и полковник Генрик Флеминг, были посланы только по делам короны шведской), повели к публичной аудиенции с тем же великолепием, как наших послов. Так как и они просили, чтобы им разрешили прийти на тайную аудиенцию одновременно с нами, то просьба эта была уважена. Итак, 5 того же месяца мы вместе с ними, с обычным великолепием, совершили свой выезд. Их повели через верхнюю площадь Кремля налево (через помещение, которое, как и в день публичной аудиенции, было полно старых осанистых мужчин, сидевших в золотых платьях и высоких шапках) в комнату для тайной аудиенции. В этой комнате сидели четыре лица, коим было поручено дать нам тайную аудиенцию, а именно два боярина и два канцлера [дьяка] — все одетые в весьма великолепные одежды: их кафтаны были из золотой парчи и широко вышиты очень крупным жемчугом и драгоценными камнями; большие золотые цепи крестообразно висели у них на груди. У каждого боярина на голове находилась шапочка (вроде наших калотт), вся вышитая крупным жемчугом, с драгоценным камнем на верхушке. Двое других [т. е. дьяки] сидели в обычных высоких черных лисьих шапках. Послы были любезно приняты ими и приглашены сесть с ними рядом. Бояре сидели сначала на высшем месте, а именно позади в комнате у окна, где боковые скамейки сходились углом. Послов же посадили сзади у стены, а два канцлера заняли свои места спереди, напротив послов, на скамейке без спинки (каковые скамейки в России общепотребительны). Посреди этих усев-

Тайная аудиенция

шихся здесь господ стал и тайный его царского величества переводчик Ганс Гельмс. Что же касается наших людей и приставов, которые привели послов в комнату, то они должны были выйти в сени, за исключением двух секретарей и двух толмачей, которые, наряду с русским писцом, остались стоять здесь, для записи протокола.

Едва господа уселись, как высший боярин задал вопрос: «Достаточно ли снабжены господа послы едою и питьем и другими необходимыми вещами?» Когда выражена была благодарность за хорошее угощение и за изобилие всего, они встали, обнажив

свои головы, и первый начал говорить: «Великий государь царь и великий князь (далее следовало чтение всего титула, после чего все опять сели) велит сказать вам, королевским и княжеским послам, что он приказал перевести грамоты на русский язык, прочел их, да и вашу устную речь прослушал в публичной аудиенции».

Затем начал говорить второй (опять приподнимаясь, как и предыдущий): «Великий государь и проч. желает королеве шведской и князю голштинскому всякого благополучия и победы над их врагами и дает вам знать, что королевские и княжеские грамоты им прилежно

читаны и что их мнение им из грамот узнано».

Третий сказал с подобными же церемониями: «Великий государь и пр. узнал из грамоты, что вам в том, что вы будете говорить, надо иметь веру. Это и будет сделано, и его царское величество дает вам ответ».

Четвертый сказал: «Его царским величеством они отряжены; чтобы узнать, каковы будут предложение и просьба послов». Затем он прочитал имена тех лиц, которые назначены его царским величеством к участию в тайной аудиенции. Это были:

Наместник тверской князь Борис Михайлович Лыков Оболенской.

Наместник новоторжский Василий Иванович Стрешнев.

Два думные дьяка, а именно:

Иван Тарасович Грамотин, хранитель печати и обер-канцлер, и Иван Афанасьевич Гавренев, подканцлер.

По прочтении всех этих имен все опять поднялись с мест, и королевский шведский посол г. Эрик Гилленшерна начал по-немецки, от имени ее величества королевы шведской, благодарить за то, что его царское величество допустил их на тайную аудиенцию; затем он прочитал свое предложение, или пропозицию, изложенную на листе бумаги. Когда после этого перешли к чтению еще и нашей пропозиции, оказавшейся несколько более длинной, а советникам показалось, что время уже затянулось, то они потребовали пере-

Поезд черкасских татар

дачи обеих письменно изложенных пропозиций и пошли с ними наверх к его царскому величеству. Послы тем временем оставались одни в комнате для тайной аудиенции.

Тут наши пристава и некоторые из людей свиты вновь вошли к послам. Немногим более чем через полчаса явился один подканцлер с сообщением: на этот раз с нас достаточно: мы можем опять ехать домой; пропозиции будут немедленно переведены, и тогда нам будет дан ответ. И вот мы опять поехали на наше место.

12 того же месяца три татарские посла, без всякой пышности, ездили представляться. Они были посланы черкасским принцем, вассалом его царского величества. За ними бежали 16 прислужников. Они поехали в Кремль в красных кафтанах из грубого сукна, но вернулись в кафтанах из шелкового дамаста, красных и желтых, подаренных им великим князем.

Такие посольства, как говорят, присылаются ежегодно как этими, так и другими татарами, хотя никаких важных предложений они и не делают. Приезжают они больше всего ради одежды и подарков, зная, что всегда им дадут чего-нибудь.

15 того же месяца прибыли пристава и сообщили, что в предыдущий день великая княгиня разрешилась от бремени дочерью, которая уже крещена и названа Софиею. Русские вообще не оставляют своих детей долго некрещеными, да и не устраивают на крестинах такого торжества и пиршеств, как в Германии. Говорят, патриарх был крестным отцом, как у всех прочих детей великого князя. И мы должны были участвовать в этой ра-

дости: «корм», или провиант наш, в этот день был удвоен.

IX

(Книга I, глава 10).

О встрече турецкого посла

17 того же месяца под Москву прибыл турецкий посол. Его встретили с очень большим великолепием шестнадцать тысяч человек конницы. В этом большом войске можно было сосчитать не более шести штандартов. Первый, принадлежавший лейб-компаниям, был из белого атласа с изображением на нем двуглавого орла с тремя коронами, окруженного лавровым венком с надписью: «Virtute supero» (т. е. «доблестью побеждаю»). Далее были три синих с белым, с изображением на одном — грифа, на другом — улитки, на третьем — руки с мечом. Далее еще один из красного дамаста, изображавший двуликого Януса, и наконец красный, без изображения. Мы предположили, что такие эмблемы и знаменательные изображения были помещены [на штандартах] по указанию немецких офицеров, выступавших под Смоленск. Сами русские очень искусны в изобретении таких вещей. Перед каждым штандартом ехали волынщики и литаврщики, а перед лейб-штандартом — шесть трубачей, которые, по-своему, трубили что-то веселое. Некоторые из русских князей ехали на статных персидских, польских и немецких лошадях, хорошо убранных и разукрашенных; среди этих лошадей находились

и десять великокняжеских, увешанных большими серебряными цепями, о которых упомянуто при описании нашего въезда.

Некоторые из нас составили, вместе со шведами, отряд в 50 человек и выехали, с шведским маршалом высокоблагородным Вольф-Спаром во главе, за милю навстречу туркам, чтобы посмотреть на них. Когда турок нас увидел, то пристально стал вглядываться в нас, как и мы в него. С добрую милю мы ехали рядом с ним и осматривали его свиту и поезд, которые были таковы:

Спереди ехали 46 стрельцов, обвешанных луками, стрелами и саблями.

Далее следовал пристав в золотом парчовом кафтане.

За ним — 11 лиц в красных бархатных кафтанах. Это были частью турецкие, частью греческие купцы, частью греческие духовные лица.

Затем — маршал посла, один.

За ним — 4 стрелка-телохранителя с луками и стрелами.

Потом — в очень красивых одеждах два камерюнкера.

За ними следовал сам посол.

Он был среднего роста, с желтоватым лицом и с черною как уголь округленную бородою. Нижний кафтан его был из белого атласа с пестрыми цветами, верхний же кафтан из золотой парчи, подбитой рысьим мехом. На голове как его, так и всех его людей были белые чалмы. Таково, впрочем, обычное убранство в одежде турок.

Он сидел в плохой белой деревянной русской повозке, которая, однако, была покрыта очень дорогим золототканым ковром.

За ним шли более 40 багажных телег, в каждой из которых сидели слуги, по одному или по двое.

Когда они находились всего в четверти мили от города, и посол предположил, что русские, имеющие его встретить, уже недалеко, то они сошли с телег, и посол сел на прекрасную арабскую лошадь. Когда он проехал расстояние выстрела из мушкета, ему навстречу, как это обычно, выехали два пристава с великокняжескими лошадьми; они до тех пор оставались на лошадях, пока посол первый не слез с лошади. Зато и турки, несмотря на снимание русскими шапок при названии ими имени великого князя, оставили свои чалмы, по способу и обычаю своей страны, на головах, да и вообще не показали никакого знака почтения.

Приняв посла, русские опять быстро сели на лошадей, и хотя и турок не медлил и старался сесть, если не раньше, то хоть одновременно, однако ему доставлена была лошадь очень высокая и такая нравная, притом с высоким русским седлом, что ему пришлось много повозиться, пока он взобрался. Когда он, наконец, не без опасности (лошадь несколько раз старалась лягнуть его), сел на лошадь, приставы повели его, поместив его по середине между собою, на посольский двор, который только что был отстроен. Доставив посла на место, двор крепко заперли и заняли сильною стражею.

На время этого въезда наши послы охотно зашли бы к шведским, которые их приглашали к себе: ведь посольский двор находился близ помещения шведских послов, из которого можно было смотреть во двор

турок. Однако, государственный канцлер попросил господ [послов], чтобы они согласились хоть этот единственный день, ради известных причин, провести дома.

19 того же месяца мы имели, вместе с королевскими шведскими послами, вторую тайную аудиенцию.

Х

(Книга I, глава 11).

О поезде турок к первой публичной аудиенции, далее: о поезде греков к аудиенции, и как мы передали грамоту от его светлости курфюрста саксонского

23 сентября турецкого посла в следующем порядке повели к публичной аудиенции.

Спереди ехали 20 казаков на белых великокняжеских лошадях. Далее следовали турецкие и греческие купцы, а за ними несли подарки, а именно:

20 кусков золотой парчи. Их несли, по одному куску, 20 русских, шедших гуськом.

Золотой крест, с палец длиною, осыпанный алмазами и лежавший на серебряном блюде.

Хрустальный кувшинчик, оправленный в золото и украшенный драгоценными камнями.

Пояс для сабли, шитый золотом и украшенный драгоценными камнями.

Очень большая жемчужина, лежавшая на блюде, на красной тафте.

Два наголовья [для лошадей], с очень искусно приготовленную переднюю и заднюю отделкою.

Две попоны, шитые золотом и жемчугом.

Большой алмазный перстень, на блюде.

Рубин, величиною почти с рейхсталер, оправленный в золото.

Скипетр формы приблизительно такой же, как турецкий «пустеан».

Далее ехали четыре пары турок, затем два молодых красиво одетых челов., которые несли перед послом верительные грамоты на длинных красных шелковых платках; они были, в сложенном виде, длиною с локоть.

Греческие духовные лица не присутствовали при этом поезде. Им 28 того же месяца дана была особая аудиенция. Два старых русских попа, верхом на лошадях, проводили их в Кремль, где многие попы сопровождали их на аудиенцию.

Их подарки были:

Шесть частью вызолоченных блюд со святыми мощами.

Золототканая и шитая жемчугом священническая риза. Позолоченную покрывку для ризы несли за нею.

Наголовье для лошади, украшенное драгоценными камнями.

Два куска золотой парчи.

Другая риза.

Кусок серебряного тобину [парчи] с золотыми цветами.

Далее следовали греки в коричневых камлотовых кафтанах, с вышеуказанною свитою из русских монахов и попов. Перед ними несли епископский посох.

У наших послов имелась и грамота от его светлости курфюрста саксонского к его царскому величеству. Так как сочтено было желательным представить эту грамоту его царскому величеству в публич-

ной аудиенции, то для этой цели русскими назначен был день св. Михаила. В этот день грамоту перед послами нес высокоблагородный Иоганн Христоф фон Ухтериц на желтой с черным тафте. Великий князь принял эту грамоту очень любезно и спросил: «Как поживает курфюрст Иоанн Георг?» Когда было сообщено о здоровье его курфюршеской светлости, он далее сказал, что жалует послов кушаньем со своего стола. После этого нас опять проводили домой. Мы вполне приготовились к тому, чтобы получить это кушанье с великокняжеского стола, отложили наш обед до 2 часов пополудни, но напрасно: пришлось-таки велеть ставить на стол обычные наши блюда. Около 3 часов пришли в обычном порядке русские, доставили нам двойное количество напитков, но извинились относительно еды, что она не могла быть приготовлена так быстро; они нас спросили, не желаем ли мы лучше получить деньги вместо кушаний. Так как мы, однако, отказались, то на следующий день «корм» (или провиант) был дан в сырых материалах в двойном количестве. Как один из наших добрых друзей нам сообщил, до сведения царя дошло, что мы многие кушанья и блюда, в первый раз нам пожалованные, в тот же самый день, когда мы их получили, разослали другим лицам. Впрочем, надо заметить, что это совершенно обычно, чтобы из означенных пожалованных блюд, если их нельзя все съесть в тот же день, кое-что рассылали добрым друзьям, чтобы и их приобщить к [царской] милости.

XI

(Книга I, глава 12)

О большом русском празднике, далее: о нашей третьей, четвертой и пятой, или последней, тайных аудиенциях и об отпусках шведских господ послов.

1 октября у русских справлялся большой праздник, в который его царское величество со своими придворными и патриарх со всем клиром вошли в стоящую перед Кремлем искусно построенную Троицкую церковь, которую немцы зовут Иерусалимскою. Перед Кремлем, на площади с правой стороны, находится огороженное место вроде круглого помоста, на котором стоят два очень больших металлических орудия: у одного из них в диаметре локоть. Когда они теперь в процессии подошли к этому помосту, великий князь с патриархом одни взошли на помост. Патриарх держал перед царем книгу в серебряном переплете, с рельефною на нем иконою; царь благоговейно и низко кланялся этой иконе, дотрагиваясь до нее головой. Тем временем попы, или священники, читали. После этого патриарх опять подошел к царю, подал ему для целования золотой с алмазами крест, длиною с добрую руку, и приложил тот же крест ко лбу и обоим вискам его. После этого оба пошли в означенную церковь и продолжали свое богослужение. В эту же церковь направились и греки, которых русские охотно допускают в свои церкви, так как и они греческой веры; других исповеданий единоверцев своих они совсем не терпят в своих церквах. Для участия в той же процессии находи-

Троицкая церковь (Василий Блаженный)

лось здесь еще бесчисленное множество народа, который поклонами и крестным знаменем выказывал свое благоговение.

8 октября мы, вместе с швед-

скими господами послами имели третью тайную аудиенцию с два часа подряд.

12 того же месяца его царское величество со своими боярами, кня-

зьями и солдатами, т. е. в общем со свитою человек в 1000, отправился с полмили от города на паломничество в какую-то церковь. Великий князь ехал один с кнутом в руке; за ним ехали бояре и князья, по 10 в ряд, представляя великолепное зрелище. Далее следовали великая княгиня с молодым князем и княжною в деревянной, разукрашенной резьбою, сверху обтянутой красным сукном, а с боков желтою тафтою — большой повозке, которую везли 16 белых лошадей. За нею следовал женский штат царицы в двадцати двух деревянных повозках, выкрашенных в зеленый цвет и также обтянутых красным сукном, как была обтянута и конская упряжь. Повозки были накрепко закрыты, так что внутри никого нельзя было видеть, разве если случайно ветер поднимал занавесы; мне как раз привелось испытать подобное счастье при проезде повозки ее царского величества, так что я увидел ее лицо и одежду, которая была очень великолепна. С боков шли более 100 стрельцов с белыми палками; они ударами разгоняли с дороги сбегавшийся отовсюду народ. Народ, который очень любит и уважает власти, все время с особым благоговением желал им счастья и благословлял их путь.

23 того же месяца мы, вместе со шведами, имели четвертую тайную аудиенцию, на которой было решено большинство дел.

28 шведские господа [послы] все вместе получили полный отпуск на публичной аудиенции. Их люди, по их приказанию, публично несли перед ними, когда они спускались из дворца, их рекредитивы. После этого, 7 и 10 ноября, они тремя парти-

ями отбыли из Москвы вновь в Лифляндию и Швецию.

19 ноября мы имели пятую — последнюю — тайную аудиенцию, во время которой было сообщено, что его царское величество, по достаточном обсуждении вещей, на основании существующих трактатов, наконец высказался и решил: его княжеской светлости герцогу Фридрику шлезвигскому, голштинскому и проч., как своему другу, дяде и шурина, из особой любви, уступить в желательном деле, в котором до сих пор многим государям отказывалось, и разрешить, чтобы его послы через Россию могли съездить в Персию и обратно, с тем, однако, чтобы они теперь вновь вернулись в Голштинию и привезли оттуда подтверждающую грамоту его княжеской милости относительно статей договора.

После такого результата, которого мы добились многими предыдущими трудами и хлопотами, мы доставили себе всякого рода увеселения посещением некоторых добрых друзей: господа послы, а с ними и некоторые из нас, были у шведского г. резидента на крестинах, у г. доктора Венделина, царского лейб-медика, на свадьбе, устроенной им у себя на дому для нашего бывшего дорожного спутника по путешествию г. Гарлефф-Людерса; этот последний потом был при голштинском дворе в Готторпе учителем княжеских дочерей. Наконец, мы были и у г. Давида Рютца, знатного купца, на великолепном пиршестве.

Московитская процессия

XII

(Книга I, глава 13)

О русской церковной процессии, а также о том, как крымские татары ехали к аудиенции

22 октября русские устроили большую, видную процессию к церкви, находящейся в городе недалеко от обыкновенного посольского двора. Тут участвовали и патриарх и великий князь. Можно было видеть следующее:

Путь от Кремля до церкви был уложен досками; спереди шли много продавцов восковых свеч и несколько человек, которые мели улицу метлами.

Далее шла самая процессия.

Спереди шел человек с умывательным тазом и полотенцем.

Далее несли три красных с белым знамени, почти вроде штандартов.

Затем — 61 поп в церковных облачениях.

Четырех херувимов несли на длинных палках.

Фонарь, также укрепленный на палке.

Далее следовали 40 попов.

Крест с шарами на концах, утвержденный на палках, дважды крестообразно сложенных; его несли 8 попов.

За ним шли 100 попов и монахов; каждый нес икону.

Особенно большая икона, которую несли два челова.; она была завешана.

Затем следовали 40 попов.

Затем опять несли икону, обвешанную многими жемчужинами; ее несли три челова.

За нею опять икона.

Четыре пона шли с пением.

Опять икона. Впрочем, все иконы были живописной работы и ни одной не было резной.

Обсаженный алмазами крест, длиною более четверти локтя, на блюде.

Две горящих свечи.

Далее шел патриарх в драгоценном святительском одеянии, под голубым балдахином. Два челова вели его под руки.

Перед ним и по обе стороны шли более 50 попов и монахов.

За ними шел его царское величество пешком, под красным балдахином, сопровождаемый своими боярами и князьями.

За ним два челова несли красный стул.

Лошадь великого князя вели под уздцы.

В самом конце две белые лошади везли сани.

В такой процессии они отправились в вышеуказанную церковь, которая была построена и служила местом для ежегодных процессий вследствие того, что там как-то была найдена в земле икона Девы Марии.

12 декабря мы видели, как поехали в Кремль 72 крымских татарина, которые все именовали себя послами. Великий князь целых три часа сидел перед ними и сам выслушивал их просьбы. Они разместились, по своему обычаю, на полу в аудиенц-зале и каждому из них, как нам рассказали, подано было по чаше меду. После этого двоим знатнейшим даны были кафтаны из золотой парчи, а другим из красного скарлату, а еще иным, по нисходящему порядку, кафтаны похуже, вместе с собо-

лыми и другими шапками. Спускаясь из Кремля, они несли эти подарки, навесив их поверх своих костюмов.

Эти народы жестоки и враждебны. Они живут в обширных, далеко разбросанных местах к югу от Москвы. Великому князю у границ, особенно близ Тулы, они доставляют много вреда, грабя и похищая людей. Правда, раньше царь Феодор Иванович построил там в защиту от их нападений вал более чем на 100 миль, срубив леса и прокопав каналы; однако теперь мало от этого пользы. Они часто приезжают с подобными посольствами, но только для того, чтобы, подобно вышеупомянутому, забрать что-нибудь и получить подарки. Его царское величество в таких случаях не обращает внимания на расходы, только бы купить мир. Однако они хранят мир не дольше, чем им это кажется выгодным.

ХIII

(Книга I, глава 14)

О последней публичной аудиенции

16 декабря нас опять с большим великолепием повели к публичной аудиенции. Так как ввиду снега и мороза, случившихся тогда, большие господа, по тамошнему обыкновению, ездят не верхами, а в санях, то послам были доставлены двое саней, прекрасно снаряженных: одни были везде внутри обиты красным атласом, другие — красным дамастом; сзади они были выложены шкурами белых медведей, а под медвежьими шкура-

ми лежали прекрасные турецкие одежды. Хомуты лошадей были вызолочены и обвешаны многими лисьими хвостами (таково величайшее украшение у знатных людей и даже в санях самого великого князя).

Каждый из приставов ехал в особых санях и с правой руки каждого посла. Перед аудиенц-залом, по-прежнему, встретили их двое вельмож, вышедших к нам навстречу. Они ввели послов к его царскому величеству, который сначала велел спросить через государственного канцлера: «Здоровы ли послы?» После полагающегося ответа за ними поставлена была скамейка, на которую их просили присесть. После этого канцлер начал так: «Великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович, всея России самодержец и проч., велит вам, послам, сказать; что вы от его княжеской милости князя Фридрика голштинского были присланы к его царскому величеству с грамотами, которые в исправности приняты, равно как выслушаны вы, согласно вашему желанию, царскими боярами и советниками: князем Борисом Михайловичем Лыковым, Василием Ивановичем Стрешневым и думными дьяками: Иваном Тарасовичем и Иваном Гавреневым. И после всего этого изготовлен и договор об известных вопросах и вами подписан. Точно также его царское величество получил через вас и грамоту от курфюрста Иоганна-Георга саксонского и содержание ее выслушал. Теперь же вам предстоит получить царские грамоты к князю Фридрику голштинскому и проч., равно как и к курфюрсту Иоганну-Георгу».

С этими словами канцлер передал, перед царским престолом, письма, которые послами должным образом были приняты. Затем великий князь поклонился, говоря: «Как будут послы у его курфюршеской светлости Иоганна-Георга и его княжеской милости герцога Фридерика, то пусть передадут им поклон». После этого он, через канцлера, велел сказать, что жалует послов: дает им и их обер-офицерам и гофъюнкерам опять поцеловать свою руку. Когда это совершилось, нам вновь сообщено было о пожаловании нам кушаний со стола его царского величества. Послы обычным образом благодарили за оказанные им царские благодеяния и за доброжелательство, пожелали его царскому величеству долгой жизни, счастливого и мирного правления, и всему великокняжескому дому всяческого царского благоденствия; затем они попрощались и направились опять домой.

Через час получены были великокняжеские кушанья и напитки. Кушанья в 46 блюдах представляли собою, большею частью, вареные, жареные в растительном масле и печеные рыбы, кое-что из овощей и других печеных кушаний, причем мясного совсем не было, так как в то время был пост, обычный у них перед рождественским праздником. Этот обед был нам доставлен князем Иваном Львовым совершенно тем же способом, как предыдущий, доставленный после первой публичной аудиенции.

После этого пришли к нам великокняжеские шталмейстер и погребщик, равно как и те, кто каждый раз доставлял кушанья и напитки в посольский дом, и просили подарков.

Шталмейстеру и погребщику, равно как и князю, дано было каждому по бокалу, другим же людям (их было 16) дано было всего 32 рубля, т. е. 64 рейхсталера.

На следующий день пришли приставы с двумя переводчиками, а именно Гансом Гельмесом, который был занят у его царского величества и бояр его во время наших секретных переговоров, и Андреем Ангелером, который всегда служил нам одновременно с приставами. Они справились, сколько нам нужно лошадей для обратного пути (расчет был сделан на 80 подвод или вольных лошадей). Переводчики также получили по большому бокалу, каковой дан был и старшему писцу в канцелярии. Разные бокалы были посланы и некоторым из вельмож, которые помогали нам в наших делах и все время выказывали добрую дружбу.

XIV

(Книга I, глава 15)

О нашей возвратной поездке в Голштинию, от Москвы до Новгорода

21 того же месяца наши приставы представили нам нового пристава, по имени Богдана Сергеевича Хомутова, который снова должен был доставить нас на шведскую границу.

Прислав на следующий день 80 подвод на посольский двор, приставы пришли и привели с собою писца из [царской] сокровищницы с 12 другими русскими; они принесли послам и их людям подарки его цар-

ского величества, а именно несколько «сороков» соболей; в каждом «сороке» — 20 пар. Обоим послам дано было в общем 11 сороков хороших соболей. Офицерам, юнкерам, камерпажам, фурьерам, повару и каретнику дано было каждому по «сороку» подкладочных соболей. Другим еще низшим служителям даны были кому две, кому одна пара. Писцу, который принес собольи шкурки, дан был бокал, а другим русским — 30 рублей.

Его царское величество также предоставил послам на волю, не желают ли они, ввиду предстоящего праздника Рождества и случившихся очень сильных морозов, еще несколько дней пробыть в Москве: несмотря на отпуск, он ничего не имел против дальнейшего их пребывания. Так как, однако, послы стремились уехать, то мы собрались в путь.

Послы и некоторые из нас купили собственные сани, лучшие из которых стоили не более 3, или самое большее — 4 талера.

Имея в виду в будущем поехать в Персию, послы отправили вышеупомянутого корабельщика Михаила Кордеса, дав ему 6 человек помощников, в Нижний, в 100 милях за Московью, чтобы он там построил судно, которое годилось бы для Волги и Каспийского моря.

После этого мы все-таки 24 декабря собрались в обратный путь. Около полудня прибыли приставы с несколькими стрельцами и двумя санями, в которых послы ездили на аудиенцию; послов опять в добром порядке вывезли за город, где мы попрощались с приставами, немцами и другими добрыми друзьями, проводившими нас на протяжении

восьмушки мили. Затем каждый сел в свои собственные сани, и мы пустились в путь.

Весь этот день и следующую ночь мы ехали до Клина, деревни, лежащей в 90 верстах или 18 милях от Москвы. Отпраздновав здесь на следующий день проповедью наше Рождество, мы после полудня продолжали свой путь, путешествовали всю ночь и к утру, 26, прибыли под город Тверь, где нам — так как здесь первый ям — дали свежих лошадей, которых мы вечером впрягли; мы проехали в ночь 12 миль до Торжка. Отсюда мы на четвертый или — считая от нашего выезда из Москвы — шестой день, а именно 31 декабря, прибыли в Новгород, который считается в 110 немецких милях от Москвы. Русские лошади зимою, при одной кормежке, могут постоянной рысью пробежать 10 или 12 миль: впрочем, в России почти везде путь ровный.

XV

(Книга I, глава 16)

Путешествие через Нарву, Ревель, Пернов в Ригу

1 января 1635 г., по совершении богослужения, мы проехали дальше, до [деревни] Мокрицы, 36 верст. 2 сделали мы 32 версты до Зверина, 3 того же месяца 30 верст до Орлина, 4 41 версту до Заречья. Еще в ту же ночь сделали мы 4 мили до Лилиенгагена, дворянского имения, лежащего в Ингерманландии и принадлежащего госпоже Екатерине Стопиэ, вдове Иоганна Мюллера,

бывшего шведского агента в Москве. Здесь нас хорошо угостили. 5 того же месяца мы сделали 7 миль до города Нарвы.

6 того же месяца багаж опять был отослан вперед, а послы со свитою последовали за ним на другой день. На третий день, 10 января, мы вновь достигли города Ревеля.

Здесь мы пробыли почти 3 недели и, так как дальнейшую поездку мы не могли совершить в Голштинию через Балтийское море, которое в данное время недоступно для судов, а также находили нежелательным оставаться всю зиму в бездействии в Ревеле, то мы решили возможно скорее продолжать наш путь сушею, через Пруссию, Померанию и Мекленбург. Вследствие этого большинство людей свиты были на особых условиях оставлены в Ревеле, на хлебах у господина Генриха Коза. Послы же вновь направились с 10 лицами 30 января из Ревеля, избрав ближайший путь через Ригу.

Первые наши две ночевки устроили мы в имении Кегель, где г. Иоганн Мюллер, покойный тесть мой, потомственный владделец Кунды и магистратский советник города Ревеля, хорошо угостил нас.

2 января мы прибыли в Пернов и были приняты здесь салютными выстрелами, во время которых Господь Бог (за что я всем сердцем должен благодарить Его) отвратил от меня большое несчастье. Из орудия, находившегося над воротами, выстрелили еще до нашего въезда; при этом оно наклонилось, и банник, забытый в жерле, близко надо мною ударился о переднюю стену, так что куски полетели вокруг моих саней, и я от

гула выстрела более чем на полчаса оказался лишенным слуха.

Пернов — небольшой город. Имя свое получил он от реки, протекающей мимо него. Он лежит на Балтийском море, имеет довольно хороший замок. Главное занятие горожан — торговля хлебом. Король Эрик шведский в 1562 г. подчинил их своей власти. В 1565 г. город был занят поляками, а после них московитами, но в 1617 г. он снова достался шведам. В наше время там находилась и имела свою резиденцию вдовствующая графиня Магдалина фон Турн, рожденная графиня Гардек. К ней послы отпустили меня с двумя другими лицами, чтобы передать ее графской милости свой привет и предложить свои услуги, если бы она нуждалась в них для каких-либо дел в Германии. Что ее княжеской милости привет и предложение были приятны, явствовало не только из того, что она, с выражением глубочайшей благодарности, сама подала в трех больших бокалах для каждого из нас испанского вина, чтобы мы пили за здоровье нашего милостивейшего князя и государя и его послов (в то время как сама она наговорила много высокоразумных и глубокомысленных вещей про высокую славу его княжеской светлости, про похвальную цель нашего посольства, про национальность и религию русских — все с высокою рассудительностью, причем речь ее лилась, исполненная особой прелести и величия), но прислала также двоих своих сыновей, их графские милости славных господ Христиана и Генриха, графов фон-Турн, с их гофмейстером Иоганном Липгардтом, из дворца на нашу квартиру, с поручением засвидетельство-

вать господ послам уважение ее к его княжеской светлости. Послы оставили их к столу у себя в этот вечер. При этом молодые графы выказали особые, приличные их званию, но ввиду их юности еще не ожидавшиеся от них достоинства, а равно умение говорить.

На следующий день графиня прислала разной провизии, вместе с некоторыми письмами на имя своего господина свекра, старого графа фон Турн, и просила рекомендовать ее сыновей его княжеской светлости, герцогу голштинскому.

При отъезде нашем из города, наш хозяин не пожелал никакой платы за обед, так как ее милостью была доставлена почти вся провизия. Поэтому ему были подарены 20 рейхсталеров, за что он любезно благодарил. Но только что мы отъехали на милю от города, как нас догнал посланный им всадник, принесший деньги обратно и сообщивший, что подарок слишком мал. Поэтому мы отослали обратно нашего фурьера, велев ему доплатить еще 12 талеров, чтобы удовлетворить хозяина.

6 того же месяца мы въехали в Ригу и были хорошо приняты добрыми друзьями. На следующий день прибыл г. губернатор, чтобы посетить послов: он устроил 10 того же месяца большое пиршество, пригласив к нему нас с знатнейшими лицами из города. Нам дано было великолепнейшее угощение.

В эти дни разные добрые друзья приглашали нас, для привета, на пиршества, причем нас всячески увеселяли.

XVI

(Книга I, глава 17)

О поездке через Курляндию

13 февраля мы вновь собрались в путь из Риги. Отсюда же, вместе с нами, отправился в путь французский посол, писавший себя так: Шарль Таллеран, князь де-Шаль, маркиз д'Иссидевиль, барон баронств Марвиль и Бовиль, сеньор де-Гриколь. Этот последний был послан с Яковом Русселем от короля французского, в качестве посла к турку и к великому князю московскому. Его сотоварищ, однако, изменнически донес на него в Москве патриарху, обойденному разными кознями. Вследствие этого маркиз впал в немилость у великого князя, был сослан в Сибирь и три года оставался там в заточении. Когда, однако, узнаны были коварство и злоба Русселя, старавшегося ссорить многих государей и подавлять тех, кто ему в этом мешал, а также, когда узнана была невиновность маркиза, то, после смерти патриарха, маркиза опять отпустили на волю. Находясь в темнице, маркиз, чтобы убить время, выучил наизусть первые четыре книги «Энеиды» Виргилия: он был в состоянии говорить стихи из этих книг с любого места, которое бы ему ни назначили. Это был человек лет 36, веселого нрава.

Наша поездка шла через Курляндию, и 14 того же месяца к полудню мы прибыли в Митаву, городок, лежащий в 6 милях от Риги; поздно вечером, пройдя еще 3 мили, мы подошли к деревне Доблен. Так как дело было ночью, то хозяин не хо-

тел нас принимать, полагая, что мы солдаты или цыгане, посетившие его несколько дней тому назад и плохо его наградившие. Он, однако, дал себя уговорить наконец, но дал нам в угощение только сыру, хлеба и кислого пива.

15 того же месяца проехали мы 7 миль до Фрауэнберга, где местный начальник (амтман), правда, не пустил нас в замок, но зато прислал добрую бочку пива в нашу гостиницу. Это маленький городок, принадлежащий полякам; здесь имеется собор на горе, вокруг которой живут каноники, имеющие хорошие доходы.

16 того же месяца мы опять проехали 7 миль до Бадарена в польской области, где мы заехали к старому дворянину и ротмистру по имени Иоанну Амбод(ен)у. Он нас очень хорошо принял, продержал нас долго за полночь, угощая великолепными напитками, как-то: старым литовским медом, вином и пивом. Он так хорошо сошелся с послами, что побратался с ними (пил брудершафт). На следующий день он опять устроил к завтраку княжеское угощение, вывел к столу своих двух дочерей, которых он в предыдущий вечер не показывал, и велел весело бить в литавры. Он подарил одному из послов хорошее ружье, другому саблю, а сам получил от каждого на память по хорошим карманным часикам. Так как мы за завтраком засиделись за полдень, то в тот день проехали не более 4 миль до Гаффсгоффа, где мы, без еды, легли спать.

18 того же месяца мы прошли до деревни Ватцау 6 миль.

19 того же месяца до Мемеля — 6 миль.

Мемель — небольшой городок, лежащий у красивой бухты Балтийского моря и окаймляемый речкою Цанге; у него устроены окопы с четырьмя бастионами. Город, как говорят, построен в 1250 г. по Р. Х., принадлежит Пруссии и курфюрсту бранденбургскому; в данное время его сильно охраняли шведы.

20 февраля мы отправились по гаффу до Свенцеля на расстоянии 3 миль, вечером сделали 5 миль до Булькапена и отсюда имели уже только 8 миль до Кенигсберга, куда с нашими санями мы благополучно прибыли 21. Так как снега было мало, то мы здесь прекратили нашу поездку на санях.

Среди других достойных замечания вещей мы здесь в прекрасно построенном курфюрстском дворце нашли великолепную библиотеку, которая, хотя и не ежегодно, пополняется, но содержится в хорошем порядке. Между прочим мы здесь видели хранилище, полное фолиантов и больших in-quarto, которые все были окованы в серебро. Среди них нам показывали книгу, которую маркграф Альберта Бранденбургский, первый прусский герцог, умерший в 1564 г., собственноручно написал: в ней он поучает сына своего, как тот, после его смерти, должен хорошо и по-христиански править государством. Над церковью находится большой прекрасный зал, длиною в 166 шагов и шириною в 30 шагов, с искусными сводами без средних колонн и подпорок.

24 того же месяца мы опять отправились в путь, с колясками и телегами, через пустыри и песчаные холмы до Эльбинг(ен)а, красиво построенного и хорошо украшенного

города, с домами, правда, не высокими и не роскошными, но красиво расположенными, при приличных улицах, с башнями, новыми валами и окопами.

27 февраля мы прибыли в Данциг. Здесь мы отдыхали свыше двух недель. В течение этого времени благородный совет принес нам хорошие подарки, а некоторые магистратские советники и знатные граждане почтили нас прекраснейшими пиршествами (из них лучшее было у господина Россова). Нас повели также на стоящий у рынка юнкерский двор, в высокий сводчатый зал, где обыкновенно знатнейшие граждане города увеселяются выпивкою. Они составляют оделенное прекрасными привилегиями братство, в которое они включили и господ послов, а также кое-кого из нас. Согласно их книге, в братстве состоят и некоторые лица из княжеских родов. Кто желает вступить в братство, должен для приветствия выпить из большого позолоченного бокала, в который входит более кувшина вина; при этом говорится, что тот, кто выпьет все до дна, может унести бокал к себе домой. Говорят, некогда какой-то поляк, чтобы получить бокал, взялся за эту задачу и, действительно, выпил его до дна. Ему, согласно обещанию, позволили взять бокал на дом, но вскоре попросили его обратно, ссылаясь на то, что, правда, разрешено брать бокал с собою, но не разрешено сохранять его у себя. Они проводили нас и в свой арсенал, который очень хорошо устроен, снабжен обильно всякой амуницией и ружьями, и в таком прекрасном по-

рядке, что прямо приятно смотреть на него.

16 марта мы вновь собрались в путь и 25 прибыли в красивый город Штеттин.

29 того же месяца, а именно в день Св. Пасхи, мы прибыли в Росток, а 30 в Висмар. Эти на последнем месте названные города, лежащие близ нас и достаточно известные по другим писателям, как-то: Касперу Шульцу, Генпебергеру, Цейлеру и иным, нет нужды описывать подробнее.

В последнее число марта месяца мы прибыли в княжеский замок Шёнберг. Здесь родители нашего милого спутника Иоганна Альбрехта фон Мандельсло любезно приняли нас и великолепно угостили. Они же оказали, и мне в особенности, большие почести и благодеяние, так как со мной тут произошел несчастный случай, и я должен был, после отъезда послов, остаться здесь лежать еще несколько дней.

Отсюда поездка 1 апреля шла на Любек, а потом на Аренсбёк. Здесь его княжеская милость герцог Иоахим Эрнст шлезвиг-голлштинский велел привезти послов в карете, запряженной шестеркою, в замок; тут он пригласил их и 3 человек из нашей среды к столу. В уважение к нашему милостивейшему князю и государю нас очень хорошо приняли и угостили.

На следующее утро, после хорошего завтрака, его княжеская милость велел отпустить послов на квартиру. В этот день мы проехали до Преца.

6 апреля около полудня мы направились в Киль, а к вечеру мы, с помощью Божиею, благополучно опять прибыли к Готторпу. В течение

следующих дней послами дан был его княжеской светлости отчет о сделанном.

Вот что вкратце могли мы сказать о первой поездке в Московию и т. д.

XVII

(Книга II, глава 1)

Имена лиц, участвовавших во втором посольстве

Когда теперь его княжеской светлости стало известно, что великий князь московский согласился на проезд через свое государство в Персию, то он решил не жалеть средств для выполнения своей высокой цели и издал приказ, чтобы хорошенько подготовиться к другому посольству, а именно к шаху персидскому, и возможно скорее предпринять дальнейшее путешествие. Поэтому тотчас были собраны всевозможные предметы и драгоценные подарки для поднесения их шаху. Свита была усилена и пышно снаряжена. Тем временем его княжеская светлость послал меня с неким поручением в Брабант к кардиналу-инфанту. Во время возвратного пути оттуда я заболел столь сильною болезнью, что наш медик в Гамбурге счел меня за мертвого челоу. В течение болезни я встретил прекрасные уход и обхождение в доме Брюгманна, как со стороны его самого, так и его близких; это я записываю в честь его, потому что, вспоминая об испытанных благодеяниях, я позже с терпением переносил многие неприятности от него. Другие лица свиты также столовались в доме посла Брюгеманна и получали вся-

кое доброе обхождение, смотря по достоинству и положению каждого. Тут, как и всегда потом во время поездки, при общем столе трубили в трубы.

Лица свиты, согласно княжескому придворному обычаю, были оделены разными должностями и званиями. Порядок их был следующий:

Герман фон-Штаден из Риги в Лифляндии, маршал.

Адам Олеарий из Ашерслебена в Саксонии, посольский советник и секретарь.

Высокоблагородный Иоганн Альбрехт фон-Мандельсло из Шинберга в епископстве Рацебургском, шталмейстер.

Высокоблагородный Иоганн Христоф фон Ухтериц, наследственный владетель Лицена у Лейпцига, родом из Мейссена, камергер.

Гартманн Граманн из города Ильмена в Тюрингии, лейб-медик господ послов.

Генрих Шварц из Грейфсвальде в Померании, дворецкий и кухмистр.

Гофъюнкеры и стольники:

Господин Иероним Имгофф, патриций из Нюрнберга.

Фома Мельвиль из Эбердина в Шотландии.

Магистр Павел Флеминг из Гартенштейна в Фохтланде.

Ганс Грюневальдт, патриций из Данцига.

Господин Соломон Петри из Пеника в Мейссенской земле, придворный проповедник.

Ганс Арпенбеке из Дерпта в Лифляндии, старший русский переводчик.

Генрих Кребс из Гамбурга.

Лион Бернольди из Антверпена.

Камер-пажи:

Христиан Людвиг Гюбенер из Брюнна в Моравии.

Георг Пий Пемер, патриций из Нюрнберга.

Ганс Фохт из Фрейберга в Мейссенской земле.

Беренд Кох из Ревеля в Лифляндии.

Другие пажи:

Фома Гланц из Вольгаста в Померании.

Илия Галле из Герцберга в Мейссенской земле, дискантист.

Ганс Михель из Малой Песны у Лейпцига.

Зигфрид Дезебрух из Газелу в Голштинии, альтист.

За ними следовали:

Исаак Мерсье из Женевы в Саvoyе, камердинер.

Франциск Муррер из Ней-Марка в Оберпфальце, сначала мундшенк, потом камердинер посла Брюгманна.

Николай Гешге из Драге в Штапельгольме, квартирмейстер.

Адам Меллер из Любека, полевой трубач.

Каспер Герцберг из Перлеберга в Мархии, полевой трубач.

Иоанн Гильдебрандт из Гамбурга, музыкант.

Беренд Остерманн из Гамбурга, музыкант.

Христиан Герпиг из Гекштедта в графстве Мансфельдт, музыкант на Viola da Sambo [виолончели].

Ганс Вейнберг из Данцига, фельдшер.

Иаков Шеве из Ней-Штеттина в Померании, кухонный писец.

Симон Крецшмер из Лейпцига, хранитель серебра.

Дитерих Ниман из Бокстегуде, портретист и хранитель серебра.

Михаил Пфаундлер из Инсбрука в Тироле, часовщик.

Ганс Кезель из Кемптена в Швабии, часовщик.

Драбанты:

Христоф Гартман из Штуттгарта в Вюртемберге, столяр.

Канут Карстенсон из Несштадта в Дании, конский кузнец.

Симон Гейзелер из Кирхгайна на Экке в Вюртембергской земле, шорник.

Рихард Шмиль из Любса в Мекленбурге, пекарь.

Мартин Виттенберг из Либавы в Курляндии, сапожник.

Фома Крэйг из Трэнента в Шотландии.

Иоахим Ике из окрестностей Ней-Бранденбурга в Мекленбурге.

Герт Вестерберг из города Утрехта, портной.

Лакеи:

Стэн Иенсон из Маркерёра в Швеции.

Иоганн Команн из г. Гамбурга.

Ганс Гофмейстор из Травемюнде, мясник.

Эцердт Адольф Вельнер из Эзенса в Восточной Фрисландии, портной.

Каспер Зеелер из Гросс-Глогау в Силезии, ружейный мастер.

Франц Вильгельм из Пфальца, портной.

Вильгельм Анрау из г. Гельдерна в Нидерландах, портной.

Яков Андерсен из Монтау в Пруссии, сапожник.

Ганс Герике из Мекленбурга.

Затем следовали:

Иоганн Альгейер из Безикгейма в Вюртембергской земле, главный повар, со своими людьми, как-то:

Иаков Ганзен из Тундерна в княжестве Шлезвигском, кухонный прислужник.

Иост Шафф из Касселя в Гессене, кухонный прислужник.

Ганс Лукк из Киля в Голштинии, поваренок.

За ними:

Трокс фон-Эссен из Гамбурга, каретник.

Михаил Блуме из Виттенберга в Саксонии, помощник фельдшера.

Слуги юнкеров:

Слуги маршала: Петр Вольдерс из Риги, Ганс Карл Бёмер из Пирны в Мейссенской земле.

Слуга секретаря и дискантист: Матвей Гебнер из Прибора в Моравии; Мартин Ларсон из Вестероса в Швеции.

Слуги шталмейстера: Иоахим Бингер из Брилля в Мекленбурге и Ганс Линау из Мекленбурга.

Слуга камергера Альбрехт Зудоцкий из Олиты в Литве.

Слуга доктора Христоф Бухнер из Крейссена в Тюрингии.

Слуга гофмейстера Михаил Поль из Виттштока в Мархии.

Слуга г. Имгоффа Николай Фохт из Нейбруннена в Кобургской земле.

Слуга Фомы Мельвиля Питер Девис из Эбердина в Шотландии.

Походного проповедника слуга Аксель Кэг из города Або в Финляндии.

За ними:

Георг Вильгельм фон Финкенб-

ринк из города Митавы, в Курляндии, русский толмач.

Мартин Альбрехт, по рождению татарин-узбек, турецкий переводчик, которого продали Московиту.

Георгий Иванов-сын, и Марк Филиров-сын, оба армяне, толмачи с персидского.

Еще:

Мальчики при хранителях серебра: Христоф Кольб из Страсбурга и Гердт Кроссе из города Граве в Нидерландах.

Мальчик при трубачах Ивен Бартельсен из Шлезвига.

Мальчик при музыкантах Иост Адриан из Ревеля.

Мальчик погребщика Христофор Пудт из Гамбурга.

Мальчик мундшенка Войтешок Красовский из Салокова в Польше.

Конюший мальчик Ганс Пуденберг из Вольгаста в Померании.

Мальчик при собаках Иоганн Янсон, голландец.

Шкипера и боцмана, отправившиеся в Персию:

Михаил Кордес из г. Любека, шкипер.

Корнилий Клаус Клютинг из Воргена в Голландии, шкипер.

Юрьен Стеффенс, главный боцман, из Любека.

Генрих Гартс, младший боцман, из Штаде.

Альбрехт Штюк, пушкарь, из Гамбурга.

Петр Виттенкамп, боцман, из Гамбурга.

Матвей Мансон, боцман и парусник, родом из Швеции.

Петр Веде, Клаус Клауссен, Вильгельм Румп — боцмана из Любека.

Корнелий Иостен, корабельный плотник, из Смоланда в Швеции.

Михаил Глѣк, юнга из Любека.

Все эти лица частью поехали с нами из Германии, частью присоединились к нам на пути. К ним мы прибавили еще в Москве 30 великокняжеских солдат и офицеров с четырьмя русскими слугами. Таким образом, вместе с господами послами, это путешествие в Персию совершили 126 человек.

XVIII

(Книга II, глава 2)

Часть весьма трудного и опасного мореплавания

Когда теперь все вещи были вполне приготовлены, господа послы со всеми людьми, находившимися при них, 22 октября 1635 г. в добром порядке выехали из Гамбурга и 24 того же месяца прибыли в Любек, где отдыхали 2 дня, пока наши вещи и утварь, вместе с 12 верховыми лошадьми, грузились у Траvemюнде на судно. 27 последовали [за ними] и господа послы, а около полудня [того же дня] большая часть людей была уже на судне. Наш корабль был совершенно новый, никогда еще не ходивший под парусами.

Когда мы только что оттолкнули судно от берега и хотели выводить его из гавани, вдруг из моря в реку Траве полилось весьма сильное и необыкновенное течение, несмотря на то, что ветер был с суши к морю — чему некоторые корабельщики очень дивились. Вследствие этого наш ко-

рабль был отнесен к двум другим большим судам, стоявшим в то время в гавани, повредил их несколько и сам до того запутался, что пришлось трудиться и стараться более трех часов, пока удалось освободить его и вывести из гавани на рейд. Некоторые из нас сочли это за дурное предзнаменование для нашего начинавшегося путешествия: к сожалению, печальный конец доказал, что они были правы.

Один из нас отослал с судна в Лейпциг своему доброму другу такого рода прощальное стихотворение:

Германия! Меня защиты ты лишила

С тех пор, как даль меня из рук твоих сманила.

Прощай, о мать моя! Ах, не тужи в слезах

О том, кто весел так был на твоих руках!

Я лучшую тебе ведь оставляю долю:

Мне друга сбереги! Всего получит в волю

Пусть от Фортуны он! Пусть славу и почет

За добродетели в награду он найдет.

Остался с Феба ты, мой милый друг, народом,

Я ж к варварам плыву, навстречу злым невзгодам.

В объятьях милой ты заснешь спокойным сном,

Меня Фетида здесь страшит холдным дном.

Из дома гонишь ты заботы прочь и горе,

Со страхом я гляжу, как вкруг бушует море;

Ты дуновением из милых уст польщен,

Я злою бурюю, быть может, поглошен.

Но Кто тебе дал все, Кто в счастье охраняет,

Тот бдит и надо мной. Я верю,
Он склоняет

В грядущем все дела счастливо к заключенью:

Мы оба вознесем Ему благодаренье!

На следующий день, 28 октября, рано утром в 5 часов, посвятив час молитве, мы, во имя Божие, стали под паруса. Ветер был вест-зюйд-вест; к полудню он стал весьма сильным и наконец перешел в бурю, продолжавшуюся всю ночь.

Тут мы заметили, что большинство наших моряков в искусстве мореплавания были столь же стары и опыты, как наше судно, в первый раз выходявшее с нами в море. Приходилось считать чудом, что наша мачта, весьма опасно качавшаяся из-за новых канатов, не повалилась через борт в первый же день.

29 того же месяца ночью мы подошли слишком близко к берегу Дании, который нашим штурманом принят был сначала за остров Борнгольм. Наш курс был направлен на берег Скони, и мы вскоре с опасностью для корабля и жизни сели бы на этот берег (тем более что лот уже показывал не более 4 сажень), если бы начавшийся день не открыл нам берега и мы не успели изменить тотчас свой курс. Около 9 часов мы имели остров Борнгольм вправо от себя.

Так как в течение этого дня сначала замечался слабый ветер, то мы подставили ветру все паруса. Под вечер около 10 часов мы не ждали никакой опасности и думали после не-

взгод прошлой бурной ночи провести время спокойно. Посол Брюггеманн, видя, что ветер треплет паруса, предположил, что курс взят неправильно, и увещевал штурмана быть повнимательнее; тот, однако, успокоил нас, говоря, что перед нами открытое море. Вследствие этого мы, идя на всех парусах, наскочили на скрытую плоскую подводную скалу и сели. Жестокий шум и треск корабля так нас поразили и испугали, что мы уже думали, что здесь закончится наше плавание, а с ним вместе и жизнь наша. Сначала мы не знали, в какой местности нам следовало предполагать себя. Было как раз время новолуния, когда из-за темной ночи нельзя было видеть впереди себя даже на расстоянии корпуса корабля. Хотя мы, вывесив фонарь и дав несколько выстрелов из мушкета, и звали на помощь, надеясь на близость суши и людей, но сначала не слышно было ничего в ответ и утешение нам. Корабль стало кренить, и тут среди больших и малых начались плач, вопли и причитания. Многие из нас, в страхе смерти, бросались на колени и навзничь, кричали и взывали к Богу о помощи и спасении. Сам шкипер плакал как дитя и был так поражен неожиданностью, что не знал, что делать. Я и друг мой Гартман Граман уговорились, если дело дойдет до кораблекрушения, заключить друг друга, по старой привязанности, в объятия и таким образом помереть; мы сели поэтому вместе и ждали гибели. Другие добрые друзья прощались между собою, а большинство делали обеты перед Богом, обещая, в случае спасения, пожертвовать, кто что мог, в пользу бедных: эти обещания и были

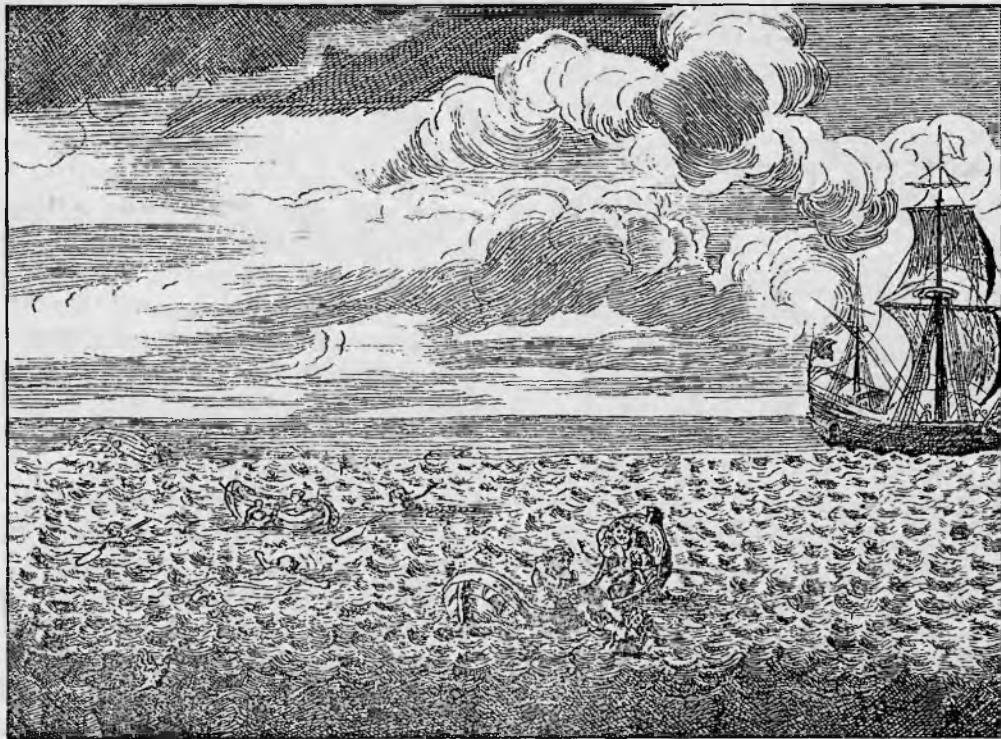
сдержаны, и из обещанных и подаренных денег дано было потом бедной и благочестивой девушке в Ревеле приданое к свадьбе. Между прочим на судне представляло весьма жалостное зрелище, как сынок посла Крузиуса, Иоганн Филипп, девятилетний мальчик, стоя на коленях и с поднятыми к небу руками, беспрестанно громко взывал: «Ах, спаси меня, сыне Давидов!» К этому наш полевой проповедник прибавлял: «Господи! Если Ты нашей мольбы не желаешь услышать, то услышь хоть это невинное дитя!» Бог помиловал нас, и хотя из-за высоких волн наше судно не раз двигалось вперед по поверхности скалы, не раз поднималось и опять грузно опускалось и получало один толчок за другим,

оно все-таки осталось цело, и мы в нем спаслись. Когда временами на нас налетал сильный шквал и одна волна за другою обрушивались на судно, всякий раз возобновлялся вопль, и мы думали, что с нами покончено.

Около 1 часу мы заметили огонь, вспыхнувший недалеко от нас; отсюда мы заключили, что мы должны быть близки к суше. Поэтому посла велели развязать и спустить на воду корабельную лодку, думая ехать на огонь и спастись сначала вдвоем со слугою своим на сушу, а там посмотреть, не найдутся ли средства доставить и нас к берегу. Шкатулки, или дорожные ящики, в которых находились княжеские верительные грамоты, равно как и другие драгоценные сокровища, едва были по-

Буря на море

Как утонул корабельный плотник

ставлены в лодку, и едва туда же проскочили двое из простого нашего люда, думавшие спасти жизнь свою раньше других, как волны наполнили лодку водою так, что она начала тонуть; затем она даже перевернулась и оторвалась, и промокшие до костей люди еле успели, с опасностью для жизни своей, пробраться назад на судно. И так мы принуждены были вместе всю ночь провести в опасности, страхе и надежде.

Когда к утру небо начало проясняться, стали проходить и страх и ужас этой мрачной ночи. Тут мы заметили, что сидим перед островом Эландом, а перед нами — обломки датского судна, которое за четыре

недели перед тем погибло. Мы нашли на острове и мальчика, спасшегося от кораблекрушения; его мы взяли с собою в Кальмар.

Когда при восходе солнца ветер успокоился и волны улеглись, к нашему кораблю подъехали два рыбака с Эланда в небольших лодках; когда им обещана была запрошенная ими большая награда, они высадили на берег сначала послов, а затем некоторых из нас. К полудню на берегу опять удалось найти шкатулки господ [послов], выброшенные морем. Затем прибыли и несколько эландских крестьян, чтобы помочь снять судно со скал. Шкипер распорядился, чтобы два якоря были отведены и отпущены на дно саженьях в сорока

от судна. Когда теперь крестьяне вместе с боцманами вдесятером повезли большой якорь на корабельной лодке и хотели его выбросить в море, произошла ошибка (вероятно, потому, что головы их отяжелели от вина, которым мы для приветствия обильно их угостили), так что лодка опрокинулась и все они жалким образом поплыли по морю: одни схватились за опрокинутую лодку, другие за весло и держались так до тех пор, пока наш штурман не подъехал к ним на помощь на одной из рыбацких лодок, стоявших у борта, и в два приема выловил их всех за исключением одного, а именно корабельного плотника, который, не имея за что держаться, должен был погибнуть, захлебнувшись на наших глазах. Высокий и сильный крестьянин, оставшийся у нас на судне и не пожелавший ехать с другими, при виде этого несчастья, выехал в своей рыбацкой лодке помогать в спасении. Когда он хватал боцмана, плившего безо всего по морю, он сам упал в море, боцман же забрался в лодку и доставил к кораблю крестьянина, повисшего на борту лодки.

Пока теперь трудились над стаскиванием корабля, вода заметно поднялась и ветер, дувший до сих пор с юго-запада, перешел на северо-запад и помог подвинуть судно в сторону. Когда оно снова попало на глубокое место, ветер опять подул с юго-запада; с этим ветром мы и смогли потом проехать через Кальмар-зунд, притом не без опасности — ввиду неровностей дна у Кальмарских окопов. У Кальмара судно дождалось послон, которые 1 ноября подошли сушею с некоторыми из своих людей; при Ферштадте, у старых око-

пов, они переправились к судну и вступили снова на борт его. Остров [Эланд] имеет 18 миль в длину и только одну в ширину. В нижней своей части, где нас выбросило на берег, остров каменист и скалист, вследствие чего здесь мало лесу и пашен; зато подальше вверх он покрыт елями и другими деревьями, имеет хорошие пастбища и много мелкой дичи. Здесь в каменоломнях добывается много красных и белых плит и камней, идущих на мостовые и здания; их отсюда вывозят и в другие места. Насупротив Кальмара на острове стоит укрепленный замок Борхгольм. Раньше на острове были 32 церкви, теперь часть их закрылась. Проезжающие могут еще видеть 18 колоколен, стоящих в ряд. Остров находится в подданстве у короны шведской.

Кальмар — важнейший город в Смоланде, в 40 милях от Копенгагена, на берегу моря. Он невелик и состоит из плохих деревянных домов. В нем, однако, находятся королевский дворец и хорошо укрепленная валами крепость: год тому назад город был почтен королевским шведским торжеством.

Из Кальмара Иоганн Фохт и Стен Иенсен опять были посланы обратно, через Данию, в Готторп, чтобы привезти новые верительные грамоты, так как прежние испортились в морской воде.

После этого совещались, что лучше: морем ли ехать дальше или сушею через Швецию, и, наконец, по многим причинам, было решено, приняв опытного штурмана к нашему, отважиться и дальше через море. Так как, однако, в Кальмаре нельзя было достать штурмана, то мы

взяли двух лоцманов, которые должны были на протяжении полумили показывать нам путь через мелкие места. И вот 3 того же месяца мы, во имя Божие, опять стали под паруса и проехали мимо большой круглой скалы, прозванной Шведскою Девой, которую мы оставили по левую руку от себя в море. Ее расстояние от Кальмар-зунда определяется в 8 миль. Около полудня в стороне от нас показался замок Борхгольм, лежащий на Эланде. К вечеру мы достигли оконечности острова Эланда и в эту ночь обогнули ее при таком жестоком северо-восточном шторме, что передняя часть судна шла скорее под водою, чем над нею, а волны ударяли до парусов. При таком шторме и корабельный насос стал плохо действовать, и его пришлось с большим трудом распутывать и приводить в ход; между тем вода вычерпывалась деревянными посудинами и котелками, что делалось ужасно плохо, так как никто не мог стоять на судне. Буря продолжалась до полудня, и так как едва шесть румбов попадало в наши паруса и мы из-за этого не подвигались вперед, но придвигались все больше к берегу Эланда, то шкипер наш стал очень беспокоиться: он говорил, что стоит буре продлиться еще два часа и корабль будет прибит к подветренному берегу и погибнет. Поэтому мы снова были в немалой боязни, но, когда потом ветер стал прибавлять нам то по три, то по четыре румба, мы опять, обрадованные, могли преследовать свой курс дальше. К вечеру увидели мы большой остров Готланд.

XIX

(Книга II, глава 4)

О дальнейшем ходе нашего опасного мореплавания

5 ноября, когда мы проехали мимо Готланда, опять поднялся сильнейший шторм с ЗЮЗ, так что волна за волною заливала корабль. Вечером около 10 часов мы бросили лот и нашли глубину в 12 сажень. Боясь наскочить на сушу, мы ночью опять взяли направо в открытое море. В течение этих дней мы, ввиду постоянной бури, пользовались изо всех парусов одним гротом.

6 того же месяца около полудня мы встретили голландское судно, которое сообщило нам о расстоянии и о правильном курсе к острову Дагерордту [Даго], который мы и увидели к вечеру. К ночи, однако, буря опять погнала нас налево к открытому морю.

7 того же месяца, когда мы к полудню увидели Дагерордтский мыс, штурман принял его за Этгенсгольм [Оденсгольм], полагая, что сильная буря должна была в предыдущую ночь загнать нас слишком далеко к северу. Поэтому, в незнании, направили мы наш курс на опасный залив Гундсвик, где не раньше заметили, что перед нами лежит Дагерордт, как подойдя к земле столь близко, что могли узнать башню [на острове]; пришлось поэтому с большою опасностью опять выходить из залива. В этот день к нам подошла сбившаяся с пути барка и узнав, что мы идем к Ревелю, последовала за нами. К вечеру, однако, она нас оставила и стала

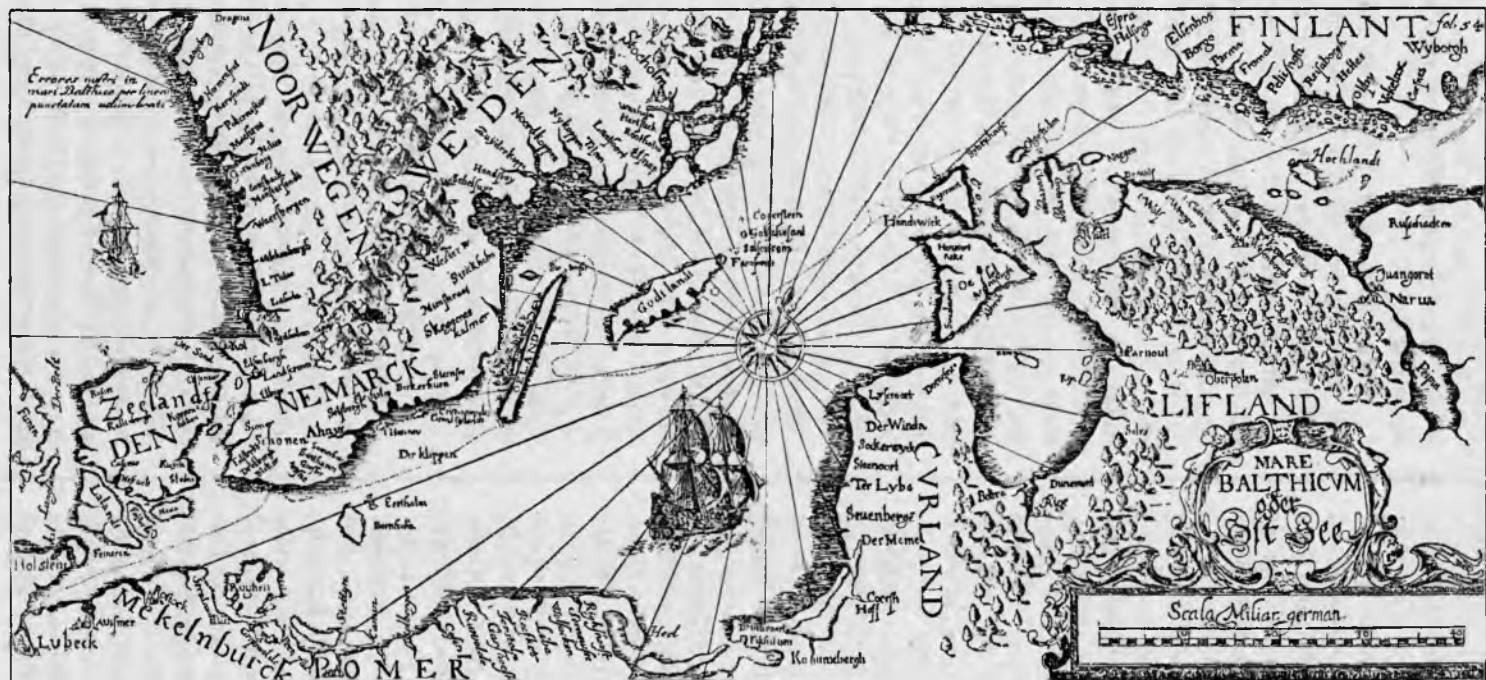
на якоре у Дагерордта; на следующий день она, наверное, прибыла в Ревель. Однако, невзирая на то, что все послеобеденное время мы имели перед глазами лифляндский берег, а именно — Большой Рогге, а к вечеру находились от острова Наргена, лежащего у ревельской гавани, не более чем в доброй миле расстояния, наши шкипер и штурман все-таки не решались, руководствуясь одним лотом, въехать в залив или хотя бы, подобно барке, бросить якорь, несмотря на то, что их к тому побуждали. Поэтому мы опять направились в открытое море при весьма бурном ветре.

Вечером около 10 часов начал страшно свирепствовать ветер, и раньше, чем мы успели спохватиться, со страшным треском сломались грот- и бизань-мачты и немедленно же повалились за борт, как раз через место, где спал наш доктор. Боцман, по несчастию своему стоявший на палубе, получил такой удар канатом, что у него кровь пошла носом и ушами и вплоть до третьего дня он не мог ни прийти в полное сознание и подняться, ни объяснить, что с ним именно случилось; на Гохланде ему пришлось из-за этого несчастья распрощаться с жизнью. При этом падении был вырван и шпиль, несмотря на громаду и тяжесть свою, может быть — оторвавшимся напряженным канатом. Следовало удивляться тому обстоятельству, что бизань-мачта, которая, вырвавшись, разбила всю каюту, все-таки не повредила нактоузика, в котором стояли компасы, несмотря на то, что бизань-мачта именно к нактоузу была прикреплена. Это было большим для нас счастьем: если бы компасы были разби-

ты, то мы не знали бы, куда нам направиться.

Это несчастье опять вызвало сильный испуг, ужас и вопли среди нас: корабль более, чем прежде, стало раскачивать со стороны в сторону, так что мы, шатаясь и качаясь как пьяные, валялись друг через друга; никто без опоры не мог стоять, ни даже сидеть или лежать. Сломавшаяся и державшаяся еще на нескольких канатах мачта жестоко ударила о судно. Шкипер вел себя весьма нехорошо; ему хотелось спасти такелаж, а между тем кораблю от сильных ударов грозила большая опасность. Поэтому все-таки, по серьезному требованию послов, канаты были обрублены. Боцманы жаловались и с воплями оплакивали своего сотоварища, лежавшего замертво. И вот опять и эту ночь провели мы в страшной боязни.

В начале следующего дня, 8 ноября, мы с тоскою и нетерпением ожидали увидеть ревельскую гавань, надеясь в этот же день спастись от неистовых волн и стать на берегу давно желанного порта; по нашему расчету ничего иного не следовало ждать, вследствие чего и посол Брюггеманн еще в предыдущий день успел сделать распоряжение, в каком именно порядке и с каким великолепием следовало въезжать в Ревель. Однако наши надежды и распоряжения расплылись как бы водою, земля как бы убегала от нас, и опять ее не было видно, и снова мы не знали, где мы. Хотя нам и казалось, что мы заблаговременно направили курс наш в гавань, все-таки выяснилось, что ночью нас слишком далеко отнесло влево от суши, так что утром мы не могли вновь достигнуть высо-

Балтийское море

Карта, представляющая путь посольского судна через Балтийское море от Любека (Травемюнде) до острова Гохланда в Финском заливе.

Масштаб — в германских милях. Наверху влево надпись по-латыни: «Наши скитания обозначены с помощью пунктирной линии».

Настоящая карта из издания 1647 года. В издании 1650 года формат карты меньше, названий также гораздо меньше, а в чертеже различия лишь та, что на карте представлен Шлезвиг. В очертаниях совершенно те же неправильности

ты [гавани]. Когда к 9 часам утра солнце несколько показалось, уничтожило туман и осветило нам окрестности, мы заметили, что успели уже проехать мимо ревелльской гавани. А тут еще, при полном солнечном свете, с юго-запада поднялась страшная, неслыханная буря, подобная землетрясению — точно она собиралась уничтожить и смешать все: и небо, и землю, и море. В воздухе шел страшный свист и шум. Поднявшиеся в виде громадных гор пенистые волны жестоко свирепствовали друг против друга. Корабль неоднократно как бы поглощался морем и вновь извергался им. Шкипер, человек старый, и некоторые из наших людей, которые раньше в ост- и вест-индских поездках насмотрелись всяких тяжких бурь, и те уверяли, что никогда еще не приходилось им испытывать такой бури и опасности.

Что тут было делать? Опять мы решили, что погибли, и другого средства мы не нашли, как, по совету штурмана, повернуть руль и направить судно к финляндским шхерам, или скалам, стараясь избегнуть подводных скал (которые в такую погоду должны бы, как говорится, «гореть», то есть шумом волн давать знать о себе) и надеясь, что или удастся укрыться в гавани Эльзенфосс [Гельсингфорс] в Финляндии, или же, если бы Бог наслал на нас милостивое крушение, то, может быть, кое-кто будет выброшен на скалы и сохранит жизнь: ведь самое судно, будучи разбито, не могло дольше держаться на море. Поэтому некоторые из нас спрятали на себе все то, что им было особенно дорого и что они надеялись унести с собою.

Посол Брюггеманн открыл свою

шкатулку, или дорожный ящичек, и разрешил всякому желающему захватить с собою, сколько кто хотел, денег и драгоценностей, на случай кораблекрушения, чтобы спасшийся лучше мог устроится, достигнув берега.

Некоторые из нас пали послам на шею со слезною мольбою, чтобы они, если могли помочь нам в чем-либо во время кораблекрушения, не оставили нас. Послы обещали исполнить эту просьбу. Мы плыли дальше, колеблясь между боязнью и надеждою, смертью и жизнью. Так как, по видимому, жизнь наша должна была погибнуть, то каждый из нас примирялся с этим и готовился к смерти, но, тем не менее, естественная любовь к жизни у большинства из нас проявлялась все-таки в столах и жалобах. Тут можно было сказать: «Из бездны взываю я к Тебе, Господи!» Некоторые сидели окоченев и от страха смерти не могли ни петь, ни молиться; оставалось только вздыхать. Один, из сожаления, утешал другого доброю надеждою, которой сам он не разделял. Когда наш священник, который раньше других воспрянул духом, запел:

*Сегодня свежи мы, здоровы, сильны,
А завтра, быть может,
мы в гроб лечь должны,*

то другой наш сотоварищ сказал: «Ах! Это счастье совсем не по нам; завтра, быть может, наши тела будут плавать вокруг скал». Как раньше мы охотно отказывались и от корабля и от имущества своего и просили только об одной жизни, так, в конце концов, забыли мы и о жизни и просили только о загробном блаженстве. В на-

ших собственных глазах мы уже были мертвы, и вид у нас был, как у бледных трупов. Когда посол Крузиус увидел среди нас такой упадок духа, он сказал: «Продолжайте молиться! Я знаю, Бог нам поможет: мне это подсказывает мое сердце». Тем временем буря все возрастала и отогнала нас и от здешней гавани, так как судно, лишенное лучших парусов своих и принужденное пользоваться одним фоком, не желало более повиноваться штурману, но бежало вдоль Финского залива по ветру.

Теперь мы опять не знали, куда нам ехать. Главному боцману Юрьену Стеффенсу наконец пришло в голову, что перед нами как раз среди моря лежит остров Гохланд, на котором ему приходилось бывать и где он находил добрый якорный грунт. Этот остров лежит в 17 милях от Ревеля; следовало только попробовать, не удастся ли его достигнуть, и укрыться за ним. По его мнению, это было вполне возможно, лишь бы только удалось увидеть этот остров днем. Однако, так как день на половину уже успел пройти, нельзя было надеяться так скоро добраться до острова, тем более что один фок должен был подвигать судно вперед и не мог его уносить от волн. Поэтому-то мы и испытали раз — и это было для нас ужаснее всего, — что громадная волна сзади обрушилась на нашу каюту, перебросилась на корабль и покрыла его целиком. От сотрясения мы все попадали, думая, что идем ко дну. Нам пришлось поспешно заняться выкачиванием и выливанием воды, которая постоянно вливалась в разбитую каюту; и так мы плыли дальше в постоянном страхе. Приблизительно в три часа пополудни один из боцманов полез на фок-ванты, чтобы по-

смотреть, близка ли земля. Когда он увидел остров и закричал: «Слава Богу! Я вижу Гохланд!» — мы так сильно обрадовались, что захлопали в ладоши, заплакали от радости и снова начали говорить друг другу слова утешения: «Значит, услышал-таки Господь Бог наши вопли и вздыхания: Он не желает нас оставить». И мы уверенно стали петь: «Тебе Бога хвалим». Мы думали, что уже избежали опасности, а ведь между тем мы плыли все еще на разбитом судне среди неистовых волн и не знали, что за несчастье нас ждет около Гохланда.

С заходом солнца буря начала утихать, но разгневанное море все еще поднимало волны весьма высоко. Мы поставили спереди на судне четырех человек, чтобы следить за движением к острову, которое опасно из-за скалы, лежащей перед Гохландом; эти четверо должны были о том, что увидят, немедленно кричать шкиперу, стоявшему у руля. На наше счастье, пошел снег, и так как вообще в этот день погода была ясная и сияло солнце, так что [покрытые снегом] скалы среди черной воды стали тем более заметными, то мы к вечеру около 7 часов прибыли за остров, и во внутреннем заливе, лежащем к ВСВ, стали на якорь при 19 сажнях глубины.

В этот вечер мы опять приняли немного пищи, после того как мы несколько дней не ели и не пили. Мы решили в дальнейшем, во время путешествия, дважды в день иметь молитвенные часы и вообще в известное время благодарить Господа Бога днями покаяния, молитвы и поста за милостивые помощь и избавление: ведь, по правде, в этот день мы могли ощутить особую милость к нам

Бога, так как буря, ветер и море, сначала враждебные нам и как будто сговорившиеся погубить нас, потом оказались вполне к нашим услугам, и то, от чего, как мы думали, наша жизнь погибнет, то именно и сохранило нам ее: ведь как раз тогда, когда мы с нашим разбитым судном думали рискнуть в опасные, обильные кораблекрушениями скалы, что не обошлось бы без ущерба, — именно в этот момент сильная буря стала еще сильнее, чтобы удержать нас от скал и направить наш путь к Гохланду.

9 того же месяца мы, при хорошей погоде, оставались стоять на якоре и чинили наш корабль, как могли. Послы тем временем кое с кем из нас дали себя переправить на берега, чтобы осмотреть расположение острова и развеселить себя. К вечеру мы совещались с шкипером, куда теперь направить наш курс: послы считали желательным направиться решительным образом к Нарве, шкипер же приводил доводы за возвращение в Ревель, а еще другие лица, принимая в расчет, что дальнейшая поездка на столь разбитом судне в такую погоду и в таких местах была бы в высшей степени опасна, желали лучше быть высаженными на этом острове и каким-либо иным случаем, а именно при помощи стоявших в то время у Гохланда лифляндских рыбаков из Ревеля, окончательно переправиться на берег. Однако ни на чем не порешили, постановив обождать и подумать до следующего дня. И так все легли на покой. Около 9 часов шкипер опять пришел к постели послы и сообщил, что ветер передвинулся на восток и гнал нас к берегу: поэтому нам без риска нельзя было оставаться на том же месте. Он

считал за лучшее подняться с якоря и направиться обратно в Ревель. Послы дали ему в ответ: пусть он поступает так, как он думает отвечать перед Богом и людьми. Когда теперь подняли якорь, ветер превратился в несущийся ураган, который гнал корабль все более и более к суше, так что никакие труд и работа, направленные к отведению судна [от берега], не могли ни к чему привести. Теперь опять поднялся сильнейший вопль: стали кричать, чтобы всякий, кто желает спасти свою жизнь, поднялся с места и направился на палубу корабля, так как пришла большая беда; казалось, все ведет к опасному кораблекрушению. Легко представить себе, как мы опять себя чувствовали.

Правда, опять опущен был якорь, но судно оказалось слишком уже близко пригнанным к берегу: приблизительно на 30 от него сажень. Поспешно спущена была корабельная лодка, и первыми высажены были на берег послы, а за ними некоторые другие из нас. Тем временем судно достигло больших камней, которых был полон весь берег, и начало ударяться о них с большою силою и треском, так что оставшиеся на корабле думали, что оно сейчас же разобьется на мелкие куски, а они все потонут. И хотя они и страстно желали также, подобно другим, быть высаженными в лодке на берег, экипаж судна этому воспротивился, чтобы остающиеся на корабле не оказались в бедственном положении, если бы лодка [перегруженная людьми] была разбита волнами на берегу на камнях. По той же самой причине некоторые из нас были высажены из лодки в воду до самых бедер, так что мы должны были в воде между кам-

нями искать брода к берегу. В то время как я стоял в воде, была также выброшена и шкатулка посла Брюгеманна, довольно тяжелая от драгоценных вещей, находившихся в ней; когда волны понесли ее опять в сторону моря, я захватил ее своими руками, ослабевшими от недавно вынесенной тяжкой болезни, а наш медик поймал меня за кафтан, и таким образом, цепляясь один за другого, мы были вытащены из волн, которые не раз совершенно заливали нас обоих. Когда судовая команда заметила, что судна уже не сохранить больше, она развязала якорный канат, в надежде, что судно отнесет поближе к берегу и что оно не будет

больше подниматься волнами и ударяться о дно. Это, однако, не помогло нисколько, так как буря была еще слишком сильна; проработав еще целый час на камнях, судно разбилось и погрузилось на дно. Впрочем, еще раньше этого были высажены на берег остальные люди.

В этом месте острова находились пять рыбацких хижин, в которых жили ненецкие-лифляндские крестьяне, запоздавшие здесь из-за рыбной ловли и продолжительной непогоды. Сюда мы и завернули.

Если бы нас прибило к другому месту этого острова, где нельзя было так легко достигнуть этих рыбацких хижин или даже найти их, то мы

Кораблекрушение

вряд ли были бы в состоянии выдержать эту ночь с ее холодом, в наших мокрых одеждах. К тому же только что выпал глубокий снег, так что мы не могли узнать ни пути ни дороги. Мы случайно пришли к старой часовне, в которой в предыдущий день некоторые из нас побывали и, по состоянию своему, кое-что пожертвовали в церковный ящик. Эта часовня, лежащая несколько поодаль рыбацких хижин, тем не менее показала нам правильный путь к ним, так как мы уже раз ходили этим путем.

Утром следующего дня, а именно 10 ноября, мы пришли на берег, чтобы справиться, можно ли добраться до корабля и спасти груз. Море, однако, волновалось столь сильно, что никто не решался подъехать в лодке.

После обеда, когда ветер и волны улеглись, постарались спасти из воды лошадей и другой груз. Действительно, удалось спасти много груза с 7 лошадьми, которые успели вырваться и держать свои головы поверх воды; однако из них остались живы только 5. Остальные утонули.

Во время этого кораблекрушения погиб, между прочим, большой великолепный часовой механизм, считавшийся редкостным произведением искусства и оценивавшийся в несколько тысяч рейхсталеров. Испуганные лошади разбили и растоптали механизм вместе с его футляром.

В течение следующих дней опять была хорошая погода и светило солнце; мы поэтому просушили наши одежды, книги и утварь, частью обезображенные, частью совершенно испорченные соленой водою.

XX

(Книга II, глава 5)

О Гохланде и о том, как мы наконец переправились в Лифляндию и выехали в Ревель

По всему казалось, что нам придется на этом острове пробыть еще некоторое время, и мы не знали, когда Господь пошлет нам средство к спасению; кроме того, мы должны были опасаться, что с началом зимы погибнем здесь с холода или даже с голода. Ведь, как нам сообщили, немало лет назад некоторые крестьяне и другие лица, непогодю занесенные сюда и потерпевшие крушение, принуждены были, чтоб спастись от голода, питаться березовою и еловою корою. Поэтому нам пришлось бережливо расходовать провиант, которого нам удалось спасти весьма неважный запас — в особенности что касается хлеба. Распльвывшиеся сухари, которые нельзя было высушить вновь, мы сварили с тмином и ели, вместо хлеба, хлебная ложками; кое-кому из нас это показалось весьма горьким. Однажды добыли мы большое количество мелких голянов, поймав их рубашками и простынями в речке, стекавшей с горы; их было достаточно на двукратный обед всех наших людей.

Hochland [высокая страна] — так назван этот остров потому, что он весьма возвышен; он имеет в длину три мили, в ширину — одну милю и состоит почти исключительно из скал, поросших елями и другим лесом. Он был полон зайцев, которые, подобно всем лифляндским зайцам, зимою имеют белоснежный мех; из-

за кустарников и высоких скал за ними здесь нельзя охотиться с собаками.

Когда мы сидели на этом острове, в Ревеле пошли слухи, что все мы утонули: передавали, будто на берегу найдено было несколько трупов, одетых в красное (такова была наша ливрея). Этому тем более поверили, что упомянутая выше барка, прибыв на место, сообщила, что мы у Большого Рогге шли впереди нее на парусах; между тем мы не прибыли в гавань, и в течение 8 дней не было о нас ни малейшего известия. Поэтому наши сотоварищи считали нас совершенно погибшими; среди них возникла большая печаль, стали раздаваться жалобы, и они, подобно потерянным овцам, блуждали, начав даже строить планы, как один пойдет в одну, другой в другую сторону.

12 ноября пришли две финляндских лодки, также прибывшие непогодю к Гохланду. На одной из них наш камергер, высокоблагородный, мужественный и храбрый Иоганн Христоф фон Ухтеридц (ныне княжеский голштинский камеръюнкер в Готторпе), 13 того же месяца, когда буря улеглась, в сопровождении одного лакея, был послан на сушу и в Ревель, чтобы сообщить о нашем положении и состоянии. Легко понять, с какой радостью он был принят нашими сотоварищами: все они бегали кругом него, плакали от радости; не знали, о чем прежде всего поговорить и спросить.

17 того же месяца послы, каждый с пятью провожатыми, велели перевезти себя в двух небольших рыбацких лодках окончательно на сушу, отстоящую от Гохланда на 12 миль. Это была поездка плачевная и опас-

ная. Лодки были стары и вверху лишь лыком связаны и зачинены, особенно та, в которой сидел посол Крузиус; вследствие этого вода во многих местах просачивалась и один [из бывших в лодке] постоянно должен был затыкать отверстия и выливать воду. Парус был составлен из старых лохмотьев. Лодочники могли идти только перед ветром [фордевинд], так что, отъехав при добром попутном ветре 5 миль, когда ветер начал менять направление, они и думали вернуться обратно на Гохланд. Однако, увидев, менее чем в полумиле от нас, небольшой остров, мы настояли, чтобы лодочники убрали паруса и прибегли к веслам; действительно, мы к вечеру и прибыли на остров. На этом острове мы не нашли ничего, кроме двух пустых хижин, которые наполовину были выстроены в земле; в них мы развели огонь и провели здесь ночь. Здесь начал ощущаться недостаток в хлебе, и мы, поэтому, вместо него, должны были есть сыр пармезан, которого еще оставался большой кусок. Утром отправились мы в дальнейший путь при попутном и слабом ветре, но при очень сильной зыби.

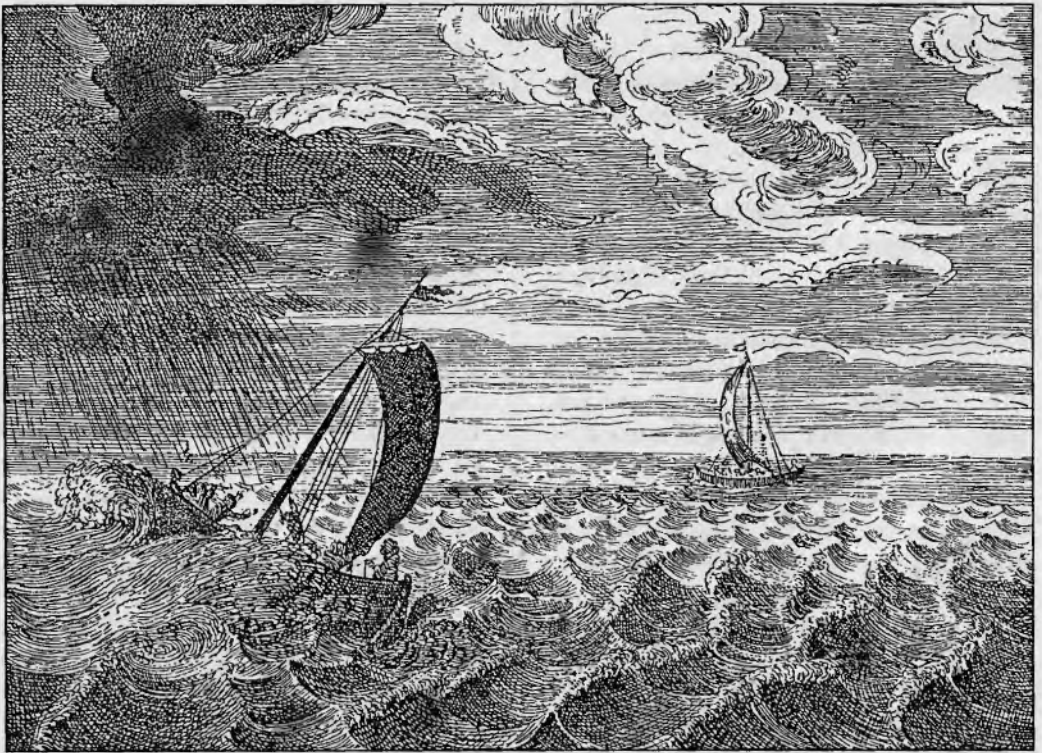
Мы успели проехать всего 2 часа, как вдруг совершенно неожиданно, при ветре, бывшем все время с севера, на нас налетел сильный вихрь с востока и так ударил в лодку посла Брюггеманна, что она совершенно накренилась и стала черпать воду. Высокая волна ударила у лодки вверх, так что вода стояла на поллоктя выше борта; крестьяне принялись кричать, повалились на другую сторону лодки, быстро сорвали парус и повернули лодку по ветру. После этого опять стало тихо, и мы сно-

ва могли ехать с прежним ветром. Такой вихрь налетал в течение двух часов трижды: впрочем, крестьяне, которые потом уже видели приближение его издали, поворачивали лодку по направлению вихря и давали ему пройти. Однако в первый раз мы весьма сильно испугались. Я вполне уверен, что это была величайшая опасность, которую мы испытали на море. Так как мы находились посреди моря, а лодка наша была весьма тяжела (в ней, помимо восьми человек, находился груз в виде посольского серебряного сервиза и других вещей) и имела только узкий борт, то немногого недоставало, чтобы все мы пошли ко дну. Особенно следует удивляться тому обстоятельству, что

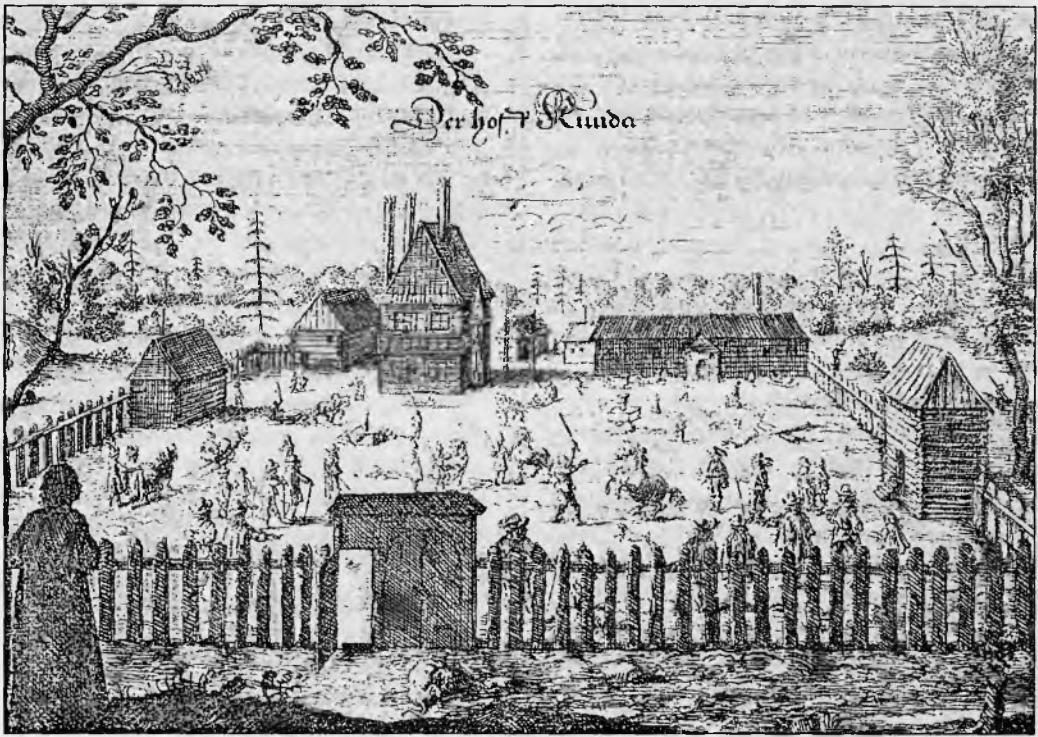
лодка посла Крузиуса, шедшая за нами всего в расстоянии выстрела из пистолета, не испытала ни малейшего подобного бедствия.

Когда мы находились еще милях в трех от суши, на нас повалил сильный град, в то время как другие наши люди, следовавшие за послами, наслаждались прекрасною погодою и солнечным светом.

Когда нам оставалось до суши всего полмили, ветер возымел намерение измениться в обратную сторону и погнать нас назад; однако мы постарались налечь на весла и обещали подарить крестьянам бывшую при нас бутылку водки (в три кувшина вместимостью), если к вечеру мы достигнем суши. Рыбаки со све-

Вихрь на море

Мыза Кунда

жими силами взялись за весла, пустили в ход всю свою силу и к вечеру, а именно к 18 ноября, счастливо добрались до берега; мы высадились в Эстляндии на Мальском берегу, пробыв 22 дня на Балтийском море.

Только что мы достигли берега и не успели еще высадиться, как крестьяне сейчас же схватились за бутылку с водкою, которую мы им предоставили охотно, но слишком рано: не успели мы еще вынести груз и разместить его на суше, как они побежали с бутылкою в деревню, созвали своих родных и соседей и выпили бутылку столь поспешно, что раньше, чем мы спохватились, они уже бегали кругом с женами и детьми, донельзя пьяные, начали ругаться и драться, так что их ни к чему

больше нельзя было приспособить. Единственным исключением был один из них, которого выпивка сделала храбрым и преданным; заметив, что одна из наших лодок оторвалась и уносится от суши в море, он голый бросился по горло в море, доплыл, несмотря на холод, до лодки и привел ее обратно.

22 того же месяца опять 2 барки, шедшие из Ревеля в Финляндию, были бурей прибиты к Гохланду. Их наняли для переезда оставшиеся на острове наши люди; вместе с лошадьми и грузом они 24 того же месяца благополучно переправились в Лифляндию.

Отсюда [т. е. с берега] мы все вместе направились в Кунду, на двор г. Иоганна Мюллера, моего покой-

ного тестя, лежащий всего в 2 милях от этого берега. Здесь оставались мы в спокойствии 3 недели и успели все подряд переболеть от вынесенных на море бедствий; впрочем, никто не оставался на постели дольше 3 дней.

Так как для пополнения некоторых дорогих вещей, попорченных кораблекрушением, нам казалось более удобным побывать в каком-либо городе, то мы собрались в путь в г. Ревель, куда мы 2 декабря и прибыли вполне благополучно.

Что за сердечное сочувствие во всем городе было вызвано тем несчастьем, которое мы претерпели на море, это в достаточной мере можно было понять не только из большой радости и ликования при прибытии посланного вперед Иоганна Христофа фон Ухтерица, но и из воспоследовавших затем благодарственных молебствий в церквах и публичных возблагодарений в гимназии.

Вот как было это в высшей степени опасное плавание, которое мы тогда совершили через Балтийское море, где мы почти каждый день видели смерть перед глазами, и наша жизнь была непрерывным умиранием, причем, однако, мы тут же должны были чувствовать и славословить особую, спасительную для нас милость Божию.

XXI

(Книга II, глава 6)

Магистра Павла Флеминга стихотворение о нашем кораблекрушении

Об этом крушении потом, по некоторым причинам, на нашем ко-

рабле у Нижнего, на Волге, в ста милях за Москвою, публично говорилась проповедь. Потом мой дорогой спутник — покойный Флеминг — написал на эту тему стихотворение и переслал его мне: я беру это стихотворение из его сочинений и помещаю его здесь.

НА РЕЧЬ ОЛЕАРИЯ О КРУШЕНИИ, КОТОРОЕ ОН ПРЕТЕРПЕЛ У ГОХЛАНДА В НОЯБРЕ 1635 г.

[Начало опущено].

...Высокий остров есть на лоне
Амфитриты.
На нем уже не раз, злой бурей
прибитый
К твоим, Финляндия! и ихерам
и брегам,
Спасенье находил моряк своим судам.
Высоким назван он, сей остров,
ввысь подъятый,
Пустынный, полный скал,
туманами объятый;
Он мрачен, гол и дик — но дичи
он лишен:
Едва трех рыбаков бедно питает он.
Здесь вам узнать пришлось,
что Парка вам сулила:
Златая ль жизнь вас ждет
иль скорая могила.
Злым ветром весь корабль истрепан
и избит,
И вдруг о твердый он кидается
гранит...
Тут смерть предстала вам.
Вы видели могилу.
Разбило киль в куски и руль ваш
вмиг скосило.
Все планки, задрожав, как щепки,
раздались,
И с моря волны к вам в каюты
ворвались,
Труп корабля погиб. Все, что
грузнее было
Из скарба, — шло на дно, а легкое —
поплыло.
И был тут крайний срок, чтоб к суше
подплывать:

нешнем нашем отправляемом в Москву и Персию посольстве — свою милость, объявляем при этом:

Так как мы, по важным причинам, назначали и определили мужественных и ученейших наших советников и дорогих верных нам Филиппа Крузиуса, лиценциата прав, и Оттона Брюггеманна нашими послами к великому князю московскому, государю Михаилу Федоровичу, нашему любезному дорогому господину дяде и шурину, а затем и к королю персидскому, снабдив означенных лиц для этой цели знатною свитою, то и почли мы за благо, дабы, наряду с исправлением порученных им нами дел, вверенная им княжеская честь содержалась в должном внимании всеми, в особенности же свитою, и дабы им оказывались, в уважение к нам, всякие должные честь, повиновение, почтение и послушание, — выработать сей нижеследующий придворный порядок, по которому обязаны жить и все вместе и каждый в отдельности.

Для начала и прежде всего предписывается всем и каждому, состоящему в свите этого нашего посольства, оказывать вышеозначенным нашим обоим послам, в уважение к нам, всякую должную честь, повиновение и услуги. Все-му тому, что они, как сами, по какой-либо нужде, так и через назначенного их маршала, прикажут, определят или постаноят, должно повиноваться без противоречий и отговорок; всегда должно им оказываться необходимое послушание. Сим мы даем означенным нашим послам авторитет и силу строго судить, смотря по качеству дела, всех

непокорных и непослушных и наказывать их.

Так как страх Божий должен быть началом, серединою и концом всех дел, и так как он, прежде всего, должен прилежно соблюдаться всеми и каждым в столь дальних поездках, то сим приказывается решительно всем находящимся в свите, чтобы они во всех действиях своих ставили себе в обязанность истинный страх Божий, всегда присутствовали при полагающихся проповедях и богослужении и помогали бы умолять Всемогущего Бога о счастливом успехе этого нашего важного предприятия, а напротив совершенно бы отстранялись и воздерживались от клятв, проклятий, богохульства и других грубых пороков, под опасением немилости нашей и наказаний, какие нашими послами будут назначаться, смотря по важности преступления, без внимания к лицу.

Равным образом сим строго воспрещается нами и всякое беспорядочное прохождение времени в обжорстве, пьянстве и иных излишествах, от которых обыкновенно происходят всякие неприятности.

В особенности же все и каждый из состоящих в нашем посольстве должны стараться о единодушии. Каждый обязан, по достоинству своего состояния, жить в добром согласии со своими товарищами, и один должен оказывать другому всякую добрую дружбу, любовь и поддержку: от ссор же, споров, ненужных грубостей, ругани и побоев следует воздерживаться. В случае недоразумений не следует прибегать к самоуправству, но если у кого есть на другого жалоба, то следует ее заявить маршалу, который или сам постара-

ется уладить спор или же, если это ему не под силу, с достодожным почтением сообщит об этом деле нашим послам, имеющим, по известному нам их умению, постановить окончательное решение, которому всякий должен повиноваться. Мы сим строго и совершенно воспрещаем самовольные вызовы, драки и дуэли в нашем посольстве и в свите, так как ими легко мог бы быть нанесен ущерб нашей высокой княжеской чести, в особенности — перед чужими нациями. В этот запрет мы решительным образом включаем как высших офицеров, так и простых служителей.

Чтобы при этой свите наших послов все было в возможно лучшем и более правильном порядке, а также, чтобы удалось избежать всякого замешательства и отсюда возникающего позора, маршал, назначенный у наших послов, как во время пути, так и на остановках, должен внимательно следить за всем.

А именно: во время путешествия он должен делать распоряжения о снятии с лагеря, когда ему таковое будет приказано нашими послами, чтобы каждый из подчиненных ему держал себя наготове для нагрузки багажа и вообще для всего, что необходимо, к определенному сроку, и чтобы все делалось прилежно и внимательно, дабы наши послы, из-за медлительности того или другого, к досаде своей, не были задержаны в пути.

Точно так же он, маршал, должен давать указания всем и каждому, чтобы все делалось в добром единении и с должною скромностью, без недостойной суматохи.

Во время остановок он, маршал, должен следить за тем, чтобы нашим

послам прилежно служили и угождали всегда и во всех делах как гофьюнкеры, так и пажи, лакеи и другая прислуга, днем и ночью, когда кому что-либо будет приказано послами.

Так как для поддержки нашей высокой княжеской чести в особенности требуется, чтобы послам прилежно служили, то гофьюнкеры, пажи, лакеи и остальная прислуга, согласно порядку, который будет установлен нашими послами, должны будут при ежедневной своей службе всегда быть послушны, прилежны и исполнительны, чтобы постоянно находиться наготове при наших послах, в случае посещения их иностранцами, и чтобы вообще все происходило вполне достойным образом.

Если маршал тому или другому в штате свиты что-либо прикажет, велит или укажет именем наших послов, то каждый подчиненный его началу должен беспрекословно повиноваться. В ином случае он уполномочен о преступлениях тех, кто не подчинены его началу, сообщать нашим послам, которые сумеют выказать должную строгость, а других — наказывать сам. Не взирая на это, и мы, со своей стороны, решительным образом ставим всем, кто будут вести себя недостойно, на вид особое наказание и немилость с нашей стороны.

Если наши послы пожелают посылать гонцов к начальствующим губернаторам, заместникам, магистратам и другим служащим в крепостях, городах и иных местах, через которые они поедут, то те, кого они найдут достойными в составе свиты, должны прилежно и беспрекословно принимать этот труд на себя, с должною почтительностью и верностью исполнять порученное им дело и от-

давать верный отчет нашим послам. Так как, однако, послы наши лучше всего понимают, кто к исполнению таких поручений наиболее способен, то из-за предпочтения одного лица другому не должно возникать, замечаться, ниже царить ни тайного ни явного соревнования.

Точно так же никто не смеет по отношению к иностранным нациям, во время поездки или остановок, допускать брань или насмешки; напротив, должно относиться к ним благопристойно и дружелюбно и вообще таким образом, чтобы чужеземцы имели причину и получали охоту оказывать нашим всякие добрые услуги и ответные службы. Поэтому маршал должен немедленно же строго наказывать всякие случайные проявления дерзости и все неуместные выходки, если он их в чьем-либо поведении заметит, и вообще ему следует во всякое время пользоваться своим авторитетом.

Все те, кто состоят в настоящей свите, должны оставаться при наших послых в течение всего путешествия, и без их ведома не переходить в иные или чужие службы. Так как мы отрядили и отпустили к послам на это путешествие нашего собственного, служащего у нас лейб-медика Гартманна Граманна, то и он должен оставаться при них во время поездки туда и обратно, и вместе с ними вернуться к нам.

Так как в этом наказе не могут заключаться и указываться все возможные случаи, то все остальное, что здесь не указано точнее, мы предоставляем известному нам усмотрению наших послов, давая им полномочие во всем остальном утверждать хороший порядок, умножая статьи нака-

за, судя по времени, местам и другим обстоятельствам. Всему тому, что для поддержки нашей высокой княжеской чести и доброго порядка, и помимо сего наказа, будет приказано, вспомнито или повелено нашими послами, лично или через других, все и каждый, безо всякого исключения, должны вполне покоряться и повиноваться с полным послушанием точно так же, как если бы это было в точности записано и заключено в нашем наказе.

Чтобы, однако, каждый знал свое место и положение при хождении, сидении, столовании, путешествии и вообще во всех случаях, согласно своему состоянию и должности, нами составлен для всей свиты, по обыновению нашего княжеского двора, определенный порядок.

Засим мы всем и каждому милостиво повелеваем, чтобы этому нашему наказу и всем дальнейшим указаниям, повелениям и приказам наших послов во всех и в каждом пунктах оказывалось повиновение, чтобы ни в чем не поступалось наперекор им и вообще все делалось так, дабы избегнуты были наша немилость и наказание, которые сим объявляются непокорным и непослушным, и дабы мы напротив имели основание, по счастливом окончании путешествия, оказать каждому нашу княжескую милость. Таков строжайший приказ наш. В подлинном это подтверждено нами приложением княжеской казенной секретной печати и нашею собственноручною подписью. Дано в нашем дворце в княжеской резиденции Готторпе в 1 день октября 1636 г.

Место печати

Фридерик.

Когда, однако, господа послы заметили, что некоторые из наших людей перестали соблюдать эти строгие указанные им правила и порядки, думая жить по собственным рассудку и воле, и что, вследствие этого, весьма заметно вкрадывались всякое безбожие, дерзость и распушенность, то они сочли крайне необходимым ревностно воспрепятствовать этим беспорядкам и добиться того, чтобы среди нас во время столь дальнего и долгого путешествия велась и чувствовалась жизнь, приятная Богу и людям. Поэтому они составили еще следующий наказ и прочитали его в Ревеле:

Наказ княжеских голштинских послов, объявленный 8 декабря 1636 г. в Ревеле.

Ввиду того, что светлейшего высокородного князя и государя Фридрика, наследника норвежского, герцога шлезвигского, голштинского, стормарнского и дитмарсенского, графа ольденбургского и дельменгорстского и проч. состоящие в посольстве в Москву и Персию оба княжеские господа послы, со времени начала своего путешествия (в особенности же во время выдержанной по воле Божией на море превеликой бури с ежечасною и ежеминутною опасностью для здоровья и жизни, далее — при кораблекрушении, к несчастью, испытанном у Гохланда, при спасении некоторой части имущества, и, наконец, при состоявшейся, по Божией милости и помощи, желаемой высадке здесь в Лифляндии), многократно, и не без особой досады, отвращения и неприятности, должны были видеть и испытать, как наказ, объявленный вышеуказан-

ною его княжескою светлостью чрез гофмаршалов его и с особою строгостью предложенный, не исполняется то теми, то иными, как истинный страх Божий и в особенности клятвенно обещанное всеми и каждым, в крайней опасности для здоровья и жизни, исправление, с тех пор, что опасность несколько поубавилась, многими совершенно оставлены без внимания и забыты, и вновь начата прежняя жизнь, и как, при этом, достойное и строго наказанное уважение к обоим княжеским послам и почет, в лице господ послов, оказываемый самому светлейшему князю, почти никем или же только немногими выказываются, причем жизнь ведется такая, точно никакого наказа уже не нужно соблюдать, а полагающиеся каждому дела и обязанности исполняются плохо, — принимая далее во внимание, что если вовремя не будут приняты меры против растущего безобразия, безбожной и безнравственной жизни и беспорядков, то ничего иного нельзя ожидать, как того, что и так уже весьма разгневанный Господь Бог, показавший нам наказующий бич и грозивший уже гибелью, на дальнейшем пути накажет нас еще суровее и даже погубит всех, и так как, наконец, и вышеупомянутый светлейший князь, в своей высокой и бесценной чести, может понести в чужбине и у иностранных наций, вследствие подобного поведения, сильнейший ущерб и совершенное оскорбление — ввиду всех этих причин оба княжеских посла сочли крайне необходимым (по полномочию, предоставленному им его княжескою светлостью) помимо вышеуказанного княжеского милостивого наказа (во исправление про-

тивных в одинаковой мере Богу и строгим и грозным приказам его княжеской светлости дурных дел, для воспрепятствования всякому безбожному поведению, для восстановления забытого, следуемого и полагающегося, в их лице, его княжеской светлости уважения, а также для уничтожения всякого рода начавшихся беспорядков), — выработать еще нижеследующие статьи (в виде постоянного обязательного наказа, касающегося, безо всякого исключения, всех и каждого, занимающих какое-либо положение в этой свите) опубликовать эти статьи и подтвердить их назначением строгих, безо всякого снисхождения, наказаний.

Для начала и прежде всего, так как ведь у всех тех, кто совместно из Травемюнде выехали, еще находится и должно находиться в свежей памяти, в каком страхе, беде и крайней опасности, грозившей всякий час и всякое мгновение нашему телу и нашей жизни, мы все находились 29 октября ночью между 10 и 11 часами под Эландом, 3 ноября ночью у подветренного берега Эланда, 7 того же часа ночью между 10 и 11 часами перед Ревелем, когда потеряли мачту, затем 8 перед финляндскими шхерами и, наконец, 9 ноября вечером в 10 часов перед Гохландом, когда потерпели крушение, то [мы должны также помнить], что, если б особая помощь, доброта и милосердие Божии не сохранили нас, мы все без исключения потонули бы в море, умерли и погибли. Так как, однако, благостный Господь Бог, среди гнева Своего, памятуя Свое милосердие, вырвал нас из смерти, столько раз нам близкой, а мы все и каждый в отдельности обе-

щали постоянное благодарение, покаяние и исправление от всяческой греховной жизни, то всякий и обязан исполнить это обещание, отстать от грехов и от всею сердца, во время дальнейшего нашего путешествия, взывать к Богу о прощении грехов, отклонении дальнейшего наказания и даровании всякого полезного благосостояния, счастья и благословения.

Для достижения этой цели княжеские голштинские господа посла постановили, чтобы в каждое утро и каждый вечер уделялся час молитве, покаянию и благодарению; а чтобы каждый знал о таком часе и мог вовремя явиться на него, маршалу вменяется в обязанность при начале дня велеть трубить в трубу, чтобы всяк одевался. Сейчас же после этого, по прошествии четверти часа, будет даваться трубачами знак к молитве, после чего всякий, отбросив в сторону работы и всяческие дела, немешкотно должен являться на место, назначенное для молитвы, и принимать с должным благоговением участие как в пении, так и в молитве. Точно так же и вечером после стола всем дается приказание быть на обычном месте и с должным благоговением принимать участие в молитвенном часе. К сему дается строгое предупреждение, что всякий, кто, начиная от знатнейших и кончая пажами, лакеями и мальчиками, явится слишком поздно, т. е. когда уже началось пение, должен будет заплатить четверть талера, а тот, кто совершенно не явится, — каждый раз по полурейхсталеру, в кружку для бедных, безотговорочно; а до уплаты он не будет допускаться до стола. Пажи же, лакеи и мальчики все во-

обще, без исключения, невзирая на лицо, будут наказываться маршалом или на кухне или в ином месте.

Так же следует поступать при обычных воскресных и недельных проповедях, а именно: чтобы каждый, являясь к самому их началу, принимал с должным благоговением участие в пении, молитвах и слушании Слова Божия, исполнял должную службу Всемогущему Богу и от всего сердца взывал к Нему о счастии и благословении, о желанном совершении дальнейшей нашей поездки и счастливом возвращении обратно, — все это во избежание указанного наказания. Господин пастор должен иметь в этом деле бдительное око, и вообще должно быть и, действительно, будет наблюдаемо затем, чтобы бедные не потерпели здесь ущерба.

Далее, так как многие достойные наказания пороки, в особенности богохульные проклятия, недобрые пожелания и божба, наряду с бессовестным срамословием и бесстыдным шутовством, среди многих лиц свиты так распространились, что у некоторых даже вошли в привычку и не почитаются грехом, а напротив оправдываются и извиняются, как хорошее дело, чем, однако, могут быть не раз навлекаемы справедливым гнев Божий и суровые наказания, и, наконец, из-за одного безбожника может оказаться наказанною вся община, — [ввиду всех этих причин] княжеские господа послы сим совершенно запрещают легкомысленные проклятия, божбу, недобрые пожелания, срамословие, неприличное шутовство и вообще всякую воспрещенную Словом Божиим и святыми десятью заповедями

разнузданность и безнравственную жизнь. Те, кто окажутся преступившими эти постановления, будут примерным образом наказываемы — если понадобится, и телесно, — а что касается тех, кто в подобных случаях будут слушать и не донесут, то и с ними будет непременно поступаемо со строгостью по силе [нашей] власти и с особым даже тщанием.

Затем, так как добрый порядок — вещь весьма важная, а таковой не может быть ничем лучше сохранен, как прилежным и внимательным отношением со стороны каждого к его делу, немешкотным исполнением приказаний и постоянной верностью долгу, то княжеские господа послы увещевают и наставляют всех и каждого в отдельности, прежде всего и вообще, чтобы они, во всех статьях и по точному словесному содержанию, послушно исполняли милостиво опубликованный 1 октября 1635 г. в Готторпе и специально для настоящего посольства составленный наказ его светлости вышеназванного князя шлезвигского, голштинского и проч., нашего во всем милостивого князя и государя, и чтобы они во всех делах вели себя согласно с ним, дабы у послов было основание похвалить перед его княжеской светлостью послушание каждого из них, а не приходилось пользоваться имеющейся у них властью против строптивых.

А чтобы всякий знал, какой, по желанию господ послов, должен соблюдаться порядок во время путешествий и при остановках, — то они сим устанавливают, определяют и приказывают, чтобы как на квартирах, так во время отправления в путь и остановок, особенно же в присутствии чужих людей, маршал и выс-

шие офицеры и гофьонкеры всегда состояли при них, сопровождали господ послон в должном порядке из дому и в дом, оказывали им должный почет, как бы самому его светлости князю, и вели себя так, чтобы у всех, в особенности же у чужих, высокое имя и слава его княжеской светлости почитались и уважались тем более, что ведь все народы с особым вниманием относятся к посольствам и по этим последним, обыкновенно, судят о положении, величии, качествах и великодушном мужестве отсутствующих высоких государей.

Маршал обязан должным образом всегда поддерживать порядок, чтобы ежедневно часть пажей и лакеев, по очереди, везде несла службу в покоях княжеских господ послон и находилась бы под руками, дабы никто, в особенности из иностранцев, не мог без доклада войти в комнату, а господа послы могли также пользоваться [прислугою] и для посылок.

Когда трубою подается сигнал к столу, то все и каждый должны являться немедленно, чтобы никого не приходилось ждать, и если — в особенности к столу господ послон — кто-либо явится после того, как прочитана молитва и все уже сядут, то виновный обязан беспрекословно немедленно же уплатить шесть любекских пфеннигов в кружку для бедных.

Пажи же, немедленно после сигнала трубою, должны отправляться в кухню, чтобы в порядке подавать кушанья, ставить их на стол и носить воду.

Когда кушанья поданы, маршал совместно с несколькими юнкерами должен просить и сопровождать княжеских господ послон к столу.

Вслед за тем должна подаваться вода и читаться молитва, а затем все, один за другим, должны отправляться на свои места у стола в том порядке, который указан при княжеском наказе. Если будут присутствовать чужие, то маршал обязан каждому из них, сообразно его состоянию, уделять место и почет как при подавании воды, так и при угощении.

Пажи должны, чередуясь по неделям, читать молитвы до и после обеда. Тот, за кем очередь, должен всегда находиться под рукою; в противном случае он должен ждать наказания со стороны маршала.

Обязанности кравчих для стола княжеских господ послон должны нести гофьонкеры и стольники, чередуясь по неделям.

Точно так же за столом свиты маршал должен следить хорошенько, чтобы при еде и питье не происходило никаких свинских шуток и безобразий.

После стола каждый должен делать то, что ему приказано, а те, кто назначены к прислуживанию, должны оставаться под руками, чтобы княжеские господа послы, если бы они чего-нибудь пожелали, могли всегда отдать им приказание. При этом княжеские господа послы совершенно и строжайшим образом воспрепятствуют многократное выбегание и всякую возню с винными и иными торговлями и погребями.

В особенности же никто из пажей, лакеев и других людей не смеет, без ведома и испрошения отпустить у маршала, выходить, ни тем менее ночевать вне дома. Всякое выбегание и ночевки вне дома княжеские господа послы сим строжайше вос-

прещают под угрозой строгого наказания.

Точно так же сим прекращаются и более не будут никоим образом допускаться выпивки и пьянство после того, как встали уже из-за стола. Поэтому обер-шенк должен иметь прилежное наблюдение, чтобы к столу во время еды всем подавались и доставлялись необходимые напитки, но чтобы после стола погреб опять запирался и ключ находился у него, обер-шенка. Также следует тщательно наблюдать за людьми, назначенными к погребу, чтобы никто ничего не утаивал: иначе получится одно только безобразие. Если тот или иной при этом окажутся виновными, то их следует немедленно строго наказать. Этим приказом ни у кого не отнимается то, что нужно, а отменяется только ненужное излишество. Если кто-нибудь захочет выпить в промежутке между временем для еды, то это должно делаться с ведома обер-шенка, который должен держаться меры и никому не отказывать в нужном.

Если княжеские господа послы устроят пиршество или по иному случаю пригласят и попросят к себе гостей, то их люди, в особенности те, кто назначены к прислуживанию и несут свои особые обязанности, как, например, прежде всего: пажи, лакеи, мальчики и т. п., должны вполне воздерживаться от пьянства, а напротив прилежно прислуживать и прилежно исполнять и отправлять то, к чему каждый из них будет определен маршалом.

Точно так же, если княжеские господа послы будут приглашены в гости к другим лицам, то прислуживающие должны остерегаться пить и с высочайшим прилежанием ис-

полнять то, что им приказано. Преступники не должны ожидать ничего иного, как наказания.

Так как во время путешествия, в особенности же при отправлении и уходе из городов и иных мест, неоднократно происходили беспорядки, потому что упаковка вещей каждого откладывалась до последнего часа, а иногда перед самым отправлением то тот, то другой сначала желали посетить знакомых и проститься с ними, вследствие чего княжеские господа послы, к немалому для его княжеской светлости и для них лично ущербу, неоднократно задерживались в пути, то теперь княжеские господа послы отдают строгое приказание: чтобы, как только маршал объявит о необходимости ехать дальше, всякий поспешно упаковывал свои вещи, держался наготове и оставался под руками, чтобы в указанное время можно было быстро нагружать вещи и чтобы, при даче трубою сигнала об отъезде, никого уже не поджидали. Таким образом, если кто-либо задержится при отъезде и будет мешкать из-за прощания и тому подобных причин, то его не только не нужно вовсе поджидать, но, напротив, он должен быть наказан, по своему состоянию и своей должности, безо всякого лицепрятия.

Трубачи ко времени отъезда должны воздерживаться от пьянства, держаться наготове и быть под руками, чтобы по приказанию маршала трубить «к лошадям» и при выступлении в путь отправлять свою обязанность, дабы в случае, если кто из них, как это уже бывало повторные разы, поступит вопреки сему приказанию, княжеские господа послы

не имели повода подвергать их строгому наказанию.

Как маршал установит во время поездки, так всякий и обязан поступать, держась именно того места, которое ему предоставлено наказом его княжеской светлости. Поэтому сим совершенно отменяется беспорядочная езда верхом или в повозках во время пути. Напротив, всегда следует ехать в добром порядке.

К чужим всякий должен относиться дружелюбно и мирно, не осмеивать их в их богослужении или в ином чем, не браниться и не драться с ними, но, напротив, быть по отношению к ним услужливым и вести себя так, как всякий желал бы, чтобы с ним самим поступали другие.

Если окажется, что в этом наказе, который княжеские господа послы всегда могут расширять и, по мере надобности, изменять, что-либо не содержится, а маршал отдаст соответствующие приказания, именем княжеских господ послов, для поддержания необходимой почтительности и доброго порядка, то подобному приказанию все и каждый, кто подчинен маршалу, должны повиноваться точно так же, как если бы оно было изложено в самом наказе, — до тех пор, пока княжеские господа послы не прикажут что-либо иное.

За сим княжеские господа послы строжайше приказывают и объявляют всем находящимся в их свите: чтобы этим статьям, установленным наряду с опубликованным наказом его княжеской светлости, и всему с ними связанному, немедленно же по опубликовании их, оказывалось полное должное повиновение, и чтобы никоим образом ни прямо, ни косвенно они не нарушались.

При этом княжеские господа послы надеются, что каждый, кому его княжеской светлости высокая честь и собственная его честь дороги, будет вести себя достойным образом и так, чтобы княжеским господам послам, при высоких их делах, не приходилось терпеть помехи от жалоб и других неприятностей и не приходилось также подвергать непослушных примерному наказанию и т. д.

Какие, помимо этих серьезных наказов, в разных местах были еще даны и предложены правила и приказы — излагать все это взяло бы слишком много времени. Правда, сначала установленный порядок строго поддерживался, и преступники подвергались должным наказаниям. Так как, однако, вскоре за тем не только стали смотреть сквозь пальцы на иных лиц, но, кроме того, посол Брюгеманн роздал некоторым лакеям и другим простым людям топоры с приделанными к ним ружейными стволами, так что можно было ими и рубить и стрелять, и люди получили возможность совершать самоуправства и враждебные действия по отношению к ревельцам, которые с ними сталкивались, — то весь этот добрый порядок вскоре был оставлен и забыт. Поэтому-то, пока мы целых три месяца оставались в Ревеле в ожидании новых верительных писем из Голштинии, между нашими людьми и ревельскими купеческими слугами не раз происходили столкновения, приведшие, в конце концов, к убийству. 11 февраля, ночью, недалеко от посольского помещения, купеческие слуги и наши люди, из озорства, затеяли опасную драку. Страшный крик безобразников

заставил Брюггеданновского камердинера Исаака Мерси, француза, человека смирного и благочестивого, выбежать на помощь к нашим из дому. Однако один из купеческих слуг так принял его шестом от ушата, что его череп разбился и он на следующее утро, пролежав четыре часа в тяжком беспамятстве, испустил дух. Труп его 22 того же месяца сопровождался не только послами и их свитою, но и достоуважаемым магистратом и именнейшими гражданами в церковь св. Николая: похоронили его с торжественными церковными церемониями. Хотя послы при участии достоуважаемого магистрата и старались найти убийцу, но его все-таки никто не назвал.

XXIII

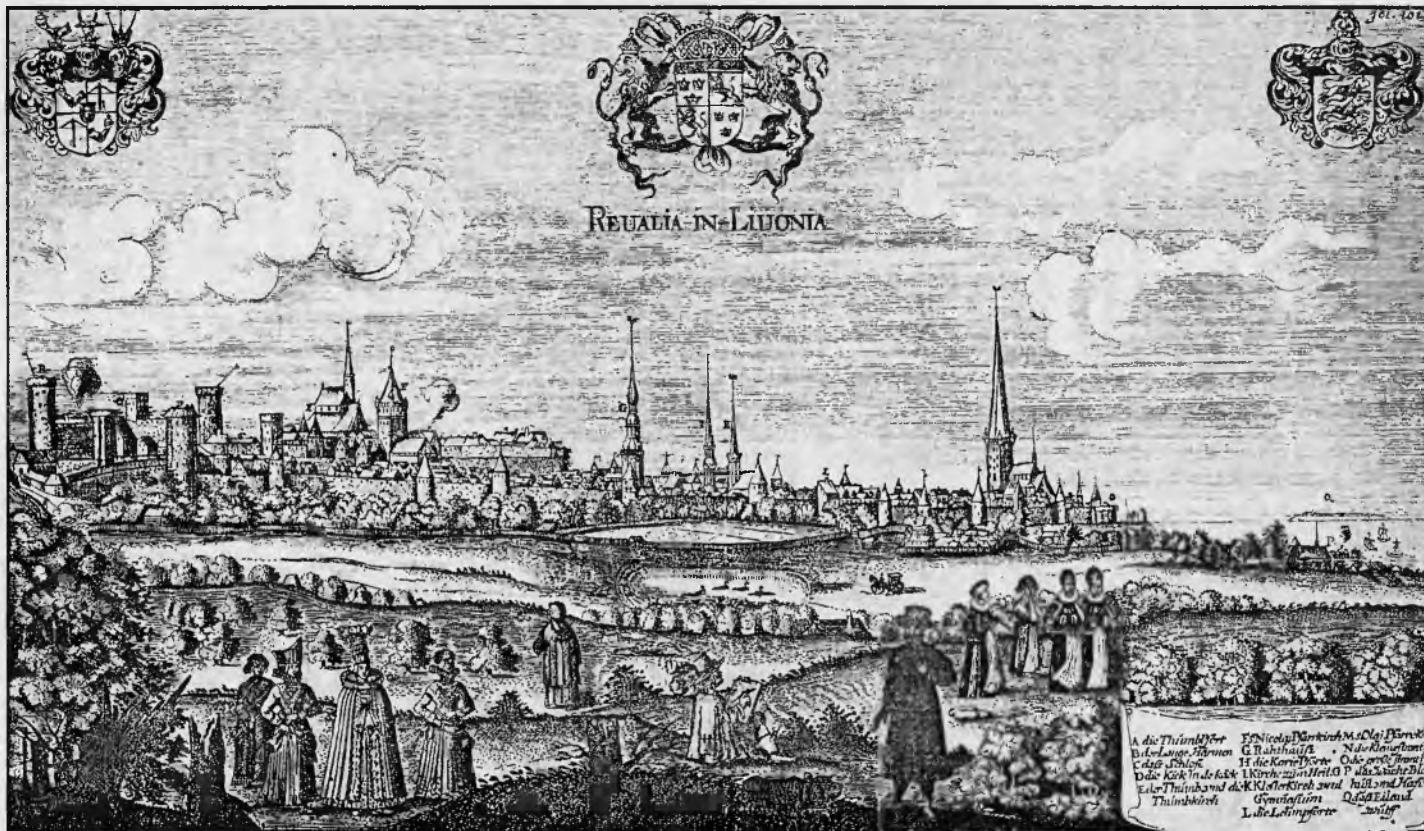
(Книга II, глава 8)

О городе Ревеле

Что касается до города Ревеля, то он лежит (под $59^{\circ}25'$ широты и, как полагают, $48^{\circ}30'$ долготы) у Балтийского моря, а именно в вирландском округе княжества Эстонии. Ведь Лифляндия, простирающаяся от реки Двины до Финского залива, делится на две части: Леттию и Эстонию. Последняя заключает в себе преимущественно 5 округов: Гарриен, Вирланд, Аллентакен, Иервен и Вик; все это плодородные и богатые хлебом местности.

Хотя от многих войн все эти места сильно опустели и одичали, тем не менее ежегодно здесь выжигается много кустарника и леса и земля вновь обращается в пашни, которые

затем в первый год дают лучший хлеб. Нужно удивляться, как этот хлеб здесь вырастает пышно и прекрасно, несмотря на то, что семя просто бросается в золу и земля нисколько не уваживается. Простая зола, сама по себе, ничего не в состоянии произвести; поэтому я думаю, что урожай достигается серою и селитрою, которые вследствие пожара и оставшихся угольев сохраняются в почве. Ведь вполне достоверно, что угольная пыль — хорошее удобрение, которое делает почву плодородною. На это я нахожу указание у Страбона в конце пятой книги, где он рассказывает, что вокруг горы Везувия, близ Неаполя, земля очень плодородна потому, что гора временами извергает пламя. «Быть может, — говорит он, — это и есть причина плодородия окрестностей. Говорят, что в Катане полоса земли, покрытая золою, выброшенною огнем из Этны, сделалась очень удобною для винограда, потому что зола эта содержит в себе жир и глину воспламеняющуюся и плодородную. Пока глина насыщена жиром, она способна к воспламенению, как и всякая земля, содержащая серу, но когда высохнет, потухнет и выветрится, тогда производит плоды». Так как в этих местах в Лифляндии хорошее хлебопашество, то бывает порою, что один Ревель в состоянии вывезти несколько тысяч ластов ржи и ячменя. Они здесь варят доброе и крепкое пиво — вовсе не такое плохое как говорит Цейлер в своем «Itinerarium Germaniae». В Лифляндии ведется и весьма хорошее скотоводство и имеется много мелкой дичи и птицы, так что, сравнительно с Германиею, здесь можно с незначительными расходами вести

Ревель в Ливонии

*А. Ворота Вышгорода.
В. Длинный Герман (башня).
С. Замок.
D. Башня Кик-ин-ди-Кёк.*

*Е. Вышгород и вышгородская церковь.
F. Приходская Николаевская церковь.
G. Ратуша.
H. Ворота Карри
(ныне Михайловские)*

*I. Церковь св. Духа.
K. Монастырская церковь
и гимназия.
L. Глиняные ворота.
M. Приходская церковь св. Олая.*

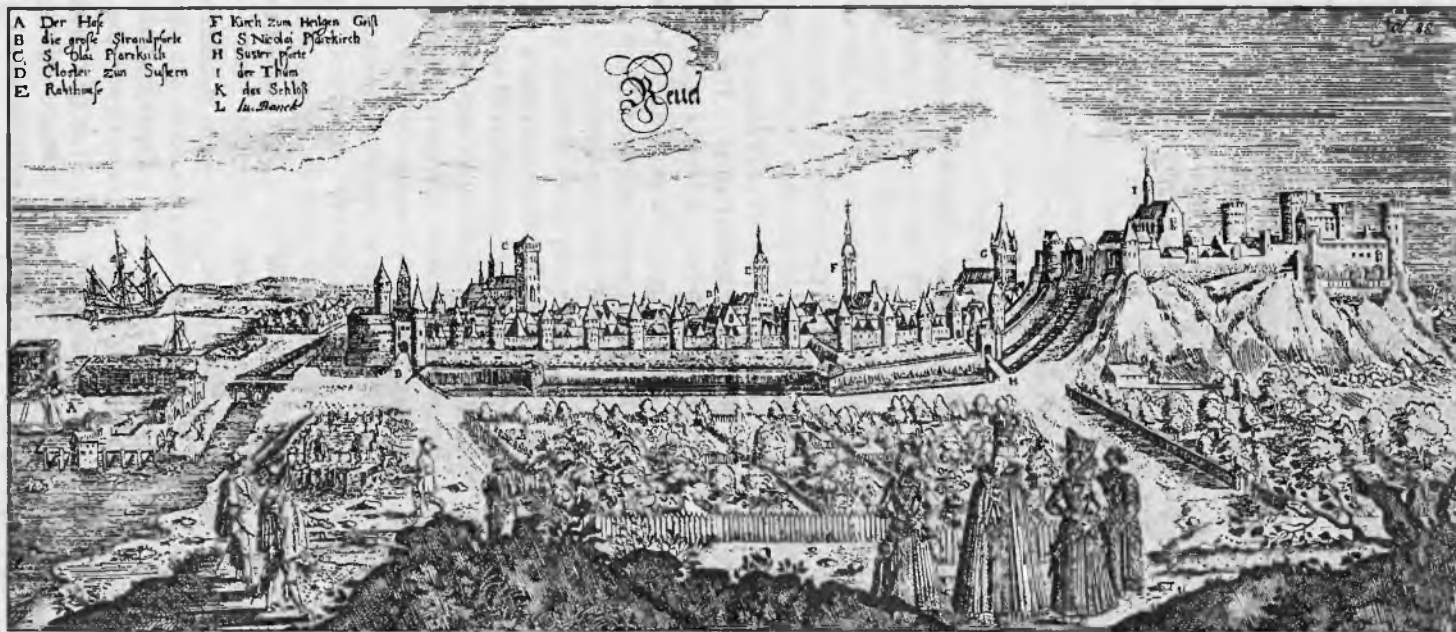
*N. Малые Морские ворота
O. Большие Морские ворота
P. Сторожевой блокгауз
и гавань.
Q. Остров Вульф.*

великолепный стол. Ведь часто мы покупали зайца за восемь медяков (что составляет в мейссенской монете — 2 гроша), тетерева за три гроша, а то и дешевле.

Город Ревель построен в 1230 г. по Р. Х, Вальдемаром Вторым, королем датским. По величине, зданиям и укреплениям Ревель мало уступает Риге. Он уже давно укреплен высокими стенами, круглыми башнями и бастионами вследствие чего Московит, дважды нападавший и сильно его обстреливавший, — следы чего и теперь видны на замке у горы Тоннингс [Тённис] — принужден был отступить, ничего не добившись. Теперь же он еще более укрепляется, так как его окружают сильными фортами и валами под наблюдением городского математика г. Гемзелия, человека очень искусного. Год тому назад, когда я был там, уже два форта были готовы. Покровителем города является его величество король шведский. Это важный торговый город, который, по прекрасному местоположению, как будто самой природой предназначен для торговли: об этом свидетельствуют великолепная гавань, прекрасный рейд и вообще те громадные удобства, которые от Бога и природы преимущественно перед другими местами дарованы этому городу для мореходства и складов. Поэтому этот город, тотчас по основании своем, сам собою так привлек к себе торговлю, что день ото дня в нем усиливалось население, достигавшее благодаря торговле громадного богатства, и строились великолепные церкви, монастыри, жилища, фасады и стены. Так как при такой все более усиливавшейся торговле улицы и жилища везде были застроены вели-

колепными каменными домами и пакгаузами для защиты постоянно привозимых и увозимых товаров от огня и так как здесь все вообще устроено для торговли, то г. Ревель вообще и считается, как в стране, так и вне ее, за важнейший, а для русской торговли и склада русских товаров удобнейший коммерческий порт на Финском заливе. Он часто посещается судами всех наций и мест и принят также, вместе с лифляндскими городами Ригою и Дерптом в более чем в 400-летнее достохвальное ганзейское общество. В особенности же наряду с четвертою квартирою и главным городом Ганзы — Любеком, город Ревель, в течение трехсот лет до бывших в Лифляндии войн с русскими, в качестве видного сочлена союза, помогал содержать коллегию в Великом Новгороде и пользовался такого рода авторитетом, что, без его совета и согласия, ничего не делалось и никому не дозволялось из Лифляндии и через море торговать с Россиею. Поэтому Ревель и получил и применял, раньше других городов, право складочного места (*jus stapulae*) и право ярмарочное (*jus sistendi mercatus*), которое впоследствии было закреплено за ним многочисленными мирными договорами между достохвальным королем шведским и великим князем московским, заключенными в 1695 г. в Тявзине, в 1607 г. в Выборге и в 1617 г. в Столбове.

Хотя вследствие войн с русскими, а, по окончании их, вследствие зависти некоторых иностранцев, обвинявших, без достаточного основания, город Ревель (который только, подобно другим ганзейским городам, пользуется своим правом суда и пред-

Вид города Ревеля
(по изданию 1647 года)

Город представлен с другой стороны

- A. Гавань.
- B. Большие Морские ворота
- C. Приходская церковь св. Олая.
- D. Систернский монастырь.
- E. Ратуша.
- F. Церковь св. Духа.
- G. Приходская церковь св. Духа.
- H. Систернские ворота.
- I. Вышгород.
- K. Замок.
- L. Скамейка на берегу.

варительного приговора) в своекорыстии и т. п., торговля в городе и пала несколько, тем не менее и по сей час Ревель пользуется великолепными льготами, унаследованными им от геермейстера к геермейстеру, от короля к королю. Город применяет любекское право. У него имеется свой суперинтендент и консистория. Жители привержены к чистой евангелической религии по аугсбургскому исповеданию; они справляют свое общественное богослужение с почти ежедневными проповедями, которые в разных церквях произносятся весьма искусными проповедниками. Здесь имеется и хорошо обставленная гимназия, из которой ежегодно ученые студенты отправляются или в Дерпт в лифляндскую, или в другие академии [университеты]. Город управляется демократически с привлечением гильдий, ольдерменов и старейшин. В настоящее время там синдиком г. доктор Иоганн Фестринг, доблестнейший ученый муж. В данное время граждане, в особенности господы члены совета, а также церковные и гимназические чины были так единодушны и дружны, что нам было смотреть на них: очень часто они имели порядочные собрания и пиршества, во время которых ими выказывалось, по отношению к нам, много почета, любви и дружбы. В летнее время для целей увеселения в этом городе большое удобство представляют находящиеся там и сям веселые сады, роци и другия места для прогулок. В числе последних в северной части гавани, в полумиле от города, находится старый разрушенный монастырь св. Бригитты, которого стены и подземные сводчатые ходы еще теперь можно видеть. Год тому

назад, когда я был в Ревеле, я видел у упомянутого выше г. доктора Фестринга, моего дражайшего друга, старую книгу, в которой подробно описаны были учреждение и устройство, а также и гибель этого монастыря. Постройка была начата в 1400 г. по Р. Х., когда магистр Корд был гоheimermeisterом в Пруссии, магистр Корд-Фитингсгоф магистром в Лифляндии, а Иоганн Оке — епископом ревельским. Начал постройку богатый купец, по имени Гунс Свальберт, который, из особого благочестия, отказался от светской жизни, поступил в духовный орден и потратил много денег, труда и хлопот на построение этого монастыря. К нему присоединились еще два других богатых купца, которых звали: Гунс, Куперт и Герлах Крузе; они поступили сначала послушниками, а потом стали священниками. Это был монастырь мужской и женский. Монахини были посвящены в нем в 1431 г. в воскресенье перед днем св. Иоанна [Предтечи], а монахи в воскресенье после дня св. Иоанна. Г. Герлах Крузе избран был патером и духовником. Однако внезапный пожар в 1564 г. по Р. Х. в день Ehaudi [6 воскресенье по Пасхе] совершенно сжег и испепелил весь монастырь.

У монахов и монахинь, как рассказано в той же книге, существовал особый способ понимать друг друга без речей, а именно при помощи знаков пальцами и руками. Например, если кто указательным пальцем касался глаза, глядя вверх, то это обозначало: «Христос». Прикосновение тем же пальцем к голове обозначало: «Исповедник». Приложение знака X к голове обозначало: «Диакон», а 2 пальца, приложенные к

голове: «Аббатисса». Приложение указательного пальца к мизинцу обозначало: «Пить». Соединение пяти пальцев обозначало: «Вода». Если указательный палец протягивался по груди, то это обозначало: «Читать». Если двигали кулаком с поднятым большим пальцем, то это обозначало: «Не почитать». Если большой палец обнимался указательным и средним пальцем, то это обозначало: «Стыд». Было весьма много еще других подобных способов, которые здесь приводить взяло бы слишком много места. Сказанного достаточно об этом разоренном монастыре, в который ревельцы часто, ради развлечения, ходят гулять.

Ревельские граждане ведут доброе общение и дружбу с поместным дворянством, вследствие чего усиливаются и крепнут их торговля и промыслы.

Я думаю, что будет весьма кстати, если я несколько подробно остановлюсь здесь на поместном дворянстве Лифляндии, которое живет в княжестве Эстонии, и упомяну, к славе его, о некоторых подробностях. Рыцарство в княжестве Эстонии состоит из вольных дворян, которые в старые годы чрезвычайно стойко и мужественно отражали русских. За такую особую храбрость их и достойное дворян и рыцарей поведение они получили весьма великолепные и прекрасные привилегии: прежде всего, от королей датских, из которых король Вальдемар II в 1215 г. дал им первые рыцарские права, позже королем Эриком VII в 1252 г. изложенные в грамотах; далее — от магистров ордена меченосцев, затем — от гохмейстеров в Пруссии, из которых г. Конрад фон Юнгиген дал дворянству в Гаррии и Вирланде милости-

вое разрешение завещать свои имения сыновьям и дочерям даже вплоть до пятого колена, и наконец — от лифляндских магистров тевтонского ордена, из коих г. Вальтер фон-Плеттенберг, избранный в 1495 г. и первым ставший в 1513 г. князем священно-римской империи, оставил много великолепных правил для княжества Эстонии. Здешнее рыцарство также освобождено от всякого рода повинностей, за единственным исключением верховой службы. Когда впоследствии рыцарство, во время войн с русскими, увидело себя всеми оставленным и отдалось, при короле Эрике, под защиту короны шведской, то достохвальные короли этого государства вполне утвердили вплоть до настоящего часа все подобные, кулаком [оружием] приобретенные, унаследованные и завещанные привилегии, и оставили их за ними.

Администрация и юстиция сосредотачиваются в их ландгерихте, в котором заседают 12 дворян-ландратов; ежегодные сессии происходят обыкновенно в январе. Председателем является королевский г. губернатор в Эстонии. Ему тяжущиеся стороны попеременно представляют по две краткие записки; частные тяжбы решаются суммарным порядком, после чего выносится приговор.

В данное время губернатором был высокородный господин Филипп Шейдинг, советник его королевского величества и государства шведского. По кончине его это место занял его высокографское превосходительство Эрик Оксеншерна, барон в Кюмито, владетель Фюгольма, Герингсгольма и Веллигардена и пр., государственный советник его коро-

левского величества и короны шведской, которого за достохвальные его добродетели город Ревель не знает, как превознести; поэтому-то с такой неохотою и расстались с ним. Когда его, ради дел высочайшей важности, опять отозвали в королевство, то недавно на эту высокую должность назначен был высокоблагородный граф Генрих фон-Турн и проч.; он также советник и проч. его королевского величества и государства Швеции. Город Ревель и земские чины не менее надежд [чем на предыдущих губернаторов] возлагают и на него.

Представления о земских нуждах делаются перед королевским господином губернатором и господами ландратами начальником рыцарства, который избирается из числа дворян и сменяется через трехлетия. Для решения межевых несогласий, очень частых ввиду сильного смещения меж во время великих и продолжительных войн с русскими и поляками, на каждое трехлетие назначаются трое манрихтеров [судей для феодалов] в Гаррии, Вирланде и Вике; они, со своими ассессорами и с секретарем, объезжают спорные места и производят суд между тяжущимися. Кто неудовлетворен таким решением, может подать апелляцию в ландгерихт, назначающий особых комиссаров для осмотра спорных мест, выслушания сторон и либо утверждения, либо изменения приговора манрихтера. Кроме того, у них есть и четыре гакенрихтера [судьи по делам земской полиции] в четырех округах княжества Эстонии: Гаррии, Вирланде, Иервене и Вике. На них возложен надзор за мостами, дорогами и переходами: ввиду больших болот это дело здесь не из легких.

XXIV

(Книга II, глава 9)

О немцах или древних обитателях
Лифляндии

Древние обитатели Эстонии, как и всей Лифляндии, были язычниками и идолопоклонниками вплоть до 1170 г. по Р. Х., когда, во времена императора Фридриха Барбаруссы (как о том рассказывает Альберт Кранц в 6 книге своей «Wandalia», а Хитрей в своей «Saxonia»), они, по случаю торговых сношений, завязанных здесь бременцами и любекцами, были обращены в христианскую веру. Как рассказывают, произошло это так: около указанного времени бременские купцы, торговавшие на Балтийском море, бурю были занесены в залив у Риги, каковое место тогда еще вовсе не было известно немцам. Здесь они познакомились и подружились с людьми, жившими у залива и по берегу до Пернова, стали менять с ними товары и начали, таким образом, торговлю. Жители, как говорят, вначале были весьма простоваты: они выжимали мед, которого в Лифляндии очень много, а воск выбрасывали как вещь ненужную. Когда монах Мейнард из Зегеберга узнал об этом, он, из особого благочестия и по указанию св. Духа, сел на корабль, направился туда, построил на небольшом острове на реке Двине хижину или плохонькую часовню, пребывал в ней со своим прислужником или отроком, с большим трудом изучил язык варварских народов, дружески беседовал с ними о правой вере и истинном богослужении и таким образом постепенно

научал их христианской вере и многих из них обратил. Когда же необращенный и необузданный буйный народ зачастую стал нападать на новоявленных христиан, то эти последние для защиты своей укрепили это место и назвали его Керкгольм. Так как Мейнард с неослабным прилежанием продолжал поучать людей, то его, по приказанию папы Александра III, архиепископ бременский посвятил в сан первого лифляндского епископа.

Когда Мейнард скончался, Бертольд, аббат ордена цистерцианцев, также из Бремена, был послан [в Лифляндию] епископом. Этот последний, думая не только словом, но и мечом, привести варваров к послушанию христианской вере, выступил против них в поход. При этом, находясь верхом на буйной лошади, он попал в середину отряда варваров и был ими умерщвлен. В той же битве, по преданию, погибло 1100 христиан и 600 эстонцев, как рассказывает писанная по-старосаксонски бременская хроника, имеющаяся в библиотеке моего милостивейшего государя. Бертольд же, по преданию, положил начало городу Риге, Иоганн Магнус в своей «*Gothorum Sveonumque historia*» в главе 9 полагает, что это произошло в 1186 г. по Р. Х.

После Вертольда бременцы отослали в качестве третьего епископа из своей коллегии — Альбрехта в 1169 [1199] г. Он, как рассказывают, окончательно достроил Ригу и в 1200 г. окружил ее стеною. Он счастливо правил 33 года и помог распространить христианскую веру в Лифляндии. Как усматривается из вышеупомянутого манускрипта, Альбрехт, каноник в Бремене, сам, из ревнос-

ти к христианской вере, вызвался ехать в Лифляндию, чтобы действовать против нехристиан. После этого он съездил в Рим, где папою был утвержден в сане епископа. Папа уполномочил его учредить новый орден в Лифляндии и предоставить рыцарям, по завоевании страны, треть всех земель, с тем, чтобы получилась помощь против язычников. Из Рима епископ Альбрехт опять вернулся домой, присоединил к себе несколько храбрых мужей из числа друзей своих (наиболее видные из них были Энгельбрехт и Теодорик фон-зенгаузен), направился с ними, в сопровождении многих других, в Лифляндию, учредил орден меченосцев, в котором Вино [Венно фон-Рорбах] был избран первым магистром, и со свежими силами выступил против варваров. Король Сигизмунд польский, подчинив себе всю Лифляндию, упразднил этот орден в 1561 г. по Р. Х., после того как он просуществовал 357 лет. Орденским знаком у них были два красных меча, крестообразно наложенных один на другой; этот знак они носили на своих плащах, как рассказывает Франциск Менений в соч. «*De Originibus Ordinum Militarum*». Когда оказалось, что варвары слишком сильны и часто одерживают победы, то меченосцы призвали на помощь гохмейстеров, т. е. тевтонский орден в Пруссии (по словам Хитрея, основанный королем иерусалимским Фалько). Оба ордена соединенными силами покорили варварские народы, привели их к послушанию и насадили среди них христианскую веру.

И теперь еще в Леттии и Эстонии много потомков этих варваров, не имеющих ни городов, ни дере-

Орденский знак меченосцев

вень, но являющихся рабами и крепостными на службе у поместного дворянства и у горожан в городах. Они сохранили еще родную свою речь. Хотя эстонский язык и не имеет никакого родства с латышским, но обыкновенно и эстонцев и латышей одинаково зовут «ненемцами».

У них имеется и особый свой костюм, а именно: женщины носят узкие платья, в роде мешков, на которых сзади висят медные цепочки с бляшками в роде монет, а внизу, в виде каймы, находятся желтые стеклянные кораллы [бусы]. На шее знатнейшие из них, чаще же всего кормилицы, носят плоские серебряные кружки, величиною с полталера и с талер. Кружок, висящий ниже всех других, величиною с деревянную дощечку или подставную тарелку. Все они тонки, точно жестяные.

Незамужние ходят с непокрытыми головами зимою и летом; волосы у них, не связанные узлом и [к тому же] подрезанные, свисают на плечи, так что с головы они совершенно похожи на парней. Одежды их из плохого грубого сукна и холста, который они ткут и изготавливают сами. Летом носят они обувь из лыка, зимою же из недубленых грубых бычьих и коровьих шкур. Большинство

из них — бедные люди, у которых нет ничего, кроме того, что на них надето и что они кладут себе в рот. Поэтому, когда справляют свадьбу, они, помимо того, что им подарит их помещик, устраивают еще складчину между собою, участвуя в ней кто чем может. Пируют они при этом так великолепно, как только в силах.

Церемонии и обряды свадебные у них, большею частью, следующего рода. Если невеста и жених из двух различных деревень, то жених привозит невесту на лошади. Она сидит за ним и правой рукою обнимает его за талию. Спереди едет волынщик, затем следуют двое дружек с обнаженными саблями, которыми они крестообразно ударяют в дверь брачного дома; потом они втыкают их остриями в балки вверху того места, где сидит жених. Жених, ведя таким образом свою невесту, имеет в руках палку, в конце которой зацеплены два медных пфеннига, которые он уплывает за пропуск тем, кто перед ним загораживает ворота. У невесты имеются красные шерстяные ленты: их она бросает на дороге, особенно на перекрестках или же где стоят кресты на могилах некрещеных детей, которых они хоронят не на кладбище, но у дороги.

За женихом следуют в том же порядке верхами остальные гости, мужья со своими женами, парни с девицами.

У невесты, пока она сидит за столом, на голову накинута платок, покрывающий ей лицо. Подобный обычай существует у московитов или русских, а также у персов и армян.

Кстати, покрывание лица невесты было весьма древним обычаем;

Эстонская свадьба

подобного мнения и Плиний. О том же свидетельствует Лукан, говоря во 2 книге поэмы «О фарсальской войне».

*...Робкой стыдливости легким
покровом жены новобрачной,
Кроткие взоры ея не скрывались
багряной фатою.*

Точно также Тертуллиан в книге «De virginibus velandis» [«Об одевании покрывал на дев»], упоминая о Ревекке, которая с покрытым лицом вышла навстречу жениху своему, говорит в главе 11: «И у язычников невесты приводятся к мужьям в покрывалах». Отсюда, как полагают, получило название латинское слово

Nuptiae («свадьба»): ведь слово nubere у древних обозначало «покрывать», «закутывать», как об этом можно подробнее прочитать у Розина в его «Antiquitates Romanae» в 37 главе 5 книги.

Как только немецкие невеста и жених посидят немного за столом и поедят, их зовут и уводят на постель, хотя бы это и было среди бела дня. Тем временем гости веселятся и забавляются; через 2 часа новобрачных опять приводят и затем всю ночь пляшут и пьют с таким увлечением, что наконец один тут, другой там валяются на пол и засыпают.

Что касается их веры и богослужения, то предки их, как выше сказано, 400 лет тому назад были при-

ведены к христианской вере. Теперь они, наравне с лифляндскими немцами, принадлежат к аугсбургскому исповеданию. В городах и деревнях имеются их церкви и проповедники, которые на немецком языке проповедуют им Слово Божие и совершают им требы.

В некоторых местах, в деревнях, в наше время этот народ очень плохо приучали к вере, так как работа зачастую предпочиталась богослужению. Поэтому они жили в большом невежестве, причем у многих не столько чувствовалось христианское рвение к истинной богобоязни, сколько сердечная привязанность к языческим и идолопоклонническим обрядам. Например, они избирают в разных местах, в особенности на холмах, известные деревья, которых ветви они вплоть до верхушки подрезают; затем деревья обвивают красными лентами и под ними совершают суеверные заклинания и молитвы, имея в виду только сохранение и умножение благоденствия в здешнем мире самих молящихся и их родных.

Между Ревелем и Нарвою, в двух милях от рыцарского имения Кунда, недалеко от приходской церкви стоит старая развалившаяся часовня, к которой живущие кругом немцы ежегодно около дня Благовещения целыми толпами отправляются на паломничество. Некоторые из паломников на коленях и нагишом ползают вокруг лежащего в часовне камня и приносят жертвы от кушаний своих, чтобы вымолить и себе и своему скоту благоденствие в течение года и выздоровление в случае болезней. Во время этих паломничеств является и много разных маркитантов. Кончалось дело не раз обжорством, пьянством,

блудом, убийством и другими грубыми пороками. В наше время эти безобразия все еще не были вполне уничтожены, хотя местные проповедники много над этим потрудились и успели все-таки ослабить их несколько.

Эстонцев считают народом колдунов и говорят, что колдовство так распространено между ними, что старики учат ему молодежь. Некоторые из них запомнили из волшебных обрядов, которым учили их отцы и предки, одни лишь приемы того или иного дела; они убеждены, что стоит им упустить эти приемы, и в делах у них не будет удачи. Когда они режут скот или готовят пищу или варят пиво, они всегда, раньше чем вкусить чего-либо, бросают или выливают часть [употребляемого в пищу или питье] в огонь или в иное место, чтобы она там пропала. С малыми детьми они также устраивают свои фокусы. Нам сообщали, что некоторые, замечая беспокойство детей в течение шести недель [после рождения и крещения], тайно крестят их вновь и дают им другое имя, ссылаясь на то, что дитя получило неправильное и неудобное имя, вследствие чего оно и беспокойно. Так как они очень склонны к колдовству и в то же время обременены тяжелою работою, то следовало бы думать, что они (раз они в состоянии так поступать) сделают со своими господами и управляющими то же, что в свое время делали волшебники в Италии. Об этом отец церкви Августин в сочинении «De civitate Dei» пишет, что в его время рассказывали, будто некоторые хозяева в Италии, при помощи особо приготовленного сыра, превращали гостей, отведывавших

этого сыра, в лошадей и быков, заставляя их в таком виде исполнять хозяйскую работу; после же работы они их опять возвращали к прежнему сознанию.

У этого народа отчасти весьма странные взгляды на загробную жизнь. Священник деревни у Риги сообщал, что латышская женщина положила в гроб к трупку своего мужа иголку и нитку. Когда ее спросили о причине этого поступка, она сказала: «Чтобы муж ее на том свете имел чем чинить свое платье, если оно разорвется, и не служил бы посмешищем для других людей».

Ввиду такой простоты и такого невежества, которые у некоторых людей царят в делах божественных (а вызвано это, в большинстве случаев, тем, что господа не следят строго за слушанием их людьми Слова Божия), возникло [в народе] презрение к Слову Божию и к св. таинствам. Пробст в Люггенгузене, лежащем недалеко от Нарвы, г. магистр Андрей Безик, мой добрый приятель, рассказал мне, например, несколько случаев [подобного отношения к религии]. Между прочим, однажды позвали его к старому немецкому крестьянину, лежавшему на смертном одре, и попросили причастить больного. Когда пробст спросил, почему теперь крестьянин желает принять св. причастие, а, будучи здоров, несколько лет не обращал на него внимания и не принимал, то ответ дан был такого рода: «Друзья его уговорили [поступить так], чтобы в случае, если он не поправится, все-таки можно было честно похоронить его на кладбище». В другом случае крестьянин в весьма постыдных, омерзительных и богохульных выражени-

ях насмеялся над своим соседом, когда узнал, что тот ходил к св. причастию.

К подобному варварству, помимо указанной причины (т. е. тяжелой работы), отчасти дан был повод некоторыми неучеными и неловкими проповедниками: ведь некоторые дворяне, имеющие право патроната или назначения священников, определяли проповедниками учителей детей своих, как бы плохи те ни были.

Когда об этих непорядках и высокоопасном состоянии христианской церкви стало известно достохвальнейшей короне шведской, то, по почину весьма заслуженного перед государством шведским и церковью государственного канцлера г. Акселя Оксеншерны (блаженной памяти) были приняты ревностнейшие меры, чтобы изменить их и привести в лучшее состояние. И, таким образом, лет с 18 тому назад сделано было похвальное распоряжение, чтобы сельские священники ежегодно имели собрание под председательством епископа, живущего в Ревеле на Вышгороде, и там бы обсуждали благосостояние церкви и продолжение истинного богослужения. Тут же происходят диспуты и объяснения по разным предметам, что является как бы экзаменом для сельских священников и заставляет их заглядывать в книги и быть прилежными.

На этих собраниях и при первых визитациях, назначавшихся в то или иное время, обнаружались иные столь дурные проповедники, что даже на самые главные вопросы они давали ответы плохие и глупые — к общему удивлению и сожалению.

При столь необходимой рефор-

мации и улучшении ненемецких церквей похвально действовал г. магистр Генрих Стааль, ныне суперинтендент в Нарве, ученый человек, переведший на эстонский или ненецкий язык «Малый катехизис» Лютера, Евангелие с толкованием и много других нужных книг, которые были напечатаны и могли оказать пользу и тем, кто не в состоянии ходить в церковь.

Не меньшей славы в этом деле заслуживает ученейший в свое время человек г. Генрих Брокман, сначала профессор греческого языка, потом проповедник ненецкого сельского прихода, переведший много лютеранских церковных песен и псалмов на эстонский язык в стройных стихах, которые теперь поются в церквах.

Формула [эстонской], или ненецкой клятвы: «Теперь стою я, NN, здесь, как ты судья, от меня требуешь, для того, чтобы по справедливости заявить, что эта земля, на которой я стою, Божья и моя заслуженная земля, мне принадлежавшая и в моем пользовании находившаяся издавна. В этом клянусь я Богом и его святыми; пусть Бог судит меня за это в день страшного суда. Земля эта Божья и моя заслуженная, мне и отцу моему издавна принадлежавшая и находившаяся в нашем пользовании. Если я клянусь неправильно, то пусть клятва ляжет на тело и душу мою, на меня и на детей моих и на все мое благосостояние вплоть до девятого колена...»

Латыши около Риги, как рассказывают, кладут кусок торфа на голову и берут белую [т. е. некрашеную] палку в руку и, клянясь, говорят:

«Если клятва их лжива, то пусть и они и их скот так же засохнут, почернеют и обеднеют».

Как сказано, это народ, живущий в рабстве и в тяжелой работе. Поэтому у них не найти много больше того, что на них или при них, кроме разве их жилищ в деревнях. Им оставляют лишь столько земли для хлебопашества, чтобы они елеле могли пропитать себя и своих детей в течение года В некоторых местах, где много лесу, они уходят в лесную глушь, тайком устраивают себе там пашни, сеют и собирают зерно и закапывают его в землю. Если начальство узнает об этом, то зерно у них отнимается, а крестьянина [поступившего так] наказывают и бьют шпицрутенами.

Вот каково обычное наказание, к которому их приговаривают: они должны снять рубаху с тела и обнажиться до бедер, затем лечь на землю или дать себя привязать к столбу. После этого другой ненец должен бить их шпицрутенами: количество шпицрутенных назначается, глядя по проступку. Берут обыкновенно пару шпицрутенных и бьют так сильно, что кровь струится с тела. Особенно плохо приходится наказанному, если господин скажет: «Selcke nahk maha rehema», т. е. бить так, чтобы «содрать со спины кожу».

Это грубый, суровый народ: поэтому они часто предпочитают такое наказание денежному штрафу. В латышской земле на дворе господина де-ла-Барр нам рассказывали достоверные лица такого рода случай. Старый крестьянин в этом поместье, за какой-то проступок, должен был лечь, чтобы получить шпицрутены. Так как это был очень старый чело-

Порка в Лифляндии

век, то супруга де-ла-Барра, из жалости к нему, просила, нельзя ли заменить наказание небольшим денежным штрафом, например, в один шведский талер или 8 грошей.

Крестьянин, однако, поблагодарил за такую милость, разделся и лег наземь, говоря: «Я в свои старые годы не хочу допускать новшества и вводить перемены; буду поэтому доволен тем наказанием, которое несли отцы мои».

Впрочем, у них мало имеется денежных средств, так как часто им оставляют одну лишь жизнь и ничего больше. И если господа что-либо упустят в строгости, то за них дополняют управляющие. У каждого господина (они зовут их *Isand*) име-

ются в поместьях приказчики и помощники приказчиков. последних зовут *Kubias*, а управляющих немцы называют *Juncker*. В особенности если эти последние не получают определенного жалованья от своих господ, но должны получать его от крестьян, то они мучат этих бедных людей так, что те доходят до отчаяния. Немного лет тому назад произошел случай, известный во всей Лифляндии, когда такой преследуемый крестьянин, у которого управляющий хотел отнять и средства к пропитанию, в отчаянии удавил в своем доме по очереди жену и маленьких детей, а затем и сам повесился. Когда утром управляющий пришел, чтобы выполнить свою уг-

розу о продаже имущества и вошел в темный дом, то он головой задел за ноги удушенных; увидев жалкое зрелище, он испугался и выбежал назад: наверное, потом он раскаивался, почему не поступил более милостиво с крестьянином. Ввиду рабской тяжкой и трудной жизни их, лифляндцы сочинили о них такого рода стихи:

*Ick bin ein Litflandisch Bur
Mein Levend werdt my sur,
Ich stige ub den Bercken Bohm,
Darvan haw ick Sadel en Thom,
Ick binde de Schoe mit Baste,
Und fulle dem Juncker de Kaste,
Ick geve dem Pastor de Pflicht,
Und weth van Gott und Sin
Worde nicht.*

*Я лифляндский мужик,
Горевать я привык,
На березу я взберусь,
Уздой, седлом обзаведусь.
В лыко я обут,
Юнкеру весь мой труд,
И пастора я наделяю,
А про Бога и Его Слово не знаю.*

Думают, однако, что было бы вредно давать им много свободы и денег: как бы не сделались они слишком дерзкими. Ведь они до сих пор не могут забыть, что предки их владели этой землею, но были покорены и порабощены немцами. Поэтому они — в особенности зимою, когда пьяные выезжают из города — неохотно уступают встречным немцам дорогу и много бранятся. Их настроение можно было видеть и во время беспорядков, происшедших немного лет назад при нападении полковника Ботса, когда некоторые крестья-

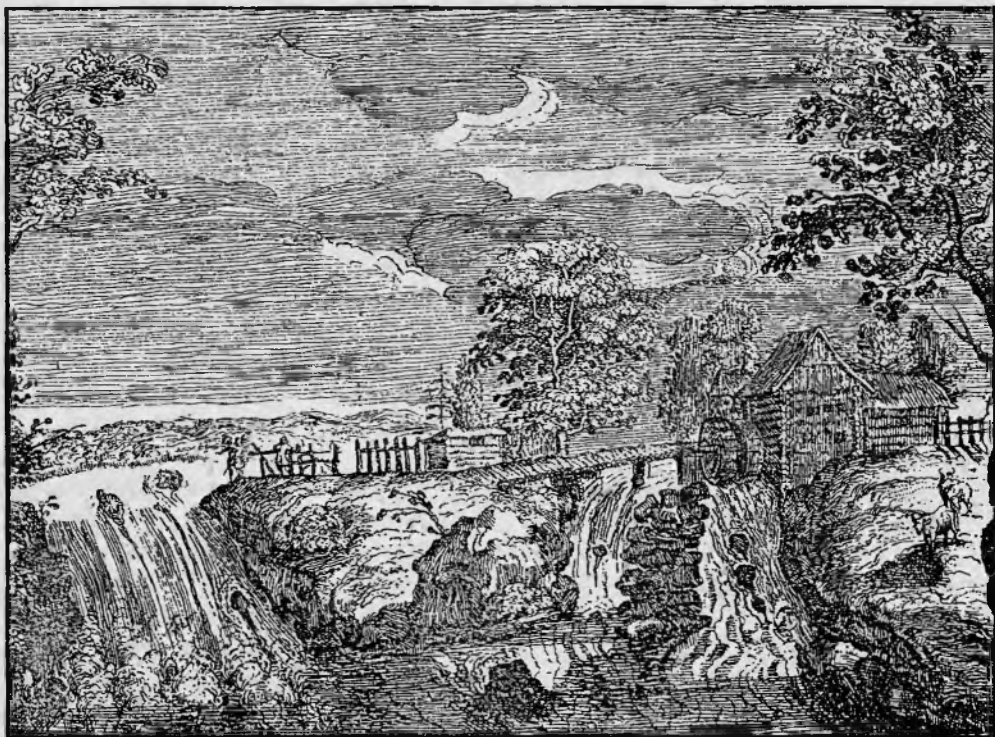
не возмутились против своих господ и готовы были их, где только могли, либо предавать в руки врагов, либо умерщвлять. Некоторые из них за это потом были наказаны в разных местах смертною казнью.

XXV

(Книга II, глава 10)

Поездка из Ревеля в Нарву; далее: о городе Нарве

Мы опять переходим к нашему путешествию. Остановка наша в Ревеле продолжалась уже слишком двенадцать недель, когда вернулись к нам отосланный из Кальмара в Шлезвиг слуга наш с требовавшимися для нас вещами, а также наш русский переводчик Ганс Арпенбек, который был послан в Москву сообщить великому князю о продолжительной нашей задержке в пути и о кораблекрушении, нами испытанном. После этого мы пустились опять в путь, велев гофмейстеру кое с кем из людей, а также с нашей утварью и вещами ехать вперед на 30 санях; они и выехали 24 февраля из Ревеля. 2 марта пустились в путь послы, а с ними вся остальная свита. Кое-кто из членов магистрата и многие добрые друзья провожали нас с милю пути; мы проехали в этот день целые 7 миль до имения Колка [Колк], принадлежащего шведскому полковнику г. Якову дела-Гарди. 3 того же месяца мы дошли до имения Кунды, принадлежавшего г. Иоганну Мюллеру, моему покойному тестю, 4 того же месяца мы проехали 5 миль дальше до име-

Нарвский водопад

ния г. Иоганна Фокка. 6 марта сделали мы еще 5 миль до г. Нарвы, где снова нас встретили выстрелами из двух больших орудий.

Город Нарва находится в Аллен-такене на ингерманландской границе, в 60 градусах от экватора, на быстротекущей реке, которая у жителей зовется «Нарвскою рекою». Река эта у города Нарвы достигает почти той же ширины, как река Эльба в Германии. Вода в ней бурой окраски. Она вытекает из большого озера Пейпус, лежащего в шести милях от города Дерпта. Менее чем в полумиле от города Нарвы имеется высокий водопад: вода со страшным шумом падает со скалистого уступа и в двух милях за городом впадает в Финский залив. Так как брызги воды, ниспадающей

на скалы, летят в высоту, то, при ярком солнечном свете, до и после полудня всегда получается радуга, на которую приятно смотреть. Ради высокого водопада товары из Пскова и Дерпта, следующие через Нарву к морю, должны в полумиле выше города выгружаться и сухим путем доставляться в город.

Город Нарва, по преданию, построен королем датским Вальдемаром II в 1223 г. по Р. Х. По сю сторону воды лежит довольно хорошо построенный замок, в котором в то время находился наместник. По ту сторону воды находился окруженный тремя каменными стенами укрепленный замок Ивангород. Его, как полагают, тиран Иван Васильевич велел весьма спешно построить и назвать по свое-

му имени. В 1558 по Р. Х. тиран захватил г. Нарву, но в 1581 г. шведский король Иоанн снова завоевал этот город через Понтуса де-ла-Гарди. За замком до сих пор находилось укрепленное место, называвшееся «русскою Нарвою»; она, как пишет Хитрей в своей «Saxonia», была основана в 1492 г. Здесь жили одни лишь русские и беспрепятственно отправляли в открытой [приходской] церкви свое богослужение. Теперь, кажется, всех русских с той стороны выселили и перевели в город. В наше время Нарва была невелика, но, как пограничная крепость, она была обнесена крепкими валами и каменными стенами и снабжена довольно хорошим гарнизоном. На валу, лежащем близ Лифляндских ворот, я нашел следующее замечательное явление: с высоты свода (вал — полый изнутри и сводчатый) капала вниз вода, превращавшаяся в твердый камень; на земле получалось нечто с виду похожее на вылитое сюда жидкое тесто.

Так как торговля, раньше бывшая здесь весьма значительною, но уменьшившаяся вследствие войн, теперь опять начинает направляться сюда, то, по новой распланировке, предполагается расширить город

сравнительно с прежним, разделить его правильными и ровными улицами и хорошо укрепить. Немного лет тому назад стали строить здесь дорогие великолепные каменные дома, а теперь все время строят из камня, тем более что больше уже никому не позволено, как прежде, строить из одного дерева. Поощряется увеличение построек ежедневно усиливающимся притоком купцов и ремесленников: в прошлом, т. е. 1654 г., много таковых направились сюда, поселились здесь и стали гражданами. Так как из-за англо-голландской войны торговые поездки в Архангельск сократились, то в Нарву в столь короткое время и из Германии и из России направилось столько товару, что — по достоверным сведениям, которыми я располагаю — в означенном году 60 судов, прибывших из Западного [Немецкого] и Восточного [Балтийского] морей, здесь разгрузились и увезли драгоценных товаров на пятьсот тысяч талеров. Мне кажется, что, в силу общих смен и перемен, теперь Ревель — не знаю, от каких именно местных невзгод — падет, а Нарва вскоре значительно усилится. Вот поэтому-то и занялись теперь тем, чтобы вновь восстановить

Нарва

Вид города Нарвы

глубину русла, которое у устья Нарвской реки, в двух милях от города, занесено песком: [когда эта мель будет уничтожена, то] в будущем величайшие суда окажутся в состоянии с полным грузом входить в реку и выходить из нее под самым городом, где они будут иметь безопасную гавань.

И его величество король шведский совершенно освободил город от подсудности придворным судам этого государства и власти наместников, посадив там бургграфа. Таковым является в настоящее время высокоблагородный и почтенный Филипп фон-Крузеншерн, придворный советник его величества короля шведского и генерал-директор коммерции в Эстонии и Ингерманландии, многолюбимый свояк мой. Ему дана юрисдикция в церковных и политических делах; он председательствует и управляет всем, заступая место короля.

Раньше там была только одна каменная церковь немецкой общины; в этой церкви иногда говорилось проповедь по-шведски. Теперь же, как говорят, и шведская община построила отдельную красивую каменную церковь, так что в настоящее время

и у шведской и у немецкой общин имеется по особой церкви. Как выше было сказано, там находится г. магистр Генрих Стааль, суперинтендент в Ингерманландии и Аллентакене. Он несколько лет уже весьма старается обучением, проповедью и всякими побуждениями обратить в нашу веру живущих там русских. Но до сих пор у него в этом деле было больше хлопот, чем удачи.

Между Нарвою и Ревелем, равно как и в Ингерманландии и почти во всей Лифляндии, вследствие громадных лесов, имеется, наряду с полезной дичью, много хищных зверей. Из хищников больше всего имеется медведей и волков, которые наносят много вреда сельским жителям.

Зимой волки безбоязненно вбегают во дворы, а если скот заперт, то они подкапываются под стены и вытаскивают наружу овец; зачастую уносят они и собак со двора. Во многих местах они ночью делают дороги небезопасными. Думают, однако, будто можно их напугать и удержать: стоит только волочить за санями дубину на длинной веревке.

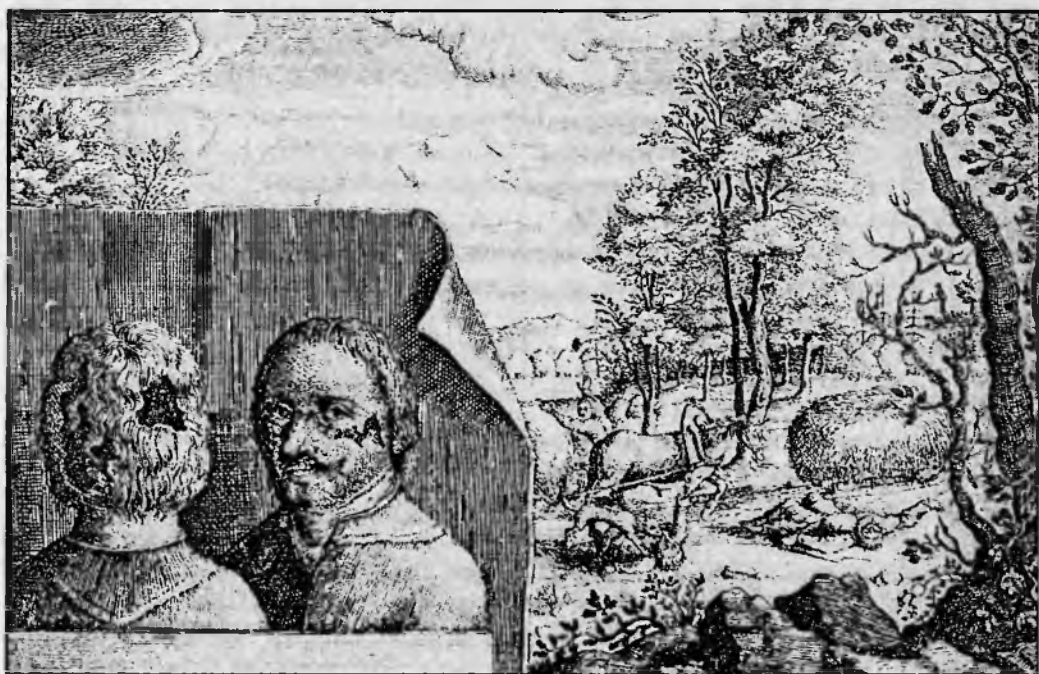
В 1634 г., 24 января, в 1 1/2 ми-

лях от Нарвы небольшой, без сомнения — бешеный волк встретил 12 русских крестьян, которые ехали друг за другом с саними, нагруженными сеном. Волк, прежде всего, набросился на первого, вскочил на него, захватил за горло и повалил на землю. То же сделал он и еще с другим. У третьего содрал он шкуру с головы, четвертому оторвал нос и щеки, пятого и шестого также весьма сильно повредил. Когда задние это увидели, то они сбежались, вступили в бой с волком, одолели его и убили.

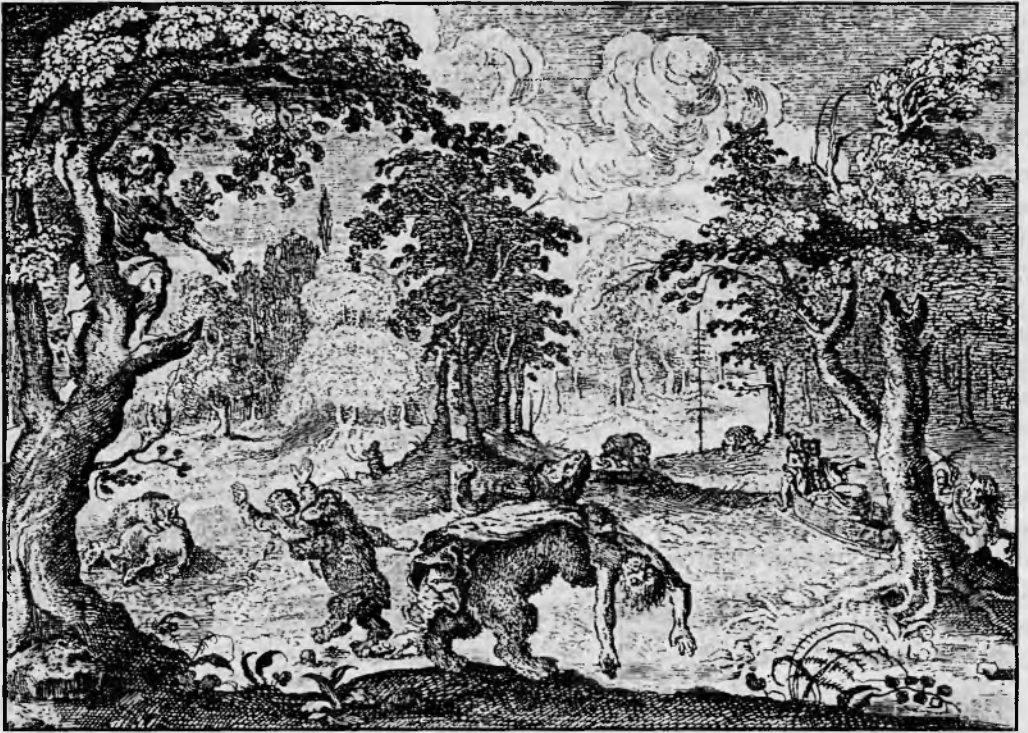
Одного из пораненных русских я, вместе с нашим доктором, посетил в Нарве и осмотрел его. Лицо и голова его были в том ужасном состоянии, которое тогда же было изображено на прилагаемом рисунке. Вместе со всеми другими ранеными и он

умер от бешенства. Шкуру этого волка набили и чучело показывали послам. Его жители Нарвы хранят, как память об этой жестокой расправе.

О медведе рассказывал мне почти такую же рода историю некий стрелок в Эрмесе в Лифляндии. В 1630 г. в одной деревне в тех местах крестьянин поставил перед шинком открытую бочку с сельдями для продажи, а сам вошел в шинок. В это время из лесу пришел большой сильный медведь, присоседился к бочке и поел из нее, сколько ему нужно было. После этого он направился во двор к лошадям, а когда крестьяне прибежали спасать их, то он одновременно с лошадьми поранил и некоторых из крестьян, заставив их отступить. После этого он вошел в дом, нашел там чан для варки пива,

Крестьяне, покусанные волком

Медведи

полный свежесваренного напитка; тут он напился этого пива до отвала. Хозяйка дома, спрятавшаяся с двумя детьми на печку, в страшной боязни молча наблюдала за недобрым гостем. Напившись, медведь направился в лес. Когда крестьяне заметили, что он начал шататься, они последовали за ним. На дороге он свалился, подобно пьяному человеку, и заснул; тут они на него набросились и убили его. Думали, что у этого медведя были отняты детеныши, вследствие чего он и странствовал, разыскивая их.

Другой крестьянин на ночь отпустил свою лошадь на подножный корм в лес. Когда он утром захотел вернуть ее, то нашел, что какой-то медведь уже сидит возле нее, успев

хорошенько пообедать ею. Как только медведь увидел мужика, он тотчас же оставил падаль, подбежал к крестьянину, схватил его и в лапах понес к падали. К счастью, однако, при крестьянине находилась маленькая собака; она с лаем погналась за медведем и укусила его в пятку. Медведь, желая защититься от собаки, выпустил мужика, который поспешно убежал. Рассказывают, что медведи — особенно в Ингерманландии — убивают много лосей, так как эти животные очень медлительны. Как передают, они не щадят и тел покойников, вырывая их из земли, если они не слишком глубоко закопаны, и съедая их. Так, например, осенью 1634 г. они за Гаккегоффом в сторону Нарвы выкопали 13

трупов на кладбище и унесли тела, лежавшие в гробах, вместе с этими последними.

Немного лет тому назад знатная, в этих местах весьма известная женщина во время путешествия застала медведя, несшего в лапах труп, причем саван тащился за ним. Ее лошадь, при виде этого зрелища, зафыркала и забилась и так понеслась вместе с санями, что женщина потерпела немало опасности на рытвинах и камнях.

Рассказывают еще много других еще более странных историй про происшествия, бывшие там с медведями. Например, нам рассказывали, как около Риги медведь 14 суток держал женщину в своей пещере, как, далее, подстреленные медведи захватили и угостили охотников и как те чудесно от них спаслись, и т. п. Так как все это должно показаться невероятным читателю, не слыжавшему еще ничего подобного, то я решил в своей книге не приводить подобных подробностей.

XXVI

(Книга II, глава 11)

От Нарвы до Новгорода и о Новгороде

7 марта мы опять выехали из Нарвы и вечером прибыли в Лилленгаген, лежащий в 7 милях от Нарвы. 8 того же месяца мы проехали 6 миль до Заречья. 9 мы до полудня проехали 4 мили до Орлина, шведской деревни, где наш переводчик, высланный нами вперед к границе, снова встретил нас

с сообщением: «Пристав на границе нас ожидает».

Послы призвали к себе знатнейших из свиты и вновь любезно напомнили им, что, ради его княжеской светлости, им, послам, должна оказываться полагающаяся честь; вследствие этого каждый обязан вести себя так, как требуется от данной должности: «Ведь русские, через границы которых мы теперь переступаем, обращают особое внимание на то, с каким почтением к послам относится их свита». Мы, и по долгу и по охоте, обещали поступать так, но в то же время просили, чтобы и с каждым из нас обращались милостиво, по состоянию и правам каждого, и чтобы не набрасывались с руганью на того или иного без различия (как могло бы иногда показаться); когда это нам было обещано, мы весело направились навстречу приставу, которого мы встретили, в миле расстояния за Орлином, в лесу под открытым небом; он ждал нас, остановившись в снегу, с 24 стрельцами и 90 санями. Пристав, по имени Константин Иванович Арбузов, увидя, что послы вылезают из саней, также выбрался из своих саней и встал; он был в зеленом шелковом кафтане, обвешанном золотыми цепями; поверх кафтана висела длинная одежда, подбитая куницами. Когда послы направились к нему, он сделал несколько шагов навстречу им, сказав: «Послы, снимите ваши шляпы!» Так как послы и так уже схватились за шляпы, то переводчик возразил: «Дорогой пристав, это уже сделано». После этого пристав начал читать по записке: по повелению великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея

России самодержца и проч., воевода новгородский князь Петр Александрович Репнин послал его принять послов Филиппа Крузиуса и Оттона Брюгеманна, снабдить их подводами и провизией и сопроводить до Новгорода и Москвы. Только когда послы поблагодарили за это, пристав подал им впервые руку, спросив о здоровье и о том, каково им было во время поездки. После этого лошади были запряжены в наши сани, и в тот же день нас довели до деревни Зверин[ки], отстоящей на 6 миль [от предыдущего места остановки].

19 марта в полдень мы прибыли в Тесово, а к вечеру в деревню Мокрицы, лежащую в 8 милях от Зверин[ки]. 11 того же месяца мы достигли Великого Новгорода. При въезде пристав стремился насильно протесниться на первое место наряду с послами и, несмотря на их противодействие, продолжал добиваться своего. Когда мы прибыли в свое помещение, пристав через нашего переводчика просил послов о прощении за грубость к ним во время въезда, ссылаясь на то, что сделано это им было не по собственному почину, а по приказанию воеводы: если бы он не исполнил этого приказа, то на него было бы донесено великому князю и он подвергся бы сильной неприятности.

Великий Новгород находится, как полагают, в 40 немецких милях от Нарвы. Здесь я определил высоту полюса в $58^{\circ} 23'$. Хотя Лундорпий в продолжении к Слейдану и указывает на 62° , а Павел Иовий даже на 64° — но это было бы слишком далеко к северу. Последний пишет в своей книге «О московском посольстве»: «Новгород удручается как бы постоянною

зимою и мраком весьма продолжительных ночей: ведь Северный полюс у него отстоит от горизонта на целых 64 градуса».

Я в 1636 г. 15 марта в полдень точно определил высоту солнца и нашел, что расстояние его от горизонта равно $33^{\circ} 45'$. Склонение солнца, ввиду високосного года, по долготе [прямому восхождению] в приблизительно 55° [5?], нужно было принять в $2^{\circ} 8'$. Если их вычесть из высоты солнца, то получается для высоты экватора $31^{\circ} 37'$. Вычтя их из 90° , мы получаем для высоты полюса $58^{\circ} 23'$. С этим вычислением согласен и бывший шведский посол Андрей Бурнус; этот ученый, весьма сведущий в математике и прилежный муж, на своей шведско-русской карте ставит это место таким же точно образом, даже еще на 10 минут ниже.

Город Новгород — довольно велик: он имеет в окружности — милю; ранее он был, однако, еще больше, как видно по старым стенам, церквей и монастырей, расположенных снаружи и пришедших там и сям уже в разрушение. Из-за многих монастырей, церквей и куполов город извне великолепен, но дома, а равно валы и укрепления города, как и в большинстве городов всей России, сложены и выстроены из елового леса или балок. Город лежит в ровной местности у богатой рыбою реки Волхова, в которой, наряду с другими рыбами, имеются и очень большие, жирные и вкусные окуни: их продают по очень дешевой цене. В этих местах имеется много добрых пашен и пастбищ для скота; здесь получается масса конопли, льну, меду и воску. Здесь же готовится прекраснейшая юфта, которую они много тор-

Великий Новгород

*На рисунке надписи: S. Antoni Kloster – Монастырь св. Антония, Das Schlos – Замок, Wolchav fluvius] – река Волхов.
Внизу монограмма О. К. fe[ci]t], т. е. О. К[ох] приготовил (офорт)*

гуют. Город лежит весьма удобно для торговли, так как через него протекает судоходная река Волхов, которая берет начало из озера Ильменя, находящегося в полумиле выше города, и впадает в Ладожское озеро, дающее у Нотебурга начало реке Неве, изливающейся в Финский залив Балтийского моря. В прежние времена лифляндцы, литовцы, поляки, шведы, датчане, немцы и фламандцы вели оживленную торговлю с Новгородом, вследствие чего он стал весьма богат и могуществен. Город этот некогда являлся главным во всей России. Это была княжеская резиденция, а вся провинция [новгородская], имеющая большое протяжение и простирающаяся вплоть до Торжка, была особым княжеством, не подчинявшимся царю и имевшим своих князей и монету. Ввиду большого населения города, богатства и могущества его, составлена гордая поговорка; говорили так: «А кто может стоять против Бога да и Велика Новагорода?» Но Сенека говорит иначе: «Нет ничего столь великого, что бы не могло погибнуть». Каковы были на самом деле могущество и неодолимость Новгорода, это городу, к несчастью своему, пришлось не раз испытать на себе. Например, в 1427 г. Витовт с польским войском так сильно теснил его, что новгородцы должны были прийти с мольбами и большими подарками просить о мире, как об этом рассказывает Соломон Нейгебауэр в 5 книге своей «*Historia rerum Polonicarum*»: «Витовт с польским войском вел войну против русских новгородцев — свободный народ, — выставляя предлогом споры о границах. Справившись, против ожидания их, с трудностями пути

и став лагерем у Опочки, он, по униженным просьбам и после огромных поднесенных ему подарков, согласился на мир с ними».

Точно также и в 1477 г. их одолел тиран Иван Васильевич Грозный после семилетней войны, войдя в город, по совету и при помощи их же собственного архиепископа Феофила, с вооруженной силою под предлогом привода вновь к послушанию греческой церкви некоторых жителей, которые казались сторонниками римской церкви. Он захватил имущество всех купцов и знатнейших граждан, отнял у самого архиепископа все его золото и серебро и увез более 300 подвод, нагруженных золотом, серебром, жемчугом и другими драгоценностями. Он же переселил в Москву и самих выше указанных новгородцев, а на их место перевел в город других лиц, обязав их ежегодно платить большие подати. Обо всем этом подробно рассказывают барон Сигизмунд фон-Герберштейн, при жизни которого это событие случилось, а также и Александр Гваньини.

Известно, что перенесли новгородцы в 1569 г. при жестоком тиране Иване Васильевиче, который, из ложного подозрения, будто они находились в заговоре против него с его сводным братом (казненным, по его повелению, ядом) и сносились с королем польским, напал на них с войском, перебил всех, кто вокруг города и в городе встретились ему и его солдатам, изрубил многих в куски, загнал громадные толпы на длинный мост, сбросил их в воду и устроил такое страшное кровопролитие, какое еще неслыханно было в России. В этом избиении погибло 2770

знатных граждан, не считая женщин, детей и простонародья. В новгородском округе были им частью разграблены, частью сожжены 175 монастырей: монахи были перебиты, а что из имущества не сторело, то тиран захватил с собою, как об этом рассказывает Гваньини в своей «*Descriptio Moschoviae*».

Датский дворянин Яков [Ульффельд], которого король Фридерик II датский отрядил послом к этому тирану — великому князю, рассказывает в своем «*Nodoerogicon Ruthenicum*», что мертвыми телами столь многих тысяч жалким образом казненных людей река Волхов так была наполнена, что нарушено было правильное течение ее: она вышла из берегов и должна была разлиться по полям. Так как эти события случились всего за 8 лет до проезда посла, то ему о них могли дать вполне достаточные сведения новгородские жители, у которых он отдыхал более месяца. Он так рассказывает в означенном описании путешествия: «Хотя это и кажется мало вероятным, но что все происходило в действительности именно так, об этом я узнал от заслуживающих доверия лиц в России, т. е. от людей, до сих пор живущих в Новгороде под московскою властью: иначе я не включал бы этого в свой рассказ». Далее он рассказывает, что в то время местность кругом Новгорода, ввиду этих опустошений, была так гола, что если бы пристав не распорядился доставкой провизии из других мест, то они померли бы от голода.

Так как я уже упомянул о жестокой тирании, выказанной Иваном Васильевичем по отношению к Ве-

ликому Новгороду, то я думаю, ради интереса читателей, привести, по Гваньини, еще два ужасных примера тогдашних событий.

После того как тиран — великий князь совершил вышеуказанное бесчеловечное избиение, архиепископ, правивший в городе, попросил его к себе, чтобы — вероятно, из страха — приветствовать его. Тиран не отказал ему и в назначенный час явился со своими вооруженными телохранителями и провожатыми. Однако во время трапезы он послал своих людей разгромить богатую золотом и серебром церковь св. Софии (в которой знатнейшие лица хранили свои драгоценности, считая ее за безопасное место) и выбрать все, что в ней было. После обеда он лишил архиепископа всех его драгоценных одежд, епископских украшений и уборов и сказал: «Теперь тебе уже непристойно быть архиепископом. Будь лучше волынщиком, ходи с медведем и заставляй его за деньги плясать. Ты возьмешь себе жену, которую я тебе выбрал и назначил». Обращаясь к другим игуменам и настоятелям, которые бежали из монастырей в город и также участвовали в этом пиршестве, он сказал: «Вы все должны явиться на свадьбу архиепископа. Я вас приглашаю на эту свадьбу; только вы должны принести хорошие свадебные подарки». После этого он каждому велел уплатить известную сумму, смотря по тому, насколько он того или иного считал состоятельным. Угрозами он добился того, что они принесли эти деньги. Они это сделали тем охотнее, что полагали — деньги пойдут обобранному архиепископу. Однако он забрал деньги себе, а архиепископу велел подвести жере-

бую белую кобылу и, указывая на нее пальцем, сказал: «Смотри: вот твоя жена, садись на нее и поезжай в Москву; там я велю тебя принять в цех волынщиков, чтобы ты наигрывал для пляшущего медведя». Бедняк принужден был в плохом суконном кафтане сесть на лошадь, ноги его связали под брюхом лошади, на шею ему повесили лиру, цитру и волынку, и таким образом он должен был проехать по Новгороду и играть на волынке; так как он этой игре никогда не учился, легко себе представить, какова была музыка. Архиепископ отделался от тирана этим позором. Что же касается вышеозначенных игуменов и монахов, то их тиран велел предать разнородным страшным смертным казням: большинство было изрублено топорами, другие были посажены на кол и загнаны в воду и утоплены.

После этого настала очередь знатного и богатого человека Федора Сыркова. Его он вытребовал в лагерь недалеко от Новгорода, велел ему обвязать веревку вокруг тела и проташить сквозь реку Волхов. Когда тиран заметил, что он уже тонет, он велел его вытащить и спросил: что он видел под водою хорошего. Тот отвечал: «Великий князь! Я видел, как собрались все черти из этой реки, из Ладожского озера и других окрестных вод и дожидаются твоей души, чтобы унести ее с собою в бездну ада». На это тиран отвечал: «Хорошо! Ты это правильно разглядел. Поэтому я отблагодарю тебе за объяснение виденного тобой». После этого он велел его держать по колена в котле, полном кипящей воды, и варить его ноги до тех пор, пока он не признался, где спрятаны его золото и сокро-

вища: человек это был очень богатый, построивший и восстановивший на свой счет 12 монастырей. Когда, измученный пыткой, он велел принести 30000 гульденов серебряной монетою, тиран велел его, вместе с его братом Алексеем, изрубить в куски и бросить в реку.

Вот какое поражение и какие страшные избиения испытал в то время добрый город Новгород, удивившийся тогда, как ему [трудно] устоять против силы. У него, кроме того, еще в свежей памяти, как в 1611 г. шведский полководец Яков де-ла-Гарди с ним справился и доказал ему ничтожество его поговорки о великом могуществе.

Теперь великим князем московским назначены сюда воевода и митрополит, живущие во дворце, расположенном по сую сторону реки и окруженном крепкой каменной стеною. Через этих лиц великий князь управляет городом и всей провинциею в светских и духовных делах.

У новгородцев, когда они еще были язычниками, был идол, по имени Перун — бог огня (русские «перуном» зовут огонь). На том месте, где стоял идол, построен монастырь сохранивший еще название от него: «Перунский монастырь». Идол имел вид человека, а в руках держал кремь, с виду похожий на громовую стрелу или луч. В честь идола этого они днем и ночью жгли костер из дубового леса, и если прислужник из лени давал погаснуть огню, его наказывали смертною казнью. Когда, однако, новгородцы были крещены и стали христианами, они бросили идол в Волхов. Как они рассказывают, идол поплыл против течения, и когда он подошел к мосту, то раз-

дался голос: «Вот вам, новгородцы, на память обо мне», и на мост была выброшена дубина. Этот голос Перуна и впоследствии слышался в известные дни года, и тогда жители сбегались толпами и жестоко избивали друг друга дубинами, так что воеводе стоило большого труда разнять их. По сообщению достоверного свидетеля — барона фон Герберштейна, подобные вещи происходили и в его время. Теперь ни о чем подобном не слышно.

По ту сторону реки, наспротив дворца, находится монастырь св. Антония. Как они говорят, сам св. Антоний большим чудом заставил построить здесь этот монастырь. Русские рассказывают, да и сами верят, что св. Антоний в Риме сел на жернов, поплыл на нем по Тибру в море и, вокруг Испании, Франции, Дании, через Зунд, Балтийское море, Ладожское озеро и реку Волхов, доплыл до Великого Новгорода, где он вместе с камнем вышел на берег. Когда он увидел тут рыбаков, только что выходявших на ловлю, он уговорился с ними за известную плату, чтобы они уступили ему то, что прежде всего выловят. Рыбаки, закинув сети, вытащили на берег большой ящик, в котором оказались церковные сосуды, книги и деньги св. Антония. Святой устроил здесь часовню, поселился в ней и, по преданию, в ней же скончался и погребен. Говорят, что можно до сего дня видеть в ней истлевшее тело угодника и что с большими, приходящими сюда с молитвою, совершаются здесь большие чудеса. Чужих и иностранцев, однако, внутрь не пускают. Показывают некоторым только жернов, который прислонен к стене. Ввиду столь вели-

кого чуда и в воспоминание св. Антония они построили здесь большой и великолепный монастырь и снабдили его богатыми доходами.

Мы прожили в Новгороде до 5 дня. Воевода однажды велел прислать послам подарок в виде 24 приготовленных кушаний всякого рода и 16 различных напитков. Точно также поступил и канцлер [дьяк] Богдан Федорович Обобуров, который во время предыдущего посольства был нашим приставом. Послы, со своей стороны, подарили воеводе новую немецкую карету.

XXVII

(Книга II, глава 12)

Поездка от Великого Новгорода до Москвы и въезд наш в Москву

16 марта мы со 129 свежими лошаадьми вновь выступили на санях и в тот же вечер проехали 4 мили до Бронниц, где нас вновь снабдили свежими лошаадьми, с помощью которых на следующий день мы отправились дальше и до полудня сделали 40 верст или 8 миль до Медной, а после обеда прошли 25 верст до яма Крестцы. 18 того же месяца прибыли мы в Яжелбицы, через 6 миль, а затем в ям Зимогорье — через 4 мили. 19 того же месяца сделали мы 50 верст до Коломны, а 20 до яма у Вышнего Волочка — 5 миль.

В этой деревне к нам привели мальчика 12 лет, который несколько недель перед тем женился; в подобной же брак в Твери вступила девочка в 11 лет. Ведь в России так же, как и в Финляндии, допускаются сватов-

ство и браки для детей двенадцатилетних и еще более юных. Большею частью происходит это со вдовами и с мальчиками, которых родители успели помереть; делается это, чтобы они оставались в своих поместьях и не зависели от друзей и опекунов.

К вечеру мы доехали до убогой деревни Выдропуск, в 7 милях от предыдущего места. Здесь мы с трудом поместились, так как тут было не более трех дворов, а комнаты в них — вроде свиных хлевов. Хотя в течение всей поездки курные избы, повсеместно встречавшиеся в деревнях в России, были немногим лучше, но все-таки в них было больше удобств для остановок.

21 марта мы сделали 7 миль до города Торжка, 22 того же месяца мы переправились через реку и прошли 6 миль до Троицкойедной, а затем 6 миль до города Твери. Так как здесь снег успел уже стаять в некоторых местах, где имеются холмы, и мы на санях с трудом передвигались по сухому пути, то в этот и следующий день мы спустились на Волгу, покрытую толстым льдом, и к вечеру прибыли к деревне Городне, проехав 6 миль. 24 того же месяца мы опять перешли на сушу, переправились через 2 реки и достигли деревень Завидово и Спас-Заулки; последняя в 7 милях от места предыдущего ночлега.

В течение этих дней нам пришлось переправиться через несколько рек; так как они не были вполне покрыты льдом, но в то же время не были и свободны ото льда, то оказались весьма неудобными для переправы и доставили нам много хлопот. За большою деревнею Клип, через которую мы проехали 25 того

же месяца, течет река Сестра, впадающая в Дубну, которая в свою очередь течет в Волгу. В реке Сестре нам пришлось забивать крепкие сваи впереди льда, чтобы река не снесла его вниз, пока мы переправлялись. 26 того же месяца Сестра, в полумиле от перевоза в предыдущий день, ввиду кривизны своей, вновь нам повстречалась на дороге, и опять пришлось через нее переправляться. В этот вечер доехали мы до Пешек, в 7 милях от Клина, 27 того же месяца мы переправились через две реки, и к вечеру прошли 6 миль до Черкизова. 28 того же месяца мы проехали всего 3 мили до Николы Деревни, отсюда остается всего две небольших мили до города Москвы. Здесь мы, подобно другим послам, идущим этим путем, должны были обождать, пока о нашем прибытии возвести великому князю и сделали распоряжение о приеме. Тем временем мы надели ливрейные платья и приготовились к въезду. Когда пристав узнал, что на следующий день к полудню ему велено ввести нас в город, мы двинулись в следующем порядке:

1. Спереди ехали 24 стрельца. Это были казаки, которые, вместе с приставом, проводили нас, от границы до сих пор.

2. За ними ехал наш маршал.

3. Затем следовали чиновники и гофнкера, по три в ряд. Более знатные шли впереди.

4. Три трубача с серебряными трубами.

5. Оба господина посла, каждый в особых санях.

Впереди послов шли 6 лейб-стрелков со своими ружьями. Рядом с послами шли 6 драбантов с протаза-

нами. За санями шли мальчики, или пажи, а за ними следовали остальные люди верхами. Багаж везли позади в добром порядке. Пристав ехал верхом, рядом с послами, по правую руку. Когда мы были приблизительно в полумиле от города, мы встретили несколько отрядов русских и татарских всадников. Все они были в драгоценных одеждах, как и бывшие с ними несколько немцев. Они проехали кругом нашего отряда и опять направились к городу. Вслед за ними пришли другие отряды русских, разделились и поехали с обеих сторон рядом с нами.

Приблизительно в двух мушкетных выстрелах от города к нам навстречу выехали два пристава со

многими всадниками, совершенно таким же образом, как при первом нашем въезде. Когда приставы были еще в 20 шагах от нас, они велели сказать, чтобы господа послы вышли из своих саней и подошли к ним. Сами же приставы сошли с коней и обнажили головы не раньше, как когда это предварительно сделано было послами. Подобного образа действий, насколько возможно тщательно, должны придерживаться — ради государя своего — знатнейшие сановники великого князя, в особенности приставы его (у которых собезьянничали это некоторые переводчики в Москве), за нарушение этого обычая им грозят немилость или кнут.

Посольский двор

Прием послов произошел тем же способом, как в предыдущий раз. Старший пристав начал так: «Великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович и проч. (прочитан было по ярлыку весь великокняжеский титул) приказал нам великого государя Фридерика, князя голштинского, великих послов: тебя, Филиппа Крузиуса, и тебя, Оттона Брюггеманна, принять и проводить в его царского величества столичный город». Другой пристав прибавил: «Его царское величество отрядил настоящего дворянина (т. е. гофбюнкера) Павла Иванова сына Салманова (так назывался старший пристав) и меня, Андрея Ивановича Чубарова, приставами для службы при вас, послах». После этого выступил великокняжеский шталмейстер, также произнес свою речь и подвел послам, для въезда, две прекрасных белых высоких лошади, украшенных так же, как и в предыдущий раз. Знатнейшим из свиты доставлены были еще 12 других лошадей. Нас повели в средний город, в так называемый Китай-город, причем по обе стороны стояли несколько тысяч стрельцов, расставленных в два ряда по всем улицам, начиная от крайних наружных ворот и до посольского дома. Нас поместили недалеко от Кремля в высоком каменном доме, ранее принадлежавшем архиепископу Суздальскому, который немного лет тому назад впал в немилость и был сослан в Сибирь. В обычном посольском дворе в это время находился персидский посол, прибывший незадолго до нас.

XXVIII

(Книга II, глава 13)

О нашем ежедневном продовольствии и о продовольствии, назначенном по особой милости; также о первой публичной и о первых двух секретных аудиенциях

Едва успели мы в Москве сойти с коней и прибыть на двор наш, как явились русские и доставили из великокняжеской кухни и погребца разных яств и питей, причем каждому послу, а также шести старшим служащим их напитки назначены были особо. В том же роде с этих пор ежедневно стали снабжаться кухня и погреб наши, пока мы находились в Москве. Доставлялось нам:

Ежедневно:

62 хлеба, каждый в 1 копейку или любекский шиллинг.

Четверть быка.

4 овцы. 12 кур. 2 гуся.

Заяц или тетерев.

50 яиц. 10 копеек на свечи.

5 копеек на кухню.

Еженедельно:

1 пуд (т. е. 40 фунтов) масла.

1 пуд соли.

3 ведра уксусу.

2 овцы и 1 гусь.

Напитков ежедневно:

15 кувшинов для господ [послов] и гофбюнкеров, а именно: 3 самых малых — водки, 1 — испанского вина, 8 — различных медов и 3 — пива. Кроме того, для людей наших доставлялись: 1 бочка пива, бочонок меду и еще небольшой бочонок водки.

Это продовольствие доставлено было нам вдвойне в день нашего

приезда, а также в Вербное воскресенье, день св. Пасхи и день рождения молодого принца. Кушанья мы велели нашему повару готовить по немецкому способу. Нам не только служивали люди, назначенные для службы при нашем дворе, но и приставы, приходившие ежедневно в гости к послам. У ворот двора, правда, находился десятник или капрал с 9 стрелцами, но как только мы побывали на публичной аудиенции или, как они говорят, «увидели ясные очи его царского величества», нам опять при уходе и приходе, приглашении и посещении гостей стала предоставляться прежняя или даже еще большая свобода, безо всякого со стороны русских противодействия.

3 апреля послов на прежних лошадях с обычным блеском проводили на публичную аудиенцию. При поезде придерживался тот же порядок, что и во время въезда: только секретарь, ехавший один впереди послов, нес в протянутой вверх руке княжеские верительные грамоты, завернутые в красную тафту. Стрельцы и народ стояли толпами на улицах от посольского двора до Кремля и аудиенц-зала. Конные эстафеты, по русскому обыкновению, часто и поспешно отправлялись от дворца к послам, принося приказание то ускорять, то замедлять езду, то даже останавливаться. Делалось это для того, чтобы его царское величество вовремя успел сесть на престол для аудиенции.

Церемонии и великолепие дальнейшей аудиенции совершенно соответствовали тому, что было год тому назад, на первой аудиенции. Из сводчатой передней, полной санови-

тых русских, двое вельмож вышли навстречу послам, приняли их и привели пред его царское величество. Царь сам спросил о здоровье его княжеской светлости, так же, как и прежде, принял верительную грамоту, дал руку для поцелуя и пожаловал нас своим столом.

Пропозиция, которую посол Крузиус сделал на этой аудиенции, была изложена следующим образом:

«Пресветлейший, державнейший государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России, державнейший царь и великий князь! Вашему царскому величеству светлейший высокородный князь и государь Фридерик, наследник норвежский, герцог шлезвигский, голштинский, стормарнский и дитмарсенский, граф ольденбургский и дельмсенгорстский, милостивейший князь и государь наш, присылает свой привет друга, дяди и свояка и желает всего лучшего по родственному, его княжеской светлости, расположению.

Прежде всего его княжеская светлость очень был бы обрадован, если бы ему возвестили, что ваше царское величество с молодым государем и наследником и со всем царским домом находятся в добром телесном здравии, в счастливом мирном правлении и во всяческом высоком царском благополучии. Он желает от всего сердца, чтобы Всевышний милостиво сохранил надолго все сии блага вашему царскому величеству и всему царскому дому.

Вслед за сим вашему царскому величеству его княжеская светлость приносит свою благодарность друга, дяди и свояка за то, что ваше царское величество по родственному чув-

ству соизволили на свободный пропуск нас, послов его княжеской светлости, через великие свои государства и земли в Персию и обратно. По сему его княжеская светлость опять отправил нас с настоящим верительным письмом и приказал при этом, чтобы все, что раньше относительно свободного пропуска в Персию и обратно говорилось и решалось, теперь было в точности подтверждено ратификацией, переданною нам его светлостью, и чтобы мы также представили вашему царскому величеству еще иные вещи.

К вашему царскому величеству теперь его княжеская светлость обращается с просьбою друга, дяди и свояка разрешить нам тайную аудиенцию, выслушать нашу просьбу и сделать по ней благоприятное решение. По отношению к вашему царскому величеству его княжеская светлость, со своей стороны, свидетельствует свою готовность ко всем услугам и свою дружбу дяди и свояка, о чем мы считаем необходимым вкратце объявить от имени его княжеской светлости. Кроме того, мы, с должным почтением, решаемся поручить милости вашего царского величества нас самих».

После аудиенции один из кравчих великого князя, князь Семен Петрович Львов, прибыл верхом и доставил милостиво пожалованные великим князем кушанья: всего 40 блюд, все, ввиду поста — рыбные блюда, вареные и жареные, а также печенья и овощи (без мяса) и 12 кувшинов напитков.

Когда стол был накрыт и блюда приготовлены, кравчий собственноручно подал послам и знатнейшим

чинам свиты каждому по чаше крепкой водки. Потом он взял большие золотые чаши и велел пить круговую за здоровье его царского величества, а затем — молодого принца и его княжеской светлости. Князю подарен был большой бокал, а прислуге, принесшей стол, несколько рублей денег. После этого князь уехал обратно.

Мы сели за стол и попробовали некоторых русских кушаний, из которых иные были приготовлены очень хорошо, но большей частью с луком и чесноком. Остальные мы разослали переводчикам и добрым друзьям в городе.

Тем временем персидский посол на своем дворе, лежавшем близ нашего помещения, устроил веселую музыку литаврами, свирелями и трубами. Питие здравец нас и так уже настроило очень весело, и мы тем паче были побуждены провести этот день в веселье и добром расположении, чему сильно содействовали и различные великолепные напитки, доставленные нам великим князем.

5 апреля нас повели к первой тайной аудиенции. Бояре и вельможи, уделившие нам аудиенцию, были те же, что исполняли это поручение в предыдущем году, за исключением государственного канцлера Грамотина, отказавшегося от службы, за старостью. Его заменил Федор Федоров сын Лихачев.

Пока шла аудиенция, дома у нас умер один из наших лакеев Франц Вильгельм из Пфальца: 8 дней тому назад, во время поездки, из опрокинувшихся саней ему упала на грудь шкатулка, или дорожный ящик, Брюггеманна, находившийся у него

на хранении. Труп мы на третий день благоприлично похоронили; так как покойный был реформатского исповедания, то гроб сначала понесли в кальвинистскую церковь, где произнесено было надгробное слово. После этого похоронили его на немецком кладбище. Для этих похорон великий князь прислал к нам с приставом пятнадцать своих белых лошадей.

9 сего месяца мы имели другую тайную аудиенцию.

XXIX

(Книга II, глава 14)

Как русские торжественно справляли праздник Входа в Иерусалим, или Вербное Воскресенье, и праздник Пасхи

10 апреля, в Вербное Воскресенье, русские торжественной церемонией справляли праздник Входа Иисуса Христа в Иерусалим. Великий князь, которого в предыдущий день просили о позволении посмотреть на это зрелище, прислал послам обычные их две лошади и еще 15 лошадей. Против ворот Кремля нам отвели просторное место, а русских, которых перед Кремлем собралось более 10 тысяч человек, велено было отстранить, чтобы мы лучше могли видеть процессию. За нами, на помосте, должны были стоять персидские послы со своею свитою. Процессия, направлявшаяся из Кремля в Иерусалимскую церковь, шла в таком порядке.

Сначала великий князь со свои-

ми боярами был в церкви Пресвятой Марии и слушал там обедню. Потом он вышел в торжественной процессии, вместе с патриархом, из Кремля. Впереди, на очень большой и широкой, но весьма низкой телеге, везли дерево, на котором было нацеплено много яблок, фиг и изюму. На дереве сидели 4 мальчика в белых сорочках, певшие: «Осанна».

За ним следовали многие попы в белых ризах и драгоценном богослужебном одеянии. Они несли хоругви, кресты и иконы на длинных палках и пели в один голос. У некоторых были в руках кадила, которыми они размахивали в сторону народа. Далее шли знатнейшие гости или купцы. За ними шли дьяки, писцы, секретари и, наконец, князь и бояре, иные с пальмовыми ветвями.

Потом следовал великий князь в великолепных одеждах и с короною на голове. Его вели под руки знатнейшие государственные советники, как-то: князь Иван Борисович Черкасский и князь Алексей Михайлович Львов. Сам он вел за длинные узды лошадь патриарха. Лошадь была покрыта сукном; ей были приделаны длинные уши для сходства с ослом. Патриарх сидел на ней боком; на его белую круглую шапку, осыпанную очень крупным жемчугом, также была надета корона. В правой руке его находился золотой осыпанный драгоценными камнями крест, которым он благословлял окружающий народ. Народ же весьма низко кланялся и крестился на него и на крест его. Рядом с патриархом и позади него шли митрополиты, епископы и другие попы, несшие то книги, то кадила. Тут же находились

Кремль. Замок в Москве

Внизу направо надпись: Chr. Rothgiesser Hujum fecit. — т. е. Хр. Ротгиссер (из) Гузума (в Голландии) приготовил (этот офорт)

50 мальчиков, одетых большею частью в красное; одни снимали перед великим князем свои одежды и расстилали их на дороге, другие же вместо одежды расстилали разноцветные куски сукна (локтя в два величину), для того чтобы великий князь и патриарх прошли по ним. Когда великий князь подошел к послам, и послы ему поклонились, то он остановился и отправил к ним своего старшего переводчика Ганса Гельмса, велел спросить о здоровье их. Он обождал, пока переводчик опять вернулся к нему, и потом продолжал идти дальше к церкви. Пробыв в церкви с полчаса, они опять вернулись в прежнем порядке. Великий князь опять постоял около места послов и велел им сказать, что в этот день они получают кушанья с его стола. Однако вместо этого нам лишь удвоен был обычный наш корм или провиант.

Патриарх дает великому князю за то, что тот ведет его лошадь, 200 рублей или 400 рейхсталеров. Это Вербное Воскресенье и в других русских городах справляется с подобною же торжественностью: патриарха при этом заменяют епископы или попы, а великого князя — воеводы.

17 апреля, в день Св. Пасхи, среди русских было большое веселье, как ввиду веселого дня Воскресения Христова, так и ввиду конца их продолжительного поста. В этот день, а также и в течение 14 дней после него все решительно, знатные и простые люди, молодые и старые обзаваются крашеными яйцами. На всех улицах ходят бесчисленные торговцы яйцами, продающие подобные вареные и украшенные разными красками яйца.

Когда они встречаются на ули-

цах, то приветствуют друг друга поцелуем в уста. При этом один говорит: «Христос воскресе», другой отвечает: «Воистину воскресе».

И решительно никто, ни мужчина, ни женщина, ни вельможа, ни простого звания человек, не откажет другому в таком поцелуе и приветствии, равно как и в крашеном яйце. Сам великий князь раздает подобные пасхальные яйца своим знатым придворным и служителям. У него было даже обыкновение в пасхальную ночь, до прихода к заутрене, посещать тюрьмы, открывать их, давать всем заключенным (а таковых всегда бывало немало) по яйцу и овчинному полушубку со словами: «Пусть они радуются, так как Христос, умерший ради их грехов, теперь воистину воскрес». После этого он опять приказывал запираить тюрьмы и уходил в церковь.

В течение всего времени Св. Пасхи раньше не только происходило по частным домам посещение добрых друзей, но прилежно посещались духовными и светскими лицами, женщинами и мужчинами простые кабаки или дома для распития пива, меда и водки. При этом все они так напивались, что не раз видели их лежащими на улицах, так что родственникам приходилось класть пьяных на телеги или сани и везти домой; при таких обстоятельствах понятно, что по утрам то и дело попадались на улицах убитые и догола ограбленные. Теперь, благодаря патриарху, несколько поубавились эти слишком уже большие безобразия в посещении кабаков.

XXX

(Книга II, глава 15)

Об особых аудиенциях Брюгеманна, о наших аудиенциях третьей, четвертой, пятой и последней тайной, равно как и об аудиенциях иных народов; кроме того, вообще о бывших в то время событиях

29 апреля посол Брюгеманн, согласно с своей просьбой, имел у бояр особую тайную аудиенцию. Без своего сотоварища он с немногими провожатыми поехал в Кремль, был отведен в казенный двор, и здесь его в особом помещении выслушивали около двух часов. О его предложениях здесь, сделанных не по приказанию свыше, а по собственному его почину, другой посол господин Крузиус ничего не должен был знать.

6 мая господа послы вместе имели третью, а 17 мая четвертую аудиенцию. 27 того же месяца они имели пятую и последнюю аудиенцию.

30 мая, с соизволения великого князя, гофмейстер молодого князя предпринял соколиную охоту и пригласил на нее знатнейших служителей послов. Он прислал нам собственных своих лошадей и вывел на две мили за город на веселую поляну, где он, позабавившись охотою, угощал нас под палаткою — водкой, медом, пряниками, астраханским виноградом и вишневым вареньем.

1 июня был день рождения молодого принца князя Ивана Михайловича. Этот день был высокаторжественно отпразднован русскими. Чтобы мы приняли участие в празднике, нам обычный провиант доставлен был вдвойне.

3 того же месяца посол Брюгеманн вторично поехал один в Кремль и втайне беседовал с боярами.

4 того же месяца, накануне Св. Троицы, его царское величество со своими боярами и советниками сидел на аудиенции и давал отпуск всем другим послам, которые одновременно с нами находились в Москве.

Прежде всего поехал в Кремль персидский посол — «купчина», или купец. Он вернулся с наброшенным на плечи русским красным атласным кафтаном, подбитым прекрасными соболями. Подобный обычай существует и в Персии при отпуске.

После него поехали в Кремль греки и армяне, а, наконец, и некоторые татары, спустившиеся вниз со своими рекредитивами и подарками, которые они несли открыто.

12 того же месяца прибыл к Москве наш кухонный писец Иаков Шеве из Германии: мы его оставили позади, чтобы он привез нам несколько подарков для персидского шаха, изготовлявшихся в Данциге. Его, однако, задержали на три дня перед городом, пока канцлер успел доложить о нем его царскому величеству, предпринявшему тогда паломничество вне города, и испросить разрешение на въезд его.

15 того же месяца великий князь со своей супругою вновь вернулся. Великий князь имел за собою своих бояр и придворных людей, а великая княгиня — тридцать шесть своих девиц и прислужниц в красных платьях и белых шляпах, с которых на спину свисали длинные красные шнуры. Вокруг шеи у них висела белая фата; все они заметно были нарумянены. Они ехали на лошадях по мужски.

17 того же месяца я был отправлен послами в канцелярию, чтобы кое-что передать государственному канцлеру. Так как канцлер пожелал, чтобы я, ради большего почета, был введен приставом, то мне, вследствие этого, пришлось довольно долго простоять в сенях с простыми русскими и лакеями и ждать, пока наконец нашли и доставили нашего пристава.

Старший и младший канцлер приняли меня любезно, дав также благоприятный ответ на мою просьбу. Окно и стол у них были покрыты прекрасным ковром; а перед канцлером стояла большая и красивая серебряная (впрочем пустая) чернильница. Как мне рассказали, и ковер и чернильница были приготовлены перед моим приходом, а затем опять были убраны. Обыкновенно у них в канцеляриях не очень опрятно. Поэтому-то, вероятно, и задержали меня в передней.

XXXI

(Книга II, глава 16)

Как мы собрались в путь в Персию, и сколько человек мы взяли с собою из Москвы

20 того же месяца прибыли приставы и писцы и сообщили от имени его царского величества, что теперь можно будет в любое время отправиться из Москвы в Персию: посольство не теперь, но уже только по возвращении своем будет допущено к руке его царского величества; теперь подобное допущение не

шло бы ввиду того, что посольство не прощается окончательно и не уходит домой. На последней аудиенции его царское величество должен вручить рекредитивы и передать его княжеской светлости свой привет, чего нельзя сделать ввиду предстоящего еще персидского путешествия послов.

Вследствие этого мы приготовились в путь для дальнейшей поездки и велели приготовить несколько лодок, чтобы на них проехать из Москвы до Нижнего. Так как тамошную дорогу нам изобразили весьма опасной — особенно предупреждали нас насчет казаков и разбойников на Волге, — то послы, с соизволения его царского величества, приняли на нашу службу и на дорогу в Персию с собою 30 человек царских солдат и офицеров.

Это были:

Гуго Крафферт. Родом из Шотландии.

Иоганн Китт.

Эрдваль Юнгер. Поручики.

Вильгельм Моррой. Застрелен в Испагани индейцами.

Александр Эйкенгудт.

Вильгельм Бурлей.

Георг Фропесен. Сержанты.

Даниель Глин, каптенармус.

Простые слуги.

Тобиас Гансен, барабанщик, который вскоре же упал из лодки в реку Оку и утонул.

Александр Чаммерс, найденный за Шемахою мертвым на телеге, после того, как он был болен несколько дней перед тем.

Карл Стекс — застрелен в Испагани индейцами.

Андрей Тодт — тоже застрелен индейцами.

Петр Шмок.

Михаил Сиберс.

Курт Янсон.

Генрих Долль.

Лоренц Рим.

Давид Лонде.

Вильгельм Моррой.

Грилис Томсон.

Яков Якобсон.

Иоганн Китт.

Георг Ватсон.

Ричард Рилинг.

Карл Ольсон — застрелен индейцами в Испагани.

Вильгельм Гой — украденный татарами во время обратной поездки, когда он у города Тарки слишком далеко отошел от лагеря.

Томас Стокдом.

Вильгельм Групс — умер в Испагани от дисентерии.

Рицерд Мейсон.

Георг Шеер, профос.

Кроме них для гребли и всяческой простой черной работы на море и на суше были наняты некоторые русские, как-то:

Симон Кирилов сын.

Ларька.

Филька Юрьев.

Ларивон Иванов сын.

Иван Иванов сын, будучи в Персии, умер от дисентерии.

Все эти люди с несколькими металлическими орудиями, которые мы привезли с собою из Германии, а также с иными орудиями для метания камней, купленными нами в Москве, вместе с утварью нашею и с посудой, 24 и 26 июня были посланы вперед в Нижний Новгород.

XXXII

(Книга II, глава 17)

О польских послых, как они прибыли под Москву и как они вели себя с русскими

26 того же месяца прибыли под Москву польские послы или, как они это называют, великие гонцы. Их ввели в город в тот же день. Когда эти послы заметили некоторых из нас, выехавших за город посмотреть на въезд, то они, обнажив головы, любезно кивнули нам и приветствовали нас. Между тем по отношению к русским приставам они оставались неподвижными и серьезными.

Точно так же приставы, к большой своей досаде, должны были первыми сойти со своих лошадей и обнажить свои головы перед послами. Поляки говорили, что так и должно поступать, так как они ведь прибыли не для того, чтобы приветствовать русских, но — чтобы быть приветствуемыми.

Послам не были доставлены и обычные в таких случаях великокняжеские лошади для въезда: дело в том, что незадолго перед тем другой великий польский посол не принял их, так как захотел въехать на своей собственной лошади. Упомянутый мною великий посол (о котором я нахожу нужным сказать еще несколько слов) прибыл вскоре после освобождения от осады Смоленска и поражения русских перед этим городом. Как нам рассказывали, он во всем поступал наперекор русским. Во время публичной аудиенции он произнес свою речь не стоя, но сидя, и

когда при произнесении королевского титула бояре, согласно с обычаем своим, не захотели снимать шапок, он стал горячо и с бранью возражать на это, прекратил произнесение своей речи и молчал, пока его царское величество не кивнул боярам, чтобы те обнажили свои головы.

Хотя его величество польский король не велел представлять подарков, но посол от себя лично поднес великому князю красивую карету. Когда, однако, и ему поднесены были несколько сороков соболей, то посол не захотел их принять. Тогда и великий князь отослал его карету обратно.

Как говорят, он велел пристава сбросить с лестницы, на что его царское величество весьма сильно разгневался. Царь велел его спросить: «Сделано ли это по приказанию короля или по собственному его усмотрению? Если это ему приказано, то его царскому величеству придется до времени ничего не решать по этому поводу. Победа в руках Божиих, Бог дает ее, кому захочет. Правда, на сей раз победа досталась его королевскому величеству, но в другой раз уже этого не будет. Если же его царскому величеству станет известно, что посол поступил так по собственному почину, то он напишет о том королю, который, без сомнения, не оставит такого поступка без наказания».

Так как этот великий посланник или великий гонец не отнесся с уважением к русскому великолепию и пышности при въезде, то ему устроили въезд тем более скромный.

XXXIII

(Книга II, глава 17 bis)

Русский паспорт

Когда мы теперь закончили дела наши в Москве, мы приготовились к дальнейшей поездке и получили от великого князя нижеследующего вида открытый лист, обращенный к местным великокняжеским воеводам и слугам и переведенный царскими толмачами. Из него можно усмотреть канцелярский стиль русских.

Его царского величества данный княжеским голштинским послам открытый лист.

«От великого государя [царя] и великого князя Михаила Феодоровича всея России, с Москвы до городов Коломны, Переяславля, Рязани, Касимова, Муромы, Нижнего Новгорода, Казани и Астрахани нашим боярам и воеводам и дьякам и всем нашим начальным лицам.

По нашему указу отпущены из Москвы в Персию к персидскому шаху Сефи, для переговоров о ходе и торге голштинских купцов, голштинского князя Фридерика послы и советники Филипп Крузиус и Оттон Брюггеманн, а с ними же отпущены из Москвы в Персию их голштинские немецкие люди, 85 человек, а также стража из наших наемных служилых московских немцев, принятых ими в числе 30 человек; кроме того, позволено им, для усиления свиты, нанять в Нижнем или в Казани или в Астрахани, в качестве провожатых для путешествия в Персию, 11 человек добровольцев, русских или нем-

цев. В Нижнем же позволяется им нанять или принять двух штурманов, знающих основательно путь по Волге. А как они в Персии побывают и будут в обратном пути в Голштинскую землю, через нашу Московскую державу, то им, голштинским послам, в равной мере дозволяется и жалуется, когда вновь им понадобится, принанять для стражи или для работы, к тем сорока людям, еще в Астрахани или в Казани или где им удобно будет, русских и немецких добровольцев, сколько им будет нужно. А сколько и каких людей и в каком городе они по нашему указу примут, и тех людей они поименно пусть пошлют для отписки и допроса в те города к нашим боярам и воеводам и к дьякам, дабы было о них

ведомо. А если они вернутся из Персии зимним путем, то позволено им нанять на собственные деньги из наших русских людей тех, кто захочет наняться, вместе с подводками, нужными для проезда.

А в приставы послан из Москвы к Астрахани астраханский дворянин Родион Горбатов. А как Родион с голштинскими послами в какой город прибудет, и вы бы, наши бояре, воеводы, дьяки и все наши начальные люди, Родиона и голштинских послов с ним во всех местах пропускали, безо всякой задержки. А как побудут они в Персии и опять поедут обратно в Голштинскую землю через нашу Московскую державу, вы бы позволили им, голштинским послам, по сему нашему паспорту, когда им

Печать царя Михаила Федоровича

понадобится, для стражи на Волге и дорогах принанимать работников, к 40 [помянутым] людям, в Астрахани или Казани или где им удобнее и сколько им понадобится. И когда и сколько и в каком городе на пути в Персию они наймут наших русских или немецких людей, указано тех людей поименно для допроса и отписки послать в те города к вам для ведома, чтобы не было среди них разбойников или беглых холопов. А как голштинские послы вернутся из Персии зимним путем, вы бы дозволили им, чтобы они наняли наших русских людей с подводами на свои деньги, сколько им понадобится. И чтобы также не делалось им никакой задержки, когда они из Москвы поедут в Персию и опять когда они из Персии вернутся к нам в Москву, а также чтобы и ни в каком городе не произошло никакого обмана. А голштинских послов держать в чести, их людям оказывать всяческую дружбу. Сами же голштинские послы и люди их на пути в Персию и из Персии к нам обратно в Москву всем нашим русским людям не будут производить никакого обмана, ни насилия, ни разбоя; ни также приказывать брать корм для себя и для людей своих насильем. Напротив, приказано и позволено им покупать, как для самих себя, так и для собственных людей и для принятых и нанятых людей, на пути в Персию и на обратном пути из Персии, всяческий корм, за собственные деньги, у всех, кто им захочет что-либо продать. Писано в Москве в лето 7144, июня в 20 день.

Царь и великий князь Михаил Феодорович всея России.

Дьяк Максим Матюшкин».

XXXIV

(Книга III, глава 1)

О русском государстве, его провинциях, реках и городах

Россия или, как некоторые говорят, «белая Русь» (именуемая по главному и столичному городу Москве, лежащему в середине страны, обыкновенно Московиею) является одною из самых крайних частей Европы, граничит с Азиею и имеет весьма большое протяжение: она простирается по длине на 30° или 450 немецких миль, по ширине на 16° или [2]40 миль. Если обратить внимание на то, что теперь находится под властью царя или московского великого князя, то оказывается, что границы России на север или полночь заходят за полярный круг и примыкают к Ледовитому океану, на восток или утро доходят до большой реки Обь, протекающей через Ногайскую Татарию; на юге или к полудню примыкают к крымским или перекопским татарам, а на западе или к вечеру соседями России являются Литва, Польша, Лифляндия и Швеция.

Русская земля делится на разные княжества и провинции, большею частью вошедшие в содержание титула великого князя. Первым и важнейшим из них было раньше княжество Володимерское или Владимирское, как теперь они его называют, расположенное между обеими реками Волгою и Окою. В нем еще имеется старинный город и кремль того же названия. Он построен великим князем Володимером в 928 г. [1096 ?] по Р. Х., и при нем и при

следующих великих князьях был царскою столицею, пока великий князь [Иван] Данилов[ич] [[Михайлович]] не вывел оттуда престол и перенес его в Москву.

Другие княжества раньше имели своих князей и государей, которые ими управляли, но теперь все они — в большинстве случаев усилиями тирана Ивана Васильевича — путем войн подчинены царскому и московитскому скипетру.

Через эти земли и провинции текут многие прекрасные, длинные и судоходные реки: я могу, пожалуй, сказать, что подобные им вряд ли можно найти еще где-либо в Европе. Главнейшая из них — Волга, длину которой — только от Нижнего Новгорода до Каспийского моря — мы определили в 500 немецких миль, не считая ее изгиба от истоков до Нижнего, что составило бы еще 100 миль слишком. Днепр или Борисфен также прекрасная река; он отделяет Россию от Литвы и впадает в Понт Эвксинский или Черное море. В том же роде и Двина, впадающая у Архангельска в Белое море. Ока и Москва — также довольно большие реки, которые, однако, несколько меньше, чем три предыдущих. Мы не говорим уже о многих иных менее значительных реках, которые доставляют пропитание жителям как по удобству своему для торговли, так и богатым уловом рыбы.

Следует при этом обратить особое внимание на то, что эти реки не берут — как это обыкновенно бывает — начало в горах и скалах (таковых нет во всем великом княжестве), но в лужах, болотистых и песчаных местах.

В России находится много боль-

ших и по своему великолепию городов, среди которых знатнейшие — Москва, Великий Новгород, Нижний Новгород, Псков, Смоленск (впрочем, этот последний город сначала принадлежал не русским, но литовцам и королю польскому, как о том можно прочесть в «Московской хронике» Петрея; однако в 1514 г. московиты заняли его, в 1611 г. он снова был завоеван Сигизмундом, королем польским, в 1632 г. его вновь осаждал великий князь Михаил Фёдорович, которому, однако, пришлось с большими потерями и бесславно снять осаду; теперь же, в минувшем 1654 г., город, по соглашению, опять достался великому князю), Архангельск (большой приморский и торговый город), Тверь, Торжок, Рязань, Тула, Калуга, Ростов, Переяславль, Ярославль, Углич, Вологда, Владимир, Старая Русса. От последнего города, как некоторые думают, Россия получила свое название.

Перечисленные мною — знатнейшие города в России, но, и помимо их, Россия имеет очень много небольших городов, много местечек и бесчисленное количество деревень.

В городах там и сям встречаются кремли, которые, однако, в большинстве случаев, подобно самым городам, построены из бревен и балок, наложенных друг на друга, что является плохую защитой от поджигателей.

Имеются также кое-где в Казанской, Астраханской и других Татариях, подчиненных великому князю, хорошие города. Так как, однако, они не относятся собственно к России, то мы рассмотрим их в рассказе о нашем проезде через них и мимо них.

Что касается Москвы, столицы и главного города всего великого княжества, то она вполне того стоит, чтобы подробнее на ней остановиться.

Она получила название от реки Москвы, которая протекает через южную часть города и омывает Красную стену. Барон фон-Герберштейн пишет, что, как он узнал у других, полюс поднят над московским горизонтом на 58° , но что сам он со своею астролябиею, 9 июня в полдень, нашел высоту солнца в 58° . Полагая по новому календарю, что солнце находилось в 18° Близнецов (♊) и имело склонение в 23° , я вычитаю это число из высоты солнца и получаю высоту экватора в 35° . Если это число вычесть из целого квадранта [четверти круга] в 90° , то получается в остатке 55° , а не 50° , как ему хотели вычислить по определенной им высоте. Впрочем, если даже считать и по старому календарю, все-таки выйдет не по его мнению. Я лично, после многократного исследования высоты полюса, определил ее в $55^\circ 36'$ широты. В первом издании у меня по ошибке типографа напечатано 56° . Что касается долготы Москвы, то она составляет 66° , насколько мне удалось вычислить по прохождению луны через меридиан.

Город этот лежит посередине и как бы в лоне страны, и москвиты считают, что он отстоит отовсюду от границ на 120 миль; однако мили не везде одинаковы. Величину города в окружности надо считать в три немецких мили, но раньше, как говорят, он был вдвое больше. Матвей из Мехова пишет, что Москва в его время была вдвое больше Флоренции в Тоскане или вдвое больше Праги в

Чехии. Она совершенно — вплоть до Кремля — погорела в 1571 г. при большом набеге крымских или перекопских татар; то же самое произошло с нею вторично в 1611 г., когда ее сожгли поляки. Об этом рассказывают Гельмольд в своей «Chronica Slavonica», Хитрей в «Saxonia» в своем рассказе о том же годе, Меттеран (впрочем — под 1572 г.) и Петрей в «Московской хронике»; говорят об этом и сами русские. Настоящий план города, как он расположен и как в настоящее время окружен валами и укреплениями, читатель может видеть в нашей книге.

Говорят, еще теперь насчитывается до 40 тысяч пожарищ.

Жилые строения в городе (за исключением домов бояр и некоторых богатейших купцов и немцев, имеющих на дворах своих каменные дворцы) построены из дерева или из скрещенных и насаженных друг на друга сосновых и еловых балок, как это можно видеть на некоторых рисунках. Крыши крыты тесом, поверх которого кладут бересту, а иногда — дерн. Поэтому-то часто и происходят сильные пожары: не проходит месяца или даже недели, чтобы несколько домов, а временами, если ветер силен — целые переулки не уничтожались огнем. Мы в свое время по ночам иногда видели, как в 3—4 местах зараз поднималось пламя. Незадолго до нашего прибытия погорела третья часть города и, говорят, четыре года тому назад было опять то же самое. При подобном несчастье стрельцы и особые стражники должны оказывать огню противодействие. Водой здесь никогда не тушат, а зато немедленно ломают ближайшие к пожару дома, чтобы огонь потерял

свою силу и погас. Для этой надобности каждый солдат и стражник ночью должен иметь при себе топор.

Чтобы предохранить каменные дворцы и подвалы от стремительного пламени во время пожаров, в них устраивают весьма маленькие оконные отверстия, которые запираются ставнями из листового железа.

Те, чьи дома погибли от пожара, легко могут обзавестись новыми домами: за Белой стеной на особом рынке стоит много домов, частью

сложенных, частью разобранных. Их можно купить и задешево доставить на место и сложить.

Улицы широки, но осенью и в дождливую погоду очень грязны и вязки. Поэтому большинство улиц застлано крулыми бревнами, поставленными рядом; по ним идут как по мосткам. Весь город русские делят на 4 главных части: первая называется Китай-городом, т. е. «средним городом», так как она занимает средину, обозначенную на плане буквою В;

Церковь у Белой стены

она окружена толстою каменною так называемою Красною стеною. С южной стороны, как уже сказано, стена эта омывается рекою Москвою, а с севера рекою Неглинною, которая за Кремлем соединяется с Москвою рекою. Почти половину этой части города занимает великокняжеский замок Крёмль, имеющий окружность величиною и шириною с целый город, с тройными каменными стенами, окруженными глубокою канавою и снабженными великолепными орудиями и солдатами. Внутри находится много великолепных, построенных из камня зданий, дворцов и церквей, которые обитаются и посещаются великим князем, патриархом, знатнейшими государственными советниками и вельможами. Хотя прежний великий князь Михаил Феодорович, живший во время нашего посольства, имел хорошие каменные палаты, а также и для государя сына своего, нынешнего великого князя, построил весьма великолепное строение и дворец на итальянский манер, но сам он — ради здоровья, как они говорили — жил в деревянном здании. Говорят, что нынешний патриарх также велел теперь построить себе для жилища весьма великолепное здание, которое немногим хуже здания великого князя.

Наряду с двумя монастырями, в которых живут монахи и монахини, стоят здесь 50 каменных церквей из них знаменитейшие и величайшие — Троицкая, Пресв. Марии, Михаила Архангела (в этой последней погребаются великие князья) и св. Николая. Одна из них находится по левую руку (мы проходили мимо нее, поднимаясь к аудиенц-залу) и имеет большие двери из двух створок, со-

вершенно покрытые толстым листовым серебром.

Эти церкви, как вообще все каменные церкви во всей стране, имеют 5 белых куполов, а на каждом из них тройной [осьмиконечный] крест — все это в том роде и того вида, как изображено на прилагаемом рисунке, представляющем действительную церковь, находящуюся у Белой стены. Что же касается кремлевских церквей, то в них колокольни обтянуты гладкою густо позолоченною жемчужью, которая, при ярком солнечном свете, превосходно блестит и дает всему городу снаружи прекрасный облик. Вследствие этого некоторые из нас, придя в город, говорили: «Снаружи город кажется Иерусалимом, а внутри он точно Вифлеем».

Посреди кремлевской площади стоит высочайшая колокольня — «Иван Великий», которая также обита вышеупомянутою позолоченною жемчужью и полна колоколов. Рядом с нею стоит другая колокольня, на которой висит очень большой колокол, который, как говорят, весом в 356 центнеров и отлит в правление великого князя Бориса Годунова. В этот колокол звонят во время больших торжеств или «праздников», как они говорят, или же при въезде великих послов или при доставлении их на публичную аудиенцию. Его приводят в движение 24, а то и более людей, стоящих внизу на площади. С обеих сторон колокольни висят два длинных каната, к которым внизу примыкает много мелких веревок по числу людей, обязанных их тянуть.

Колокол этот, во избежание сильного сотрясения и опасности для колокольни, лишь слегка приводят в движение, вследствие чего несколь-

Карта Москвы

А. Замок Кремль. В. Китай-город С. Царь-город, или Белый город. D. Skorodom.
E. Стрелецкий город

ко человек стоят наверху у колокола для помощи при раскачивании языка его.

Посреди этой стены находятся и сокровищницы, провиантские склады и пороховые погреба великого князя.

Вне Кремля в Китай-городе, по правую сторону от больших кремлевских ворот стоит искусно построен-

ная церковь Св. Троицы, строитель которой, по окончании ее, ослеплен был тираном, чтобы уже впредь ничего подобного не строить. Прилежно срисованное мною изображение ее дано выше. Невдалеке от этой церкви находится помост; около него неподвижно лежат на земле два больших металлических орудия: они направлены против большой дороги, по

которой обыкновенно вторгаются татары. Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и праздношатающихся. Вблизи помоста, где на вышеозначенном рисунке представлены великий князь и патриарх, стоят обыкновенно женщины и торгуют холстами, а иные стоят, держа во рту кольца (чаще всего — с бирюзой) и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлею они предлагают покупателям еще кое-что иное.

На площади и в соседних улицах каждому товару и каждому промыслу положены особые места и лавки, так что однородные промыслы встречаются в одном месте. Торговцы шелком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другие — все имеют свои особые улицы, где они и продают свои товары. Этот порядок очень удобен: каждый, благодаря ему, знает, куда ему пойти и где получить то или иное. Тут же, недалеко от Кремля, в улице направо, находится их иконный рынок, где продаются исключительно писанные изображения старинных святых. Называют они торг иконами не куплею и продажею, а «менюю на деньги»; при этом долго не торгуются.

Далее в эту сторону направо, если идти от Посольского двора к Кремлю, находится особое место, где русские, сидя, при хорошей погоде, под открытым небом, бреются и стригутся. Этот рынок у них называющийся Вшивым рынком, так устлан волосами, что по ним ходишь, как по мягкой обивке.

В этой части живут большинство,

притом самых знатных гостей или купцов, а также некоторые московские князья.

Другую часть города именуют они Царь-городом; она расположена в виде полумесяца и окружена крепкой каменной стеною, у них именуемой Белою стеною; посередине через нее протекает река Неглинная. Здесь живет много вельмож и московских князей, детей боярских, знатных граждан и купцов, которые по временам уезжают на торг по стране. Также имеются здесь различные ремесленники, преимущественно булочники. Тут же находятся хлебные и мучные лабазы, лотки с говядиною, скотный рынок, кабаки для пива, меда и водки. В этой же части находится конюшня его царского величества. Здесь же находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют Поганым бродом, на реке Неглинной; здесь они льют много металлических орудий и больших колоколов. Здесь до сих пор находился очень опытный мастер, по имени Ганс Фалькен из Нюрнберга; от него некоторые русские путем одного лишь наблюдения научились литью. При помощи особой сноровки он устраивал орудия таким образом, что 26 фунтов железа можно было с успехом выбросить из орудия при помощи 25 фунтов пороху; поэтому он так прославился в Голландии, что и упоминается в голландском издании Меттерана.

Третья часть города Москвы называется Скородомом. Это крайняя часть, с востока, севера и запада окаймляющая Царь-город. Раньше, перед тем как татары сожгли город, она, как говорят, имела окружность в 26 верст, т. е. в 5 немецких миль. Река

Яуза протекает через нее и соединяется с Москвою-рекою. В этой части находится лесной рынок и вышеназванной рынок домов, где можно купить дом и получить его готово отстроенным [для установки] в другой части города через два дня: балки уже пригнаны друг к другу, и остается только сложить их и законопатить щели мхом.

Четвертая часть города — Стрелецкая слобода — лежит к югу от реки Москвы в сторону татар и окружена оградой из бревен и деревянными укреплениями. Говорят, что эта часть выстроена Василием, отцом тирана, для иноземных солдат: поляков, литовцев и немцев, и названа, по попойкам, «Налейками», от слова «налей!» Это название появилось потому, что иноземцы более москвитов занимались выпивками и, так как нельзя было надеяться, чтобы этот привычный и даже прирожденный порок можно было искоренить, то им дали полную свободу пить. Чтобы они, однако, дурным примером своим не заразили русских (эти последние также весьма склонны к пиршествам и выпивкам, но в течение целого года им разрешается напиваться лишь в немногие дни — в самые большие праздники), то пьяной братии пришлось жить в одиночестве за рекою. Об этом можно прочитать у Герберштейна и у Ввагина. Теперь в этой части живут стрельцы или солдаты, состоящие на службе его царского величества, а также другое проstonародье.

Внутри и вне окружающих город Москву стен находятся много церквей, часовен и монастырей. В первом издании я обозначил их цифрою 1600, что господину Иоганну Лудви-

гу Готтфриду в его соч. «Archontiligia Cosmica» показалось весьма удивительным и почти невероятным. На самом деле, однако, я еще понизил цифру: мною потом были наведены еще новые справки частью у наших земляков, знающих город уже много лет, частью у самих москвитов, которые в минувшем году при приеме ими их пленника Лжешуйского некоторое время находились у нас в Голштинии, так что я имел возможность ежедневно видеться с ними. Все они единогласно утверждали, что в городе Москве найдется более 2000 церквей, монастырей и часовен.

В настоящее время почти каждый пятый дом является часовнею, так как каждый вельможа строит себе собственную часовню и держит на свой счет особого попа; только сам вельможа и его домашние молятся Богу в этой часовне. По указанию нынешнего патриарха, ввиду часто возникающих пожаров, большинство деревянных часовен сломаны и построены вновь из камня; некоторые часовни внутри не шире 15 футов. О Москве в изложенном нами сказано достаточно.

Так как и город Архангельск является важным торговым городом и, насколько мне известно, нигде еще не описан, то я немногими словами упомяну и о нем.

На картах, как и в атласе, называется этот город св. Михаилом Архангелом, но русские называют его обыкновенно Архангельском. Он лежит далеко на севере в земле Двинской, на реке Двине, а именно на том ее месте, где река разделяется, течет мимо острова Пудожемского и впадает в Белое море.

Город и гавань его не стары, так

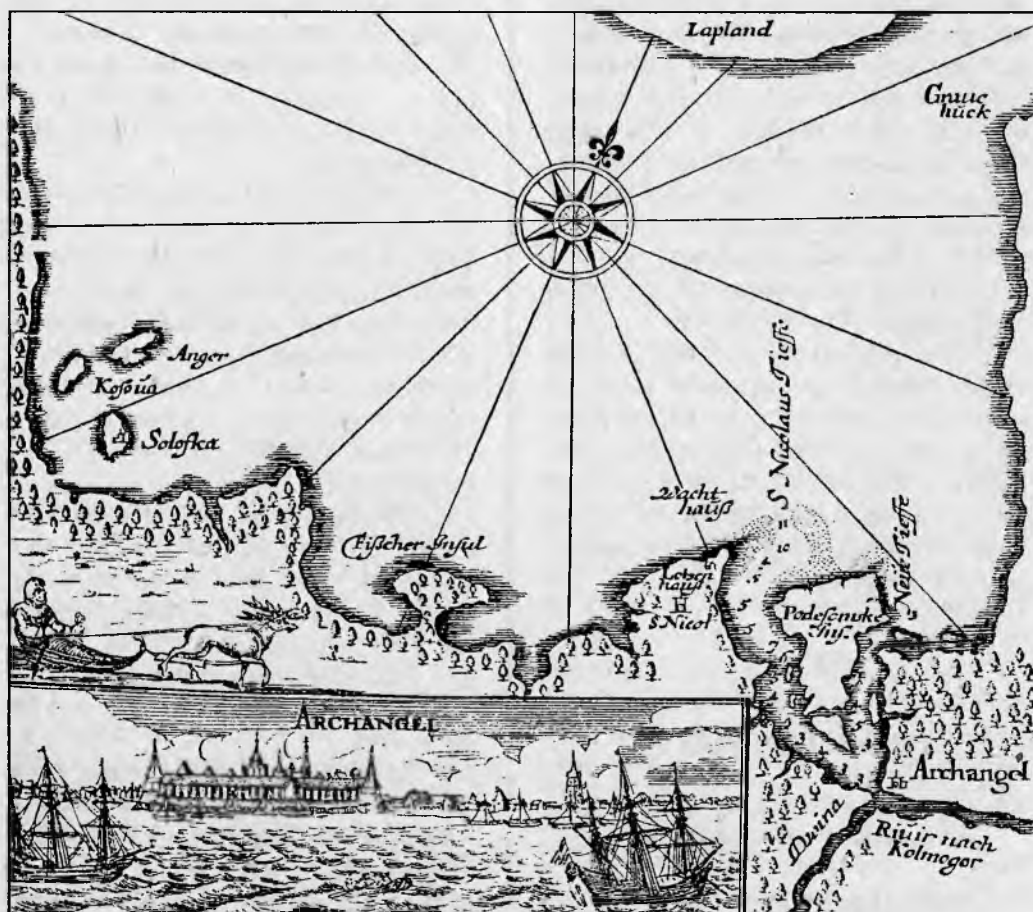
как раньше суда входили в левый рукав Двины у монастыря св. Николая, отчего гавань и называлась гаванью св. Николая, как можно видеть это у Петрея. Так как, однако, от наносных песков это устье стало слишком мелким, а правый рукав глубже, то воспользовались правым рукавом и на нем построили город.

Как говорят, сам по себе город невелик, но он славится из-за многочисленных купцов и заморской торговли. Ежегодно приезжают сюда голландские, английские и гамбургские

суда с различными товарами. В то же самое время собираются в путь купцы по [всей] стране, особенно немцы из Москвы, а зимою со своим товаром на санях они вновь возвращаются отсюда домой.

Нынешний великий князь перенес сюда большую таможню; пошлины собирает воевода, живущий в местном кремле.

Так как купцам эти пошлины несколько обременительны, а, с другой стороны, его величество король шведский желает брать лишь пошли-

Архангельск: карта и вид города

ну в 2% при провозе товаров через Лифляндию к Нарве, то полагают, что большая часть торгового движения будет отвлечена от Архангельска и направится через Балтийское море в Лифляндию, тем более что здесь этой торговле угрожает меньше опасностей.

Недалеко от Архангельска в Белом море в особом заливе расположены три острова, лежащие близко друг к другу. Наибольший из них называется Соловка, другие — Анзер и Кузова. На Соловке-острове находится монастырь, в котором погребен русский святой. Великий князь, по указанию патриарха, в минувшем году велел его останки выкопать здесь и перевезти в Москву, о чем ниже будет подробнее рассказано. Некоторые утверждают, будто предыдущие великие князья укрыли на этом острове — высоком, скалистом, крутом и не легко доступном — большие сокровища.

Что касается расположения этого города и въезда в него из моря, то я получил от доброго приятеля, не раз туда ездившего и хорошо знающего эту местность, рисунок, который я здесь сообщаю благосклонному читателю и любителям топографии.

XXXV

(Книга III, глава 2)

О состоянии воздуха, погоды, почвы, растительности и садов страны

В великом княжестве состояние воздуха, погоды и земель, ввиду многих провинций, лежащих далеко друг

от друга и в различных даже климатах, неодинаково. Что касается московской области и пограничных с нею, то здесь вообще воздух свежий и здоровый; как свидетельствуют все жители и как говорят и сами русские, здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях или моровых ветриях, да и встречаются здесь зачастую весьма старые люди. Следует поэтому весьма удивляться, что в нынешнем 1664 г. во время смоленской войны в Москве появились ядовитое поветрие и сильная чума, продолжающиеся до сих пор, так что люди, по собственному мнению — здоровыми вышедшие из дому, как говорят, падают на улицах и помирают. Поэтому-то проезд к Москве и из нее закрыт.

В зимнее время вообще во всей России сильные холода, так что едва удастся уберечься от них. У них не редкость, что отмерзают носы, уши, руки и ноги. В наше время, когда мы в 1634 г. впервые были там, была столь холодная зима, что перед Кремлем почва, из-за холода, потрескалась на 20 сажень в длину и на четверть локтя в ширину. Никто из нас с открытым лицом не мог пройти даже 50 шагов по улицам, не получив впечатления, что у него отморожены нос и уши. Я нашел, что вполне правильны утверждения некоторых писателей, что там водные капли и слюна стыннут раньше, чем доходят ото рта до земли.

Хотя холод у них зимою и велик так, тем не менее трава и листва весною быстро выходят наружу, и по времени роста и созревания здешняя страна не уступит нашей Германии. Так как здесь всегда снег выпадает в большом количестве и на значитель-

ную высоту, то почва и кусты покрываются как бы одеждою и охраняются от резкого холода.

Ради сильных холодов и обилия снега, имеющегося в России и Лифляндии, здесь хорошо путешествовать и можно для езды пользоваться широкими русскими санями из луба или липовой коры. Некоторые из нас устраивали в санях войлочную подстилку, на которой ложились в длинных овчинных шубах, которые там можно очень дешево приобрести, а сверху покрывали сани войлочным или суконным одеялом: при такой обстановке мы находились в тепле и даже потели и спали в то время, как нас везли крестьяне.

Для езды очень удобны русские, правда маленькие, но быстро бегущие лошади, которые привыкли, при одной кормежке, пробегать 8, 10, иногда даже 12 миль, как и я дважды ездил из Твери в Торжок. Впрочем, дороги в этих местах, как и повсеместно в России, не имеют особых повышений и понижений.

Поэтому можно весьма быстро совершить продолжительную поездку, притом весьма дешево. Крестьянин, ездящий по найму, за 2—3 или — самое большее — 4 рейхсталера везет целых 50 немецких миль, как и я однажды за такую плату проехал из Ревеля в Ригу — 50 миль.

Как ни силен холод зимою, летом столь же велика жара, которая там тягостна для путешественника не только днем из-за солнечных лучей, но и из-за многочисленных комаров, которых солнце производит на свет в болотах, да и повсеместно в России; они ни днем ни ночью не дают покоя. Поэтому ночью приходится или лежать близ огня или же, как это

указано выше, — под особой сетью для защиты от комаров.

Обширная страна эта во многих местах покрыта кустарником и лесами, большею частью — соснами, березами и орешником; много мест пустынных и болотистых. Тем не менее, однако, ввиду доброго свойства почвы, страна, где она хоть немного обработана, чрезвычайно плодородна (исключая лишь немногие мили вокруг города Москвы, где почва песчаная), так что получается громадное изобилие хлеба и пастбищ. И сами голландцы признают, что несколько лет тому назад, во время большой дороговизны, Россия сильно помогла им своим хлебом. Редко приходится слышать о дороговизне в стране. В иных местах в стране, где хлеб не находит сбыта, земля не обрабатывается более (хотя это было бы возможно), чем требуется для надобностей одного года; там никаких запасов не собирают, так как все уверены в ежегодном богатом урожае. Поэтому-то они и оставляют много прекрасных плодородных земель пустынными, как я сам это видел, проезжая через некоторые области с тучным черноземом, которые там поросли такою высокою травой, что она лошадям покрывала брюхо. Эта трава также, ввиду изобилия ее, ни разу не собиралась и не употреблялась для скота.

Следует удивляться и тому, о чем нам сообщали в Нарве: там на русской стороне, сейчас же за рекою, земля гораздо лучшая, и все растет быстрее и лучше, чем по сю сторону Нарвы в Аллентакене, хотя отделяется одна сторона от другой лишь рекою. В этом месте в Ингерманландии так же, как и в Карелии, России

и Лифляндии на севере, земледелец бросает семена в землю всего за три недели до Иванова дня. Затем семя, ввиду постоянного согревания солнцем (которое еле касается горизонта при закате), на глазах у наблюдателей растет, так что в течение 7 или самое большее 8 недель успевают и посеять и пожать. Если бы они и пожелали раньше совершить посев, все равно семя не могло бы приняться, вследствие скрытого в земле мороза и холодных ветров.

У русских и в отношении жатвы имеется то преимущество перед лифляндцами, что они обыкновенно могут собрать свой хлеб сухим в амбары и кучи, в то время как лифляндцы принуждены сушить свое зерно на огне. В каждом сельском имении там имеются особо построенные сараи или дома, называемые у них ригами; в них хлеб, пока он еще в колосьях, накладывается на бревна, над печью, вроде таковой в пекарне; затем разводится огонь и поднимающимся жаром зерно сушится. Часто бывает, что подобные риги сгорают вместе с хлебом. Зерно, которое некоторое время сушилось в подобной сушилке, не дает такого хорошего семени для посева, как то, что само высохло.

В некоторых местах, особенно в Москве, имеются и великолепные садовые растения, вроде яблок, груш, вишен, слив и смородины. Положение, следовательно, здесь совершенно иное, чем то, что изображают Герберштейн, Гвагнин и другие писатели, утверждающие, будто в России, вследствие сильного холода, совершенно не находится плодов и вкусных яблок. Между другими сортами яблок у них имеется и такой, в

котором мякоть так нежна и бела, что если держать ее против солнца, то можно видеть зернышки. Однако, хотя они прелестны видом и вкусом, тем не менее, ввиду чрезмерной влажности, они не могут быть сохраняемы так долго, как в Германии.

Тут же имеются и всякого рода кухонные овощи, особенно спаржа толщиной с палец, какую я сам ел у некоего голландского купца, моего доброго друга, в Москве, а также хорошие огурцы, лук и чеснок в громадном изобилии. Лактук и другие сорта салата никогда не садились русскими; они раньше вообще не обращали на них внимания и не только не ели их, но даже смеялись над немцами за употребление их в пищу, говоря, что они едят траву. Теперь же и некоторые из них начинают пробовать салат. Дыни производятся там в огромном количестве; в разведении их многие находят себе материал для торговли и источник пропитания. Дынь не только растет здесь весьма много, но они и весьма велики, вкусны и сладки, так что их можно есть без сахара. Мне еще в 1643 г. подобная дыня, в пуд (т. е. 40 фунтов) весом, была поднесена добрым приятелем на дорогу, когда я в то время уезжал из Москвы.

В садке и уходе за дынями у русских имеются свои собственные выгодные приемы, которые частью описаны Герберштейном. Они смягчат семя в парном молоке, а иногда и в отстоявшейся дождевой воде, прибавив к ней старого овечьего помета. Затем на земле устраиваются из смешанных лошадиного навоза и соломы удобренные гряды глубиной в два локтя. Сверху покрываются они хорошей землею, в которой они устра-

ивают неглубокие ямы шириною с пол-локтя. В середину сажают они зерно, чтобы не только тепло снизу, но и собранный со всех сторон жар солнца согревал и растил семя; ночью покрываются эти гряды от инея и мороза крышками, сделанными из слюды; временами крышки эти остаются и днем. После этого они обрезают отросшие в сторону ветви, а иногда и концы побегов. Таким образом прилежанием и уходом своим они помогают росту.

Нам рассказывали, что совершенно особая порода дынь или, вернее, тыква растет за Самарою, между реками Волгою и Доном. Эта порода величиною и качеством похожа на другие обыкновенные дыни, но по внешнему виду имеет сходство с бараном, члены которого она совершенно ясно изображает. Поэтому русские и называют ее «баранцем». Стебель прикреплен как бы к пупу дыни, и куда она повернется (так как при росте она меняет свое место, насколько ей это позволяет стебель), там сохнет трава, или, как говорят русские, «пожирается» дынею. Когда дыня поспевает, стебель отсыхает, и плод получает меховую шкурку, подобно барану; по их словам, эту шкурку будто бы можно дубить и приготавливать к пользованию против холода. Нам в Москве показывали несколько кусков такой шкурки, оторванных от одеяла, говоря, будто они от дыни «баранец»; эта шкурка была нежна и курчаво-шерстиста, подобно шкуре ягненка, вырезанного из утробы матери или еще очень молодого. Скалигер упоминает в «*Exercitationes*», р. 181 о таком плоде, который, пока он ок-

ружен разными травами, быстро растет, подобно ягненку на пастбище, но при недостатке увядает и погибает. Русские говорят, что этот плод быстро зреет. Говорят, будто правда и то, что далее рассказывает Скалигер, а именно: будто кроме волков ни одно животное не падает на этот плод: благодаря этому обстоятельству и можно ловить волков.

Красивых трав и цветов в Москве в прежние годы было не много. Однако бывший великий князь вскоре после нашего пребывания в стране постарался прекрасно устроить свой сад и украсить его различными дорогими травами и цветами. До сих пор русские ничего не знали о хороших махровых розах, но ограничивались дикими розами и шиповником и ими украшали свои сады. Однако несколько лет тому назад Петр Марселис, выдающийся купец, доставил сюда первые махровые и прованские розы из сада моего милостивейшего князя и государя в Готторпе; они хорошо принялись здесь.

В Московии нет грецких орехов и винограда, но всякого рода вино часто привозится сюда голландскими и иными судами через Архангельск, а теперь доставляется оно и из Астрахани, где также начали заниматься виноградарством. Об этом нами будет ниже рассказано подробнее.

Отсюда можно вывести, что отсутствие [в Московии] некоторых плодов и растений следует приписать не столько почве и воздуху, сколько небрежности и незнанию жителей.

У них нет недостатка и в тех плодах земли, которые необходимы для обыкновенного питания в жизни.

Конопля и лен производятся в большом количестве, вследствие чего полотно в России очень дешево.

Мед и воск, правда — часто находимые в лесах, имеются у них в таком изобилии, что они, несмотря на количество, потребное им для медовых питей и для восковых свеч, которыми они пользуются и для собственных надобностей и — в больших размерах — для богослужения, тем не менее могут продавать большими партиями и то и другое за границу. В большинстве случаев эти товары вывозятся через Псков.

Во всей России так же, как в Лифляндии, везде, где не устроено пашен путем выжигания леса, поверхность покрыта лесами и кустарником. Поэтому там много лесной и полевой дичи. Так как пернатой дичи у них имеется громадное количество, то ее не считают у них такой редкостью и не ценят так, как у нас: глухарей, тетеревов и рябчиков разных пород, диких гусей и уток можно получить у крестьян за небольшую сумму денег, а журавли, лебеди и небольшие птицы, вроде серых и иных дроздов, жаворонков, зябликов и тому подобных, хотя и встречаются очень часто, но считаются несостоящими того, чтобы за ними охотиться и употреблять их в пищу. Аисты не встречаются ни здесь, ни в Лифляндии.

Леса также богаты разными дикими животными, за исключением оленей, которых или совсем нет, или, как другие говорят, удастся видеть очень редко. Лосей, кабанов, зайцев большое изобилие. В некоторых местах, как, например, и во всей Лифляндии, зайцы летом обычного серого цвета, а зимою — белоснежной окраски.

При этом следует удивляться, что в Курляндии, которая граничит с Лифляндиею и только Двиною от нее отделяется, зайцы зимою остаются серыми. Поэтому, если иной раз, когда Двина находится подо льдом, подобного зайца удастся поймать в Лифляндии, то там его называют курляндским перебежчиком.

Причиною подобной перемены окраски является их темперамент. Ведь как говорит Caelius Rodiginis: «Волосы подражают цвету влаги, которая доставляет им пищу». Дело в том, что зверьки эти из-за болотистой и сырой местности гораздо более флегматичной или сырой и холодной природы, чем наши зайцы. Если тут еще присоединяется наружный холод зимою (как говорит Авиценна «in santicis»: «Зима имеет силу и природу флегмы»), то они делаются белыми, так как белый цвет получается от холода («белый волос указывает на холодное сложение», говорит Аверроэс по поводу приведенного места у Авиценны), подобно тому, как черный получается от жары. Если они теперь летом опять получают жаркий и сухой воздух, как это, конечно, там случается, то меняются одновременно и темперамент и окраска их. Я вспоминаю при этом, что рассказывал при мне мой покойный тесть в Лифляндии. Он летом к свадьбе одной из своих дочерей велел поймать несколько зайцев и посадить, — в его имении Кунда между Ревелем и Нарвою, — в погреб и там кормить. Через несколько недель их серая шерсть превратилась в белую, какая у них бывает зимою. Отсюда легко догадаться о причине подобной перемены.

Наряду с этой хорошею дичью

встречается также много хищных и нечистых животных, как-то: медведей, волков, рысей и тигров, лисиц, соболей и куниц, шкурами которых русские ведут обширную торговлю.

Так как, — как уже сказано, — местами много лишних пастбищ, то у них много имеется ручного скота: коров, быков и овец, которые продаются весьма задешево. Мы однажды, во время первой поездки в Ладугу, купили жирного быка, правда, небольшого, — так как вообще во всей России скот мелок, — за 2 талера, а овцу за 10 копеек или 5 мейсенских грошей.

В текучих водах и стоячих озерах, которых в России много, большое изобилие рыб всяческих пород, за исключением карпов, которых и в Лифляндии не находят. Однако в Астрахани мы видели много карпов необыкновенной величины, которых можно было покупать по шиллингу за штуку; их ловят в Волге. Вкус их, ввиду грубого, жесткого мяса, не очень приятен.

Среди ископаемых самое важное место занимает слюда, которая в иных местах получается из каменноломен и употребляется для окон во всей России.

Шахтовых копей эта страна не имела; однако немного лет тому назад на татарской границе у Тулы, в 26 милях от Москвы, открылась таковая. Ее устроили несколько немецких горнорабочих, которых, по просьбе его царского величества его светлость курфюрст саксонский прислал сюда. Эта копь до сих пор давала хорошую добычу, хотя преимущественно железа.

В семи верстах и в 11/2 милях от этой копи находится железодель-

ный завод, устроенный между двумя горами в приятной долине при удобной реке; здесь выделяется железо, куются железные полосы и изготавливаются разные вещи.

Этим заводом по особому контракту, заключенному с ним великим князем, заведует господин Петр Марселис. Ежегодно он доставляет его царского величества оружейной палате известное количество железных полос, несколько крупных орудий и много тысяч пудов ядер; поэтому он как был и у прошлого, так состоит и у нынешнего великого князя в большой милости и почете. Он же ведет еще и иные крупные торговые дела в Москве.

При жизни царя Михаила Федоровича, лет 15 тому назад, в известном месте в России некто указал также золотую жилу, но не сумел устроить рудник, вследствие чего не только не обогатился, как предполагал, но, напротив, стал бедным человеком.

Те, кто сулят обогатить государей новыми открытиями — как это часто делается при дворах князей, — имеют очень мало счастья и удачи при царском дворе. Прежний великий князь очень любил, чтобы ему указывали какие-либо новые средства для увеличения казны. Однако, чтобы оставаться без убытков в случае обмана или неуспеха, изобретатель должен был делать опыты на собственный счет, а если у него не было средств, то некоторая сумма давалась ему за каким-либо поручительством; если опыт удавался, то виновнику его выдавалась богатая награда, в случае же неудачи он, а не великий князь, нес убытки. В качестве примера я могу сослаться на только что упомянутый

золотой рудник. В это время в Москве жил знатный английский купец — мой добрый друг — имени его я, по долгу чести, не могу назвать. Это был в общем искренний и доброжелательный человек, долго живший в Москве и ведший здесь выгодную торговлю. Когда он заявил и полагал, основываясь на особых качествах и знаках известной почвы, найти золотоносную жилу, великий князь согласился на поиски и даже, по поручительству, выдал на это деньги. Когда, однако, этому доброму человеку дело не удалось, работа и труды пропали даром, и собственного его имущества не хватило на то, чтобы заплатить взятые у великого князя займы средства, его посадили в долговую тюрьму. Потом его, по представлении поручителей, опять выпустили, ему разрешено было ходить и просить денег у добрых людей, так что он мог собрать денег, чтобы удовлетворить великого князя и поручителей своих и выбраться из страны. О такой своей неудаче и о том, как судили его в России, он сам рассказал мне во время моего последнего пребывания в Москве — когда это событие происходило — весьма подробно и в очень трогательных выражениях.

XXXVI.

(Книга III, глава 3)

О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами.

Об устройстве страны и о произведениях местностей, расположенных к северу, вроде двинского, югорско-

го и пермского краев, Сибири и Самоедской страны, которые признают великого князя своим государем, я, не быв там, не могу сообщить ничего определенного.

Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают — пожалуй, заимствовав один у другого, — что те страны вследствие сурового воздуха, долгой зимы и короткого лета, совершенно бесплодны и особенно неудобны для земледелия (как для хлеба, так и для плодовых деревьев), что жители ничего не знают о хлебе, но, вследствие изобилия в обширных диких местах, в реках и озерах дичи и рыбы, питаются этими последними, одеваются в звериные шкуры и ими же платят великому князю свои подати и налоги. Говорят, что прекраснейшие соболя, куницы, а также шкуры белых медведей (которые вельможами в Москве накидываются сзади на сани), рысей и иные меха весьма часто получают оттуда и поступают в продажу в Москве и иных местах.

На самоедах я имею в виду остановиться подробнее, чем на других северных народах, как потому, что о них у землеописателей особых сведений не имеется, так и потому, что сам я с ними беседовал и получил сведения о их жизни. Ведь когда я в 1643 г. 30 июля должен был явиться в Москве на аудиенцию перед его царским величеством, а перед тем должен был ждать в посольском приказе, пока не спустится персидский посол, до меня призванный во дворец, то пришли сюда и два самоеда, которые были посланы из своей страны к великому князю для предложения ему в дар нескольких северных оленей и шкур белых медведей. Я пу-

стился в разговор с ними: они говорили откровенно и понятно, отвечая на все вопросы вполне достаточно, так как они хорошо понимали русский язык, на котором я обращался к ним через моего переводчика.

У древних писателей не говорится о том, чтобы они именовались самоедами, но называются они скифами, и я думаю, что нынешнее название получено ими лишь от русских, когда они подпали под русское владычество. Так как они раньше ели людей — даже мясо собственных друзей после смерти их мешали они с дичью и поглощали, как о том рассказывают Плиний и Олай Великий — их и прозвали самоедами от русских слов «сам» и «ем». Об этом упоминает Гвагнин в описании Московии при упоминании о провинции Печоре. Название это обозначает то же, что греческое слово «антропофаги» (т. е. «людоеды»), которым их титулует Плиний; подобное рассказывают, между прочим, и о бразилианцах.

Страна их вовсе не называется Самогитиєю (эту последнюю землеописатели полагают между Литвою, Польшею и Лифляндиею, а русские называют ее Жмудскою землею), но Самоедиєю, которую на новых картах можно найти за Сибирью у гор, именуемых Гиперборейскими, перед и за великою рекою Обью, у Татарского моря и Вейгата (Вайгача), как называют это место голландцы.

Это те варвары, татары и язычники, которые в древности назывались «скифами северными, европейскими и азиатскими», так как жили они у границы и раздела Европы и Азии. О них упоминает Страбон в 7 книге и Квинт Курций в 7 книге,

называя иных из них абиями-скифами — без сомнения, от реки Аби или Оби. О том же говорит Юстин во 2 книге, Олай Великий в своей «*Historia de gentibus septentrionalibus*», кн. 4 гл. 3, и Мюнстерв своей «*Cosmographia*», кн. 5, в 60 и следующих главах. У них нет укрепленных городов со строениями, но они и теперь еще живут в лесах и диких местах, как во время Александра послы их утверждали у Курция в означенной книге: «Мы скорее живем в пустынных и лишенных человеческой культуры местностях, чем в городах и среди изобильных пашен». Так как живут они в холодном поясе, то большую часть года они имеют суровую зиму и весьма высокий снег. Указанные только что нами послы дали это понятие Александру, говоря: «Когда ты победишь весь род людской, то придется тебе вести войну с лесами и снегами, с реками и дикими зверями». Они живут в маленьких, глухих, наполовину в земле построенных избах, которые, как они говорили, сверху закругляются и заостряются и имеют посередине отверстие в качестве трубы, через которую они в зимнее время вылезают. Их избы совершенно покрываются снегом, который, как говорят, набирается выше роста двух человек, так что никто не может уже часто выходить или входить. Однако они устраивают себе ходы под снегом, через которые они переползают из одного дома в другой. Так как они в это время почти полгода не имеют ни солнца, ни дня, но непрерывную ночь, и вне домов почти ничем не могут заняться, они тем легче переносят погоду. Тем временем они пользуются для света рыбьим жиром и обходятся с его помощью до тех

пор, пока не получают солнечного света: а именно — когда солнце вновь поднимется над линией равноденствия и начнет проходить полуденные созвездия, то оно уже перестает заходить у них, и тогда у них нет ночи. Тогда снег исчезает, они опять выходят на сухую почву и могут запастись на зиму.

Может быть верно и то, что некоторые люди писали о полуденных народах, а именно, будто среди них имеются люди, которые, наподобие ласточек и лягушек, полгода, а именно зиму, лежат мертвыми, а потом вновь оживают и начинают ходить летом. Смотри об этом у Гвагина в описании «Лукоморья» и у Олая Великого. У них нет земледелия, они ничего не знают о хлебе, но едят вместо хлеба вяленую рыбу, мед и дичь, по рассказам, весьма у них обильную.

Самоеды низкорослы, имеют широкие лица, небольшие глаза и короткие ноги; они очень сходны с гренландцами, из которых я некоторых видел в Голштинии...

Что касается одежды самоедов, то она сделана из меха северных оленей. Они носят широкие шапки, иные — из разноцветных кусков сукна, полученных ими от русских, а опять иные — лишь из меха; на шапках висят длинные наушники, которые они застегивают под шею. Рубашки свои они шьют из шкур молодых оленей, очень гладких и с коротко стриженной шерстью. Под рубашками у них шаровары, а над ними длинные кафтаны. Внизу рубашек и кафтанов у них пришиты длинноволосые хвосты. Их сапоги также из мехов, и во всех их одеждах мех выворочен наружу. Нитки, которыми они шьют свои одежды, приго-

Самоеды

Самоеды

товлены из жил. Носовые платки они готовят из зеленого дерева, скобля его в тонкие стружки и волокна, так что оно с виду становится похожим на тонко выскобленный рог или пергамент. Они берут горсть этих стружек, которые очень мягки, и ими вытирают себе нос.

Кафтаны свои они иногда, когда очень холодно, надевают на голову и дают рукавам свисать с боков, что представляет странное зрелище для непривычного человека. Вид издали таких людей, особенно с судна, пристающего к берегу, может быть, дал основание некоторым из древних писателей утверждать, будто существовали люди, не имевшие голов, но с лицом на груди, а также, что были люди со столь большими ногами, что они ими могли покрываться. Если бы действительно в мире существовали подобные люди,

то, я думаю, мы имели бы теперь о них больше известий. Ведь за истекшие 100 лет весь мир на воде и на суше в достаточной мере обследован и изучен голландскими, английскими и испанскими мореплавателями, но, как видно из описаний их путешествий, они ничего подобного нигде не встречали. Если, однако, видели у этих людей большие ноги, то весьма возможно, что за таковые были приняты их большие так называемые лыжи.

Все эти народы, как и лапландцы, финны и черемисы, зимою, для перехода через глубокий снег, надевают длинные и широкие лыжи, частью из коры, частью вырезанные из дерева; на них они умеют быстро передвигаться. У финнов задняя часть за каблуком так же выдается, как и передняя, и некоторые из этих лыж достигают 3 локтей в длину; их на-

зывают *Suksit*. Подобного рода передвижение мы видели в Нарве, где полковник Порт для нашего увеселения велел некоторым финнам из числа своих солдат съезжать с большого холма перед городом. Самоедские лыжи называются «нартами», как справедливо указывает Гвагнин в описании области Пермской. Их сапоги также из подобных меховых шкурок, внутри выложены мехом и доходят до колен.

Северные олени по величине и внешности почти схожи с обыкновенными оленями, имеют белый с серым мех и широкие ноги, как у коров. Мы несколько штук видели в московском Кремле. Самоеды так приручают их, что они свободно приходят и уходят. Их употребляют вместо лошадей, впрягая их в небольшие легкие сани, которые устроены вроде получелноков или лодок; на них они чрезвычайно быстро ездят.

И голландцы в 1596 г. по Р. Х., во время второго своего путешествия на север, недалеко от Вейгата застали подобных самоедов. Они пишут об этом так. Когда они 31 августа этого года у Вейгата прошли мимо по суше, то они застали человек 20 этого народа. Сначала они сочли их совершенно дикими. Действительно, самоеды, прежде всего, прибегли к луку и стрелам, с которыми они очень хорошо умеют обходиться, и хотели напасть на голландцев, как на непрошенных гостей. Когда они, однако, услышали от русского переводчика — ведь, как сказано, самоеды понимают по-русски, — что голландцы пришли не врагами, а друзьями, они сложили лук и стрелы, приветствовали, любезно кланяясь, голландцев, пустились в разговор с

ними и сообщили хорошие сведения о положении суши и моря. Они казались, однако, весьма робкими и недоверчивыми, несмотря на то, что голландцы обращались с ними любезно и выказывали доброжелательность. Когда одному из них подан был сухарь, он, правда, принял его почтительно, сейчас же откусил от него и стал его есть, но все время при этом робко озирался; когда они услышали раздавшийся издали со стороны моря выстрел из ружья, они испугались и заскакали, точно бешеные. Об этом можно прочесть подробнее в вышеупомянутом морском путешествии, голландской печати. Из описаний и рисунков голландских также видно, что самоеды заплетали свои волосы в длинные косы, причем они свешивались сзади через их одежды. Подобного явления я не замечал у тех, кого я видел в Москве. Один из них, которого, после рассказа о их, по нашему мнению, суровой и трудной жизни, спросили, между прочим, о том, как им понравились страна и жизнь московитов и не чувствуют ли они охоты жить скорее здесь, чем в собственной своей стране, — отвечал на это так: «Правда, Московия немало ему нравится, но та страна, в которой он родился, нравится ему гораздо больше, чем все другие страны; там для них жизнь привычная, и они вполне удобно и хорошо могут жить там. Он даже не сомневается, что если бы великий князь знал о доброй их жизни и о великолепии ее, то он оставил бы столицу и переселился к ним на жизнь».

Эти люди были настроены подобно Улиссу, который — как Мурет говорит по 1 книге Цицерона «*De oratore*» — скорее желал жить в сво-

ей скалистой и суровой родине, чем у Калипсо среди всяких удовольствий и увеселений; об этом можно прочесть у Гомера в [V] песне «Одиссеи». Можно сказать и с Овидием (*lib. I de Ponto eleg. [3].*):

Nescio qua natale solum dulcedine
cunctos
Ducit, et immemores non sinit esse sui.
*Quid melius *Roma, Scythio quid frigore*
peius?
Huc tamen ex illa Barbarus urbe fugit.

Для всех нас край родной неизъяснимо
мил,
Забить его нельзя — то выше наших
сил!
Где лучше, чем в Москве? что Скифии
скудней?
Но сердце варвара тоскует лишь о ней.

Эти народы раньше, будучи язычниками, почитали солнце и луну и резные идолы — как об этом можно узнать из неоднократно уже упомянутого описания морского путешествия. Голландцы на мысе или на углу Вейгата нашли расставленными несколько сот подобных грубых и бесформенно вырезанных идолов: когда они, уходя из этой страны, захватили один из идолов с собою, то какой-то самоед последовал за ними и с жестами, свидетельствующими о волнении, попросил вернуть ему изображение и отнес его на место.

Приблизительно 23 года тому назад самоеды присылали посольство к великому князю и просили его о присоединении к русской вере. Это и было сделано, и епископ владимирский с несколькими попами или священниками был послан туда, чтобы обучить их вере и крестить.

XXXVII.

(Книга III, глава 5)

О самих русских — в отношении их внешнего вида и одежды

Мы, прежде всего, рассмотрим внешний быт московитов, или русских, то есть их наружность, их строение, а также их одежду, а затем обратимся к внутреннему их быту, то есть — их душевным свойствам, способностям и нравам. Мужчины у русских, большею частью, рослые, толстые и крепкие люди, кожей и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами. Они очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почетом. Его царское величество таких людей из числа купцов назначает обыкновенно для присутствия при публичных аудиенциях послов, полагая, что этим усилено будет торжественное величие [приема]. Усы у них свисают низко над ртом.

Волосы на голове только их попы или священники носят длинные, свешивающиеся на плечи; у других они коротко острижены. Вельможи даже дают сбривать эти волосы, полагая в этом красоту. Подобное мнение не разделяется Амвросием. Он говорит: «По деревьям можно судить, в чем краса главы человеческой; возьми у дерева листву, и все дерево станет неприятным на вид». Может быть взято это у Овидия:

Позорен так же точно череп
без волос,
Как куций скот, без листьев куст,
без трав покос.

Однако, как только кто-либо погрешит в чем-нибудь перед его царским величеством или узнает, что он впал в немилость, он беспорядочно отпускает волосы до тех пор, пока длится немилость. Может быть, обычай этот перенят ими у греков, которым они вообще стараются подражать: ведь Плутарх рассказывает, что греки, когда с ними случалось большое несчастье, ходили с длинными, отпущенными волосами. Женщины же, в таких случаях, стригли свои волосы.

Женщины среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы.

Некоторых женщин соседки их или гости их бесед принуждают так накрашиваться (даже несмотря на то, что они от природы красивее, чем их делают румяна) — чтобы вид естественной красоты не затмевал искусственной. Нечто подобное произошло в наше время. Знатнейшего вельможи и боярина князя Ивана Борисовича Черкасского супруга, очень красивая лицом, сначала не хотела румяниться. Однако ее стали донимать жены других бояр, зачем она желает относиться с презрением к обычаям и привычкам их страны и позорить других женщин своим образом действий. При помощи мужей своих они добились того, что и этой от природы прекрасной женщине пришлось белиться и румяниться и,

так сказать, при ясном солнечном дне зажигать свечу.

Так как беление и румянение происходят открыто, то жених обыкновенно накануне свадьбы, между другими подарками, присылает своей невесте и ящик с румянами — как об этом будет еще рассказано при описании их обыкновенных свадеб.

Женщины скручивают свои волосы под шапками, взрослые же девицы оставляют их сплетенными в косу на спине, привязывая при этом внизу косы красную шелковую кисть.

У детей моложе 10 лет — как девочек, так и мальчиков — они стригут головы и оставляют только с обеих сторон длинные свисающие локоны. Чтобы отличить девочек, они продевают им большие серебряные или медные серьги в уши.

Одежда мужчин у них почти сходна с греческою. Их сорочки широки, но коротки и еле покрывают седалище; вокруг шеи они гладки и без складок, а спинная часть от плеч подкроена в виде треугольника и шита красным шелком. У некоторых из них клинышки под мышками, а также по сторонам сделаны очень искусно из красной тафты. У богатых вороты сорочек (которые шириною с добрый большой палец) точно так же, как полоска спереди (сверху вниз) и места вокруг кистей рук — вышиты пестрым крашенным шелком, а то и золотом и жемчугом; в таких случаях ворот выступает под кафтаном; ворот у них застегивается двумя большими жемчужинами, а также золотыми или серебряными застегками. Штаны их вверху широки и, при помощи особой ленты, могут по желанию суживаться и расширяться. На сорочку и штаны они надевают уз-

кие одеяния вроде наших камзолов, только длинные, до колен и с длинными рукавами, которые перед кистью руки собираются в складки; сзади у шеи у них воротник в четверть локтя длиною и шириною; он снизу бархатный, а у знатнейших из золотой парчи: выступая над остальными одеждами, он подымается вверх на затылке. Это одеяние они называют «кафтаном». Поверх кафтана некоторые носят еще другое одеяние, которое доходит до икр или спускается ниже их и называется ферязью. Оба эти нижние одеяния готовят из каттуна, киндиака, тафты, дамаста или атласа, как кто в состоянии завести его себе. Ферязь на бумажной подкладке. Над всем этим

у них длинные одеяния, спускающиеся до ног; таковые они надевают, когда выходят на улицу. Они в большинстве случаев из сине-фиолетового, коричневого (цвета дубленной кожи) и темно-зеленого сукна, — иногда также из пестрого дамаста — атласа или золотой парчи.

В таком роде все кафтаны, которые находятся в сокровищнице великого князя и во время публичных аудиенций выдаются мужчинам, заседающим на них, для усиления пышности.

У этих наружных кафтанов сзади на плечах широкие вороты, спереди, сверху вниз, и с боков прорезы с тесемками, вышитыми золотом, а иногда и жемчугом; на тесемках же

Костюмы

висят длинные кисти. Рукава у них почти такой же длины, как и кафтаны, но очень узки; их они на руках собирают во многие складки, так что едва удается просунуть руки; иногда же, идя, они дают рукавам свисать ниже рук. Некоторые рабы и легкомысленные сорванцы носят в таких рукавах камни и кистени, что нелегко заметить: нередко, в особенности ночью, с таким оружием они нападают и убивают людей.

На головы все они надевают шапки. У князей и бояр или государственных советников во время публичных заседаний надеты шапки из черного лисьего или собольего меха, длиной с локоть: в остальных же случаях они носят бархатные шапочки по нашему образцу, подбитые и опущенные черною лисицею или соболем; впрочем, у них очень не много меха выходит наружу. С обеих сторон эти шапочки обшиваются золотым или жемчужным, шнурком. У простых граждан летом шапки из белого войлока, а зимою из сукна, подбитые простым мехом.

Большею частью они, подобно полякам, носят короткие, спереди заостряющиеся сапоги из юфти или персидского сафьяна. О кордуане они ничего не знают. У женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками: у иных в четверть локтя длиной; эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками. В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли.

Женские костюмы подобны мужским; лишь верхние одеяния шире, хотя из того же сукна. У богатых женщин костюмы спереди до низу окай-

млены позументами и другими золотыми шнурами, у иных же украшениями тесемками и кистями, а иногда большими серебряными и оловянными пуговицами. Рукава вверху не пришиты вполне, так что они могут просовывать руки и давать рукавам свисать. Однако они не носят кафтанов и — еще того менее — четырехугольных, поднимающихся на шею воротников. Рукава их сорочек в 6, 8, 10 локтей, — а если они из светлого каттуна, — то и более еще того длиною, но узки; надевая их, они их собирают в мелкие складки. На головах у них широкие и просторные шапки из золотой парчи, атласа, дамаста, с золотыми тесьмами, иногда даже шитые золотом и жемчугом и опущенные бобровым мехом; они надевают эти шапки так, что волосы гладко свисают вниз на половину лба. У взрослых девиц на головах большие лисьи шапки.

Раньше немцы, голландцы, французы и другие иностранцы, желавшие ради службы у великого князя и торговли пребывать и жить у них, заказывали себе одежды и костюмы наподобие русских; им это приходилось делать даже поневоле, чтобы не встречать оскорблений словом и действием со стороны дерзких злоумышленников. Однако год тому назад нынешний патриарх переменяет это обыкновение, основываясь на следующем случае. Когда однажды в городе происходила большая процессия при участии самого патриарха, и последний, по обыкновению, благословлял стоявший кругом народ, немцы, бывшие среди русских, не захотели, подобно русским, проделать перед патриархом ни поклонов, ни крестного знамения. Патриарх на это рас-

сердился и, узнав, что тут замешались немцы, сказал: «Нехорошо, что недостойные иностранцы таким случайным образом также получают благословение», и вот, чтобы впредь он мог узнавать и отличать их от русских, пришлось издать приказ ко всем иностранцам, чтобы немедленно же каждый из них снял русское платье и впредь встречался только в одежде своей собственной страны.

Некоторым из иностранцев было столь же трудно немедленно исполнить это приказание, как казалось опасным ослушаться его. Многие из них, не столько из-за недостатка материи и приклада, сколько из-за отсутствия портных не могли вскоре получить новые одежды, а между тем,

ввиду ежедневных своих выездов ко двору, не могли, без ущерба для себя, оставаться дома. Поэтому каждый из них взял, что у него ближе всего находилось под руками. Некоторые надели костюмы своих отцов, дедов и прадедов и одежды иных друзей своих, которые еще во времена тирана, при уводе старых лифляндцев в плен, попали в Москву и с тех пор лежали в сундуках. При их встречах кафтаны эти вызывали немало смеха не только ради столь древних и разнообразных покровов, но и потому, что одежды иному были слишком велики, другому слишком малы. Теперь, поэтому, все иностранцы, каких земель они ни будь люди, должны ходить всегда одетые в костюмы своих соб-

Старинные немецкие костюмы

ственных стран, чтобы была возможность отличить их от русских.

В Москве живет некий князь, по имени Никита Иванович Романов. После царя это знатнейший и богатейший человек, к тому же он близкий родственник царя. Это веселый господин и любитель немецкой музыки. Он не только любит очень иностранцев, особенно немцев, но и чувствует большую склонность к их костюмам. Поэтому он велел не разшить для них польское и немецкое платье, а иногда и сам, ради удовольствия, надевал его и в нем выезжал на охоту, несмотря на то, что патриарх возражал против подобного одевания. Боярин этот, впрочем, иногда и в религиозных вопросах, как кажется, сердил патриарха тем, что отвечал ему коротко, но упрямо. Впрочем, патриарх, в конце концов, все-таки хитростью выманил у него костюмы и добился отказа от них.

XXXVIII

(Книга III, глава 6)

О природе русских, их душевных качествах и нравах

Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам. И так нельзя сказать о них, как в старину говорилось о греках (правда, они хвастаются приходом к ним греков и заимствованиями у этих последних, но, на самом деле, они не имеют от них ни языка, ни искусства), а именно, что они одни — люди умные и с тонким понимани-

ем, а все остальные — негрыки — варвары. Русские вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не имеют никакой охоты заниматься ими. А ведь, между тем, сказано: «Доброе обучение искусствам смягчает нравы и не дает одичать». Поэтому они остаются невеждами и грубыми людьми.

Большинство русских дают грубые и невежественные отзывы о высоких, им неизвестных, натуральных науках и искусствах в тех случаях, когда они встречают иностранцев, имеющих подобные познания. Так, они, например, астрономию и астрологию считали за волшебную науку. Они полагают, что имеется что-то нечистое в знании и предсказании наперед солнечных и лунных затмений, равно как и действий светил. Поэтому, когда мы вернулись из Персии, и в Москве стало известно, что великий князь назначает и принимает меня в свои астрономы, то некоторые из них стали так говорить: «Вскоре вернется в Москву находившийся в составе голштинского посольства волшебник, умеющий по звездам предсказывать будущее». Вследствие этого люди уже почувствовали ко мне отвращение, и я, узнав о нем, между прочим, по этой причине и воздержался принять приглашение.

Впрочем, москвитам не столь интересно было, пожалуй, иметь меня в качестве астронома: скорее всего хотели они меня удержать в стране потому, что им стало известно о начерченных мною и нанесенных на карту реке Волге и персидских провинциях, через которые мы проехали.

Когда я позже, в 1643 г., моим

милостивейшим государем вновь был послан в Москву и, ради забавы, в темной комнате при помощи маленького отверстия в стене и вложенного туда шлифованного стекла стал изображать в живых цветах все находившееся на улицах против окна, а канцлер в это время зашел ко мне, то он перекрестился и сказал: «Тут, верно, волшебство» — тем более что ведь лошади и люди представлялись идущими вверх ногами.

Хотя они и любят и ценят врачей и их искусство, но, тем не менее, не желают допустить, чтобы применялись и обсуждались такие общеупотребительные в Германии и других местах средства для лучшего изучения врачевания, как анатомирование человеческих трупов и скелеты; ко всему этому русские относятся с величайшим отвращением.

Несколько лет тому назад опытный цирюльник, по имени Квирин, голландец, человек веселого нрава, находясь на службе у великого князя, имел скелет или остов человеческий, висевший у него в комнате, на стене, над столом. Однажды он, по своему обыкновению, сидел за столом и играл на лютне, а в это время стрельцы, которые (как тогда было принято) всегда сторожили на дворе немца, пошли по направлению звука и заглянули в дверь. Когда эти люди заметили кости на стене, они испугались — тем более что увидели, что скелет движется. Поэтому они ушли и заявили, что у немецкого цирюльника на стене висит мертвое тело, которое движется, когда цирюльник играет на лютне. Этот слух дошел до великого князя и патриарха, которые послали других людей с приказанием внимательно осмотреть

все, в особенности в то время, когда цирюльник играет на лютне. Эти люди не только подтвердили показание первых, но сказали еще, будто мертвец танцевал на стене под звуки лютни.

Русские этому очень удивились, стали совещаться и решили, что, наверное, цирюльник — волшебник, так что необходимо будет сжечь его вместе с останками его мертвеца. Когда Квирин узнал, что втайне состоялось такое опасное для него заключение, он послал знатного немецкого купца, пользовавшегося расположением вельмож, к князю Ивану Борисовичу Черкасскому, чтобы сообщить истину и не допустить такого жестокого поступка. Купец сказал боярину: «Из-за такого скелета никоим образом нельзя винить цирюльника в волшебстве. В Германии принято, чтобы у лучших врачей и цирюльников имелись подобные костяки; делается это, чтобы, в случае, если у какого-либо живого человека сломана нога или ранена какая-либо часть тела, легче узнать, как взяться за дело и лечить. Если же кости двигались, то это зависело не от игры на лютне, а от ветра, дувшего в открытое окно». После этого приговор был отменен. Однако Квирину пришлось уехать из страны, а скелет перетащили через Москву-реку и сожгли. Подобную же трагедию предполагали они потом сыграть с немецким живописцем Иоганном Детерсеном. Когда во время большого пожара, возникшего в Москве четыре года тому назад, стрельцы по указанному выше способу пришли тушить огонь и ломать соседние дома и при этом застали в доме живописца старый череп, то они хотели са-

мого живописца вместе с черепом бросить в огонь. Его бы и бросили таким образом, если бы некоторые из присутствовавших не заявили, что черепом он, по обычаю немецких живописцев, пользуется для срисовывания его.

Что касается ума, русские, правда, отличаются смышленостью и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетели и похвальной жизни, но чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим. Поэтому они, как говорит датский дворянин Иаков (так именуется себя в своем «*Nodaerogicon Ruthenicum*» посол короля Фридриха II датского), люди «хитрые, смышленные, упорные, необузданные, недружелюбные и извращенные — чтобы не сказать — бесстыдные, склонные ко всякому злу, ставящие силу на место права и отрешившиеся — верьте мне — от всяких добродетелей». Ведь это они сами доказали ему: они лукавы, упрямые, необузданны, недружелюбны, извращены, бесстыдны, склонны ко всему дурному, пользуются силою вместо права, распростились со всеми добродетелями и скусили голову всякому стыду.

Их смышленость и хитрость, наряду с другими поступками, особенно выделяются в куплях и продажах, так как они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближнего. А если кто их желает обмануть, то у такого человека должны быть хорошие мозги. Так как они избегают правды и любят прибегать ко лжи и к тому же крайне подозрительны, то они сами очень редко верят кому-либо; того, кто их сможет обмануть, они хвалят и счи-

тают мастером. Поэтому как-то несколько московских купцов упрасивали некоего голландца, обманувшего их в торговле на большую сумму денег, чтобы он вступил с ними в компанию и стал их товарищем по торговле. Так как он знал такие мастерские приемы обмана, то они полагали, что с этим человеком будут хорошо торговать. При этом странно, что хотя на обман они не смотрят как на дело совести, а лишь ценят его как умный и похвальный поступок, тем не менее многие из них полагают, что грех не отдать лишек человеку, который при платеже денег по ошибке уплатит слишком много. Они говорят, что в данном случае деньги даются по незнанию и против воли и что принятие их было бы кражею; [в случае же обмана] участник сделки платит по доброй воле и вполне сознательно. По их мнению, торговать нужно с умом и смыслом или же совершенно не касаться этого дела.

Чтобы проявить свое лукавство, обманы и надругательство по отношению к ближним, на которых они злы или которых ненавидят, они, между прочим, поступают таким образом: так как кража у них считается пороком серьезно караемым, то они стараются того или иного обвинить в ней. Они идут и занимают деньги у своих знакомых, оставляя взамен одежду, утварь или другие предметы. При этом они иногда тайно подкидывают что-либо в дом или суют в сапоги, в которых они обыкновенно носят свои письма, ножи, деньги и другие мелкие вещи, — а затем обвиняют и доносят, будто эти вещи тайно украдены. Как только вещи найдены и узнаны, обви-

няемый должен быть привлечен к ответственности. Так как, однако, подобные обманы и лживость сильно стали распространяться и стали всем известны, то великий князь в наше время, в 1634 г., в день Нового года, велел публично возвестить новый указ свой: «Чтобы никто, ни даже отец с сыном, не занимали денег, не давали друг другу залогов или вступали в иные обязательства без записей за собственными руками с обеих сторон; в противном случае все выступающие с требованиями признаются подозрительными и могут лишиться своих прав на требуемое». Имеются и лживые судьи, которые сами подстрекают своих близких к подобным злоупотреблениям, надеясь получить отсюда выгод. Ниже мы узнаем подробности об этом деле.

Вероломство и лживость у них столь велики, что опасность от этих свойств угрожает не только чужим людям и соседям, но и брату от брата или одному супругу от другого. Этому известны примеры.

Во времена великого князя Бориса Годунова (как рассказывал нам нарвский пастор господин Мартин Бэр, в то время живший в Москве) как-то случилось, что великий князь однажды, испытывая большие страдания от подагры, воскликнул: «Не найдется ли кто-нибудь, кто сумел бы его освободить от этой болезни? Пусть таковой скажется, и, не взирая на состояние и веру его, ему будут даны в награду за лечение большие милости и богатства».

Когда об этом узнала жена одного боярина, испытывавшая суровое обхождение со стороны своего мужа, она предположила, что пред-

ставляется удобный случай отомстить мужу. Поэтому она пошла и донесла о своем муже, будто ему известно хорошее средство для помощи великому князю, но он будто не желает сделать князю угодное. Боярина позвали к великому князю и спросили его. Когда он сказал, что совершенно несведущ в лечебной науке, его безжалостно высекли и удержали в заточении. Когда он сказал, что жена его устроила ему эту баню из мести и что он намерен ей это напомнить, то его еще сильнее избили и пригрозили даже смертной казнью; ему обещали немедленно же приступить к таковой, если он не спасет великого князя от болезни. Добрый боярин со страха не знал, что начать; тем не менее, он попросил отсрочки на 14 дней, чтобы собрать некоторые травы, при помощи которых он думал испробовать свое спасение. Он хотел хоть немного дней еще прожить, полагая, что тем временем случится что-либо новое. Когда ему дана была эта отсрочка, он послал в Серпухов, лежащий в 2 днях пути от Москвы на реке Оке, и велел привезти оттуда целую телегу смешанных всевозможных трав, растущих там в изобилии и весьма пышно. Из них он сделал великому князю ванну. К великому счастью боярина, у больного боль прошла, может быть — не столько от ванны, сколько сама по себе. После этого боярина еще сильнее высекли за то, что он, обладая таким искусством, все-таки отрицал его и не хотел помочь великому князю, но в то же время ему подарили новое платье и 200 рублей или 400 рейхсталеров и 18 крестьян в вечное и потомственное владение, со строгим предупреждением, чтобы он не

смел мстить жене. Говорят, после этого супруги жили мирно.

Раньше при подобных враждебных и злостных доносах, особенно в случаях, касавшихся оскорбления величества, обвиняемый, без допроса, улик и выслушания, подвергался наказанию, доводился до нищеты или казнился смертью. Страдали при этом не только низко поставленные, но и высокого звания персоны, как иностранные, так и туземные. Среди русских такие примеры бесчисленны.

При этом не щадились и послы иностранных государей. Подобного рода быстрый процесс совершен был с римским императорским послом, который был заточен и сослан в далекие края, а затем, из отчаяния и в надежде добиться лучшего обращения, принял русскую веру. Он в наше время находился в Москве. Нечто подобное случилось и с послом короля французского Шарлем Таллераном, принцем де-Шаль, который испытал тайный, по русскому обычаю, донос со стороны своего злого коллеги Якова Русселя.

Когда, однако, увидели, что многие не стыдились из одной ненависти и вражды, безо всякого основания доносить на других и клеветать, то решено было поступать более осторожно в подобных случаях и было указано, что отныне в уголовных делах жалобщик и доносчик сам также должен идти на пытку и подтвердить свою жалобу вынесенною мукою. Если пытаемый остается при своем первом показании и доносе, то очередь [пытки] за обвиняемым, а иногда, когда дело очень ясное, наказание назначается без дальнейшего процесса. Так, например, в наши дни на конюха показала его злая жена,

будто он собирался великокняжеских лошадей, а если будет возможность, и самого великого князя, отравить ядом. Жену пытали по поводу этого доноса, но так как она выдержала пытку, не изменив своего показания, то муж был признан виновным и сослан бедствовать в Сибирь. Жена же осталась в Москве и получала на свое содержание половину ежегодного жалованья, полагавшегося ее мужу.

Так как русские применяют свою хитрость и вероломство во многих случаях и сами друг другу не держат веры, то понятно, как они относятся к иностранцам и как трудно на них полагаться. Если они предлагают дружбу, то делают это не из любви к добродетели (которую они не почитают, хотя философ и говорит, что она должна быть нашей путеводною звездою и целью), но ради выгоды и пользы. Поэтому именно о них и можно сказать:

Vulgus amicitiam utilitate probat.

Там только чернь с тобой дружна,

Где выгод ждет себе она.

Все они, в особенности же те, кто счастьем и богатством, должностями или почестями возвышаются над положением простонародья, очень высокомерны и горды, чего они, по отношению к чужим, не скрывают, но открыто показывают своим выражением лица, своими словами и поступками. Подобно тому, как они не придают никакого значения иностранцу сравнительно с людьми собственной своей страны, так же точно полагают они, что ни один государь в мире не может равняться с их главою своим богатством, властью, величием, знатностью и

достоинствами. Они и не принимают никакого письма на имя его царского величества, в котором какая-либо мелочь в титуле опущена или неизвестна для них.

Было смешно, как год тому назад два русские посла в Голштинии, посланные к тамошнему правительству, не захотели принять его светлости письмо на имя его царского величества, так как там применено было надписание («дяде и свойственнику»), согласно с обыкновением подобного же обращения к прежним великим князьям; пришлось поэтому удалить эти слова. Они говорили: за это им придется отвечать жизнью; по их мнению, его царское величество слишком высок, чтобы иностранный государь мог называть его свойственником. Тщетно им сообщали и доказывали про герцога Магнуса голштинского, господина двоюродного брата моего милостивейшего государя, дружбу с предками нынешнего царя и на иное, в оправдание того, что слова эти помещены правильно. Все это почти походило на мнение персов об Али, их великом святом и патроне, про которого говорят, что он «хотя и не Бог, но в очень близком родстве с Богом».

Они грубо честолюбивы и готовы заявлять об этом, если их почитают или с ними обращаются не по их воле.

Приставы, которых его царское величество посылает, как служителей своих, для приема иностранных послов, не стыдятся открыто требовать, чтобы послы снимали шляпы раньше русских и раньше их сходили с лошадей. Насильно протискаиваются они вперед, чтобы ехать и идти выше послов, и совер-

шают еще много иных грубых нарушений вежливости. Они полагают, что нанесли бы большой ущерб своему государю и всей нации, если бы они по отношению к иностранным гостям и послам великих государей (а эти послы, по словам Фредерика Деерзелера в его соч. «Legatus», «являются изображением государей и должны считаться достойными чести государей») вели себя с приятною вежливостью и почтительностью.

Даже знатнейшие из русских в письмах своих к иностранцам пользуются довольно жесткими и неуважительными словами, но зато допускают, чтобы мы отвечали тем же и писали им в том же роде. Мы, тем не менее, видели некоторых из них, хотя и немногих, которые обращались с нами очень вежливо и доброжелательно. Говорят, что раньше они были еще невежливее, но несколько исправились вследствие общения и сношений с иностранцами. Вышеназванный Никита [Романов], пожалуй, по уму, честности и обходительности превосходит их всех и является самым полезным [деятелем] и краскою всех русских, что вскоре станет более ясным из нижеследующих рассказов.

Из высокомерия они и сами между собою не уступают друг другу, стремятся к высшему месту и часто из-за этого вступают в сильные ссоры. Нечто подобное случилось однажды в Нижнем Новгороде в нашем присутствии. 14 июля гофмейстер государственного канцлера из Москвы, человек знатный, явился сюда, чтобы посмотреть вновь построенный корабль и приветствовать послов. Когда он приглашен был к столу

вместе с приставом, то между ними начался рьяный спор о значении: «бл..ин с.., с..ин с.., .б т... м...рь» и другие гнусные слова были лучшими титулами, которыми они неистово приветствовали друг друга. Гофмейстер говорил: «Он — сын боярский, а тот из простого звания и поэтому ему надлежит сидеть выше». Пристав же говорил: «Он — великокняжеский слуга и потому, ради государя своего, должен по праву занимать высшее место». Нам это надоело и мы совестились даже слушать подобную брань и ругань, длившиеся почти полчаса, но они, не стесняясь, продолжали, пока послы не вмешались и сказали: «Думалось, что они, как друзья, принесут нам дружбу, а не хлопоты и не будут бесчестить друг друга в нашем присутствии». Они попросили их быть дружелюбнее и веселее, чтобы присутствие их стало тем более приятным для нас. После этого они успокоились и, хорошо напившись, стали даже весьма дружелюбны друг с другом.

Они вообще весьма бранчивый народ и наускаивают друг на друга с неистовыми и суровыми словами, точно псы. На улицах постоянно приходится видеть подобного рода ссоры и бабы передраги, причем они ведутся так рьяно, что с непривычки думаешь, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы. Однако до побоев дело доходит весьма редко, а если уже дело зашло так далеко, то они дерутся кулачным боем и изо всех сил бьют друг друга в бока и в срамные части. Еще никто ни разу не видал, чтобы русские вызывали друг друга на обмен сабельными ударами или пулями, как это обыкновенно делается в Германии и в других мес-

тах. Зато известны случаи, что знатные вельможи и даже князья храбро били друг друга кнутами, сидя верхом на конях. Об этом мы имеем достоверные сведения, да и сами видели двух детей боярских, [так стегавших друг друга] при въезде турецкого посла.

При вспышках гнева и при ругани они не пользуются слишком, к сожалению, у нас распространенными проклятиями и пожеланиями с именованием священных предметов, посылкою к черту, руганием «негодяем» и т. п. Вместо этого у них употребительны многие постыдные, гнусные слова и насмешки, которые я — если бы того не требовало историческое повествование — никогда не сообщил бы целомудренным ушам. У них нет ничего более обычного на языке: как «бл...н с.., с...н с.., собака, .б т... м.ть, .б..а м.ть», причем прибавляется «в могилу, in os ipsius, in oculos» и еще иные тому подобные гнусные речи. Говорят их не только взрослые и старые, но и малые дети, еще не умеющие назвать ни Бога, ни отца, ни мать, уже имеют на устах это: «.б. т... м.ть» и говорят это родителям дети, а дети родителям. В последнее время эти порочные и гнусные проклятия и брань были сурово и строго воспрещены публично оповещенным указом, даже под угрозой кнута; назначенные тайно лица должны были по временам на переулках и рынках мешаться в толпу народа, а отряженные им на помощь стрельцы и палачи должны были хватать ругателей и на месте же, для публичного позорища, наказывать их.

Однако это давно привычная и слишком глубоко укоренившаяся ругань требовала тут и там больше над-

зора, чем можно было иметь и доставляла наблюдателям, судьям и палачам столько невыносимой работы, то им надоело как следить за тем, чего они сами не могли исполнить, так и наказывать преступников.

Чтобы, однако, брань, ругань и бесчестье не могли совершаться, без различия, по отношению к незнатным и знатым людям, начальство распорядилось так, чтобы тот, кто ударил или иначе обесчестит знатного человека или жену его или великокняжеского слугу — русские ли они или иностранцы, обязан заплатить крупный денежный штраф, о котором говорится: «Заплатить бесчестье». Сумма подобного штрафа исчисляется, смотря по качеству, достоинству или званию чьему-либо и называется «окладом». Сообразно особому цензу каждому назначен свой оклад. Например, боярину, смотря по его происхождению и важности положения его, платится, одному, пожалуй, 2000, другому — 1600, третьему — 1000 талеров и менее. Царскому слуге платится, смотря по его годовому жалованью. Например, так как врачу платят 600 талеров (не считая ежедневно уплачиваемого ему добавочного вознаграждения), то столько же должен ругатель, по приговору судьи, заплатить обруганному. Если бесчестили не только мужа, но и жену и детей, то жене за бесчестье надо платить вдвое, каждой дочери — 1800, а каждому сыну — 600 талеров. Так как, далее, ругатели — что с легкомысленными людьми в гневе не редко бывает, — бранят иногда и родителей, и дедов, и бабок чьих-либо, то им приходится платить точно так же и за бесчестье этих последних, не смотря на то, что их уже, может быть,

давно нет в живых. Если у преступника нет возможности деньгами или имуществом или всем, что у него есть, заплатить за бесчестье, то он выдается сам головою на дом оскорбленному, и тот может поступить с ним, как ему будет угодно. В таких случаях часто преступника превращают в крепостного или же велят его публично бить кнутом.

Этот способ обращения с ругателями и бесчестящими людьми предоставляется как немцам и другим иностранцам, так и русским; он, однако, очень распространен среди русских и реже встречается среди иностранцев. Мне известны только два случая среди последних. Во времена великого князя Михаила Феодоровича старый англичанин Джон Барнеслей должен был заплатить за бесчестье д-ру Дею, также англичанину. Через некоторое время полковник Боккегоффен младший потребовал платы за бесчестье от француза капитана де-ла-Кост. Так как, однако, сам полковник Боккегоффен был присужден к тому же штрафу за обруганного им француза Антона де-Грэна (перекрестившегося впоследствии, как о том будет ниже рассказано), а де-Грэн был в приятельских отношениях с капитаном, то посредничеством удалось покончить этот спор, один штраф отменялся другим, и дело закончилось примирением.

Искать у русских большой вежливости и добрых нравов нечего: и та и другие не очень-то заметны. Они не стесняются во всеуслышание и так, чтобы было заметно всем, проявлять действие пища после еды и кверху и книзу. Так как они едят много чеснока и луку, то непривычному

довольно трудно приходится в их присутствии. Они потягивались и рыгали — может быть, против воли этих добрых людей — и на предшествовавших тайных аудиенциях с нами.

Так как они несведущи в хвальных науках, не очень интересуются достопамятными событиями и историею отцов и дедов своих и вовсе не стремятся к знакомству с качествами чужих наций, то в сходбищах их ни о чем подобном и не приходится слышать. Не говорю я при этом, однако, о пиршествах у знатнейших бояр. Большею частью их разговоры направлены в ту сторону, куда устремляют их природа и низменный образ жизни: говорят они о разврате, о гнусных пороках, о неприлич-

ностях и безнравственных поступках, частью ими самими, частью другими совершенных. Они рассказывают разные постыдные басни, и кто при этом в состоянии отмотить самые грубые похабности и неприличности, притом с самой легкомысленною мимикою, тот считается лучшим и приятнейшим собеседником. То же направление имеют и их танцы, часто сопровождаемые неприличными телодвижениями. Говорят, что иногда бродячие комедианты, танцуя, открывают зад, а может быть, еще что-либо; подобного рода бесстыдными танцами между прочим, в свое время увеселяли датского посла Иакова. Он рассказывает в своем «Hodaerogicon», что при этом русские женщины через окна комнат

Увеселения русского народа

представляли ему странные положения и виды.

Они так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомиею; при этом употребляют не только *pueros muliebria pati assuetor* (как говорит Курций), но и мужчин, и лошадей. Это обстоятельство доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно. Подобные гнусные вещи распеваются кабацкими музыкантами на открытых улицах или же показываются молодежи и детям в кукольных театрах за деньги. Их плясуны — вожаки медведей имеют при себе и таких комедиантов, которые, между прочим, при помощи кукол, устраивают представление (у голландцев оно называется *Kiucht*). Эти комедианты завязывают себе вокруг тела одеяло и расправляют его вверх вокруг себя, изображая таким образом переносный театр, с которым они могут бегать по улицам и на котором в то же время могут происходить кукольные игры.

«Они сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение», — говорит многократно уже называвшийся нами датский дворянин Иаков. Мы сами несколько раз видели в Москве, как мужчины и женщины выходили прохладиться из простых бань, и голые, как их Бог создал, подходили к нам и обращались к нашей молодежи на ломаном немецком языке с безнравственными речами. К подобной распутной наглости побуждает их сильно и праздность; ежедневно многие сотни их можно видеть стоящими празднично или гуляющими на рынке

или в Кремле. Ведь и пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире. «Брюхо, налитое вином, быстро устремляется на вожделевание», — сказал Иероним. Напившись вина паче меры, они, как необузданные животные, устремляются туда, куда их увлекает распутная страсть. Я припоминаю по этому поводу, что рассказывал мне великокняжеский переводчик в Великом Новгороде: «Ежегодно в Новгороде устраивается паломничество. В это время кабацкий, основываясь на полученном им за деньги разрешении митрополита, устраивает перед кабаком несколько палаток, к которым немедленно же, с самого рассвета, собираются чужие паломники и паломницы, а также и местные жители, чтобы до богослужения перехватить несколько чарок водки. Многие из них остаются и в течение всего дня и топят в вине свое паломническое благочестивое настроение. В один из подобных дней случилось, что пьяная женщина вышла из кабака, упала на улицу и заснула. Другой пьяный русский, проходя мимо и увидя женщину, которая лежала оголенная, распалился распутною страстью и прилег к ней, не глядя на то, что это было среди бела дня и на людной улице. Он и остался лежать с нею и тут же заснул. Много молодежи собралось в кружок у этой пары животных и долгое время смеялись и забавлялись по поводу их, пока не подошел старик, накинущий на них кафтан и прикрывший этим их срам».

Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и

женщин, молодых и старых, что, если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того все это обыденно. Если какой-либо возчик встречает подобных пьяных свиней, ему лично известных, то он их кидает в свою повозку и везет домой, где получает плату за проезд. Никто из них никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было; пьют при этом чаще всего водку. Поэтому и при приходе в гости и при свиданиях первым знаком почета, который кому-либо оказывается, является то, что ему подносят одну или несколько «чарок вина», т. е. водки; при этом простой народ, рабы и крестьяне до того твердо соблюдают обычай, что если такой человек получит из рук знатного чарку и в третий, в четвертый раз и еще чаще, он продолжает выпивать их в твердой уверенности, что он не смеет отказаться, — пока не упадет на землю и — в иных случаях — не испустит душу вместе с выпивкою; подобного рода случаи встречались и в наше время, так как наши люди очень уже щедры были с русскими и их усиленно потчевали. Не только простонародье, говорю я, но и знатные вельможи, даже царские великие послы, которые должны бы были соблюдать высокую честь своего государя в чужих странах, не знают меры, когда перед ними ставятся крепкие напитки; напротив, если напиток хоть сколько-нибудь им нравится, они льют его в себя как воду до тех пор, пока не начнут вести себя подобно лишенным разума и пока их не поднимешь порою уже мертвыми. Подобного рода случай

произошел в 1608 г. с великим послом, который отправлен был к его величеству королю шведскому Карлу IX. Он так напился самой крепкой водки — несмотря на то, что его предупредили о ее огненной силе, — что в тот день, когда его нужно было вести к аудиенции, оказался мертвым в постели.

В наше время повсеместно находились открытые кабаки и шинки, в которые каждый, кто бы ни захотел, мог зайти и пить за свои деньги. Тогда простонародье несло в кабаки все, что у него было, и сидело в них до тех пор, пока, после опорожнения кошелька, и одежда и даже сорочки снимались и отдавались хозяину; после этого голые, в чем мать родила, отправлялись домой. Когда я в 1643 г. в Новгороде остановился в любекском дворе, недалеко от кабака, я видел, как подобная спившаяся и голая братия выходила из кабака: иные без шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних сорочках. Между прочим вышел из кабака и мужчина, который раньше пропил кафтан и выходил в сорочке; когда ему повстречался приятель, направлявшийся в тот же кабак, он опять вернулся обратно. Через несколько часов он вышел без сорочки, с одной лишь парой подштанников на теле. Я велел ему крикнуть: «Куда же делась его сорочка? Кто его так обобрал?», на это он, с обычным их: «б т... м.ть», отвечал: «Это сделал кабатчик; ну, а где остались кафтан и сорочка, туда пусть идут и штаны». При этих словах он вернулся в кабак, вышел потом оттуда совершенно голый, взял горсть собачьей ромашки, росшей рядом с кабаком, и, держа ее перед срамными частями, весело и с

песнями направился домой. Правда, в последнее время такие протонародные кабаки, принадлежавшие частью царю, частью боярам, упразднены, потому что они отвлекали людей от работы и давали только возможность пропивать заработанные деньги; теперь никто уже не может получить за 2 или 3 копейки, шиллинга или гроша — водки. Вместо этого его царское величество велел устроить в каждом городе лишь один кружечный двор или дом, откуда вино выдается только кружками или целыми кувшинами для заведывания дворами поставлены лица, принесшие особую присягу и ежегодно доставляющие невероятную сумму денег в казну его царского величества. Ежедневного пьянства, однако, эта

мера почти не прекратила, так как несколько соседей складываются, посылают за кувшином или более и расходятся не раньше, как выпьют все до дна; при этом часто они падают один рядом с другим. Некоторые также закупают в больших количествах, а от себя тайно продают в чарках. Поэтому, правда, уже не видно такого количества голых, но бродят и валяются немногим меньше пьяных.

Женщины не считают для себя стыдом напиваться и падать рядом с мужчинами. В Нарве я из моего места остановки у Нигоффского дома видел много забавного в этом отношении. Несколько русских женщин как-то пришли на пиршество к своим мужьям, присели вместе с ними и

Попойка

здорово вместе выпивали. Когда, достаточно напившись, мужчины захотели идти домой, женщины воспротивились этому, и хотя им и были за это даны пощечины, все-таки не удалось их побудить встать. Когда теперь, наконец, мужчины упали на землю и заснули, то женщины сели верхом на мужчин и до тех пор угощали друг друга водкою, пока и сами не напились мертвецки.

Наш хозяин в Нарве Иаков фон Кёллен рассказывал: «Подобная же комедия разыгралась на его свадьбе: пьяные мужчины сначала отколотили своих жен безо всякой причины, но потом перепились вместе с ними. Наконец, женщины, сидя на своих заснувших мужьях, так долго еще угощались одна перед другою, что, в конце концов, свалились рядом с мужчинами и вместе заснули». Какая опасность и какое крушение при подобных обстоятельствах жизни претерпеваются честью и целомудрием, легко себе представить.

Я сказал, что духовные лица не стремятся к тому, чтобы быть свободными от этого порока. Так же легко встретить пьяного попа и монаха, как и пьяного мужика. Хотя ни в одном монастыре не пьют ни вина, ни водки, ни меда, ни крепкого пива, а пьют лишь квас, т. е. слабое пиво, или кофент, тем не менее монахи, выходя из монастырей и находясь в гостях у добрых друзей, считают себя в праве не только не отказываться от хорошей выпивки, но даже и сами требуют таковой и жадно пьют, наслаждаясь этим до того, что их только по одежде можно отличить от пьяниц мирян.

Когда мы, в составе второго посольства, проезжали через Великий

Новгород, я однажды видел, как священник в одном кафтане или нижнем платье (верхнее, вероятно, им было заложено в кабаке) шатался по улицам. Когда он подошел к моему помещению, он, по русскому обычаю, думал благословить стрельцов, стоявших на страже. Когда он протянул руку и захотел несколько наклониться, голова его отяжелела и он упал в грязь. Так как стрельцы опять подняли его, то он их все-таки благословил выпачканными в грязи пальцами. Подобные зрелища можно наблюдать ежедневно, и поэтому никто из русских им не удивляется.

Они также являются большими любителями табаку и некоторое время тому назад всякий носил его при себе: бедный простолюдин столь же охотно отдавал свою копейку за табак, как и за хлеб. Когда, однако, увидели, что отсюда для людей не только не получалось никакой пользы, но, напротив, проистекал вред (на употребление табаку не только у простонародья, но и у слуг и рабов уходило много времени, нужного для работы; к тому же, при невнимательном отношении к огню и искрам, многие дома сгорали, а при богослужении в церквях перед иконами, которые должно было чтить лишь ладаном и благовонными веществами, поднимался дурной запах), то, по предложению патриарха, великий князь в 1634 г., наряду с частными корчмами для продажи водки и пива, совершенно запретил и торговлю табаком и употребление его. Преступники наказываются весьма сильно, а именно — расщеплением носа [вырыванием ноздрей] и кнутом. Следы подобного рода наказания мы видели и на мужчинах и на

женщинах. Подробнее об этом будет сказано при упоминании о русском правосудии.

Подобно тому, как русские по природе жестокосерды и как бы рождены для рабства, их и приходится держать постоянно под жестоким и суровым ярмом и принуждением и постоянно понуждать к работе, прибегая к побоям и бичам. Никакого недовольства они при этом не выказывают, так как положение их требует подобного с ними обхождения и они к нему привыкли. Молодые люди и подростки иными днями сходятся, принимаются друг за друга и упражняются в битье, чтобы превратить его в привычку, являющуюся второй натурой, и потом легче переносить побои.

Рабами и крепостными являются все они. Обычай и нрав их таков, что перед иным человеком они унижаются, проявляют свою рабскую душу, земно кланяются знатным людям, низко нагибая голову — вплоть до самой земли и бросаясь даже к ногам их; в обычае их также благодарить за побои и наказание. Подобно тому, как все подданные высокого и низкого звания называются и должны считаться царскими «холопами», то есть рабами и крепостными, также точно и у вельмож и знатных людей имеются свои рабы и крепостные работники и крестьяне. Князья и вельможи обязаны проявлять свое рабство и ничтожество перед царем еще и в том, что они в письмах и челобитных должны подписываться уменьшительным именем, то есть, например, писать «Ивашка», а не Иван, или «Петрушка, твой холоп». Когда и великий князь к кому-либо обращается, он

пользуется такими уменьшительными именами. Впрочем, и за преступления вельможам назначаются столь варварские наказания, что по ним можно судить о их рабстве. Поэтому русские и говорят: «Все, что у нас есть, принадлежит Богу и великому князю».

Иностранцы, находящиеся на службе у великого князя, должны унижаться таким же образом и ожидать всех сопряженных с этим неприятностей и неприятностей. Хотя царь и относится весьма милостиво к наиболее видным из них, однако совершить проступок и впасть в немилость весьма легко.

Раньше было весьма опасно быть великокняжеским лейб-медиком, так как в случае, когда данное лекарство не производило желательного действия или когда пациент помирал во время лечения, врачи подвергались сильнейшей немилости, и с ними обходились как с рабами. Известна история о великом князе Борисе Годунове и его врачах. Когда в 1602 г. герцог Иоанн, брат Христиана IV, короля датского, приехал для жеманитьбы на дочери великого князя и внезапно заболел, великий князь с жестокими угрозами потребовал, чтобы врачи показали лучшее свое искусство на герцоге и не дали ему помереть. Когда, однако, никакое лекарство не могло помочь и герцог умер, врачам пришлось прятаться и не показываться в течение долгого времени.

При великом князе, между прочим, находился немец из верхней Германии, которого он сам сделал доктором. Когда этот последний однажды просил его о позволении направиться в германский университет

для получения там степени доктора, великий князь спросил его: «Что это за вещь — получение докторской степени, и как это происходит?» Ему сказали, что нужно сдавать экзамен в искусстве врачевания и что лицо, удачно выдержавшее это испытание, получает степень доктора и свидетельство от медицинского факультета за подписью и с печатью. На это великий князь возразил: «Ты можешь обойтись без этой поездки и расходов? Я узнал твое искусство (действительно, незадолго перед тем этот врач облегчил ему подагрические боли) — и сам сделаю тебя доктором, а свидетельство я тебе дам такое большое, какого ты за границею не получишь!» Так и было сделано. Этого московского доктора великий князь затем снова велел призвать к себе, когда у него вновь сделались подагрические боли. Доктор подумал, что ему грозит смерть, и явился в старом, изрезанном платье, со всклокоченными волосами, в беспорядке свисавшими вокруг головы и на лицо. На четвереньках вполз он в дверь, говоря: он не достоин более жить, или, того менее, созерцать ясные очи его царского величества, так как находится в немилости. Тут боярин, стоявший рядом, ногою ударил его так, что оконечность сапога ранила ему голову, и назвал его «собакою», надеясь этим угодить великому князю. Однако доктор, заметив милостивое выражение лица царя, воспользовался этим поношением и жалким голосом продолжал жаловаться: «О великий царь, я твой, а не иного кого раб, я сильно погрешил перед тобою и заслужил смерть. Я был бы счастлив умереть от твоих рук. Но я обижен тем, что этот холоп твой так поно-

сит меня; да ведь и знаю я, что вовсе не такова твоя воля, чтобы кто-либо так надругался надо мною, твоим слугою». Эта смиренная речь сменила гнев великого князя на милость, врач получил 500 рублей в подарок, освободились от немилости и другие врачи, боярина же подвергли телесному наказанию.

Что касается рабов и слуг вельмож и иных господ, то их бесчисленное количество; у иного в имение или на дворе их имеется более 50 и даже 100. Находящихся в Москве, большею частью, не кормят во дворах, но дают им на руки харчевые деньги, правда, столь незначительные, что на них трудно поддержать жизнь; поэтому-то в Москве так много воров и убийц. В наше время не проходило почти ни одной ночи, чтобы не было где-либо кражи со взломом. При этом часто хозяина загораживают какими-нибудь вещами в комнате, и ему приходится оставаться спокойным зрителем, если он недостаточно силен, чтобы справиться с ворами, не желает подвергать опасности жизнь и видеть свой дом зажженным над собственной головою. Поэтому-то на дворах знатных людей нанимают особых стражников, которые ежечасно должны подавать о себе знать, ударяя палками в подвешенную доску, вроде как в барабан, и отбивая часы. Так как, однако, часто случалось, что подобные стражники сторожили не столько для господ, сколько для воров, устраивали для этих последних безопасный путь, помогали воровать и убегали, то теперь не нанимают никого ни в стражники, ни в прислуги (ведь, помимо рабов, имеются еще наемные слуги), без представления изве-

стных и достаточных местных обывателей поручителями. Подобного рода многократно упомянутые рабы в особенности в Москве сильно нарушают безопасность на улицах, и без хорошего ружья и спутников нельзя избежать нападений. Так случилось и с нами. Когда некоторые из нас во время пира пробыли у доброго приятеля до поздней ночи, а один из них на обратном пути пошел далеко вперед, он подвергся нападению двух русских уличных грабителей. Криком указал он на свою опасность; когда мы поспешили на помощь, один из воров спрятался, а другой был так избит, что еле утащился с места.

Когда в другой раз наши послы были с людьми своими в гостях у знатного лица, а наш повар остался позади нас и был сопровождаем домой поваром хозяина, то его застрелили на обратном пути. Вскоре после этого грабители убили гофмейстера, служившего у Аренда Спирина, шведского посла; и этот убитый [перед смертью] собирался вернуться ночью домой от доброго приятеля. Его колет, еще обрызганный кровью, через 8 дней после этого был пущен в продажу.

То же произошло и с нашим поручиком Иоганном Китом. Когда мы вернулись из Персии, он побывал со мною на немецкой свадьбе и, незадолго до меня, один хотел идти домой, но был так избит русскими грабителями, что, пролежав день и ночь без сознания и чувств, испустил дух свой.

Другие примеры, случающиеся среди самих русских, бесчисленны. Не проходит ночи, чтобы наутро не находили на улицах разных лиц убитыми. Подобных убийств было много

во время их великого поста, но более всего в масленицу, в течение 8 дней до начала поста, так как в то время они ежедневно напиваются. В наше время 11 декабря можно было насчитать 15 убитых перед земским двором: сюда приволакиваются по утрам убитые, и те, кто ночью неожиданно не находят родных своих дома, идут сюда разыскивать их. Тех, кого не узнали и не увезли [домой], без церемоний погребают. Рабы и грабители эти не побоялись даже среди бела дня напасть на лейб-медика его царского величества господина Гарtmана Грамана. Несколько человек из них повалили его на землю и хотели отрезать тот палец, на котором у него был перстень: это и было бы сделано, если бы добрый приятель доктора, некий князь, у ворот которого это происходило, не выслал своих слуг, чтобы вырвать его из рук грабителей. Ночью горожане при подобных опасностях бывали очень немилосердны: например, слыша, как кто-либо страдает у окон их от рук разбойников и убийц, они не только не приходили на помощь, но даже не выглядывали из окон. Теперь, как я слышал, введен лучший порядок, а именно: на всех перекрестках ночью стоит сильная стража из стрельцов или солдат; при этом воспрещено, чтобы кто-либо без фонаря или иного огня появлялся на улицах, будь то пеший, конный или на подводе; кроме того, тут же допрашивают его о причинах выхода на улицу. Тех, кого застали без огня, задерживают и доставляют в стрелецкий приказ, где на другой день их допрашивают и, смотря по выяснившимся обстоятельствам, или отпускают на волю, или отправляют на пытку.

В августе месяце, когда убирают сено, из-за этих рабов крайне опасны дороги по сю сторону Москвы миль на 20; здесь у бояр имеются их сенокосы, и они сюда высылают эту свою дворню для работы. В этом месте имеется гора, откуда они могут издали видеть путешественников; тут многие ими были ограблены и даже убиты и зарыты в песок. Хотя и приносились жалобы на этих людей, но господа их, едва доставляющие им, чем покрыть тело, смотрели на эти дела сквозь пальцы.

В тех случаях, когда подобных господ рабы и крепостные слуги, вследствие смерти или милосердия своих господ, получают свободу, они вскоре опять продают себя вновь. Так как у них нет больше ничего, чем бы они могли поддерживать свою жизнь, они и не ценят свободы, да и не умеют ею пользоваться. Натура их такова, как умный Аристотель говорит о варварах, а именно, что «они не могут и не должны жить в лучших условиях, как в рабстве». К ним подходит и то, что сказано писателем о малоазиатском народе, называемом ионянами и ведущем происхождение от греков, а именно, что они «плохи на свободе, хороши в рабстве».

Господин имеет полное право продавать или дарить своих рабов другому. Но в отношении отцов и детей к рабству замечается следующее положение. Ни один отец не имеет права продать своего сына. Никто, впрочем, этого и не делает, и даже неохотно отдают сына в услужение к какому-либо частному человеку, хотя бы и в том случае, когда отец и сын вместе голодают дома; делается это и из великодушия и потому, что подобную сделку считают

позорною. Когда, однако, кто-либо впадет в долги и не в состоянии платить их, то он в праве отдать детей в залог или же отдать их в услужение заимодавцу, для уплаты долга, на известное число лет: сына за 10 рейхсталеров, а дочь за 8 рейхсталеров в год, до тех пор, пока они не отслужат долга; по покрытии долга, заимодавец должен их вновь отпустить на волю. Если сын или дочь не согласны поступить так, и отца призывают в суд, а он окажется несостоятельным должником, то, по русскому праву, дети должны заплатить долги родителей. В этом случае детям предоставляется подать на себя кабалу или запись об обязательстве быть крепостными и служить заимодавцу отца.

Вследствие рабства и грубой суровой жизни русские тем более охотно идут на войну и действуют в ней. Иногда — если до того доведется — они являются храбрыми и смелыми солдатами.

Древние римляне не хотели допустить, чтобы в их войнах принимали участие крепостные рабы или неизвестного происхождения и образа жизни праздношатающиеся люди — еще в силу законов Грациана-Валентин[иан]а и Феодосия. Это объясняется тем, что в то время лица, поступавшие солдатами, преследовали иную цель (а именно — доблесть и мирское благополучие), чем большинство в настоящее время (а именно — грабеж, захват добычи и обогащение).

В наши дни обыкновенно говорят, как сказано у Вергилия: «*Dolus an virtus quis in hoste requirat?*» К тому же, при таких условиях, можно выбирать и разбирать, по обычаю римлян, среди тех, кто желает записать-

ся в солдаты. Русские рабы стойко выдерживают у своих господ и начальников войска, и если у них оказываются хорошие испытанные иностранцы-полковники и вожди (в чем у этих людей недостаток), то они доказывают большое мужество и смелость, но пригодны они гораздо более в крепостях, чем в поле, как об этом уже приведен пример [поведения] двух русских при сдаче крепости Нотебург. Подобный вывод мог быть сделан и в войне, которую они в 1572 г. вели против поляков, когда в доме Сукколь, который поляки сильно теснили огнем, они не переставали спереди отбивать неприятеля, хотя сзади платье уже начинало гореть у них на теле. Об этом можно прочесть в «Лифляндской хронике» Геннинга на 70 листе. В том же месте [этот автор] упоминает об сдаче и завоевании аббатства Падис в Лифляндии, где русские, при осаде крепости, из-за голода, оказались столь истощенными, что не могли даже выйти навстречу шведам к воротам. И писатель наш с изумлением прибавляет: «Вот уж именно, на мой взгляд, крепостные бойцы, которые умеют быть отважными ради господ своих!»

Но, в открытых боях и при осаде городов и крепостей, русские, хотя и делают, что от них требуется, но не так успешно: обыкновенно они терпели неудачи в столкновениях с поляками, литовцами и шведами и иногда оказывались скорее готовыми к бегству, чем к преследованию врага. То обстоятельство, что они заняли в минувшем году город Смоленск с войском, простиравшимся более чем за 200000 человек, столь же мало может быть засчитано им к высокой

храбрости, как в 1632 г. их, с большими потерями и позором, совершенное отступление может быть сочтено за признак отсутствия у них доблести. Ведь оба раза, как кажется, случились обстоятельства подозрительного свойства. В первый раз дело было в генерале Шеине, а в настоящее время были какие-то другие, раньше не известные, чуждые причины.

Правда, русские, в особенности из простолюдины, в рабстве своем и под тяжким ярмом, из любви к властителю своему, могут многое перенести и перестрадать, но если при этом мера оказывается превзойденною, то и про них можно сказать: «*patientia saepe laesa fit tandem furor*» (когда часто испытывают терпение, то, в конце концов, получается бешенство). В таких случаях дело кончается опасным мятежом, причем опасность обращается не столько против главы государства, сколько против низших властей, особенно если жители испытывают сильные притеснения со стороны своих сограждан и не находят у властей защиты. Если они раз уже возмущены, то их нелегко успокоить: не обращая внимания ни на какие опасности, отсюда проистекающие, они обращаются к разным насилиям и буйствуют, как лишившиеся ума.

Великий князь Михаил Феодорович прекрасно знал это обстоятельство. Поэтому, когда вернувшиеся в жалком состоянии из-под Смоленска солдаты стали сильно жаловаться на измену генерала Шеина, из-за которой и более высокое лицо не без причины подверглось подозрению, а [при дворе] на первых порах еще медлили с суровыми мерами против об-

виненного, и, таким образом, грозило вспыхнуть всеобщее восстание, то приказано было обезглавливанием Шеина дать народу удовлетворение. Чтобы, однако, Шеин тем охотнее, без вреда для других, решился на это, применили к нему следующую хитрость: его убедили в том, будто выведут его только для видимости, но казнить не будут: «Лишь бы видел народ желание великого князя, а как только Шеин ляжет, сейчас же явится ходатайство за него, а затем помилование, и простонародье будет удовлетворено». Когда теперь Шеин, утешенный и полный надежды, которую еще более усиливало доверие, по некоторым причинам питавшееся им к патриарху, — выступил вперед и лег ничком на землю, палачу был дан знак поскорее рубить: тот так и сделал, несколькими ударами срубив голову.

После этого, еще в тот же день, сын Шеина, также бывший под Смоленском, по требованию народа, был, по их обычаю, кнутом засечен до смерти. Остальные друзья его немедленно же были сосланы в Сибирь; этим народ был удовлетворен, и мятеж прекратился. Произошло это событие в июне 1633 г. Означенную войну Пясецкий в своей «*Chronica metropolitani in Eурога*» описал, однако, не вполне подробно; о ней можно найти у него в рассказе о событиях 1633 и 1634 гг.

Относительно того, как нрав русских сначала оказывается очень терпеливым, а потом ожесточается и переходит к мятежу, мы ниже, при описании их полицейского устройства, поясним примером двух страшных мятежей и бунтов, бывших в России немного лет тому назад.

XXXIX

(Книга III, глава 7)

О домашнем хозяйстве русских, их обыденной жизни, кушаньях и развлечениях

Домашнее хозяйство русских устроено в различном вкусе у людей различных состояний. В общем они живут плохо, и у них немного уходит денег на их хозяйство. Вельможи и богатые купцы, правда, живут теперь в своих дорогах дворцах, которые, однако, построены лишь в течение последних 30 лет; раньше и они довольствовались плохими домами. Большинство, в особенности простонародье, проживают весьма много. Подобно тому, как живут они в плохих, дешевых помещениях (как выше указано), так же точно и внутри зданий встречается мало, — но для них достаточно, — запасов и утвари. У большинства не более 3 или 4 глиняных горшков и столько же глиняных и деревянных блюд. Мало видать оловянной и еще меньше серебряной посуды — разве чарки для водки и меду. Не привыкли они также прилагать много труда к чистке и полировке своей посуды. Даже великокняжеские серебряные и оловянные сосуды, из которых угощали послов, были черные и противные на вид, точно кружки у некоторых ленивых хозяек, немывые с год или более того. Поэтому-то ни в одном доме, ни у богатых, ни у бедных людей, незаметно украшения в виде расставленной посуды, но везде лишь голые стены, которые у знатных завешаны циновками и заставлены иконами. У очень немногих из них имеются пе-

рины; лежат они поэтому на мягких подстилках, на соломе, на циновках или на собственной одежде. Спят они на лавках, а зимою, подобно немцам в Лифляндии, на печи, которая устроена, как у пекарей, и сверху плоска. Тут лежат рядом мужчины, женщины, дети, слуги и служанки. Под печами и лавками мы у некоторых встречали кур и свиней.

Не привычны они и к нежным кушаньям и лакомствам. Ежедневная пища их состоит из крупы, репы, капусты, огурцов, рыбы свежей или соленой — впрочем, в Москве преобладает грубая соленая рыба, которая иногда, из-за экономии в соли, сильно пахнет; тем не менее, они охотно едят ее. Их рыбный рынок можно узнать по запаху раньше, чем его увидишь или вступишь в него. Из-за великолепных пастбищ у них имеются хорошие баранина, говядина и свинина, но так как они, по религии своей, имеют почти столько же постных дней, сколько дней мясоеда, то они и привыкли к грубой и плохой пище, и тем менее на подобные вещи тратятся. Они умеют из рыбы, печени и овощей готовить многие разнообразные кушанья, так что ради них можно забыть мясо. Например, однажды нам, как выше рассказано, в посту было подано 40 подобных блюд, пожалованных царем. Между прочим, у них имеется особый вид печени, вроде паштета или скорее пфанкухена, называемый ими «пирогом»; эти пироги величиною с клин масла, но несколько более продолговаты. Они дают им начинку из мелкоизрубленной рыбы или мяса и луку и пекут их в коровьем, а в посту в растительном масле, вкус их не без приятности. Этим кушаньем у них

каждый угощает своего гостя, если он имеет в виду хорошо его принять.

Есть у них весьма обыкновенная еда, которую они называют «икрою»: она готовится из икры больших рыб, особенно из осетровой или от белорыбицы. Они отбивают икру от прилегающей к ней кожицы, солят ее, и после того, как она постояла в таком виде 6 или 8 дней, мешают ее с перцем и мелконарезанными луковичками, затем некоторые добавляют еще сюда уксусу и деревянного масла и подают. Это неплохое кушанье; если, вместо уксусу, полить его лимонным соком, то оно дает — как говорят — хороший аппетит и имеет силу, возбуждающую естество. Этой икры солится больше всего на Волге у Астрахани; часть ее сушат на солнце. Ею наполняют до 100 бочек и рассылают ее затем в другие земли, преимущественно в Италию, где она считается деликатесом и называется *Saviago*. Имеются люди, которые должны арендовать этот промысел у великого князя за известную сумму денег. Русские умеют также готовить особую пищу на то время, когда они «с похмелья» или чувствуют себя нехорошо. Они нарезают жареную баранину, когда та остыла, в небольшие ломтики, вроде игральных костей, но только тоньше и шире их, смешивают их со столь же мелко нарезанными огурцами и перцем, вливают сюда смесь уксусу и огуречного рассола в равных долях и едят это кушанье ложками. После этого вновь с охотою можно пить. Обыкновенно кушанья у них готовятся с чесноком и луком: поэтому все их комнаты и дома, в том числе и великолепные покои великокняжеского дворца в Кремле, и даже сами рус-

ские (как это можно заметить при разговоре с ними), а также и все места, где они хоть немного побывают, пропитываются запахом, противным для нас немцев.

Для питья у простонародья служит квас, который можно сравнивать с нашим слабым пивом или кофентом, а также пиво, мед и водка. Водка у всех обязательно служит началом обеда, а затем во время еды подаются и другие напитки. У самых знатных лиц, наравне с хорошим пивом, подаются за столом также испанское, ренское и французское вино, разных родов меда и двойная водка.

У них имеется и хорошее пиво, которое в особенности немцы у них умеют очень хорошо варить и заготавливать весной. У них устроены приспособленные для этой цели ледники, в которых они снизу кладут снег и лед, а поверх их ряд бочек, затем опять слой снега и опять бочки, и т. д. Потом все сверху закрывается соломою и досками, так как у ледника нет крыши. Для пользования они постепенно отрывают одну бочку за другою. Вследствие этого они имеют возможность получать пиво в течение всего лета — у них довольно жаркого — свежим и вкусным. Вино получают они через Архангельск в свою страну; русские, предпочитающие хорошую водку, любят его гораздо меньше, чем немцы.

Великолепный и очень вкусный мед они варят из малины, ежевики, вишен и др. Малинный мед казался нам приятнее всех других по своему запаху и вкусу. Меня учили варить его следующим образом: прежде всего, спелая малина кладется в бочку, на нее наливают воды и оставляют в та-

ком состоянии день или два, пока вкус и краска не перейдут с малины на воду; затем эту воду сливают с малины и примешивают к ней чистого (или отделенного от воска) пчелиного меда, считая на кувшин пчелиного меда 2 или 3 кувшина водки, смотря по тому, предпочитают ли сладкий или крепкий мед. Затем бросают сюда кусочек поджаренного хлеба, на который намазано немного нижних или верховых дрожжей; когда начнется брожение, хлеб вынимают, чтобы мед не получил его вкуса, а затем дают бродить еще 4 или 5 дней. Некоторые, желая придать меду вкус и запах пряностей, вешают [в бочку] завернутые в лоскуток материи гвоздику, кардамон и корицу. Когда мед стоит в теплом месте, то он не перестает бродить даже и через 8 дней; поэтому необходимо переставить бочку, после того как мед уже бродил известное время, в холодное место и оттянуть его от дрожжей.

Некоторые иногда наливают плохую водку в малину, затем мешают ее и, дав постоять сутки, сливают настойку и смешивают ее с медом; говорят, получается при этом очень приятный напиток. Так как водка теряет свое действие и смешивается с малинным соком, то, как говорят, ее вкус уже более не ощущается в этом напитке.

Иногда они устраивают пиршества, во время которых проявляют свое величие в кушаньях и напитках множества родов. Когда, впрочем, вельможи устраивают пиршества и приглашают лиц, стоящих ниже, чем они сами, то, несомненно, преследуются иные цели, чем доброе единение: это хлебосольство должно служить удочкою, при помощи ко-

торой они больше приобретают, чем затрачивают. Дело в том, что у них существует обычай, чтобы гости приносили такого рода хозяевам великолепные подношения. В прежние годы немецкие купцы, устаивавшиеся подобного внимания и приглашавшиеся к ним, уже заранее знали, во что им обойдется подобная честь. Говорят, что воеводы в городах — особенно в местах, где идет оживленная торговля, — выказывают раз, два или три в год подобного рода щедрость и хлебосольство, приглашая к себе богатых купцов.

Величайший знак почета и дружбы, ими оказываемый гостю на пиршестве или во время отдельных визитов и посещений, в доказательство того, как ему рады и как он был мил и приятен, — заключается, по их мнению, в следующем: после угощения русский велит своей жене, пышно одетой, выйти к гостю и, пригубив чарку водки, собственноручно подать ее гостю. Иногда — в знак особого расположения к гостю — при этом разрешается поцеловать ее в уста. Подобный почет был оказан и лично мне графом Львом Александровичем Шляховским, когда я в 1643 г. в последний раз был в Москве.

После великолепного угощения он отозвал меня от стола в сторону от других гостей, повел в другую комнату и сказал: «Величайшие честь и благодеяние, которые кому-либо могут быть оказаны в России, заключаются в том, чтобы хозяйка дома вышла почтить и хозяина и гостя. Так как я ему люб, как слуга его светлости князя голштинского, то он во внимание и уважение к нему, за многочисленные благодеяния, испытанные в дни гонений и странствий (об

этом ниже будет сказано подробенее), желал бы оказать мне подобного рода честь». Поэтому к нам вышла его жена, очень красивая лицом, и к тому же нарумяненная, в прежнем своем брачном наряде (он будет описан ниже, где сказано о русских свадьбах) и в сопровождении прислужницы, несшей бутылку водки и чарку. При входе она сначала склонила голову перед мужем своим, а затем передо мной, велела налить чарку, пригубила ее и затем поднесла ее мне, и так до трех раз. После этого граф пожелал, чтобы я поцеловал ее. Не будучи привычен к подобной чести, я поцеловал ей только руку. Он, однако, захотел, чтобы я поцеловал ее и в уста. Поэтому я, в уважение к более высокой персоне, должен был принять эту согласную с их обычаями честь. В конце концов она подала мне белый тафтяной носовой платок, вышитый золотом и серебром и украшенный длиною бахромою. Такие платки женами и дочерьми вельмож дарятся невесте в день свадьбы: и на том, который мне был поднесен, оказалась прикрепленною небольшая бумажка с именем Стрешнева — брата отца великой княгини.

Бояре и вельможи несут, правда, большие расходы, для поддержания пышности своей и своего обширного хозяйства, но за то у них, наряду с их большим жалованьем, имеются дорогие именья и крестьяне, доставляющие им большие ежегодные доходы. Купцы и ремесленники питаются и получают ежедневный заработок от своих промыслов. Торговцы хитры и падки на наживу. Внутри страны они торгуют всевозможными необходимыми в обыденной жизни товарами. Те же, которые с

соизволения его царского величества путешествуют по соседним странам, как-то: по Лифляндии, Швеции, Польше и Персии, торгуют, большею частью, соболями и другими мехами, льном, коноплею и юфтью. Они обыкновенно покупают у английских купцов, ведущих большой торг в Москве, сукно, по 4 талера за локоть, и перепродают тот же локоть за 3 1/2 или 3 талера и все-таки не остаются без барыша. Делается это таким образом: они за эту цену покупают один или несколько кусков сукна с тем, чтобы произвести расплату через полгода или год, затем идут и продают его лавочникам, вымеривающим его по локтям, за наличные деньги, которые они потом помещают в других товарах. Таким образом они могут с течением времени с барышом три раза или более совершить оборот своими деньгами.

Ремесленники, которым немного требуется для их плохой жизни, тем легче могут трудами рук своих добыть себе в такой большой общине денег на пищу и чарку водки и пропитать себя и своих родных. Они очень восприимчивы, умеют подражать тому, что они видят у немцев, и, действительно, в немного лет высмотрели и переняли у них многое, чего они раньше не знавали. Выработанные подобным [усовершенствованным] путем товары они продают по более дорогой цене, чем раньше. В особенности изумлялся я золотых дел мастерам, которые теперь умеют чеканить серебряную посуду такую же глубокую и высокую и почти столь же хорошо сформованную, как у любого немца.

Тот, кто желает в ремесле удерживать за собою какие-нибудь особые

знания и приемы, никогда не допускает русских к наблюдению. Так делал сначала знаменитый литеец орудий Ганс Фальк: когда он формовал или лил лучшие свои орудия, то русские помощники его должны были уходить. Однако теперь, как говорят, они умеют лить и большие орудия и колокола. И в минувшем году в Кремле рядом с колокольной Ивана Великого ученик означенного Ганса Фалька отлил большой колокол, который, будучи очищен, весил 7700 пудов, то есть 308000 фунтов, или 2080 центнеров, как мне об этом здесь сообщили различные немцы из Москвы и русские. Этот колокол, однако, после того как его повесили в особо приготовленном помещении и стали звонить в него, лопнул; говорят, до трещины он имел великолепный звон. Теперь он снова разбился, и его царское величество желает на том же месте отлить еще больший колокол и повесить его, в вечное воспоминание своего имени. Говорят, что и место для отливки и основа для формы с большими затратами уже устроены.

Русские люди высокого и низкого звания привыкли отдыхать и спать после еды в полдень. Поэтому большинство лучших лавок в полдень закрыты, а сами лавочники и мальчики их лежат и спят перед лавками. В то же время, из-за полуденного отдыха, нельзя говорить ни с кем из вельмож и купцов.

На этом основании русские и заметили, что Лжедмитрий (о котором скоро будет речь) не русский по рождению и не сын великого князя, так как он не спал в полдень, как другие русские. Это же вывели они из того обстоятельства, что он

не ходил, по русскому обычаю, часто в баню. Омовению русские придают очень большое значение, считая его, особенно во время свадеб, после первой ночи, за необходимое дело. Поэтому у них и в городах и в деревнях много открытых и тайных бань, в которых их очень часто можно застать.

В Астрахани я, чтобы видеть лично, как они моются, незамеченным образом отправился в их баню. Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно. Однако входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников; только некоторые держали спереди березовый веник до тех пор, пока не усаживались на место. Иные не делали и этого. Женщины иногда выходили без стеснения голые — поговорить со своими мужьями.

Они в состоянии переносить сильный жар, лежать на полке и вениками нагоняют жар на свое тело или трутся ими (это для меня было невыносимо). Когда они совершенно покраснеют и ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины и мужчины голые выбегают, окачиваются холодной водой, а зимою валяются в снегу и трут им, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню. Так как бани обыкновенно устраиваются у воды и у рек, то они из горячей бани устремляются в холодную. И если иногда какой-либо немецкий парень прыгал в воду, чтобы купаться вместе с женщинами, то они вовсе не казались столь обиженными, чтобы в гневе, подобно Диане с ее подружками, превратить его водяными

брызгами в оленя, — даже если бы это и было в их силах.

В Астрахани как-то случилось, что 4 молодые женщины вышли из бани и, чтобы прохладиться, спрыгнули в Волгу, которая там на изгибе образует мель и приятное место для холодного купанья. Когда один из наших солдат также спустился к ним в воду, они начали шутя брызгать водою. При этом одна из них, решившаяся зайти слишком глубоко, попала на зыбучий песок и начала тонуть. Когда подружки ее увидели ее в опасности, они закричали, прибежали к солдату, который плавал отдельно, и умоляли его спасти ее. Солдат дал себя легко упросить, поспешил к ней, обхватил ее за тело и приподнял ее так, что она могла за него схватиться, удержаться [на воде] и выплыть. Женщины похвалили немца и говорили, что он был послан к ним в воду точно ангел[хранитель].

Подобного рода мытье видели мы не только в России, но и в Лифляндии и Ингерманландии; и здесь простой люд, в особенности финны, в суровейшее зимнее время, выбегали из бань на улицу, терлись снегом, а затем опять убегали греться. Такого рода быстрая смена жары и холода не была им во вред, так как они уже от юности приучали к ней свою природу. Поэтому-то финны и латыши, так же как и русские, являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару.

В Нарве я с удивлением видел, как русские и финские мальчики лет 8, 9 или 10, в тонких простых холщевых кафтанах, босоногие, точно гуси, с полчаса ходили и стояли на снегу, как будто не замечая нестерпимого мороза.

В России вообще народ здоровый и долговечный. Недомогает он редко, и если приходится кому слечь в постель, то среди простого народа лучшими лекарствами, даже в случае лихорадки с жаром, являются водка и чеснок. Впрочем, знатные господа теперь иногда обращаются к совету немецких докторов и к настоящим лекарствам.

Встречали мы, кроме того, в Москве у немцев, равно как и у лифляндцев, хорошие бани, устроенные в домах. В этих банях устроены сводчатые каменные печи, в которых на высокой решетке помещается много камней. Из такой печи идет отверстие в баню, которое они закрывают крышкою и коровьим навозом или глиною. Снаружи имеется другое отверстие — поменьше первого — для выхода дыма. Когда камни достаточно накалятся, открывается внутреннее отверстие, а внешнее закрывается, и сообразно тому, сколько требуется жара, наливают на камни воды, иногда настоянной на добрых травах. В банях по стенам кругом устроены лавки для потенья и мытья — одна выше другой, — покрытые кусками холста или тюфяками, набитыми сеном, осыпанные цветами и разными благовонными травами, которыми утыканы и окна. На полу лежит мелко изрубленный и раздавленный ельник, дающий очень приятный запах и доставляющий [большое] удовольствие. Для мытья отряхают женщину или девицу. Если у кого в гостях моется близко знакомый и любезный приятель, то к нему относятся очень внимательно, ухаживают за ним и берегут его. Хозяйка или дочь ее приносит или присылает обыкновенно в баню несколько кус-

ков редьки с солью, а также хорошо приготовленный прохладительный напиток. Большой погрешностью или знаком дурного приема считают, если это не делается. После бани они также доставляют своему гостю, сообразно с тем, как он этого достоин, всяческое приличествующее удовольствие угощением.

Такого честного доброжелательства и такой чистоты, однако, нечего искать у спесивых, корыстных и грязных русских, у которых все делается по-свински и неопрятно.

Один из нашей свиты, сделав наблюдения над нравами москвитов, их жизнью и характером, недавно описал все это в следующих стихах:

*Kirchen Bilder, Creutze, Glocken,
Weiber, die geschminckt als Docken,
Huren, Knoblauch, Branntewein
Seynd in Muszcow sehr gemein.*

*Auff dem Marckte müssig gehen,
Vor dem Bad entblusset stehen,
Mittag schlaffen, Vullerey,
Rultzen, fartzen ohne Scheu,
Zancken, peitschen, stehlen, morden
Ist auch so gemein geworden
Dass sich niemand mehr dran kehrt
Weil man's täglich sieht und hurt!*

*Ты везде в Москве увидишь
Церкви, образа, кресты,
Купола с колоколами,
Женщин, крашенных, как кукол,
Бл..й, водку и чеснок.*

*Там снуют по рынку праздно,
Нагишом стоят перед баней,
Жрут без меры, в полдень спят,
Без стыда п.р.т, рыгают.
Ссоры, кнут, разбой, убийство—*

*Так все это там обычно,
Что никто им не дивится:
Каждый день ведь снова то же!*

XL

(Книга III, глава 8)

**О браках русских и о том, как они
справляют свадьбу**

Хотя греховная Венера игра у русских очень распространена, тем не менее у них не устраиваются публичные дома с блудницами, от которых, как то, например, к сожалению, водится в Персии и некоторых иных странах, власти получают известный доход.

У них имеется правильный брак, и каждому разрешается иметь только одну жену. Если жена у него помрет, он имеет право жениться вторично и даже в третий раз, но в четвертый раз уже ему не дают разрешения. Если же священник повенчает таких людей [не имеющих права жениться], то он лишается права совершать служение. Их священники, служащие у алтаря, должны непременно уже находиться в браке, и если у такого священника жена помрет, он уже не смеет жениться вновь, разве только он откажется от своего священнического сана, снимет свой головной убор и займется торговлею или другим промыслом. При женитьбах они также принимают в расчет степень кровного родства и не вступают в брак с близкими родственниками по крови, охотно избегают и браков со всякими свойственниками и даже не желают допустить, чтобы два брата женились на двух сестрах или чтобы

вступали в брак лица, бывшие воспитанниками при крещении того же дитяти. Они венчаются в открытых церквах с особыми церемониями и во время брака соблюдают такого рода обычаи.

Молодым людям и девицам не разрешается самостоятельно знакомиться, еще того менее говорить друг с другом о брачном деле или совершать помолвку. Напротив, родители, имеющие взрослых детей и желающие побрачить их — в большинстве случаев, отцы девиц — идут к тем, кто, по их мнению, более всего подходит к их детям, говорят или с ними самими или же с их родителями и друзьями и выказывают свое расположение, пожелание и мнение по поводу брака их детей. Если предложение понравится и пожелают увидеть дочь, то в этом не бывает отказа, особенно если девица красива; мать или приятельница жениха получают позволение посмотреть на нее. Если на ней не окажется никакого видимого недостатка, т. е. если она не слепа и не хрома, то между родителями и друзьями начинаются уже решительные переговоры о «приданом», как у них говорят, и о заключении брака.

Обыкновенно, все сколько-нибудь знатные люди воспитывают дочерей своих в закрытых покоях, скрывают их от людей, и жених видит невесту не раньше, как получив ее к себе в брачный покой. Поэтому иногда обманывают и, вместо красивой невесты, дают ему безобразную и больную, иногда же, вместо дочери, какую-либо подругу ее или даже служанку. Там известны такие примеры у высоких лиц, и поэтому нельзя удивляться, что часто муж и жена

живут как кошка с собакою, и битье жен в России вещь обычная.

Их свадьба и привод невесты в дом совершаются с особою пышностью. У знатных князей, бояр и их детей происходят они со следующими церемониями.

Со стороны невесты и жениха отряжаются две женщины, называемые у них «свахами»; они как бы ключницы, которые должны в брачном доме то и иное устроить. «Сваха» невесты в день свадьбы устраивает брачную постель в доме жениха. С нею отправляются около ста слуг в одних кафтанах, неся на головах вещи, относящиеся к брачной постели и к украшению брачной комнаты. Приготавливается брачная постель на 40 сложенных рядом и переплетенных

ржаных снопах. Жених должен был заранее распорядиться сложить в комнате эти снопы и поставить рядом с ними несколько сосудов или бочек, полных пшеницы, ячменя и овса. Эти вещи должны иметь доброе предзнаменование и помогать тому, чтобы у брачующихся в супружеской жизни было изобилие пищи и жизненных припасов.

После того как, за день, все приведено в готовность и порядок, поздно вечером жених со всеми своими друзьями отправляется в дом невесты, причем спереди едет верхом поп, который должен совершить венчание. Друзья невесты в это время собраны и любезно принимают жениха с его провожатыми. Лучшие и ближайшие друзья жениха пригла-

Сани знатной женщины

Свадебный пир

шаются к столу, на котором поставлены 3 кушанья, но никто до них не дотрагивается. Вверху стола для жениха, пока он стоит и говорит с друзьями невесты, оставляется место, на которое садится мальчик; помощью подарка жених должен опять освободить себе это место. Когда жених усядется, рядом с ним усаживается закутанная невеста, в великолепных одеждах, и, чтобы они не могли видеть друг друга, между ними обоими протягивается и держится двумя мальчиками кусок красной тафты. Затем приходит сваха невесты, чешет волосы невесты, выпущенные наружу, заплетает ей две косы, надевает ей корону с другими украшениями и оставляет ее сидеть теперь с откры-

тым лицом. Корона приготовлена из тонко выкованной золотой или серебряной жести, на матерчатой подкладке; около ушей, где корона несколько согнута вниз, свисают четыре, шесть или более ниток крупного жемчуга, опускающихся значительно ниже груди. Ее верхнее платье спереди, сверху вниз, и вокруг рукавов (которые шириною с 3 аршина или локтя), равно как и ворот ее платья (он шириною с 3 пальца и туго, не без сходства с собачьим ошейником, охватывает горло) густо обсажены крупным жемчугом; такое платье стоит гораздо более тысячи талеров.

Сваха чешет и жениха. Тем временем женщины становятся на ска-

мейки и поют разные неприличности. Затем приходят два молодых человека, очень красиво одетых; они приносят на носилках очень большой круг сыру и несколько хлебов; все это увешано отовсюду соболями. Этих людей, которые также приходят из дома невесты, зовут коровайниками. Поп благословляет их, а также сыр и хлеб, которые затем уносятся в церковь. Потом приносят большое серебряное блюдо, на котором лежат: четырехугольные кусочки атласной тафты — сколько нужно для небольшого кошеля, затем плоские четырехугольные кусочки серебра, хмель, ячмень, овес — все попеременно. Блюдо ставится на стол. Затем приходит одна из свях, снова закрывает невесту и с блюда осыпает всех бояр и мужчин; кто желает, может подбирать кусочки атласу и серебра. В это время поют песню. Потом встают отцы жениха и невесты и меняют кольца у брачующихся.

После этих церемоний сваха ведет невесту, усаживает ее в сани и увозит ее с закрытым лицом в церковь. Лошадь перед санями у шеи и под дугою увешана многими лисьими хвостами. Жених немедленно позади следует со всеми друзьями и попами. Иногда оказывается, что поп уже успел столько вкусить от свадебных напитков, что его приходится поддерживать, чтобы он не упал на пути с лошади, а в церкви при совершении богослужения. Рядом с санями идут некоторые добрые друзья и много рабов. Тут говорят грубейшие неприличности.

В церкви большая часть пола в том месте, где совершается венчание, покрыта красной тафтою, причем постлан еще особый кусок, на

который должны стать жених и невеста. Когда венчание начинается, поп прежде всего требует себе жертвы, как-то: пирогов, печений и паштетов. Затем над головами у жениха и невесты держат большие иконы и благословляют их. Потом поп берет в свои руки правую руку жениха и левую руку невесты и спрашивает их трижды: «Желают ли они друг друга и хотят ли они в мире жить друг с другом?» Когда они ответят: «Да», он их ведет кругом и поет при этом 128 псалом; они, как бы танцуя, подпевают его, стих за стихом. После танца он надевает им на голову красивые венцы. Если они вдовец и вдова, то венцы кладутся не на голову, а на плечи, и поп говорит: «Растите и множьтесь». Он соединяет их, говоря: «Что Бог соединил, того пусть человек не разъединяет», и т. д. Тем временем все свадебные гости, находящиеся в церкви, зажигают небольшие восковые свечи, а попу подаются деревянную позолоченную чашу или же только стеклянную рюмку красного вина: он отпивает немного в честь брачующихся, а жених и невеста три раза должны выпивать вино. Затем жених кидает рюмку оземь и, вместе с невестою, растаптывает ее на мелкие части, говоря: «Так да падут под ноги наши и будут растоптаны все те, кто пожелают вызвать между нами вражду и ненависть». После этого женщины осыпают их льняным и конопляным семенем и желают им счастья; они также терпят и тащат новобрачную, как бы желая ее отнять у новобрачного, но оба крепко держатся друг за друга. Покончив с этими церемониями, новобрачный ведет новобрачную к

Венчание

саням, а сам снова садится на свою лошадь. Рядом с санями несут шесть восковых свеч, и вновь откалываются грубейшие шутки.

Прибыв в брачный дом, то есть к новобрачному, гости с новобрачным садятся за стол, едят, пьют и веселятся, новобрачную же немедленно раздевают, вплоть до сорочки, и укладывают в постель; новобрачный, только что начавший есть, отзывается и приглашается к новобрачной. Перед ним идут шесть или восемь мальчиков с горящими факелами. Когда новобрачная узнает о прибытии новобрачного, она встает с постели, накидывает на себя шубу, подбитую соболями, и принимает своего возлюбленного, наклоня голову. Мальчики ставят горящие факелы в

вышеупомянутые бочки с пшеницею и ячменем, получают каждый по паре соболей и уходят. Новобрачный теперь садится за накрытый стол — с новобрачной, которую он здесь в первый раз видит с открытым лицом. Им подаются кушанья и, между прочим, жареную курицу. Новобрачный рвет ее пополам, и ножку или крылышко, — что прежде всего отломится, — он бросает за спину; от остального он вкушает. После еды, которая продолжается не долго, он ложится с новобрачной в постель. Здесь уже не остается больше никого, кроме старого слуги, который ходит взад и вперед перед комнатою. Тем временем с обеих сторон родители и друзья занимаются всякими фокусами и чародейством, чтобы ими вызвать

счастливую брачную жизнь новобрачных. Слуга, сторожащий у комнаты, должен, время от времени, спрашивать: «Устроились ли?» Когда новобрачный ответит: «Да», то об этом сообщается трубачам и литавщикам, которые уже стоят наготове, держа все время вверх палки для литавр; они начинают теперь веселую игру. Вслед затем топят баню, в которой, немного часов спустя, новобрачный и новобрачная порознь должны мыться. Здесь их обмывают водою, медом и вином, а затем новобрачный получает от молодой жены своей в подарок купальную сорочку, вышитую у ворота жемчугом, и новое целое великолепное платье.

Оба следующих дня проводятся в сильной, чрезмерной еде, в питье вина, танцах и всевозможных увеселениях, какие только они в силах выдумать. При этом прибегают они к разнообразной музыке: между прочим пользуются инструментом, который называют псалтырью; он почти схож с цымбалами. Его держат на руках и перебирают на нем руками, как на арфе.

Так как иные женщины, будучи недостаточно охраняемы своими пьяными мужьями, готовы допускать большие вольности и проступки с парнями и чужими мужьями, то они и пользуются для своего увеселения открытыми пиршествами, когда легче всего позабавиться вволю. Вот истинное донесение наше о церемониях и обычаях во время свадеб нынешних вельмож в Москве.

Когда, однако, незнатные или гражданского звания люди хотят справлять свадьбу, то жених за день до нее посылает невесте новое платье, шапку и пару сапог, а также лар-

чик, в котором находятся румяна, гребень и зеркало. На другой день, когда должна состояться свадьба, приходит поп с серебряным крестом, в сопровождении двух мальчиков, несущих горящие восковые свечи. Поп благословляет крестом сначала мальчиков, а затем гостей. Потом невесту и жениха сажают за стол, а между ними держат красную тафту. Когда затем невеста убрана свахою, она должна прижать свою щеку к щеке жениха; оба затем должны смотреться в одно и то же зеркало и любовно улыбаться друг другу. Тем временем свахи подходят и осыпают их и гостей хмелем. После этих церемоний они отправляются в церковь, где, по выше указанному способу, происходит венчание.

После свадьбы жен держат взаперти, в комнатах; они редко появляются в гостях и чаще посещаются сами друзьями своими, чем имеют право их посещать.

XLI

(Книга III, глава 9)

О положении русских женщин

Подобно тому, как дети вельмож и купцов мало или же даже вовсе не приучаются к домоводству, так же точно они впоследствии, находясь в браке, мало занимаются хозяйством, а только сидят да шьют и вышивают золотом и серебром красивые носовые платки из белой тафты и чистого полотна, готовят небольшие кошельки для денег и тому подобные вещи. Они не имеют права принимать участия ни в резании кур или

другого скота, ни в приготовлении их к еде, так как полагают, что это бы их осквернило. Поэтому всякую такого рода работу совершает у них прислуга. Из подозрительности их редко выпускают из дому, редко также разрешают ходить в церковь; впрочем, среди простонародья все это соблюдают не очень точно.

Дома они ходят плохо одетые, но когда они оказывают, по приказанию мужа, честь чужому гостю, пригубливая перед ним чарку водки, или же, если они идут через улицы, например, в церковь, они должны быть одеты великолепно, и лицо и шея должны быть густо и жирно набелены и нарумянены.

Князей, бояр и знатнейших людей жены летом ездят в закрытых каретах, обтянутых красною тафтою, которою они зимою пользуются и на санях. В последних они восседают с великолепием богинь, а впереди у ног их сидит девушка рабыня. Рядом с санями бегут многие прислужники и рабы, иногда до 30, 40 человек. Лошадь, которая тащит такую карету или сани, похожа на ту, которая везет невесту; она увешана лисьими хвостами, что представляет весьма странный вид. Подобного рода украшения видели мы не только у женщин, но и у знатных вельмож, даже у саней самого великого князя, который иногда, вместо лисьих хвостов, пользуется прекрасными черными соболями.

Так как праздные молодые женщины очень редко появляются среди людей, а также не много работают и дома и, следовательно, мало заняты, то иногда они устраивают себе, со своими девушками, развлечения, например, качаясь на качелях — что

им особенно нравится. Они кладут доску на обрубок дерева, становятся на оба конца, качаются и подбрасывают друг друга в воздух. Иногда пользуются они и веревками, на которых они умеют подбрасывать себя весьма высоко на воздух. Простонародье, особенно в предместьях и деревнях, занимается этими играми открыто на улицах. Здесь у них поставлены общие качели в форме виселицы, с крестообразною движущейся частью, на которой двое, трое и более лиц могут подняться одновременно. Больше всего подобной игрою у них занимаются по праздникам: в эти дни особые молодые прислужники держат наготове сиденья и другие необходимые принадлежности и, за несколько копеек, одождают тем, кто желает покачаться. Мужчины очень охотно разрешают женам подобное увеселение и иногда даже помогают им в нем.

Если [между мужем и женою] у них часто возникают недовольство и драки, то причиною являются иногда непристойные и бранные слова, с которыми жена обращается к мужу: ведь они очень скоры на такие слова. Иногда же причиною является то, что жены напиваются чаще мужей или же навлекают на себя подозрительность мужа чрезмерною любезностью к чужим мужьям и парням. Очень часто все эти три причины встречаются у русских женщин одновременно.

Когда, вследствие этих причин, жена бывает сильно пририта кнудом или палкою, она не придает этому большого значения, так как сознает свою вину и, к тому же, видит, что отличающиеся теми же пороками ее соседки и сестры испытывают не лучшее обращение.

Увеселения женщин

Чтобы, однако, русские жены в частом битье и бичевании усматривали сердечную любовь, а в отсутствии их — нелюбовь и нерасположение мужей к себе, как об этом сообщают некоторые писатели по «русской хронике» Петрея (а Петрей заимствовал, несомненно, из Герберштейна и сочинения Barclai «Icon animorum»), — этого мне не привелось узнать, да и не могу я себе представить, чтобы они любили то, чего отвращается природа и всякая тварь, и чтобы считали за признак любви то, что является знаком гнева и вражды. Известная поговорка: «Побои не вызывают дружбы», на мой взгляд, справедлива и для них.

Никакой человек, обладающий здравым рассудком, не будет без причины ненавидеть и мучить собственную плоть. Возможно, конечно, что некоторые из них говорили сами мужьям, ради шутки, подобные речи. Возможно также, что, действительно, был и следующий случай. Некая глупая жена, прожив довольно много времени в мире и единении со своим мужем, наконец, обратилась к нему со словами: «Ей неясно до сих пор, любит ли он ее как следует, так как она еще ни разу не получила от него побоев». После этого муж, будто бы, дал себя уговорить, показал ей свою любовь, как она того требовала, и сильно отстегал ее

кнутом; так как ей это понравилось, он повторил эти побои через некоторое время, и, наконец, в третий раз, доказывая сильнейшую любовь свою, засек ее до смерти. Рассказывают этот случай про некоего — как говорят, итальянца — Иордана. Герберштейн говорит, что это был *Alemannus faber ferrarius*, кузнец, и что событие это произошло в его время в Москве. Однако то, что произошло с этой одной женщиною, не может служить примером для других, и по нраву одной нельзя судить о природе всех остальных.

Прелюбодеяние у них не называется смертью, да и не именуется у них прелюбодеянием, а просто блудом, если женатый пробудет ночь с женою другою. Прелюбодеем называют они лишь того, кто вступает в брак с чужою женою.

Если женщиною, состоящею в браке, совершен будет блуд, и она будет обвинена и уличена, то ей за это полагается наказание кнутом. Виновная должна несколько дней провести в монастыре, питаясь водою и хлебом, затем ее вновь отсылают домой, где вторично ее бьет кнутом хозяин дома за запущенную дома работу.

Если супруги надоедят друг другу и не могут более жить в мире и согласии, то исходом из затруднения является то, что один из супругов отправляется в монастырь. Если так поступает муж, оставляя, в честь божиию, свою жену, а жена его получает другого мужа, то первый может быть посвящен в попы, даже если он раньше был сапожником или портным. Мужу также предоставляется, если жена его оказывается бесплодною, отправлять ее в монастырь и

жениться, через шесть недель, на другой.

Примеры подобного рода даны и некоторыми из великих князей, которые, не будучи в состоянии произвести со своими супругами на свет наследника или получая лишь дочерей от них, отправляли жен в монастыри и женились на других. Так сделал тиран Иван Васильевич [Василий Иванович], который насильно отправил в монастырь свою супругу Соломонию после того как, проведя 21 год в брачной жизни с нею, не мог прижить детей; он затем женился на другой, по имени Елене, дочери Михаила [Василия] Глинского. Первая супруга, однако, вскоре затем родила в монастыре младенца-сына, как о том подробнее рассказано у Герберштейна и у Тилемана *Bredeabas*. Точно так же, если муж в состоянии сказать и доказать о жене что-либо нечестное, она должна давать постричь себя в монахини. При этом мужчина часто поступает скорее по произволу, чем по праву. Рассердившись на жену по одной лишь подозрительности или по другим недостойным побуждениям, он за деньги нанимает пару негодяев, которые с ним идут к судье, обвиняют и свидетельствуют против его жены, будто бы они застали ее при том или ином проступке или блуде; этим способом — особенно если еще обратиться за содействием к копейкам — достигают того, что добрая женщина, раньше чем она успеет собраться с мыслями, уже должна надеть платье монахини и против воли идти в монастырь, где ее оставляют на всю ее жизнь. Ведь тот, кто раз уже дал себя посвятить в это состояние и у кого ножницы прошли по голове, бо-

лее не имеет права выйти из монастыря и вступить в брак.

В наше время горестным образом должен был узнать это некий поляк, принявший русскую веру и женившийся на прекрасной молодой русской. Когда он по неотложным делам должен был уехать и пробыть вдали более года, доброй женщине, вероятно, ложе показалось недостаточно теплым, она сошлась с другим и родила ребенка. Узнав затем о возвращении мужа и не будучи уверена, что ей удастся дать добрый отчет в своем хозяйничанье дома, она бежала в монастырь и там постриглась. Когда муж вернулся домой и узнал, в чем дело, его более всего огорчило то, что жена посветилась в монахини. Он бы охотно простил ее и принял бы ее вновь, да и она бы опять вернулась к нему, но их уже нельзя было соединить, несмотря на все их желание. Патриарх и монахи сочли бы это [возвращение из монастыря] за большой грех, притом — против Святого Духа, т. е. за грех, который никогда не может быть прощен.

Насколько русские охочи до телесного соития и в браке и вне его, настолько же считают они его греховным и нечистым. Они не допускают, чтобы при соитии крестик, вешаемый при крещении на шею, оставался на теле, но снимают его на это время. Кроме того, соитие не должно происходить в комнатах, где находятся иконы святых; если же иконы здесь окажутся, то их тщательно закрывают.

Точно так же тот, кто пользовался плотскою утехой, в течение этого дня не должен входить в церковь, разве лишь хорошенько обмывшись и переодевшись в чистое.

Более совестливые в подобном случае, тем не менее, остаются перед церковью или в притворе ее и там молятся. Когда священник коснется своей жены, он должен над пупом и ниже его хорошенько обмыться и затем, правда, может прийти в церковь, но не смеет войти в алтарь. Женщины считаются более нечистыми, чем мужчины; поэтому они во время обедни встречаются не в самой церкви, но, большей частью, впереди, у дверей ее.

XLII

(Книга III, глава 10)

О светском состоянии и о полицейском строе у русских

Что касается русского государственного строя, то, как видно отчасти уже из вышеприведенных глав, — это, как определяют политики, «*monarchia dominica et deapotica*». Государь, каковым является царь или великий князь, получивший по наследию корону, один управляет всей страню и все его подданные, как дворяне и князья, так и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, с которыми он обращается как хозяин со своими слугами. Этот род управления очень похож на тот, который Аристотелем изображен в следующих словах: «Есть и иной вид монархии, вроде того, как у некоторых варваров имеются царства, по значению своему стоящие ближе всего к тирании». Если иметь в виду, что общее отличие закономерного правления от тиранического

римских императоров. Его переводчики и некоторые из немецких купцов в Москве и зовут его императором. Однако, так как русские зовут царем и царя Давида, то слово это скорее одного значения с «королем» и, может быть, происходит от еврейского Zarah, что значит «бальзам» или «мазь» (как видно из первой книги Моисеевой, гл. 37, и Иеремии, гл. 51), и обозначает помазанника, потому, что в старину совершалось помазание царей.

Они ставят своего царя весьма высоко, упоминают его имя во время собраний с величайшим почтением и боятся его весьма сильно, более даже, чем Бога. Можно бы сказать им также, как Саади в персидском «Саду роз» сказал боязливому слуге царя:

*Если б так же, как монарха,
Бога чтил ты и страшился,
То как ангел воплощенный
перед нами б ты явился.*

Уже с малых лет внушают они своим детям, чтобы они говорили о его царском величестве как о Боге и почитали его столь же высоко; поэтому они часто говорят: «Про то знают Бог да великий князь». Это же значение имеют и [другие] обыкновенные речи их. Так, явиться перед великим князем» они называют «увидеть ясные очи его царского величества». Чтобы выказать глубокое смирение свое и свое чувство долга, они говорят, что все, чем они владеют, принадлежит не столько им, сколько Богу и великому князю. К подобного рода речам частью приучил их многократно упоминавшийся тиран Иван Васильевич своими насиль-

ственными действиями, частью же ввиду общего состояния их — они и имущества их, действительно, находятся в подобном положении. Чтобы можно было спокойно удерживать их в рабстве и боязни, никто из них, под страхом телесного наказания, не смеет самовольно выехать из страны и сообщать им о свободных учреждениях других стран. Точно так же ни один купец, ради промысла своего, не имеет права, без соизволения царя, перейти границу страны и вести за границую торговлю.

Старый немецкий толмач Ганс Гельмс (умерший 97 лет от роду) 10 лет тому назад, по особой милости великого князя, отправил своего сына, родившегося в Москве, в немецкие университеты, чтобы там изучать медицину и потом служить царю. Молодой человек сделал такие успехи в этом деле, что с большой славой добился степени доктора, и в Англии, в Оксфордском университете, считался чуть ли не за чудо учености. Однако ему уже не захотелось более возвращаться в московское рабство, откуда он раз выбрался. Поэтому-то новгородский купец Петр Микляев, умный и рассудительный человек, бывший с год назад послом у нас и хотевший поручить мне своего сына для обучения его немецкому и латинскому языкам, не мог получить на это позволение ни у патриарха, ни у великого князя.

Однако нельзя сказать, чтобы нынешние великие князья, — хотя бы и имея ту же власть, нападали, наподобие тиранов, столь насильственным образом на подданных и на имущество их, как еще и теперь об этом пишут иные люди, основываясь, может быть, на старых писате-

лях, вроде Герберштейна, Товия и Гвагнина и т. п., изображавших жалкое состояние русских под железным скипетром тирана. Впрочем, и вообще о русских пишут весьма многое, что в настоящее время уже не подходит, без сомнения, вследствие общих перемен во временах, управлении и людях. Нынешний великий князь — государь очень благочестивый, который, подобно отцу своему, не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел. Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая хлеба или по другим случайностям и несчастиям, то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству. И если кого-либо, за оскорбление величества или за доказанные великие его проступки ссылают в немилость в Сибирь — что в настоящие дни бывает не очень часто, — то и эта немилость смягчается тем, что ссыльному устраивается сносное пропитание, смотря по его состоянию и личным его достоинствам; вельможам при этом даются деньги, писцам даются должности в канцеляриях сибирских городов, стрельцам и солдатам опять-таки предоставляются места солдат, дающие им ежегодное жалованье и хорошее пропитание. Самое тягостное для большинства из них — быть удаленным от высокого лика его царского величества и не допускаться к лицезрению ясных очей его.

Имеются, впрочем, примеры и тому, что некоторым подобная не-

милость послужила весьма на пользу, а именно в промыслах своих и торговле они получили там гораздо большую выгоду, чем в Москве, и достигли такого благосостояния, что, имея при себе жену и детей, уже не просились более в Москву, даже по получении свободы.

Царь заботится, как это понятно, о своем величии и следит за правами величества, как делают это другие монархи и абсолютные государи. А именно: он не подчинен законам и может, по мысли своей и по желанию, издавать и устанавливать законы и приказы. Эти последние все, какого бы качества они ни были, принимаются и исполняются без противоречий и даже с тем же послушанием, как если бы они были даны самим Богом. Русские, как об этом справедливо говорит Хитрей, полагают, что великий князь исполняет все по воле Божией. Для обозначения непогрешимой правды и справедливости в действиях великого князя они имеют поговорку: «Слова Бога и великого князя нельзя переиначивать, но нужно исполнять неукоснительно».

Великий князь не только назначает и смещает начальство, но даже гонит их вон и казнит их, когда захочет. Таким образом у них совершенно те же обычаи, какие, по изречению пророка Даниила, были обычны в царствование царя Навуходоносора: он умерщвлял кого хотел, бил кого хотел, возвышал кого хотел, унижал кого хотел.

Во всех провинциях и городах он назначает своих воевод, наместников и управляющих, которые с канцеляристами, дьяками или писцами должны производить суд и расправу. Что

они решат, то при дворе считается правильным, и на приговор их суда нет апелляции ко двору. При подобном управлении провинциями и городами, он придерживается того образа действий, который у Баркляя Клеобул хвалит и советует царю сицилийскому, а именно: чтобы он не оставлял ни одного воеводы или начальника дольше двух-трех лет на одном месте, разве только не будут к тому важные причины. Делается это для того, чтобы, с одной стороны, местность не испытывала слишком долго тягости несправедливого управления, а с другой стороны, чтобы наместник не сдружился слишком сильно с подданными, не вошел в их доверие и не увлек страны к отпадению.

Один лишь великий князь имеет право объявлять войну иноземным нациям и вести ее по своему усмотрению. Хотя он и спрашивает об этом бояр и советников, однако делается это тем же способом, как некогда Ксеркс, царь персидский, созвал князей азиатских не для того, чтобы они ему давали советы о предположенной им войне с греками, но скорее для того, чтобы лично сказать князьям свою волю и доказать, что он монарх. Он сказал при этом: созваны они им, правда, для того, чтобы он не все делал по собственному своему усмотрению, но они должны при этом знать, что их дело скорее слушаться, чем советовать.

Великий князь также раздает титулы и саны, производя тех, кто имеют заслуги перед ним и перед страной, или кто вообще считаются достойными его милости, в князей. Некоторые великие князья, слышав, что в Германии существует право

монархов выдавать докторские дипломы, подражали и этому праву; некоторые из них, как частью уже указано выше, давали подобные титулы своим врачам, а иногда даже и цирюльникам.

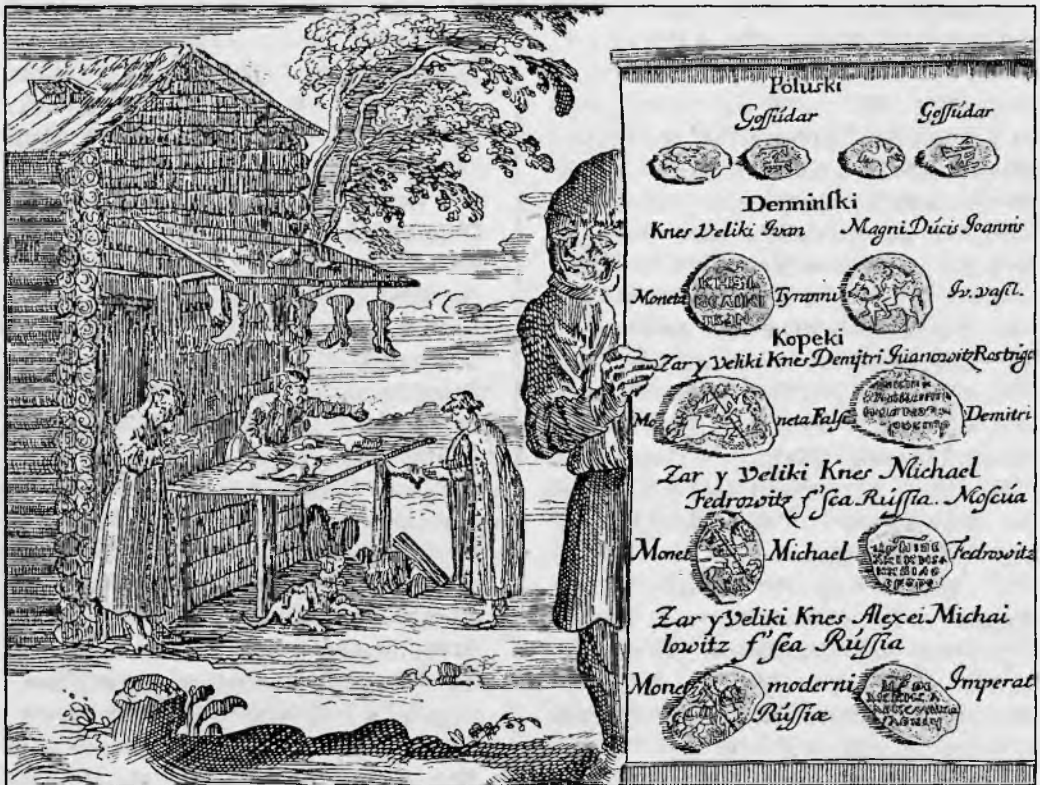
У царя производится своя чеканка монеты в стране в четырех различных городах, а именно: в Москве, Новгороде, Твери и Пскове дает он чеканить монету из чистого серебра, иногда и из золота; монета эта мелка, вроде небольших датских секлингов, мельче еще, чем немецкий пфепинг; частью она круглая, частью продолговатая. На одной стороне обыкновенно изображен всадник, который копьем колет в поверженного дракона; говорят, это первоначально был лишь герб новгородский; на другой стороне русскими буквами изображено имя великого князя и город, где эта монета чеканена. Этот сорт монет называется «деньгами» или «копейками»; каждый из них равен по цене голландскому *stuiver*'у или составляет почти столько же, сколько мейссенский грош или голштинский шиллинг; 60 их идет на один рейхсталер. У них имеются и более мелкие сорта монет, а именно в 1/2 и 1/4 копейки; их называют полушками и московками. Так как они очень мелки, то ими трудно вести торг: они легко проваливаются сквозь пальцы. Поэтому у русских вошло в привычку, при осмотре и мерянии товаров, брать зачастую до 60 копеек в рот, продолжая при этом так говорить и торговаться, что зритель и не замечает этого обстоятельства; можно сказать, что русские рот свой превращают в карман. В торге они считают по алтынам, гривнам и рублям, хотя этих сортов денег в це-

лых монетах и нет; они считают их по известному числу копеек. В алтыне — 3, в гривне — 10, а в рубле — 100 копеек. У них ходят и наши рейхсталеры, которые они называют ефимками (от слова Jochimstal[er]); они охотно принимают ефимки за 50 копеек, а потом отдают в чеканку, выигрывая при этом, так как в рубле, или 100 копейках, на 1/2 лота меньше весу, чем в двух рейхсталерах. Золотой монеты видно не много. Великий князь велит ее чеканить только в тех случаях, когда одержана победа над врагом, или же при иных обстоятельствах, в виде особой царской милости, для раздачи солдатам.

Великий князь время от времени

устанавливает тяжкие налоги. Теперь купцы, как русские, так и иностранные, должны платить в Архангельске и Астрахани 5 со 100, что составляет за год большую прибыль.

Царь зачастую посылает великолепные посольства к его величеству римскому императору и королям датскому, шведскому, персидскому и другим монархам. Более важные из посылаемых лиц называются «великими послами», гонцы и менее важные лица — «посланниками». Временами он присылает и большие подарки, состоящие из мехов. Между прочим, достойно памяти, что великим князем Феодором Ивановичем в 1595 году было послано импе-

Русская монета

ратору Рудольфу II, при значительном посольстве. Я об этом знаю от достоверного свидетеля. Подарки были следующие:

1003 сорока соболей.

519 сороков куниц.

120 черно-бурых лисиц.

337000 лисиц.

3000 бобров.

1000 волчьих шкур.

74 лосиных шкур.

Иногда послы, а особенно — посланники, когда они не везут с собою великокняжеских подарков, дарят соболей от себя, ожидая за то и сами для себя подарков; если ответные подарки вовремя не даются, то они сами о них напоминают.

Великий князь почти каждый год посылает к шаху персидскому посланников или малых послов, которые, при своих зачастую неважных поручениях, занимаются и торговлею (впрочем, купцов своих великий князь посылает еще особо); эта торговля дает им тем большие выгоды, что шах дает им в своей стране полное содержание. Так как царь довольно часто отправляет своих послов к заграничным монархам, то и его зачастую посещают послы от этих последних; часто два, три и более послов одновременно находятся в Москве, и дела и отсылка их идут весьма медленно. Некоторые иностранные государи имеют в Москве своих легатов, постоянных консулов или резидентов, живущих в собственных своих дворах. В Москве устроены удобные дома и дворы, в которых помещают приезжающих послов. В этих домах, однако, нет кроватей, и кто не желает спать на соломе и жестких скамьях, должен везти с собою свои собственные кро-

вати. Ворота посольских дворов заняты крепкими стражами, и раньше строго следили за тем, чтобы никто из посольской свиты не выходил, а из посторонних людей не входил; их охраняли как арестованных. Теперь, однако, после первой публичной аудиенции всякий может выходить, куда ему угодно. [Московские] жители нам говорили, что мы, во время первого посольства нашего, были первыми лицами, имевшими право свободно выходить.

Послы, со всей своею свитою, пока находятся в стране, получают обильное содержание. Постоянно посещают их в это время и служат им два для этой цели отряженные к ним пристава. Обычные вопросы приставов к послам следующие: «Зачем они едут к великому князю?»; «Не знают ли они, каково содержание писем к царю?»; «Везут ли они подарки, и сколько именно, для передачи его царскому величеству?»; «Нет ли чего-нибудь для них, [приставов], лично?». Когда подарки переданы, великий князь немедленно, на другой или на третий день, велит особым людям произвести оценку их стоимости. Раньше послы, после допущения к публичной аудиенции, всегда приглашались к столу в великокняжеских покоях, иногда даже к самому великому князю. Теперь же милостиво жалуемые кушанья и напитки обыкновенно доставляются к послам на дом.

Послам, а равно и служителям их, при возвращении (в том случае, если они доставили подарки от своих государей или от самих себя) подносятся хорошие подарки в виде соболей и других мехов. И послан-

ники, если только они доставляют дружественные послания от иностранных государей, получают обыкновенно «сорок» соболей, которые стоят в Москве 100 талеров или более того.

Чтобы дать возможность послам и эстафетам передвигаться поскорее, на больших дорогах заведен хороший порядок. В разных местах держат особых крестьян, которые должны быть наготове с несколькими лошадьми (на одну деревню приходится при этом лошадей 40, 50 и более), чтобы, по получении великокняжеского приказа, они немедленно могли запрягать лошадей и спешить дальше. Пристав или сам едет вперед, или посылает кого-либо иного и велит ждть эстафету. Коли теперь эстафета, прибыв на место днем или ночью, подаст свистом знак, немедленно появляются ямщики со своими лошадьми. Вследствие этого расстояние от Новгорода до Москвы, в котором насчитывается 120 немецких миль, может быть совершенно спокойно пройдено в 6—7 дней, а в зимнее время, по санному пути, еще и того быстрее. За подобную службу каждый крестьянин [ямщик] получает в год 30 рублей, или 60 рейхсталеров, может, к тому же, заниматься свободно земледелием, для чего получает от великого князя землю, и освобождается от всяких поборов и других тяжелых повинностей. Когда они едут, то пристав должен каждому из них выдать по алтыну или по два (что они называют «помаслить хлеб»). Служба эта очень выгодна для крестьян, и многие из них стремятся быть подобного рода ямщиками.

XLIII

(Книга III, глава 11)

О московитских великих князьях, как они в течение 100 лет, один за другим, правили и что при этом случилось достопамятного

Чтобы лучше пояснить свойство полицейского строя и управления у русских, я намерен здесь, в дигрессии или отступлении от моего путешествия, вкратце упомянуть о некоторых великих князьях и о том, что случилось в то время замечательного и имеющего отношение к нашим действиям. Я начну с жестокого тирана и дойду до нынешнего великого князя Алексея Михайловича.

Тиран Иван Васильевич вступил на престол в 1540 г. по Р. Х. и вел с соседями своими тяжкие и жестокие войны; много немецких лифляндцев и других пленников привел он в Москву, где потомство их и ныне живет в качестве рабов. Как против христиан, даже собственных своих подданных, так и против турок, татар и язычников он свирепствовал и тиранствовал страшно, бесчеловечно, чтобы не сказать — не по-христиански. Некоторые тому примеры приведены уже выше, в описании города Великого Новгорода, и, действительно, весьма ясно доказано, как несправедливо прославляет его Иовий в начале первой книги своих историй, говоря, будто он был «*Christianae religionis cultor sane egregius*», т. е. «государь, очень заботившийся о христианской религии». Вероятно, подобного рода внешнее впечатление должно было получиться от него потому, что он осмели-

вался справлять должность первосвященника, решал споры в духовных делах, ханжески служил сам обедню, пел и исполнял другие церковные церемонии, подобно попам и монахам; часто он за столом весело распевал символ веры Афанасия.

Он имел семь супруг, одну за другою; с первую он произвел на свет двух сыновей: Ивана, которого он сам убил посохом, и Феодора, который наследовал ему в управлении. С последнею женою произвел он сына Димитрия, которого Борис Годунов велел умертвить, как о том будет здесь же рассказано. Тиран умер в 1584 г. по Р. Х., 28 марта, на 56 году своей жизни. Он воспринял страшную кончину и с жалким воем и стоном испустил дух свой. Тело его, начав еще при жизни разлагаться, распространяло нестерпимый смрад за несколько дней до смерти, так же как и после смерти.

Феодор Иванович

Сын его, Феодор Иванович, в том же самом году, 31 июля, на 22 году жизни, был венчан в великие князья.

Так как этот великий князь был молод, и разум его не был столь скор и деятелен, как это было бы необходимо при тогдашнем расстроеном состоянии страны (его главным удовольствием и работою было звонить в колокола до и после богослужения, как о том упоминает Соломон Геннинг в «Лифляндской хронике»), то и сочтено было за благо, чтобы государственный конюший Борис Годунов, родной брат великой княгини, помогал ему в качестве правителя.

Этот Борис Годунов, умною рас-

судительностью своею и осторожным своим управлением, приобрел столь большие заслуги перед странною, а также и любовь, что, по общему мнению, в случае смерти великого князя Феодора Ивановича, а также и молодого государя Димитрия, никто не был более пригоден к управлению, как Борис Годунов. Борис принял это к сведению, и, чтобы тем скорее исполнились мнения и пожелания русских, он велел умертвить молодого государя Димитрия, на девятом году его жизни, через подкупленных для этой цели, с помощью крупных обещаний, придворных служителей. По исполнении этого дела, убийцы, радостные, вернулись в Москву, надеясь получить большие блага от Бориса за столь охотно оказанную услугу. Борис, однако, велел немедленно умертвить убийц, чтобы изменническое дело это осталось неизвестным и тайным, а также тайком поджег Москву в разных местах, чтобы московиты жаловались не столько на смерть Димитрия, сколько на гибель домов и дворов и, ради собственного несчастья, имели повод забыть чужое. Сам он представился весьма огорченным и разгневанным по поводу этого убийства, велел многих углицких жителей ссылкой повергнуть в бедствия, а замок срыть, как место убийства.

Великий князь Феодор Иванович, правивший 12 лет, заболел быстротечною болезнью и умер в 1597 г. по Р. Х.

Борис Годунов

Так как Феодор Иванович не оставил наследников, а брата уже не было в живых, то вельможи совещались, кого иметь великим князем,

[рассуждая при этом так]: «Правда, в стране много знатных вельмож, из числа которых можно бы выбрать государя, но никто не мудр и не осторожен так, как Борис Годунов; к тому же он привык к управлению, и поэтому он, а не кто иной, должен быть великим князем». Борис же, которому предложена была эта высокая честь, представился, точно он вовсе не намерен принять ее, так как она исполнена хлопот, беспокойства, недружелюбия и вражды; он сказал: «Ему приятнее нести клобук простого монаха, чем корону и скипетр», отправился в монастырь, но, тем не менее, повел интриги с некоторыми вельможами и добрыми друзьями, чтобы они не избрали кого-либо помимо него, а, напротив, — как бы он ни отказывался, — настоятельно упрашивали его, пока он, наконец, не согласится. Все и было сделано по его желанию и хотению. Когда русские узнали, что он отправился к сестре своей в монастырь, они, в больших толпах, направились к нему, упали с плачем на землю и умоляли, чтобы он не спешил с пострижением, так как они желают избрать его в великие князья. Наконец, их слезы и мольбы сестры смягчили его, и он принял корону, которой он давно уже домогался и которую ни за что не уступил бы другому. Таким путем Борис Годунов в 1597 г. по Р. Хр. избран в великие князья.

В правление его устроил возмущение русский монах, по имени Гришка Отрепьев, родившийся в Ярославле, в семье незнатных дворян, но отправленный в монастырь для обуздания дерзости и нахальства. Он выдал себя за Димитрия, сына тирана Ивана Васильевича, и достиг

того, что его признали таковым и короновали великим князем. Дело это начато было им следующим образом. Будучи уже юношею на возрасте, притом доброго разума, он, по побуждению и научению старого коварного богатого монаха, тайно отправился в Литву, поступил в слуги к князю Адаму Вишневецкому и прилежно своею службою снискал себе расположение. Однажды, когда господин его, рассердившись из-за какого-то проступка, обозвал его обычным ругательством: «бл..н сын» и ударил по шее, Гришка начал горько плакать и сказал: «Господин, если бы ты знал, кто я, то ты не звал бы меня бл..иным сыном и не обращался бы так со мною!» Когда князь захотел узнать, кто же он такой, он отвечал: он родной сын великого князя Ивана Васильевича; Борис Годунов желал его убить, но, вместо него, велел умертвить священнического сына, бывшего одного с ним возраста и вида. Он же с помощью добрых людей был спасен и уведен в монастырь. При этом он показал золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, и, по его словам, повешенный ему на шею при крещении. До сих пор, сказал он, он не желал открывать, кто он, из боязни перед Борисом Годуновым. Затем он пал на колени перед князем и жалобно упрашивал, чтобы тот принял его под свою защиту. Так как этот беглый монах оказался в состоянии рассказать все обстоятельства, в которых он был хорошо наставлен, и к тому же умел красиво согласовать свой рассказ с выражением лица своего, то он побудил господина своего поверить этой сказке, ему тотчас были подарены великолепные одежды и

лошади, и оказана была честь, вполне достойная великокняжеского сына.

Мало-помалу в стране стало известно, что нашелся истинный наследник великокняжеского престола, чудесным образом спасенный Богом из рук врагов. Этому рассказу поверили тем более, что великий князь Борис, смущенный слухами, обещал много денег и имений тем, кто бы доставил ему в руки предполагаемого Дмитрия. Дмитрия этого, тем временем, чтобы доставить ему больше безопасности, отправили в Польшу, где он был хорошо принят воеводою сандомирским; здесь ему обещали помочь поскорее занять отцовский престол, если он, со своей стороны, пожелает, по возведении на этот престол, насадить в Москве католическую религию. Дмитрий не только соглашается на все это, но даже сам втайне принимает римско-католическую религию и, кроме того, обещает взять в супруги дочь воеводы и сделать ее великой княгиней. Это предложение сильно понравилось воеводе. [Самозванца] представили к королевскому польскому двору, где, в убеждении, что он сын великого князя, его великолепно приняли и угощали. Частью в надежде на величие своего будущего зятя, частью из желания распространить свою религию, воевода положил на это дело все свои силы; совместно с другими польскими вельможами он поставил на ноги большое войско, с которым Гришка явился в Россию и повел против великого князя открытую, весьма кровопролитную войну. Действовал он при этом успешно, занимал один дом и город за другим, приобрел много приверженцев, при-

чем и некоторые военачальники, которых Борис высылал против него, перешли на его сторону. Все это так поразило великого князя, что 13 апреля 1606 г. по Р. Хр. он умер неожиданною, внезапною смертью.

Феодор Борисович

Вельможи в Москве, правда, избрали теперь [в цари] сына покойного великого князя Бориса — Феодора Борисовича, государя еще весьма молодого. Когда они, однако, увидели, что с течением времени могущество Дмитрия становится всё большим, они усмотрели в этом плохое для себя предзнаменование, собрались на совет и пришли к мысли, что здесь они имеют дело с истинным Дмитрием, которого раньше считали убитым в Угличе. Отсюда они вывели, что у них нет оснований бороться с [истинным] государем страны. Когда общине эти рассуждения были сообщены, то [москвичи], как народ переменчивого нрава, легко склонились к этому мнению и громко стали кричать: «Бог да подаст счастья Дмитрию, истинному наследнику страны, и да искоренит Он всех его врагов!» После этого они бегут к Кремлю, хватают только что избранного молодого великого князя и сажат его в тюрьму; затем грабят и ссылают всех, кто еще оставались в живых из рода Бориса Годунова. Они посылают к Дмитрию, просят, чтобы он явился занять престол отца своего и простил им долгое их сопротивление, вызванное частью незнанием, частью подстрекательством Годуновых. Они сообщают при этом, что уже расчистили ему путь: Феодор Борисович с матерью и сестрою в плену, и они собираются передать

их со всем их родом в его власть. Такого известия лже-Димитрий ждал уже давно. Еще до отправления своего в город Москву и в столицу, он отправил вперед дьяка или писца Ивана Богданова, который должен был умертвить молодого великого князя вместе с его матерью и сообщить, будто они сами отравились ядом. Вследствие этого молодой великий князь Феодор Борисович и был удушен веревкою во второй месяц своего правления, а именно 10 июня 1605 г.

Лжедимитрий

16 июня Лжедимитрий со всей своею силою наконец подступил к городу Москве. Тут московиты высокого и низкого звания вышли ему навстречу, неся великолепные подарки и желая счастья по случаю въезда. 29 июля его с большою пышностью короновали. После этого, чтобы обман был тем менее заметен и чтобы его тем скорее сочли за истинного Димитрия, он велел вновь доставить в Москву мать истинного Димитрия, которую Борис Годунов велел посадить в далекий от Москвы монастырь, — вышел к ней навстречу, с великолепною свитою, любезно принял ее под городом, устроил ей царский стол в Кремле, ежедневно посещал ее и оказывал ей такой высокий почет, какой лишь сын может оказывать родной своей матери. Эта добрая женщина, которая, правда, знала, что ее родной сын был, действительно, убит и что настоящий не может считаться ее собственным, тем не менее дала всему этому совершиться — частью из страха, частью из желания, после столь долго испытанных горя и печали, насладиться

подобным почетом и увеселениями; она не противоречила ничему.

Однако Димитрий начал устраивать и соблюдать придворный порядок и строй правительства, обычаи и обыкновения не в том роде, как другие русские и [прежние] великие князья. Он женился на польской, католического исповедания, девице, а именно на дочери воеводы сандомирского; взял большое количество денег и средств из казны и послал их, для великолепного снаряжения невесты, в Польшу; справил брак скорее по-польски, чем по-московитски, а молодая великая княгиня сейчас же, на другой день после брака, должна была снять московитские одеяния и надеть польские. Сам он велел поварам своим готовить телятину и другие кушанья, которых русские не едят, считая их мерзостью. За все время брака он ни разу не сходил в баню, хотя она и готовилась для него ежедневно. Немытый ходил он в церковь, сопровождаемый многими собаками, чем осквернял их святыню. Недостаточно низко кланялся он их святым [иконам] и вообще совершал еще многое другое, причинявшее русским сердечные страдания, так что им пришли иные мысли и они поняли, что обмануты. Среди знатнейших князей страны был Василий Иванович Шуйский, который втайне вел об этом разговоры с другими вельможами и папами и указывал им на великую опасность, которой подвергается, ради этого великого князя, их религия, их страна и люди. «По-видимому, — [говорили они], — он не великокняжеский сын по происхождению и не верный отец отечества, а изменник перед родиною». Поэтому они согла-

сились тайно устранить Димитрия. Однако тайный заговор этот стал известен великому князю, который велел многих русских засесть до смерти, а Шуйского, главу заговора, подвергнуть пытке, сечь кнутом и приговорить к смерти. Когда, однако, его привели к месту казни, и топор уже касался его шеи, великий князь велел объявить ему милость и на этот раз простил его за такой *crimen laesae maiestatis*, т. е. вину оскорбленного величества, полагая, что, в этом случае, он выказал себя, смотря по обстоятельствам дела, и строгим и справедливым государем, что подданным своим он внушил страх к подобным заговорам и приобрел, в то же время, любовь их к себе.

Русские некоторое время после этого были смиренны и покорны ему и, таким образом, внушили своему великому князю чувство полной безопасности, вплоть до дня брака, который совершен был в 1606 г. 8 мая. Когда в это время, вместе с невестою, в город вступили многие поляки и другие иностранцы, большею частью в полном вооружении, то это русским вновь открыло глаза. Князь Василий Шуйский опять призвал знатнейших в городе тайно во двор свой, повторил о великой опасности, которой подвергается их отечество при настоящем великом князе, и говорил, что дальнейшее оставление управления в его руках привело бы, несомненно, к их окончательной гибели. [Он сказал:] лично сам он уже однажды жертвовал жизнью ради греческой религии и благополучия отечества; готов он и впредь делать то же и изыскивать средства для предупреждения несчастья, если только и они готовы помогать ему. Ос-

тальные, не долго думая, обещали и клялись пожертвовать, заодно с ним, имуществом и кровью, только бы он начал то, чего желал.

Это решение держали в тайне и стали ждать случая, который и нашелся в последние дни брачных празднеств. 17 мая, в 9 день брака, ночью, когда великий князь и его приближенные находились в опьянении и сне, — русские поднялись, велели бить в набат во все колокола и быстро вооружили весь город. Прежде всего пошли на Кремль, перебили польскую стражу у ворот, открыли ворота, ворвались в великокняжеские покои, все разграбили и расхитили; великий князь, который думал спастись через окно на площадь среди оставшейся стражи, был схвачен, избит и со многими насмешками вновь отведен в покои. Когда его предполагаемая мать это узнала и, с крестным целованием, спрошена была Шуйским, истинный ли это ее сын, она тотчас ответила: «Нет; она родила лишь одного сына, который в ранней молодости вероломно был умерщвлен». После этого Лжедимитрия застрелили из пистолета. Затем слуги, свадебные гости и другие иноземцы, в том числе многие ювелиры с великолепными драгоценностями, в общей сложности 1700 человек, были немилосердно перебиты. Великую княгиню с ее отцом, воеводою, с братом, равно как и королевских польских послов, отправленных на торжество бракосочетания, захватили в плен и обошлись с ними столь дурно, что, например, благородных женщин насильно валили наземь и бесчестили. Тело Димитрия раздели донага, потащили на площадь перед Крем-

лем и оставили в течение трех дней лежать нагим, на столе, так что каждый мог видеть и проклинать обманщика. После этого его, правда, закопали в землю, но вскоре вновь выкопали и сожгли.

Князь Василий Иванович Шуйский

Так как все это дело удалось вполне по мысли русских, то они вожака своего, князя Василия Ивановича Шуйского, сделали великим князем и короновали его 1 июня 1606 г. Едва только он вступил в управление, как вновь поднялся новый обманщик, по имени князь Григорий Шаховской, вздумавший воспользоваться хитросплетением бывшего Димитрия. Во время сумятицы в Кремле он достал печать великого князя, отправился вместе с нею, в сопровождении двух поляков, в Польшу, распространяя по дороге, во всех постоянных дворах, слух, будто он Димитрий, и якобы в свалке хитростью спасся от русских: «Так как дело происходило ночью, то они другое лицо приняли за него и убили на его месте; теперь же он желает в Польше собрать новое войско и отомстить москвитам за испытанные позор и убытки». Везде он раздавал при этом хозяевам [постоялых дворов] щедрые подарки. Не бывшие в Москве верили этому и сообщали в Москву. Слухи эти опять вызвали не малую смуту. Русским пришлось вести теперь большие войны против этого обманщика, и еще другого, стало быть — уже третьего самозванца. Последний называл себя также Димитрием, родным сыном Ивана Васильевича, но, на самом деле, был

сначала в Москве простым писцом. Будучи очень остроумен и красноречив, он приобрел достаточное количество сторонников не только из беглого люда, но и среди больших городов. Сюда присоединялись еще польские вельможи, немало помогавшие ему с тем, чтобы отомстить москвитам за испытанный позор. Так как русские зачастую сильно страдали при этом, то они стали винить великого князя Шуйского, полагая, что он несчастлив в правлении своем, так как победа как бы бежит его и склоняется в сторону врагов. «Кровопролития в России, — [думали они], — не прекратятся, пока власть принадлежит ему». Поэтому они, подстрекаемые тремя московитскими господами, а именно: Захарием Ляпуновым, Михаилом Молчановым и Иваном Ржевским, в третий год правления его, отняли у него скипетр и корону, отправили в монастырь и здесь, против его воли, постригли в монахи. После этого решили уже не брать из собственной своей среды государя, а иметь великим князем иностранного высокого монарха, рожденного от королевских или великокняжеских родителей. Со стороны величия, близости по языку, нравам и одежде и по другим причинам они не знали более удобного кандидата, как польского королевича Владислава. Поэтому они сделали соответствующее предложение королю польскому, который, на известных условиях, его и принял. Случилось это в 1610 г. по Р. Х.

Тут русские опять извлекли своего великого князя Василия Шуйского из монастыря и послали его, вместе с братом его Димитрием Шуйским, русским полководцем, а так-

же еще с третьим братом и несколькими другими русскими господами из рода Шуйских, в плен, к Смоленску, к королю польскому. Под властью короля польского и умер в заточении великий князь и, как говорят, похоронен, близ дороги, между Варшавой и Торном.

*Владислав, сын Сигизмунда,
короля польского*

Король польский дал своему полководцу Станиславу Жолкевскому, стоявшему в это время с войском, с враждебным намерением, перед Москвою, приказание, чтобы, по заключении перемирия, он принял, именем королевича, присягу, стал править делами и оставался в Москве до тех пор, пока Владислав не придет лично. Русские согласились на это, присягнули полководцу на имя Владислава и в свою очередь взяли с него присягу, ввели Жолковского с 1000 человек в великокняжеский столичный дворец и оказали ему прием со всякого рода роскошными подарками и угощением. Польское войско, тем временем, мирно стояло вне города, между москвитами и польским лагерями была большая дружба, ежедневно обе стороны сходились, и происходил торг. Тем временем поляки поодиночке стали входить в город, ища у горожан пристанища; в конце концов, до 6000 человек оказалось в Кремле и вокруг него; они стали весьма в тягость русским в домах, церквах и на улицах, и горожане предпочитали лучше не иметь никаких дел с поляками, тем более что время приезда нового великого князя, несколько замешкавшегося, показалось им слишком далеким, да и

все дело начало казаться подозрительным. Поэтому москвиты собрались 20 января 1611 г. на площади перед Кремлем в числе нескольких тысяч, стали сильно жаловаться на большие насилия и распутные действия солдат, совершавшиеся ежедневно по отношению к дочерям, женам и в особенности к святым их; в [иконы] этих последних поляки стреляли из пистолетов. Кроме того, ежедневное содержание 6000 человек в городе стоило больших денег. Они жаловались также, что испытывают помеху во всех своих делах и крайне истощаются поборами; не знают они, далее, что и думать о причинах неприезда вновь избранного великого князя; поэтому они не в состоянии долее выдержать, должны сами позаботиться о своем благополучии и прибегнуть к другим средствам.

Хотя [польский] полководец добрыми словами и старался примирить их с собою и даже назначил суровые наказания некоторым преступникам из числа своих солдат, все-таки русские не удовольствовались этим. Опасаясь всеобщего восстания, поляки расставили сильную стражу, заняли все улицы и ворота и запретили русским попадаться со смертоносным оружием в руках. Это еще более ожесточило русских; они собрались толпами в разных частях города с тем, чтобы полякам пришлось разделиться для борьбы с ними. Поляки же зажгли в разных местах город, так что русские должны были бежать, чтобы не дать погибнуть в пламени своим женам, детям и всему, что им было дорого. Отсюда возник столь сильный пожар и такое кровопролитие, что в течение двух дней обращен был в пепел весь обширный город Москва

за исключением лишь Кремля и каменных церквей; погибло более 200000 московитов, а остальные принуждены были бежать из города. После этого Кремль, великокняжеская казна, церкви и монастыри были начисто ограблены, и невероятные богатства в золоте, серебре, жемчуге, драгоценных камнях и иных дорогих вещах были захвачены и отсланы в Польшу. Как рассказывает Петрей, солдаты, из озорства, крупными одиночными жемчужинами заряжали свои ружья и стреляли на воздух. Еще по сию пору русские жалуются на это громадное хищение и, между прочим, на пропажу большого единорога, украшенного крупными алмазами и другими драгоценными камнями.

Через 14 дней после этой сумятицы Захарий Ляпунов (перед тем, с двумя соучастниками, добившийся того, что Шуйский был изгнан, а королевич польский избран в великие князья) с несколькими тысячами человек, собранными им в стране, явился под Москву, осадил поляков в Кремле, и, так как они в сражении также были заметно ослаблены, то он нанес им сильный ущерб и добился того, что поляки должны были просить мира, сдать Кремль и снова уйти из страны.

Михаил Феодорович

Когда русские вновь стали хозяевами в стране, они избрали и короновали великим князем Михаила Феодоровича. Случилось это в 1613 г. Отец его был Феодор Никитич, родственник тирана Ивана Васильевича. Когда он оставил брак и вступил в духовное звание, его избрали в пат-

риархи, причем он изменил имя и стал называться Филаретом Никитичем. Сын его, подобно ему, по природе своей был очень благочестив и богобоязнен; отцу своему он, в течение всей его жизни, оказывал великий почет и сыновнее послушание. Когда перед его царским величеством должны были являться послы иностранных государей, отец, по его желанию, со своими клириками, во время публичной аудиенции, сидел по правую руку его. Этот патриарх скончался в 1633 г., незадолго до приезда нашего в Москву.

Великий князь Михаил Феодорович застал, при вступлении своем на престол, в стране большие беспорядки. Он постарался поскорее заключить мир с соседними государями, правил кротко и относился милостиво к иностранцам и туземцам; все говорили, что в стране, в противность тому, к чему русские привыкли, за целые сто лет не было столь благочестивого государя. Он скоропостижно скончался в 1645 г. 12

Печать патриарха Филарета

июля, после правления, продолжавшегося 33 года, 49 лет от роду. Восемью днями позже скончалась и супруга его, великая княгиня. Ему наследовал в правлении сын его [великий] князь Алексей Михайлович, правящий поныне.

Ранее чем продолжать описывать царствование этого великого князя и наблюдавшееся до сих пор состояние России, я хочу упомянуть о новом обманщике, который, при кончине предыдущего и вступлении на престол нынешнего великого князя, не постеснялся прибегнуть к обману вроде прежнего Лжедмитрия и выдавал себя за законного наследника великокняжеского престола.

XLIV

(Книга III, глава 12)

О Лжешуйском, иначе говоря — Тимошке Анкудинове, его происхождении, действиях и гибели

Был некий русский, который желал именоваться Iohannes Sinensis [Szuensis?] — что, по его словам, по-сарматски переводится «Иван Шуйский». Бежав из-за некоторых преступлений из Москвы, он выдавал себя в чужих странах за сына бывшего великого князя Василия Ивановича Шуйского. Нынешний великий князь Алексей Михайлович с большими затратами разыскал его; он был схвачен, и в минувшем году в Москве его казнили.

Так как он в различных странах, частью лично, частью по слухам, был известен, и весьма многие, в том числе и высокие государи, не знали

истинных обстоятельств о нем, и даже были о нем весьма различных и неправильных мнений, — я хочу вкратце рассказать всю истину о нем, как я ее достоверно узнал не только от русских, но и от немцев, живущих в Москве и хорошо с ним знакомых.

Истинное имя его — Тимошка Анкудинов. Родился он в городе Вологде, лежащем в области того же наименования, от простых, незнатных родителей. Отец его назывался Демкою или Дементием Анкудиновым и торговал холстом. Так как отец заметил в нем хорошие способности и выдающийся ум, то он дал ему возможность прилежно посещать школу, так что Тимошка скоро научился читать и красиво писать и достиг, стало быть, высшей степени русской образованности, дальше которой они до сих пор не заходили. Помимо того, у него оказался еще хороший голос для пения — он умел красиво исполнять церковные песнопения — и поэтому тогдашний архиепископ вологодский и великопермский, именем Нектарий, полюбил его, принял ко двору своему и поместил на церковную службу. Здесь он вел себя так хорошо, что архиепископ выдал за него замуж дочь своего сына, рожденного до принятия архиепископом духовного сана. Тут Тимошка загордился и иногда в письмах своих стал именовать себя внуком наместника вологодского и великопермского. Промотав в беспорядочной жизни, после смерти архиепископа, имущество жены своей, он с женой и ребенком перешел в Москву, где его принял бывший друг его по архиепископскому двору Иван Патрикеев, дьяк приказа «но-

вой четверти», и устроил писцом в том же приказе. И здесь он вел себя так хорошо, что ему поручили сбор и расходование денег; а заведывал приказ этот деньгами, получавшимися с великокняжеских кабаков и трактиров. Некоторое время он добросовестно исполнял свои обязанности, но, наконец, подружился со скверными товарищами, стал пьянствовать и играть, и при этом прибрал к рукам великокняжеские деньги. Когда он увидел, что при предстоящем отчете (а отчет этот при московском дворе требуют всегда наистрожайшим образом и всех подлежащих отчету держат в страхе) ему не достанет ста рублей, он пустился на всяческие хитрости и выдумки, чтобы пополнить украденные деньги. Между прочим, он отправляется к писцу того же приказа Василию Григорьевичу Шпилькину, который был его кумом (что в Москве имеет большое значение) и неоднократно ему оказывал благодеяния, и говорит: прибыл в Москву из Вологды знатный купец, добрый друг его; его он на завтрашний день пригласил к себе в гости: чтобы теперь нарядить свою жену более обыкновенного и вывести, как это принято, с чаркою водки, он просит своего кума и надежного друга одолжить ему своей жены жемчужный ворот и украшения, которые вскоре в полной сохранности будут возвращены ему на дом. Шпилькин, не подозревая ничего дурного, охотно, без залога, исполнил его просьбу, хотя украшения и стоили дороже 1000 талеров. Тимошка, однако, не только забыл вернуть эти вещи, но даже, когда Шпилькин ему о возврате напомнил, стал отрицать получение от него чего-либо

и требовал доказательств. Шпилькин призвал Тимошку к суду и, когда тот тем не менее стал отрицать, он настоял на заключении его в тюрьму. Но так как обвиненного нельзя было уличить, его отпустили на поруки. Тем временем он все-таки не мог вернуть похищенных денег. В то же время и собственная жена Тимошки, с которою он жил не в ладах, стала сильно упрекать его как за это преступление, так и за мужеложство с мальчиками, в котором его часто заставляли, и Тимошка стал опасаться, как бы жена его, в конце концов, не совершила полной исповеди, после чего истина и все его злодеяния вышли бы наружу. Чтобы затушить это дело, он решился на еще большее преступление: он взял сынка своего и привел его к доброму своему другу Ивану Пескову в Разбойный приказ, а сам ночью вернулся в свой дом, находившийся на Тверской, недалеко от двора шведского резидента, запер жену свою в комнате, подложил огонь и сжег свой дом, а в нем и жену. Затем он бежал в Польшу, так что долгое время не знали, жив ли он еще или сгорел вместе с домом. Это случилось осенью 1643 г.

Когда, два года спустя, московские послы прибыли в Польшу, и стало известно, что там находится такого рода русский, а Тимошка стал опасаться, как бы о нем не стали спрашивать, то он в 1646 г. бежал оттуда к казацкому полководцу Хмельницкому, у которого жаловался, будто его преследуют за происхождение его из рода великих князей. Льстивыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обрачались с ним здесь хорошо. Двумя годами позже царский

посланник по имени Яков Козлов, по другому делу, был прислан к Хмельницкому; он увидел здесь Тимошку, узнал его и стал в добрых словах уговаривать, чтобы он бросил беганье и вернулся опять в Москву: ошибка с великокняжескими деньгами легко может быть прощена ему по заступничеству добрых друзей. В то время еще не знали, что он выдавал себя за сына великого князя Шуйского. Тимошка, однако, не захотел поверить другу, и так как нечистая совесть гнала его дальше, то он опять исчез и в 1648 г. бежал в Турцию, дал себя обрезать и принял магометанскую веру. Так как здесь из-за блудного дела, им совершенного, угрожала опасность его голове, он тайно бежал, отправился в Италию, в Рим, и здесь принял римско-католическую веру. Отсюда он отправился в Австрию, в Вену, а затем в 1660 г. в Трансильванию или Семиградье к князю Ракоци. Этот последний его принял, поверил хитрым его уверениям, сильно пожалел его и, по убедительной его просьбе, отпустил с рекомендациею к другим государям. Отсюда направился он в Швецию, где правившая в то время королева Христина, ради рекомендательного письма князя Ракоци, оказала ему всяческую милость и отпустила от себя с хорошими подарками. Тем временем русские купцы, находившиеся в Стокгольме, сообщили в Москву о прибытии в Стокгольм такого человека. Его царское величество велел немедленно же послать к ее королевскому величеству в Швецию писца Козлова с письмом такого содержания: «Дошло до сведения его царского величества, что некий русский, к большому ущербу для его

царского величества, именующий себя родным сыном царя Василия Ивановича Шуйского (не оставившего, однако, никакого мужского потомства) и называющий себя Iohannes Sinensis, явился в Стокгольм; поэтому желательно, чтобы, ради соседственной дружбы, означенный Лжешуйский был выдан этому их посланному». Названный Шуйский, однако, еще до прибытия гонца, уже успел собраться в путь и уйти в Лифляндию. Оставшийся слуга его Костька, т. е. Константин, был здесь пойман, закован во многие цепи и отправлен в Москву. Тимошка, правда, был заключен под стражу в Ревеле по розыскному письму ее величества королевы шведской, но вырвался на волю и бежал. Тем временем мать Тимошки и все, кто были в доброй дружбе с беглецом, из простого подозрения в существовании заговора, были заключены в тюрьму, подверглись пытке, а иные и померли при этом. Уйдя из Лифляндии, Тимошка отправился в Брабант и был, как он сам пишет, у эрцгерцога Леопольда. Отсюда направился он в Лейпциг и Виттенберг с поляком, по имени Стефаном Липовским, принял здесь аугсбургское исповедание и причастился, как это видно из собственной его исповеди, писанной по-латыни, снабженной его собственноручною подписью и печатью и по сию пору находящейся в означенном университете. Наконец он прибыл в Голштинию и явился в Нейштадт, где его поймал и заключил под стражу русский купец, по имени Петр Микляев из Новгорода, также высланный с царскими розыскными грамотами к немецким князьям и монархам. Отсюда его, по

приличествующей случаю просьбе, полученной от того же русского, и также и со стороны знатного купца в Любеке, доставили в княжескую резиденцию Готторп и держали здесь до тех пор, пока от его царского величества не были отправлены специальные грамоты и гонцы к его княжеской светлости в Шлезвигштению.

Его царское величество, ради этого Тимошки, рассылал время от времени к европейским королям, князьям и государям послов и гонцов и выхлопывал розыскные грамоты, чтобы беглец нигде не мог чувствовать себя в безопасности, но везде, где бы его ни встретили, мог быть схвачен. Поэтому как только его царское величество узнал от посланника, по этому делу отправленного в Швецию, что Тимошка захвачен в Нейшгадте в Голштинии, как он тотчас же отправил к его княжеской светлости двух гонцов, одного за другим, с грамотою одинакового содержания.

Письмо его величества царя московского к его светлости князю шлезвигштинскому.

«Бога Всемогущаго, во всем все творящаго и добрыми утешениями все народы охраняющаго, в Святой Троице возвеличеннаго и в единстве славимаго Господа Бога нашего милостью, промыслом, мощью, силою и волею избранные соблюдать и содержать великую российскую державу, держа в руках скипетр истинной христианской веры, и охраняя другия увеличенныя и вновь приобретенныя государства, с помощью Божию, в мире и без смятения, до века, — мы, великий государь царь и

великий князь Алексей Михайлович и пр. (с обычным полным титулом), державнейшему Фридриху, наследнику норвежскому, герцогу шлезвигскому, голштинскому, стормарнскому и дитмарсенскому, графу ольденбургскому и дельменгорстскому [объявляем] наш любезный привет.

В минувшем 1644 г. — по московскому календарю 7152 — обокрали нашу царскаго величества казну Тимошка Анкудинов да Костька Коныхов, которые от наказания смертною казнию бежали из земель нашего царскаго величества в Константинополь и там приняли мусульманство. Так как они и там совершили злые поступки, то они вновь бежали от наказания смертной казнию и прибыли в Польшу и Литву, вызвали смуту у государей, и находились в войске запорожских казаков у генерала Федота Хмельницкаго, который обоих вышеназванных наших воров и изменников, по приказанию великаго государя Иоанна Казимира, нашего брата, короля польскаго, должен был схватить и передать посланным к нему короля польскаго дворянину Ермоличу и нашему дворянину Петру Протасьеву; по этому делу означенный Хмельницкий особо писал к нашему царскому величеству. Однако воры и изменники наши бежали в Рим и приняли там латинскую веру, а затем бежали к другим государям, затеявая у них смуту и переменяя имена свои. Один из них Тимошка называл себя Шуйским, а в иных местах Sinensis'ом, Костька же выдавал себя за его слугу. Оба появились и в шведском королевстве, где их узнали наши купцы из Новгорода и иных городов.

После этого их схватили, а именно Тимошку арестовал генерал в Ревеле, а Костьку генерал в Нарве, но оба генерала не хотели, без указа великой королевы шведской, выдать нам обоих изменников. После этого мы писали к великой королеве чрез нашего дворянина NN, чтоб она приказала обоим вышеназванных наших изменников передать нам, на что великая королева шведская согласилась и генералу в Ревеле письмом своим указала, чтобы оба наши изменника были переданы дворянину нашему, когда он из Стокгольма прибудет в Ревель. Когда, однако, дворянин наш из Стокгольма прибыл в Ревель, то ему был передан только изменник Костька. Что же касается Тимошки, то он бежал из-под ареста, и пока наш дворянин находился в Ревеле, нигде не мог быть найден. Однако, позже он в Голштинии, в Нейштадте, был схвачен и брошен в темницу. Поэтому мы и послали к вашей любви с нашего царского величества письмом посланника Василия Шпилькина с несколькими из наших подданных, чтобы вы указали передать ему означенного нашего изменника и переслать его нам. (До сих пор первое письмо от 31 октября 1652 г. и второе от 5 января 1653 г. были слово в слово схожи одно с другим. В последнем дальше прибавлено.) Но в минувшем году в декабре месяце прибыл к нам Петр Микляев из Новгорода и доставил нашему царскому величеству от ваших советников доказательство, что он с Иоганном фонреном из Любека схватил означенного нашему величеству изменника в вашем городе Нейштадте, что ими принесена вам жалоба и сообщено

о его воровстве, и что, в силу этого, вы приказали его доставить из вашего княжеского города Нейштадта в Готторп и содержать под сильной стражею. Поэтому мы и посылаем с настоящим нашего царского величества письмом означенного Петра Микляева, чтобы вы, согласно с первым и настоящим нашим письмом, приказали передать вышеозначенного арестанта и нашего изменника нашим посланникам Шпилькину и Петру Микляеву и другим нашим подданным, и соизволили, через них, переслать его к нам, дабы изменник не бежал и не вызвал дальнейших беспокойства и смуты. За то и наше царское величество, в свою очередь, окажем вашей любви всякую услугу, когда в этом будет необходимость.

Вор и изменник нашего царского величества по имени Тимошка — весьма низкаго звания. Он сын простого торговца холстами, отца его зовут Демкою Анкудиновым из предместья Вологды, его мать — Соломонидкою, а сына, который еще жив, Сережкою. Означенный Тимошка служил в Москве в новой четверти и обворовал нашу казну, убил свою жену и сжег ее в своем доме, вследствие чего сгорели одновременно и дома многих других людей и многим нашим подданным нанесен был убыток. Поэтому он приговорен к смерти, бежал и находится в бегах вплоть до настоящего времени, вызвав во многих странах беспокойство. Дано в нашей царского величества столице Москве 5 января в год от сотворения мира 7161 (от Р. Хр. — 1653)».

Третье и последнее письмо к его

княжеской светлости по тому же поводу было отослано 17 октября того же года, после чего пленник был передан русским.

Один из посланников, доставивших эти письма и отвезших пленника, был, как видно из этого письма и как уже сказано, [Василий] Григор[ьевич] Шпилькин, писец, бывший сотоварищ Тимошки в канцелярии «четверти», у которого Тимошка обманым образом выманил драгоценности его жены. Когда ему однажды было разрешено видеть пленника и разговаривать с ним в присутствии нескольких знатных придворных чинов, Тимошка важною походкою выступил к нему навстречу, представился, будто он его никогда не видел, не хотел даже говорить с ним по-русски, но требовал, чтобы тот говорил с ним на сарматском языке, которого Шпилькин не знал. Когда Шпилькин спросил: «Не он ли Тимошка Анкудинов, обокравший великокняжескую казну и совершивший другие злодеяния?», он ответил: «Весьма возможно, что негодяй, по имени Тимошка Анкудинов, и обокрал казну великого князя (здесь говорят «обокрасть казну великого князя» не про кражу со взломом в самой казне, но про утайку денег, которые должны были идти в казну или принадлежали казне), но его лично это не касается, так как его имя Johannes Szuensis, по-сарматски — Шуйский». В это время он не хотел сказать, что он — сын великого князя Василия Ивановича Шуйского. Когда, однако, Шпилькин еще дольше с ним стал говорить и начал напоминать ему про прежнюю его жизнь, он начал смеяться над ним и ругать его:

он говорил, что не может признать его посланником, что он, как видно из его фамилии, очевидно, торговец шпильками.

Некоторое время спустя, по выраженному им же самим желанию, через придворного канцлера и советников, стали спрашивать Тимошку о некоторых пунктах, а именно: «какого он происхождения и рода? родственник ли он великому князю? почему его великий князь преследует? чем он мог бы вредить ему?», и Тимошка отвечал частью устно, частью в особой записке. Его собственные слова были таковы: «Ведь уже слышали, что я Johannes Szuensis или по-сарматски Ян Шуйский, наречен в святом крещении Тимофеем. Я — сын Василия Домициана Шуйского, который имеет свое фамильное имя от лежащего в Московии города Шуи и происходит из фамилии московитской нации. Родился я и воспитан в некоей части королевства польского, в провинции новгород-северской. вотчинник я в Украине Северной, где у меня собственные именья «Великое Болото», близ московитской границы. Нынешний великий князь мне вовсе не родственник, так как отец его только из дворян) мой же отец был из княжеского рода. Так как великий князь знает это, то он и преследует меня. Хан татарский, ныне воюющий с короною польскою, подстрекал меня враждебно напасть на московитскую землю, но я, помня, что мои древние предки называли эту страну своим отечеством, из любви к ней, не сделал подобной попытки, то есть не пытался насилием ответить насилием. Я бы мог послать в землю великого князя 100000 са-

бель, но Бог да хранит меня от подобного поступка и т. д.». То же самое излагал он и в письме на имя патриарха. Первый московитский посланник, прибывший из Швеции, явившись к нему, стал с ним дружелюбно говорить и посоветовал ему обратиться с прошением на имя патриарха, имеющего большое влияние на великого князя и легко могущего своим заступничеством вновь вернуть ему милость; и сам посланник также обещал похлопотать. Шуйский, положившись было на слова этого русского, передал ему закрытое письмо на имя патриарха, в котором, между прочим, говорилось: он родился русским и в крещении наречен Тимофеем (отсюда уменьшительное — Тимошка), его прельщали, чтобы он послал в страну 300000 сабель, но ночью явился ему ангел, увещевавший его не предпринимать ничего подобного против собственного отечества и религии; он принял это к сердцу и хотел вновь в мире идти домой; недавно в Нейштадте ему снова можно было освободиться, но он не захотел этого сделать, чтобы иметь возможность представиться и с посланниками вновь вернуться в Москву. Когда, однако, посланник вскрыл это письмо и прочел его в моем присутствии, Тимошка стал отрицать свою руку и сказал: он ничего об этом не знает; он показал другого рода почерк и ругал и поносил посланника так, что тот, не будучи в состоянии стерпеть, плюнул на письмо и бросил его ему в лицо. Тимошка тотчас же разорвал письмо на мелкие кусочки.

Своими непостоянными и переменчивыми речами и записками Тимошка достаточно ясно выказал, что

он стоит на лживой основе. Иногда он говорил: «Он — русский и сын великого князя Василия Ивановича», а в переданной записке он называл своего отца Василием Домицианом. Между тем известно, что из трех братьев Шуйских — а других Шуйских тогда и не было в России — никто не назывался так. То опять он отрицал свое русское происхождение и писал в вышеупомянутой записке: «Я могу доказать с очевидностью, что — хотя тело мое нестерпимыми муками и ослаблено — тем не менее ни из языка, ни из привычек, ни из состояния моего нельзя вывести, что я московит». Он не отпускал бороды, как другие русские. Во время долгих своих путешествий он изучил довольно сносно несколько языков, как-то: латинский, итальянский, турецкий и немецкий, так что на каждом из них мог излагать свои мысли. Он умел также писать по-русски разными почерками, меняя руку, смотря по тому, как это ему было выгодно. Грамоты, приходившие, ради него, от его царского величества к его княжеской светлости он старался представить подозрительными и старался в переданной им записке убедить нас, что эти грамоты вымышлены и фальшивы, так как они не подписаны ни его царским величеством, ни кем-либо из вельмож. «Богу и людям известно, — говорил он, — что каждое запечатанное письмо, подобно настоящему, лишенное подписи, не может иметь значения». Однако Тимошка ошибался, воображая, что мы не знаем канцелярских обыкновений русских. Ни одна из царских миссив или грамот к другим государям, даже никакие договоры не подписываются самим царем; считается достаточ-

ным, что они снабжены большою печатью. Бояре же и государственные советники, которые вели переговоры по данному делу, подписывают особую грамоту относительно договоров и подкрепляют ее своими печатями, которые имеют то же значение, как если бы подпись была дана самим его царским величеством. Когда Тимошка увидел, что хитрость и обман его разгаданы и что ему не удастся выговорить себе свободу, но что он будет, в конце концов, выдан русским, он из отчаяния думал сам себя лишиться жизни. Когда он на пути в Травемюнде, где его должны были посадить на судно, проезжал мимо Нейштадта, он нарочно выбросился из повозки, упал на голову и подвалился под колесо, надеясь так покончить с собою, но так как ехали по песку и телега сейчас же остановилась, то его невредимого снова посадили в телегу и стали еще старательнее сторожить. Позже на пути в Москву он придумывал разные средства, чтобы лишиться себя жизни; но так как это заметили, то эти средства были у него отняты прилежною охраною. В общем он был все время довольно весел, вплоть до приезда в Новгород; здесь он начал печалиться и уже от Новгорода до Москвы не желал ни есть ни пить.

Как только прибыли с ним в Москву, его немедленно же отправили на пытку. Однако во время пытки и перед смертью своею он вел себя крайне упрямо: можно было предполагать, что он поступает так, или желая, чтобы его сочли за сумасшедшего, или же зная, что все равно он будет казнен, сознается ли в правде или нет; из отчаяния он хотел скорее, чем сознаться, продолжать упор-

ствовать в начатом и продолжавшемся им обмане и злодействе, чтобы иностранные государи его постоянством в речах были подкреплены в мыслях, которые он хитростью им внушил. На совесть свою он обращал здесь столь же мало внимания, как раньше при принятии столь многих религий; вероятно, он думал: «Лучше бегом попасть в ад, чем идти туда шагом».

Когда ему на пытке, в присутствии отряженных для этой цели знатнейших государственных советников, были заданы вопросы о некоторых пунктах и он был допрошен, он сказал: он не почитает никого, за исключением вельможи и боярина Никиты Ивановича Романова, достойным вести переговоры с ним. (А боярин этот был давно известен ему своей храбростью и добрым нравом.) Пришлось, вследствие этого, двум из бояр отправиться к Никите и просить его зайти к нему. Тем временем Тимошка попросил пить, и когда ему принесли деревянную чашку с квасом или слабым пивом, он отказался от кваса и не захотел пить из деревянной чашки, требуя, чтобы ему дали испить меду из серебряного сосуда. Когда исполнили эту его просьбу, он поднес сосуд ко рту, но отпил лишь немного. Когда теперь боярин Никита с двумя другими боярами вошли к нему, он смиренно поклонился ему, но еще упорнее стал утверждать, что он сын царя Василия Ивановича Шуйского. Ему, однако, было сказано и доказано, что он сын Дементия Анкудинова, простого торговца холстом в Вологде, а вовсе не из великокняжеского рода Шуйских. Покойный великий князь Василий Иванович Шуйский вовсе не имел детей, а лишь двух братьев: кня-

зя Димитрия Ивановича и Ивана Ивановича Шуйских, которые также не оставили мужского потомства. Эти три брата, вместе с тогдашним патриархом Филаретом Никитичем были отправлены в Польшу в плен, как это указано выше. Старшие два брата умерли в Польше, третий же, по имени Иван Иванович, вместе с патриархом был отпущен на волю, прибыл в Москву и скончался лишь в правление нынешнего великого князя, немного лет тому назад. Было из этого же рода еще одно лицо — именно брат их отца князь Василий Федорович имевший лишь одного сына, а именно князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, который в то время, когда шведский полководец занял Великий Новгород, умер, также не оставив наследников. Таким образом, Тимошка не мог быть из рода Шуйских.

Во время пытки ему была представлена родная его мать — ныне монахиня; она, горько плача, жаловалась на его несчастье и увещевала его отказаться от своего безумия, признать истину и умолять царя о милости. Тимошка печально смотрел на нее, но представился, будто не узнает ее. Ему дали очную ставку и с писцом Иваном Песковым, которому он накануне бегства доверил своего сына; одновременно с писцом показали ему и сына. Песков сурово напустился на Тимошку: достаточно уже он пробавлялся ложью и обманом, вызвав и на него, Пескова, высокую его царского величества немилость и причинив ему сердечную скорбь; вспомнил бы он о Боге и признал правду; не его ли это сын, которого он, Песков, теперь к нему сажает? Следует, однако, знать, что

сына этого Тимошка произвел на свет не с законной своею женою, а со служанкою. Тимошка посмотрел на обоих, поздоровался с Песковым, но больше не хотел говорить с ним ни слова. Хотя и приводили к нему для очной ставки многих прежних его добрых знакомых и друзей, бывших одновременно с ним писцами, хотя все они увещевали его признать правду, все-таки он на все их речи, так как достаточно уже был уличен, отвечал молчанием. Его осмотрели и нашли, что он был обрезан. Его увели с места пытки и на другое утро опять привели сюда и допрашивали о некоторых пунктах. Он, однако, ни на один не желал ответить. Тогда его с пытки перевели на большую площадь перед Кремлем, прочли о его преступлениях и объявили приговор о нем: его велено было изрубить в куски. Его сейчас же раздели, разложили на земле, отрубили топором сначала правую руку ниже локтя, затем левую ногу ниже колена, потом левую руку и правую ногу и мгновенно затем голову; казнь он перенес, не выражая страданий. Отрубленные куски тела были насажены на пять поставленных стоймя кольев и стояли так до следующего дня; туловище же осталось на земле между кольями и ночью было съедено собаками. На следующее утро оставшиеся кости туловища слугами палача были собраны, отрубленные куски вместе с кольями сложены в сани и все это за городом брошено в яму для падали.

Его бывший слуга Костька должен был смотреть на казнь своего господина. Так как он во всем добровольно сознался, то ему была подарена жизнь, но за нарушение прися-

ги его царскому величеству ему объявлен был такой приговор: ему надлежало отрубить три первых пальца на правой руке. Так как, однако, вера их, прежде всего, требует, чтобы они крестились и благословлялись правой рукою, то, по заступничеству патриарха, его помиловали: наказание было совершено над левой рукою. После этого он был сослан в дальний город в Сибири, где ему доставлены все средства для пропитания в течение всей его жизни. В этот же день и час, когда происходила казнь, польского малого посла или посланника, только что прибывшего в Москву, вели на аудиенцию и нарочно провели через место казни, чтобы он видел ее и мог сообщить, что Лжешуйский, одно время находившийся в Польше, казнен. Вот каков был на самом деле Лжешуйский и какой он получил конец.

XLV

(Книга III, глава 13)

О короновании нынешнего великого князя Алексея Михайловича и о том, как вообще происходит коронование

Как выше сказано, в 1645 г. по Р. Х., 12 июля, скончался великий князь Михаил Феодорович всея России. Сейчас же на следующий день, 13 июля, его сын, Алексей Михайлович, на 16 году жизни, приветствован был как царь и великий князь всея России, и в тот же день еще, по единогласному решению всех бояр, вельмож и всей общины, короновали его и присягнули ему.

Это коронование, по стараниям

вельможи Бориса Ивановича Морозова, бывшего гофмейстером и воспитателем молодого государя, по некоторым причинам, должно было совершиться так быстро, что не все в стране, кто желал, могли явиться для присутствия на нем.

При короновании московитских великих князей, если оно происходит по обычному способу, соблюдается следующее.

В Москву призываются все митрополиты, архиепископы и другие епископы и игумены, князья, воеводы и должностные лица, равно как и знатнейшие купцы со всей России и из всех провинций, подчиненных великокняжеской власти.

Когда коронование должно начаться, патриарх с митрополитом и остальным клиром направляются в большую кремлевскую церковь. За ними следует новый великий князь с государственными советниками, боярами и должностными лицами.

В церкви устроен высокий помост в три ступени высотой, выстланный дорогими коврами. На нем стоят три стула, покрытые золотой парчю: один для великого князя, другой для патриарха, а на третьем лежит шапка, осыпанная великолепными драгоценными камнями и крупным жемчугом; сверху у нее кисть, к которой прикреплена золотая коронка с алмазами. Рядом с этой шапкой лежит и великолепная одежда из золотой парчи, повсюду кругом осыпанная жемчугом и драгоценными камнями и подбитая очень черными соболями. Эту одежду, по их словам, великий князь, по имени Димитрий Мономах получил из Кафы в войну с татарами и назначил служить для коронования великих князей.

Когда царь с боярами входит в церковь, священники начинают петь. После этого патриарх читает молитву, призывая Бога, св. Николая и других святых, чтобы они приняли участие в этом короновании. Потом выступает знатнейший государственный советник с избранным великим князем, обращается к патриарху с речью и сообщает ему, что они приняли в цари ближайшего наследника престола российского государства, и желают, чтобы он, патриарх, благословил и короновал его. После этого патриарх ведет кандидата вверх на помост, сажает его на престол, держит у лба его золотой, осыпанный великолепными драгоценными камнями крестик и благословляет его. Затем один из митрополитов читает следующую молитву, записанную Петреем в его русской хронике: «Господь Бог наш, Царь всех царей, Ты, который через пророка Твоего Самуила избрал слугу Твоего Давида и помазал его в цари народа израильского, услышь теперь нашу молитву, которую мы, недостойные, Тебе приносим, и воззри со святой высоты на сего Твоего верного слугу, сидящего здесь на престоле и Тобою возвышенного в цари народа Твоего, спасенного кровью Святого Твоего Сына. Помажь его маслом радости, охрани его силою Твоею, возложи на голову его венец, драгоценными камнями украшенный, дай ему долгую жизнь и дай ему в руки царский скипетр, посади его на престол справедливости и подчини ему все варварские языки, дай сердцу и уму его всегда находиться в страхе Твоем, чтобы он всю свою жизнь был послушен заповедям Твоим, дай отойти от него всем ересям и ошибкам, научи его, чтобы

он защищал и сохранял все, что указывает и чего желает святая греческая церковь. Суди народ Твой по справедливости, окажи милость бедным, чтобы они могли войти в жизнь вечную». Эту молитву патриарх заключает громким возгласом: «Твое есть царство, сила и слава, и да будет с тобою Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой».

После этой молитвы два епископа должны взять со стула одежду и шапку и держать их в руках, а патриарх велит боярам, также вступившим на помост, надеть великому князю одежду. Вновь при этом он благословляет его. После этого он передает шапку с короною боярам, велит им надеть ее на великого князя и говорит: «Во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого» и благословляет его в третий раз. Затем патриарх призывает все духовенство, находящееся в церкви, чтобы каждое из духовных лиц подошло и рукою благословило великого князя. Когда это совершится, патриарх и великий князь садятся на стулья, но вскоре опять встают. Вслед затем священники начинают петь ектению: «Господи помилуй» и при каждом третьем слове всякий раз называют великого князя. Потом они все опять садятся, один из митрополитов идет к алтарю и говорит громким голосом: «Бог да сохранит нашего царя и великого князя всея России, возлюбленного Богом и нам дарованного, в добром здравии и долгоденствии». Это же пожелание повторяют другие попы и вельможи, здесь присутствующие или стоящие вне церкви, и при этом поднимают восторженные крики. Все вельможи бьют челом его царскому величеству и целуют его руки. После

этого патриарх один выступает перед великим князем и произносит увещательную речь следующего содержания: «Так как ныне он Божиим промыслом государственными, светскими и духовными чинами поставлен и венчан великим князем всея России и ему вверено важное управление странами, то пусть он любит при этом Бога, живет по законам Его и по ним править суд, а также да защищает и распространяет он истинную греческую религию».

После этого вновь произносится великому князю благословение, и он идет в лежащую напротив церковь Михаила Архангела. Тем временем деньги бросаются среди народа, а в церквях вновь поют ектению. Потом великий князь опять отправляется в церковь св. Николая, а затем, в сопровождении государственных советников, отправляется в большой зал, где и духовным и светским вельможам подается великолепное угощение. При этом так напиваются, что многие из них не знают, как и домой попасть.

Титул, который в настоящее время русские дают своему великому князю, — следующего рода:

«Великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя России, самодержцу московскому, киевскому, владимирскому, новгородскому, царю казанскому, царю астраханскому, царю сибирскому, государю псковскому и великому князю тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иных, государю и великому князю Новгорода низовья земли, черниговскому, рязанскому, ростовскому, ярославскому, белоозерскому, удорскому, об-

дорскому, кондинскому и всея северная страны повелителю, государю иверской земли, карталинских и грузинских царей и кабардинской земли, черкасов и горских князей и многих иных восточных, западных и северных государств и земель отчичу, дедичу (т. е. со времени многих предков) и наследнику, государю и обладателю».

XLVI

(Книга III, глава 14)

О доходах и расходах великого князя, о столе его, лейб-медиках и толмачах

Только что упомянутые, заключенные в титуле, а также и другие земли, провинции и города доставляют ежегодно большой доход в его царского величества казну, причем доход этот определяется в несколько миллионов; доходные статьи состоят в податях, налогах, пошлинах, кабаках, торговле и поместьях. Хотя его царского величества подданные обыкновенно и не платят больших податей, но, тем не менее, ввиду большого количества стран и народов, получают большие суммы. Когда нужно вести войну, горожане, купцы и торговцы делают тяжкие дополнительные взносы. Во времена бывшего великого князя, когда нужно было вести войну под Смоленском, им пришлось дать «пятину», т. е. пятую часть денег со своего имущества. Нынешний царь брал только десятую часть. Бояре и вельможи должны, смотря по количеству своих имений, содержать известное количество всадников на войне. Дворя-

не же должны, вместе со своими слугами, сами выходить в поле. Монастыри также должны, смотря по количеству имеющихся у них деревень и крестьян, выставять и содержать известное количество солдат. Пошлины, которые царь получает на границах и в важнейших торговых городах, также доставляют ему большую выгоду. Нам рассказывал видный немецкий купец в Москве, что гласный торговый город Архангельск однажды в течение одного года дал невероятное количество денег, а именно триста тысяч рублей, т. е. шесть тонн [600000 талеров] золота. Трактиры и шинки, кабаки или «кружечные дворы», как их теперь называют, доставляют великому князю, который один ими владеет во всей стране, чрезвычайное количество денег, так как русские, превыше всякой меры, преданы питью водки. Раньше были у бояр и вельмож в разных местах собственные свои кабаки, которые они, как это делал и сам великий князь, сдавали в наймы частным лицам. Так как, однако, бояре подняли аренду этим людям слишком высоко, и многие из них должны были разориться, то в настоящее время издан приказ, чтобы ни один боярин или вельможа не содержал кабаков, но все они взяты на великого князя, и в каждом городе учрежден особый дом, откуда получают водку, мед и пиво, с передачею денег лишь в его царского величества казну. В Новгороде всегда находились три кабака, из которых каждый доставлял в год 2000 рублей, что дает в общем итоге 12000 рейхсталеров; при новых порядках сумма получается еще большая. Между тем таких кабаков, хотя и не все они так

прибыльны, имеется в стране до тысячи. Большие деньги получает он и от соболей и других мехов, доставляемых из северных стран; этими и другими товарами он сильно торгует внутри и вне страны; для этого он пользуется услугами известных лиц, которыми он доверяет и товары и большие суммы наличных денег: он посылает этих людей в соседние страны, особенно в Персию и Турцию, и велит торговать в пользу своей казны.

Подобного великокняжеского маклера или торговца, по имени Савелия, посланного с суммою в 4000 талеров, мы встретили в Персии. Так как он, однако, плохо поместил свой талант, и в три года, которые он там пробыл, потерял все деньги, великий князь приказал своему посланнику Алексею Савиновичу Романчукову, отправленному с ним вместе в Персию, чтобы означенный недобросовестный купец, заключенный в цепи, был оттуда вывезен. Посол, правда, встретил его в Шемахе в Мидии, но так как в это время умер толмач посланника, то он воспользовался им вместо такового, не дал ему заметить, какой ему дан приказ, относился к нему всегда любезно и взял его с собою к шаху персидскому в надежде добрым словом увлечь его до границы. Савелий, однако, заметил эти хитрости, и когда посланник захотел направиться в обратный путь, он в Испагани бежал в убежище Аллакапи [«Врата Божьи»], дал обрезать себя, принял мусульманскую защиту и остался в Персии.

У царя имеются здесь и там великолепные земельные имения, которые он отдает в аренду, получая

отсюда большие деньги; так же точно хорошую добычу получает он от рудника у Тулы, о котором говорится выше.

Хотя доходы великого князя и велики, зато не плохи и расходы. Он должен тратиться на ежегодное содержание стрельцов, которых много на границах (так как мало дружелюбия с соседями) и в городах: в одной Москве их 16000, в казанской области 6000, получающих в жалованье поля и земли, а в провинциях повсюду [в общем] гораздо более 100000 человек.

Отдаленные татары, со стороны которых он часто должен ожидать нападений, приходят ежегодно посольствами и получают деньги; ему как бы приходится покупать у них мир. Войны, которые он ведет, стоят ему больших денег, так как ему приходится выступать в поход с многочисленным войском и содержать на большом жалованье немецких по преимуществу офицеров; жалованье он всегда уплачивает очень правильно, а иным, которые этого требуют, выдает его за несколько месяцев вперед; поэтому-то народ отовсюду так часто и является к нему на службу. Много средств уходит на посольства иностранных государей, часто посещающие его; иногда подолгу живут в Москве два, три и более посольств. Пока они находятся в пределах России, им все содержание отпускается бесплатно. У него имеется также большой и многочисленный придворный штат; наряду с собственным своим великолепным столом, он, в Кремле и вне его, кормит ежедневно до тысячи человек.

Царь обедает — чтобы уже указать и на это — следующим образом.

Когда приходит обеденное время, здесь не трубят к столу, как при других дворах, но особое лицо бежит в кухню и погреб и кричит возможно громче: «Государю кушанья!». Тотчас же подают на стол. Его царское величество садится за стол отдельно, а если патриарх и другие вельможи призваны покушать с ним, то для них устраиваются особые столы рядом с его столом. Кушаний бывает до 50 и более, но не все они подаются на стол великого князя, а прислужники приподнимают их и столы показывают; лишь то, что его царскому величеству понравится, подается на стол. Другие же кушанья, в знак милости, посылаются разным господам и слугам, как немцам, так и русским, в особенности же господам докторам, лейб-медикам и лекарям. В настоящее время у него один лишь лейб-медик, г. Гартман Граман, бывший с нами в Персии. Этот последний очень осведомлен в герметическом врачевании и в лечении болезней всегда имел большое счастье, — более иных; поэтому не только у его царского величества он в большой милости, но и бояре, князья и вельможи очень любят его, уважают и приносят ему подарки. Он получает правильное денежное жалованье в 62 рубля или 124 талера и, кроме того, еще ежегодно 300 рублей, что составляет в общем 2088 талеров, помимо хлеба в зерне и в печеном виде, солоду, меду и других вещей для домашнего хозяйства. Когда нужно отворять жилу или давать лекарство, доктору дается еще особая награда в 100 талеров наличными деньгами, а также кусок атласу или дамаста, сорок соболей и т. п.

От бояр, князей и других вельмож врачи редко получают за леченые деньги, но лишь соболей, куски копченого сала, водку или другую провизию. Они ежедневно должны являться ко двору и бить челом вельможам, в особенности же своему начальнику — инспектору царской аптеки, которая содержится весьма великолепно.

Его царское величество содержит также, с большими расходами, много толмачей для разных языков, а также много других слуг из немцев и иностранцев. В особенности много у него высших военных офицеров, частью оставивших свою религию и перекрестившихся; они и в мирное время получают большое вознаграждение.

У его царского величества между другими его толмачами имеется прекрасный человек, по имени Иоганн Бёккер фон Дельден, родом из Копенгагена. Он получил хорошее университетское образование, совершил замечательные путешествия и знает много языков. В Москве подобного человека еще не было. У его царского величества он служит генерал-переводчиком и посылается обыкновенно с его посланниками при самых важных поручениях. Например, недавно он находился у его римско-императорского величества в Вене вместе с двумя царскими послами, Иваном Ивановичем Баклановским, царским дворянином, и Иваном Поликарповым сыном Михайловым, дьяком. В рассуждение великолепных его способностей, его императорское величество, по особой милости, добровольно одарил его грамотой на дворянство, как я о

том узнал из письма доброго друга из Вены и по пересланной мне копии.

Во всем прочем у великокняжеских слуг и придворных, в особенности среди русских, во многих отношениях замечается то же явление, что и при дворах большинства государей. И здесь и там добродетель и порок борются друг с другом, и последний часто побеждает первую. Некоторые, имеющие более близкий и частый доступ к государю, гораздо раздражительнее, своекорыстнее, грубее и скупее других. Поэтому, чтобы привлечь их на свою сторону, нужно относиться к ним почтительно, приветствовать их с поникшею головою и низко опущенною рукою и делать им подарки, зачастую не ради того, чтобы они что-либо хорошее сделали, но чтобы они не сделали чего-нибудь худого. Поэтому немного лет назад жалкое было в Москве положение: помощью подарков, которые они зовут «посулами», можно было все сделать и всего добиться; при желании можно было даже несомненное право вырвать из рук у другого или же даже в злейшем деле сделать правым виновного. Вскоре после бракосочетания великого князя некоторые из новых его родственников, а также и иные старые вельможи допустили в этом деле такие злоупотребления, что дело дошло до чрезвычайно пагубного мятежа, после которого иные оказались с разбитыми головами, а иные совсем без голов, как о том будет рассказано в следующих главах.

XLVII

(Книга III, глава 15)

О свадьбе и бракосочетании великого князя Алексея Михайловича

Когда вступил на престол великий князь Алексей Михайлович и был еще весьма молодым государем, при нем оставался бывший его гофмейстер и воспитатель Морозов, по воле и хотению которого направлялись и великий князь и все управление. Прежде всего он привлек на свою сторону тех, кто могли более всего служить его воле. Что же касается до родственников его царского величества, в особенности со стороны матери, бывшей великой княгини, то он их, — так как и они ведь были влиятельны, — удалил от двора, назначив воеводами и на другие почетные должности, желая, на подобие Ликогена у Барклая, «наполнить двор людьми своей партии» и получить возможность распределить важнейшие должности между друзьями, которые должны были чувствовать себя ему обязанными. Никто из вельмож не мог превзойти его в прилежном прислуживании и готовности всегда быть при молодом царе. Чтобы отвлечь внимание государя от других вельмож, которые могли бы затруднить его докучливыми и в этом возрасте еще несносными государственными делами, он очень часто увозил его на охоту и на другие увеселения. Чтобы сохранить себе милостивое расположение его царского величества, он стремился вступить с ним в близкое родство. Он советовал его царскому величеству поскорее жениться и чтобы выбор его пал на лицо средней знатности, к како-

вым принадлежал и сам Морозов, он предложил ему в жены дочь дворянина, на сестре которой Морозов предполагал жениться сам. В то время жил некий дворянин, по имени Илья Данилович Милославский, имевший двух прекрасных дочерей, но не имевший мужского потомства. Этот Илья неоднократно являлся к Морозову, который тогда был при дворе, как говорится, *factotum*'ом и прилежно ухаживал за ним, так что Морозов, не только ради прекрасных дочерей, но и ради его угодливости, очень его полюбил. Морозов однажды при удобном случае похвалил царю красоту обеих этих сестер и вызвал в молодом государе горячее желание видеть их. Обеих сестер повели наверх к господам сестрам его царского величества, как бы только для посещения этих последних. Когда его царское величество их увидел, то почувствовал любовь к старшей из них. Милославскому было сообщено о милости его царского величества и о том, что ему быть царским тестем. Милославский не усомнился тотчас же сказать «да» и поблагодарить за высокую честь. После этого ему, так как он был не особенно богат, на дом были присланы большая сумма денег и разные драгоценные вещи, чтобы он мог себя и своих принарядить. Вслед за тем устроилось и бракосочетание, состоявшееся в 1647 г., в 70 день [девятое воскресенье] перед Пасхой, на 22 году жизни невесты. Совершилось оно без особой пышности, в тишине, чтобы ни невеста, ни жених не подверглись волшебству — как это делается и как этого обыкновенно очень боятся..

Через восемь дней после царского

бракосочетания боярин Борис Иванович Морозов справил свадьбу с сестрою молодой великой княгини и стал, следовательно, свояком его царского величества.

XLVIII

(Книга III, глава 16)

Как после царского бракосочетания вели себя друзья великой княгини, каков был полицейской строй, как отправлялось правосудие и что еще при этом произошло достопамятного

После того как Илья Данилович Милославский стал царским тестем, он стал могуществен и велик. Ему дан был рядом с жилищем его царского величества дом в Кремле, где он должен был жить вместе с женой своею; он немедленно же велел этот дом сломать и построить от основания великолепный дворец. Старые слуги один за другим должны были уйти, и на их места были поставлены родственники г. Милославского; так как все они успели наголодаться, то они оказались очень жадными, очень скупыми и прожорливыми. Особенно отличался один из них, по имени Левонтий Степанович Плещеев, назначенный верховным судьей земского двора или ратуши. Он обирал простонародье и драл с него паче всякой меры; подарками нельзя было насытить его. Когда тяжущиеся стороны являлись к нему в канцелярию, он выматывал у них даже мозг из костей, так что и та и другая сторона становились нищими. Он нанимал негодяев для того, чтобы они ложно доносили на чест-

ных людей, имевших некоторые достатки, и обвиняли их; обвинения взводились то в кражах, то в убийствах и других злодеяниях. После этого бедных людей заключали в тюрьмы, обходились с ними тиранически и держали так несколько месяцев, доводя почти до отчаяния. Тем временем безбожные слуги его должны были войти в переговоры с друзьями арестованных и под секретом давать им мудрые советы, как им вновь выбраться на свободу. Через подобных воровских помощников он торговался относительно того, сколько они должны были дать ему. Сам же он не удостоивал приема никого ни из обвиненных, ни из друзей их.

В числе подобных безбожных чиновников находился и некий Петр Тихонович Траханиотов, шурин Плещеева, так как Плещеев был женат на родной сестре Тихоновича. Этот последний дошел уже до степени окольного, что является ближайшим чином перед боярином или государственным советником. Он был назначен начальником пушкарского приказа, и имел в своем ведении стрелков из ружей, ружейных мастеров, пушкарей и всех служивших в цейхгаузе. Обходился он с ними весьма немилосердно и не выдавал им заслуженного за работу вознаграждения. В Москве принято, чтобы, по приказанию великого князя, ежемесячно все царские чиновники и ремесленники получали в срок свое жалованье; некоторым оно даже приносится на дом. Он же заставлял людей ждать целыми месяцами, и когда они, после усиленных просьб, наконец, получали половину, а то и менее еще того, они должны были выдавать расписку в получении все-

го жалованья. Кроме того, были устроены разные стеснения для торговли и были заведены многие монополии; кто больше всего приносил подарков Б[орису] И[вановичу] М[орозову], тот, с милостивою грамотою, веселый возвращался домой.

Еще один [из чиновников] предложил готовить железные аршины с орлом в виде клейма. После этого каждый, кто желал пользоваться аршином, должен был покупать себе за 1 рейхсталер подобный аршин, стоивший на самом деле только 10 «копеек», шиллинг или 5 грошей. Старые же аршины, под угрозой большой пени, были воспрещены. Эта мера, проведенная во всех провинциях, доставила доход во много тысяч талеров.

Еще иной, желая выслужиться перед казною его царского величества и снискать себе расположение, предложил, чтобы во всей России соли, стоившей первоначально за пуд (т. е. 40 фунтов) 2 «гривны» или 10 грошей, бралась еще 1 «гривна» или пять грошей пошлин. Он вычислил также, сколько тысяч подобный налог принес бы ежегодно в казну его царского величества. Однако через год пришлось вычислять, сколько тысяч было потеряно на соленой рыбе (ее в России употребляют в пищу больше мяса), которая сгнила, не будучи, из-за дороговизны соли, просолена как следует. Соли, кроме того, стало продаваться гораздо меньше, и, оставаясь в пакгаузах, она, по необходимости, превращалась в рассол [от сырости] и расплывалась.

Из-за этих больших тягот и невыносимых притеснений простой народ стал выражать недовольство. Утром и вечером у церкви происхо-

дили сборища, причем совещались, как быть с этою невзгодою. Было ясно, что наиболее близкие к его царскому величеству люди не желали слушать никаких жалоб и еще того менее хотели отменить тяготы; поэтому все порешили, каждый раз, при выезде его царского величества или в случае шествия его в процессии от Кремля к городской церкви, выжидать удобного случая, чтобы от имени всей общины передать самому его царскому величеству некоторые просьбы. При этом собирались жаловаться на несправедливости Левонтия Степановича Плещеева и ежедневно совершавшиеся им дурные поступки и просить, чтобы он был смещен, а на его место посажен честный человек. Однако, хотя подобные попытки и делались несколько раз, все-таки всякий раз бояре, сопровождающие, как это принято, его царское величество, отнимали у них прошения. Так как его царское величество не сам читал эти прошения, но ему лишь кое-что из оных докладывалось, то нужды угнетенного населения ему не становились, как следует, известны, и никакого по этому поводу решения и не происходило. Тем временем настроение простонародья все более и более ожесточалось, люди стали с жалобами и плачем собираться перед церквями и постановили, если еще раз представится случай, устно передать о своих нуждах и жалобах его царскому величеству. Тут случилось, что в 1648 году, 6 июля, справлялся обычный праздник, во время которого его царское величество со всеми боярами и вельможами отправился, по их обычаю, в расположенный в городе Сретенский монастырь. В это время бес-

численное множество простого люда собралось на большой рыночной площади и на всех улицах, по которым шла процессия. Когда после богослужения его царское величество поехал обратно, простой народ насильно прорвался к нему, схватил лошадь его царского величества за узды, просил о выслушании, жаловался и громко кричал о Плещееве и его несправедливостях, не переставая упрашивал сместить его и назначить на его место честного, добросовестного человека, так как, в противном случае, народу придется погибать. Его царское величество, испуганный этим неожиданным обращением к нему и такими жалобными просьбами всего народа, любезно заговорил с ним, предлагая успокоиться и обещая рассмотреть дело и дать народу удовлетворение. Народ, успокоенный этим милостивым согласием, благодарил его царское величество и желал ему доброго здоровья и долгой жизни; после этого его царское величество поехал дальше. Однако некоторые из расположенных к Плещееву бояр, ехавшие следом, начали бранить народ и стали бить кнутьями по головам; иных при этом лошади сбили с ног.

Народ стал хватать, что попадало под руки, стал собирать камень, которые посыпались на насильников. Эти последние, не привычные к столь сильному граду в свои спины, бежали и поспешили к его царскому величеству в Кремль. Так как народ, гулявший здесь по двору, так же принял их, то они соскочили с лошадей и еле-еле успели подняться вверх по большой лестнице, которая ведет в покои его царского величества, так как обозленный народ яростно тес-

нил их. Стрельцы, которые ежедневно сторожат на лестнице, до тех пор удерживали народ, пока теснимые не успели спастись в покои великого князя. Тогда простонародье стало бешенствовать, подобно безумным, стало буйствовать, кричать и вопить, чтобы ему выдали Плещеева. Когда тут боярин Борис Иванович Морозов вышел на верхнее крыльцо и начал, именем его царского величества, увещевать народ не требовать этой выдачи, то в ответ раздались крики: «Да ведь и тебя нам нужно!» Чтобы спастись от лично ему угрожавшей опасности, Морозов должен был вскоре уйти. После этого чернь напала на дом Морозова, великолепный дворец, находившийся в Кремле, разбила ворота и двери; все изрубили, разбили и растащили, что здесь нашлось, а чего не могли унести с собою, попортили. Одного из главных слуг Морозова, решившегося противостать им, они выбросили из окна верхней комнаты, так что он остался лежать мертвым на месте.

Они, правда, застали в доме жену Морозова, но не нанесли ей никакого телесного вреда, а сказали лишь: «Не будь ты сестра великой княгини, мы бы изрубили тебя на мелкие куски». Они выказали такую ярость, что не пощадили даже святых икон, обыкновенно весьма ими почитаемых, сорвали с них их украшения из жемчуга и драгоценных камней и затем выбросили на площадь.

Между прочими драгоценными вещами они разбили и карету, которая была снаружи и изнутри обита золотой парчой, с подкладкою из дорогих соболей; ободки колес и все, что обыкновенно делается из железа, у этой кареты было сделано из

толстого серебра. Как говорят, его царское величество подарил ее ему в качестве свадебной кареты.

Некоторые забрались в погреб к бочкам меду и водки, напились здесь, а чего не могли выпить, разбили, после чего они ходили выше колен в напитках. Когда огонь, зажженный во дворе, перекинулся в погреб, эти люди сгорели вместе с зданием.

После этого грабежа чернь разделилась на несколько шаек: одни направились к Плещееву, другие к Тихоновичу, иные к государственному канцлеру, еще другие к иным людям, которые считались подозрительными, — даже к писцам и вообще всем, хоть сколько-нибудь бывшим в дружбе и общении с ненавистными. Чернь разграбила их дворы, растащив и испортив все, что попало ей под руки. Они застали великолепные предметы и большие богатства, особенно в доме Морозова. Жемчуг мерили они пригоршнями, продавая полную шапку за 30 талеров, а черно-бурую лисицу и пару прекрасных соболей за полталера. Золотую парчу они резали ножами и распределяли между собой.

Государственному канцлеру [думному дьяку] Назарию Ивановичу Чистому (который, как уже сказано, забрал торговлю солью в собственные свои руки и так высоко поднял налог на нее), за три дня до этого события, когда он собрался домой, в Кремль, повстречалась бешеная корова, которая испугала его лошадь, так что он упал и полумертвый был унесен домой. Вследствие этого падения он лежал в постели. Когда он, однако, узнал, что народ разграбил дом Морозова, и легко мог сообразить, что и его, как выдаю-

щегося притеснителя, также посетят, он выбрался из кровати и полез на чердак под банные веники (связанные из березовой листвы вроде метлы и сохраняемые в течение года для пользования ими в бане, как указано выше). Он велел также, чтобы его мальчик-прислужник положил поверх его несколько кусков копченого сала. Мальчик, однако, изменил своему господину, выдал его, забрал с собою несколько сот дукатов и направился в Нижний Новгород. Рассвирепевший народ бросился в дом, вытащил Назария из-под веников, потащил его за ноги вниз по лестнице на двор, исколотил его палками до смерти, причем голова его была так разбита, что его больше нельзя было узнать. Затем его кинули в невозную яму и набросали на него ящиков и сундуков. Несправедливость и злобный нрав этого Назария к нам лично пришлось нам испытать еще в наше время. Так как он очень много значил перед знатнейшими при дворе и не получил тотчас же желательные ему от нас подарки, то он сильно мешал нам в наших предприятиях.

В то время как этот грабег происходил вне Кремля, Кремль был заперт, а на другое утро, рано, а именно 7 июля, всем немецким офицерам под секретом было сказано, чтобы они собрались и хорошо вооруженные сразу явились в Кремль: мятежная чернь все еще продолжала по временам подступать к Кремлю. Когда, во исполнение этого требования, немцы собрались в большом числе, то приходилось удивляться, как мятежники охотно уступали им место, любезно говоря: «Вы, честные немцы, не делаете нам зла, мы ваши друзья и веками не намерены совер-

шить вам что-либо злое». Перед тем они же раньше часто спорили с немцами и вели себя недружелюбно с ними. Кремлевские ворота были отперты, немцев впустили, и они тотчас же для охраны Кремля разместились по разным постам и стали на страже. После этого его царское величество выслал своего двоюродного брата великого и хвального вельможу Никиту Ивановича Романова, которого народ, ради доброй его славы, очень любил; он должен был попытаться смягчить обозленные умы и восстановить спокойствие. С обнаженной головою он вышел к народу (который отнесся к нему весьма почитательно и называл его отцом своим) и трогательно изложил, как его царское величество горестно ощущает все эти бедствия, тем более что он ведь, в предыдущий день, обещал народу прилежно рассмотреть все эти дела и дать им милостивейшее удовлетворение. Он сообщил, что «его царское величество вновь велит все эти свои слова повторить и обещает все сделать для народа и, несомненно, сдержит свое обещание; поэтому они могли бы тем временем успокоиться и хранить мир». На это народ ответил: «Они очень довольны его царским величеством, охотно готовы успокоиться, но не раньше как его царское величество выдаст им виновников этого бедствия, а именно боярина Бориса Ивановича Морозова, Левонтия Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Траханиотова, чтобы эти лица, на глазах у народа, понесли заслуженную кару». Никита поблагодарил за ответ и за то, что они хранят верность его царскому величеству, и высказался в том смысле, что можно согласиться с

ними и должным образом доложить о требовании ими этих трех лиц. Он, однако, поклялся перед ними, что Морозова и Петра Тихоновича уже нет в Кремле, а что они бежали. Тогда они просили, чтобы им в таком случае немедленно выдали Плещеева. Никита затем попрощался с народом и поехал обратно в Кремль.

Из Кремля вскоре получено было известие, что его царское величество постановил немедленно выдать Плещеева и согласился на казнь его на глазах народа; если же найдутся и остальные, то пусть и с ними будет поступлено по справедливости. Приказано было доставить на место палача для казни. Народ, не мешкая, привел поспешно к воротам палача с его слугами, и они тотчас же были впущены. Тем временем народ, посоветовавшись, решил, чтобы те из него, у кого есть лошади, партиями ездили взад и вперед по дорогам вне города, дабы разыскать и доставить в город беглецов.

Палач, пробыв еле с четверть часа в Кремле, вышел обратно, ведя Плещеева. Как только взбешенный народ его завидел, он не в силах был обождать привода его на лобное место, прочтения ему приговора и имевшей уже затем последовать казни. Напротив, на него набросились и под руками у палача Плещеев был дубинками забит до смерти; голова его была превращена в кашу, так что мозг брызгал в лицо [бьющим]. Одежду его разорвали, а голое тело протащили на площади в грязи, приговаривая: «Так будет поступлено со всеми подобного рода негодьями и ворами. Богда сохранит на многие лета во здравии его царское величество!» Потом труп бросали в грязь и наступали на

него ногами. Наконец, пришел монахом и отрубил остатки головы от туловища, говоря: «Это за то, что он однажды велел меня безвинного высечь». Боярин Борис Иванович Морозов, согласно со словами Никиты, искал спасения в бегстве, но возчики и ямщики, которые заградили ему путь, увидели его и погнали его обратно; он, однако, к большому своему счастью, спасся от них, и по тайному ходу пробрался в Кремль, так что никто из преследователей не заметил его. Чтобы, однако, народ видел, что его царское величество серьезно желает захватить беглецов, царь послал князя Семена Пожарского с некоторыми людьми разыскивать Петра Тихоновича. Они и настигли его у Троицкого монастыря, в двенадцати милях от Москвы, и 8 июля доставили назад в Москву, но не в Кремль, а на Земский двор. Как только это сообщено было его царскому величеству, тотчас же велено было палачу повести его на рыночную площадь; ему положили деревянное полено под голову и отрубили топором голову. Это обстоятельство вновь несколько успокоило разгоряченные умы, все благодарили его царское величество за доброе правосудие, желали ему долгой жизни и требовали, чтобы с Морозовым было поступлено так же. Так как, однако, народ знал, что возчики видели Морозова на улице, но что он от них бежал, то, не зная его убежища, никто не мог требовать столь же немедленной его выдачи. Поэтому выражено было только пожелание, чтобы их требование было удовлетворено, как только он найдется. Им и это было обещано. После этого чернь несколько успокоилась, и все

стало тихо. Все эти события произошли незадолго до полудня. Вскоре после полудня на Дмитровке, на Тверской и в разных иных местах возникли пожары. Свиристый народ, более ради воровства, чем ради спасения, поспешил сюда. Пожар был весьма жестокого свойства; он уничтожил все, что было внутри Белой стены вплоть до реки Неглинной. Огонь перекинуло и через Неглинный мост в пределы Красной стены к большому, лучшему из кабаков великого князя, где продавалась водка. Вследствие этого весь город, в том числе и самый Кремль, оказался в сильнейшей опасности. Не было ни одного человека, который желал бы спасать или мог бы спасать, так как все были пьяным-пьяны от водки, которую они во время пожара добыли из погребов. Из бочек, которые были слишком велики для вытаскивания, они выбивали донья, зачерпали водку шляпами, шапками, сапогами и рукавицами, и напились при этом так, что улицы почернели, покрывшись лежавшими здесь пьяными, и многие, потерявшие совершенно сознание, задохлись от дыма и пара и сгорели.

Когда вечером около 11 часов несколько немцев остановились, глядя с большим страхом на стоявший в пламени великокняжеский кабак, они вдруг увидели черного монаха, стонавшего и кряхтевшего, точно он тащил за собою большой груз. Когда он подошел поближе, он громко начал кричать о помощи и сказал: «Этот страшный пожар прекратится не раньше, как будет брошено в огонь и сгорит проклятое тело безбожного Плещеева». [Как оказалось], он и притащил сюда это тело. Так как

[немцы] ему не хотели оказать помощи, монах начал свирепо ругаться. Тогда подошло несколько взрослых юношей, которые помогли донести труп до пожарища и бросить его в огонь. И как только этот труп начал сторать, тотчас же стало уменьшаться и пламя, и погасло на глазах у наблюдавших это удивительное зрелище [немцев].

Немного дней спустя его царское величество велел стрельцов, составлявших отряд его телохранителей, угостить водкою и медом. Точно так же и тесть великого князя, Илья Данилович Милославский, выказал любезность и доброту к знатнейшим гражданам, стал ежедневно принимать несколько человек из цехов, по очереди, к себе во двор, обходился с ними милостиво и старался приобрести расположение главарей. Патриарх также приказал попам и священникам, чтобы они смягчали возмущенный нрав народа. Его царское величество также заместил вакантные должности и места людьми умными, благочестивыми и пользовавшимися сочувствием народа.

Когда теперь увидели, что эта печальная непогода и буря в общем улеглись, и стали полагать, что все подготовлено для мирного, улучшенного положения, его царское величество в день, когда происходит процессия, велел вызвать народ, чтобы он явился перед ним у помоста вне Кремля, причем присутствовал здесь и вельможа Никита Иванович Романов. Его царское величество стал говорить речь. Он выразил сильное сожаление, что народ, без его ведома, испытал такие бедствия со стороны безбожных

Плещеева и Тихоновича, ныне получивших заслуженное воздаяние. Он сказал далее, что ныне на их места назначены благочестивые люди, которые будут кротко и справедливо управлять народом и соблюдать пользу и благосостояние народные, находясь под бдительным его, царя, оком. Усиленный налог на соль, по его слову, должен также быть отменен. Царь обещал также, при первой возможности, взять обратно выданные им милостивые грамоты о монополиях; кроме того, он обещал расширить и увеличить их привилегии и те льготы, какие у них были. Кроме того, он сказал, что во всем будет, как отец отечества, и царской своей милости благосклонен народу. После этого народ низко поклонил перед ним свои головы и пожелал царю долгой жизни. Затем царь продолжал: что же касается личности Бориса Ивановича Морозова, которого он также обещал им выдать, то он не желает его вовсе обелять, но, тем не менее, не может счесть его виновным во всем решительно. Он желал бы верить, что народ, у которого он еще ни разу ничего особенного не просил, исполнить эту первую его просьбу и простить Морозову на этот раз его проступки; сам он готов быть свидетелем, что Морозов отныне выкажет им только верность, любовь и все доброе. Если же народу угодно, чтобы Морозов более не занимал должности государственного советника, то он сложит ее с него, лишь бы ему не пришлось выдавать голову того, кто, как второй отец, его воспитал и возрастил. Он не мог бы перенести этого и надеется, что они не будут, как до сих пор, требовать

от него такого поступка. Когда слезы, во свидетельство сильной любви к Морозову, показались в глазах его царского величества и как бы заключили его речь, народ посовещался и начал затем весьма громко кричать: «Бог да сохранит на многие лета во здравии его царское величество. Да будет то, чего требуют Бог да его царское величество!» После этого его царское величество столь же сильно повеселел, как он раньше печалился, когда народ требовал головы Морозова. Он благодарил народ за это решение, увещевал его быть спокойным и послушным и сказал, что сам он всегда будет верен тому, что он теперь обещал. После этого его царское величество, со своими провожатыми и с лицами, шедшими в процессии, вновь мирно вернулся в Кремль.

Немного спустя его царское величество отправился в монастырь Св. Троицы, и Морозов поехал с ним, очень низко и униженно кланяясь народу по обе стороны лошади. После этого, кто бы ни подавал прошения или просьбы его царскому величеству через Морозова, никому не было отказа, если хоть что-нибудь могло быть сделано. Достоверные свидетельства также доказывают, что он стал теперь великим покровителем и благодетелем немцев так же, как и русских.

Такой опасности в то время подверглось счастье как молодого правителя, так и подданных его ввиду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков, при всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют; впрочем, об этом было сказано и выше.

Я хочу привести еще пример мятежа, бывшего во Пскове. В этом примере можно усмотреть подобные же действия своекорыстных чиновников и рассвирепевшего простонародья.

XLIX

(Книга III, глава 17)

О мятеже, возникшем во Пскове

В 1649 г. его царское величество отправил к ее величеству королеве шведской Христине видное посольство, во главе которого находился окольный Борис Иванович Пушкин. Между другими важными делами задачей посольства было покончить с большим спором из-за подданных, бежавших через границы по обе стороны, ликвидировав претензии и обязательства из-за этого дела, по которому в течение 32 лет не было решения. По этому поводу состоялось соглашение, что если кто перебежал в течение первых 30 лет (многие из них уже успели помереть, а другие рассеялись повсюду), то о них с обеих сторон нельзя заявлять никаких претензий; что же касается перебежчиков последних двух лет, то их следует выдать. Так как на русской стороне гораздо больше оказалось шведов, чем русских на шведской стороне, то постановлено было, чтобы его царское величество заплатил за это сумму в 190000 рублей, т. е. 380000 рейхсталеров, частью наличными деньгами, частью рожью; уплата должна была произойти следующей весной в 1650 г. В назначенное время королевский шведский комиссар г. Иоганн де-Родес и прибыл для

этой цели в Москву и получил наличными деньгами в копейках и дукатах 150000 рублей. Остальные 40000 рублей следовало добавить рожью. Для этой цели русскому купцу во Пскове Федору Омелянову от его царского величества было поручено купить это количество ржи. Этот последний, как грубый, своекорыстный человек, распространил смысл данного ему поручения дальше, чем полагалось, и не позволил никому из народа купить хотя бы четверик ржи, за исключением разве того, что он им уступал [как бы] из дружбы и по достаточно дорогой цене. При этом он указывал, что все решительно, для уплаты долга его царского величества, должно быть послано короне шведской. Это обстоятельство сделало для псковской общины имя шведов ненавистным, народ стал устраивать частые совещания в кабаках, обвиняя бывшего посла Пушкина в измене, за то, что он такую уйму денег посулил и обещал короне шведской. Некоторые хотели заподозрить и Морозова в этом деле, так как они еще не забыли того, что два года тому назад из-за него произошло в Москве. Они предполагали, что все это произошло без ведома его царского величества. Они сообщили обо всем этом и жителям Великого Новгорода и стали подстрекать наиболее видных из них к мятежу, так что у воеводы в этом городе было много хлопот с тем, чтобы удержать таких людей от этого их злого умысла. Они решили также не пропускать денег, когда их повезут из страны. Они никак не хотели допустить, чтобы закупалась рожь для уплаты шведам, ввиду того, что эта закупка вызвала бы у них вздорожание хлеба.

Поэтому ими были в качестве ходяков посланы в Москву три лица: купец, казак и стрелец; они должны были узнать, известно ли его царскому величеству о происходящем. В то же время они, сообразно с решением своим, направились к дому Омелянова, насильно ворвались к нему и, так как сам он бежал, они схватили его жену и стали ее пытаться, чтобы она сказала, где ее муж хранит деньги. Они все здесь забрали и ограбили дом, и сам Омелянов, без сомнения, если бы они его схватили, не вышел бы живой из их рук. Самого воеводу, который хотел показать по отношению к ним свой авторитет и имеющуюся у него власть, они выгнали из города, потом созвали всех живших вокруг Пскова дворян в город и заставили их под присягою действовать с ними заодно. Когда три почетных ходяка псковских прибыли в Новгород, через который им нужно было идти, воевода велел их заключить в ножные кандалы и в таком виде прислал их к великому князю. Бежавший Федор Омелянов, равно как и воевода, принесли в Москву известие о случившемся. Вслед за тем пришел еще гонец с сообщением, что они отняли у выдающегося шведского купца из Нарвы, по имени Левина [Логина] Нумменса, несколько тысяч рейхсталеров, били его, качали, посадили на несколько поставленных друг на друга бродильных чанов, ругались над ним и совершали с ним всякие выходки. Вследствие этого его царское величество послал сюда знатного господина и боярина для расследования дела и успокоения народа. Они, однако, сначала не хотели впустить его, заперли городские ворота и избрали

из своей среды себе начальника. Наконец, они все же впустили воеводу и боярина, но воеводу немедленно посадили в тюрьму, а на боярина, который стал им говорить суровые речи от имени его царского величества, напали и ужаснейшим образом избили его. Когда он захотел спрятаться в близлежащий монастырь, они выбили двери, вытащили его и так обошлись с ним, что долгое время можно было сомневаться, останется ли он жив.

Чтобы, однако, тем временем, не оказалось недостачи в уплате долга, по которому было соглашение, означенные 40000 рублей были выплачены также наличными деньгами, а не рожью. Шведского комиссара с деньгами, под сильным конвоем из стрельцов, доставили, через русскую границу, на шведскую почву.

Против восставших псковичей его царское величество принял строгие меры, назначил князя [Ивана] Никитовича Хованского полководцем, дал ему большое число конных детей боярских в помощь и отослал их. К ним присоединились еще два полковника: Мунга-Кормихель и Гамильтон, стоявшие у Онеги близ шведской границы, с 4000 пехотинцев. Все они должны были в тишине собраться в путь ко Пскову. Когда псковичи увидели, что дело серьезно, они пали духом; сначала они пробовали сопротивляться, но затем сдались на милость его царского величества, признали свою вину и просили снисхождения. Зачинщиков частью казнили, частью сослали в Сибирь. Так усмирен был и этот опасный мятеж.

L

(Книга III, глава 18)

О боярах или государственных советниках, окольных и других заседающих в судах должностных лицах

В настоящее время управление и гражданский строй в России поставлены несколько лучше, и в самых судах и в правосудии наблюдаются иные формы, чем раньше. Хотя Милославский и Морозов и значат много, а патриарх вводит одно новшество за другим, тем не менее и другие вельможи в определенных государственных и частных делах имеют определенные предметы для заведывания, соответственно своему состоянию и своей должности.

В настоящее время при дворе обыкновенно имеется 30 бояр или государственных советников, изредка человека на два больше или меньше. Во времена Шуйского, говорят, было 70 бояр. С год назад, когда должна была начаться война под Смоленском, в Москве насчитывалось 29 бояр, имена которых следующие:

1. Боярин Борис Иванович Морозов.
2. Боярин [[Борис]] Никита Иванович Романов.
3. Боярин Иван Васильевич Морозов.
4. Боярин князь Иван Андреевич Голицын.
- б. Боярин князь Никита Иванович Одоевский.
- б. Боярин князь Яков Куденетович Черкасский.

7. Боярин князь Алексей Никитович Трубецкой.

8. Боярин Глеб Иванович Морозов.

9. Боярин Василий Петрович Шереметев.

10. Боярин князь Борис Александрович Репнин.

11. Боярин Михаил Михайлович Салтыков.

12. Боярин Василий Иванович Стрешнев.

13. Боярин князь Василий Семенович Прозоровский.

14. Боярин князь Федор Семенович Куракин.

15. Боярин князь Григорий Семенович Куракин.

16. Боярин князь Юрий Петрович Вуйносков-Ростовский.

17. Боярин Иван Иванович Салтыков.

18. Боярин Григорий Васильевич Пушкин.

19. Боярин князь Федор Федорович Волконский.

20. Боярин Лаврентий Димитриевич Салтыков.

21. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукой.

22. Боярин Илья Данилович Милославский.

23. Боярин Василий Васильевич Бутурлин.

24. Боярин князь Михаил Петрович Пронский.

25. Боярин князь Иван Петрович Пронский.

26. Боярин князь Иван Никитович Хованский.

27. Боярин князь Федор Юрьевич Хворостинин.

28. Боярин Василий Борисович Шереметев.

29. Боярин Никита Алексеевич Зюзин.

За ними следуют окольниковые, из среды которых избирают бояр.

1. Окольниковый князь Андрей Федорович Литвиновасальской.

2. Ок. князь Иван Федорович Хилков.

3. Ок. Никифор Сергеевич Собакин.

4. Ок. князь Димитрий Петрович Львов.

6. Ок. князь Василий Петрович Львов.

6. Ок. князь Семен Петрович Львов.

7. Ок. князь Иван Иванович Ромодановский.

8. Ок. князь Василий Григорьевич Ромодановский.

9. Ок. Степан Гаврилович Пушкин.

10. Ок. князь Семен Романович Пожарский.

11. Ок. Богдан Матвеевич Хитрово.

12. Ок. Петр Петрович Головин.

13. Ок. Иван Андреевич Милославский.

14. Ок. князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский.

15. Ок. князь Димитрий Алексеевич Долгорукой.

16. Ок. князь Петр Алексеевич Долгорукой.

17. Ок. Семен Лукьянович Стрешнев.

18. Ок. Иван Федорович Большой Стрешнев.

19. Ок. Михаил Алексеевич Ртищев.

20. Ок. Прокофий Федорович Соковнин.

21. Ок. князь Борис Иванович Троекуров.

22. Ок. Алексей Димитриевич Колычев.

23. Ок. Василий Александрович Чоглоков.

24. Ок. Иван Васильевич Олферьев.

За ними следуют шесть «думных дворян», которых они называют сынами [детьми] боярскими; это как бы их гофьюнкеры:

1. Иван Афанасьевич Гавренев.
2. Федор Кузьмич Елизаров.
3. Богдан Федорович Нарбеков.
4. Ждан Васильевич Кондырев.
5. Василий Федорович Янов.
6. Афанасий Осипович Прончищев.

Думных дьяков имеется трое:

1. Алмаз Иванович.
2. Семен Иванович Заборовский.
3. Ларион (Ларивон) Димитриевич Прончищев.

Вот имена тех лиц, которые в настоящее время знатнее всех при царском дворе. Они обслуживают и вершат все придворные, государственные и частные дела в высшем и низшем, тайном и обыкновенном советах, а также и в канцеляриях [приказах].

Порядок, в котором они при дворе размещают между собою должности и достоинства, определяется следующими правилами. Раньше высшим и ближайшим к его царскому величеству местом считалась должность «государственного конюшего». Со времени великого князя Шуйского до сих пор эта должность не замещалась.

Затем следует должность «дворецкого» — гофмейстера, которая теперь высшая из всех; дворецкий ведает все, касающееся дворцового ведомства и придворного быта, а в особенности все, что относится к царскому столу. Третье место занимает

«оружничий», имеющий под своей властью все императорское [царское] личное оружие, и холодное и огнестрельное, а также лошадей, драгоценности и вещи для украшений и процессий. Затем следуют «бояре», «окольничие», «думные дьяки» или государственные канцлеры, «постельничий», устраивающий императорскую [царскую] постель, «комнатный с ключем», царский камергер, «кравчий» или форшнейдер и мундшенк, «стольники», прислуживающие за столом дворяне, «стряпчие», т. е. ездвые гофьюнкеры, обязанные везде выезжать с его царским величеством, «дворяне» или простые гофьюнкеры, «жильцы» или пажи, «дьяки», т. е. секретари канцелярий, обыкновенно у них называемые подканцлерами, и «подьячие» или писцы в приказах или канцеляриях.

Большая часть государственных советников и других придворных чиновников — князья и богатые господа, имеющие собственные великолепные земли и людей; они, однако, не имеют права лично управлять этими землями, но должны поручать управление своим гофмейстерам, служащим и управляющим. Сами они обязаны жить в Москве, ежедневно являться ко двору, и даже в тех случаях, когда дела у них никакого нет, все-таки бить челом перед его царским величеством. Делается это с тою целью, чтобы они, живя в поместьях у своих подданных, не предприняли заговора против его царского величества.

Они живут в великолепных домах и дворцах, соблюдают большую пышность, являются на улицах в прекрасном убранстве, одетые в весьма дорогие одежды; при этом рядом с

лошадьми и санями их бегут многие слуги и рабы. Когда они едут верхом, у луки седла у них имеются небольшие литавры, несколько больше 1/4 локтя; они бьют в эти литавры рукояткою кнута, чтобы народ, толпящийся на улицах, а в особенности на рыночной площади и перед Кремлем, расступался перед ними.

Князя же, живущие в деревнях и иногда не имеющие средств, чтобы жить сообразно своему состоянию, ведут гораздо худший образ жизни, так что часто, не зная их по другому чему-либо, трудно обнаружить их среди крестьян. Так случилось, например, во время первого нашего путешествия, когда в Будове наш переводчик стал расспрашивать о живущем там князе и обратился со своим вопросом к самому князю, смотревшему сквозь оконное отверстие в курной избе: переводчик не разглядел, что князь и мужик одновременно глядели из того же отверстия. Когда князь дал понять, что ему эта ошибка неприятна, переводчику пришлось просить прощения за то, что он князя принял за мужика.

Говорят, что русские князья ведут свое происхождение от Володимера, о чем подробнее рассказано у Кромера во II томе его «Polonicae res», в книге 3.

Когда перечисленным боярам и государственным советникам приходится обсуждать какие-либо государственные и иные важные дела, то эти собрания и совещания свои они имеют после полуночи, сходясь около 1 или 2 ч. в Кремль и возвращаясь к полудню, часам к 9 или 10.

Никаких решений, мнений, приказаний, договоров, назначений и т. п., издаваемых от царского имени,

его царское величество не подписывает лично — как о том уже сказано выше. Все подписывается боярами и государственным канцлером и [лишь] скрепляется царскою печатью. Если же великий князь заключает мир или договор с соседними государями и должен подтвердить свое мнение, то это делается помощью присяги и целования креста.

LI

(Книга III, глава 19)

О различных канцеляриях в Москве и о их делопроизводстве

Государственные советники и бояре не только привлекаются ко двору для государственных дел, но служат и в канцеляриях для гражданских дел и судопроизводства. Таких канцелярий, которые русские называют «приказами», в Москве насчитывается 33. Я их приведу здесь, называя одновременно и лиц, ныне ими заведывающих.

1. «Посольской приказ», где рассматриваются государственные дела, дела всех послов и гонцов, а также дела немецких купцов. Здесь «думным дьяком» или канцлером Алмаз Иванов.

2. «Розрядный приказ», где регистрируются имена и роды бояр и дворян и записывается прибыль и ущерб, понесенные в военное время. Заведывающим им является «думный дьяк» Иван Афанасьевич Гавренев.

3. «Поместной приказ», где записываются наследственные и земельные имения, разбираются тяжбы из-за них и уплачиваются царские

пошлины при продаже. Заведывающий — Федор Кузьмич Елизаров.

4. «Казанской приказ» и 5. «Сибирской приказ». В обоих слушаются и выдаются дела, касающиеся царств и земель Казани и Сибири. Здесь же ведаются доходы и расходы на соболя и другие меха. Заведывающий — князь Алексей Никит[ов]ич Трубецкой.

6. «Дворцовой приказ», где ведаются все дела, касающиеся двора и его содержания. Заведывающий — боярин [Василий] Васильевич Бутурлин. [7.....]

8. «Иноземской приказ», которому подсудны все иностранные военачальники и полковники и где им в мирное время отдаются приказания. Здесь также распоряжается тесть царский — Илья Данилович Милославский.

9. «Рейтарской приказ», которому подсудна и от которого получает приказания и жалованье вся из туземцев навербованная конница [рейтары]. Эти рейтары все из бедного дворянства и имеют свои ленные имения. В год они получают 30 рублей или 60 рейхсталеров. И этот приказ подчинен Илье.

10. «Большой приход», где все сборщики пошлин, со всей России, должны ежегодно отдавать свой отчет. Из этого «приказа» наблюдают за тем, правилен ли вес хлеба и соответствует ли он цене пшеницы и ржи; точно так же, всегда ли дается в винных погребах с продажей разных иностранных вин верная мера по дешевой цене. Из этого же приказа все иностранцы, находящиеся на дворцовой и военной службе его царского величества, аккуратно получают свое ежемесячное жалованье, равно

как и жалованье годовое, уплачиваемое около Рождества. Здесь начальником боярин князь Михаил Петрович Пронский.

11. «Судной володимирской приказ», которому подсудны все бояре и московитские вельможи. Кто желает обвинять их, должен заявиться сюда; здесь производится и суд, если дело частного характера. Боярин князь Федор Семенович Куракин заведывает этим приказом.

12. «Судной московской приказ», которому подсудны стольники, стряпчие, дворяне и жильцы, т. е. дворяне, прислуживающие за столом или в дороге, простые дворяне и пажи. Их судья — тот же боярин.

13. «Разбойной приказ», где производятся заявления, следствия, пытка, и, по качеству дела, говорятяся и приговоры по уличным разбоям, убийствам, кражам и насилиям в городе и вне его. Высшее лицо в этом приказе — боярин князь Борис Александрович Репнин.

14. «Пушкарской приказ», которому подведомственны все, кому приходится заниматься орудийным и колокольным литьем и вообще военными вооружениями. Таковы литейщики, кузнецы, точильщики сабель; пушкари, мушкетеры, мастера ружейные и пистолетные; не только суд и расправа, но и выдача жалованья им производятся здесь. Начальником здесь, на место безбожного Петра Тихоновича, поставлен боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукой.

15. «Ямской приказ», которому подведомственны все царские гонцы, «подводы» и возчики, которых зовут «ямщиками»; они здесь получают плату. Здесь же делаются назначения и выплаты тем, кто путешествуют по

делам его царского величества, смотря по содержанию милостиво дарованных им паспортных листов. Здесь начальником окольничий Иван Андреевич Милославский.

16. «Челобитной приказ», где можно принимать жалобы и призывать к суду всех дьяков, секретарей, писцов, старост и придверников в приказах. Начальник его — окольничий Петр Петрович Головин.

17. «Земской двор» или «Земской приказ», где все горожане города Москвы и простонародье имеют право жаловаться друг на друга в случае несправедливостей. Так же точно в этом приказе должны производиться измерение, уплата пошлин и запись всех домов и площадей, какие в Москве покупаются и продаются. Ежегодно сюда вносятся и уплачиваются налоги на дома, мостовые и воротные деньги и то, что должно идти на содержание валов городских. Начальник его — окольничий Богдан Матвеевич Хитрово.

18. «Холопей приказ», где составляются особые грамоты, у них называемые «кабалами», о тех людях, которые идут в крепостную зависимость к кому-либо другому. Заведывающий им — Степан Иванович Исленев.

19. «Большой казны приказ», который заведывает золотою и серебряною парчою, бархатом и шелком, сукном и разными материями, необходимыми для дворцового убранства или же для подарков, в виде привета от его царского величества вновь назначенным чиновникам или, в виде милости, другим лицам.

Под этим «приказом», расположенным в Кремле и называющимся обыкновенно по-немецки «*der grosse Schatzhof*», находятся многие глубо-

кие и большие погреба и каменные своды, где складываются и хранятся казна государства и все доходы городов, пошлины и ежегодные остатки от расходов в «приказах». Все это находится под рукою и надзором царского тестя Ильи Даниловича Милославского.

20. «Казенной приказ», которому подсудны все «гости» и наиболее выдающиеся русские купцы и торговцы. И здесь тот же Илья начальником.

21. «Монастырский приказ», где ведаются монахи, попы и другие клирики и должны судиться в делах светских. Здесь начальником — окольничий князь Иван Васильевич Хилков.

22. «Каменной приказ», канцелярия плотников, каменщиков и мастеров строительных работ, где все эти люди получают суд и расправу и вознаграждение свое. Это — большой двор, в котором всегда имеется большой запас всяких необходимых для царского строительства материалов, как-то: дерева, камня, извести, железа и т. п. Господином и наблюдателем здесь является дворянин Яков Иванович Загряжской.

23. «Новгородской четверти» [приказ], куда вносятся и где исчисляются все доходы по Великому Новгороду и Нижнему Новгороду. Здесь же рассматриваются и решаются затруднения этих городов, а иногда и тяжбы их горожан. Хотя, как выше сказано, от провинциального воеводского суда никакие апелляции ко двору не допускаются, тем не менее [жители] пускаются на такие уловки: если, начав дело в местных канцеляриях, они замечают, что «собака начинает хромать», они не дают делу дойти до решения, но направ-

ляются с ним в Москву в приказы, которые их касаются. Начальник этого приказа — думный дьяк или государственный канцлер Алмаз Иванович.

24. «Галицко-Володимирский приказ», где исчисляются доходы провинций Галича и Володимира и где выслушиваются нужды и жалобы этих провинций. Начальник этого приказа — окольный Петр Петрович Головин.

25. «Новая четверть», куда все кабаки, трактиры или шинки из всех провинций доставляют свои доходы и сдают отчетность. Отсюда же «кружечные дворы» или трактиры вновь снабжаются водкою и другими напитками. Также, если кто из других русских оказывается уличенным в том, что он тайно продавал водку или табак, то его здесь обвиняют и наказывают. Ведь, как выше сказано, русским под страхом сурового наказания воспрещено продавать или «пить» табак. Пойманные нарушители этого постановления, смотря по положению своему, или наказываются высокою денежною пенею, или кнутом и ссылаются в Сибирь. Немцам же разрешается свободно курить табак и продавать его друг другу. Начальствует в этом приказе Богдан Матвеевич Хитрово.

26. «Костромской приказ», куда относится заведывание доходами и судебными делами Костромы, Ярославля и примыкающих к ним городов. В этом приказе заседает боярин и обер-цейхмейстер Григорий Гаврилович Пушкин.

27. «Устюжской приказ», куда относятся поступления и судебные дела по Устюгу и Холмогорам. Здесь начальником окольный князь Димитрий Васильевич Львов.

28. «Золотой и алмазной приказ», где приготавливаются, складываются и оплачиваются драгоценные камни, драгоценности и иные золотые и серебряные изделия, приготавливаемые немецкими золотых и серебряных дел мастерами; здесь же и подсудны эти мастера. Патрон их тот же Григорий Пушкин.

29. «Ружейной приказ», где хранится все императорское [царское] вооружение и оружие для военных целей, а также разные украшения для процессий и торжественных случаев. Здесь же находится цейхгауз или ружейная палата. Те, кто имеют дело с подобными предметами, подсудны этому приказу. И им заведует тот же Пушкин.

30. «Аптекарской приказ», где находится царская аптека. Лейбедики, цирюльники, аптекари, дистилляторы и все, кто к этим делам прикосновенны, должны ежедневно являться сюда и спрашивать, не требуется ли что-либо по их части. При этом они должны бить челом патрону, стоящему во главе этого учреждения, — Илье Даниловичу Милославскому.

31. «Таможенной приказ», т. е. таможня, где заседает один из «гостей» с несколькими помощниками для приема пошлин со всех товаров. В конце года он отдает отчет другому приказу — Большому приходу, и тогда другой «гость» назначается на его место.

32. «Сбору десятой деньги приказ», куда поступает десятая деньга, которую согласились отпускать на войну. Этот приказ теперь подчинен боярину Михаилу Петровичу Пронскому и за ним окольному Ивану Васильевичу Олферьеву.

33. «Сыскной приказ», где заявляются и решаются все непривычные новые дела, не подведомственные другим приказам. Здесь начальником князь Юрий Алексеевич Долгорукой.

До сих пор приводились приказы от канцелярии его царского величества [и указывалось], что в них рассматривается и кто стоит во главе их. Помимо их имеются еще три особых приказа у патриарха, а именно:

1. «Розряд», где регистрируются и записываются духовные владения; здесь же находятся и архивы их.

2. «Судный» [приказ], где патриарх производит свой духовный суд и расправу.

3. «Казенной» [приказ], где складываются и хранятся патриаршья казна и ежегодные доходы.

Во всех приказах царя и патриарха находится очень много писцов, пишущих красивым почерком и довольно хорошо обученных, по их способу, счетному искусству. Вместо марок для счета употребляют они косточки от слив, которые каждый имеет при себе в небольшом кошельке.

Брать подарки, правда, воспрещено всем под угрозой наказания кнутом, но втайне это все-таки происходит; особенно писцы охотно берут «посулы», благодаря которым часто можно узнавать и о самых секретных делах, находящихся в их руках. Иногда они даже сами идут к тем, кого данное обстоятельство касается, и предлагают им за некоторое количество денег открыть дела. При этом часто они допускают грубый обман, сообщая вымышленное вместо истинного, частью из боязни опасности для себя в случае, если дело выйдет наружу, частью же

вследствие незнания дела. Так было, например, и в мое время, когда я в 1643 г. в Москве принял царскую грамоту на имя его княжеской светлости, моего милостивейшего государя; в это время знатный агент, находившийся там, сильно желал узнать, каково содержание письма. Ему, как бы под строжайшим секретом, передана была копия, которую и мне разрешено было списать, так как я был добрым другом г. агента. Когда, однако, подлинная грамота на должном месте была переведена, то в ней многое оказалось изложенным в значительно иной форме, чем гласила переданная по секрету копия.

Акты, процессы, протоколы и другие канцелярские вещи они записывают не в книги, а на длинных бумажных свитках. Для этой цели они разрезают поперек целые листы бумаги, приклеивают потом полосы друг к другу и свертывают в свитки. Иной из свитков длиной в 20, 30, даже 60 и более локтей. В канцеляриях можно видеть весьма много их, горами сложенных друг над другом.

ЛП

(Книга III, глава 20)

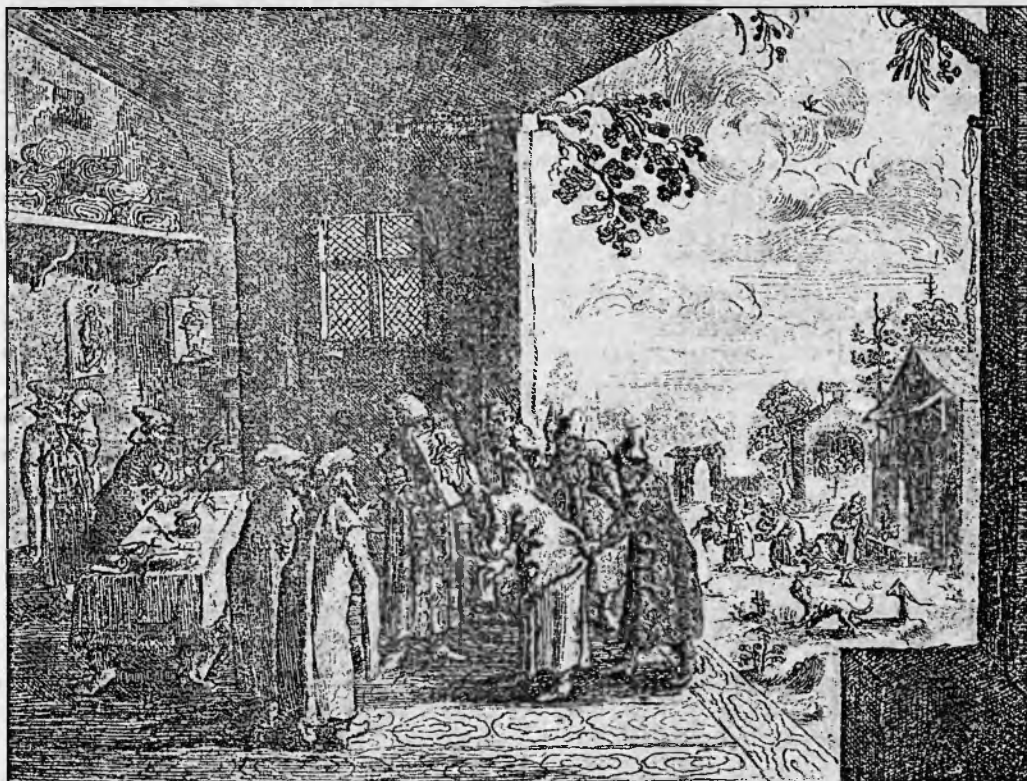
О русском судопроизводстве, правосудии и видах наказаний

Что касается дел юстиции, то они решаются в только что указанных канцеляриях. Каждый боярин или назначенный сюда судья имеет при себе дьяка или секретаря, а также нескольких заседателей; перед ними выступают тяжущиеся стороны, подвергаются выслушанию и

осуждению. Раньше у русских было лишь весьма немного писанных законов и обычаев, установленных разными великими князьями, притом исключительно по отношению к изменникам перед отечеством, преступникам по оскорблению величества, вора́м, убийцам и должникам. Во всем остальном они, большею частью, поступали по собственному произволу и иногда приносили приговор смотря по тому, были ли расположены или враждебно настроены к подсудимому. Однако немного лет тому назад, а именно в 1647 г., по повелению его царского величества, должны были собраться умнейшие люди со

всех состояний с тем, чтобы составить и написать несколько законов и статутов, которые затем его величеством и боярами были утверждены и по-русски, для публичного пользования, отпечатаны; это — книга in-folio, толщиной с добрых два пальца, и называется «Соборное уложение», что значит «Согласное и собранное право». Теперь они по этому своду постановляют или хотя бы должны постановлять свои решения. Так как все это делается именем его царского величества, то прекословить никто не имеет права, и апелляция не допускается.

Раньше тяжущимися велись такого рода процессы. Если один дру-

Присяга

гого обвинял и ничего не мог доказать, то судья требовал, чтобы дело было решено клятвою. После этого спрашивали обвиняемого, от которого зависело решение: «Берешь ли ты клятву на свою душу или же оставляешь ее на душе обвинителей?» Тот, кому полагалось принести клятву, должен был три недели подряд, каждую неделю по разу, выслушивать поучения и увещания о том, что это за великое и опасное дело давать клятву; вообще его всячески предостерегали от дачи ее. Если он, тем не менее, приносил клятву, то хотя бы клятва и была правильна, все-таки все окружающие плевали ему в лицо, его выталкивали из церкви, где он поклялся, подвергали презрению, все на него показывали пальцами, ему не разрешали входить в церковь, ни, тем менее, принимать причастие, разве только он заболел опасною болезнью и в нем замечали верные признаки близкой смерти: только в таком случае его могли причастить.

Недавно состоялось такого рода распоряжение. Желającego принести клятву спрашивают перед иконами их святых, желает ли он принять клятву на душу и спасение свое. Если он ответит «да», перед ним держат крестик с пядень длиною. Он знаменует себя сначала крестным знамением и затем целует крест. Потом снимают икону со стены и подают ему, чтобы он к ней приложился. Если он клялся правильно, то ему разрешают принять причастие лишь по истечении трех лет: относятся к нему, однако, довольно пренебрежительно. Если же станет известно, что он принес ложную присягу, то его нагого бьют кнутом, а затем немилосердно ссылают в Сибирь. Он не получает в этом слу-

чае причастия даже при последнем издыхании.

Вот поэтому-то русские неохотно дают клятву, а еще того менее решаются на нее вторично или в третий раз; так поступают разве только люди дерзкие и никуда не годные. Зато, однако, у них весьма принято во время общих сборищ, покупки или продажи уговаривать собеседника словами: «Вот [тебе] хрест», причем они пальцами, по своему обычаю, благословляют себя; однако, не всегда можно верить этому уверению.

У них имеются различные ужасные способы пытками вынуждать правду. Один из них состоит в следующем: они связывают руки на спине, поднимают на высоту и привешивают тяжелое бревно к ногам; на бревно это вскакивает палач и сильно растягивает члены грешнику, как можно видеть это на следующем рисунке. Под ногами, кроме того, зажигается огонь, который жаром своим мучит ноги, а дымом лицо. Иногда они велят вверху на голове выстричь плешь, а затем дают на нее падать по каплям холодной воде; говорят, получается невыносимое мучение. Иных они, смотря по состоянию дела, велят еще бить кнутом при этой пытке и проводят раскаленным железом по их ранам.

Если судится дело о побоях, то обыкновенно того, кто ударил первым, обвиняют, а правым считают того, кто первый принес жалобу.

Убийца, который не из самообороны (эта последняя разрешается), но с заранее обдуманном намерением убил кого-либо, бросается в темницу, где он в течение шести недель должен каяться при суровых условиях жизни; затем ему дают причастие

и после этого казнят отсечением головы.

Если кто-либо обвинен и уличен в воровстве, его все-таки подвергают пытке, [чтобы узнать], не украл ли он еще что-либо; если он больше ни в чем не сознается и провинился в первый раз, то его бьют кнутом по дороге из Кремля на большую площадь; здесь палач отрезает ему одно ухо, и его на два года сажают в башню, а затем выпускают. Если он пойман будет вторично, то ему, по вышеуказанному способу, отрезают и второе ухо, а затем его уводят на прежнее пристанище, где его держать до тех пор, пока подобных личностей не наберется больше; потом их всех вместе отправляют в Сибирь. Никого, однако, ради воровства, если при этом не было совершено убийства, не карают смертью. Если вор после пытки признается, кому он продал краденые вещи, то этих покупателей зовут в суд и требуют от них, чтобы они дали должное возмещение убытков жалобщику, у которого вещи украдены. Такую выплату они называют «вытью»; она многих удерживает от покупки подозрительных предметов.

Ни о чем так часто не производится суд, как о долгах и должниках; не желающих или не могущих произвести уплату «приставливают», т. е. их заставляют сидеть взаперти в доме какого-либо судейского служителя, вроде как, например, у нас арестовывают и ставят на послушание. Если платеж не будет произведен в разрешенный льготный срок, то должник, кто бы он ни был: русский ли или иностранец, мужчина или женщина, купец или ремесленник, священник, монах или монахиня, сажается в дол-

говую тюрьму, и каждый день его выводят перед канцеляриею на открытое место, и целый час гибкою палкою, толщиною с мизинец, бьют по голеним, причем избиваемые зачастую от сильной боли громко кричат. Иногда бьющий, получивший «посул» или подарок, бьет лишь слегка и мимо. Иные также кладут толстую жезь или узкие, длинные деревянные дощечки в сапоги, чтобы эти приспособления принимали на себя удары.

По вынесении этих мучений и надругательств должник или опять отсылается в тюрьму, или должен представить поручителей, что он на следующий день вновь явится на место и даст себя вновь бить. Подобного рода наказание они называют «ставить на правезж». Оно представлено на следующем рисунке, спереди, под литерою А. Если же должник совершенно лишен средств заплатить долг, он становится рабом кредитора и должен служить ему.

Другие обычные наказания, применяемые против преступников, состоят в том, что взрезываются ноздри, даются батоги и кнутом бьют по голой спине. Ноздри взрезывались [рвались] у тех, которые пользовались нюхательным табаком; нам привелось встретить несколько человек, подобным образом наказанных. Батогами каждый господин может наказывать своего слугу или всякого, над кем он хоть сколько-нибудь властен. Преступника раздевают, снимая с него кафтан и одежду, вплоть до сорочки; потом он должен брюхом лечь на землю. Затем два человека садятся на него: один на голову, другой на ноги, и гибкими лозами бьют его по спине; получается такое же зрелище, как

Кремль и наказания

при выколачивании скорняками мехов; это показано под литерою В. Подобного рода наказание не раз применялось среди русских, сопровождавших нас, во время нашего путешествия.

Битье кнутом в наших глазах было варварским наказанием; оно представлено на рисунке под литерою Е. Подобное наказание 24 сентября 1634 года я видел примененным к восьми мужчинам и одной женщине, нарушившим великокняжеский указ и продававшим табак и водку. Они должны были перед канцеляриею, именуемую «Новою четвертью», обнажить свое тело вплоть до бедер; затем один за другим они должны были ложиться на спину слу-

ги палача и схватывать его шею руками. Ноги у наказуемого связывались, и их особый человек придерживал веревкою, чтобы наказуемый не мог двигаться ни вверх, ни вниз. Палач отступал позади грешника на добрых три шага назад и стегал изо всей своей силы длинным толстым кнутом так, что после каждого удара кровь обильно лилась. В конце кнута привязаны три ремешка, длиною с палец, из твердой недубленной лосиной кожи; они режут, как ножи. Несколько человек таким образом (ввиду того, что преступление их велико) были забиты кнутом до смерти. Служитель судьбы стоял тут же, читая по ярлыку, сколько ударов должен был каждый получить; когда означенное

число ударов оказывалось исполненным, он причал: «Полно!», т. е. достаточно. Каждому дано было от 20 до 26, а женщине 16 ударов, после чего она упала в обморок. Спины их не сохранили целой кожи даже с палец шириною; они были похожи на животных, с которых содрали кожу. После этого каждому из продавцов табаку была повешена на шею бумажка с табаком, а торговцам водкою — бутылки; их по двое связали руками, отвели в сторону (литера F), а затем под ударами выгнали из города вон и потом опять пригнали к Кремлю.

Говорят, что друзья некоторых из высеченных кнутом натягивают на израненную спину теплую шкуру с овцы, только что зарезанной, и таким образом исцеляют их. В прежние времена, после вынесенного преступниками наказания, все опять смотрели на них как на людей столь же честных, как и все остальные; с ними имели сношения и общение, гуляли, ели и пили с ними, как хотели. Теперь, однако, как будто считают этих людей несколько опозоренными.

Подобно тому, как русские с течением времени улучшаются во многих внешних отношениях и сильно подражают немцам, так они делают это и в том, что касается славы или позора; так, например, состоять палачом у них раньше не считалось столь позорным и бесчестным, как, пожалуй, теперь. Ни один честный и знатный человек теперь не стал бы вести дружбу с высеченным, разве только в том случае, если подобному наказанию кто-либо подвергся по доносу лживых людей или неправильно был наказан вследствие ненависти к нему судьи. В последнем случае наказанного скорее жалеют, чем пре-

зирают, и в доказательство его невинности честные люди безбоязненно имеют с ним общение.

Общества кнутобойцев и палачей теперь также избегают честные люди. Им можно бы жить и работать, подобно всем остальным людям, но они неохотно отказываются от своего дела, так как оно приносит им большой доход: за каждую экзекуцию они получают деньги не только от начальства, но и от преступников (в том случае, если у этих последних есть деньги, а палач не слишком несговорчив); кроме того, они продают арестантам, которых ежедневно сидит весьма много, водку, — конечно, тайком; все это за год составляет большую сумму. Поэтому иные за подарки покупают подобного рода должности; однако в настоящее время им воспрещено вновь продавать их. Когда ощущается недостаток в таких людях и требуется произвести большие экзекуции, цех мясников обязан отряжать из своей среды несколько палачей.

III

(Книга III, глава 21)

О религии русских вообще и о начале ее

При упоминании о религии русских, я, естественно, начну с вопроса, который в публичных диспутациях рассматривался д-ром Бодфидием, покойного короля Густава шведского придворным проповедником, а затем и магистром Генрихом Стаалем, суперинтендентом в Нарве в Лифляндии. Вопрос этот сле-

дующий: «Можно ли считать русских христианами?» Если русских спросить об этом, они отвечают, что именно они-то и являются истинно крещеными и лучшими в мире христианами, в то время как мы разве можем считаться «окропленными» христианами. Поэтому, если кто-либо из иностранных христиан захочет перейти в их вероисповедание, они заставляют его вновь креститься. Что они, однако, все-таки христиане, это мы, вместе с вышеупомянутыми мужами, вправе заключить, так как *essentialia christianismi* или «существенно необходимые главные основания христианства» мы у них находим. Таковы — истинное слово Божие и святые таинства. Священная Библия имеется у них, а именно Ветхий Завет [с текста] 70 греческих толковников; а Новый — с обычного перевода переизданные на славянском и русском языках и отпечатанные. Странно, однако, что никогда они не допускают всю Библию в свои церкви, говоря, что в Ветхом Завете много скверных нецеломудренных вещей, могущих осквернить столь святое место, как их церковь; поэтому у них, наряду с новым заветом, имеются лишь некоторые писания пророков, которые они тут подвергают обсуждению. В домах, однако, разрешается иметь и читать всю Библию. Наряду с Библией у них имеются и некоторые древние отцы и учителя церкви, как-то: Кирилл, архиепископ иерусалимский, написавший катехизисы при императоре Феодосии (см. о нем у Барония в «*Annales Ecclesiastici*», t. IV, p. 459, или «*Bibliotheca patrum*», Colon., t. XII, p. 1003), Иван Дамаскин, Григорий Богослов (это, вероятно, Григорий Назианзин), Иван

Златоуста, т. е. Иоанн Хрисостом, Ефрем Сирий. Этот последний, по их словам, — к чему присоединяется и Гергард Фоссиус лейденский в посвящении этой книги, переведенной им на латинский язык, — получил от ангела книгу с золотыми буквами, которую только он и был в состоянии открыть; после этого он сразу выступил с речами и писаниями, исполненными возвышенного духа.

Наряду с этими лицами имеют они и собственного своего русского святого учителя — Николу Чудотворца. Он написал духовные сочинения, которые они прилежно изучают. Они говорят, что он творил большие чудеса. Поэтому его резное поясное изображение поместили в особой часовне на большой улице, идущей вверх к Тверским воротам; ежедневно здесь горели перед ним восковые свечи; однако, во время большого пожара, бывшего при недавнем мятеже, оно, как говорят русские, было взято на небо, т. е., иными словами, сгорело и превратилось в пепел.

Они признают также символ веры Афанасия и верят, что Бог, через которого все создано, един в существе своем и троичен в лицах, что Христос пострадал за весь род человеческий, что Святой Дух, исходящий от отца, через Сына, нас освящает и дает нам силу для добрых дел. Поэтому нельзя сомневаться в том, что их вера или *fides, quae creditur* [вера, в которую верят] — христианская, но их, как говорят в школах, *fides, qua creditur* [вера, помощью которой верят], подозрительна и на деле оказывается весьма плохой. Наряду с Господом Христом, они и евангелистам, апостолам, пророкам и весьма многим иным свя-

тым, — притом не как ходатаям, как говорят знатнейшие, но и как помощникам в спасении душ, как тому верит большинство — и даже писанным картинам, имеющим представить этих святых, — ежедневно воздают честь, подобающую Единому Богу. Об этом ниже будет сказано подробнее. Чтобы христианская вера их в добрых делах и любви к ближним также выступала и была действительна, это по жизни их и по вышеприведенным рассказам мало заметно. Что касается добрых дел, совершаемых ими по учреждению и постройке церквей и монастырей, то они им приписывают значение гораздо большее, чем следовало бы.

Они называют себя членами греческой церкви, хотя не следуют особенно точно ее правилам, но совершают многие ошибки и успели прибавить многие добавочные учения по собственному усмотрению. В своей летописи они пишут, что христианская вера еще в апостольское время проникла в Россию. Будто бы апостол Андрей из Греции, поднявшись вверх по реке Борисфену или Днепру, прошел через Ладожское озеро к Новгороду, здесь проповедовал Евангелие Христово и установил истинное богослужение и постройку церквей и монастырей. После долгого времени, однако, многими войнами, веденными в России татарами и язычниками, истинная христианская вера была большею частью подавлена и угасла, и, напротив, введено было язычество и идолопоклонство; так было вплоть до времени великого князя Володимера, который также раньше был язычником. Когда этот [князь] счастливым оружием своим подчинил себе все Россию и

даже почти всю Сарматии, он стал пользоваться таким уважением у иностранных христианских государей, что они, домогаясь его дружбы, начали посылать к нему великолепные посольства. Так как эти предложения дружбы были им охотно приняты и он снисходил к их пожеланиям, то они постарались также отвлечь его от языческого богослужения к христианской вере. После этого Володимер отправил послов и гонцов в разные христианские страны, желая получить правильные донесения о верах. Так как ему более всего понравилась греческая религия, раньше существовавшая в России и до сих пор еще сохранявшаяся в некоторых, хотя и немногих местах, то он и решил принять ее.

Иоанн Куропалат, греческий историк, рассказывает, что при обращении русских случилось чудо. В то время, когда архиепископ, присланный сюда императором Василием, проповедывал у них Евангелие Христово и прославлял великие чудеса истинного бессмертного Бога и, между прочими, рассказал историю о трех правочерных мужах в огне, русские ответили: «Если бы мы могли увидеть такое чудо, мы бы тебе поверили». Епископ подумал, что Бога не следует испытывать, однако, так как ведь Христос сказал: «Чего вы Именем Моим, с верою, будете просить, то и дастся вам», то он сказал русским: «Если они вполне серьезно готовы в этом случае обратиться к Христу, то пусть они испрашивают себе что-либо». Тут они попросили, чтобы епископ бросил в огонь Евангелие, повествующее о Христе; если и эта книга, подобно тем трем мужам, останется невредимою, то они

готовы уверовать в Христа, которого он называет истинным Богом, и обратиться к Нему. Тогда архиепископ поднял руки и глаза в небо, и стал просить Бога об этом чуде, говоря: «О Христос, Господь наш! Открой этим чудом Твое прославленное Имя и для очей этого народа!» При этих словах он бросил Евангелие в огонь. Через несколько часов, когда огонь догорел, они вытащили книгу невредимою. Как только варвары увидели это, они испугались великого чуда и, более не раздумывая, приняли христианскую веру и дали себя окрестить.

Великий князь Володимер позже получил имя Василия; он совершенно уничтожил идолопоклонство в своей стране и потребовал от всех своих подданных, чтобы они приняли греческую веру. Однако упоминаемые мною здесь писатели (которые, если вчитаться в них, оказываются, как установлено Геснером, Казаубоном и Фоссием, прилежно списывавшими друг у друга), на мой взгляд, ошибаются в упоминании имени императора Василия, а стало быть, и во времени. Они полагают, что это событие происходило во времена Василия Македонянина; без сомнения, им следовал и Бароний в своих «*Annal. Eccles.*», называя здесь 863 г. По русской летописи и другим историкам гораздо достовернее, что это произошло около 988 г., когда братья Василий и Константин были на востоке, а Оттон III на западе — императорами. Как пишет Кромер, русский князь Володимер около этого времени, после многих побед, отнял у обоих этих братьев город, расположенный на Понте и называемый у Сабеллика Херсонесом; потом же,

когда они подружились, Володимер получил в жены их сестру Анну и, приняв христианскую веру, вернул им означенный город обратно. Об этом подробнее рассказано у Кромера «*de reb. Polon.*», кн. III. Правда, Гвагнин в описании европейской Сарматии ставит 924 г., однако в эпилоге его труда все-таки сказано, что событие это произошло в 985 г. по Р. Х. Таким образом он приближается к цифре русских и нашей, с которой совпадает и Альштетий в своей «*Chronologia*».

Этот Василий послал из Константинополя Володимеру, как зятю своему, много епископов и священников, которые должны были во всей России устроить богослужение и церковные обряды. С этого времени между греками и русскими установилась большая дружба; русские считают [и теперь] греков за людей более святых и благочестивых, чем они сами, и ежегодно затрачивают на них большие суммы. Как пишет Поссевин, москвиты раньше ежегодно посылали греческой церкви 500 дукатов милостыни. Теперь это вывелось, но зато греческие монахи от константинопольского и иерусалимского патриарха являются дважды, а то и трижды в год, доставляют позолоченные кости святых и всякие иные реликвии и писанные иконы, за что им дают увозить с собой, в виде подарков, большие количества денег, далеко превосходящие вышеозначенную сумму.

Шесть лет тому назад, а именно в 1649 г., патриарх иерусалимский, по имени Паисий, с несколькими греками прибыл в Москву, доставил земли с Гроба Господня (который, однако, высечен из камня) и освя-

щенной воды из Иордана. Его великолепно приняли, торжественно провели наверх к царю и к патриарху и дали в подарок, как мне писали достоверные люди, более 60000 дукатов. Однако на обратном пути турки отняли у него все золото, все деньги, соболя и шелк, которые он вез с собою, и оставлены были ему лишь священные вещи и книги.

Во всех провинциях у них имеется лишь одна религия и одни обряды, да и только они их и имеют. С русскими границами кончается и религия их, если не считать немногих, которые теперь в Нарве переселены на шведскую границу. Большинство, в особенности — простонародье, немного могли бы объяснить и ответить о догматах своей веры. У них заведено так, как замечено было в свое время Герберштейном и Поссевином: подобно афинянам, которые думали, что мнения царя их — достаточная религия и что с них этого хватит, они ссылаются на то, во что верят царь и патриарх. Никакими проповедями их не поучают и не наставляют. Патриарх, впрочем, и не допускает, чтобы много говорилось о делах веры, или чтобы происходили диспуты с иностранцами; поэтому-то и удается поддержать повсюду всех их при одинаковых мнениях.

Незадолго до нашего приезда в Нижнем Новгороде русский монах имел о делах веры разные беседы с евангелическим пастором, жившим там и рассказавшим мне об этом; он от пастора получил при этом ряд хороших указаний. Когда патриарх узнал об этом, он велел монаха схватить и доставить в Москву, где он его спросил: на каком основании он по-

смел столь часто беседовать с евангелическим пастором и диспутировать о религии. Монах ответил хитро, говоря: немецкий пастор думал обратиться к православной вере; поэтому он его обучал; дело идет столь успешно, что он надеется окончательно приобрести его [для православной церкви]. После этого монаха вновь отпустили на волю.

LIV

(Книга III, глава 22)

О шрифте русских, их языке и школах

Русские получили свои буквы и письменность свою одновременно с религиею от греков, но частью изменили, частью увеличили число письмен особыми славянскими буквами.

Подобными буквами и письмом пользуются они как в печатных, так и рукописных книгах своего языка, который отличается от славянского и польского, но все-таки находится с этими языками в столь близком родстве, что тот, кто знаком с одним из них, легко в состоянии понимать и другой. С греческим у этого языка нет ничего общего, за исключением разве немногих слов, которыми они обыкновенно пользуются в церкви, богослужении и должностях и которые ими заимствованы с греческого. Так как русские, как уже сказано, в школах обучаются только письму и чтению на своем и, самое большее, на славянском языке, то ни один русский, будь он духовного или светского чина, высокого или низ-

Их, уже упомянутый, тайный и во многих языках сведущий переводчик Иоганн-Бёккер фон-Дельден дал им возможность прочесть об иностранных делах в переведенных с латинского и французского книгах, так же, как сделал это бывший до него посол римского императора Адам Дорн, о котором также выше упомянуто. Последний составил вкратце космографию, или описание мира, а первый, между прочим, перевел на русский язык историю о великом моголе. Иногда теперь некоторые из наиболее знатных начинают брать эти книги в руки.

IV

(Книга III, глава 23)

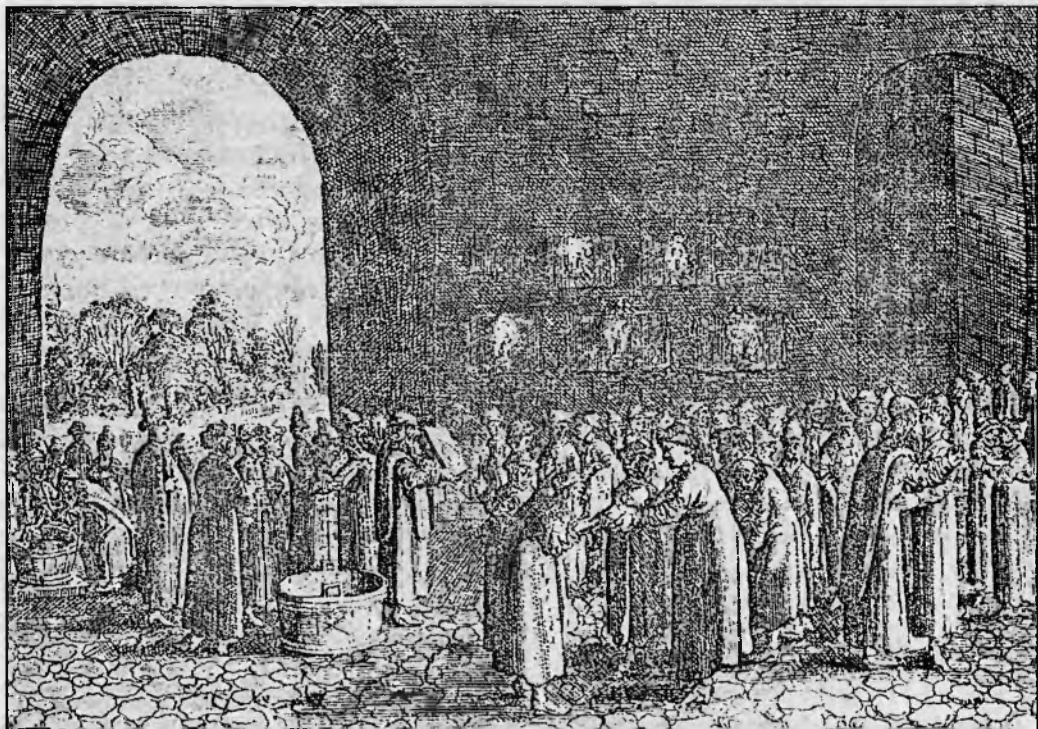
О внешнем проявлении их христианства, о нынешнем богослужении и в особенности о их крещении

Внешнее проявление их христианства и нынешнее богослужение их состоит преимущественно в том, что они, наряду с применением святого крещения, читают слово Божие в церквах своих, служат обедни, почитают Бога и умерших святых, выказывают благоговение к иконам, кланяются им, совершают процессии и паломничества к умершим святым, в определенное время постятся, исповедываются, причащаются Святых Таин и дают последнее помазание.

Что касается крещения, они считают его высоко необходимым для того, чтобы быть принятым в христианскую церковь и достигнуть блаженства. Они веруют и исповедуют, что они зачаты и рождены в грехах и

что Христос, чтобы смыть этот первородный грех, установил омовение нового рождения [баню пакибытия] и очищения (которое они признают и телесным и духовным). Поэтому, как только родится дитя, они немедленно же спешат окрестить его. Если дитя несколько слабо, то его крестят дома, но только не в комнате, где оно родилось (эта комната считается совершенно нечистою). Если же ребенок здоров, то приглашенные для этой цели кумовья, которых должно быть всего двое, несут его в церковь, где поп встречает их у церковных дверей, делает пальцами перед лбами их знамение креста и благословляет их со словами: «Господь да хранит твой вход и выход, отныне и до века».

Кумовья передают попу девять восковых свечек, которые он зажигает и крестообразно приклеивает к ушату, наполненному водой и стоящему посередине церкви. После этого он окуривает ладаном и миррою как ушат, так и кумовей, и со многими церемониями благословляет воду. После этого кумовья, держа горящие свечи в руках, вместе со священником, читающим из книги, трижды обходят ушат, причем спереди идет дьячок с иконою Иоанна [Крестителя]. После этого кумовьям задаются вопросы, обычные и у нас при крещении, а именно: «Как назвать дитя?» [и т. д.]. Записка с именем затем передается священнику. Священник кладет записку на икону, держит икону на груди младенца и молится. Потом он спрашивает: «Верит ли дитя в Бога Отца, Сына и Святого Духа?» Когда кумовья ответят на это утвердительно, они вместе со священником должны оборотиться и стать спинами к ушату. Затем

Крестины

он спрашивает: «Отрицается ли дитя от дьявола со всеми его ангелами и делами и намерено ли оставаться в течение всей жизни при чистой греческой религии?» Кумовья, отвечая на каждый из этих вопросов, вместе со священником должны усердно плевать на землю. Затем они опять обращаются к ушату и происходит изгнание бесов. Возлагая руки, священник говорит: «Отойди от этого младенца ты, нечистый дух, и дай место Святому Духу». При этом он трижды крестообразно дует на младенца; этот обряд, по их словам, должен отогнать дьявола. Они уверены, что до крещения в младенце живет нечистый дух.

Как мне рассказывали, в насто-

ящее время экзорцизм, или увещание и изгнание сатаны, происходит перед церковными дверями, чтобы нечистый дух не загрязнил церкви. Потом священник берет ножницы, отрезает немного волос крестообразно с головы ребенка и кладет их в книгу. Затем он спрашивает: «Желает ли младенец быть крещенным?» и берет нагое дитя от кумовей обеими руками, трижды погружает его в воду и говорит: «Окрещаю тебя во имя Бога Отца, Сына и Святого Духа».

Затем он сует младенцу немного соли в рот, мазет ему освященным маслом крестообразно лоб, грудь, руки и спину, надевает ему чистую белую сорочку и говорит: «Столь же чист и бел ты теперь, очищенный от

Крестинный крестик

первородного греха». Он вешает ему крестик из серебра, золота или свинца (смотря по достатку родителей и насколько они в состоянии приобрести) на шею; форма и величина его представлены здесь.

Этот крестик в течение всей своей жизни он должен носить на шее в доказательство того, что он христианин. Если кого-либо находят мертвым на улице и креста при нем не окажется, то его не хоронят. Священник также назначает младенцу святого и дает ему изображение его. Крещенный в течение всей жизни должен обращаться к этому святому и почитать его икону больше всех других. После этой церемонии крещения священник ласкает и целует ребенка, а также и кумовей; и увещевает их, чтобы они относились к младенцу, как истинные родители, и не посмели вступать в брак друг с другом, так как такие браки у них, как выше сказано, строго воспрещены.

Если двое или трое детей одновременно приносятся для крещения, то каждому из них вновь устраивается купанье обновления, даже хотя бы их была сотня. Однажды бывшая в употреблении вода, которой омыта нечистота первородного греха, должна быть вылита в особое место, и никто уже не должен ею осквернить-

ся. Они полагают, что вода при крещении совершает не только духовное, но и телесное омовение грехов и душевной нечистоты. Так же точно они по-фарисейски пользуются и обыкновенной банею и мытьем во время браков, после совокупления, после выхода семени ночью, после выпуска мочи, омывая члены, при этом применяемые. Многие из них думают, что такое внешнее очищение достаточно для смытия грязи их грехов, в которой они видят как бы материальное существо, к ним приклеивающееся.

Вода для крещения никогда не согревается с помощью огня; в зимнее время дают ей лишь немного постоять в теплом месте.

Взрослых людей, которых предполагают крестить (как делают с переходящими к их религии и как раньше поступали с халдеями) приводят к реке, в которой в зимнее время устраивается прорубь во льду; сюда их с обычными церемониями трижды погружают так, что вода сходится у них над головою. Я упомянул о халдеях: так назывались в наше время некоторые люди — проходимцы, — которые ежегодно получали от патриарха разрешение в течение восьми дней перед Рождеством и вплоть до Крещения бегать по улицам с особым фейерверком, причем они прохаживали зажигали бороды и особенно приставали к мужикам. В наше время они зажгли мужику воз с сеном, а когда тот стал им сопротивляться, они сожгли ему бороду и волосы на голове; кто желал быть пощажеными ими, должен был платить копейку (6 пфеннигов). Они были одеты, как во время масленичного ряженья, на головах у них были деревянные разма-

леванные шляпы, а бороды были вымазаны медом, чтобы не быть зажаренными огнем, который они разбрасывали. Их называли халдеями, обозначая так тех слуг, которые во времена царя Навуходоносора, по преданию, разводили огонь в печи, где предполагалось сжечь трех мужей: Седраха, Мисаха и Авденаго. Может быть, в старину желали при этом напомнить и о чуде, будто бы происшедшем при их обращении. Огонь [разбрасывавшийся ими], они делали из особого порошка, который толкли из растения, называвшегося у них «плаун». Пламя это изумительно и очень весело смотреть на него, особенно когда его бросают ночью или впотьмах; им можно пользоваться для разных развлечений. Поэтому я и предполагаю подробнее на нем остановиться ниже.

...Плаун не что иное, как желтая пыль, выколачиваемая из растения *muscus terrestris* (земляной мох). Этот *muscus* называется в [немецких] ботанических справочниках *Beerlar* или иначе «чертов коготь» (*Teuffels Klau*); он растет обыкновенно в лесах, где стоят ели и березы, а также и в сухих степях. Мы его находили в русских, а иногда и в лифляндских лесах, густыми массами. Это растение бросает вверх парные шишечки, которые в августе, будучи спелыми, собираются русскими в большом количестве, сушатся в печи, толкутся и продаются фунтами; я сам купил несколько бычачьих пузырей [этого порошка] и вывез с собою. Наряду с пользой, которую он приносит при свежих ранах, мокнущих болячках и в случае опрелости у детей (так как он сушит и исцеляет лучше цинковой окиси), им пользуются русские

для своего халдейского огня, о котором сказано выше. Порошок этот держат в пирамидальной формы жестянке, длиною с пол-локтя, иногда и короче; ее берут в руки и сверху у отверстия держат зажженную свечу или факел; снизу подталкивают ее немного кверху, в воздух, так что немного плауну вылетает из отверстия. Свеча его подхватывает, и он вспыхивает. Если подобное подталкивание в воздух происходит непрерывно, так что одно пламя следует за другим, или же если разбрасывают его вокруг себя, то получается зрелище изумительное. В обществах можно устраивать хорошее развлечение с помощью [плауна]: если тайком наполнить трубку плауном и поднести к огню и дунуть, то, неожиданно для сидящих вокруг, выбрасывается сильное пламя; чтобы при этом получился сильный шум, примешивают сюда превращенную в порошок березовую листву. Свойство порошка плауна такое, что он загорается лишь будучи в воздухе рассеян над пламенем; в иных случаях он не горит, даже если сунуть в него зажженный фитиль или свечу или если насыпать на горящие уголья. Если нет этого порошка, то можно воспользоваться благовонным гумми или тонко истолченной древесною смолою [канифолью], которая, помимо развлечения, дает еще хороший запах в комнате. Плаун сам по себе лишен запаха и не дает дыма...

Халдеи во время своего беганья считались язычниками и нечистыми; полагали даже, что если бы они в это время умерли, то были бы прокляты. Поэтому в день св. Крещения, во время великого всеобщего освящения, их вновь крестили, чтобы смыть с них

эту безбожную нечистоту и вновь соединить их с церковью. По принятии крещения они вновь делались столь же чистыми и святыми, как и все остальные. Такие люди иногда оказывались окрещенными раз десять и более. Так как подобные проходимцы совершали много досадных и гибельных выходов с крестьянами и простым людом, а также с беременными женщинами, и из-за игры с огнем не раз вспыхивали пожары, то нынешний патриарх совершенно отменил и эту дурацкую игру и беготню ряженных.

LVI

(Книга III, глава 24)

О крещении отпавших христиан и других взрослых

Иностранцы и отпавшие христиане, равно как и татары и язычники, обращающиеся к русской вере и желающие креститься, сначала держатся шесть недель в монастыре, причем монахи обучают их религии, т. е., большею частью, их способу молиться, признавать святых, кланяться их иконам и знаменоваться крестным знаменем. Потом их ведут для крещения к реке, где они трижды должны плевать на свою прежнюю религию, как на еретическую и проклятую, и клясться никогда более не принимать ее. После крещения они одеваются в новое русское платье, подаренное им великим князем или другими вельможами, их восприемниками, и им доставляется содержание, глядя по состоянию их.

В настоящее время подобных от-

павших очень много в Москве, так как не только 22 года тому назад, по случаю тогда законченной войны под Смоленском, но и теперь, в течение последних лет пяти, много солдат, большей частью французов, позволили перекрестить себя, чтобы остаться в стране и получать содержание от великого князя, — хотя они и не понимали ничего ни в языке, ни в религии русских. Особенно нужно удивляться, как некоторые знатные и умные люди, из-за постыдной корысти, согласились отпасть и принять русскую религию. Известны примеры французского дворянина по имени Пьер де-Ремон и графа Шляховского, как и в новейшее время Антония де-Грэна и полковника Александра Лесли из Шотландии и иных.

Этот граф Шляховский, о котором я говорил выше, прибыл в 1640 г. в Голштинию и Данию, и трогательно жаловался его княжеской светлости и его величеству королю Христиану IV, как его, происходящего из графского рода Шлик (Слик), ради евангелической религии преследуют католики. Он так убедительно излагал свои дела, что эти государи были тронуты состраданием, оказали ему всяческую милость и дали, по его горестной просьбе, ему рекомендацию и проч. к его царскому величеству в Московии. Когда он, по этому королевскому предложению, был хорошо принят в Москве, он высказал весьма свободный образ мыслей, стал говорить, что он прибыл в страну, чтобы принять русскую религию и остаться у его царского величества. Русским это очень понравилось, особенно потому, что он был знатного состояния — русские это очень це-

нят, и знал к тому же латинский и польский языки; его охотно приняли, окрестили, сделали его князем и дали ему имя — князь Лев Александрович Шлик. Ему стало отпускаться ежемесячное жалованье наличными деньгами в размере 200 рейхсталеров. Некоторые думали, что он имел виды на брак с великою княжною Ириною Михайловною. Когда он, однако, узнал, что идут переговоры о выдаче ее за иностранного графа и что поэтому уже два посольства отправлены из Москвы в Данию, он почувствовал очень сильную досаду; однако, в конце концов, он остался доволен, что за него выдали дочь знатного богатого боярина. Когда с течением времени упомянутый нами его величество король датский узнал, что этот Шлик не из столь высокого рода, но просто подданный графа Каспара фон-Денгоффа в Польше и что он воспользовался рекомендацией только для того, чтобы перебежать, великому князю сообщена была истина и принесено было ему извинение за предложение, хитростью добытое. Его царскому величеству было крайне неприятно узнать об этом обстоятельстве, но он не захотел отнять раз уже дарованную милость; он оставил за ним титул князя и жалованье, которые и теперь ему принадлежат, но его строго призвали к ответу и бранили за то, что он выдал себя за графа фон-Шлика. И после этого, как и в наши дни, он писал себя князем Львом Александровичем Шляховским и считался среди дворян или гоф-юнкеров царя.

Что касается Лесли, то он дал себя увлечь [к перемене веры] несчастием. Произошло это таким образом. После того как полковник Лесли,

ради упомянутого смоленского похода, получил от бывшего великого князя большую сумму денег и вывез их из Москвы, ему со временем опять пришла охота послужить нынешнему великому князю. Поэтому он, в составе великого посольства, которое немного лет тому назад отошло из Швеции (во главе посольства состоял государственный советник и дворянин [барон] Эрик Гильденшер-на), вновь прибыл в Москву и предложил русским свои услуги. Так как в то время русские не имели в виду никакой войны и не очень хотели без нужды расходовать деньги, то он и предложил, что был бы доволен поместьем и крестьянами вместо наличных денег; на это согласились, и ему передали великолепное имение на берегах Волги, с принадлежавшими сюда крестьянами. После этого полковник велел жене и детям приехать в Россию и владел этим именем. Госпожа полковница, как хозяйка умная и аккуратная, кажется, возлагала на русских крестьянских женщин работу более значительную, чем они привыкли нести раньше; поэтому они стали выражать неудовольствие и стали говорить: они более не в состоянии служить у полковницы Лесли; она им в постные дни, в противность русской вере, дает мясо, трудную работою удерживает их от хождения в церковь, не дает им на дворе столько времени, чтобы они утром могли положить полагающееся перед Богом и иконами количество «поклонов» и совершать свое служение Богу; кроме того, она будто бьет народ и — что отвратительнее всего — взяла икону со стены и бросила ее в пылающую печь, где она и сторе-ла. Перед русскими последнее обстоятельство

было делом великим и обвинением страшным. После того полковника с женою и детьми, вместе со всеми дворовыми, доставили в Москву, и жалобщикам и обвиняемым дана была очная ставка. Полковница, правда, не отрицала того, что она строго требовала работы, но о других обвинениях она не желала знать ничего, говоря, что женщины, из ненависти и злости, только ради работы, на них возлагавшейся, возводили на нее эти лживые обвинения. Некоторых из иностранных служителей Лесли, которые подавали хорошие свидетельства в извинение своей полковницы, взяли под стражу и грозили им пыткой. Крестьянки же сами предложили себя на пытку. Остальные [слуги], которые еще были на свободе, ожесточенно напали друг на друга, и с обеих сторон пролило много крови; тем не менее, никто не хотел брать вины на себя. Тут вмешался патриарх, сумевший убедить его царское величество, что у иностранцев следует отнять все поместья и не допускать, чтобы православные христиане в своем отечестве испытывали такое обращение со стороны неверных и некрещеных немцев и так оскорблялись бы в собственном богослужении. Патриарх зажег этот огонь, а бояре, давно уже простиравшие свои корыстные руки к хорошо устроенным имениям немцев, прилежно подкладывали сюда дрова. Ежедневно они докладывали его царскому величеству, чтобы исполнено было справедливое ходатайство патриарха. После этого Лесли потерял свое поместье с крестьянами, потому что он не русской веры, так как впредь только одни русские должны владеть такими имениями.

Лесли, не зная, как теперь быть и как прокормиться с женою и детьми без этого имения, дал знать, что он готов — только бы сохранили за ним поместье с крестьянами — вместе с женою и детьми принять русскую веру и перекреститься. Патриарх и двор отнеслись к этим словам благосклонно, и Лесли было обещано исполнить его просьбу. После этого его со всей его семьею отправили в монастырь; продержали в нем шесть недель, обучая его их статьям веры, в особенности же церемониям русской церкви; затем их погрузили в воду и перекрестили. Перекрещенным дали новые имена, а тесть великого князя боярин Илья Данилович и его боярыня, бывшие крестными отцом и матерью, дали им великолепные русские одежды. После этого полковника пришлось вновь венчать с его женою, и Илья устроил им свадьбу в своем дворе. Его царское величество подарил новым русским, для привета в их [новой] религии, 3000 рублей, т. е. 6000 рейхсталеров.

Когда Лесли со своими находился в монастыре, то крестьяне и крестьянки его поместья, узнав, что им вновь придется идти под прежнее ярмо, подали челобитную, чтобы их пощадили от подданства Лесли, обещая послушно служить всякому другому, кому бы его царское величество ни отдал их под власть. Как раз в это время перекрещенному французу Антонию де-Грон [де-Грэн] обещано было дать поместья; он и попросил об этих имениях полковника Лесли, и, узнав, что крестьяне просили о другом господине, он подготовил их, чтобы они у его царского величества попросили именно о нем. После этого де-Грон получил име-

ние и до сих пор владеет им. Лесли же убедили отпустить крестьян с миром, так как они все равно, в конце концов, сломили бы шею ему и его семье. Поэтому он теперь в мирное время получает от его царского величества ежемесячно 90 рейхсталеров, подобно другим полковникам. И сыну его также положено жалование полковника, только не столь высокое, как отцу.

В противовес этим примерам непостоянства в религии со стороны лиц мужского пола, я хочу рассказать памятный пример замечательно постоянного слабой женщины.

Года с 32 тому назад упомянутый ныне французский барон Пьер де-Ремонт прибыл в Москву и женился здесь на девице, родной дочери Джона Барнеслея, происходящего из дворянского рода в Англии и давно уже жившего в Москве; ей было в это время 16 лет и она считалась прекраснейшей из всех иностранок в Москве. Этот барон, чтобы заслужить милость великого князя и расположение вельмож, принял русскую веру, дал себя перекрестить и стал именоваться Иваном. Русские, как и барон, были бы очень рады, если бы и жена, кальвинистка по исповеданию, добровольно также перекрестилась; они и старались этого добиться. Так как она отказывалась, то патриарх сначала старался привлечь ее добрыми словами и великолепными обещаниями; когда это не помогло, то он стал сурово угрожать ей. Тогда она пала ниц с униженной просьбою, чтобы лучше отняли у нее жизнь, чем ее религию; [она говорила, что] «желает жить и умереть в своей религии, что бы с ней ни сделали». Ее детей, которых

она родила барону, у нее насильно отняли и окрестили по-русски. Отца, который ради дочери поклонился патриарху в ноги, тот оттолкнул ногою, а ее насильно велено было крестить. Патриарх говорил, что, так как она ничего не понимает, то ее следует рассматривать как ребенка и потащить к крещению. Во время крещения она сильно сопротивлялась. Когда ее привели к реке и насильно сняли с нее одежды, монахини, которые ее должны были крестить, заставляли ее, по обычаю, плевать на [прежнюю] религию; она сама плюнула в лицо монахине, которая обратилась к ней с этим требованием. Когда ее погрузили в воду, она потащила за собою в воду другую монахиню и сказала при этом: «Вы можете, конечно, погрузить тело, но душа от этого ничего не почувствует». После такого насильственного крещения или купанья ее вместе с ее мужем послали в город Вятку[?], куда муж ее назначен был воеводою. Когда[?], по истечении срока, по обычаю, совершено было перемещение воевод, барон вновь отозван был в Москву и вскоре умер, вдова хотела снова снять с себя русские одежды и начать ходить со своими единоверцами в [реформатскую] церковь; однако это ей не удалось. Обоих ее сыновей у нее отняли и передали их русскому дворянину на воспитание. Ее же самое с малолетнею дочерью отправили в Белозерский монастырь, лежащий в нескольких милях от Москвы, и содержали там; и вот она, еще будучи молодой женщиною всего 21 года, должна была пять лет провести в горе и без утешения среди старых монахинь. Она не только была лишена присутствия и общества сыновей

своих, отца и других друзей, но ей даже ни разу не позволили ни писать о своей жизни и состоянии своим родственникам, ни от них получать письма. Тем не менее она не хотела ни кланяться перед русскими иконами, ни сгибаться перед ними; напротив, скорее она сама начала приводить монахинь к своим воззрениям, чем поддалась их увещаниям.

Пока продолжалось это ее бедствие, счастью однажды было угодно, что ей тайком, по удачному случаю, передано было известие о родственниках. Когда однажды немецкий кровельщик был послан в этот монастырь для исправления крыши и она хотела с ним переговорить о своих, то всякий раз монахини отправлялись с нею и мешали ей. Кровельщик, однако, чтобы, тем не менее, найти возможность говорить с с нею незаметно от русских, часто призывал к себе своего мальчика и, с сердитым выражением и угрозами глядя на него, говорил тем временем с нею, о чем ему было приказано, и сказал, где она в его отсутствие найдет письмо. Монахиням при этом казалось, что мастер за что-то бранит своего мальчика или приказывает ему что-то сделать.

Таким способом добрая женщина получила известие, да и сама дала ответ под видом как бы заступничества за мальчика.

Наконец, когда патриарх Филарет Никитич умер, она была освобождена из монастыря по просьбам и по большим хлопотам ее родственников, и ей дано было милостивое разрешение жить в Москве; однако она должна была держать при себе только русскую прислугу. Ей, впрочем, разрешено было выходить —

лишь бы не в немецкую церковь — и ее можно было навещать кому угодно и когда угодно. Я дважды был у нее с ее зятьями, г. Петром Марселисом и г. Фенцелем, женатыми на сестрах этой женщины, и с изумлением слышал, с каким терпением она несла свое бедствие и как умела находить себе в нем утешение. Итак, эта госпожа Анна в своей религии до конца своего осталась постоянною. Как ныне я слышал, уже два года тому назад она скончалась. Замечательно, что ее дед Вильям Барнслей, умерший пять лет тому назад в Англии, достиг возраста 126 лет. Уже имея 100 лет и овдовев в это время, он еще раз вступил в брак.

О других случаях, в которых бы русские принуждали кого-либо насильно перейти в свою религию, не слышно. Они разрешают всякому свободу совести, хотя бы это и были их подданные и рабы. Однако если кто-либо вступает в брак с лицом их веры, то они уже не дают ему свободы исповедания. Если кто добровольно переходит к ним, то они его охотно принимают и дают ему содержание на всю его жизнь. Отпавшие таким образом [от прежней своей религии] сильнее всего свирепствуют против своих прежних единоверцев, и от них иностранцам приходится хуже, чем от русских. Насчет этого можно бы привести несколько примеров.

Если кто-либо из русских за границу перейдет в другую религию, а по возвращении вновь обратится к православной вере, то его нужно вновь крестить.

Подобное вторичное крещение христиан, обращающихся к ним из какой-либо иной секты, они, без

сомнения, заимствовали от греков, которые, отделившись от латинской церкви, стали считать латинское крещение недостаточным и поэтому начали вновь крестить тех, кто отпадал от западной церкви и желали стать членами их церкви. Однако они и все те, кто в этом деле следуют грекам, в 1215 г. папою Иннокентием III на латеранском соборе, 4-м постановлением, отлучены от церкви и преданы проклятию. Об этом можно прочитать в «Concilia Magna», t. XVIII, p. 165.

LVII

(Книга III, глава 25)

О русских торжественных и праздничных днях и о том, как они слушают слово Божие, а также о их церквах

У русских имеются определенные торжественные и праздничные дни, когда они молятся в церквах, причем, помимо воскресений, они для этой цели пользуются еще средою и пятницую (это у них постные дни). Эти праздники теперь соблюдаются гораздо больше, чем раньше. Раньше они полагали, что только бы утром побывать в церквах, а затем опять можно перейти к обычной своей работе. Кроме того, они говорили, что праздновать надлежит лишь господам, а не рабам и слугам, каковыми они являлись (об этом упомянуто у Герберштейна). Поэтому еще в наше время по воскресеньям так же, как и по будням, можно было видеть их торгующими и промышляющими в своих лавках и мастерских. Теперь же

патриарх постановил, чтобы не только по воскресеньям и праздникам, но и по средам и пятницам лавки и мастерские не открывались; в те же дни полагается закрывать и кабаки и трактиры, и особенно, когда время идти в церковь, ничего из них нельзя продавать.

Великие их праздники, весьма торжественно справляемые ежегодно, — следующие 13. Так как Новый год, как выше сказано, они считают с осени, с 1 сентября, то первый большой их праздник приходится на 8 сентября. Он называется «праздник Рождества Пречистыя Богородицы».

Второй праздник — 14 сентября — «Воздвижение Креста [Господня]».

Третий — 21 ноября — «Введение Пречистыя Богородицы [во храм]».

Четвертый — 26 декабря — «Рождество Христово».

Пятый — 6 января — «Богоявление» или же «Крещение».

Шестой — 2 февраля — «Сретение Господа Бога».

Седьмой — 26 марта — «Благовещение Пречистыя Богородицы».

Восьмой — «Вербное воскресенье», когда торжественно совершается большая процессия и празднуется Вход Христа во Иерусалим.

Девятый — «Великий день» или «Воскресение Христово».

Десятый — «Вознесение Христово».

Одиннадцатый — «Сошествие Святого Духа» или «Троица».

Двенадцатый — 6 августа — «Преображение Господа Христа».

Тринадцатый — 16 августа — «Успение Пречистыя Богородицы».

Помимо этого не проходит дня, когда не праздновалась бы память

того или иного святого; иногда даже в один день приходится два или три таких праздника: можно, по желанию, праздновать этот день или не праздновать, но духовенство, во всяком случае, обязано в честь этих святых читать, петь и служить обедни. У них имеется постоянный календарь по старому стилю, в котором они очень ловко и быстро умеют находить чередование как подвижных, так и неподвижных праздников.

В большие праздники и по воскресеньям они трижды ходят в церковь: сначала, еще до восхода солнца, к «заутрени», потом около полудня — к «обедне», и вечером к «вечерне». Здесь поп или священник читает некоторые главы из Библии, особенно некоторые псалмы Давидовы, Евангелие, иногда и проповедь из Златоуста, а также Афанасиевский Символ веры и некоторые молитвы; он же поет полным голосом в тон, подобно употребительным и у нас антифонам и *responsori*ям. Посреди чтения и пения священник часто говорит «Господи, помилуй», а народ повторяет это трижды, осеняя себя крестным знамением и благословляя себя.

После чтения и пения поп идет к алтарю со своим капланом (таковой при всех духовных обрядах должен находиться при каждом священнике) и служит обедню; а именно — литургию древнего учителя церкви Василия Великого. Он льет в чашу красное вино вместе с водою, крошит сюда квашеный хлеб, благословляет его и читает при этом с четверть часа. Потом он берет из чаши ложку и вкушает один, не давая другим причастникам, за исключением разве того случая, если в церковь

принесено больное дитя, и причастие для него потребуется; в этом случае он дает и ребенку.

Если священник в этот день имел соитие со своею женою, он не смеет служить обедни, а должен заставить другого служить за себя.

В то время, когда служитя обедня, народ стоит и делает поклоны перед иконами; при этом неоднократно повторяется «Господи, помилуй». Обыкновенно же они, как уже сказано, не произносят проповедей и не объясняют библейских текстов, но довольствуются простым чтением текста и самое большее — проповедями вышеназванного учителя церкви; указывают они при этом на то, что в начале церкви Св. Дух оказывал свое воздействие без особых толкований, и что поэтому он и теперь может совершать то же. Кроме того, многое толкование вызывает только различные мнения, причиняющие лишь смятение и ереси. Два года тому назад «муромский протопоп», по имени Логин, осмелился проповедовать и начал, вместе с некоторыми подчиненными ему попами в Муроме и других городах, произносить открытые проповеди, поучать народ из слова Бытия, увещевать и грозить ему. Их поэтому прозвали казаньцами [от слова «казанье» — проповедь]; народу к ним стекалось очень много. Когда, однако, патриарху это стало известно, он постарался принять меры против этого, отрешил проповедников от должностей, проклял их с особыми церемониями и сослал на жительство в Сибирь.

Пока у них нет проповедей и бесед по религиозным вопросам (ведь, говоря словами Поссевина, проповедь — «почти единственный путь,

которым божественная мудрость пользовалась для распространения света евангельского»), я того мнения, что русские вряд ли приведены будут на правый путь и к правому образу жизни, так как никто не показывает блуждающим истинного пути и не усоветчивает их при многих распространённых у них грубых грехах, да и никто их и не укоряет, кроме разве палача, налагающего им на спину светское наказание за содеянные уже преступления.

У них имеются в особой книге подробные описания и толкования некоторых евангельских историй, приправленные прибавками, баснями и грубыми опасными вымыслами; ими они часто пользуются для прикрытия грехов своих. Я приведу в этом смысле только один рассказ, который упомянут Иаковом, датским дворянином (послом Фридриха II датского к московитскому великому князю) в описании его путешествия. В Великом Новгороде он повел духовный разговор со своим приставом Федором, старым седым человеком. Русский этот полагал, что из-за грехов, даже если они ежедневно совершаются, человеку нечего бояться, лишь бы только у него было намерение в свое время принести покаяние. В доказательство этой своей мысли он привел пример раскаявшейся грешницы Марии Магдалины. Эта Мария Магдалина будто была весьма развратною женщиною, долго занималась блудом и поэтому весьма часто грешила. Однажды ей на пути встретился человек, который попросился провести с нею ночь; так как она сначала не соглашалась, он стал упрашивать еще усерднее и умолял ее «ради Бога»; после этого она посту-

пила согласно с его просьбою. Так как она совершила это дело ради имени Господа, то ей не только дано было прощение всех ее грехов, но она, кроме того, красными буквами записана была в список святых. Этот рассказ — отвратительная и кощунственная хула на святую волю Божию, и история раскаявшейся грешницы в нем загрязнена и извращена грубою ложью.

По этому поводу я вспоминаю, что рассказывает о себе флорентийский дворянин Фердинанд Капон. Он будто бы был монахом и так же точно злоупотребил историею Марии Магдалины, чтобы прикрыть свой позорный поступок, — если только верить его словам. В 7 главе своего рассуждения о жизни монахов, написанного им по-тоскански, а в Лейпциге переведенного по-немецки, он говорит: «Когда я постом проповедовал в Мессане и был здесь влюблен в замужнюю даму, называвшуюся г-жа Магдалина, я ей как-то признался в любовной страсти. Она же сказала мне, что не любит монахов: слишком они некрасивы. Думая день и ночь о том, как бы ее настроить иначе, чтобы она ответила на мою страсть согласиём, я выдумал, наконец, следующее. Я обратил прилежное внимание на ее розового цвета одежду, которую она обыкновенно надевала по праздникам. В следующее воскресенье я решил, что история о Марии Магдалине годилась бы для моей цели, а именно в той части, где говорится, как она шла в церковь послушать проповедь Христа. Желая описать одежду и красоту Марии Магдалины, я по всем статьям описал одежды и красоту этой иной г-жи Магдалины, а чтобы быть уве-

реннее, что и она понимает, как в этом описании я о ней говорю, я постоянно пристально устремлял свои глаза на нее, говоря так: «Прекрасная Магдалина ходила в храм, одетая в пурпур, который, при виде издали, ясно показывал, что эта красивая заря являлась не иным чем, как предтечею чрезвычайно прекрасного солнца. Когда она подходила ближе, то не было ни одного, кто бы, посмотрев в звезды ее глаз, не почувствовал сразу влияние любовной страсти на свою душу. Не было человека, который, при виде роз ее щек, не чувствовал бы, как вырастают сладкие шипы в груди у него, и не было глаз, которые не были бы ослеплены снегом ее белых грудей. У левого уха носила она серебряную лилию, которая, играя среди золотистых волос ее, придавала красоте ее особую прелесть. Шею ее, цвета слоновой кости, украшал драгоценный пироп, казавшийся красным от гнева, так как он видел, что слава его помрачалась живыми кораллами ее губ». Когда я это сказал, я увидел, что эта госпожа стала мило улыбаться и что щеки ее в то же время окрашивались в пурпур; по этим красным буквам я лучше всего мог прочесть, что она прекрасно поняла смысл моей речи».

Наших планов не касается и поэтому я здесь не желаю более рассказывать, какие Капон еще говорил речи с этой женщиною в ее доме. Он был человек жизнерадостный и шесть лет тому назад умер у нас в Шлезвиге. Я сделал это отступление с тою целью, чтобы видели, что имеются люди, в особенности — русские, которые так скверно обращаются со Словом Божиим, искажают библей-

ские истории и пользуются ими как покрывалом своих грехов...

LVIII

(Книга III, глава 26)

О крестном знамении русских, о том, как они себя благословляют, и об иконах святых, перед которыми они кладут поклоны

Слушая чтение некоторых глав из Библии, русские одновременно стоят с обнаженными головами перед своими иконами (как ведь и вообще никто, ни даже сам великий князь, не смеет находиться в церкви с покрытою головою, кроме лишь священника, сохраняющего на голове свою «скуфью», или шапочку, в которой он посвящался), очень часто кладут поклоны и благословляют себя, как это описано Герберштейном: для этой цели они пользуются первыми тремя пальцами правой руки, касаясь ими сначала лба, потом груди, затем проводя справа налево и приговаривая каждый раз: «Господи, помилуй».

Петр Микляев, недавний русский посол в Голштинии, дал мне объяснение крестного знамения и того, о чем разумные люди при этом вспоминают: три пальца знаменуют собою Св. Троицу, поднятие руки ко лбу — Вознесение Христа, приуготовляющего нам место на небе, прикосновение к груди указывает на сердце и на заключение в нем слова божия; движение же справа налево [указывает] на свойство Страшного Суда, когда благочестивые будут поставлены направо, а злые налево,

первые будут вознесены к блаженству, а вторые низвергнуты в ад.

Подобного рода крестное знамение применяют они при всех своих начинаниях, и в светских и в домашних делах так же, как и в духовных; без него они не берутся ни за еду, ни за питье, ни вообще за какое-либо дело.

Что касается почитания икон, то нет указаний на то, чтобы оно было обычно в церкви в течение первых трехсот лет до времен императора Константина Великого, хотя, вероятно, как видно из Тертуллиана, и изображались живописью или резцом духовного содержания картины, притчи и истории, тем не менее эти изображения не почитали как святых, и не молились им, как это делают русские. Русские говорят, что научились этому от Дамаскина; я, однако, думаю, что они приняли и это из греческой церкви. Они не признают резных изображений, говоря, что Бог воспретил готовить резные, а не живописные изображения, и поклоняться им. Поэтому приходится удивляться, что они так высоко почитают резное изображение Никола Чудотворца в Москве — может быть, потому, что он, кажется, не из древних, а из новых святых у них. В прочих случаях у них употребляют исключительно живописные картины, которые без особого искусства и изящества коричнево-желтой краскою написаны на досках, обыкновенно длиною в 1/4 или 1/2 локтя и несколько более узких.

Они не почитают и не уважают икон, помимо тех, которые написаны русскими или греками, как бы другие нации ни готовили их прекрасно и искусно. Как будто ре-

лигия мастера могла бы передаваться и иконе!

У них в Москве имеются особые рынок и лавки, где они продают подобные иконы, или, как они это говорят, «выменивают на деньги и серебро», так как ведь было бы неприлично покупать богов.

Они никогда также не оставляют икон на попечении людей, которые не их религии, опасаясь, что с ними не будут обращаться с должным почетом.

Когда несколько лет тому назад немецкий купец Кароль Мёллин купил у русского каменный дом, русские начисто выскребли все иконы, написанные на стенах, на штукатурке, и пыль от них унесли с собою. Они сильно нас бранят за то, что мы духовного содержания картины, особенно же распятие Христа, изображаем на печках и становимся к ним заднею частью тела.

Крестьяне в деревнях не желали допустить, чтобы мы касались руками их икон или, лежа на лавках, обращались к ним ногами. У некоторых из них, после нашего поста, должен был являться поп с кадилом и вновь освящать иконы, точно они были нами загрязнены.

В их церквях висит на стенах большое количество икон, из которых самые многочисленные и самые знаменитые должны представлять Господа Христа, Св. Деву Марию и Николая, главного их патрона. У каждого здесь имеется свой святой или своя икона, перед которою он молится. Если кто-либо совершит грубое преступление, достойное отлучения, то его святой [его икона] удаляется из церкви; этой иконою он может после этого пользоваться дома, так как

отлученный не смеет более входить в церковь. Те, у кого есть средства, убирают и украшают свои иконы великолепнейшим образом жемчугом и драгоценными камнями. Икона непременно требуется для молитвы; поэтому они должны у них быть не только в церквях и во время публичных процессий, но и у каждого в его доме, комнате и каморке, чтобы во время молитвы иметь ее перед глазами. Когда они собираются молиться, они зажигают одну или две восковые свечи и прикрепляют их перед иконою; от этой причины часто, когда они забудут потушить свечу, происходят пожары. До сих пор и немцам приходилось, ради русских, держать такие иконы в своих домах, так как иначе русские неохотно с ними сносились, да и нельзя было получить русской прислуги без этого. Теперь же патриарх не желает допускать, чтобы их иконы еще встречались в немецких комнатах, по его мнению, недостойных этой чести. Когда русский отправляется к другому в дом или комнату, он сначала воздает честь Богу и произносит свое «Господи». Только после этого он начинает говорить с людьми. В дом он входит как немой, ни на кого не обращая внимания, хотя бы даже 10 и более человек находились в помещении. Лишь только войдя в комнату, он, прежде всего, обращается к иконе, которая обыкновенно поставлена за столом в углу; если ее ему не видно, он спрашивает: «Есть ли Бог?» Лишь только заметив ее, он, с поклонами перед нею, трижды совершает крестное знамение. Затем он оборачивается к людям, здоровается с ними и справляет свое дело.

Они приписывают иконам весь-

ма большую силу, будто они совершенно особым образом могут помогать в делах. Неоднократно уже упоминавшийся датский дворянин Иаков говорит, что они в его время икону на палке держали в пиве во время пивоварения, надеясь, что тогда пиво лучше сварится. Они их как-то боятся и страшатся, точно в них действительно имеется какая-то божественная сущность. Когда они желают при иконах заняться плотскою утехою, то они завешивают их платком. Иногда они ими наводят страх на людей. В 1643 г. по Р. Х., в июне месяце, случилось как-то, что одна из их икон начала казаться в лице своем краснее обыкновенного. Попы сообщили об этом патриарху и великому князю, подняли из-за этого целую историю, точно это обстоятельство знаменовало собою что-то великое; говорили, что следует объявить дни покаяния и поста, дабы отстранить грозящее наказание. Великий князь, как государь благочестивый и богобоязненный, принял это близко к сердцу, призвал русских живописцев и под крестным целованием спрашивал их, произошло ли это от естественных причин или нет. Живописцы, хорошенько осмотрев икону, сказали: «Здесь нет чуда, так как краска с лица от времени сходит, и поэтому просвечивает красный грунт». После этого страхи прекратились.

Временами и попы, помощью вымышленных и написанных на иконах знамений, пугают людей, так что те должны поститься и молиться, жертвовать попам и давать милостыню, которую простецы из народа из благоговения и дают в больших количествах. Нечто подобное, говорит,

произошло в Архангельске несколько лет тому назад. Два попа, с помощью обмана, собрали много денежных пожертвований, но при дележе поспорили, вступили в драку и донесли друг на друга относительно обмана. После этого и кнуту пришлось показать свое знамение.

Что простой неразумный народ приписывает иконам большую силу, видно из следующего. Когда в 1611 году шведский полководец Иаков дела-Гарди занял Великий Новгород и при этом произошел пожар, некий русский стал держать против огня свою икону св. Николая и молился, чтобы она помогла погасить огонь. Когда, однако, помощи не последовало, а напротив, огонь все более и более стал распространяться, он в нетерпении бросил свою икону в огонь и сказал: «Если ты нам не желаешь помочь, то помоги себе сам и туши».

К нему можно бы было обратиться со словами Лактанция: «*Quae vanitas aliqua[m] ab his sperare tutelam, quae tueri semetipsanon possunt*», т.е. «Разве ты не видишь, что безумно ждать помощи от тех, кто сами себе не могут помочь». В то время солдаты, не найдя в домах много такого, чем бы могли воспользоваться, взяли с собою иконы, но русские побежали за ними и за дорогую цену выкупили эти иконы.

Простонародье, особенно вне городов и в деревнях, желая приучить детей к богобоязни, ставит их перед иконами, чтобы они перед ними в глубоком смирении и почтительности клали поклоны, крестились и говорили «Господи». Им при этом не говорится, что все это значит, так что с нежного детства всякий привыкает

к мысли, что иконы — боги, как, впрочем, старшие их и называют. В Ладоге моя хозяйка не хотела дать своему ребенку, едва говорившему и стоявшему, поесть, пока тот подобным образом девять раз подряд не воздал, как она говорила, славы своему Богу.

Однако некоторые знатные люди и лица, живущие в городах близ церквей, имеют несколько лучшие — а умнейшие из них и совершенно иные — мысли об иконах.

В русской Нарве жил знатный богатый купец, еще и теперь здравствующий; звали его Филиппом N.; это был словоохотливый любезный мужчина, который иногда приходил к столу к нашим послам и о том или другом давал хорошие сведения. Однажды — это было 30 января 1634 г., с нашим медиком г. Гартманом Граманом, по его просьбе, зашел я к нему в гости. Когда мы вступили с ним в беседу о их религии, особенно об иконах, он при нас произнес исповедание веры, из которого мы могли усмотреть истинного христианина. Он сказал, между прочим: он никакого значения не придает иконам, взял свой носовой платок и провел им по иконе, говоря: «Так я могу стереть краску и потом сжечь дерево; в этом ли искать мне спасение?» Он показал мне библию на славянском языке, в которой был очень начитан, открывал в нескольких местах и переводил, говоря: «Вот здесь я должен искать волю Божию и держаться ее». Постов, которые соблюдают большинством русских, он не признавал; он говорил: «Что в том, что я не ем мяса, но имею зато в своем распоряжении великолепнейшие рыбы и напиваюсь водки и меду;

истинный пост заключается в том, что Богом указано чрез пророка Иоиля в первой и второй главе. Так я пощусь, если я не принимаю ничего, кроме воды и хлеба, и усердно молюсь». Он жаловался при этом, что очень многие из его земляков не имеют таких познаний в религиозных делах и в совершении христианского долга. Когда мы возразили, почему он, будучи так просвещен Богом, не постарается научить своих собратий лучшему, он ответил: у него нет на это призвания; кроме того, ему бы не поверили, но сочли бы его даже за еретика; если же он все-таки держит иконы у себя, то это делается ради памяти о Боге и святых. После этого он вынес из комнаты изображение шведского короля Густава, напечатанное на золоченной коже, и сказал: «Ведь подобный портрет, изображающий столь храброго героя, совершившего так много великих дел, мы бы охотно, в честь его памяти, держали в наших комнатах; почему же ему не держать у себя для памяти изображения святых, бывших столь великими чудотворцами в духовных делах?» Разумные русские вообще чтут свои иконы святых и молятся им по своей религии, однако не ради материи или потому, чтобы приравнивали их изображению Божию, но из любви и почтения к святым, находящимся на небе. Та честь, которая оказывается иконе, ощущается и тем, кого иконы изображают. Именно это-то и постановили греки в 787 г. на константинопольском соборе против икономахов или иконоборцев, при участии 850 епископов, и ввели в своих церквах, в то время, когда патриархами были в Константинополе Тарасий, в Алек-

сандрии Политиан, в Антиохии Феодорит и в Иерусалиме — Илия. Это постановление, однако, было отвергнуто на франкфуртском соборе, который в 794 г. был собран императором Карлом Великим, как о том сказано в каноне втором: «Возбужден был вопрос о новом соборе, который греки собрали в Константинополе относительно почитания икон. На этом соборе было постановлено, что те, кто не будут оказывать изображениям святых того же служения и обожания, как Божественной Троице, присуждаются анафеме. Святейшие отцы наши, отрицая всякое обожание и служение, отвергли и единогласно осудили это учение», «*Concilia magna*», t. XX, p. 145.

В недавнее время «казанский протопоп» Иван Неронов выступил в Москве и решился говорить против иконопочитания в следующих словах: «Не следует честь, полагающуюся Богу, воздавать иконам, которые руками сделаны из дерева и красок, хотя бы они даже и должны были представлять изображение Бога и святых; не следует ли, в этом рассуждении, скорее почитать людей и молиться им, так как они созданы по образу и подобию Божию и сами сделали эти иконы?» Ведь именно то же говорил Сенека: «Изображения богов почитают, молятся пред ними, склонив колени, обожают их, сидят или стоят пред ними целыми днями, а мастеров, их изготовивших, презирают». Или же как Лактанций говорит: «Насколько справедливее и правильнее было бы почитать живые изображения Бога, чтобы услужить живому». И также: «Несообразная и нелепая вещь, что изображение человека обожается изображением Бо-

жиим». Однако добрый священник тотчас, когда патриарх об этом узнал, был лишен своей священнической шапки и сослан с суровыми уgroзами в Каменный монастырь на Волге; [это было сделано], чтобы учение его не распространилось еще более и иконы могли сохранить обычное к ним почитание.

Когда их иконы становятся старыми, так что мошь их поедает и они распадаются, они их не выбрасывают и не сжигают их, но или опускают их в текущую воду, давая им плыть, куда им угодно, или же на кладбище или в древесном саду закапывают их глубоко в землю, причем стараются не допустить каких-либо нечистот в этом месте.

LIX

(Книга III, глава 27)

О предполагаемых у русских святых, которые имеются у них в стране и к которым они совершают паломничества

Как справедливо пишет Антоний Поссевин, у русских имеется несколько тел их предполагаемых святых, о которых они, баснослова, рассказывают, будто они еще и теперь совершают великие чудеса и могут исцелять больных. Несколько таких святых находятся в Москве. Два года тому назад, а именно в 1653 году, они получили сюда нового святого, которого весьма сильно почитают. Он именуется «чудотворец Филипп митрополит». Происходит он из древнего дворянского рода Колычевых в Москве, жил во времена тирана Ива-

на Васильевича в Москве и неоднократно говорил этому тирану правду по поводу странностей его управления и жестокого, нехристианского и даже бесчеловечного образа жизни; поэтому тиран рассердился на него и в немилости сослал его в дальний монастырь. Так как, однако, он, тем не менее, иногда увещевал его письмами и острою пера своего вновь вскрывал старые раны, то тиран в гневе послал одного из слуг своих в монастырь, чтобы удавить его веревкою. Колычев, готовый умереть, беспрекословно отдался на волю убийцы и просил лишь, чтобы тот не веревкою, а ножом, отнял у него жизнь; тот так и сделал, и вонзил ему нож под сердцем в тело. Братия этого монастыря объявила его мучеником, отвезла [тело] на остров в Белом море за Архангельском и там погребла в часовне. Этот остров называется Соловками; его можно найти выше на морской карте при описании Архангельска.

Нынешний патриарх, будучи еще митрополитом ростовским и ярославским, стал говорить, что он слышал от некоторых людей, как многие увечные люди, лишь помолившись перед все еще нетленным телом этого святого, получали исцеление. Он уговорил поэтому его царское величество доставить вышесказанное мертвое тело оттуда и перевезти его в Москву.

Чтобы перевезти его, отрядили господина Михаила Левонтьевича с дьяком; наряду с другим народом он взял с собою и двух сыновей своих. Они на двух ладьях или больших открытых лодках направились к острову. Посол прибыл благополучно, но дьяк с двумя сыновьями

посла и с народом, ехавшим в другой ладье, потерялись и уже более не нашлись.

Когда тело святого Колычева доставлено было на милю от Москвы, его царское величество со всем своим придворным штатом, а также патриарх с клиром вышли к нему навстречу. При этом ростовский и ярославский митрополит, по имени Варлаам, человек лет более 70, весьма толстого телосложения, упал, находясь недалеко от святого, и остался лежать мертвым. Святого же везли в город с большим великолепием и поместили в Кремле в соборе, или важнейшей церкви. Тут он совершил много чудес над больными, приходившими сюда с молитвами, и многие, не бывшие раньше слепыми, хромыми, глухими и немыми, под прилежным наблюдением патриарха, стали опять зрячими, стали ходить, слышать и говорить. Когда происходило подобное чудо, всякий раз звонили в большой колокол, причем в начале недели этот звон слышался раза четыре или пять. Теперь больше не слышно о таком количестве чудес от него, так как, по их словам, люди, при прибытии его бывшие благочестивыми, снова стали безбожными и уже не приходят к нему со столь сильною верою. Они говорят, что он лежит нетленным и теперь еще, под покрывалом, которое, однако, никто не смеет поднять.

Имеется у них еще и другой святой в Троицком монастыре, находящемся в 12 милях от Москвы к западу. Он именуется Сергий. С ним дело было так. Говорят, это был большой дородный человек и что сначала был он храбрым солдатом. Потом он отказался от мирской жизни, стал от-

шельником и наконец отправился в Троицкий монастырь, чтобы там провести остатки своей жизни в качестве монаха. По своей весьма благочестивой и богобоязненной жизни он избран был в игумены; говорят, молитвою своею он помог многим людям и совершал чудеса. Он принял ученика, по имени Никона, который наследовал от учителя своего те же добродетели. Сергий скончался в 1563 году. После смерти оба они были канонизованы и записаны в число святых; они и лежат погребенные в том же монастыре. Говорят, что до сих пор они могут показывать череп одного из них с нетленным еще мозгом. Поляки, как рассказывают, неоднократно нападали на этот монастырь и хотели его брать штурмом, но когда братия монастыря противопоставляла неприятелям череп с мозгом Сергия, то не только они оказывались не в состоянии что-либо сделать монастырю, но и вступали в распрю друг с другом и обращали мечи свои друг на друга. Хотя Петрей и говорит о тщетной осаде, веденной польским полковником Яном Сапегою, но [по его словам], Сапега отогнан был шведским войском. Монастырь получил наименование от Сергия и именуется Сергиевскою Троицею и просто монастырем св. Троицы.

Что касается упоминаемого Герберштейном в названном месте медного горшка, будто бы находящегося там, то нынешние русские ничего подобного не знают. [Про этот горшок передавали], будто при варке в нем известных кушаний, в особенности капусты [шей], он никогда не делался пустым: сколько бы из него ни черпали для угощения братии,

все-таки в нем будто бы никогда не было ни лишка, ни недостатка. Известно, во всяком случае, что в монастыре этом более 300 человек братии и что он имеет столь богатые доходы, как ни один во всей стране, так как великие князья и богатые вельможи завещали и еще продолжают сюда завещать большие суммы. И проезжающие мимо него господа и купцы, если они богаты, кладут сюда богатые милостыни, чтобы молились о их душах, и дарована была защита им от всякого несчастья.

В этот монастырь великий князь со знатнейшими своими господами ездит два раза в год на паломничество, а именно на Троицу и около Михайлова дня [день преп. Сергия 26 сентября]. Не доехав полумили от монастыря, он оставляет лошадей и идет со всей своею свитой пешком до своей цели; здесь он остается несколько дней для молитвы, причем, в течение этого времени, игумен обязан доставлять великому князю и всем его провожатым бесплатно провиант и корм для лошадей. Так как здесь местность чрезвычайно красивая и хорошие заповедные места для дичи, то великий князь обыкновенно и забавляется здесь охотою.

В Казани много лет тому назад, когда, однако, русские уже владели этим городом, найдена была в земле икона Девы Марии и выставлена в этом городе. Копия ее доставлена была в Москву, где в память ее построена церковь в конце большой рыночной площади, где стоят ножевые лавки; она называется церковью Пречистой Казанской. В церковь эту около указанного времени совершают паломничества

и многие приезжие из других местностей.

Точно так же и в Великом Новгороде, как уже выше сказано, ежегодно совершается большое паломничество, и в Новгород из разных мест собирается очень много народу, которые идут из города к монастырю Хутынскому за добрых 7 верст. В это время в городе, особенно перед Никольскими воротами, обращенными в сторону монастыря, где кабатчики устраивают свои палатки, происходят сильное пьянство и разные бесстыдные деяния. Этот праздник и паломничество они зовут «Праздник Варлама Хутынского», родившегося в Новгороде и погребенного в монастыре Хутынском. Как говорят, и он совершал много чудес, исцеляя больных. Подобных предполагаемых святых здесь и там в стране находится довольно много.

LX

(Книга III, глава 28)

О русских церквах

Выше при описании зданий в Москве сказано, что в Кремле и в городе очень много церквей, часовен и монастырей; внутри и вне городских стен их насчитывается более 2000, так как теперь каждый из вельмож, имеющий некоторое имущество, велит себе построить особую часовню; большинство из них из камня. Каменные церкви все внутри с круглыми сводами. Русские не могли мне объяснить, чем это обстоятель-

ство вызвано. Я предполагаю, что ими это заимствовано у древнейших народов, которые в большинстве случаев строили свод храмы круглыми (как об этом можно прочесть у Резина «De antiquit. Romanis»), полагая что они, являясь Божьими домами, должны иметь сходство с небесным сводом. Так и греческий историк Дион Кассий пишет о прекрасном языческом храме Пантеоне в Риме (этот храм также был построен круглым и еще и ныне может быть осматриваем там), что Пантеон, как на то указывает его имя, должен включать в себя изображения всех богов и круглую формою своей сходствовать с небом. Впрочем, некоторые думают, что Пантеон потому имеет круглую форму, чтобы не оскорбить ни одно из божеств, которых изображения стоят по стенам кругом, в отношении их достоинства и величия, им принадлежащего друг перед другом. Боасард, впрочем, пишет: «Так как Марк Агриппа построил этот храм в честь Опс или Кибелы, матери богов, имеющей под своим покровительством круглую землю, то и храм этот должен был получить круглую форму».

Другие говорят, что древние потому строили свои церкви круглыми, чтобы дать указание на бесконечное величие Бога, которому в них следует поклоняться. Почти то же самое говорить Меркурий [Гермес] Трисмегист: «Бог — это мысленный шар, центр которого находится везде, а окружность нигде, так как нигде не ограничены величие и громада Божии». У древних существовал еще такого рода способ моления, что они во время молитвы вращались кругом,

как на это указывает Цэлий Rodiginis по Плинию: «При молитве мы поднимаем правую руку к устам и вращаем все тело». Говорят, что этот способ моления установлен Нумою Помпилием, вторым царем римским.

У русских в церквях нет ни стульев ни скамеек, так как никто не смеет сидя молиться, но все должны молиться и совершать богослужение стоя или коленопреклоненно или же лежа (так, говорят, часто поступал бывший великий князь Михаил Федорович).

Они не терпят в своих церквях ни органов, ни других музыкальных инструментов, но говорят: «Инструменты, не имеющие ни души ни жизни, не могут хвалить Бога». Когда говорят, что ведь люди действуют при этом, производя красивые мелодии, и указывают на псалмы и на пример Давида, то они говорят: «В Ветхом Завете это, действительно, применялось, но в Новом уже не применяется». Однако, вне церквей, в домах, в особенности же во время пиршеств, они охотно пользуются музыкаю. Так как, однако, ею злоупотребляли в кабаках и в шинках, а также и на открытых улицах для всякого разврата и пения постыдных песен, то нынешний патриарх, два года тому назад, прежде всего, велел разбить все инструменты кабацких музыкантов, какие оказались на улицах, затем запретил русским вообще инструментальную музыку, велел забрать инструменты в домах, и однажды пять телег, полных ими, были отправлены за Москву-реку и там сожжены. Немцам, впрочем, разрешается пользоваться музыкаю в своих домах; так же точно разре-

но это и вельможе Никите, другу немцев, который держит у себя во дворе позитив [органчик без педали] и другие инструменты; впрочем, ему патриарх не может многого сказать.

На церквах и колокольных непременно должен находиться крест, который или простой, или (в большинстве случаев) тройной. Поэтому они не считают наших церквей, не имеющих крестов, за настоящие церкви. Они говорят, что крест обозначает главу церкви, т. е. Христа; так как Христос был распят на кресте, то крест стал гербом Христовым, и там, где подобного герба нет, там нет и церкви. Поэтому-то церковь и является святым, чистым местом, куда ничто нечистое не должно входить. Они неохотно впускают сюда приверженцев чужой религии. Когда мы в первый раз приехали в страну и некоторые из нас, по незнанию, вошли в их церкви для осмотра их, они нас под руки вывели из церкви и метлою вымели пол за нами. Таков же, как говорят, обычай у них, если в церковь заберется нечистое существо или собака; лишь только они заметят нечто подобное, как тотчас же омывают загрязненное место и освящают его вновь водою, огнем и ладаном. Церковные дворы они также держат в чистоте и святости. Под страхом высокой пени никто не имеет права на них мочиться.

У церквей у них висит много — иногда пять или шесть колоколов, из которых самый большой весом не свыше 2 центнеров, обыкновенно даже значительно меньше; их звоном они зовут в церковь; звонят также и в тот момент, когда поп, служа обедню, поднимает чашу.

Ввиду большого количества церквей и часовен в Москве имеется несколько тысяч колоколов, которые во время богослужения дают разнообразный перезвон и мелодию, так что непривычный человек слушает это с изумлением. Один человек может управлять тремя или четырьмя колоколами. Тогда они привязывают веревки не к колоколам, а к языкам, и концы веревок частью берут в руки, частью привязывают к локтям; затем они приводят в движение один колокол за другим. При звоне они соблюдают известный такт.

Звон считают они необходимою вещью при своем богослужении и полагают, что последнее, без звона, было бы несовершенно. Поэтому однажды приставы и изумились, когда шведские гг. послы около Михайлова дня им сказали: и они желали бы справить свой «праздник». [Они говорили]: как же послы справят в Москве свой «праздник», если они не захватили с собою в столь дальнее путешествие колоколов.

Над церковными воротами, а также и над городскими, они вешают иконы или изображают их живописью, чтобы прохожие перед ними клали поклоны, крестились и говорили свое «Господи». Они крестятся и молятся не только на иконы, но и на кресты, поставленные на церквах. Поэтому на улицах то и дело встречаешь молящихся русских.

LXI

(Книга III, глава 28 bis.)

О духовном управлении русских, о клириках, церковнослужителях и монахах

Духовное управление, консистория и церковная служба справляются и совершаются патриархом, митрополитами, архиепископами, епископом, архидиаконом, протопопами и попами. Патриарх является верховным главой в роде, как у католиков папа римский. Избрание его раньше зависело от патриарха константинопольского, а потом требовалось только утверждение. Патриарх Филарет Никитич, третий из таких, был последним из тех, кого утверждал константинопольский патриарх. Ныне же и то и другое производится в городе Москве самими русскими. Патриарх избирается митрополитами, архиепископами и епископами из собственной среды. Для этой цели они собираются в Кремле, в величайшей церкви, — по их обозначению — «соборе» или собрании, и избирают из своей среды двух, иногда четырех или пять лиц, которых они считают умнейшими, начитаннейшими и наиболее безупречного поведения в своей среде. О них они докладывают его царскому величеству, и один из них его царским величеством, по совещании с остальным духовенством, избирается. Иногда, если они, ввиду равенства в достоинстве лиц, не знают, кого предпочесть, то бросается жребий. Так было, например, при избрании предыдущего патриарха, бывшего лишь игуменом в монастыре и

привлеченного к участию в выборах лишь ради особого почета, так как он был человек очень разумный. Когда жребий выпал на него и другие стали прекословить, то жеребьевка была повторена, и он был вновь указан. Так как, однако, великий князь заметил, что другие этому завидуют, то жребий метали в третий раз, и опять-таки счастье выпало ему. Тогда его царское величество сказал: «Я вижу, что ему это предназначено, и он избран Богом; поэтому пусть он, а не иной кто-либо будет патриархом».

Как только патриарх избран, ему вручается вводная грамота за подписями и печатями избирателей, [в обозначение того], что он признан достойным и, с согласия их всех, избран справедливым образом. К этому еще его царское величество прибавляет свою конфирмацию или утверждение.

Патриарх, после великого князя, имеет наибольшую честь и власть в стране. Он судья над духовными в делах, которые не подлежат одному лишь светскому праву, ему принадлежит надзор над религиозными делами, добрыми нравами и христианским образом жизни; что ему при этом представится правильным, он, по усмотрению своему, устраивает, учреждает и упраздняет, предоставляя великому князю исполнение. В его предприятиях ни великий князь, ни вообще кто бы то ни был, не имеет права советовать, ни того менее противоречить ему, если не считать того случая, когда, как выше упомянуто, Никита стал ему противоречить из-за своей иностранной одежды.

Предыдущий патриарх, а в осо-

бенности нынешний, изменили и отменили очень много вещей в стране, которые в течение долгого времени были в употреблении, и ввел новшества, как я неоднократно уже упоминал об этом.

Нынешний патриарх называется Никон. Как уже выше сказано, он был митрополитом ростовским и ярославским. Это человек лет 40, свежий и энергичный; он живет в Кремле в великолепном дворце, который он сам для себя велел построить; доставляет себе все удобства, соответствующие их обычаям, живет широко и охотно шутит. Как рассказывают, когда недавно дала себя вторично окрестить, вместе с друзьями своими, некая прекрасная девица, пришедшая потом принять у него благословение, то он сказал ей: «Прекрасная девица, я не знаю, должен ли я сначала поцеловать тебя или сначала благословить». У них существует обычай вновь принятых в их религию, по даровании им благословения, приветствовать христианским поцелуем.

«Митрополитов», как они у них называются, имеется четыре:

1. «Новгородский и великолуцкий», в Новгороде.

2. «Ростовский и ярославский», живущий в Ростове.

3. «Казанский и свияжский», в Казани.

4. «Сарский и подонский». Он живет в Москве в Кремле.

Затем следуют архиепископы, которых семь.

1. «Архиепископ вологодский и великопермский», с местопребыванием в городе Вологде.

2. «Рязанский и муромский», с местопребыванием в Рязани.

3. «Суздальский и тарусский», в Суздали.

4. «Тверской и кашинский», в Твери.

5. «Сибирский и тобольский», в Тобольске.

6. «Астраханский и терский», в Астрахани.

7. «Псковский и изборский», живущий во Пскове.

За ними следует епископ «коломенский и каширский», живущий в Коломне; помимо его иного епископа во всей стране нет. В Москве при патриархе имеется еще «архидиакон», который служит ему канцлером и является правой рукой его. В соборе в Кремле имеется «прото-диакон». В городах находятся «протопопы», «попы» и «диаконы». За ними следуют «пономари», т. е. дьячки, ведающие отпирание и запира-ние церквей и колокольный звон. В монастырях имеются различные «архимандриты», «келари» и «игумены», являющиеся там как бы начальниками, аббатами и преорами.

Патриарх, митрополиты, архиепископы и епископы не имеют права жениться; когда они занимают эти должности, они должны воздерживаться от законных своих жен.

Все эти духовные лица, за исключением протопопов и диаконов, не имеют права носить кольца на руках и носить штаны; они должны иметь на теле шерстяные, а не полотняные сорочки и не должны спать в кроватях. В монастырях совершенно не едят мяса и не держат там ни вина, ни водки, ни меду, ни крепкого пива. Патриарху также не разрешается носить сорочку из полотна, но она у него может быть из темного шелку.

Обычное ежедневное одеяние

патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов, а также и монахов, состоит из черных длинных кафтанов, поверх которых они носят черные плащи. На головах у них черные чепцы [клобуки], с три локтя шириной; у них посередине твердая круглая пластинка, с большую тарелку, а сзади [чепцы эти] свисают с головы. Когда они ходят по улицам, у них в руках «посохи», которые сверху с добрый палец прямоугольно изогнуты.

Попов или священников в Москве имеется до 4 тысяч, ввиду большого количества церквей; в иных церквях которые побольше, имеются 6, 8 и до 10 священников. Поп, желающий получить такой сан, отправляется к патриарху, митрополиту или епископу, который ближе всего к нему; здесь ему производится испытание, и если найдено будет, что он достоин, то есть если он умеет хорошо читать, писать и петь, то его посвящают и утверждают [это посвящение] письменной аттестацией. При этой инвеституре ему надевают священнические ризы, которые не особенно отличаются от светского костюма; волосы вверху на голове у него состригаются и надевается шапочка, именуемая «скуфьею» (подобно нашей калотте, она держит плотно на коже), вокруг которой остальные волосы длинно свисают на плечи, как у женщины. Эту шапочку они в течение дня никогда не снимают, разве чтобы дать себе постричь голову. Это священный, заповедный предмет, имеющий большие права. Кто бьет попа и попадет на шапку или же сделает так, что она упадет на землю, подлежит сильной каре и должен платить за «бесчестие». Одна-

ко, тем не менее, попов все-таки бьют, так как обыкновенно это люди более пропившиеся и негодные, чем все остальные. Чтобы при этом пошадить святую шапочку, ее сначала снимают, потом хорошенько колотят попа, и снова аккуратно надевают ему шапку. Подобным делам потом не очень удивляются.

Протопоп и поп или священник, по обычаю греков, непременно должен быть женат, а если жена его померет, то, оставшись духовным лицом, он уже не смеет жениться. Изречение св. [апостола] Павла в I послании к Тимофею, ст. 3 «подобает епископу быть единой жены мужу» они понимают не в том смысле, что это сказано против многоженства, но так «поп или священник должен иметь жену и не должен жениться более, чем один раз».

В этом обстоятельстве русские, наравне с греками, между прочим, видят важную причину несогласия своего с латинской или римской церковью, так как она священникам воспрещает жениться, поступая в этом, по их мнению, в противность постановлению св. собора. Это вытекает из послания русского митрополита Иоанна к римскому архиепископу (как он его называет). Послание это можно найти у Герберштейна в его «Comment. rerum Moscov.», где, между прочим, говорится: «Превеликой ошибкой и грехом в отношении брака священников является то, что вы отказываетесь принимать Тело Христово от лиц, имеющих супруг. Между тем св. собор, бывший в Гангре, постановил в 4-м каноне: кто презирает священника, по закону имеющего супругу, и говорит, что нельзя из рук его принимать таин-

ство, да будет анафема». Этот канон помещен в «Concilia Magna», т. II, стр. 506, при толковании Исидора Меркатора, в следующих словах: «Если кто отличает женатого священника, как бы по случаю брака [полагая], что он не должен предлагать [св. дары] и будет воздерживаться от предложения им [св. даров], да будет анафема». Глоссатор соборов замечает по поводу этого канона: «не тот, кто имеет жену, но кто имел». Поссевин же в «священном толковании» на решение в Гангре говорит по Григорию: «Правила святых отцов преподаны в зависимости от времени, места, лица и дела или по настоятельной необходимости». Настоящий канон писан против евстафиан, считавших брак мерзостью».

Русские священники, до принятия священного сана, должны быть женаты, притом на девицах, а не на вдовах, еще того менее на особах с дурной славой или имеющих родственниц с подобной славой. Если кто в брачную ночь не найдет девственности и это станет известным, тот лишается своего сана. Поп не имеет права подойти к алтарю и служить обедню, если он в предыдущую ночь имел плотское соитие с женой своей. Если у священника помирает жена, он может служить «заутрени» и «вечерни», но не смеет служить «обедни», во время которой происходит пресуществление св. даров и причащение. Он после этого уже не смеет служить у алтаря, не имеет права крестить и венчать брачующихся, но может только читать и петь. Такие [вдовье] священники обыкновенно поступают на службу при посольствах, состоя при послах для богослужения. Они не имеют также

права вторично жениться. Впрочем, молодой вдовый поп, который не решается жить без брака, имеет право снять свою скуфью, или шапочку, и платье и, став светским человеком, заняться купечеством или каким-либо ремеслом и в таком случае вновь жениться. Подобного рода случаи происходят у них довольно часто. Если священник стар и уже не может или не желает служить «заутрени» и «вечерни» в церквах, он может отправиться в монастырь и стать монахом.

У русских в городах и вне городов в разных местах много монастырей мужских и женских, большей частью устроенных по уставу Василия Великого.

В монастыри направляются частью из бедности, частью по старости и дряхлости, частью вследствие супружеских несчастий, частью же приходится идти сюда и ради иных причин, против собственной воли; иные направляются сюда и добровольно из особого благочестия, причем поступают так и весьма богатые люди. Если богатый человек направляется в монастырь, он берет с собой только часть своего наличного имущества, а остальное остается его наследникам, как немного лет тому назад установлено в их «новом соборном» уложении. Раньше они забирали с собой в монастырь все свое имущество, вследствие чего большая часть земли попала под власть монастырей, и царь, в конце концов, мог остаться без земли и без крестьян. У некоторых монастырей по этим причинам богатые доходы, между тем как иные совершенно бедны. Устав монастырей должен соблюдаться твердо и неуклонно. В определенное время днем и

ночью прилежно совершают они свои молитвенные, часы и богослужение, имея почти всегда при себе свои четки. В монастырях они ведут суровый образ жизни, никогда не едят мяса и свежей рыбы, а питаются лишь соленой рыбою, медом, молоком, сыром и огородными овощами, в особенности сырыми и солеными огурцами, пьют при этом квас или кофент, иногда кроша сюда огурцы и хлебная затем ложками. Вне монастырей, однако, они охотно дают себя угостить добрым друзьями, так что иной раз приходится везти их пьяными из домов в монастырь. Большинство из них простые глупые люди; едва десятый из них, да и вообще из русского простонародья (как о них правильно пишет Clem. Adam в «Anglorum navigatio ad Moscovitas», «и десятый не знает молитвы Господней»), знает «Отче наш». Немногие из них знают что-либо о десяти заповедях Божиих, полагая, что подобные вещи следует знать вельможам и высшим духовным лицам, а не им. См. об этом у Гвагнаина в гл. 3 «о религии русских». Геннинг в «Лифляндской хронике», на стр. 56, упоминает о том, что тиранический великий князь однажды в Новгороде во время свадьбы герцога Магнуса Датского посохом бил по голове некоторых монахов за то, что они не могли столь же быстро петь по книге, как он пел наизусть (вместо брачной песни) афанасиевский символ веры. Многих монахов можно часто видеть идущими, едущими верхом или в санях — вроде мужиков или ямщиков; занятия или поступки у них те же, что у мирян, от которых их можно отличить лишь по черному их костюму.

Имеются и такие люди, которые из особого благочестия уединяются в монастыри, строят здесь у дороги часовни и в них ведут суровую жизнь, как отшельники. Они существуют одной милостыней, которую дают крестьяне и проезжие люди. Мы встречали таких людей между Новгородом и Тверью.

LXII

(Книга III, глава 29)

О посте у русских

Русская церковь устанавливает весьма строгий способ поста, который теми, кто желают быть благочестивы и богобоязненны, соблюдается добросовестно, а остальными несколько более слабо. Впрочем, все, кого я знал, будучи предоставлены сами себе, даже во время путешествия, не хотели вкушать в постные дни мяса, хотя знатнейшие себе и позволяли есть по средам и пятницам самые дорогие рыбы. Когда начинается главнейший пост, то они, насколько можно судить извне, в еде соблюдают большую умеренность и избегают всего, что имеет связь с мясом. В последнее время избегают они и сахару (его они раньше не называли «поганым»), так как немного лет тому назад иностранный купец Бокк сказал патриарху, что для очистки сахара пользуются яичным белком.

В течение года у них больше постных дней, чем тех дней, когда они могут есть мясо. Наряду с упомянутым двухдневным еженедельным постом, у них имеется первый большой

семинедельный пост в čtyредесятницу; начинается он от воскресенья *Este mihi* и продолжается до Пасхи. Первую неделю этого поста они зовут масленицей, во время которой они не едят ни мяса ни рыбы, но лишь масло, молоко и яйца, притом так напиваясь ежедневно водки, меду и пива и так угощаясь, что они не помнят сами себя; последствиями этого являются великий разврат и легкомыслие, а раньше зачистую совершались, как выше сказано, нападения и убийства. Итак, это плохая подготовка к посту. Здесь не помешало бы напоминание Василия («Проповеди», стр. 186) в «похвале посту»: «не через пьянство путь к посту, и не через трезвость — к распушенности». В течение следующей недели они начинают жить умеренно, едят лишь мед и овощи, пьют квас и воду, ходят в бани, потеют и смывают совершенные в течение предыдущей недели грехи, принимают также благословение от попов. В остальное время большинство лиц, желающих быть более благочестивыми, не едят и рыбы, за исключением воскресенья. Второй пост начинается на 8 день после Троицы и продолжается до дня Петра и Павла. Его называют Петровским постом. Третий начинается 1 августа и продолжается 14 дней. Четвертый — с 12 [14] ноября по Рождество. В течение недели после Рождества вплоть до Нового года они все едят мясо, и всякий запасается, у кого лишь есть на покупку мяса деньги. Так же поступают они в течение всех праздников и воскресений, если только они не совпадают с постом, и полагают, это было бы грехом, если бы они не ели [в эти дни] мяса. По словам Гваггина, они не хотят на-

рушить апостольского правила, переданного Климентом, а именно, чтобы никто в воскресенье или день субботный не постился. «Если окажется, что кто-либо из клириков в воскресенье постится или в день субботный — разве в один лишь единственный, — то пусть он будет смещен, а если так поступит мирянин, то пусть он будет отлучен от паствы». Это правило напечатано в «*Concilia Magna*», венецианского издания, т. I, стр. 23, канон 66. В новом парижском издании оно опущено, наравне со многими другими.

В течение поста, особенно во время Великого поста, когда они не едят более ни мяса ни рыбы, а также и в другое время в течение 8 дней до причащения, никто, ни священник ни иной кто не смеет плотски совокупиться со своей женой под страхом высокой пени. Я, впрочем, полагаю, что ни сами они, ни жены их не выдают друг друга в этих случаях, и что поэтому пени этой собирается весьма не много.

Во время Великого поста, когда подходит время исповеди, некоторые покупают птиц, которых вновь выпускают на свободу в воздух. Они полагают, что этим освобождением птиц совершают доброе дело и что за это и Бог их освободит от их грехов.

LXIII

(Книга III, глава 30)

Об исповеди и причастии

Исповедь русские считают необходимым делом для обращения к Богу и примирения с Ним. У взрослых и

разумных она непременно должна предшествовать причастию. Допускают к исповеди и причастию в любое время. Однако обыкновенно пользуются для этой цели временем около Пасхи. На Страстной неделе иные пораньше, а большинство в пятницу идут к исповеди и затем в субботу перед Пасхой получают причастие. В течение восьми дней перед исповедью они должны истязать свое тело суровым постом: не едят ничего, кроме черствого хлеба с квасом и кислыми напитком, от которого у них в животе начинается боль и они делаются полубольными. Исповедь должна совершаться внутри церкви под круглым сводом перед священником. Исповедующийся должен непрестанно смотреть на особо назначенную для этой цели икону, рассказать все грехи, им совершенные, и обещать вести лучшую жизнь. После этого священник разрешает его от грехов и, смотря по величине его грехов, назначает ему в виде наказания: либо покаяться некоторое время, либо сделать несколько сот или тысяч поклонов перед иконой своего святого, приговаривая: «Господи, помилуй», или воздержаться от жены своей в течение некоторого времени (последнее, ввиду их пылкого нрава, является для них, если они только выдержат это, очень тяжелым наказанием), либо не входить некоторое время в церковь, но останавливаться у дверей ее. Если же грехи столь велики, что даже эти виды наказаний еще недостаточны, то грешнику приходится омыться святой водой, зачерпнутой из освященной в крещение реки и сохраняемой для подобных надобностей в течение целого года в церквях, откуда свя-

щенники за деньги продают ее. Тогда они полагают, что исполнили переданное через пророка Исаию повеление Божие и освободились от грехов своих.

Св. причастие не может быть принято в день мясоястия, но в пост, или же в день, когда оно принимается, нужно поститься.

Они принимают причастие под двумя или, можно даже сказать, под тремя видами, так как они смешивают хлеб, вино и воду. Хлеб, употребляемый у них для св. причастия, должен быть квашен и испечен вдовой священника. И это обстоятельство является одной из причин, почему русские не желают придерживаться латинской церкви, так как в этой последней при св. причастии применяется некавашеный хлеб. Они говорят: «Это иудейский обычай, так как иудеям при вкушении пасхального агнца было приказано есть пресный хлеб, а именно в память об освобождении их из Египта; мы же, христиане, ничего не имеем общего ни с египетским рабством, ни с освобождением от него. К тому же Христос при установлении св. причастия не ел со своими учениками иудейского пасхального ягненка, и поэтому вовсе не должен был иметь некавашеный хлеб. Когда иудеи едят своего пасхального агнца, они и этот обычай должны соблюдать, и еще многие иные церемонии, которые не происходили во время Христовой вечери. Ведь Христос не стоя ел со своими учениками за столом, но сидя, так как в ином случае Иоанн не мог бы возлежать на груди Его. Кроме того, не написано в Писании: «Христос взял некавашеный хлеб», но «хлеб», переломил его, подал ученикам и ска-

зал, чтобы они ели его в память Его страданий, а вовсе не в память освобождения из Египта». На этом основании русские, заодно с греческой церковью, полагают, что латинская церковь поступает неправильно, употребляя в данном случае некавшенный хлеб. На этом основании Михаил, константинопольский патриарх, предал анафеме латинскую церковь и проклял ее, как видно из «Anton.», ч. III, стр. 571, и из послания папы Льва IX от 1064 г. к только что названному патриарху; это послание можно прочитать в «Concilia magna», т. XX, стр. 467 и в «Annales» Барония, т. II, стр. 212. Хлеб, который у русских применяется во время причастия, частью освящается в великий четверток, частью в тот же день, когда думают им воспользоваться. Тот, который освящается в великий четверток, применяется для больных и приготовлен следующим образом. Они берут испеченный для этой цели хлеб, величиной вдвое больше рейхсталера и с изображением распятия по середине. Над ним поется «Агнец Божий» и произносится благословение, а затем та часть, на которой распятие, выкалывается железным инструментом, похожим на копьё, и разрезается. Затем ее кладут в деревянного голубя и вешают над алтарем, чтобы мыши или что-либо нечистое не проникло сюда. Если теперь в течение года кто-либо заболит и вдруг пожелает причаститься, то берется небольшой кусочек такого хлеба из голубя, на него наливаются три капельки красного вина, все это кладется в чашу, затем иногда подливается сюда немного воды (иногда же не делается это — смотря по тому, как больному легче

принять) и на ложке подается больному. Иногда, если больной не в состоянии проглотить хлеб, ему подается одно вино. Когда они дают причастие здоровым в церкви, во время публичного приобщения, то у них имеется небольшой круглый хлебец величиной с полрейхсталера, сформированный и вырезанный вроде предыдущего. От него они отламывают столько кусков, сколько имеется причащающихся, крошат их в красное вино и несколько тепловатую воду (они говорят, что кровь и вода, вытекшие из раны Христовой, без сомнения, были еще несколько теплы), благословляют все это и полагают, что при этом происходит пресуществление, а именно, что хлеб и вино воистину превращаются в плоть и кровь Христовы. Они подают их приобщающимся на ложке, говоря при этом: «Вот истинные плоть и кровь Христовы, за тебя и за многих приносимые во оставление грехов твоих; сколь часто ты их принимаешь, то принимай их в воспоминание о Христе. Бог да благословит тебя». Этот способ давать причастия с крошенным в вино хлебом применялся у некоторых еще в четвертом веке, и таких людей называли тогда «intinctores» [«обмакиватели»]. В 337 г. папа Юлий I отверг и проклял этот способ, как о том можно прочитать в «Concilia magna», т. II, стр. 620, постановление 7.

После принятия св. таин некоторые русские, желающие быть особенно благочестивыми, ложатся и засыпают, или же принуждают себя спать целый день, чтобы не иметь повода грешить. В воскресенье после этого они получают в церкви от священника еще кусочек освященного хле-

ба, из которого средняя часть и распятие вырезаны для причастия, и съедают его. Это они называют «кутьюю», которая у них должна являться как бы даром и знамением общей христианской любви между ними.

Они дают немного причастия и малым больным детям; тем же, кто уже достигли семилетнего возраста, оно дается обычным способом. Они говорят, что с семи лет люди начинают грешить. Такое учение ими, без сомнения, заимствовано из древней церкви, которая, по принятии крещения, считала детей достойными воспринять причастие. Подобный обычай существовал в III веке во времена Киприана, как видно из его книги «*De lapsis*»; он продержался и до V даже века, до времен Августина, как можно прочесть в I книге соч. Августина «*De peccatorum meritis et remissione*», гл. XIX и XX (они помещены в томе VII, стр. 666). Позже только остатки от причастия давались детям. Из Никифора Каллиста видно, что такой обычай существовал в Константинополе. Если от освященного хлеба и вина что-либо оставалось, то остатки давали натошак в пищу безупречным детям, ходившим в школу. И сам Никифор вкушал эти остатки, как он сообщает в XVII книге «*Церковной истории*», гл. XXV, стр. 889. У безумных причастием только касаются губ.

Священник, в тот день, когда он погребал мертвого, или прощался с покойником, не имеет права подавать причастие, так как он считается тогда нечистым. Он также не может его дать роженице в том месте, где она родила ребенка; напротив, ее приходится перенести в иное помещение и хорошенько обмыть. Рань-

ше они рассылали св. дары по стране к тем, кто не имели вблизи себя священников, иногда также давали освященный хлеб солдатам и путешественникам на дорогу, чтобы они, только исповедавшись дома, могли потом в любое время принять его. Они обыкновенно сохраняли его до тех пор, пока не заболели чем-либо, с тем, чтобы в случае, если б не удалось подняться с одра, тем не менее не без запаса направиться в вечную жизнь.

Рассказывают, впрочем, что и у древних был обычай принимать часть св. даров в причастии, а часть сохранять при себе, чтобы находить в них утешение во время преследований и других несчастий или вкушать от них до обеда. Это видно из Тертуллиана, который во II книге «*К супруге*», стр. 482, говорит, обращаясь к супружеской чете из язычника и христианки: «Пусть муж (язычник) не знает, от чего ты тайком вкушаешь накануне всякой пищи. И если даже он будет это знать, он не поверил бы, что хлеб есть то, чем он называется». Также и Киприан в книге «*De lapsis*» говорит: «Когда некая женщина сделала попытку недостойными руками открыть свой ларец, в котором были св. дары Господа, ее испугал поднявшийся оттуда огонь, так что она не решилась подступиться». Это обыкновение оправдывает Василий в послании «*Ad Caesariam Patriciam*», говоря: «Так как отшельникам было совсем неудобно и слишком трудно ходить часто в церковь и христианские собрания, то им пришлось привыкнуть к тому, чтобы брать Евхаристию и освященные хлеб и воду с собой в пустыню». Об этом см. также у Беллармина «*De Eucharistia*», lib. IV, cap. 4, pag. 785.

В древние времена были и такие люди, которые пользовались вместо вина виноградным суслом для причастия. Они опускали в освященное сусло кусок полотна, затем сушили его и сохраняли; когда нужно было воспользоваться им, они отрезали от него кусок и обмывали его в воде, как о том можно прочесть в «*Concilia magna*», т. II, стр. 610; против них направлено постановление 7.

Имеются известные лица: например, те, кто нарушили присягу, кто совершили убийство и покаяться или же совершили еще иные крупные грехи, — которым причастие не дается даже вплоть до смертного одра их. Вольному, которому никакое лекарство уже не может помочь, они дают причастие одновременно с последним помазанием, и после этого больной уже не имеет права принимать лекарства, но должен отдаться всецело на волю Божию. Они не дают такому больному и есть, если только не станет очевидным, что он вновь поправляется и что поэтому можно вполне надеяться на его выздоровление. Мощи или кости святых они опускают в воду или водку, которую дают пить больному. Это обстоятельство заметил и Поссевин: см. «*De rebus Moscoviticis*», р. 5.

Некоторые богатые люди, находясь на одре болезни и замечая, что приходит время помирать, принимают причастие, а затем принимают монашеский чин, дают себя постричь, помазать и надевают монашеское одеяние. Такой человек, принявший серафимские одежды (как они их называют), в течение восьми дней не может принимать ни лекарства ни пищи. Они говорят: теперь он уже находится в чине святых ангелов. Если

окажется, что подобный больной, против ожидания, выздоровеет, то он должен сдерживать свой обет, развестись со своей супругой и идти в монастырь.

LXIV

(Книга III, глава 31)

О погребении их покойников

Что касается похорон у русских, то таковые происходят, как и все их публичные действия, с весьма многими церемониями. Как кто помрет, сходятся ближайшие друзья его и помогают женщинам чрезвычайно громко выть и вопить. Они становятся кругом трупа и спрашивают: «Отчего он умер? разве чувствовал он недостаток в еде, питье, одежде или чем-либо подобном? разве жена его недостаточно была хороша, молода, прекрасна и верна?» и т. д. Эти же жалобы повторяются у могилы, где предполагается зарыть данное лицо. Нечто подобное происходит на могилах в определенное время года, как о том подробнее рассказано выше.

Тотчас же посылают за священником и дарят ему пива, меду и водки, прося помолиться за душу умершего, чтобы ей было хорошо. Труп моют, одевают в белую полотняную одежду, надевают ему башмаки из тонкой красной кожи, кладут руки крест-накрест и затем кладут его в гроб (таковые продаются у них открыто во многих частях города; они срублены из целых деревьев и различной величины), после чего накидывают на гроб покрывало, иногда — кафтан покойного. Гроб приносят в церковь, и если покойник был че-

Погребение

ловец знатный, то он остается в церкви зимой в течение 8 дней. Здесь священник ежедневно окропляет его святой водой, окуривают его миррой, поет при этом и служит заукойные обедни за души усопших.

Вынос тела происходит таким образом. Покойника несут 4 или 6 человек; если умерли монахиня или монах, то монахини и монахи должны нести гроб. Перед покойником идут несколько закутанных женщин из числа ближайших друзей покойника, поднимая весьма жалкие вопли и крики. Иногда они громко кричат, иногда они несколько останавливаются, то они опять начинают причитать и жалуются на слишком раннее отшествие их друга, говорят, что лучше было бы, если бы он пожил

дольше, так как он был человек благочестивый и дорогой для них. В то же время несколько попов, идущих впереди покойника и за ним и несущих иконы и кадильницы, поют что-то, причем в их пении можно разобрать лишь слова: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный».

За покойником следуют ближайшие друзья и добрые знакомые, при том без всякого порядка, целой гурьбой. У каждого в руке по восковой свече. По приходе их к могиле и по установке покойника на место, гроб раскрывается и на покойника еще раз кадят. Над ним держат икону, которую он, в честь своего святого, особенно почитал, священник читает молитву и часто повторяет следующие

слова: «Господи, помяни эту душу»; кроме того, читаются еще и некоторые изречения по чину греческой литургии. Оставшаяся вдова в это время стоит у тела и ее печальный крик еще раз раздаётся с повторением вышеприведенных вопросов». Потом друзья, вместе с ней, подходят к гробу, целуют его, а иногда, под конец, и самого покойника и затем отступают в сторону. После этого подходит поп и дает мертвецу паспорт в могилу. Этот паспорт за деньги покупается в Москве у патриарха, а в иных местах у митрополитов и архиепископов; в случае же отсутствия этих последних — у попов. Паспорт составлен в таких выражениях:

«Мы, NN, епископ и священник здесь в N, исповедуем и свидетельствуем сим, что настоящий N жил у нас как истинный православный христианин. И хотя он иногда и грешил, он все-таки покаялся в своих грехах, получил разрешение и принял св. причастие во оставление грехов. Он правильно чтит Бога и святых его, постился и молился, как следует. Со мной, N, своим духовником, он во всем примирился, так что я вполне простил ему все грехи его. Поэтому мы и дали ему в дорогу этот паспорт, чтобы он мог показать его св. Петру и остальным святым, дабы беспрепятственно быть впущенным в двери радости».

Этот паспорт подписан патриархом, епископом или попом, снабжен печатью и кладется покойнику между двух пальцев. Простоватые люди думают, что этот паспорт, точно рекомендательное письмо, имеет большое значение для того света. На самом деле, он больше всего на пользу священникам, которые получают за него

деньги. Подобный паспорт упоминается Гвагнинином, «De religione Moscovitorum», гл. II, стр. 174. Как только паспорт передан мертвецу, гроб закрывается и закапывается. Они ставят всех мертвецов так, чтобы они лицом были обращены к восходу солнца. После того как покойник похоронен, окружающие крестятся перед иконами и направляются опять домой. Друзьям устраивается траурный пир, здесь запивают горе, и обыкновенно мужчины и женщины, сильно охмелевшие, возвращаются домой.

Русские печалются о своих мертвецах шесть недель, причем в это время богатые устраивают большие пиры, приглашая наряду с друзьями и всех священников, присутствовавших на похоронах. Они пользуются для этой цели третьим, девятым и двадцатым днями; однако почему они берут именно эти, а не иные какие-либо дни, о том я ничего не мог узнать до сих пор у русских. Без сомнения, этот обычай ими заимствован у греков, которые, как видно из примечаний Мартина Крузия к «Historia ecclesiastica Turco-Graeciae», стр. 213, имеют этот обычай в Константинополе, но вместо двадцатого дня берут сороковой. Причины этих пиров, которые двоякого рода, могут быть известны на том же месте. Эти три пиршества должны обозначать то же, что [римские] *insta* или *parentalia*. Это — воспоминание и жертвы о покойниках для того, чтобы оставшиеся относились друг к другу с любовью и дружбой. Поэтому-то установлены особые кушанья, как-то: освященный хлеб, называемый у русских кушьей. Греки справляют подобные пиршества в своих церквях, и между прочим раздают также такие кусоч-

ки освященного хлеба. Русские же (попы так же, как и другие) при подобных братских пиршествах, пьют так дружно, что потом на руках и ногах ползут домой.

Над местом погребения или могилами тех, у кого есть некоторые средства, на кладбищах устраиваются небольшие хижины, в которых можно стоять человеку; они обыкновенно завешаны циновками. В них через каждые шесть недель поп, капеллан или монах должен ежедневно утром и после полудня читать некоторые псалмы Давидовы и несколько глав из Нового Завета ради спасены душ умерших. Хотя русские, подобно грекам, не верят в существование чистилища (как о том правильно пишут Герберштейн, Поссевин и Гвагний), тем не менее они уверены, что существуют особые два места, куда попадают души сейчас по отделении своем и где они ждут страшного суда и восстановления тел своих; места эти соответствуют тому, как кто жил и совершал ли он добрые или злые дела. Благочестивые попадают в веселое и приятное место, где они живут в радости, в сообществе добрых ангелов, безбожные же попадают в мрачную чудовищную долину, где живут страшные, злые духи.

Поэтому они и полагают, что душа, по оставлении тела, находясь как бы на пути к этим местам, прилежной молитвой и предстательством своего бывшего исповедника, попа, монаха или иного кого-либо может быть приведена на истинный путь в радости и к общению с добрыми ангелами, а если она направилась налево, в юдоль страха, то все-таки Бог может быть смягчен жертвами и умо-

лен, чтобы Он оставил свой гнев по поводу грехов ее, вписал ее в книгу жизни и в свое время в великий день суда оказал ей тем большую милость. Эту цель преследуют они и в своей раздаче милостыни. Когда помирает богатый человек, то в течение шести недель ежедневно раздается бедным некоторое количество хлеба и денег. И так ведь среди русских находятся люди, которые не только много средств жертвуют на церкви и монастыри, но, кроме того, щедрой рукой раздают милостыню бедным, хотя, с другой стороны, они не очень совестятся обмануть своего ближнего при покупке, продаже и других делах. Когда лавочники по утрам идут из домов своих в церковь и оттуда в лавки свои, то они сначала на хлебном [ситном] рынке покупают несколько хлебов, берут их с собой, разрезают их и делят между нищими, которых в Москве чрезвычайно много. У этих нищих от таких милостынь получается столь большое изобилие всего им нужного, что они режут хлеб в четырехугольные куски, величиной в дюйм, сушат в печах и продают эти, по их выражению, «сухари» целыми мешками на рынках проезжим людям.

LXV

(Книга III, глава 32)

О приверженцах других религий, которых москвиты частью переносят, частью не терпят

Москвиты относятся терпимо и ведут сношения с представителями

всех наций и религий, как-то: с лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персиянами и турками. Однако они крайне неохотно видят и слышат папистов и иудеев, и русского нельзя сильнее обидеть, как выбравив его иудеем [жидом], хотя многие из купечества довольно похожи на жидов. Лютеране и кальвинисты до сих пор встречали хороший прием не только в разных местах в стране, но и в самой Москве при дворе, ради торговли и сношений, которые с ними усердно ведутся, а также и ради тех должностей, на которых они служат его царскому величеству дома и в поле. Тех из них, что живут в Москве, имеется до 1000. Каждому разрешается по своему совершать богослужение в публичных церквах. Раньше обе религии имели в городе Москве в округе Царьрод свои построенные здесь церкви. Однако лютеране лет 20 тому назад потеряли церковь из-за ссоры и драки женщин, споривших о первенстве. Когда перед тогдашней осадой Смоленска немецкие военные офицеры женились на купеческих служанках, то эти последние, как жены капитанов и поручиков, уже более не хотели сидеть ниже бывших своих барынь. Жены же купцов полагали, что было бы постыдно для них, если бы те, кто недавно были их служанками, стали сидеть выше, чем они сами. Вследствие этого в церкви поднялся большой спор, который, в конце концов, перешел в драку. Патриарх в это время проезжал мимо церкви, увидел свалку и спросил о причинах ее. Когда ему сообщили, что это в немецкой церкви идет спор из-за мест, он сказал: «Я полагал, что они будут приходить в церковь с благо-

говейными мыслями для совершения своего богослужения, а не ради выскомерия». После этого он приказал, чтобы тотчас церковь была сломана, и, действительно, в тот же день она была разрушена до основания. Лютеранам, однако, позволили построить вне Белой стены, в округе Большой город, новую.

Кальвинисты также внутри Белой стены стали, рядом со своей деревянной часовней, строить красивую каменную церковь и довели ее почти до крыши. Так как, однако, патриарх и великий князь не разрешили постройки, а лишь смотрели на нее сквозь пальцы, то патриарху как-то пришло в голову приказать разрушить эту церковь, а заодно упразднить и часовню, находившуюся близ нее. После этого кальвинисты некоторое время для слушания проповеди ходили в церковь к лютеранам, пока они, наконец, не получили собственной церкви.

Когда некоторое время спустя лютеране принуждены были, по настоянию патриарха, убрать свою церковь и из Большого города, они, с соизволения его царского величества, заняли вне вала на свободной площади место и построили на ней церковь, большую, чем предыдущая. Однако, недавно, при отмене русской одежды (о чем сказано выше), они вновь со своей церковью должны были перейти на другое место. Произошло это таким образом.

Попы в Москве уже 15 и более лет жаловались, что немцы, живущие среди русских в городе, закупили самые большие и лучшие площади из их приходских земель и обстроили их так, что попы потеряли многое из своих доходов. Однако, так как пре-

дыдущий великий князь относился благосклонно к немцам, им ничего нельзя было добиться. Теперь, однако, когда сам патриарх стал жаловаться, что немцы ходят среди русских в одинаковых с ними одеждах и как бы крадут у него благословение, попы воспользовались случаем, возобновили свою жалобу и довели дело до того, что отдан был строгий приказ: кто из немцев хочет перекреститься по русскому обряду, тот пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота, в Кокуй, место, где 40 и более лет тому назад немцы исключительно жили и где погребен датского короля Христиана IV брат, герцог Иоганн.

Это место лежит на реке Яузе и получило название Кокуй по следующей причине. Так как жены немецких солдат, живших там, видя что-либо особенное на мимо идущих русских, говорили друг другу: «Kuck! Kucke hie!», т. е. «Смотри! Смотри здесь!», то русские переменяли эти слова в постыдное слово: «х.й, х.й» (что обозначает мужеский член) и кричали немцам, когда им приходилось идти в это место, в виде брани: «Немчин, [м.]чись на х.й, х.й», т. е. «Немец, убирайся на...» и т. д. По этому поводу к его царскому величеству была направлена жалостливая челобитная: они, немцы видят, что в настоящее время, безо всякой причины, подвергались они поношению со стороны русской нации, и, несмотря на верную службу свою и доброе расположение, выказанные перед его царским величеством и его подданными, тем не менее, на ули-

цах, со стороны разных оборванцев, встречают и слышат вслед столь постыдные слова. Они просят поэтому его царское величество, чтобы он, по похвальному примеру предков своих, принял их под милостивейшую защиту свою и оберегал от таких поносителей и т. д. После этого его царское величество велел публично объявить следующее: «Кто с этого дня будет кричать [подобные слова], хотя бы вслед самому незнатному из немцев, тот, безо всякого снисхождения, будет наказан кнутом», т. е. по их способу. Действительно, несколько человек нарушителей этого запрета были так наказаны, что ушли домой с окровавленными спинами. Теперь немцы освободились от этих позорных криков вслед. Его царское величество теперь дал этому месту другое наименование, назвав его «Новой иноземской слободой». Здесь каждому, по его личному состоянию, должности или промыслу, отведено определенное место для построек и вся слобода разделена правильными улицами. Те, у кого в городе были деревянные дома, велели их сломать и вновь сложить в Новой иноземской слободе, где они теперь, в случае часто возникающих у русских пожаров, живут в гораздо большей безопасности, чем в городе. Большинство немцев говорят, что снятие русской одежды и отделение от русских домов и ежедневных сношений с русскими было им столь же больно, как, например, было бы для рака утопление его, ради наказания, в воде.

Когда немцы теперь увидели, что им как бы дан особый город для мирной жизни в нем, они не задумались сами сломить свои, далекие теперь от них, церкви и перенести их к своим

очагам и домам, в «Новую иноземскую слободу». Теперь у лютеран здесь две немецкие церкви, а у кальвинистов — голландская и английская. Сначала, впрочем, они и здесь терпели сильный соблазн, вследствие обвинения жены полковника Лесли в том, будто она (как выше сказано) своевольно бросила русские иконы в огонь. В немецких церквях тогда сорвали кафедры проповедников и алтари, а также снесли и крыши, но через некоторое время им разрешено было вновь покрыть церкви крышами; лишь алтари и кафедры проповедников им не позволили возобновить. Лютеране огородили большое кладбище, на котором они и кальвинисты погребают своих покойников. Обе религии здесь уживаются мирно друга с другом, и ради веры не бывает неприятностей. Нынешний лютеранский проповедник — г. Бальтазар Фаденрехт, человек очень ловкий и даровитый. Предыдущий проповедник (в наше время) был г. Мартин Мунстерберг из Данцига, даровитый и прилежный человек, сначала имевший хорошие средства и бывший очень щедрым; из-за этого, а также вследствие испытанных им больших пожаров, он потерял все свое имущество и сильно преследовался русскими за долги, так что от заботы и горя он заболел и умер, не достигнув даже 36 лет. Предшественник его, г. Георг Окке, человек старый, был привезен в Москву, в качестве купора для вина, евангелическим купцом Каролом Молином. Так как община стала увеличиваться и долгое время не имела правильно поставленного пастыря, а все-таки хотела в определенное время слушать проповедь, этот же г. Ге-

орг был достаточно начитан и знал толк в проповедях, то они избрали его в свои пасторы, и он прилежно справлял эту должность в течение нескольких лет. Когда он, наконец, от старости устал читать и заниматься и на проповеднической кафедре стал несколько заговариваться, то община освободила его от служения, дав, однако, ему и жене его содержание для жизни. Он был еще жив во время первого нашего посольства.

Реформаты также имели ученого человека в качестве проповедника. Это — магистр Гейнрих Инхенгёффер из Герцберга, сначала бывший лютеранином, прибывший с солдатами в страну и служивший походным проповедником в войну под Смоленском. Позже в Москве он стал кальвинистом. Он написал рассужденье, напечатанное им в Бремене под заглавием: «Ключ к истинному пониманию «запертых дверей» Joh. 20», и опровергнутое суперинтендентом в Борне в мейссенской земле доктором Давидом Авербахом. Оставшаяся вдова этого магистра Инхенгёффера, живущая еще в Москве, — дочь знаменитого виттенбергского богослова доктора Форстера. Он никогда не уговаривал ее к отпадению, к чему, впрочем, она и сама не чувствовала склонности; напротив, он говорил: «Пусть она останется при лютеранской вере: она может спастись и при ней, так как поступить лучше она не умеет». У реформатов имеется и теперь ученый муж — магистр Андрей Гардинус, родом из Шотландии.

Как сказано, русские ничего не имеют против нахождения в их стране лютеран и кальвинистов вместе с их богослужением. Что же касается

римско-католиков или папистов, то они до сих пор встречали у них мало расположения; напротив, они вместе с их религией были как бы мерзостью в их глазах. В 1627 г. король французский Людовик XIII прислал посла по имени Луи-де-Гэ к прежнему великому князю, с просьбой разрешить французской нации свободу торговли в России; при этом он сделал попытку добиться постройки для них католической церкви. Однако в этом ему было отказано.

Когда должна была начаться война со Смоленском, и между начальниками, которые были призваны в страну, оказались и католики, то им за посадку в страну дан был подарок, а затем их с добрым конвоем вновь отправили через границу. В договорах, которые они заключили с нами ради персидской торговли, они внесли строгий запрет, чтобы в случае направления голштинцев для торговли в Персии, они не имели в своей среде людей латинской веры (так зовут они римских католиков). Так ненавистно у них и самое имя их. Следует удивляться, как они, тем не менее, в 1610 г. избрали в великие князья Владислава, королевича польского; впрочем, они потом, еще до начала им действительного управления, отвергли его и позже относились к полякам и к их религии с гораздо большей ненавистью, чем раньше, за то, что они совершили над иконами их, русских, столь большие надругательства.

Эта древняя и как бы прирожденная ненависть и недружелюбие русских к папистам или латинской церкви, впитана их предками от греков и их религии и от них передана потомству и получила дальнейшее

развитие. Так как русские являются сторонниками греческой церкви, то они полагают, что в этом деле должны разделять вражду, которую греческая церковь хранила по отношению к латинской в течение многих сот лет.

Откуда получился такой раздор между греческой и латинской церквями, которые сначала были совершенно согласны друг с другом, видно из церковной истории. А именно: началось дело из-за спора епископов о первенстве, а затем присоединились сюда еще некоторая ошибочные мнения о догматах веры, принятые греками, против учения римской церкви...

...Так как греки видели примеры соблазна и тирании в поведении правителей латинской церкви, то они восчувствовали к ним омерзение и гнев, передавшиеся и их потомству.

Русские, пишущие себя членами греческой церкви, ввиду отделения греческой церкви от латинской (впрочем, они говорят: латинская отделилась от них), а также ввиду того, что члены этой церкви всегда были во вражде [с латинской], желают следовать грекам и в этом деле. Они и теперь еще не терпят возле себя сторонников латинской веры или папистов, но зато ладят с теми, кто от папистов отделился.

Русские, правда, говорят, что во всех статьях своей веры, церковных законах и обычаях, равно как и в нравах, они следуют древнейшим грекам. Я, однако, думаю, что ничему они так не научились и ничего так не усвоили, как пьянство, которым славились греки. «У греков был, — говорит Цицерон, — такой закон: или пей, или убирайся». Во многих

вещах, как в основных статьях религии, так и в церковных обычаях и церемониях, они от них отстали. Поэтому и греки считают их схизматиками, хотя и не решаются сказать это, ввиду большой поддержки, которую они ежегодно получают от русских.

Герберштейн в своих «Commentarii rerum Moscoviticarum», р. 31, упоминает, что константинопольский епископ или патриарх однажды, по просьбе московитов, послал им греческого ученого монаха, по имени Максимиана, чтобы привести в добрый порядок статьи, правила и все вообще, относящееся к греческой религии. Когда монах занялся этим делом, он заметил много грубых заблуждений и указал на них великому князю. Однако вскоре затем он потерялся, и неизвестно было, куда он делся. Полагают, что они тайно его умертвили. То же случилось и с греческим купцом Марком, которого они, за подобные же речи, устранили. Они и теперь настроены так же, и со всяким, кто предложит нечто подобное, будет не лучше, чем с вышеупомянутым протопопом Нероновым, говорившим против икон, или с Логинном в Муроме, начавшим проповедовать.

В предыдущем достаточно сказано о нынешнем состоянии России и свойствах ее жителей, при описании каковых я излагал больше подробностей, чем принято в описании путешествия. Так как, однако, многим было бы небесполезно узнать такие частью новые, частью не всякому известные вещи, то я надеюсь, что благосклонный читатель не отнесется неблагоприятно к этому моему отступлению, которое я случайно оказался в состоянии сделать. Не по-

сетует читатель, вероятно, и на то, что я прибавлю сюда прекрасные мысли моего бывшего спутника по путешествию доктора Павла Флеминга; мысли эти внушены русскими, преимущественно теми, которые живут в новгородских землях. Пробыв у них, во время первого нашего путешествия, целых пять месяцев, он писал:

*«Собравшись с силами,
небес послушный воле,
Что можешь, соверши,
не замедляя доле!
Направься к полночи,
в далекий край земной.
Не зная этот край, бранит его иной,
Но ты воспользуйся
годов своих расцветом,
Сам правду всю узнай,
не верь чужим изветам!
Надейся, что твоим
представится глазам,
Как даже в варварстве
не все противно нам,
Не все по-варварски...» —*
*«Довольно, я решился,
И не могу жалеть,
что здесь я очутился,
В местах, где надо мной
Каллисто льет свой свет
И Аркас на зенит
за ней несется вслед.
Бельт был к нам милосерд,
Двина несла нас плавно,
Нева нам друг была,
а ветер гнал нас славно,
Где он нам нужен был.
До Волги я дошел
И отдых сладостный на берегу нашел.
Но не могу сползать.
Таких людей я встретил
Здесь на своем пути,
что их хвалой б отметил
Бесспорно всякий.*

тью от Астрахани и направлялись к Москве. Здесь в реке много больших изгибов и поворотов. Мы вышли на берег, имели свои молитвенные часы и поехали дальше.

К вечеру мы прибыли под город Коломну, пр. Он находится от Москвы водой в 180 верстах, или 36 немецких милях; сушей же, особенно зимой, когда можно ехать по полю, считается сюда едва 18 миль. Если судить по внешнему виду, то он хорошо охраняется своими каменными стенами и башнями. Через реку Москву, протекающую у городских стен, ведет большой деревянный мост. Здесь имеет свое местопребывание единственный епископ, имеющийся в стране; так как здесь есть и воевода, то нам пришлось подождать, пока пристав показал наш паспорт. Тем временем бесчисленное количество народа собралось на мосту, чтобы смотреть на нас. Однако им пришлось, чтобы дать проезд нашей лодке, несколько высокой ввиду ее крыши, разобрать часть моста, что ими было очень поспешно сделано.

В трех верстах за Коломною река Москва впадает в Оку, широкую и глубокую реку, идущую с юга.

Здесь вблизи лежит монастырь Голутвин-Сергиевский, будто бы учрежденный св. Сергием, похороненным в Троице.

За местом слияния этих вод, страна по обе стороны реки становится весьма плодородной, покрытой растительностью и обитаемой, так что нас весьма обрадовал вид этих веселых местностей. В данном месте такое количество дубов, какого мы нигде во всей России не видели.

3 июля мы до восхода солнца прибыли к большой деревни Деди-

но[во], длиной почти с 1/2 мили и, как говорят, имеющей более 800 жителей. К полудню мы прибыли к деревни Омут, в 37 верстах от Коломны. Здесь, так как день был воскресный, мы высадились на берег и под веселым деревом совершили наше богослужение с проповедью и поехали дальше. В 3 верстах за деревнею посередине реки находился длинный остров, который мы оставили с левой стороны. Мы проехали еще мимо нескольких деревень, из которых главнейшие были Сельцо, и Морозо[во], пр.

4 того же месяца, около полудня, мы прибыли под город Переяславль, пр. где также имеется воевода. Этот город в 107 верстах от Коломны. Близ него я нашел высоту полюса в $54^{\circ}42'$.

5 того же месяца мы проехали мимо местечка Рязань, бывшего раньше большим и даже главным городом целой провинции этого названия. Но когда в 1668 г. вторглись крымские татары и, избивая и жигая, все опустошили, погиб и этот город. Так как, однако, эта провинция, расположенная между Окою и валом, построенным против татар, раньше была княжеством и, кроме того, будучи чрезвычайно плодородна, по хлебопашеству, скотоводству и дичи превосходит все соседние провинции (как правильно о том свидетельствуют Гвагнин и Петрей), то царь, по опустошении ее, велел отовсюду собрать большое количество народу, всю страну вновь обработать и привести в прежний порядок. Так как для постройки города Рязани они нашли более удобное место, а именно то, где теперь лежит в 8 милях от [старой] Рязани Переяславль, то они и перенесли сюда оставшийся мате-

риал зданий и построили совершенно новый город. Он называется Переяславлем Рязанским, так как большинство и наиболее выдающиеся из лиц, которые его строили и населяли, были из Переяславля, лежащего столь же далеко от Москвы к северу, как этот город лежит к югу.

Меня удивляет, почему Петрей желает поместить эту область к западу от Москвы, тогда как она, по собственному же его признанию, лежит между реками Окою и Доном, которые, однако, в отношении к Москве лежат не к западу, а к востоку, куда направлено и течение их. Рязанская область лежит от Москвы к юго-востоку. В Рязани еще ныне находится местопребывание одного из семи архиепископов.

В этот день мы прошли мимо различных небольших монастырей и деревень; это недалеко от Рязани: Село, Киструс, в 7 верстах, Обложницкий монастырь, в 3 верстах, Липовые Исады, дворянская усадьба, в 2 верстах, Муратово, в 2 верстах, Калинине, в 1 версте, Пустополе, — в 1 версте — деревня архиепископа рязанского, Новоселки, в 3 верстах, Шилка в 2 верстах. У первой деревни по воде плыло нагое человеческое тело, которое, вследствие — вероятно — долгоплавания по воде, было совершенно черно от солнца и сильно сваялось. Полагали, что это человек, убитый казаками или беглыми рабами, которые, говорят, тут в окрестностях имеются.

6 того же месяца поездка шла мимо монастырей Терехина, в 10 верстах, Тыринской слободы, в 10 верстах, Свинчуса, в 8 верстах, и Копанова, в 2 верстах. Здесь мы вторично увидели плывшее мертвое тело. Так

как, однако, убийства здесь нередки, то русские не обратили на это внимания.

7 июля мы рано прибыли к Добрынину острову, в 30 верстах от предыдущей деревни, затем к деревням: Село Рубец, в 7 верстах, Курман, в 7 верстах, потом к Гусь-реке, в 6 верстах, и другим деревням: Малеевой, в 8 верстах, Габиловской, в 2 верстах, и Вабину, в 3 верстах; они лежат на веселом холме. Наконец к вечеру прибыли мы к небольшому Касимову-городу, в 3 верстах. Это татарский город, принадлежавший татарскому княжеству Касимову. Здесь в старом каменном здании, некогда бывшем замком, жил молодой татарский князь Рес-Кичи, который, еще несколько лет тому назад, вместе с матерью и бабушкой своей подчинился великому князю. Этот город дан им был для кормления. Здесь мы увидели первый магометанский храм. Рассказывали, будто русские говорили молодому государю, что, если бы он принял русскую религию и дал себя окрестить, то великий князь не отказал бы ему в выдаче своей дочери за него. Он, однако, будто ответил: теперь он еще слишком молод (ему было всего 12 лет), но когда он придет в лучший возраст и разум, то он готов дать ответ.

Наши послы велели передать ему свой поклон и подарили ему фунт табаку и бутылку французской водки; это ему было так приятно, что он, со своей стороны, велел передать поклон, усердную благодарность его и извинения ввиду невозможности для него угостить и почтить господ послон в своем доме, как он бы желал этого. [Посещение его] вызва-

Коломна

Касимов-город

Муром в Мордовской земле

ло бы неудовольствие воеводы, неохотно разрешающего кому-либо из иностранцев иметь с ним сношения. Через слуг своих, татар, не могших говорить с кем-либо кроме нашего персидского толмача, он прислал нам в ответный дар разных съестных припасов, как-то: двух овец, бочонок меду, бочонок пива, водки, несколько кусков льду, кислого молока, сливок и свежего масла, приготовленного, как они говорили, собственноручно его матерью.

В течение этой ночи, как и следующего дня, мы по обе стороны реки встречали разные деревни, монастыри и кабаки, вид на которые среди зеленого леса был очень привлекателен. Главнейшие из этих местностей: Починок Татарский, в 3 верстах от Касимов-города, Село Перьево, в 7 верстах, кабак, в 8 верстах, Брод, в 5 верстах, р. Мокша, в 8 верстах, кабак, в 2 верстах, Сатеево, в 13 верстах, монастырь Андреянова Пустынь, в 4 верстах, Елатьма, в 3 верстах. Последняя — большая деревня, заключающая в себе 300 крестьян; принадлежала она боярину Федору Ивановичу Шереметеву. Далее следуют 20 верст до сухой степной местности Русбонор [?], направо от реки.

9 того же месяца встретили мы церковь Воскресенья, в 10 верстах.

Местность эта обыкновенно называется Воскресенской Мелью. [Далее следовали] большая деревня Ляхи, в 5 верстах (она принадлежит государственному советнику князю Борису Михайловичу Лыкову), и монастырь Пречистой Рязанской, в 10 верстах. Затем приехали мы к городу Мурому, населенному русскими и татарами. Здесь начало поселений мордовских татар, которые все покорны великому князю. Так как в городе имеется рынок, то мы и послали своих толмачей, чтобы они закупали нам свежей провизии.

Не доехав с 1/2 мили до этого города, мы увидели на правом берегу, в сторону крымских татар, несколько татар. Они вскоре спрятались в кустах и оттуда стреляли в нас, так что одна пуля пролетела над кораблем. Так как мы, однако, ответили несколькими мушкетным выстрелами, то они присмирели, пока мы не проехали мимо города; тогда мы на прежнем месте опять услышали несколько выстрелов. Мы были вполне уверены, да и наши русские лодочники так думали, что в будущую ночь они нападут на нас. Поэтому мы стали на якорь около Чухтского [?] острова, в 51 версте от города, и держали здесь добрую стражу. Однако мы уже ничего более не услышали.

Вид Нижнего Новгорода

10 сего месяца мы проехали мимо местечка Павлово, принадлежащего знатному боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому; наряду со многими небольшими деревнями проехали мы и мимо двух речек, из которых одна, Ворсма-река, течет справа, а другая в 8 верстах от первой слева и называется Клязьмой; она течет от Владимира. Здесь местность по правую руку начинает возвышаться и получается очень высокий берег, который, почти на одинаковой высоте, тянется на протяжении 100 немецких миль по Волге и снизу имеет вид как бы «montes contigui», т. е. «примыкающих друг к другу гор». Однако сверху это ровная плоская местность, без леса, удобная для земледелия и простирающаяся, как говорят, в виде такой равнины, более чем на 100 верст в сторону суши. Простирается эта местность более к юго-востоку. Страна же налево от берега, направляющаяся к северо-западу, повсюду низменна, лесиста, дика и мало населена. Кое-где на высоком берегу мы, по время величайшей жары, застали еще снег и лед.

11 июля, после проезда мимо лежащих с правой и левой стороны красивых веселых деревень, как-то Избыльца, Троицкой слободы, Дудина монастыря и Новинок, мы к вечеру прибыли к выдающемуся городу Нижнему или Нижнему Новгороду. Здесь мы тотчас же направились не в город, а на наш там построенный корабль «Friedrich».

Этот корабль построил корабельщик Михаил Кордес, с помощью русских плотников, из сосновых досок; он был длиной в 120 фут, имел 3 мачты и плоское дно, сидел в воде лишь 7 фут и имел 24 весла. Он был

устроен преимущественно для плавания по реке Волге, чтобы мы были в состоянии переходить через песчаные перекаты и мели, которых здесь имеется много, и в случае, если бы ветер оказался не попутным, могли подвигаться и без парусов. Наверху на корабле, в каютах, и внизу, в трюме, устроены были различные каморки, в которых послы и свита их могли удобно расположиться и иметь кухню и помещение для провизии. Мы хорошо снабдили корабль всякого рода зельем и снарядами, пушками для металлических и каменных ядер, гранатами и другим оружием на случай нападения разбойников.

Наряду с этим кораблем велели мы построить и шлюпку и прекрасно снабдили ее, так как полагали, что на Волге и в особенности на Каспийском море, где шкиперам и боцманам пришлось бы во время посещения нами персидского шаха оставаться на море, нам нужно будет иногда ездить по неизвестным и мелким местам, куда мы с кораблем не решились бы направиться. Шлюпка должна была служить и для того, чтобы, в случае нужды, снять груз с судна. Чтобы снарядить вполне суда, мы оставались здесь почти три недели.

LXVII

(Книга IV, глава 2)

О городе Нижнем и Волге

Нижний Новгород, лежащий под 56°28' северной широты, по мнению Герберштейна построен великим князем Василием и населен тем народом, который он взял во много-

людном городе Великом Новгороде; поэтому он и получил название Нижнего Новгорода. От него до Москвы водою считается 150, а сушею 100 немецких миль; он лежит у Оки на правом берегу в высокой местности, окружен каменною стеной и башнями. Вне городских стен здесь, пожалуй, больше домов и людей, чем в городе; живут они здесь в круге, описанном полумилей. Под городом Ока соединяется с знаменитою рекой Волгой, называемою у древних писателей Rha. Обе реки, по соединении своем, имеют ширину в 4600 футов; при путешествии в Персию и обратно я дважды через лед измерил это расстояние.

Я также заметил, что магнитная стрелка в этом городе отклоняется от полуночи [севера] к западу на целых 9 градусов.

В Нижнем живут русские, татары и немцы; все они подданные великого князя и управлялись в наше время воеводой Василием Петровичем.

Здесь мы нашли самых крайних на востоке лютеран, которые могли служить по своей вере в открытой церкви; в то время их община доходила до 100 человек. Многие из них были военные офицеры, шотландцы, частью существовавшие службой великому князю, частью жалованьем мирного времени, а также винокурением, пивоварением и продажей крепких напитков, — что, по особой милости, было им предоставлено. Провизия в Нижнем была весьма дешева: молодая курица, а также 16 яиц стоили 1 копейку или в мейсенской монете 6 пфеннигов, овца — 12, 16, 18 копеек.

24 того же месяца я с нашим шталмейстером фон Мандельсло,

Гансом Арпенбэком, русским толмачом и приставом был отправлен к воеводе, чтобы, за доброе расположение и помощь, оказанные им нашему люду, прожившему здесь, ради постройки корабля, более года, поднести ему ценный подарок в 100 рейхсталеров. Что воеводе это было очень любо и приятно, мы заметили по тому, что он не только дал нам прекрасное, великолепное угощение, но при уходе нашем подарил нам 20 кусков копченой свинины и другой провизии на дорогу. Это был вообще человек вежливый и разумный. Дом его содержался весьма прилично. Когда мы велели приставу доложить о себе, нас два человека повели по двору через прекрасно разубранный ход, по обе стороны которого, вплоть до крыльца, стояли слуги и рабы. В сенях нас встретили два осанистых старых человека, которые провели нас к воеводе в комнату, украшенную обоями, занавесами, серебряными чарами и бокалами. Воевода стоял в золотой парчовой одежде, окруженный многими красиво одетыми мужчинами, принял нас ласково, благодарил за поклон и подарок послов во многих почтительных словах, а затем заставил нас сесть за стол, причем он начал говорить тосты за здоровье его царского величества, его светлости князя голштинского и княжеских послов. Во время угощения, заключавшегося в пряниках, очень крепкой водке и многих родах меду, он говорил всякие веселые и умные речи, так что мы — ввиду странности этого явления в России — должны были удивляться ему. Он спросил также, боимся ли мы казаков, которые разбойничают на Волге и вряд ли оставят нас в покое? Это

жестокий, бесчеловечный народ, любящий разбой более Господа Бога своего; они нападают на людей, точно вот это животное; при этом он показал на нарисованного на столе льва, которому [на рисунке] Самсон разрывал пасть. Когда мы ответили: «Если казаки окажутся львами, то мы окажемся Самсонами», он сказал: и он на это надеется, и выразил надежду, что «имя немцев, известных храбростью в России, ввиду добрых услуг, ими оказанных его царскому величеству, прославилось и среди казаков и, без сомнения, удержит их от нападения». Когда мы простились с ним, он, в прежнем порядке, опять велел проводить нас через двор к воротам.

В эти дни были улажены споры, происходившие во время кораблестроения между рабочими, и был потребован отчет о строительстве. При более точном расследовании оказалось, что тот, кто нанимал рабочих, убедил их обещать ему подарок в 40 рублей или 80 рейхсталеров, чтобы он по более дорогой цене принял для них работу. Так как кузнец при поставке железа и в работе допустил большие злоупотребления и обманы, то ему, правда, пригрозили суровым наказанием, которое воевода — даже если бы потребовали смертной казни — предоставил совершенно на волю послов, но, в конце концов, так как он упал в ноги послам и, лежа у ног их, долго со слезами просил о прощении, то его и простили, ввиду преклонных лет его (ему было более 70 лет), и оставили без наказания.

Пробыв в Нижнем до конца июля и заметив, что вода, которая до сих пор была высока, начала быс-

трее спадать, мы поспешили уйти. Корабли или большие струги и лодки, идущие по Волге к Астрахани, соблюдают это время и пускаются в путь, когда вода еще поднимается или оказывается выше всего, как это и происходит в мае или июне, когда реки на севере разливаются и приносят много воды в Волгу; в такое время эти суда не только безопасно проходят через мелкая места, но и через низкие острова, которые в это время оказываются глубоко под водой. Бывают, впрочем, случаи, что, после ночевки их на таком острове, они, при быстром спаде воды, остаются сидеть на мели: подобного рода засевшие и погибшие большие струги и лодки мы встречали во многих местах на Волге.

Так как эта река, по моему заключению, одна из величайших, длиннейших и важнейших в мире, то я прилежно наблюдал ее, и при помощи опытного голландского моряка Корнелия Клаус(ен)а и некоторых русских лоцманов не только по компасу определил и нанес на план ее течение, изгибы, углы и берега, но также и глубокий фарватер на ней, мели, острова и местности, от мили до мили и даже от версты до версты. Так как в первом издании я обещал, что со временем сообщу настоящую карту этой реки, то я ее теперь и изготавил и прилагаю здесь изображение реки со всем тем, что имеется на берегах ее.

Река Волга берет свое начало (как упоминает о том Герберштейн) в области Ржевской, где имеется лес, называемый Волконским. В этом лесу есть озеро, из которого вытекает река, протекающая через 2 приблизительно мили, затем через озеро

Волго; дающее этой реке свое название. До соединения своего перед Нижним Новгородом с Окою, река эта протекает мимо многих выдающихся городов: Твери (упоминаемой выше), Кашина, Холопьяго [городка], Углича, Ярославля, Костромы, Галича и т. д. Так как я этих мест не проходил, то я этой части течения Волги и не буду описывать, а начну только с соединения у Нижнего Новгорода Оки с Волгой.

LXVIII

(Книга IV, глава 3)

От Нижнего до Васильурска

После того как наш корабль теперь был снаряжен и снабжен хорошими запасами провизии, и мы также взяли с собой и лоцмана, или путеводителя, который должен был показывать нам истинный фарватер, мы 30 июля собрались в путь, не глядя на то, что ветер был нам противен, и стали лавировать. При нас на корабле находился его княжеской светлости комиссар в Москве Бальтазар Мушерон, дьяк или канцелярист воеводы, пастор из Нижнего и наш фактор Ганс Бернгарт, проводившие нас на несколько верст и желавшие посмотреть, каково плавание на корабле. Едва, однако, мы в 2 верстах под городом прошли за именье Грамотина, напротив Печерского монастыря, как мы уже попали на мель и засели. Пришлось заносить якорь и с большими трудами в течение 4 часов стаскивать корабль.

На другой день, а именно в последнее число июля, проехав с версту

дальше, мы снова засели, однако скоро сошли с мели, и когда выпал сильный дождь, а также буря с юго-востока подула нам навстречу, мы остались на якоре до следующего дня.

Здесь на корабле была произнесена вышеупомянутая немецкая речь об опасности, которую мы выдержали на Балтийском море, и о кораблекрушении у Гохланда; мы благодарили Бога за милостивое спасение. Нашим людям был внушено в дальнейшем в других подобных случаях, могущих быть при предстоящем долговременном и опасном путешествии, возлагать твердое упование на Бога и на терять мужества. По окончании богослужения, после веселой музыки, наши провожатые и добрые друзья простились с нами и вернулись обратно.

1 августа заведен был порядок, как быть со стражей. Навербованные солдаты, а равно и свита послон, были разделены на три роты с тем, чтобы чередоваться на службе. Во главе первой должен был находиться посол Крузиус, во главе второй — Брюг[ге]ман, а третьей — маршал. У каждого из послон был свой капитан: у Крузиуса — шталмейстер, у Брюг[ге]мана — секретарь; они вместе с маршалом поочередно, с обычным барабанным боем, приводили и уводили стражу. Часовые посты у передней и задней боевой рубки корабля были всегда весьма многочисленны.

После этого, когда ветер все еще дул нам напротив, мы сделали попытку двинуться вперед помощью весел. Однако на расстоянии выстрела из ружья мы вновь сели на мель. Освободившись от нее, мы остались стоять на якоре. Кое-кто из нас вышел на сушу пострелять птиц, кото-

рых можно было видеть вокруг весьма много. На высоком берегу, от Нижнего вплоть до Казани, повсюду есть приятные рощицы и отдельно стоящие деревья, точно лес здесь и не прекращается.

2 того же месяца, когда ветер несколько поулегся, мы подняли якорь, надеясь сегодня пойти лучше вперед. Однако едва мы отъехали четверть мили, как у Телятинского острова снова засели, а потом опять за другим островом — Собщинским, на который во время полой воды нагнало большой струг, и теперь еще стоявший здесь. Здесь мы сидели целых девять часов, пока удалось сдвинуть корабль с места.

Так как плавание сначала было столь неудачно для нас, что первые 4 дня мы не могли проехать вперед дальше двух миль (а ведь оставалось еще 5 1/2 сотен немецких миль до Каспийского моря), и к тому же наш лоцман, 8 лет не ездивший по Волге, очень немного мог дать нам точных сведений, то некоторые из нас довольно-таки пали духом.

3 того же месяца дело шло несколько лучше. Мы проехали вперед мимо несколько деревень и островов, из которых важнейшие Столбищи и Стоба, в 3 милях от Нижнего, Великой Враг, деревня в долине между двумя горами, Зимёнки, на холме, и остров Теплой, в 20 верстах от Нижнего. Здесь мы встретили большой струг или лодку, шедшую из Астрахани, с 200 рабочих на ней. Русские, не имея ветра в точности позади себя, не плывут на парусах, но в лодке заносят вперед на 1/4 мили пути один якорь за другим, и затем 100 и более человек, становясь один за другим, помощью каната из лыка тащат судно против течения. При этом они, однако, не в

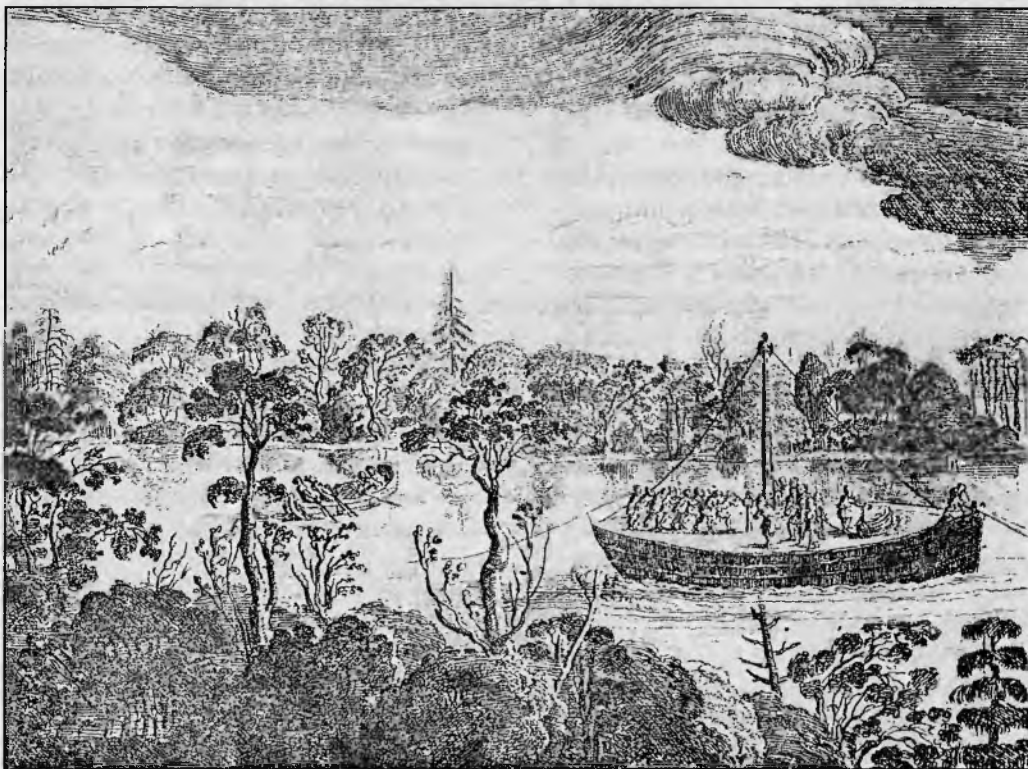
состоянии пройти в день больше двух миль. Такие струги имеют вид, изображенный на рисунке; внизу они плоские, могут поднять 400 — 600 ластов и большею частью нагружены солью, икрой и соленой грубой рыбой.

Деревни, мимо которых мы сегодня проехали, лежали все по правую руку; это были: Безводная, Ка[д]ница, где высота полюса оказалась равной 56°21', далее: Работки, Чеченино, Татинец, Юркино. Перед последним, находящимся в 10 милях от Нижнего, лежали два острова, между которыми фарватер доходил до 21 фута глубины. Так как ветер стал для нас несколько более благоприятен, мы сегодня и на следующий день воспользовались парусом на мачте, прошли, наряду со многими малыми деревнями, еще мимо больших деревень Маза и Кременки, пр. За этой последней мы 4 того же месяца поместились на ночлег.

6 августа мы спозаранок прибыли к деревне Бармино, в 90 верстах от Нижнего. Здесь крестьяне в трех лодках доставили на наш корабль молодых кур и другой провизии для продажи по низкой цене. После этого мы проехали между двумя островами, из которых один у них называется Спаса-Белкой. К вечеру мы увидели и городок Васильгород, и так как перед ним мель или сушь, как ее называют, то мы опустили якорь и остановились перед мелью.

Сюда к нам прислан был из Москвы гонец с письмами из Германии, датированными маем месяцем. Они нас сильно обрадовали.

Васильгород — небольшой городок или местечко; он построен всецело из деревянных домов, без стены кругом. Он лежит направо от Волги,

Струг на Волге

под горой, под полярной высотой в $65^{\circ}51'$. От Нижнего до него считается 120 верст. Говорят, что город этот построен великим князем Василием и снабжен им же солдатами, которые должны сдерживать набеги крымских татар. По ту сторону города с юга течет сюда довольно большая река Сура. Раньше эта река отделяла казанскую область от русской.

6 того же месяца корабль еле-еле прошел через упомянутую сушь почти постоянно ее задавая дном; корабль, можно сказать, скорее прыгал и как бы танцевал через мель, чем плыл через нее.

Пройдя к полудню мимо города, мы для салюта велели выстрелить

из металлического орудия, а трубачу трубить. То же делалось впоследствии перед всеми городами, к которым мы подходили.

LXIX

(Книга IV, глава 4)

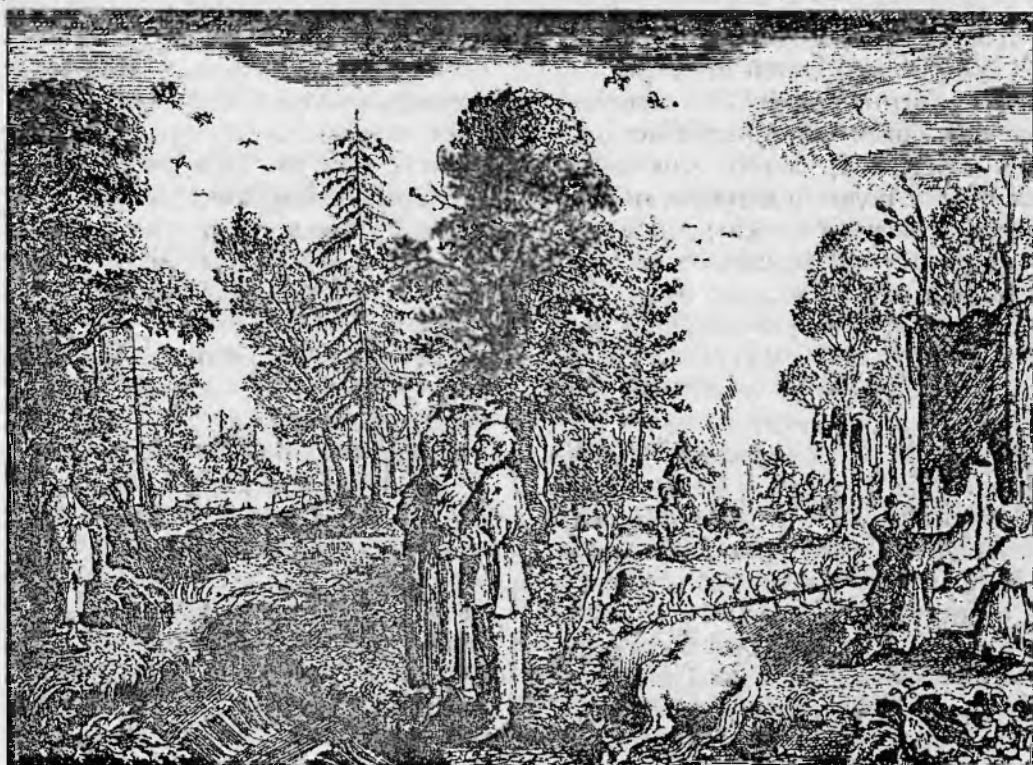
О черемисских татарах

Здесь появляются другого рода татары, а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань, живут по обе стороны Волги, большей частью без домов, в простых избах, питаются скотоводством, медом и дичью,

являются превосходными стрелками из луков и даже детей приучают заблаговременно к этому. Это вероломный, разбойничий и чародействующий народ. Те из них, что живут направо от Волги, именуются «нагорными», так как они живут на высоте: на горах или между горами. Это наименование происходит от русских слов «на» и «гора». Живущие слева именуются «луговыми» от «лугового сена», т. е. зеленых лугов и сенокосов: ведь здесь, ввиду низкой и сырой почвы, много прекрасных лугов и полей, где собирается в большом количестве сено, которым «нагорные» питают свои стада. Гвагнин говорит, что эта нация частью языческой, частью магометанской веры. Живущие вокруг Казани все, насколько я мог узнать, язычники, так как их и не обрезают и не крестят. Когда ребенку у них исполняется полгода, они определяют особый день, когда ребенок должен бы получить имя. Кто в этот день раньше всего зайдет к ним или пройдет хотя бы мимо, того имя и получит дитя. Большинство из них верит, что имеется бессмертный Бог, который делает людям на земле добро и которого поэтому нужно призывать. Однако, что Он Собой представляет и как Он желает быть почитаем, этого они не знают. Они не верят в воскресение мертвых или в новую жизнь после здешней. Они полагают, что со смертью человека, как и со смертью скотины, все кончено. В Казани в доме моего хозяина жил черемис, человек лет 45. Услышав, что я говорил с хозяином о религии и, между прочим, упомянул о воскресении мертвых, он начал смеяться, всплеснул руками и сказал: «Кто раз помер, тот мертв и

для черта. Или разве покойники востанут, а с ними и мои лошади и коровы, околевшие несколько лет тому назад?» Когда я его спросил: «Знает ли он, кто создал небо и землю?», он насмешливо ответил: «Черт знает». Хотя они не верят в существование ада, все-таки, по их мнению, существуют черти, которых они называют духами-мучителями; они полагают, что эти черти при жизни могут мучить людей и доставлять им другие неприятности; поэтому они и стараются умиловить их жертвами.

Говорят, что в казанской области, к югу от Казани миль на 40, в болотистой местности имеется река, именуемая у них Немдою. Сюда они направляются со своими паломничествами и жертвами. Они говорят: «Кто сюда придет и ничего не принесет в жертву, тот зачахнет или засохнет». Они полагают, что черт имеет резиденцию свою там или, точнее, у реки Шокшем, лежащей в 10 верстах от Немды. Говорят, что эта река не глубже 2 локтей, течет между двух гор и никогда не замерзает. Ее черемисы очень боятся. Они полагают, что если кто-либо из их нации придет к этой реке, то он тотчас и помрет; русские же без опасности могут приходить к ней и уходить от нее. Иногда они приносят жертвы и Богу, режут для этой цели лошадей, козлов и овец, натягивают шкуры на колья, варят рядом с ними мясо, берут блюдо, полное мяса, в одну руку, а чашку с медом или другим напитком в другую руку и бросают все это против шкуры в огонь, говоря: «Иди, передай мое желание Богу». Также: «О Боже, я охотно жертвую тебе это, прими это от меня, и дай мни

Черемисы

скота» и т. д., смотря по тому, что они охотно желали бы. Так как они не верят в иную, чем здешнюю, жизнь, то все их просьбы и молитвы устремлены на мирское. Они молятся также солнцу и месяцу, так как замечают, что их действие благоприятно для земли и скота. Особенно же во время урожая высоко чтится ими солнце. Нам даже сообщали, что они в течение дня почитают и иногда обожают все то, что они видели во сне, будь то корова, лошадь, огонь или вода. Когда я и хозяин мой иногда из-за этого уговаривали черемисина, что неправильно чтит скот и другие твари, как Бога, и молиться им, — он да-

вал такого рода ответ: «Что же такое представляют собой боги русских, вешаемые на станку? Ведь в них нет ничего, кроме дерева и краски, и он поэтому не желает и им поклоняться; гораздо лучше и разумные обожать солнце и то, что имеет жизнь». У них нет ни письмен, ни попов, ни церквей. Их язык также своеобразен и имеет мало родства с обыкновенным татарским или турецким. Те, кто в этих местах живут среди русских, пользуются обыкновенно русским языком.

Когда у них помирает состоятельный человек, то закалывают его лучшую лошадь, и ее у реки (все свои жертвоприношения и тому подобные

торжества совершают они у рек) съедают оставшиеся друзья и слуги его; покойника же зарывают в землю, а одежду его вешают на дерево.

Они одновременно вступают в брак с 4, 5 и более женами и не обращают внимания на то, если бы даже 2 или 3 жены оказались родными сестрами.

Женщины и девицы ходят окутанные грубой белой холщовой материей и закутываются вплоть до лица. Невесты носят спереди на головах своих украшение, почти в роде рога; оно с локоть длиной и направлено кверху; на конце его в пестрой кисточке висит небольшой колокольчик. Мужчины ходят в длинных холщовых кафтанах, под которыми носят брюки; головы свои они стригут наголо. Парни, неженатые еще, дают вверху у темени расти длинной косе, которую они иногда завязывают в узел; иногда же дают ей свисать наподобие женской косы. Мы многих из них встречали не только здесь, но и в Казани.

Когда они в первый раз увидели на Волге нас в столь необычной одежде и на корабле, то они испугались, и некоторые из них стали убежать с берега, а часть осталась стоять, но, несмотря на наши кивки, не хотела подняться на судно. К вечеру один из них собрался с духом и у реки Ветлуги, против Юнгского монастыря, поднялся на наш корабль; он принес для продажи большого свежего осетра, за которого запросил 20 алтын или 60 копеек, отдав, его, однако, за 5 алтын.

LXX

(Книга IV, глава 5)

Как мы прошли мимо Космодемьянска, Чебоксар, Кокшаи и Свияжска

7 августа мы прибыли к городу Космодемьянску, лежащему в 40 верстах от предыдущего города, также на правом берегу Волги. И этот город имеет своего наместника или воеводу. В этой местности растет очень много — даже целые леса — лип, с которых жители дерут лыко и развозят его по всей стране, приготавливая из него сани, посуду или ящики. Дерево они режут [пилят] на цилиндрические части, выдалбливают их и пользуются ими как ушатами, бочками и т. п.; они также выделывают из них целые лодки, челноки и гробы, которые продаются здесь и там на рынках.

В 3 верстах за этим городом у острова Криуши мы стали на якорь, совершили свое богослужение и причастились. Сюда крестьяне опять принесли на продажу свежую провизию. Когда мы прошли с милю вперед, началась сильная буря; поэтому мы опять спустили якорь и здесь расположились на ночевку.

8 того же месяца, когда мы получили попутный ветер, мы подняли парус и до полудня легко проехали до острова Туричьего. После обеда мы на всех парусах налетели на песчаную мель у острова Маслова, так что мачты закрипели; здесь мы оставались на мели 4 часа, пока не сдвинулись при помощи трех якорей.

Здесь по правую руку на берегу мы видели очень много черемисов, конных и пеших, бывших на своих сенокосах. К вечеру мы прибыли к

городу Чебоксарам, лежащим в 40 верстах от вчера встреченного [поселения] на правом берегу; подобно обоим предыдущим, и этот город построен из дерева: по расположению и по домам он наиболее приятный на вид из них. Когда жители, еще до нашего прибытия, увидели издали наш большой корабль, они недоумевали, что бы он собой представлял. Поэтому воевода прислал нам на встречу лодку со стрельцами за 3 версты от города к острову Мокрице, чтобы справиться и посмотреть, что мы за народ. Солдаты издали объехали кругом корабля, и вновь поспешили к городу. Когда наш паспорт был доставлен в город, 300 человек молодых и старых людей выбежали на берег посмотреть на нас. В этом, как в других соседних городах, которые все лежат на Волге, а не внутри страны, наряду с воеводой имеется много русских солдат на тот случай, что покоренные татары захотели бы возмутиться, чтобы легко можно было собрать войско и усмирить их.

9 того же месяца мы прибыли к острову Казину, в 12 верстах от предыдущего города, потом к деревне Сундырь, и еще в 20 верстах далее к городку Кокшае, на левом берегу Волги, в 26 верстах от предыдущего города. Около этого места Волга на протяжении нескольких миль везде мелка, так что мы едва перешли через мели. Поэтому в течение этого и следующих дней у нас с переходом [при помощи заноса якоря и наматывания якорного каната] было очень много трудов и хлопот, и в течение 10 того же месяца мы подвинулись вперед всего на полмили. На корабле только и раздавалось: «Тяни! Гроби! Назад!»

10 того же месяца река, течение которой было тут несколько сильнее, нанесла нас направо на берег, у которого мы застряли на несколько часов. Здесь я с фон Мандельсло вышел на берега и отправился в лес, чтобы развлечься и поискать лесных плодов. Так как, однако, тем временем ветер стал благоприятнее, то подняты были паруса и корабль ушел. Подойдя к берегу и не видя корабля, мы бежали некоторое время по берегу, надеясь догнать корабль. Однако мы корабля не увидели, но зато заметили лодку, которая направлялась в нашу сторону. Сначала мы думали, что это казаки; оказалось, однако, что лодка прислана с нашего корабля к нам навстречу. На ней мы вернулись к кораблю, который стоял в изгибе реки, задержанный ветром. Так как ветер поднимался все сильнее и сильнее, мы устроили здесь остановку на всю ночь.

12 того же месяца мы попробовали протаскать корабль с помощью маленького якоря вокруг изгиба. Якорь, однако, зацепил за дерево, лежавшее на дне, разорвал канат и остался на дне. Говорят, подобные вещи часто происходят на Волге из-за деревьев, которые во время половодья срываются с берегов в реку и лежат в иле на дне. Русские говорят, что в Волге лежат столько якорей, что они ценой с целое княжество. Бывали случаи, что такой якорь случайно вновь вытаскивался другим.

13 августа, после того как мы до полудня прошли мимо двух кабаков и деревни Вязовки, мы прибыли под город Свияжск, расположенный по левую руку на приятном с виду холме; здесь имеется кремль с несколькими каменными церквями и мона-

стырями, но окружен город деревянными стенами и башнями. Когда мы против этого города, из-за находившейся перед ним мели, стали на якорь, народ толпами собрался на берегу. Так как между нами и берегом находился длинный песчаный бугор, мешавший им, как следует, видеть нас, то многие из них выехали на челноках и лодках или перешли через узкую часть реки, чтобы видеть нас и наш корабль. Оставшиеся отсюда до Казани 20 верст мы плыли мимо многих лежащих с правой стороны меловых и белых песчаных гор. К вечеру мы прибыли к городу Казани, где стали на якорь. Здесь мы встретили персидские и черкасские караваны, выехавшие из Москвы за несколько дней до нас. При них находился персидский купчина, который был в Москве в качестве посла, как упомянуто выше. Также был здесь черкасский татарский князь, по имени Мусал из [города] Терки, получивший после смерти брата своего ленное владение от великого князя.

LXXI

(Книга IV, глава 6)

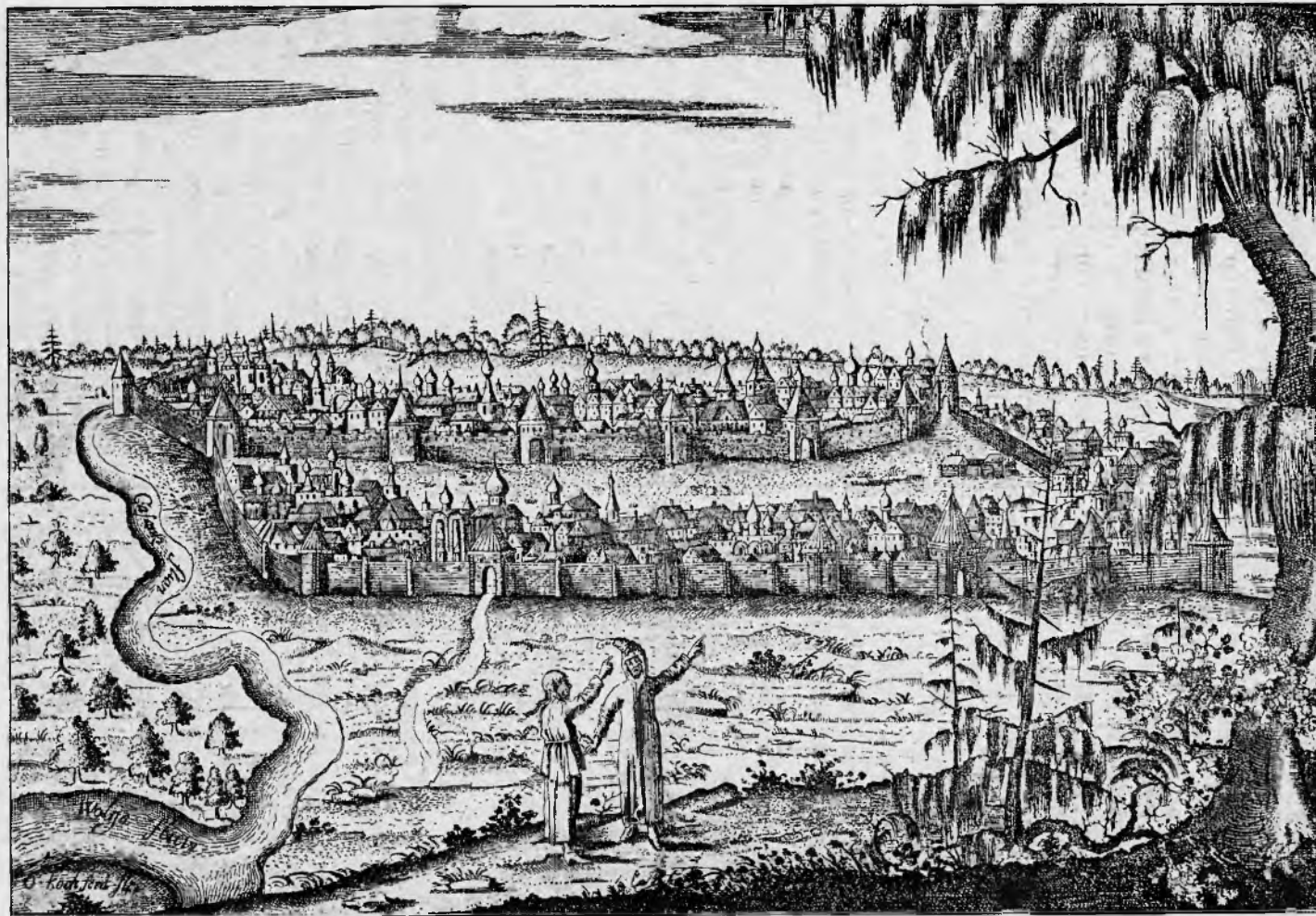
О городе Казани и о том, как Казань подпала под власть московитов

Город Казань лежит на левом берегу Волги, в 7 верстах от берега, в ровной местности, на небольшом холме; вокруг города протекает река Казанка, от которой и город и вся область получили свое название. Высоту полюса определил я здесь в 65°38'. Этот город, подобно всем расположенным на Волге городам, окружен

деревянными стенами, с башнями, и дома в нем также деревянные; но кремль этого города хорошо защищен толстыми каменными стенами, орудиями и солдатами. Великий князь отрядил в кремль не только воеводу, но назначил в город еще особого наместника, которые должны были управлять жителями и править суд. Город населяют русские и татары, в кремле же живут одни лишь русское, и ни один татарин, под страхом смертной казни, не смеет показаться там.

Область казанская, простирающаяся налево от Волги к северу почти до Сибири, а на восток вплоть до страны нагайских татар, была раньше татарским царством. Так как это царство было очень могущественно и могло выставить в поле до 60 000 человек, то оно вело с русскими тяжкие кровавые войны и иногда принуждало их платить себе дань; однако, в конце концов, татары были покорены царской державой. Когда и как это сделалось, это я вкратце перескажу здесь, так как история эта стоит упоминания.

Однажды великий князь Василий Иванович, отец тирана, разбил казанских татар в битве наголову и поставил в цари им желанное себе лицо, называвшееся Шиг-Алеем. Хотя этот человек и был татарской нации, однако он все-таки был более люб, привязан и верен московскому великому князю, чем татарам. С виду это был безобразный мужчина, с длинными отвислыми ушами, большим черным лицом, толстый, с короткими ногами и длинными искривленными ступнями. Вот этому человеку они должны были быть покорны и платить пошлины. Казанским татарам такая вещь была весьма до-

Казань в татарской стране

садна, они послали тайного гонца к крымским татарам, жаловались на свое несчастье, а именно, что покорили их великому князю, и теперь ими правит неверный, некрасивый царь. Они просили, чтобы им, так как они с крымцами той же (магометанской) веры, дали возможность свалить с шеи тяжкое иго.

Крымской татарин Менгли-гирей [Магмет-гирей] отнесся к этой просьбе благосклонно, поспешно собрал большое войско, направился к Казани, взял ее и прогнал Шиг-Алея, бежавшего с женой и ребенком в Москву. В Казани над татарами Менгли-гирей посадил своего брата Саип-гирея.

После этой победы самомнение татар поднялось, они со своим войском, усиленным людьми, вновь пришедшими из Крыма, направилась против великого князя московского, стали нападать, грабить и опустошать все города и деревни, через которые они проходили. Хотя и великий князь собрал теперь, насколько он второпях смог, порядочно большое войско, направил его против татар и дал у реки Оки сражение, все-таки русские потерпели неудачу и поспешили вернуться в Москву. Татары пошли за ними следом, заняли город и осадили Кремль, который великий князь оставил, направившись к Великому Новгороду. Русские держались в Кремле, храбро обороняясь, высылая при этом иногда и подарки врагу. Так как этот последний видел, как они обороняются, и полагал, что со сдачей крепости дело пойдет довольно туго, то он и решил вступить в переговоры с русскими и принял их дары. Русским пришлось согласиться на то, чтобы великий князь подпи-

сью и печатью обязался быть татарину подданным и ежегодно платить ему дань; только на этих условиях татарин соглашался оставить Россию и освободить опять всех пленных русских, которых было очень много. Великий князь сначала не хотел согласиться на такой позорный договор, но, в конце концов, должен был примириться со своим несчастьем.

После этого татарин Менгли-гирей, в доказательство того, что он государь в Москве, велел поставить в городе свое изображение, перед которым великий князь, при уплате крымским послам ежегодной дани, всякий раз должен был класть земной поклон.

После этого Саип-гирей вступил в Казань и царствовал в ней. Менгли-гирей же, старший брат, царствовавший в Крыму, с войском своим направился на Рязань, осадил здесь кремль и велел сказать воеводе Ивану Ковару [Хабару]: великий князь стал его подданным; пусть он поэтому, без всяких колебаний, сдаст ему крепость. Воевода в ответ сообщил ему, что это обстоятельство представляется ему странным; он не может представить себе, чтобы все было так, разве только ему дали бы поближе ознакомиться с делом; тогда бы он сразу постановил свое решение. После этого татарин прислал к нему в крепость, с несколькими офицерами, подлинник обязательства великого князя, чтобы показать его ему. Воевода же задержал послов вместе с грамотами и заявил, что будет сопротивляться до последней капли крови. При нем находился опытный итальянский артиллерийский мастер Иоганн Иордан (жена которого, как выше сказано, из любви желала быть

прибитой). Вместе с ним воевода так храбро оборонялся, что стрелами, ружьями и пушками побито и ранено было много людей у неприятеля. При этом большое ядро ударило так близко к самому Менгли-гирею, что оторвало кусок его кафтана. Этим татарин так был напуган, что уже требовал только выдачи великокняжеского обязательства. Когда, однако, и в этом ему было в смелых словах отказано, он собрался в путь и вновь вернулся домой. Рязанский воевода вернул великому князю обязательство его обратно; по этому поводу в Москве было сильное ликование, изображение Менгли-гирея было сорвано, разбито и попрано ногами. Вскоре затем великий князь вывел в поле 25 000 человек, предложил Саип-гирею начать открытую войну и велел сказать ему: он со своим братом вторглись неожиданно, как воры и убийцы, в страну; теперь он, государь и самодержец всея России, приходит, как честный солдат, сообщает ему открыто о своем прибытии и этим объявляет ему войну. Когда, однако, татарский царь стал возражать насмешками и бранью, великий князь быстро подступил со всей своей армией под столичный город Казань. Хотя русские здесь и причинили много вреда татарам, все-таки они не могли завоевать крепости, но принуждены были вернуться, ничего не добившись, и постоянно должны были снабжать город Нижний Новгород сильным гарнизоном в защиту от нападений татар. При жизни этого великого князя уже не состоялось более замечательных предприятий против казанцев.

Когда после смерти Василия Ивановича, сын его, Иван Василье-

вич, тиран, вступил на престол, он не захотел оставить на России понесенного позора. Поэтому он с большой военной силой, в среде которой было много иностранных, особенно немецких солдат, направился к Казани, где обе стороны жестоко бились и произошло много кровавых сражений. Однако после восьминедельной осады, когда великий князь стал опасаться, как бы, в случае продолжения осады, крымский татарин не поднялся и не поспешил на помощь своему брату, он предложил осажденным сносные условия мира. Когда казанцы отвергли их, он поспешно велел подкопать стены и вал и взорвать их на воздух. Это татарам показалось явлением очень странным, чудесным и ошеломляющим; оно и послужило к гибели их. Когда мина возымела желанное действие, открыла не только стены и валы, но и убила и ранила многих татар, тогда русские пошли штурмом и вошли в крепость, хотя и не без потери многих людей: в двух местах в крепости, где засели татары и где они храбро оборонялись, им пришлось пробиваться. Наконец, когда татары увидели, что их одолевают и вожди их полегли на месте, они уже не захотели отстаивать город, но направились к одним из ворот, расположенных к востоку, пробивались сквозь русских, перешли через реку Казанку и разбежались по разным направлениям. Это случилось 9 июля 1552 г. по Р. Х., по словам Доссевина — в 1553 г.

После этого великий князь велел крепость дополнить строением, укрепить при помощи более сильной каменной стены, башен, круглых бастионов и более толстой стены че-

тырехугольной фигуры, прогнать остальных татар и занять город и кремль русскими, которые были выписаны из всяких мест. Татарам, однако, было позволено жить в одиночку поблизости и сохранять свою религию. Таким образом тиран Иван Васильевич подчинил своей власти все царство Казанское. Говорят, что тиран Иван Васильевич после этого в тех случаях, когда во время попок хотел выказать свое веселье, пел песню о завоевании Казани и Астрахани.

Во время [нашего приезда] воеводой в Казани был брат нижегородского воеводы. И ему послы, как делали они это по отношению к другим, послали свой подарок, а именно прекрасный большой перстень с рубином.

Когда мне сказали, что корабль 15 августа весь день должен будет оставаться на якоре, я с фон Мандельсло отправился в город, чтобы осмотреть его и начертить, а заодно и купить вещей, которые бы нам понравились. Мы на рынке ничего не застали, кроме плодов, которых тут продавали большое множество, — особенно много дынь, бывших не меньше тыкв. Так же точно имелась здесь соленая старая гнилая рыба, дававшая от себя столь скверный запах, что мы не могли проходить мимо нее, не затыкая носа. Так как, однако, послу Брюг[ге]ману не понравилось, что мы собрались в город, то корабль снялся с якоря и пустился дальше в путь. Когда казанские граждане, смотревшие с берега на корабль, повстречавшись нам на обратном пути, сообщили нам, что послы уже успели отплыть, мы взяли две подводы и ехали довольно долго по берегу вслед за судном. На-

конец, мы пересели на лодку нашего пристава и дали себя перевезти на корабль, который мы застали к вечеру в 2 милях за Казанью, где он остановился для ночлега.

LXXII

(Книга IV, глава 7)

Путешествие до города Самары

Волга от Нижнего до Казани большей частью направляется к востоку и юго-востоку, а затем до Астрахани и Каспийского моря обыкновенно к югу. В дальнейшем на Волге находятся много плодородных мест, но, ради казаков и разбойников, встречающихся здесь местами, тут очень мало деревень и немного жителей людей.

15 августа мы быстро подвигались вперед по реке, которая здесь, вследствие узости своей, течет быстро, и за деревней Ключиши, в 26 верстах от Казани, пришли к мели, через которую с трудом тащились на якоре. Когда мы перебрались, маленький якорь опять застрял на дне, так что мы за все послеобеденное время, несмотря на разные попытки, не могли освободить его; поэтому мы всю ночь оставались там. На следующий день до полудня работы продолжались, причем был выброшен и большой якорь. Однако канаты у обоих якорей порвались, и мы с громадным трудом разыскали и вновь подняли наверх большой из них. Что же касается малого, то он застрял так плотно, что его нельзя было достать. Поэтому мы его оставили на месте и поехали дальше.

Вскоре за тем мы проехали мимо «кабака Теньковского», верстах в 30 от Казани. За ним опять оказалась мель, а другая встретилась в полумиле отсюда у «кабака Кетовского», через эти мели нам пришлось опять тащиться на якоре.

17 того же месяца мы застряли на весьма большой очень известной главной мели, получившей название Теньковской от вчерашнего старого «кабака». На перетаскивание корабля ушло несколько часов. Здесь река довольно широка и везде одинаково мелка. Вскоре за тем мы увидели с правой стороны высокий подмытый берег, большая часть которого, с месяц назад, обвалилась и убила людей, занимавших целую лодку; они хотели проехать под этим берегом к вишням, которых много растет в этой местности. Наш новый лоцман, ехавший из Астрахани, а нами перехваченный под Казанью и нанятый вновь для обратного пути, сказал нам, что много трупов этих мужчин и женщин повстречались ему плывущими по воде.

Вокруг этой местности, а больше уже нигде, мы видели очень много вязов; они росли очень высоко и красиво спускались до самого берега. В этот день мы на берегу, по правую сторону, нашли много льду, которым могли освежить наши напитки.

К вечеру мы подошли к большой реке Каме, [ее устье] находится в 60 верстах от Казани. Она течет с СВ, как говорят, беря начало в области Пермь, и впадает с левой стороны в Волгу. Это широкая река, почти такая же, как Везер в Германии, и вода в ней бурая. Находясь близ нее, Павел Флеминг написал следующий сонет, который можно найти в его «Книге сонетов» на стр. 582:

Царицы дикие пустынных
пермских вод,
Плывите, нимфы, к нам,
не замедляясь боле...
У волжских берегов ваш взор,
на дикой воле,
Голишиньи первенца и гордость
обретет:
Корабль наш здесь стоит.
По всей Руси идет
Лишь разговор о нем и нашей
славной доле.
Голишинцам удалось безвестное
дотоле,
Что в вечности скрижаль их имя
занесет.
Пусть бурых вод своих нам
Кам-отец нальет
Ковшами полными, чтоб сосен
наших ход
Замедлить не могли ни суши здесь,
ни мели,
А Волга впереди пусть нам готовит
путь,
Чтоб от опасностей могли мы
отдохнуть
И смерть и грабежи нам
угрожать не смели.

В устье, или конце реки, находились два возвышения; наибольшее из них называлось Соколом. Напротив, на суше, была красивая деревня Поганщина, и в трех верстах за ней другая — Каратаи. Затем в 10 верстах от Камы следовала Киреевская, у которой мы устроили привал на ночь.

18 того же месяца шли мы на парусах весьма свежо вперед, и к полудню с левой стороны снова встретили реку — Чертыг. Она начинается в немногих сушей верстах от Камы, в качестве особого рукава, и здесь в 30 верстах за Камой впадает в

TETVS

Тетюши

SORATOF.

Саратов

Черный Яр

Самара

Царицын

Космодемьянск

Волгу. Около полудня мы встретили город Тетюши, лежащий в 120 верстах от Казани, высоко на гори и по склону ее; он состоит из разбросанных домов и церквей, весь построен из дерева и, вместо стены, окружен частоколом. Начиная от этого места вплоть до конца Волги уже не видно ни одной деревни. После обеда мы подошли к острову Пролей-Каша, получившему свое имя потому, что здесь несколько слуг, как говорят, убили своего господина и засыпали его труп крупой.

За ним нам встретился воевода теркский, с 8 лодками. После трехлетнего управления областью он, по обычаю, был отозван в Москву; при нем находился сильный конвой. Лодка со стрельцами, шедшая впереди, подошла к нам для осмотра нашего корабля. Так как неизвестно было, что это за народ, и можно ли им доверять, то им крикнули, чтобы они не подходили слишком близко, иначе в них будут стрелять. Стрельцы рассказали, что около 3 000 казаков, распределившись по разным местам, подстерегают нас; иные из них на Волге, другие на Каспийском море. Кроме того, по их словам, недалеко отсюда на берегу показались 70 человек конных людей, без сомнения, разведчиков, задумавших напасть на нас; говорили еще иное тому подобное. Мы для салюта выстрелили из большого орудия и, поехав дальше, прибыли к реке Утке, в 26 верстах от Тетюш, текущей от города Булгара. В этот день мы прошли 77 верст. Ночью послы сделали проверку, как будет вести себя народ, если окажется необходимость и дело дойдет до сражения. Под утро устроена была ложная тревога. Часовой сначала, после

обычного окрика, выстрелил и закричал: «Казаки!» После этого забили в барабаны, поднят был шум, стреляли из мушкетов и пушек. Большинство людей наших отнеслись вполне серьезно к делу, заняли назначенные места и приготовились отразить нападение. Подобного рода ложная тревога устроена была и в Персии на обратном пути.

19 того же месяца я у острова Старицы, который длиной в 15 верст, определил высоту полюса в $54^{\circ}31'$. За этим островом направо берег суши весь был покрыт круглыми камнями, вроде лимонов и апельсинов с виду; они были тверды и тяжелы и точно железо на ощупь. Когда их разбили, то внутри оказалась как бы фигура звезды цветов серебряного, золотого, коричневого и желтого: они содержали в себе серу и селитру. Мы много этих камней взяли с собой, надеясь применить их в своих орудиях для каменных ядер.

После этого мы пришли к зеленому веселому месту, где в давние времена стоял татарский город, по имени Унеровская гора [Ундоры]. Здесь, говорят, похоронен знатный татарин, которого они считают святым, и к его могиле еще часто отправляются помолиться живущие вокруг татары. До этого места от Тетюш считается 66 верст. Когда мы прибыли к этому месту, то на высоком берегу среди деревьев заметили двух всадников. Мы поэтому поместили в марсе на мачте часового, чтобы обозрывать высокий берег, но уже более не видели ни этих людей, ни других каких-либо.

20 августа утром рано несколько рыбаков из Тетюш, ловивших рыбу в этих местах, пришли на судно и

доставили 65 штук больших и жирных лещей на продажу за 50 копеек или 1 рейхсталер. Один из этих рыбаков был столь добросовестен, что не захотел брать переданные ему по ошибке лишние 5 копеек, пока его несколько раз не попросили об этом. Способ рыбной ловли [у этих рыбаков] такого рода: они опускают в воду, на дно, длинную веревку с большим камнем и привязывают верхний конец ее к нескольким связанным вместе толстым деревяшкам, лежащим на воде; к деревяшкам прикрепляют удочки, нацепив на них довольно большие рыбы. Так ловятся большие белуги длиной в 4, 5 и 6 локтей; мясо их очень белое, сладкое и вкусное. Подобного рода рыбу на обратном нашем пути, в другом месте доставили на лодку посла Крузиуса на продажу за рубль или 2 талера. Этой рыбой мы не только сразу накормили всех, кто был на корабле, но остатками ее еще засолили целую бочку.

Русские, путешествующие ради дел своих по Волге от города к городу, обыкновенно тащат за собой на тонком канате удочку, к которой прикреплена железная, покрытая толстым слоем олова пластинка в форме рыбы, длиной с ладонь, а то и короче. Когда удочка эта тащится по воде, то, ввиду ширины своей, пластинка по временам поворачивается и бывает похожа на играющую рыбу; на такую удочку удается им за время поездки наловить больше, чем они могут съесть, так как Волга очень богата всякого рода рыбами. Таким образом русские, если только у них имеется при себе хлеб, находят по пути достаточно провизии для путешествия. Ввиду многих своих постных

дней, упомянутых выше, они привыкли питаться скорее рыбой, чем мясом, и пить воду.

Здесь мы оттолкнули от себя нашу баржу для провизии, взятую нами из Нижнего и теперь опороженную; чтобы она не послужила казакам, мы зажгли ее и пустили плыть. К полудню прибыли мы к острову Ботемскому, длиной в 3 версты; он лежит против мыса суши, называемого Поливным [Врагом]. Когда ветер сильно стал дуть нам навстречу, мы стали на якорь за мысом, у реки Ботмы, будто бы также являющейся рукавом великой реки Камы, и всю ночь оставались здесь.

21 того же месяца мы оставили по правую сторону от нас два веселых места, на которых будто бы раньше находилась города; наиболее дальний из них называется Симбирская гора. Говорят, их разрушил Тамерлан. 22 мы прошли через 3 сухих места или мели, из которых одна лежит впереди, а другие две позади горы Арбухим, стоящей по правую сторону реки. Эта гора получила свое название от города, находившегося здесь. Здесь с реки, между двумя холмами, виден на суше большой камень, длиной с 10 локтей, но несколько более низкий. На одной стороне его, как говорят, высечены слова:

Богъ стиска добро тва вдетъ

Когда однажды русский струг на этом месте, из-за противного ветра, должен был стать на якорь, 50 человек, полагая найти здесь большой клад, принялись за камень, с боль-

шим трудом подкопали его, перевернули, но ничего не нашли, кроме надписи, высеченной на нижней стороне камня:

Что ищѣ нецѣлѣс тѣхорѣ

Вокруг этой местности страна с правой стороны не очень высока и безлесна, но имеет хорошую, тучную почву. Она повсюду поросла толстой длинной травой, но трава эта ни на что не идет и область здесь не заселена. Там и сям видны были знаки и следы стоявших тут некогда городов и деревень, которые все были разрушены во время войн Тамерланом.

23 того же месяца мы у реки Атробы опять встретили сильный противный ветер и должны были бросить якорь. Здесь высота полюса составляла $53^{\circ}48'$. Пополудни, когда ветер поулегся, мы попробовали лавировать, но в течение пяти часов еле сделали полмили.

29 того же месяца противный ветер дважды пригонял нас к берегу, вследствие чего мы в этот день прошли немного. В течение этих дней, как и во все время путешествия, мели и ветер сильно мешали нашему путешествию. Хотя иногда мы и имели попутный ветер, но часто усаживались на мели; а когда попадали на глубокий и удобный фарватер, то ветер дул нам сильно навстречу, в какие бы мы извилины ни входили и из каких бы ни выходили. Ближайшие 4 дня ветер всегда поднимался рано около 9 часов и вновь ложился после полудня около 5 часов, так что мы лучшую часть дня или оставались на месте, или же должны были проводить в трудах и хлопотах. Вследствие

этого вновь мы упали духом и стали сильно досадовать, особенно когда мы принимали в расчет предстоящий нам впереди долгий путь и остающееся короткое летнее время. Люди свиты были измучены и обозлены постоянной работой. Те же, кто ночью стояли вместе с солдатами на страже (стражу постоянно составляли 20 человек), должны были днем вместе с русскими братья за весла и за шпиль, причем пищу их составляли, большей частью, черствый хлеб, вяленая рыба и вода; кроме того, много неприятностей и тягот испытывали они еще со стороны посла Бригмана [Брюгемана], о чем, впрочем, много говорить не стоит. Таким образом, заботы, работа и досада были ежедневным нашим угощением за завтраком и ужином.

26 мы пришли к Соляной горе, где у русских устроены солеварни для соли, добываемой из соседних копей; здесь же сушится и та соль, которая уже выпарена солнцем, и много ластов соли отсюда увозится вверх по Волге к Москве.

Здесь же лежит остров Костоватый, у которого Волга, ввиду низких с обеих сторон берегов, весьма широко разливается. Вскоре за тем справа имеется гора, а под нею река или вернее изливающийся из Волги рукав, который затем, в 60 верстах за Самарой, вновь вливается в Волгу; название этого протока — Уса. Ради густого темного леса, красиво покрывающего берега с обеих сторон, местность здесь приятна на вид, но в то же время она очень опасна для путешественников, ввиду удобств, какие она представляет для разбоя, особенно ввиду высоких стоящих здесь гор, откуда приближающихся людей мож-

но видеть издали и приготовиться к грабежу. Говорят, что обыкновенно казаки находятся около этой реки. Они и в прошлом году захватили здесь принадлежавшую богатейшему купцу в Нижнем лодку с товарами. Перед протоком глубина составляла 60 фут. Вскоре за тем следовала Девичья гора, у которой речка, при той же почти глубине, проходит очень узкое место. Гора лежит по правую руку, она очень высока, крута у берега и очень приятна на вид. Она представляет ряд ступеней, вроде как бы скамеек, одну над другою, из красного, желтого и синего песчаника; они похожи точно на старые стены. На ступенях стояли как бы в строгом порядке рассаженные ели. Что русские рассказывали про эту гору, видно из следующего сонета П[авла] Фл[еминга]:

*Скажите, русские, так весть в устах
народа*

*Про гору— истинна? Так правда то,
что тут*

*Премудрый Карла жил, как нам
передают,*

И дева здесь была, из исполинов рода?

*И гору дивную хранит с тех пор
природа*

И Девичью все поднесь ее зовут?

*Что случилось с девою? Вестей нам
не дадут*

О судьбах дочери одриаского народа?

С забвеньем время все с собою унесло,

Добро минувшего погибло, как и зло!

*Мне страшен вид горы: столь дико
и столь властно,*

*Я вижу, вверх она стремится
к облакам,*

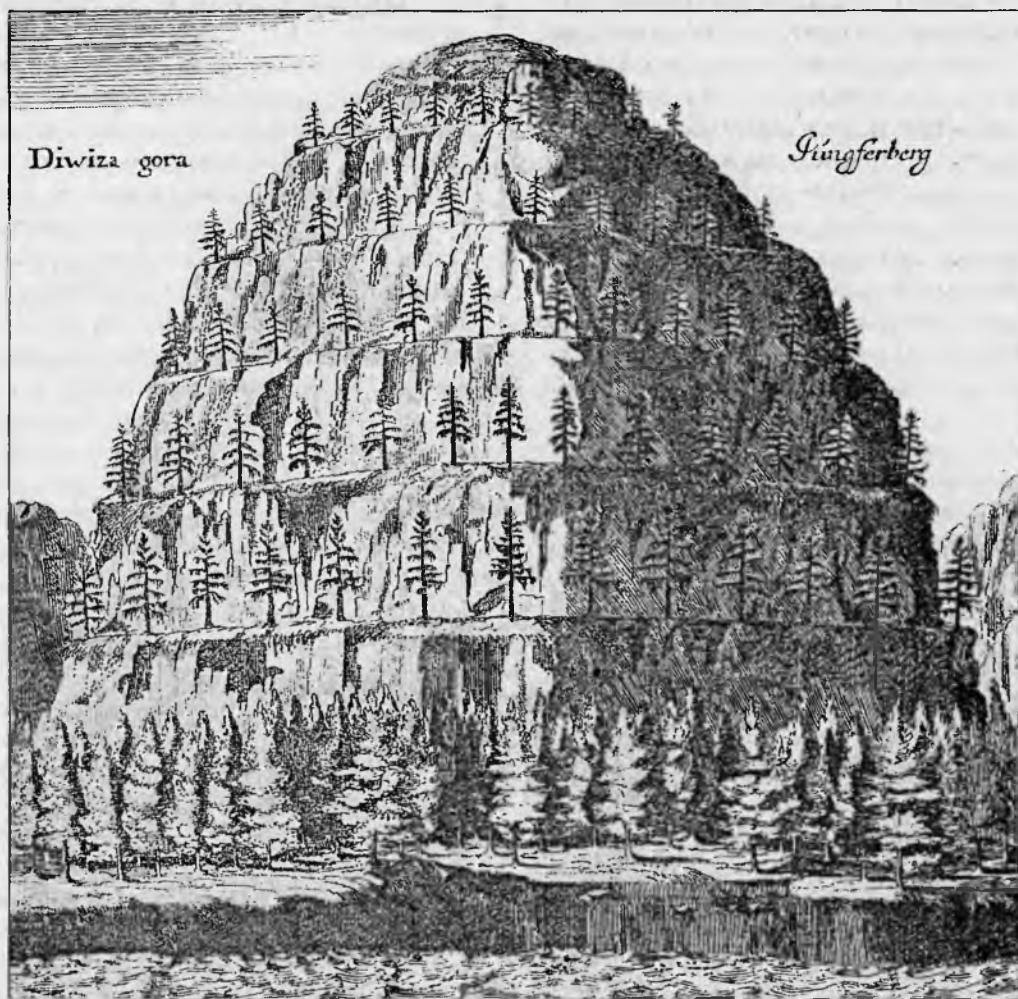
*Как варвар дерзостный противится
богам,*

*С Олимпа на него взирающим
бесстрастно.*

Там, где эта гора кончается, начинаются новые горы, которые на несколько миль провожают реку. Долина между ними называется «Яблочный квас», так как так много падает на землю дико растущих яблок, из которых готовят напиток.

Здесь опять догнал нас гонец, посланный из Москвы нашим фактором. Он привез нам из Нижнего письма, сообщавшие, что у нас среди русских рабочих и гребцов на судне имеются четыре настоящих казака. Далее сообщалось, что от двух до трех сотен казаков, наверное, собрались где-то и подстерегают нас. Хотя мы и раньше были очень бдительны, но тут стали еще бдительнее.

Когда мы в этот день вечером в сумерки увидели на берегу по правую сторону два зажженных больших огня, мы предположили, что это казаки, и послали поэтому тотчас на лодки нашего пристава нескольких солдат для разведок. Когда наша лодка, находившаяся невдалеке от берега, тремя выстрелами подала лозунг, то бывшие на берегу отвечали также тремя выстрелами и рассказали, что они стрельцы, посланные для конвоирования персидского каравана. Наши высланные вперед солдаты несколько замешкались с получением известия с берегу, а послу Брюг[ге]ману это показалось подозрительным. Когда на пистолетный выстрел, данный с корабля, и на окрик Брюг[ге]мана наши ответили, но ветер не дал возможности разобрать их слова, то посол хотел, чтобы в русских выстрелили из большой пушки. На это, однако, посол Крузиус не дал согласия, так как нам не подобало биться иначе, как лишь при обороне.

Diwiza gora

Jungferberg

Девичья гора

26 того же месяца ночью два человека в небольшой лодке совершенно тихо проехали вниз по реке мимо нашего корабля; когда часовой их увидел, они должны были пристать к кораблю и взобраться на палубу. Здесь они заявили, что они рыбаки, и что у них в обычае, не задумываясь, близко проезжать днем и ночью мимо судов их братьев русских. Так как, однако, нам

сообщили, что в подобном роде подплывают разбойники, отрубающие якорные канаты, и к тому же эти люди, когда их стали по одиночке расспрашивать, показывали несогласно (один говорил, что на острове у Саратова нас поджидают 600 казаков, а другой отрицал это), то их и продержали всю ночь на корабле под арестом, а на следующее утро с нашим приставом их

послали вперед в Самару, лежавшую близко от нас.

27 того же месяца мы с левой стороны, недалеко от берега, увидели голый песчаный холм, лежащий в плоской равнине. Называли его Царев курган. Нам рассказали, что в нем похоронен татарский государь, по имени Момаон [Мамай?], который с 7 царями из Татарии собирался пойти вверх по Волге к опустошить всю Россию, но помер в этом месте и погребен здесь. Рассказывают, что солдаты его, которых было бесчисленное количество, шлемами и щитами собрали столько земли для погребения, что возникла эта гора. Это известие П[авел] Ф[леминг] изложил в следующих строках с прекрасных заключительным изречением:

*Песчаный холм, едва дающий
тощим травам,
Чем корни укрепить, блестящую
главою
Своей возносится один в степи
пустой.*

*Момаон — в нем лежит.
Когда семи державам
Законы он давал, стремился
пылким нравом*

*Рутению себе он покорить войной...
Теперь безмолвно здесь стоит
курган степной,*

*А хан забыт. Конец
воинственным забавам!*

*О суета сует! Так вот каков удел
Столь многих тысяч! Он зачем же
так хотел*

*Все покорить себе, так всех пожрать
стремился!*

*Орда кишела здесь. Теперь тут все
молчит.*

Не то же ль вообще история гласит:

*Забвенье ждет нас всех, как кто бы
ни кичился!*

Через милю после этой горы на той же стороне, а именно по левую руку, начинается гора Соковская, которая тянется на 15 верст до Самары; она высока, скалиста и одета в густой лес. Посередине горы, приблизительно в 8 верст от города, широкая белая скала образует большое голое место; перед ним по середине Волги мелкий скалистый грунт, которого русские опасаются. Когда мы к полудню приблизились к этому месту, ветер сильно подул нам навстречу, так что нам пришлось бросить якорь и до вечера оставаться на месте. Тем временем две краснопестрые змеи приползли на наш якорь, свисавший до самой воды, обвилились вокруг него и поднялись по нему на корабль. Когда наши русские гребцы увидели их, они обрадовались и сказали, что змей беспрепятственно следует пустить наверх, охранять и кормить, так как это не злые и вредные, но доброкачественные змеи, принесшие весть, что св. Николай доставит попутный ветер и на некоторое время освободит их, гребцов, от гребли и работы.

LXXIII

(Книга IV, глава 8)

Путешествие от Самары до [Царицына]

28 августа заблаговременно внове собрались мы в путь и до восхода солнца дошла до города Самары, который считается в 350 в. от Каза-

ни. Этот город лежит по левую руку, в 2 верстах от берега, построен в виде четырехугольника, имеет небольшое количество каменных церквей и монастырей и получил название от реки Самары, которая в 3 верстах под городом дает рукав (его они называют — Сын-Самары) в Волгу, но главным течением своим вливается в нее лишь 30 верстами ниже.

У нас, правда, было желание остановиться перед городом и узнать, каковы были дальнейшие показания обоих арестантов, посланных вперед с нашим приставом, но так как ветер стал превосходно-попутным, мы подняли паруса и поехали дальше. Мы и за этот день прошли хорошее расстояние, более чем когда-либо раннее, а к вечеру перед Казацкой горой, которая считается в 115 верстах от Самары, стали на якорь. Таким образом, предсказание русских относительно хорошей погоды начало сбываться.

За Самарой вправо опять начинают горы, однако — не той высоты, как раньше. Первая гора тянется на 30 верст до реки Самары, против которой справа также впадает [в Волгу] другая река Аскула. Волга здесь имеет в ширину 3 версты. Далее следует гора Печерская, пр.; она скалиста, покрыта отдельными лесками и простирается вниз по реке на 40 в. В ста верстах от Самары к западу посреди реки лежит остров Батрак, длиной в 3 версты, а в 10 верстах от него другой остров Лопатин, длиной в 5 верст. Здесь с правой стороны впадает река Сызрань. За ней мы проехали мимо нескольких небольших островов, лежащих посреди реки, и поздно вечером прибыли к Казацкой горе, у которой остановились.

Казацкая гора гола, безо всякого леса и длиной в 60 верст. Название свое она получила от донских казаков, которые раньше жили здесь в большом количестве, нападая на мимо идущие суда и грабя их. После того, как однажды посланные из города Самары стрельцы напали на них и несколько сот из них перебили, они здесь уже больше не показывались так часто. При проезде мимо горы о них сочинен был следующий сонет:

*О холм, злодействами далёко
прогремевший,
Венец твой Фебом так безжалостно
спален,
Что и дриаде здесь приют
не сохранен,
И дичь и человек исчезли
с опустившей
Главы твоей, — давно ль злодеями
кишевшей,
Которых к Волге шлет сосед опасный
Дон?
Теперь спокойно здесь. Наш
безмятежен сон,
И не боимся мы злой шайки, здесь
сидевшей...
Погибнет прошлое, и новая взойдет
Здесь жизнь, колосьями края холма
зальет,
И город с башнями возникнет
в этой дали!
Посмеет ли тогда казак сюда
пристать?
Не век же с Волги дань грабителям
сбирать!
Что правы в этом мы, нам небеса
вещали!*

И эта гора, подобно следовавшим за ней, временами отходит в сторону сути, а через несколько миль опять подступает к берегу.

29 того же месяца мы у конца Казацкой горы проехали мимо реки Паньщины и, совершив в течение дня 45 в., стали якорем перед островом Сагеринским, где на судно пришли несколько рыбаков, сообщивших, что недалеко на берегу показались 40 казаков. Здесь наши бочки с пивом опустели, и нашим людям пришлось начать пить воду, смешанную с небольшим количеством уксусу.

30 августа рано утром мы пришли к реке Чагре, которая вытекает за предыдущим островом, со стороны штирборта. В 40 в. за ним мы дошли до острова Соснового, на котором, по словам принятого на судно перед Самарой рыбака, будто бы стояли и ожидали нас несколько сот казаков. Мы в полном вооружении прошли остров, но никого не заметили. К полудню мы наткнулись на гору Тихий, образующую вправо большую излучину; издали кажется, будто эта гора совершенно замыкает Волгу. Близ нее повсюду вода мелкая, и находится здесь одна из главнейших мелей, которую они зовут Овечьим бродом. В этом месте, как говорят, казаки верхами и пешие переходят через Волгу. Здесь же находится много небольших островов, покрытых лесом и удобных для разбойников.

Мы встретили двух рыбаков, которые нам сказали, что 8 дней тому назад казаки отняли у них большую лодку и говорили им о приходе через немного дней большого иноземного судна с немцами. К вечеру мы вновь призвали на судно двух рыбаков: старого и молодого, и спросили их о казаках. Старик сначала говорил, что ничего о них не знает, когда,

однако, молодой оказался более разговорчивым и заявил, что напротив в лесу имеются 40 человек казаков, то и старый подтвердил это и сказал: «У них 6 лодок, которые они вытащили на берег в кусты, но обо всем этом нельзя рассказывать, так как иначе рискуешь жизнью». Он просил также, чтобы мы взяли их, как бы пленников, с собой и в другом месте ночью высадили на берег; так и было сделано. Мы доверяли этим рыбакам не более, чем казакам, удвоили ночью стражу и рано утром в сумерки отпустили рыбаков. В этот день мы сделали 60 верст.

В последнее число августа мы опять имели очень попутный ветер, так что к вечеру прошли 120 верст. Мы, прежде всего, пришли к острову Осиновому, лежащему в 100 верстах от следующего города Саратова. Против него мы попали на песчаную мель, которая трется от берега с правой стороны; здесь судно несколько раз касалось дна, но мы все-таки не засели и не имели замедления. В 20 верстах от мели был другой остров Шисмамаго[?], а затем Колтов, в 50 верстах от Саратова. Здесь мы определили глубину воды в 16, 20, 30 и 40 фут. Между этими двумя островами мы встретили две русских баржи, принадлежавшие патриарху московскому, а также насадку с соленой осетровой икрой, принадлежавшую великому князю. На каждом из этих судов было 400 человек рабочих. Когда они подошли к нам, они дали салют из ружей, а мы отвечали выстрелом из пушки. За Колтовым у берега стояли опять 4 баржи, нагруженные солью и соленой рыбой, принадлежавшей выдающемуся купцу в Москве Григорию Никитову [Никитичу];

все они шли из Астрахани. С них сообщили, что недалеко от Астрахани баржам на разных лодках повстречались 250 казаков, которые, однако, от них ничего не потребовали. Недалеко от упомянутого острова, направо, на берегу, лежит очень высокая гора, длиной в 40 верст. Гора эта называется Змеевой, потому что в многих изгибах она то отходит в сторону, то опять направляется к берегу. Некоторые баснословят, что гора получила название от змея сверхъестественной величины, жившего здесь долгое время, нанесшего много вреда и наконец изрубленного храбрым героем в три куска, которые затем превратились тотчас же в камни. Говорят, что действительно на горе можно видеть три больших длинных камня, лежащих близко друг к другу, точно они были отбиты от одного куска. Почти в конце горы и вплоть до города Саратова находятся много островов, лежащих рядом друга с другом и один позади другого; русские зовут их Сорок островов.

1 сентября мы встретили весьма рано 3 больших струга в 300 ластов; они шли на 12 футов в глубину и тащили за собой несколько мелких лодок, при помощи которых облегчаются суда перед мелями. Самый большой из стругов принадлежал богатому монастырю Троицкому, находящемуся в 12 милях от Москвы. Как и с предыдущими судами, мы обменялись с ними салютами. До полудня около 9 часов мы проехали мимо города Саратова. Этот город лежит в 4 верстах от главной реки в ровном поле, на рукаве, который Волга кидает от себя по левую руку. Здесь живут одни лишь стрельцы, находящиеся под управлением вос-

воды и полковника и обязанные защищать страну от татар, которые именуется у них калмыками: они живут отсюда вплоть до Каспийского моря и реки Яика и довольно часто предпринимают набеги вверх по Волге.

Город Саратов лежит под полярной высотой в $52^{\circ}12'$ и до него от Самары считается 360 верст. В этот день мы прошли с попутным ветром мимо двух островов, лежащих недалеко один от другого (они звали их Криушой и Сапуновкой), и вскоре прибыли к Ахматовской горе, конец которой приходится у острова того же названия; последний считается в 50 верстах от Саратова. Гора эта красива с виду, ради зелени, покрывающей ее верхушку, крутого склона из пестрой почвы посередине, и длинного зеленого пригорка, замыкающего ее внизу в виде искусственного придатка. Здесь мы вновь встретили большой струг, выславший на лодке к нам несколько человек, известивших нас, что по эту сторону Астрахани они встретили 70 казаков, которые, однако, ехали тихо вперед и ничего им не сказали. 4 дня перед тем, однако, всего 10 казаков напали на них и отобрали у них несколько сот рублей. Казаки, правда, не пришли к ним на судно, где они вполне были в состоянии отразить разбойников, но отняли у них вышедшие вперед лодки с якорями, без которых им нельзя было обойтись, и продержали эти лодки, пока деньги не были уплачены.

Когда по заходе солнца мы стали на якорь, то увидели по левую сторону у берега 10 казаков, которые спешили вверх по реке и в лодке переправлялись на другой берег. По-

сол Брюг[ге]ман тотчас велел 8 мушкетерам, частью из солдат, частью из людей свиты, на лодке поспешить за ними и доставить их на судно. Казаки, однако, вытащили лодку на берег и спрятались в лесу, вследствие чего наши, ничего не добившись, темной ночью вернулись на судно. Наш маршал по этому поводу имел горячий спор с послем Брюг[ге]маном, которому говорил, что очень неудобно и опасно высылать людей ночью на подобные предприятия, в которых им нельзя оказать поддержки. Брюггеман отвечал резкими словами.

2 сентября мы пришли к острову Ахматовскому, и в 20 верстах от него к другому — Золотому, который длинной в 3 версты. Потом пришли мы к Золотой горе, получившей, как говорят, свое название оттого, что некогда, как нам рассказывали, татары здесь напали на богатую «станицу», или флотилию, одолели ее и ограбили, после чего разбойники деньги и золотые вещи делили шляпами. Эта гора в 70 верстах от Саратова. Сейчас же за концом ее начинается белая Меловая гора, которая тянется по берегу вниз по реке на 40 в. и на поверхности своей так ровна, точно она по шнуру сглажена. К реке она круто спускается, а у подножья близ воды украшена красиво растущими деревьями. За ней следует еще иная, которую мы назвали Столбовой горой; она также была очень приятна на вид: со стороны обрывистого края здесь много выдающихся наружу кусков, которые, в качестве каменных жил, остались не размытыми после смывания рыхлого песка; они были похожи на столбы синей, красной и желтой окраски и

были перемешаны с зелеными кусками.

3 сентября мы с левой стороны увидели реку [Е]руслан, а направо напротив круглую гору Ураков [бугор], которую считают в расстоянии 150 в. от Саратова. Эта гора, как говорят, получила свое название от татарского государя Урака, который здесь бился с казаками, остался на поле битвы и лежит погребенный здесь. Дальше с правой стороны находится гора и река Камышинка. Эта река вытекает из реки Иловли, которая в свою очередь впадает в большую реку Дон, текущую в сторону Понта и представляющую пограничную реку между Азией и Европой. По этой реке, как говорят, донские казаки со своими мелкими лодками направляются к Волге. Поэтому это место и считается крайне опасным в отношении разбойников. Здесь мы на высоком берегу направо увидели много водруженных деревянных крестов. Много лет тому назад русский полк бился здесь с казаками, которые хотели укрепить это место и закрыть свободный проход по Волге. В этой стычке, как говорят, пали с обеих сторон 1000 человек, и русские были здесь погребены.

Когда мы прошли мимо этого места, то заметили весь персидский и татарский караван, состоявший из 16 больших и 6 малых лодок, шедших рядом и гуськом. Когда мы заметили, что они, ожидая нас, опустили весла и лишь неслись по реке, то мы подняли все паруса и одновременно старательнее взялись и за весла, чтобы догнать их. Когда мы близко к ним подъехали, мы велели трем нашим трубачам весело заиграть и

дали салют из 4 пушек. Караван отвечал мушкетными выстрелами из всех лодок. После этого выстрелили и наши мушкетеры, и с обеих сторон пошло большое ликование.

Во главе этого каравана, собравшегося окончательно перед Самарой, были, кроме вышеозначенного шахского персидского купчины и татарского князя Мусала, русский посланник Алексей Савинович Романчуков, отправленный от его царского величества к шаху персидскому, татарский посол из Крыма, купец персидского государственного канцлера и еще два других купца из персидской провинции Гилян.

После салютных выстрелов, татарский князь послал лодку со стрельцами — в караване их для конвоя имелось 400 — к нашему судну, велел приветствовать послов и спросить о их здоровье. Когда они прибыли к кораблю, то они сначала остановились и дали салют, затем капитан их взошел на судно и исполнил свое поручение. Едва они лишь отъехали опять, как паши послали велели фон Ухтерицу, Фоме Мельвиллю и Гансу Арпенбэку, русскому переводчику, отправиться, в сопровождении нескольких солдат, приветствовать татарского князя. Я же с фон Мандельсло, персидским толмачом и некоторыми из свиты послан был на двух лодках к шахскому купчине.

По дороге мы встретили нескольких персов, которые были направлены купчиной к нашим послам. Когда мы подошли к персидскому судну и слева хотели пристать в нему, поспешно выбежали несколько слуг и начали усердно махать нам, чтобы мы не отсюда, а с другой стороны лод-

ки взошли на борт: на левой стороне находилось помещение жены их господина, которую никто не должен был видеть. Когда мы теперь с правой стороны вступили на судно, то тут уже стояли многочисленные слуги, которые взяли нас под руки, помогли вступить на лодку и провели нас к купчине. Этого последнего мы застали на диване, вышиной с локоть и покрытом красивым ковром. Он сидел на мохнатом белом турецком одеяле, ноги, по их обычаю, у него были подогнуты, а спина опиралась о красную атласную подушку. Он любезно принял нас, ударив рукой в грудь и нагнув голову: подобная церемония у них обычна при приеме гостей. Он попросил нас усесться к нему на ковер. Так как мы не привыкли к подобному способу сидения, то нам было тяжело и мы еле справились с этой задачей. Он с любезным выражением лица выслушал наши просьбы и ответ свой выразил во многих вежливых и почтительных словах, насчет которых персы — народ очень умелый и очень любезный. Между прочим, он так сердечно обрадовался по поводу нашего прибытия, что — по его словам — вид корабля причинил ему такое удовольствие, как будто бы он увидел Персию или в ней свой дом, куда он так давно стремится. Он жаловался на нелюбезный обычай русской нации, испытанный нами и состоявший в том, что нас держали взаперти и не позволяли посещать друг друга. По прибытии в Персию, по его словам, мы будем иметь там больше свободы, чем сами даже туземные жители; он надеялся, что по прибытии нашем к его царю, шаху Сефи, он, купчина, ввиду завязавшегося на

пути между нами знакомства, будет назначен нашим мехемандаром, или проводником. Он обещал, что в этом случае он выкажет нам полную дружбу. Он говорил также, что, если у него есть что-либо в настоящее время на судне, чем бы он мог услужить нам, то он ни в чем не отказал бы нам, и т. д. в этом роде.

Из позолоченных чар он угощал нас крепкой русской водкой, изюмом, персидскими орехами или фисташками, частью сушеными, частью солеными. Когда в это время на нашем корабле стали провозглашать тосты в присутствии персидских посланцев купчины, и стали трубить в трубы и стрелять из пушек и мушкетов, то и он начал пить за здоровье наших посланцев. Когда мы попрощались с ним, он по секрету сообщил нам, что, по достоверным, имеющимся у него сведениям, королем польским отправлен был посол в шаху Сефи, ездивший через Константинополь (или Стамбул, по их выражению), а ныне возвращающийся обратно и находящийся в Астрахани. Этому послу приказано идти в Москву к великому князю, но воевода не желает разрешить ему поездку вверх по реке до получения об этом приказа из Москвы. [Купчина предлагал] послам подумать, чего этот посол желает. Другие лица из находившихся в караване также отправили посланцев на наше судно, приветствовали нас и просили остаться в их обществе. Они обещались охотно дожидаться в тех случаях, если бы мы сели на мель, и помогать везде, где бы это ни понадобилось. Таким образом мы, после нового салюта на всех кораблях и лодках, отплыли совместно.

К вечеру с быстро наставшей бурей поднялись гроза и ливень, причем были два сильных громовых удара; однако вслед за тем вновь настала тихая погода. Это обстоятельство изображено было нашим Флемингом в особом сонете...

4 сентября, ввиду воскресного дня, когда наш пастор захотел начать проповедовать, пришли вновь несколько татар от черкасского князя Мусала. Они посетили послов, чтобы сообщить им, что князь теперь несколько недомогает, но как только он поправится, он лично посетит господ [послов]. Наиболее знатный из татар, говоривший от лица всех, был длинный желтый человек с совершенно черными волосами и большой длинной бородой. Он был одет в черную овчинную шубу, мехом наружу, и был похож на то, как малюют черта. Другие, одетые в черные и коричневые суконные кафтаны, были многим приятнее на вид. После того как их угостили несколькими чарками водки, они, при салютных выстрелах своих стрельцов, вновь отбыли.

К полудню мы пришли к реке Болыклее, отстоящей на 90 верст от вчерашней Камышинки и на 90 верст от следующего города Царицына. Пройдя еще 16 верст, мы миновали очень высокую песчаную гору Стрельну(ю), и в конце ее, в 60 верстах по эту сторону от Царицына, имели наш ночлег.

5 того же месяца, едва лишь собравшись в путь, мы наткнулись на сушь, на которой было всего только 5 1/2 фут. воды; поэтому пришлось тащить корабль в сторону, и он, наконец, с большим сотрясением перетащился. Тем временем караван ушел вперед до г. Царицына, где он

должен был получить свежих стрельцов для конвоя. К полудню он прибыл на место, откуда едва полперехода дневного до великого и известного Танаиса или Дона, который на протяжении 7 миль течет рядом с Волгой к востоку. Еще немного ниже пришли мы к Ахтубскому устью, где Волга получает первое ответвление и с левого берега откидывает рукав в сторону суши; этот рукав течет сначала одну версту против реки к ВСВ, а затем направляется к ЮВ и впадает в Каспийское море. Здесь высота полюса равнялась 48°51'.

В 5 верстах далее вглубь страны и в 7 верстах от Царицына еще в настоящее время, нам говорят, сохранились развалины города, который жестокий изверг Тамерлан построил из обожженных камней, воздвигнув в нем и большой увеселительный дворец; называется он Царевым городом. После того как город этот был опустошен, русские увезли наибольшее количество камней в Астрахань и построили из них большую часть городских стен, церквей, монастырей и других зданий. Еще в наше время несколько лодок, нагруженных камнем, шли отсюда и направлялись в Астрахань.

Близ этой местности рыбаки при помощи удочки рядом с нашим кораблем поймал белугу; длиной почти в 4 локтя, а обхватом в 1 1/2 локтя; фигурой она почти похожа на осетра, только блее его и с большим ртом. Ее били, точно быка, большим молотом по голове, [чтоб убить]; она была продана за талер.

6 сентября мы вновь встретили караван под Царицыном. Ехавшие с ним разбили на берегу свои палатки и ждали нового конвоя. Так как ве-

тер был попутный, то мы проехали мимо них. Город Царицын считается в 350 верстах от Саратова; он лежит на правом берегу на холме; он невелик и имеет форму параллелограмма с 6 деревянными укреплениями и башнями. Живут в нем одни лишь стрельцы, которых здесь было 400; они должны были бдительно следить за татарами и казаками и служить конвоем для мимо едущих барж. Высота полюса здесь 48°23' [исправлено в конце книги: 49°42'].

LXXIV

(Книга IV, глава 9)

От Царицына до Астрахани

Отсюда вплоть до Астрахани и за нею до Каспийского моря местность пустынная, песчаная и непригодная для хлебопашества. Поэтому эти города, в том числе и Астрахань, должны выписывать свой хлеб с привозом вниз по Волге — в большинстве случаев из Казани. Несмотря на это обстоятельство, хлеб, привозимый вниз по реке, ввиду большого количества, в котором он доставляется, здесь гораздо дешевле, чем в самой Москве. Подобное явление часто происходит и в Голландии.

Сейчас же ниже Царицына лежит, с правой стороны, остров Сарпинский, длиной в 12 верст. На нем стрельцы пасут своих коров и иной скот. Незадолго до нашего прибытия казаки, заметив, что жены и дочери стрельцов ежедневно, часто без стражи, переправлялись на остров доить коров, подстерегли их, схватили, натешились над ними и в остальном

невредимыми отправили их обратно к стрельцам домой.

За этим островом из реки Дона впадает в Волгу небольшая речка, по которой могут ходить только челноки и самые легкие лодки; об этом рассказывал не только наш лоцман, но говорили и некоторые из наших рабочих, раньше бегавшие с казаками и плившие по этой речке. На обычных ландкартах эта речка никем не обозначена, за исключением лишь Исаака Массы; она именуется у него Камоус.

В этот день, как и в некоторые следующие, все время была здесь сильная жара, точно у нас в каникулярное время. Здесь, как рассказывали русские, ежегодно в это время такая жаркая погода.

17 сентября было так пасмурно и такая непогода, что трудно было подвинуться вперед. После того как мы протащились 10 верст, мы с правой стороны на высокой красной песчаной горе увидели виселицу; это была первая из тех, какие мы видели в этих областях. На них воеводы ближайшего города обыкновенно вешают разбойничающих казаков. Говорят, впрочем, что никто не остается висеть долее 8 дней, как его уже успевают скрасть с виселицы его собратья.

Посол Брюг[ге]ман здесь вызвал к себе людей свиты и сказал, что он некоторых из них подозревает в тайном заговоре против него. [Он жаловался,] что, в случае необходимости, ему нельзя будет положиться на них, а между тем он ожидал не этого, но совершенно иного от них, да и заслужил, ввиду трудной должности своей и ежедневно испытываемой заботы о них, совершенно иное от-

ношение. Поэтому он потребовал от музыкантского, драбантского и лакейского столов присяги в верности в виде личной клятвы. Все они, хотя и утверждали, что высказанное им обвинение вовсе их не касается и что они и так, по долгу службы своей, достаточно почитают себя обязанными хранить верность, тем не менее охотно дали присягу, попросив лишь, чтобы посол отныне не нападал, как это бывало до сих пор, на всякого без различия и зачастую безо всякой причины, со словами, затрагивающими честь и унижающими; «что их касается, то они готовы, лишь бы хорошо с ними обращались, не только верно и с любовью служить ему, но, по любви к нему, в случае нужды, даже положить свою жизнь за него». Людям, правда, было обещано, что просьба эта будет исполнена, но...

В этот день мы встретили большую баржу; некоторые из бывших на ней на небольшой лодке подъехали к нашему кораблю и, явившись на судно, сообщили, что три недели тому назад они выехали из Астрахани, что по дороге на них напали казаки и отняли всю провизию, так что они 4 дня ничего не ели. Они просили дать им немного хлеба, чтобы утолить голод, пока они не встретят где-либо своих собратий или доедут до города. Мы дали им мешок сухарей, или черствых кусков хлеба, за что они все ударили головами оземь и сильно благодарили нас.

В 40 верстах за Царицыном направо тянется длинная ровная гора, а против нее расположен такой же остров; и остров и гора именуются Насоновскими. Между горой и островом расположен узкий искривлен-

ный глубокий проход; здесь несколько лет тому назад, как говорят, казаки обманули и перебили несколько сот стрельцов, искавших и преследовавших их.

К вечеру рыбак принес на судно неизвестную нам рыбу, которую они называют чиберика. Она длиной более 2 1/2 локтя, имеет широкий длинный нос, вроде утиног клюва, на спине и на обоих боках у нее черные и белые пятна, вроде как у польской пестрой собаки, но только расположенные в большом порядке. Брюхо этой рыбы совершенно белое. Вкус сладок и приятен, как вкус лосося. Рыбаки доставили нам и род осетра, именуемый стерлядями; они длиной менее локтя, не бывают больше, и очень вкусны. Волга доставляет их повсюду в большом количестве, и они продаются за дешевую цену.

8 того же месяца караван нас вновь догнал у мыса суши вправо от нас, называвшегося Поповицкою Юркою на том основании, что раньше некий русский попович, бывший полковником и атаманом казацким, в этом месте обыкновенно собирал свой отряд. Это место находится в 70 в. от предыдущего города. От этого места на протяжении 40 верст книзу до горы Каменный Яр, находятся несколько островов и мелей, на которых то мы, то персы отчасти застревали. В 20 верстах далее находится высокий остров Вязовый, длиной в 4 версты; за ним течет река того же имени. Когда мы прошли еще 30 верст, ветер загнал нас в залив направо, куда впадает река «Володимирское устье». Так как ветер был очень благоприятен для дальнейшей поездки, то мы не захотели долго

мешкать здесь, все принялись за дело и при помощи двух якорей вскоре вытащили судно из этого места. После этого мы на всех парусах проехали мимо местности Ступина, от которой 30 верст до следующего затем города Черного Яра. В 12 верстах по эту сторону Черного Яра снова от Волги влево отделяется река «Ахтубы нижнее устье» и соединяется с вышеупомянутым «Ахтубским [устьем]». За этой рекой мы вместе с караваном стали на якорю у острова Осинового [Сенного?] в 7 верстах от города, пройдя в этот день 135 верст или 27 миль.

Вокруг этой местности почтя вплоть до Астрахани по обе стороны реки в кустарники весьма часто растет *Glycerrhiza* или солодковый корень, достигая большой толщины. Здесь стебель его поднимается с половину роста человеческого, а семя его свисает в длинных стручках, как у черной вики. Мы находили его и в Мидии на всех полях и особенно у реки Аракса, где корень достигает толщины руки; он дает такой же нужный сок, как и у нас.

9 сентября к полудню мы сильной бурей были пригнаны под городок Черный Яр, где опустили якорь. Этот городок, в [2]00 верстах от Царицына, был 9 лет тому назад, по приказанию великого князя, построен полумилей ниже. Однако, так как перед ним высокий берег обвалился и несколько отклонил реку от города, то 2 месяца тому назад его перенесли сюда. Он лежит по правую сторону на высоком берегу, имеет 8 башен и окружен толстой бревенчатой оградой. Ввиду многих бродящих здесь кругом татар и казаков город занят исключительно

но стрельцами. Против каждого из углов города на расстоянии 1/4 мили на 4 высоких столбах построены караулки, откуда стрельцы, как со сторожевых вышек, могут далеко и широко обзирать всю местность, тем более что она ровна и безвестна. Вызвали постройку этого города великие убийства и грабежи, в то время совершенные здесь казаками. Как говорят, 400 казаков хитростью напали на русский караван из 1500 человек и перебили более половины их. Воспользовались они такого рода уловкой. Когда они заметили, что лодки не все находились друг возле друга, но некоторые из них, а прежде всего их стража, ушли вперед на выстрел из ружья, то казаки, спрятавшись здесь, где река течет сильнее всего, у высокого берега, пропустили передние лодки со стрельцами, затем напали на остальные и перебили бывших в них. Хотя стрельцы и оправались и поспешили обратно, но сильное течение так задержало их лодки, что большая часть убийств и грабежа уже успела произойти, казаки выбрались на сушу и ускакали на своих лошадях. Здесь, кроме как на берегу, особенно с правой стороны, уже не видишь деревьев, но лишь сухую сожженную почву и степные растения.

Когда мы 10 сентября едва миновали город, ветер так сильно подул нам навстречу, что мы в течение всего дня, как ни старались, не могли сделать более 10 верст. К вечеру несколько рыбаков доставили нам на судно очень большого жирного карпа в 30 фунтов весом и 8 больших судаков, каких мы не видали еще за все время нашего путешествия. Они не хотели при этом брать денег, говоря, что известные

торговцы в Москве, арендующие эту часть Волги, послали их сюда для рыболовства и что, если узнают про продажу ими хотя бы малейшей рыбы, то им жестоко придется поплатиться за это. Они хлопотали, [по-видимому], о водке и, получив ее полкувшина, со многими благодарностями и с радостью уехали.

11 того же месяца, идя с попутным ветром и постоянно пользуясь парусами, мы за день прошли 120 верст. Около полудня мы прошли у горы Половина, получившей свое название оттого, что здесь половина пути от Царицына до Астрахани, а именно 250 верст. Наша нынешняя ночевка происходила за островами Кизяр.

Ночью, когда следить за стражей пришла очередь послу Брюг[ге]ману, посередине реки большая лодка тихо прошла мимо нашего корабля. Когда сначала на наш окрик никто не захотел отвечать и идти на судно, то пришлось из 15 мушкетов дать выстрел по ней, а пушкарю было приказано направить на нее пушку. Тем временем один из ехавших в лодке в небольшом челноке подъехал к нам и сказал, что это не враги, а русские, которых 7 человек в лодке с солью. Так как они получили от каравана, находившегося на расстоянии выстрела из ружья за нами, в подарок водку, то его братья все улеглись и заснули, дав лодке идти по течению. Когда наш лоцман узнал его — оба они были из Нижнего, — то ему дали несколько чарок водки и отпустили обратно. Утром он, в благодарность за угощение, принес несколько стерлядей. Следует удивляться, что никто из находившихся в лодке не был ранен нашей неосновательной стрельбой.

Так как ветер в течение всей этой ночи был очень благоприятен, то мы не захотели потерять его и к утру около 3 часов вновь пустились в путь, причем вскоре со стороны бакборта встретили новый рукав Волги — Бухвостов, незаметно входящий в предыдущий. Потом подошли мы к острову Копановскому, против которого направо высоки берег суши называется Копанов Яр; он находится в 150 верстах от Астрахани. Через 20 верст прошли мы к четвертому отделяющему рукаву Даниловское устье, который отдельно направляется в Каспийское море. В 15 верстах ниже его почти посередине Волги лежит прекрасный круглый, заросший красивыми деревьями и кустами островок Екатерининский.

За ним мы издали увидели на песчаном холме большой затонувший струг; так как нашим он показался как бы устроенным казаками укреплением и при том, пожалуй, несколько казаков и показались в кустах, то люди наши должны были стать под ружье, и было приказано дать несколько выстрелов в кусты. При этом у нашего кухонного прислужника Иакова Ганзена лопнул мушкет, им заряженный двойным зарядом, глубоко вырвал у него левый большой палец, державшийся им на дуле, и кроме того нанес ему еще много ран на лбу, груди и руках.

Сделав в этот день 100 верст, мы за островом Пирушки [?], в 80 верстах от Астрахани, бросили якорь.

13 сентября рано утром, как раз, когда во время молитвы, мы по положению должны были читать 13-ю главу IV книги Моисеевой, где говорится о разведывании Ханаанской страны и ее богатых плодах и круп-

ном винограде, нам пришлось увидеть первые фрукты. Из Астрахани пришли 2 лодки, с которых нам продали прекрасный крупный виноград, ягоды которого были величиной почти с грецкий орех, а также большие очень вкусные персики и дыни.

Главнейшие места, к которым мы пришли в этот день, были: Митюшка, отделяющийся рукав, частью впадающий во встреченный вчера рукав, частью, через немного верст, вливающийся в Волгу. Говорят, он является настоящим гнездом разбойников. Так как между двумя расположенными перед ним островами показались несколько казаков, послел велел дать по ним выстрел из пушки. Через 5 верст мы встретили последнюю сушь перед Астраханью — Кабанью мель, в 70 верстах от города, а еще через 5 верст — мыс или выступ Кабаний Яр; затем через 5 верст следовал, в 50 в. от Астрахани, остров Ичибурский, за которым мы остановились на ночлег.

Около этой местности, как и выше ее и у Каспийского моря, мы видели больших зобатых гусей, которых русские зовут «бабами». Их штук 100 сидело вместе на берегу. Ниже о них будет сказано подробнее.

14 сентября, едва мы успели сделать 2 версты, нас с ЮВ встретила сильнейшая буря, так что мы принуждены были остаться здесь до следующего дня. Под нами оказалась глубина в 80 фут. воды. Здесь князь Мусал подарил послам различных напитков: пива, меду и водки, предложив, если напитки эти понравятся, еще доставить их.

15 сентября, когда мы рано утром получили добрую погоду и ве-

тер, мы около 4 час. утра вновь поднялись и на указанной глубине счастливо шли на парусах к югу, так что мы заблаговременно прошли мимо острова Бузана, в 25 верстах, и мимо реки или рукава Болч[у]ка, в 15 верстах от города, а в 8 час. утра, с расстояния в 12 верст, издали, ввиду ровной повсюду и безлесной местности, увидели давнюю цель поисков — Астрахань. Здесь как раз проходил рукав Гнилуша, отделяющийся от Волги и примыкающий к ней за Астраханью: этот рукав многими разделенными устьями впадает в Каспийское море.

К полудню мы с благоприятным ветром и погодой прибыли к далеко прославленному городу Астрахани, и, при милостивой помощи Божией, как бы сделали из Европы, первой части света, первый шаг в Азию. Вся Астрахань лежит уже за рекой Волгой, отделяющей Европу от Азии.

Мы остановились перед городом посередине реки и для салюта выстрелили из всех пушек на нашем корабле. Жителям, которые в числе более тысячи стояли на берегу, это показалось весьма удивительным.

LXXV

(Книга IV, глава 10)

О стране Нагайской и Астраханской, а также о жителях их

При первом же вступлении в эту местность мы, не пускаясь, еще далеко в путь, рассмотрим немного положение и особенности как главного города, так и жителей его.

Древние описыватели мира и зе-

мель, как-то: Птолемей, Страбон и другие, следовавшие их примеру, или совсем не упоминали, или лишь в немногих словах говорили о живущих здесь и по соседству татарах; обыкновенно под общим названием скифов понимались и сарматы и татары. Между тем они отличаются друг от друга весьма существенно, как по жизни, нравам и обычаям, так и по местностям и названиям. Матвей из Мехова, поляк, писавший 150 лет тому назад, говорит в предисловии к своей книге «о двух Сарматиях», что древние писатели потому не могли написать об этих племенах ничего определенного, что они — в противоположность мнению некоторых новых исторических писателей — в древние времена не жили здесь, но что являются новым народом, который, считая от его времени, не более чем за 300 лет пришел сюда с востока. В 1211 г. — говорит он в другой главе — в мае месяце показалась большая комета, направлявшаяся в сторону Дона и России и простиравшая свой хвост к западу; этой-то кометой и было предсказано прибытие нынешних татар. Действительно, годом позже эти разбойничьи народы бежали из Индии, так как там они умертвили собственного государя, соединились с некоторыми северными жителями, сходными с ними, направились к Понту, где жили г[о]ты, а затем перешли на жительство к берегам Дона и Волги, стали неоднократно нападать на русские земли (что они делают и до сего дня) и существовали здесь грабедом.

В 8 главе он же перечисляет их названия, разделяя их на 4 орды или толпы, и называет их «заволжскими», «перекопскими», «казанскими» и

«нагайскими». Ему следует Гвагнин, а Гвагнину Joan Raw в своей космографии. Гвагнин, правда, определяет у татар 16 орд. Волжскими эти писатели, конечно, зовут тех, кто живут у Волги. Таковыми могут быть и черемисские, казанские и другие татары. Что же касается нагайских, то ясно, что они живут в Нагайской земле. Я оставляю в стороне, как означенные и другие писатели называют этих татар, как они их делят и какие отводят им места. Я сообщу лишь то, что я видел сам и услышал в наше время.

Нагайской землей является страна, населенная нагайскими татарами; она занимает область между реками Волгой и Яиком вплоть до Каспийского моря. Главным городом здесь Астрахань, по имени которой иные называют и всю эту землю. Полагают, что государь, построивший этот город и владевший им некогда, назывался будто бы Астраан. Город этот не лежит, как говорит Герберштейн и думают иные, в нескольких днях пути от реки внутри страны, но примыкает к главному течению реки Волги и лежит на острове Долгом, образуемом отделяющимся рукавом Волги.

В Астрахани я, при помощи повторных исследований, определил высоту полюса в $46^{\circ} 22'$. Здесь климат довольно теплый. В сентябре и октябре здесь погода была так хороша и тепла, как у нас в жаркое лето, особенно когда дул северо-восточный ветер или ветер с Волги. Когда он, однако, шел с юга, со стороны моря, то он обыкновенно приносил с собой холод, а иногда воздух, от которого пахло морем. В июне, июле и августе, когда мы находились там во

время обратного нашего путешествия, жара была очень сильная, но, ввиду постоянных ветров, нам она не казалась тягостною. Зима, хотя и длится не дольше 2 месяцев, приносит с собой такой холод, что Волга — в противность мнению некоторых писателей — совершенно замерзает, и на ней можно ездить на санях.

Остров Долгий, так же как и суша направо от него, за рекой, — песчаный и неплодородный, налево же, к востоку, как и вообще вплоть до Яика, как говорят, имеются хорошие пастбища. По эту сторону Волги к западу имеется большая ровная и сухая степь. По направлению к Понту или Черному морю эта степь простирается на 70, а к югу к Каспийскому морю на 80 немецких миль. Мы ее измерили в 11 трудных дневных переходов, о которых ниже будет сказано. Эта пустыня доставляет великолепнейшую соль, встречающуюся здесь в различных ямах, лужах и стоячих озерах, из которых самые замечательные: Мочаковское, в 10 верстах, Каинково, в 15, и Гвоздовское, в 30 верстах от Астрахани. В лагунах или соляных лужах имеются соляные жилы, через которые рассол подымается вверх; под влиянием солнечной жары, соль выпаривается на поверхность в виде ледяных глыб кристальной чистоты и толщиной с палец; у нее приятный запах фиалки. Каждый желающий может собирать эту соль, платя лишь великому князю за 2 пуда (в пуде 40 фунтов) и копейку или шиллинг пошлины. Русские ведут обширную торговлю солью, свозят ее на берег Волги, насыпают большими кучами и развозят по всей России — по не

всей Мидии, Персии и Армении, как говорит Петрей в своей «Московской хронике». Дело в том, что в этих странах имеются собственные великолепные соляные россыпи... Кроме того, неверно то, что он рассказывает, будто в двух милях от Астрахани находятся 2 соляных горы, именуемые Бузин и до того неистощимые, что если бы даже 20 или 30 тысяч человек ежедневно со всех сил своих отбивали и отламывали части от такой горы, то и в таком случае, после усиленной их всех работы, не было бы видно, отломано ли что-либо или отбито от горы, так как гора растет тем сильнее, чем сильнее отбивают от нее части и притом она так тверда, как скала. Такой горы во всей этой стране не найти; вероятно, она перешла в Утопию. Относительно же соляных луж несомненно, что чем больше снимать с них соляных глыб, тем более они садятся на них, так как в рассоле нет недостатка у богатых источников.

На Волге от этого места до Каспийского моря, лежащего в 12 милях от Астрахани, совершается чрезвычайно богатая ловля рыбы всевозможных сортов; рыба эта весьма дешева, так как за 1 грош можно купить 12 больших карпов, а 200 стерлядей или малых осетров (это очень вкусная рыба) за 15 грошей. Здесь же имеется и очень много раков; так как ни татары, ни русские не едят их, то их без всякого внимания выбрасывают.

Вокруг этих мест, ввиду близости моря и многих лежащих под Астраханью тростников и лесистых островов, имеется очень много пернатой дичи, особенно много диких гусей и больших красных уток, которых татары умеют быстро ловить с помо-

щью обученных соколов и ястребов. Здесь имеется и много диких свиней, которых татары преследуют и продают задешево русским, так как сами они, в силу закона своего, не могут их есть.

Что касается садовых плодов, то они здесь так великолепны, что мы лучших не находили даже в Персии: это яблоки, квиты, грецкие орехи, большие желтые дыни, а также арбузы, именуемые у турок и татар *karpus* — так как они очень холодят, а у персов — *hinduanae*, так как индусы некогда ввезли их в Персию (они строением похожи на дыни или, вернее, на тыквы, имеют зеленую корку, мякоть телесного цвета, очень водянистую и сахарной сладости, и черные зерна). Подобного рода арбузов и дынь татары доставляли ежедневно возов 10—20 в Астрахань на рынок по очень дешевой цене.

Раньше здесь вовсе не родился виноград. Персидские купцы доставили в Астрахань первые виноградные лозы, посаженные старым монахом в монастыре перед городом. Так как заметили, что они вполне удаются, то в 1613 г., по приказанию великого князя, означенный монах устроил настоящий виноградник, который затем из году в год все расширялся. Он приносит великолепные большие и сладкие гроздья, которые частью наряду с другими плодами, получаемыми в тут же устроенном фруктовом саду, посылаются к великому князю в Москву, а частью продаются в стране воеводам и боярам. Теперь и некоторые астраханские горожане у домов своих устроили виноградники, и, например, наш хозяин говорил нам, что его виноградник принес ему в этом году

до 100 талеров. Мне в нынешнем году принесли достоверное известие, что в настоящее время в Астрахани будет разводиться такое количество винограда, что ежегодно 50—60 пип, или больших бочек вина, отсюда будет доставляться в Москву. У них имеется свой виноградарь Иаков Ботман, учившийся у нас в Готторпе у его княжеской светлости придворного увеселительного садовода.

Упомянутый мной монах имел от роду 105 лет; он был по рождению австриец, взятый на войне в плен еще мальчиком, был доставлен в Россию, здесь перекрещен, обращен в русскую веру и сослан сюда в монастырь. В данное время он имел в своих руках управление всем монастырем. Он владел еще небольшим количеством немецких слов, сделал много добра тем из нас, которые его посетили, пришел также посетить послов и принес им в подарок фрукты с деревьев, посаженных им собственноручно. Он был все еще веселого нрава. Когда он выпил пару чарок водки, он начал показывать свою силу и плясать без палки, хотя и трясущимися ногами. Он говорил, что в этой стране много здоровых и весьма старых людей.

Жителями этой нагайской или астраханской области, как уже сказано, раньше были исключительно татары. Они имели своего царя, состоявшего с казанскими и крымскими татарами в дружбе и союзе, так что противник, нападавший на одного из них, имел дело со всеми тремя. Поэтому великому князю Ивану Васильевичу через два года после завоевания царства казанского пришлось иметь войну и с царством нагайским, которое он также покорил

себе. Столица нагайская, Астрахань, 1 августа 1554 г. была взята штурмом, татары были изгнаны из нее, и город был занят русскими.

Город этот впоследствии тиран укрепил толстой каменной стеной, нынешний же великий князь велел расширить его и построить около него «Стрелецкий город» или часть, где живут стрельцы. Если смотреть извне с Волги, которая здесь шириной в 2260 фут, то город этот оказывается красивым ввиду многих башен и церковных колоколен, а внутри он состоит большей частью из деревянных строений. Он хорошо укреплен сильным гарнизоном при многих, — как они говорят, 500 — металлических орудиях, в числе которых имеются несколько картаульных и полукартаульных, которые мы сами видели. Теперь, говорят, здесь имеются 9 приказов, каждому из которых принадлежат 600 стрельцов, постоянно стоящих наготове и настороже, под начальством двух воевод, канцлера [дьяка] и нескольких капитанов; они должны держать татар в узде. В городе не только русские, но персияне и индийцы, все имеют по своему рынку. Так как и бухарские, крымские и нагайские татары, а также армяне (христианский народ) со всякими товарами ведут тут большую торговлю и промыслы, то как говорят, город этот и приносит ежегодно его царскому величеству большую сумму, — даже одних пошлин 12 000 рублей, или 24 тысячи рейхсталеров.

Туземные татары — частью нагайцы, частью крымцы — не имеют права селиться в городе, но лишь в определенных местах за городом, не имея при том права огораживаться иным чем-либо, как лишь часток-

лом. Впрочем, у них и по всей их стране нет укрепленных городов или деревень, они живут в избах [кибитках], которые круглы, с диаметром обыкновенно в 10 фут, сплетены из тростника или камыша и похожи на корзины для кур у нас; сверху они покрыты войлоком, в середине которого оставлено отверстие для дыма; впрочем, близ этого отверстия прикрепляется еще кусок войлока, который может вертеться по ветру. Когда зажженный ими из сухого кустарника и сушеного коровьего помета костер выгорит, а также уйдет и дым, то они опускают верхний кусок войлока; а если погода холодная, то вся изба окружается войлоком или тростником. Тогда жены и

дети сидят вокруг угольев и золы. Таким образом на продолжительный срок сохраняется тепло. Подобного рода избы изображены на помещенном ниже [при описании обратного путешествия] плане города.

Летом у них нет постоянного местопребывания в каком-либо месте; они меняют и перемещают свое местопребывание всякий раз, как им приходится искать для скота свежих и хороших пастбищ. Тогда они ставят свои избы на высокие телеги, которые всегда стоят возле них, и перекочевывают с женами, детьми и домашним скарбом, размещенными на коровах, волах, лошадях и верблюдах. Поэтому-то русские и назвали их «половцами» за эту постоян-

Нагайцы и черкасы

ную погоню за местом, «ловлю полей». Зимой они, разделившись на несколько орд (можно сравнить с немецким [употребительным в Шлезвиге] выражением *Harde* — «округ») или отрядов идут к Астрахани и селятся в таком расстоянии друг от друга, чтобы в случае нужды успеть друга к другу на помощь. Нередко на них нападают и грабят их постоянные их враги калмыки, не только рассеянные отсюда до Саратова и называемые в этих местах болгарскими татарами, но живущие и за Яиком; набеги свои они совершают в то время, когда вода замерзнет и везде оказывается удобным перебежать через нее. Чтобы, однако, татары были в состоянии тем легче встретить врагов и защититься, им в это время из русской оружейной палаты выдаются ружья и другое военное снаряжение, которое они в начале лета опять возвращают. Другого оружия они не имеют права держать при себе.

Они, правда, не платят великому князю дани, но когда он захочет, чтобы они выступили в поход против врага, то они должны являться, что, впрочем, они делают охотно в надежде на добычу, которая является лучшим источником богатства у них так же, как у дагестанских татар, о которых будет речь при описании обратного путешествия. Они быстро могут собрать несколько тысяч человек и они очень смелы при нападении на врага.

Им, правда, разрушается иметь своих собственных князей, атаманов и судей, но чтобы не было оснований ожидать мятежа, несколько человек их мурз или князей всегда должны поочередно храниться и

содержаться в Астрахани в кремле в качестве заложников.

Нагайские, а равно и крымские татары, дородны, низкорослы, с широкими лицами и небольшими глазами, кожа их черно-желтая, и у мужчин лица сморщенные, как у старух, в бороде у них волос мало, а головы они догола бреют.

Все они носят длинные кафтаны частью из серого сукна, частью — особенно нагайцы — шубы и шапки из овечьей кожи, с вывернутым наружу мехом. Женщины, которые не очень безобразны лицом, носят белые полотняные одеяния и складчатые круглые шайки, заостряющиеся кверху, вроде каски; спереди они обсажены и увешаны русскими копейками, точно кольцами. Родившаяся первой, а также и некоторые другие из их дочерей, если они еще в чреве матери были родителями обещаны Богу или известному имаму и святому, носят в знак рабской преданности своей в правой ноздре кольца с бирюзой, рубином или кораллами; подобные же кольца носят мальчики в ушах. Этот же обычай имеется у персов... Дети ходят голые, без сорочек, и у всех у них отвислые животы.

Пищу себе эти татары добывают скотоводством, рыболовством и птицеводством. Их рогатый скот велик ростом и силен, подобно польскому, а у овец, подобно как у персидских, имеются большие толстые хвосты из чистого сала, висящие иногда от 20 до 30 фунтов. У них отвислые уши, как у собак водолазов, и высокие изогнутые носы. Лошади их невзрачны, но сильны и очень выносливы. У них имеются и верблюды, но редко с одним, а обыкновенно с двумя гор-

бами на спине; последних они зовут боггур, первых товэ.

Обыкновенное кушанье татар составляет вяленая на солнце рыба, которую они едят вместо хлеба; рис и пшено они мелют и приготавливают из них лепешки, которые жарят в растительном масле или меду. Наряду с другим мясом они едят и верблюжье и конское; пьют они воду и молоко, причем особенно кобылье молоко считают за лакомый и здоровый напиток. Поэтому, когда однажды послы поехали посмотреть их орды и лагери, они им налили этого молока из кожаного мешка и подали выпить.

Религия татар магометанская, причем они исполняют обряды не персов, а турок. Некоторые из татар приняли русскую веру и дали себя окрестить. Они выказали любезность по отношению к нам, и один из их мурз или князей захотел, в угоду послам, устроить соколиную охоту и даже сделал необходимые для этого приготовления, но воевода запретил это ему.

LXXVI

(Книга IV, глава 11)

Что еще произошло во время нашего пребывания в Астрахани, и как нас разные лица посещали и угощали пирами

Пока мы стояли на месте под Астраханью, чтобы варить пиво, печь [хлеб], бить скот и пополнять, в меру необходимости, наши опустевшие кухни и погреба, к нашим послам неоднократно присылали [депутации]

персы, татарские князья и другие лица; они доставляли подарки, иногда являлись с визитом лично, а в других случаях приглашали к себе.

Когда мы, как выше сказано, едва лишь стали под Астраханью на нашем корабле, и дали салют; шахский персидский купчина, равно как и другие персидские купцы, только что прибывшие из Персии, поднесли для приветия послам несколько прекрасных больших арбузов, дынь, яблок, персиков, абрикосов и крупный виноград с просьбой принять его у них, так как и они чужестранцы здесь. [Они прибавили]: «Если Бог нам поможет добраться до Персии, то все, что им принадлежит, будет и нашим». Послы, со своей стороны, послали несколько человек к купчине, а также к князю Мусалу, чтобы поднести им разные ценные воды, водку и конфеты.

На другой день по прибытии нашем пришли несколько партий персидских купцов на наш корабль, чтобы осмотреть его и посетить послов; каждый из них принес с собой несколько фруктов: в Персии существует обычай, чтобы никто не смел являться перед большими вельможами без подарков, хотя бы и незначительных. По обычаю земляков своих, и эти персы были очень любезны и обходительны, что нам показалось весьма странным после грубости русских. Так как они являлись для нас новым, давно желанным народом, с которым мы предполагали поближе познакомиться, то это обстоятельство нас весьма приятно поразило, и мы тем более разрешили им у себя свободы. Все они так охмелели у нас, что при уходе с судна некоторые попадали в воду, а старый видный купец

даже заснул на корабле и остался на ночь у нас. Этот старик во время питья стал выказывать нам такое искреннее расположение, что когда послы, подавая ему стакан с франконским вином, сказали: вино нашей страны, может быть, не понравится ему и не покажется вкусным после их крепких напитков, он схватил стакан со словами: «Даже если это окажется ядом, но вы его подаете, я все же его выпью».

17 сентября шахский купчина вновь сделал послам подарок, поднеся два мешка рису, который качеством зерна превосходил обыкновенный рис, был очень красив, крупен и совершенно бел, а также чашку маринованного персидского чеснока, приятного на вкус...

Одновременно со слугами купчины пришли и другие, плававшие по морю персы, осмотрели корабль, удивляясь столь большой постройке, заявили, что оно не пригодится на Каспийском море, где волны очень высоки и коротки, и что поэтому, по крайней мере, хоть мачты следовало бы укоротить. «Кюлзюм — так называли они Каспийское море — с тех пор, как по нем ездят, не видал еще столь большого судна». Их персидские суда устроены, как наши небольшие баржи; по форме своей они похожи на наши купальные ванны; они стоят очень высоко над водой, скрепляются снизу доверху многими балками и поперечными брусками, выходящими по обе стороны наружу и укрепленными помощью клиньев. Посредине они совершенно открыты, не имеют помпы, так что воду приходится вычерпывать; у них только один большой парус, как у русских, и они не умеют

лабиринговать. Поэтому, когда поднимается буря, они или, с величайшей опасностью, идут с ветром или же принуждены бывают бросить якорь. Редко какое-либо из них решается выйти в море более чем на глубину в 10 сажен.

После того как персы вновь вступили на судно, наши послы, через секретаря, послали большой бокал в подарок старшему воеводе Федору Васильевичу, причем запросили его мнения и совета относительно дальнейшей нашей поездки: удобнее ли будет нам идти сушей или морем. Воевода попросил отсрочки на несколько дней, чтобы посоветоваться с другими мореходами. Однако по многим причинам у нас считали более удобным ехать водой, чем сушей.

19 того же месяца татарский князь Мусал предупредил о своем приходе и посещении им послов на судне; ради него наша шлюпка была выложена коврами и послана с некоторыми из нас навстречу на берег. Князь прибыл в сопровождении 40 лиц; при нем был еще другой мурза и великокняжеский посланник Алексей Савинович. Сам он был в дорогом русском платье, вышитом золотом и жемчугом. Это был высокий ростом, крепкий, видный господин, с лицом белым и приятным и с длинными, черными как смоль волосами; ему было лет 28; он был весел и красноречив. Когда он вступил на корабль, сначала протрубили трубачи, потом выстрелили из 3 пушек, а во время угощения в каюте послов играла музыка. Драбанты, лакеи и солдаты стояли в порядке и с оружием; все это очень понравилось татарину, и он все это очень хвалил. После того как он весело провел в каюте 2 часа

и, согласно с высказанным им желанием, был проведен по кораблю, его провели и вниз в столовую и упрасивали сесть за стол, покрытый разного рода конфетами, он не захотел уже садиться, но поспешил опять домой. При отъезде его опять дан был салют из пушек и мушкетов.

20 сентября послы отправили нашего маршала приветствовать купчину, прося его оказать им честь и посетить корабль, что и было сделано на следующий день. Купчина, по имени Наурус, прибыл с еще другим знатным купцом из Персии, по имени Науреддин Мухаммед, вместе с приставом, данным ему воеводой. И они были приняты и получили угощение, подобно татарскому князю. Когда они среди всевозможных приятных разговоров и увеселений, некоторое время прослушали нашу музыку, они попросили, чтобы им разрешено было доставить свои музыкальные инструменты. Это были свирели и литавры. Литавры были сделаны из гончарной глины и обожжены; они имели вид продолговатых больших горшков. Били они странно, но искусно, соблюдая разнообразные мелодии и красивые темпы. С такой музыкой они вновь проехали с судна на берег. Можно было слышать, как они еще довольно долго играли в своих палатках, разбитых на берегу.

22 того же месяца воевода велел доставить свои ответные подарки послам, а именно 20 кусков копченого сала: и 12 штук больших копченых рыб, и бочку икры, и бочку пива, и бочку меду.

К обеду польский посол, о котором купчина упоминал в разгово-

ре с нами 3 сентября, вместе с шахским персидским послом, отправленным к королю польскому, прислал к нам двух служителей, чтобы приветствовать наших послов и подарить нам бутылку шараб или персидского вина. Польским послом был монах, писавший себя «Fr[ater] Johannes de Lucca, indignus sacri ordinis praedicator». Персидским же послом был архиепископ из Армении Августин Базеций; их высланные к нам слуги были итальянский капуцин и француз. Они жаловались, что их вот уже более 5 месяцев держат в Астрахани, как пленников, и не пропускают дальше.

В этот день наши послы послали сообщить воеводе, что они желали бы завтра посетить князя Мусала; они просили о лошадях для верховой езды для себя и некоторых провожатых. Эта просьба была любезно исполнена, и на следующий день шталмейстер воеводы привел лошадей к берегу. Послы сначала поехали с знатнейшими из свиты в дом, который перед городом был предоставлен нам, должным образом велели сообщить о прибытии своем Мусалу, и, когда мы услышали, что он с нетерпением ждет нас, мы поехали к его помещению, находившемуся в городе. Князь в великолепных одеждах вышел навстречу послам во дворе у крыльца, любезно принял нас и привел в помещение, обвешанное коврами. При нем находился посланник Алексей, и здесь же был татарский посол из Крыма, также находившийся при караване, человек гордый и грубый нравом. Мусал велел в чрезмерном количестве поставить на стол астраханские садовые плоды, а также вино, пиво, мед и водку. Он велел

играть на регале [ручном органе], и тут же весело заиграли несколько русских трубачей, служивших воеводе. Он предложил с добрыми пожеланиями тосты за здоровье его царского величества и его милости князя голштинского, причем мы пили из больших бокалов и серебряных чар. Он стоял все время среди своих служителей и каждому из нас, даже пажам и слугам, передавал сам бокал в руки, выказав вообще большую ласковость. Тем временем Алексей начал многими словами открыто восхвалять род, храбрость и т. п. Мусала: он не простой мурза, каких много среди татар, но родной племянник (сын брата) великого и чуть не знатнейшего вельможи при великокняжеском дворе князя Ивана Борисовича Черкасского; в настоящее время он получил от его царского величества ленное владение и, в знак высокой милости, драгоценные одежды и большие подарки. Из братьев его один теперь при дворе его царского величества и получает там великолепное содержание. Сестра его просватана за шаха персидского и т. д.

Во время этого пира высокоблагородный Иоганн Альбрехт фон Мандельсло заключил со мной обязательство, чтобы тот из нас, кто раньше помрет, был почтен со стороны оставшегося в живых похвальным словом. По слабой силе своей, я так и сделал, как видно по описанию его путешествия на восток, которое я издаю отдельно.

Воспользовавшись в течение нескольких часов всяческой дружбой и расположением Мусала и простившись с ним, послы думали в этот же вечер поехать в место, где живут татары, чтобы посмотреть их. Поэтому

мы и направились к городским воротам, откуда ближе всего было пройти туда. Однако эти ворота, по приказанию воеводы, не знаю по какому подозрению, были заперты перед нами, вследствие чего мы и вернулись опять на корабль.

24 того же месяца посланник Алексей пришел на корабль посетить послов, был хорошо принят и угощен. Он был в веселом настроении и предложил быть с нами в доброй дружбе и согласии в Персии. Нашим людям и служителям, проводившим его опять на его судно и бывшим в числе 12, он подарил, из благодарности, по соболю.

Этот русский, отправленный от великого князя московского к шаху персидскому в качестве посланника, а главным образом для наблюдения над нашими делами и поступками, был человек лет 30, доброго разума и очень хитрый. Он мог назвать несколько латинских слов и, против обычного нрава русских, имел склонность к свободным искусствам, особенно к некоторым математическим наукам и к латинскому языку. Он просил, чтобы мы ему помогли в изучении всего этого. И, действительно, в Персии, когда мы с ним были вместе, и в особенности на возвратном пути, прилежным вниманием, постоянным разговором и упражнениями в течение 5 месяцев он дошел до того, что мог выражать свои мысли, хотя не особенно складно; кроме того, он стал понимать употребление астролябии, [определение] часов и высоты солнца, а также геометрию. Нашим часовщиком ему сделана была астролябия, и везде, где он приходил в город или деревню на ночлег, в особенности же в Астраха-

ни, Алексей выходил на улицы, чтобы упражняться, и называл людям высоту домов и зданий: русским, которые не привыкли что-либо подобное видеть у своих земляков, это казалось весьма удивительным.

26 того же месяца шахский купчина пригласил послов с их свитой на следующий день на банкета, причем он одновременно захотел знать имя и титул нашего милостивейшего князя и государя, а также имена послов: он предложил послать гонца вперед в Шемаху, в Мидию, к тамошнему хану и губернатору, для сообщения о нашем прибытии, чтобы, по приходе на персидскую границу, нас тем скорее могли доставить дальше.

26 сентября купчина прислал на берег 7 оседланных и красиво украшенных лошадей, чтобы доставить на них послов.

Купчина Наурус в доме, предоставленном ему для этой цели в городе воеводой, устроил и приготовил все весьма великолепно и пышно. Против дома на другом доме была снята крыша, устроен был театр и увешан свисавшими вниз пестрыми персидскими одеялами; он же украшен был двумя воткнутыми флагами. Здесь стояли 3 литаврщика и свирельщики, которые при прибытии послов, как и во время пиршества, играли в роде хора.

В доме, где происходило угощение, внутри все стены были завешаны персидскими и турецкими коврами. Купчина перед двором вышел навстречу послам, принял их весьма любезно и повел их вверх, через две великолепные комнаты, сверху, внизу и с боков одетые в великолепные ковры, — в помещение, обитое зо-

лотой парчой. В каждом помещении, для нашего удобства, — против обыкновения персов, которые все сидят и едят на земле, поставлены были столы и скамейки, покрытые великолепными коврами. Столы были уставлены садовыми плодами и сладостями: виноград, яблоки, дыни, персики, абрикосы, миндаль, два рода изюму (один из них представлял небольшие белые и очень сладкие ягоды без косточек), лущеные большие грецкие орехи, фисташки, всевозможные в сахаре и меду варенные индийские чуждые фрукты стояли на столе, покрытые шелковыми платками.

Едва мы только уселись, как появились духовные лица: шахский персидский и королевский польский послы, надев поверх своей духовной одежды кафтаны из золотой парчи, подаренные им шахом персидским; у каждого на груди висело по золотому кресту. Они понимали по-латыни, испански, итальянски и французски, на каковых языках они и вели свои разговоры с послами. Когда и они сели, сласти были открыты, нас попросили есть и поили очень крепкой водкой, медом и пивом. После того как нас таким образом 2 часа проугощали, по общему обыкновению персидскому, сласти были убраны, стол накрыть для кушаний и уставлен различной едой в серебряных и медных луженых блюдах. Все блюда были наполнены вареным рисом различных цветов, а на рис были положены вареные и жареные куры, утки, говядина, баранина и рыба; все это были кушанья, хорошо приготовленные и вкусные.

Персы за столом не пользуются ножами; они учили нас, как нам, по

их способу, делить мясо руками и кушать. Впрочем, куры и другое мясо обыкновенно до подачи на стол поваром разделяются на удобные куски. Рис, который они едят вместо хлеба, они берут большими пальцами, иногда и всей пригоршней с блюда, кладут на него кусочек мяса и все это несут ко рту. При каждом столе стоял суфреджи, или кравчий, который небольшой серебряной лопаточкой при помощи руки брал кушанья из больших сосудов, в которых они подавались, и перекладывал на небольшие блюда; иногда на одном блюде на рисе оказывались одновременно разложенными четыре или пять разных кушаний. Обыкновенно на двоих, но в некоторых случаях и на троих, подается одно подобное блюдо с кушаньями. Во время обеда пили очень мало, но тем более после него. Наконец, каждому в фарфоровой чашки дана была для питья горячая черная жидкость *kahawe* [кофе]... Персы по отношению ко всем нам выказали любезность и услужливость, так что мы их обходительность и доброе расположение к немецкой нации усмотрели не только в их словах, но и в их делах.

При прощании, которое совершено было весьма дружелюбно и почтительно всеми сторонами: как монахами, так и персами, весело зазвучали со своеобразным тактом и мелодией литавры и свирели. Двое знатнейших персов провожали послов до городских ворот и простились с ними, принеся им благодарность за то, что они, послы, охотно и послушно явились; при этом сами они свидетельствовали готовность еще более послужить нам. Когда послы снова сели в шлюпку, так же,

как и при выходе из нее, даны были несколько выстрелов из орудия для каменных ядер. Таким образом, этот день был посвящен тому, что мы завязали добрую дружбу с иностранными нациями.

27 того же месяца послы с многими из нас выехали за милю от Астрахани, чтобы осмотреть жилища татар. По дороге, в разных местах, мы видели, как бегали в круге привязанные к столбу волы и лошади, которые должны были выбивать и молотить просо. Около всех их хижин мы видели поставленных здесь соколов или орлов, которыми они пользуются для охоты. На возвратном пути мы встретили одного из их князей; он ехал в овчинной шубе, мехом наружу, с соколом; он сожалел, что не находился у своей орды и не мог угостить послов.

В этот день великокняжеский посланник Алексей Савинович направился вперед в Персию через Каспийское море.

28 сентября другой знатный купец Науредди[н] Мухаммед устроил в честь наших послов банкет, прошедший столь же великолепно и с теми же церемониями, как устроенный у Науруса. Театр для литавристов и свирельщиков на дворе против стола был устроен почти великолепнее предыдущего. К участию в беседе с нами были приглашены и монахи. Точно так же находились здесь несколько восточных индийцев и двое русских, отряженных воеводой и знавших персидский язык. Это было сделано, чтобы он узнал, о чем будут наши речи. Поэтому, когда посол Б[рюггеман] начал говорить речи, метившие весьма далеко и направленные против турка, врага пер-

сов, но не врага русских, а персам эти речи показались опасными и досадными, то они попросили его оставить эту материю и просто повеселиться с ними: из этой устроенной ими беседы — [говорили они] — и скудного угощения следовало заключить не о чем-либо ином, как о любви их к нам, которую они обязаны испытывать по отношению ко всем тем лицам, которых высокие монархи в дружбе посылают к их шаху. Все, что делается здесь, является лишь малым намеком на привет в собственной их стране. Вскоре после этого монахи, по приказанию воеводы, должны были уйти с пиршества.

29 того же месяца нагайский мурза, встретившийся нам третьего дня, явился, чтобы посмотреть корабль. Он принес несколько диких гусей, которых он поймал помощью сокола, и пригласил послов на упомянутую выше, но воеводой запрещенную охоту с соколами.

30 сентября воевода велел подарить послам несколько русских сладостей: это были большие толстые пряники, а также сухое варенье из смородины и других ягод, спрессованное частью в форме большого богемского сыра, частью в виде широких свернутых кусков, похожих на фунтовую или подошвенную кожу у нас. Подобного рода свертки присылались нам и в Москве великим князем и другими господами; они кислотоватого довольно приятного вкуса и употребляются у них больше в кушаньях.

1 октября я, в сопровождении двух лиц свиты, был отправлен к воеводе в канцелярию, чтобы справиться некоторые дела. Здесь меня, правда, любезно приняли и попро-

сили посидеть с князем Мусалом, который также находился здесь, но на просьбу мою я не мог получить ответа раньше, как выслушав сначала жалобу бывшего нашего пристава Родиона на посла Бр[югге]мана и выговор по этому поводу: посол на Волге часто относился к нему весьма нехорошо, зачастую называл его «бл.д.им сыном», «собакой» и другими подобными титулами, и вообще часто ругал, а ведь между тем Родион — царский посланец и дан нам в дорогу для почета; если бы посланец был виновен в чем, то следовало не самим в этом роде мстить за себя, но пожаловаться на него начальству, поставленному его царским величеством везде, особенно же в Астрахани; начальство бы наложило полагающиеся и достаточные для послов наказания; по его, воеводы, мнению, и его милости князю голштинскому столь же мало, как и его царскому величеству, понравилось бы, если бы он узнал, что так в его земле обошлись с его служащим; по долгу службы, он, воевода, должен был сказать все это нам. Лишь после этого он дал нам желанный ответ на нашу просьбу.

LXXVII

(Книга IV, глава 12)

О поездке из Астрахани до города Терки

За эти дни мы доставили на судно пиво и хлеб, здесь сваренные и испеченные нашими людьми, а также и другую провизию. Мы купили у татар 20 очень больших жирных бы-

ков от 8 до 14 талеров за штуку. Приобрели мы еще несколько бочек соленой рыбы, в том числе 200 судачков, почти все с локоть длиной, за 3 гривны или 15 грошей, и приготовились ехать в Каспийское море. Так как море это нам было неизвестно и мы узнали, что при входе в него имеется очень мелкое место, простирающееся на несколько миль, то мы наряду с русским лоцманом взяли еще нагайских татар с баржей, чтобы в мелких местах облегчать наш корабль и легче перетаскивать его. 10 октября мы выехали из Астрахани и около полудня в 12 часов, при прекрасной тихой погоде, отправились в путь. Курс наш отсюда по морю был большей частью к Ю и ЮЗ. Едва мы, однако, проехали с милю, как поднялся ветер, который сильно дул нам навстречу, так что нам пришлось по правую сторону у самого берега бросить якорь. По той же самой причине мы здесь простояли и следующий день.

Тем временем явился в гости высокой ростом и видный нагайский мурза, бывший начальником нескольких орд, находящихся в этом месте, и доставил нам в подарок овцу и бочонок молока.

В этом, как и в других местах на Волге за Астраханью, мы видели травы необыкновенной величины; *Egula*, или волчье молоко (*Wolfsmilch*), высотой в рост человека и выше, *Angelica* у стебля с руку толщиной. Неверно то, что рассказывал в Голштинии человек, встреченный нами в Астрахани и уехавший до нас отсюда, будто *Angelica* там имеется с человека толщиной. Впрочем, ведь и он доехал до мест, где мог ее видеть.

12 того же месяца, когда буря несколько поулеглась, мы потащили якорями судно подальше, но за весь день не могли сделать более одной мили. Подобным же образом шло наше плавание 13 того же месяца и мы стали якорем у лежащей с левой стороны круглой сухой горы, верстах в 15 от Астрахани.

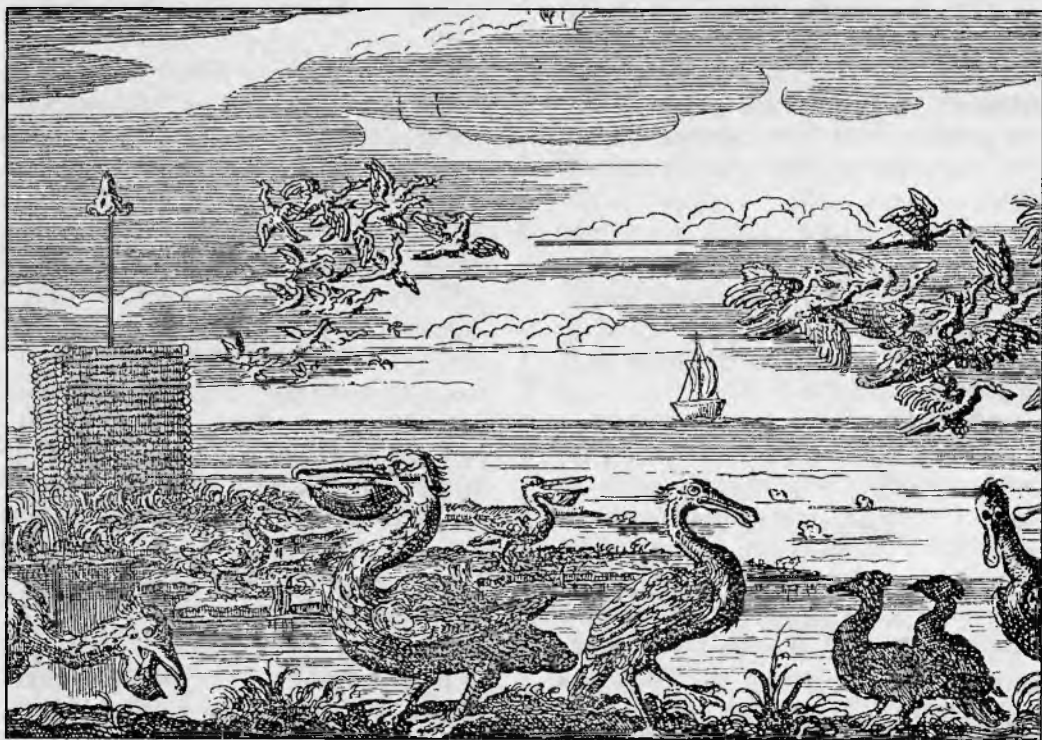
Эта гора называется у русских Темной, мы же, из-за многих змей, назвали ее Змеиной горой. Здесь мы нашли много каперсовых тростников и разные виды *Semperviva* [живучки молодило]. С вершины горы можно было озирать, на целую милю, всю окрестность, которая далеко кругом совершенно ровна. К вечеру нас встретила лодка со стрельцами, которая доставила русского посланника Алексея в Терки; с лодки нам сообщили, что дорога безопасна и что стрельцы за сутки добрались [до места назначения], при попутном ветре.

14 того же месяца мы получили попутный ветер, а именно с ССВ; он нас опять подвинул вперед на хорошую часть пути. К полудню мы дошли до часовни Иванчуг, в 30 верстах от Астрахани. За ней находится главное место рыбной ловли, которое они зовут учу[гом]; оно принадлежит Троицкому монастырю в Астрахани. Здесь Волга делится на много потоков и образует различные острова, которые все, равно как и побережье Каспийского моря направо вплоть до реки Койсу, поросли длинным тростником и низким кустарником. В числе их находится и [остров], именуемый у них Перуул; он лежит в 16 верстах за учугом. На нем стоял высокий деревянный дом, над которым на длинном колу была поставлена овечья голова. Нам сообщили,

что здесь погребен татарский святой, у гроба которого татары, как и некоторые персы, когда они собираются ехать через море или же счастливо перебрались через него, закалывают овцу, принося часть ее в жертву, а остаток съедая в качестве жертвенной трапезы; при этом с особыми церемониями совершают они свою молитву. Голова овцы остается поставленной на колу до тех пор, пока не совершится новая жертва или пока голова сама не свалится. Это место у русских называется «татарским мольбищем».

За этим островом налево в сторону суши тянется длинный плоский холм, на котором мы видели очень много татарских хижин.

К вечеру мы пришли к другому месту рыбной ловли, до которого считается 15 верст от моря; здесь Волга, в защиту от нападений гуляющих по морю казаков, ограждена частоколом и охраняется ста стрельцами. За этим частоколом мы устроили свою ночевку в проливе между двух островов. Мы видели вокруг этих мест очень много тюленей, а также колпиц-лопатней, у которых клюв спереди точно сплюснутая ложка, далее много зобатых гусей, которых русские зовут «бабами», персы «кутанами», негры в Гвинее «бумбу», Плиний, Альберта и Альдрованд — *Opocrotalus* (так как иногда, опуская клюв в воду, они кричат по-ослиному); зовут их и пеликанами. Чтоб,

Пеликаны

однако, это были такие пеликаны, каких изображают художники и о которых говорили древние или каких еще и теперь при сравнениях с пролитием крови Христа упоминают некоторые духовные лица, — этого я на здешних не замечал. Впрочем, и Альдрованд полагает, что тех пеликанов, [о которых существуют сказания], вовсе и не имеется в мире.

Три года тому назад подобный зобатый гусь за деньги показывался в Голландии, где его выдавали за настоящего пеликана. Однако птица эта во многих отношениях похожа на обыкновенного гуся, особенно своими ступнями, короткими ногами, шеей и перьями. По величине она, однако, превосходит лебедя; ее красный клюв длиной почти в $3/4$ локтя и шириной в 2 пальца; спереди он изогнут книзу крючком. Внизу на клюве и на горле висит большой кошель из тонкой сморщенной кожи, который до того растягивается, что можно ступить в него ногой в сапоге или же влить в него 5 кувшинов воды. В этом кошеле эта птица собирает рыбу; у нее также очень широкое горло. В некоторых местах жители приручают этих птиц, так что они входят в дома и выходят из них; ими пользуются и для рыбной ловли, завязывая им в таком случае ленту на шею, чтобы они не глотали рыб, но приносили их домой в кошеле. Персы пользуются подобными кошелями для ручных литавр или обтягивают ими в Гиляне свои скрипки. Когда подобный кошель растянут, он становится прозрачным, подобно бычьему пузырю. Очень странную историю, по словам Альдрованда, рассказывает Франциск Санкция: будто однажды подобная птица, когда он

был на охоте, по тяжести своей не могла убежать и была поймана, и в ней нашли проглоченного ею младенца негритенка. Эти птицы, как говорят, встречаются часто на морском побережье Африки, в особенности в Гвинее; здесь жители употребляют их в пищу. Посол Крузиус однажды подстрелил одну из них на каспийском побережье; когда крылья были расправлены, концы их оказались друг от друга на расстоянии почти пяти локтей; от шеи до ног растянутый пеликан был длиной с мужчину; голову его я взял с собой и подарил в готторпскую кунсткамеру. Кто желает иметь больше сведений об этой птице, тот пусть прочитает в недавно вышедшей в Риме книге индийского медика Франциска Эрнандеса «*Historia plantarum, animalium et mineralium Mexicanorum*». Здесь сказано, что в некоторых местах, особенно в Мексике, у этой птицы, как говорят, клюв усажен зубами. Тут же говорится, что пеликан водится во многих частях мира, и поэтому может быть назван космополитом. Там же помещено очень подробное рассуждение, действительно ли, как полагает Альдрованд, под описываемой у Аристотеля в «Историях о животных», кн. IX птицей понимается и подразумевается этот зобатый гусь; автор в этом деле полемизирует с Альдровандом.

Наряду с этой птицей мы видели и другую, нам неизвестную породу птиц, довольно схожую с утками, но несколько больше, с длинными шеями и круглыми крепкими клювами, также с крючком спереди; их перья везде черны, как у ворона. Перья, вытасненные нами из крыльев, были столь же тверды, как вороньи,

но больше вороньих: они были нам очень удобны для черчения и рисования. Русские зовут эту птицу «баклан»; говорят, она вылетает больше ночью и летит на воду. Кажется, что это чуть ли не та птица, которую Альдрованд в своей «Ornithologia», кн. XIX, стр. 58, называет «avis Diomedea». Многие качества обеих птиц совпадают, с той лишь разницей, что «баклан» черен, как смоль, а птица Альдрованда серого или пепельного цвета.

15 октября мы прибыли к устью или входу в Каспийское море; оно расположено в 12 милях от Астрахани. Здесь там и сям видны были многие небольшие, поросшие тростником возвышения и острова; протекая вокруг них, Волга направляется в море; поэтому некоторые и полагают, что Волга впадает в море столь многими разделенными потоками. Целых 6 миль тянется исключительно вязкий тинистый грунт, на котором воды повсюду было не более 4 или 5, или в крайнем случае 5 1/2 фут. Поэтому мы зачастую усаживались на дно и застревали в тине, так что в 7 дней, пока ветер дул к морю, мы, после очень хлопотливого перетягивания корабля то туда, то сюда, успели пройти не более 4 миль.

Наиболее трудными днями для нас были 18 и 19 октября. 18 мы налетели на мель в 5 фут. После того как мы, через 5 часов крайне усиленной работы, перебрались через нее и получили 6 фут под собой, мы заметили, что попали лишь в яму, вокруг которой повсюду было еще 4 или 4 1/2 фут. Поэтому с таким же трудом нам пришлось тащить судно обратно на прежнее место. Когда ночью ветер перешел на СЗ, вода за-

метно спала, так что мы сохранили лишь 3 фута, и корабль глубоко уселся в ил. Хотя мы с помощью татарской баржи и нашей шлюпки и освободили корабль от тяжелого груза и якорей, а люди наши целый день, без еды и питья, несли лошадиную работу, тем не менее успеха не было, и нам пришлось терпеливо ждать счастья и хорошего ветра, чтобы, поднявшись с моря, он нагнал воды. Некоторые из нас, вследствие этого, не мало испугались, подумав, что казаки могут нас здесь продержат как бы пленниками. К тому же еще опустился густой туман, и мы едва могли видеть что-либо на расстоянии длины корабля. Когда при этой пасмурной погоде нам повстречалась русская баржа, шедшая с моря, и неизвестно было, что за народ в ней, то, по приказанию посла Брюг[ге]мана, над ней дан был выстрел из пушки. Русские были крайне недовольны, начали нас всячески бранить, говоря, что вода принадлежит его царскому величеству, и для них столь же свободный проезд по ней, как и для нас; если же у нас такая охота пострелять, то пусть бы взяли за казаков, которые ждут нас в море. После того мы еще два раза встречали русские баржи; когда мы их любезно окликнули, то они прислали послам в подарок прекрасные черкасские плоды, как-то: очень большие груши, грецкие орехи и мушмула.

21 октября, при тихой погоде, к вечеру, вода начала прибывать, достигла высоты в 5 фут, и нам стало несколько легче стаскиваться с места и передвигаться дальше в море. 22 с моря подул сильная буря, особенно с ЮЮВ, так что вода поднялась

еще на 9 пядей. Так как эта буря продолжалась целых 5 дней, то мы все это время принуждены были простоять тихо на одном месте.

23 того же месяца я при восходе застал солнце на ясном небе, причем оказалось, что, судя по компасу, оно взошло на 22° более к югу, чем следовало ожидать. Отсюда можно заключить, что склонение магнитное в данном месте составляет 22° от севера к западу.

27 того же месяца ветер несколько улегся, мы снова поместили груз на корабль; рассчитали татарскую баржу и пошли на парусах. Однако, пройдя не более мили, вновь застряли на грунте; поэтому мы тотчас отправили нашу шлюпку назад, чтобы звать татар обратно. Когда 28 рано утром корабль опять оправился, и мы заметили, что с Волги за нами идут 13 парусов, то мы, полагая, что это, вероятно, персидский и татарский караваны, оставили татар и стали поджидать приближающиеся суда. Оказалось, что это князь Мусал, два персидских купца и 600 стрельцов с полковником на нескольких лодках, посланные царем для занятия гарнизоном города Терки. Когда мы увидели, что наш русский лоцман не знает ни пути, ни плавания, а между тем мы не могли найти нашего пути и по обычным сухопутным и морским картам (они, как видно из нашей прилежно намеченной и приложенной в конце книги карты, совершенно неверны), то мы и старались найти среди русских хорошего путеводителя. Поэтому вечером, когда корабли стали, мы пошли приветствовать стрелецкого полковника и пригласили его к нам на судно. Этот последний, после хорошего приема

и угощения разными ценными напитками, лестными словами и с трогательным выражением лица начал выхвалять свое доброе сердце и любовь к нам, говоря, между прочим, что «у него сердце плакало и он не мог заснуть, пока не увидел нас опять здоровыми; о нашем благополучии он должен немедленно сообщить воеводе в Астрахань». Он радовался, что оказался случай услужить нам, и сказал, что все его люди в полном нашем распоряжении; он обещал сейчас же прислать со своего судна самого лучшего лоцмана и сделал еще много услужливых обещаний, которые нас, при тех обстоятельствах, в которых мы находились, не мало обрадовали. Однако, как только он попал на свое судно, он сейчас же поднял паруса и уехал, может быть — потому, что мы сейчас же не пошли к нему навстречу с «посулом», или подарком, к чему все русские призывали, и не наполнили ему рук.

Этот солдат был так одарен бесстыдством, что в Терках потом с другими знатными господами без стеснения опять поднялся па судно, чтобы посетить послов. Когда ему напомнили об этой проделке, он ответил только: «Я виноват».

Когда мы таким образом были обмануты, мы послали на чужое персидское судно с просьбой о совете и помощи. Перс, патрон судна и в то же время хозяин груза его, сам взялся быть нашим лоцманом. Он передал своим слугам свое судно и грузы и направился к нам — чего бы мы не легко предположили даже и о христианине. Перс этот хорошо знал море, понимал компас, хотя большинство персов плавают не по нему, направляют и устраивают свое пла-

вание или лишь по берегу суши, от которой они не отдаляются далее 3—4 миль, или по Полярной звезде. Когда он этой ночью около 11 часов пришел на судно и увидел, что погода хорошая и сияет луна, он велел поднять якорь, направил курс к югу, и при слабом восточном ветре мы легко пустились в путь. Именно в этот же самый день мы за год до этого в Балтийском море также стали под паруса у Травемюнде и притом с той же удачей. В течение всей этой ночи воды было не более 10 фут, но потом глубина стала увеличиваться, дошла до 3 сажен и немного более. По правую сторону поднимается в 4 холмах суша, которую они называют здесь Сухатер, откидывая в море длинный мыс или уголь. Конец этого мыса считается в 100 верст, от Астрахани и 200 от города Терки, но версты эти невелики.

29 того же месяца мы при приятном солнечном свете шли с ветром с ЮВ и в полдень поставили паруса к югу, после полудня к ЮЗ; постоянно мы имели 3 1/2 сажени воды на грунте, смешанном из раковин и грубого песку. В этот день мы, вследствие залива, следовавшего за мысом, не видели суши, а вечером около 8 часов стали якорем при вышеуказанной глубине. Здесь магнитная стрелка отклонялась от С к З на 20°.

30 октября мы при начале утренней зари снова стали под паруса. После восхода солнца мы увидели сушу Черкассии, которая изгибом в роде полумесяца протягивается с ЮЗ к СВ вдоль моря, образуя довольно большой залив. Мы направили наш курс на мыс, но так как ветер перешел на ЮВ и начал гнать нас в залив, то мы

около полудня бросили якорь при глубине в 3 1/2 сажени на глинистом грунте. Этот мыс считается в 6 милях от Терок. В заливе мы увидели 20 лодок, подумали, что это казаки, и выстрелили из пушки мимо них. Однако это были рыбаки из черкасских татар в Терках. Они доставили на корабль несколько белуг, по 15 копеек за штуку. Брюха рыб были полны раков, из которых некоторые еще были живы.

В этот день мы торжественно справили благодарственное празднество, так как в этот самый день, год тому назад, многомилостивый Господь Бог нас столь милосердно спас от эландских скал. Тем временем наш персидский лоцман на лодке поехал к своему судну, стоявшему на якоре почти в полумиле за нашим, с той целью, чтобы передать дальнейшие приказания своим людям. Мы думали, что он сдержит слово вроде русского полковника, но он на следующее утро заблаговременно явился вновь на корабль, а своему судну велел ехать перед нашим.

В последнее число октября нас рано окутал густой туман при совершенно тихой погоде. Когда к полудню воздух прояснился и ветер, хотя и слабо, подул с севера, мы, с помощью лавирования и гребли, выбрались из залива и стали на якоре против мыса или выдающейся части суши. После полуночи мы опять подняли паруса и с хорошим ветром 1 ноября рано утром пришли к городу Терки, где бросили якорь в двух ружейных выстрелах от берега, у которого вода очень мелка.

В течение этой ночи несколько сот казаков на лодках подстерегали нас, но упустили и наткнулись на

Мусала и стрельцов. Когда они, однако, из многих криков и возгласов стрельцов поняли, что встретят достаточное сопротивление, то они отошли, говоря, что желают поискать немцев. Когда к утру в городе распространился слух о нескольких выехавших вперед казаках, то произошла большая сумятица. Здесь думали, что Мусал, их князь, все еще в бою с казаками; в этом мнении их еще более подкрепляло непривычный для них наш салют из орудий. Мы даже стали для них из-за этого подозрительны. Поэтому русские и татары с ружьями, на лошадях, пешком и в лодках, столпились на берегу. Когда они, однако, увидели, что князь Мусал со стрельцами весело плывут за нами и что сам он, проезжая мимо нашего корабля, обнажив голову, любезно кивает нам и просит, чтобы мы посетили его в доме его матери, то они поняли, что мы — друзья. Вследствие этого среди них начались сильное веселье и ликование.

LXXVIII

(Книга IV, глава 13)

О городе Терки и о том, что с нами там случилось

Город Терки лежит в доброй полумили от берега на небольшой очень искривленной речке Тименке, которая отведена сюда от большой реки Быстрой, о которой будет сказано ниже. Так как берег здесь на 1/4 мили протяжения низок, болотист и порос тростником, с моря нельзя иначе попасть в город, как по речке. Несколько глазу заметно кругом,

местность тут ровная и не видно ни холма, что противоречит карте Николая Иоганна Пискатора (в остальных отношениях наиболее правильной для этой местности): Пискатор ставит Терки на горах, смешивая, вероятно, черкасские Терки с дагестанским Тарку. Высота полюса здесь $43^{\circ} 23'$. Водой из Астрахани сюда считается 60 миль, а сушей 70 миль. Это самый крайний город московского царя; он занимает в длину 2000, в ширину же 800 фут, окружен деревянными стенами и башнями и хорошо вооружен многими малыми и большими металлическими орудиями. На площади перед двором воеводы среди других больших длинных орудий мы заметили и два полукартаульных.

В настоящее время великий князь инженеру Корнилию Клаус(ен)у, ехавшему с нами в качестве шкипера в Персию, велел укрепить город по современному способу, насыпанными здесь валами и крепостными сооружениями. Ежедневный гарнизон этого города состоит из 2000 человек, которые находятся под наблюдением и управлением воеводы и полковника. В городе находятся три приказа или канцелярии, и каждой из них подчинены 500 стрельцов. Князь Мусал имеет в своем придворном штате еще 500 человек, которые в случае необходимости должны действовать заодно с остальными. Черкасские татары живут по эту сторону речки в особом городе. Подробнее о их жизни, деятельности и странных религиозных обычаях будет сказано ниже, при описании возвратного путешествия, когда мы спойно оставались у них в течение нескольких недель и вполне изучили их природу.

Тарку, город татар в Дагестане у Каспийского моря

На другой день по прибытии нашем к городу персидский купчина и другие купцы опять прислали послам разных плодов и велели спросить: «намерены ли они ехать дальше сушей или морем? Теперь весьма удобное время для сухопутной поездки, так как русский посол, ожидаемый через 3 дня в Терках на возвратном его пути из Персии, доставит с собой до самой границы 200 верблюдов и столько же мулов; с ними мы могли бы желанным образом двинуться в путь и в безопасности пройти через область дагестанских татар, которые являются архиразбойниками вместе со своим шемхалом или верховным главой; они, купцы, пошли бы вместе с нами». Поэтому поводу

наши послы тотчас же попросили у воеводы пропуска через сушу и одновременно послали нашего персидского переводчика, Рустама, для получения верных сведений, к дагестанской границе, лежащей в 6 милях за Терками. Однако персы с их животными уже успели вернуться. Воевода сначала наотрез отказал в нашей просьбе, по потом, когда он узнал, что персидские средства передвижения уже не имеются на месте, он велел сказать через полковника: он намерен не только разрешить нам путешествие по суше, хотя он и не имеет на то царского приказания, но и способствовать этому путешествию возможно сильнее и вообще и во всем другом выказать нам свою

Город Терки

дружбу. Однако толку в этом было мало.

В эту ночь на корабле поднялся большой спор и мятеж среди боцманов, возмущившихся против шкипера Михаила Кордеса. Некоторых из них пришлось заковать в железо. На следующий день по этому делу открыто производился суд. Была выслушана жалоба означенного шкипера, допрошены были также и обвиняемые, произведено было строгое расследование, и парусник Тис Мансон, в качестве зачинщика, был присужден к тюрьме, в которой он должен был оставаться в Терках до нашего возвращения. Воевода, по просьбе послов, прислал полковника, который был одет в панцирь, под кафтаном, и в железные рукавицы; с ним был какой-то князь в красном бархатном кафтане. Они увели арестованного боцмана.

4 ноября мать Мусала через посланных благодарила послов за дружбу, оказанную во время путешествия ее сыну, и просила, чтобы послы до своего отъезда зашли к ней и получили от нее благословение на дорогу.

После обеда явился знатный перс с несколькими слугами из города, чтобы приветствовать послов. Это был кастрат; его прислал шах персидский, чтобы увезти сестру татарского князя Мусала к шаху для брака. Он обещал оказать всяческую службу послам. Он, вместе со своей свитой, так охотно пробовал наши напитки, что все они не знали, как ушли с судна, и одного из слуг, как мертвое животное, в бесчувственном состоянии пришлось с корабля спустить в лодку.

6 того же месяца я с фон Мандельсло и другими нашими знатнейшими служащими был отправлен,

чтобы подарить воеводе большой бокал, а обер- и унтер-канцлеру каждому по перстню с рубином; кроме того, мы должны были приветствовать князя Мусала вместе с его княгиней-матерью и пожелать всякого благополучия по случаю счастливого возвращения ее сына. Нас везде хорошо приняли и великолепно угостили фруктами, водкой, пивом, медом и вином. Здешний воевода проявил такое же великолепие и пышность, как нижегородский. Среди других разговоров он упомянул и о природе и свойствах персов, которые «произносят очень любезные и льстивые речи, но не заслуживают даже наполовину веры в свои слова, так как дела соответствуют их поступкам едва наполовину».

Князь Мусал принял нас любезно перед своим двором и провел нас к матери своей в большой выстроенный из глины зал, 4 стены которого были полны сводчатых ниш, где частью стояли красиво убранные и уложенные шелковыми и бумажными одеялами кровати, частью же лежали разные вытканые и шитые пестрым шелком и золотом платки. По сторонам стояли несколько ящиков, которые были наполнены подобными же вещами и застланы коврами. Вверху у стен под потолком висели два ряда пестро раскрашенных деревянных и глиняных сосудов. Колонны внутри дома были обвешаны многими красивыми саблями, луками и стрелами. Старая княгиня, высокая осанистая матрона лет 46—60, по имени Бикэ, сидела на стуле в длинном черном, подбитом соболями кафтане или спальном халате. Сзади на голове у нее был прикреплен надутый бычий пузырь, который, по-

добно голове, был обвит флером, шитым шелком и золотом; вокруг шеи был надет пестрый шелковый платок, концы которого свисали вниз и были распущены на плечах. За ее стулом стояла прислужница, с таким же пузырем на голове. Говорят, это — признак вдовства. По правую сторону ее помещались 3 ее сына; из них 2 младших были и простых крестьянских одеждах и в накинутых войлочных плащах; за ними стояли несколько слуг, которые из-за недавнего убийства старшего сына надрезали себе лбы. По левую сторону помещался длинный ряд старых татар, представлявших собой придворных офицеров и советников. После того как княгиня Бикэ любезно ответила нам на наше приветствие, она велела поставить рядом с собой несколько стульев и нам присесть на них. Так же точно перед нами был поставлен небольшой стол, который был уставлен всякими фруктами, медом и водкой. Несмотря на нашу просьбу, сыновья не желали садиться при нас, указывая на то, что у них не принято, чтобы во время бесед или при чужих гостях они могли сесть в присутствии своей матери; напротив, они должны из почтения к ней все время стоять и прислуживать.

После того как мы некоторое время поели, а княгиня и сыновья и советники вдосталь попробовали нашу одежду спереди и сзади и с изумлением осмотрели ее, она сама подала каждому из нас по серебряной чаре, полной очень крепкой водки, как говорят, приготовленной из пшена. То же сделал и князь Мусал, примеру которого последовали его братья. Нас попросили, чтобы мы разрешили и слугам нашим выпить,

что она им поднесет. Тем временем за княгиней открылась дверь в комнату, в которой можно было видеть много женщин. Впереди всех стояла ее дочь, выдававшаяся замуж за шаха персидского, барышня лет 16, прекрасной белизны и чистоты лица, с черными, как смоль, свисавшими сзади кручеными локонами. Находившиеся в этом помещении столь же, как и находившиеся вне его, любопытствовали посмотреть на нас и на наш костюм; они глядели одна через другую; зачастую, по кивку Бикэ, закрывали дверь, но потом опять открывали ее. Они теребили одного из наших слуг, потащив его в сторону двери, осматривали его одежду и шпагу, которую он ради них должен был обнажить, удивлялись полировке, но когда мы хотели посмотреть на них, они опять скрывались, чтобы вновь выйти наружу, подобно Галатее.

В конце концов, когда персидский посланец жениха, по обыкновению своему, пришел и сюда, дверь к женщинам была поспешно закрыта, и более ни одна из них не показывалась. Вскоре после этого мы простились и пошли посмотреть татарский город. Здесь нас встретили несколько красивых молодых татарских женщин в разнообразных крашенных рубахах. Они без стеснения хватили нас и не хотели раньше отпустить от себя, пока ими не был вполне ошупан и осмотрен наш костюм.

6 того же месяца купчина дал нашему послу прочитать письмо, которое, по его словам, дербентской губернатор отправил в ответ ему на его письмо из Астрахани от 25 сентября. В этом письме султан выражал сердечную радость по случаю наше-

го прибытия и советовал, чтобы купчина приезжал не раньше, как доставив по водному пути и нас с собой.

17 того же месяца персидский толмач Рустам прибыл обратно с дагестанской границы с сообщением, что персы не только убрали назад всех верблюдов и все повозки, но также забрали и все дерево и весь хворост, чтобы пользоваться ими во время плохой дороги. Поэтому было решено, что дальше мы поедем водой.

8 того же месяца мать Мусала отправила послам подарки, а именно: двух овец, 60 кур, а также другие съестные припасы и напитки. Так же точно и старший канцлер [дьяк] русский прислал одну овцу, полбочки масла и бочонок меду. После полудня пришел Мусал, чтобы проститься с послами. Он привел с собой дагестанского мурзу, брата того, что княжил в Тарку; поверх простой одежды у него надет был мохнатый войлочный плащ, подобно как у других простых татар. Он сказал, что пришел нас проводить до резиденции своего брата в Тарку. Он был высокомерного нрава; ему не нравилось, что к Мусалу относились дружелюбнее и любезнее, чем к нему; он не захотел также стоя пить здоровье великого князя, а когда Мусал продолжал настаивать на том, чтобы он встал и сказал, знает ли он, в чей он земле, он высокомерно отвечал: он сомневается в том, в земле ли он великого князя или своей собственной (Терки и вся эта область раньше принадлежали татарам). С Мусалом он начал браниться, говоря, что, хотя тот и ходит в красивых одеждах, все-таки он не что иное, как раб великого князя; он же в своих простых одеж-

дах князь свободный, никому, кроме Бога, неподвластный; в конце концов, он вовсе не захотел пить здоровье великого князя, поднялся и уехал. Слуги его унесли у нашего пастора его серебряную ложку и нож, случайно лежавшие на столе, а от моего камзола, крепко уложенного на моей постели под подушкой и другими вещами, совершенно отрезали и захватили с собою свисавший вниз рукав.

Мусал же с послами продолжал веселиться и, в конце концов, попросил за нашего арестованного боцмана, чтобы его выпустили из темницы и милостиво приняли вновь, что и было исполнено. Поэтому меня с гофнкером поздно вечером послали в город к воеводе, чтобы вновь освободить арестанта и в то же время пожаловаться на никуда негодного и сбежавшего третьего дня русского лоцмана. Ночью за нами был послан лакей, чтобы сообщить, что ветер благоприятный и что нам следовало бы спешить на корабль, даже если мы ничего не успели справиться. Когда, однако, мы, вполне исполнив поручение, вернулись к морю, то корабль уже успел подвинуться вперед, но, так как ветер вдруг стал дуть в обратную сторону, нам пришлось грести против ветра. Мы должны были поэтому бросить якорь. Тем временем воевода прислал нам свои подарки, а именно: 100 штук копченой рыбы, 4 бочки пива, и бочку французского вина, и бочку меду, и бочку уксусу, 2 овец, 4 длинных пряника и несколько хлебов. Слуги, принесшие эти подарки, получили несколько рублей деньгами и вволю водки; достаточно напившись, они, ударив челом, уехали.

LXXIX

(Книга IV, глава 14)

Дальнейшая поездка морем до кораблекрушения. Также о горах Кавказ, Тавре и Арарате

10 ноября мы рано утром с ветром с ЮЗ стали под паруса, желая направиться к пограничному городу в персидских владениях, Дербенту. К полудню мы издали увидели большую лодку, плывшую к нам навстречу. Она сначала шла вправо от нас, затем направилась прямо в нашу сторону; при этом то она становилась под паруса, то убирала их. Когда она подошла поближе и мы заметили, что она боится нас и уходит, Б[рюггеман] велел направить наш курс прямо на нее, людям нашим стать под ружье и в то время, как лодка находилась на расстоянии выстрела от нас, дать выстрел из орудия, нацелив его рядом с лодкой. Бедные люди, сильно испугавшись, убрали свои паруса. Когда мы подошли к ним, то оказалось, что это персидские торговцы фруктами, с яблоками, грушами, квитидами, орехами и т. п. На лодке был брат нашего персидского лоцмана. Когда он услышал, что ему серьезно приказывают пристать к борту, и в то же время увидел своего брата, он стал жалостливо говорить: «Ах, брат, ты захвачен в плен этими чужими людьми: как случилось с тобой это несчастье? Не могу помочь тебе, так как и меня сейчас берут в плен». Хотя брат по-турецки и закричал ему: «Korghma, duschman lar dekul» («не бойся, это не враги»), он все таки, ошеломленный неожиданным чуждым видом нашим и встречей среди

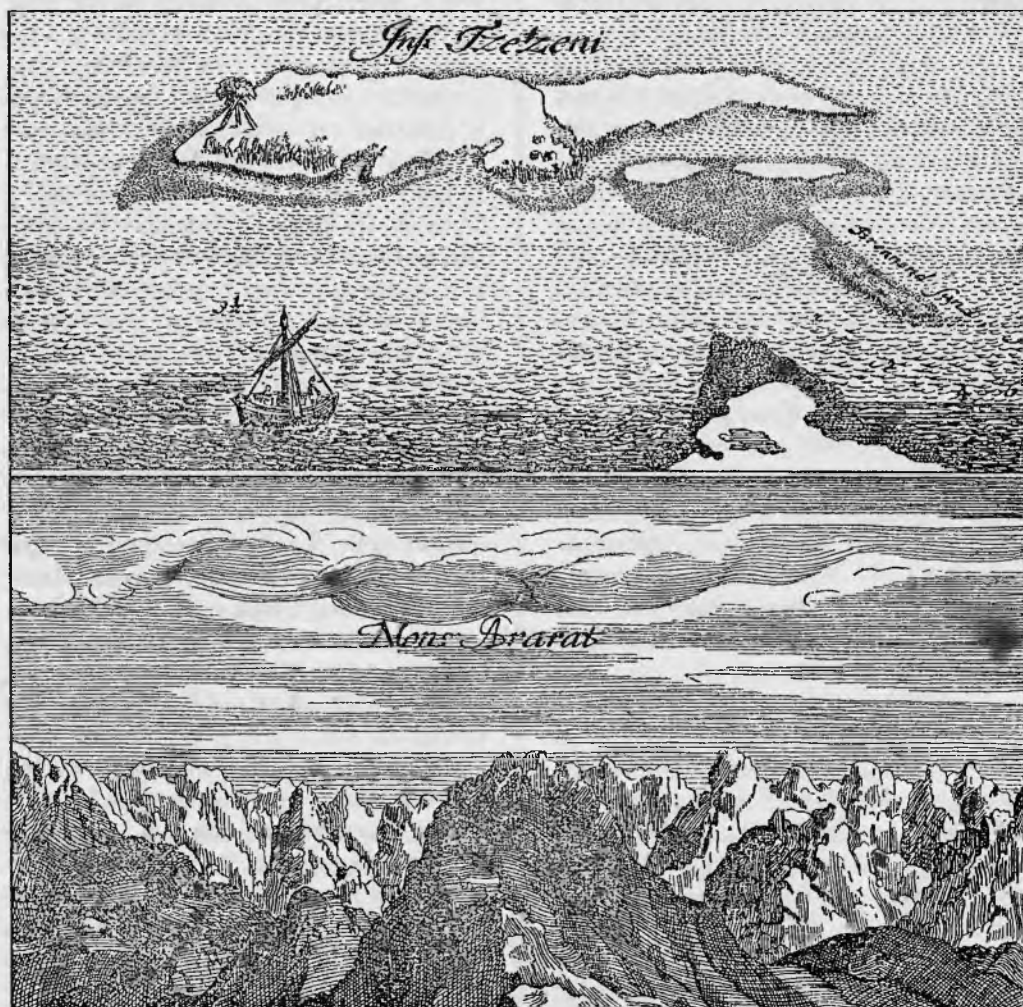
нас брата, ожидавшегося им на собственном его судне, не мог понять, в чем дело, и думал, что брата его принуждают так говорить. Он печалился до тех пор, пока брат не рассказал ему, почему он у нас и что собственное его судно идет за ним следом. Тогда он успокоился, пришел на корабль, подарил послам разных фруктов, а наши люди купили у него пять больших яблок за 1 зекслинг и столько же груш, а также 50 грецких орехов за 1 зекслинг. Послы за его подношение дали ему денег и водки и отпустили его. Таким образом закончилась эта яблочная война.

Вскоре за тем мы подошли к острову, лежащему в левую сторону в 8 милях от Терок. Русские зовут его Четлан, а персы Джедени. Согласно с обыкновением персов, которые здесь обедают и отдыхают, мы стали здесь на якорь на глубине воды в 3 1/2 сажени. Георга Дектандер, ходивший в 1602 г. в качестве посла римского императора Рудольфа в Персию, но один лишь оставшийся в живых и вернувшийся этим путем, упоминает об этом острове в своем описании путешествия. Он говорит, что, ввиду случившегося здесь мороза, ему пришлось здесь вкусить от подаренных ему шахских лошадей. Так как у нас оставалась еще некоторая часть дня, то послы с некоторыми из нас велели себя переправить в шлюпке на остров. На нем мы не застали ничего, кроме бакена из острых длинных связанных вместе шестов, на которых лежало много кореньев и хворосту, чтобы по ним мореходам был виден этот остров, сам по себе низкий. Тут же были две большие ямы, в которых разводился огонь: обыкновенно здесь, как говорят, останав-

ливаются казаки. Остров простирается почти на 3 мили с СЗ к ЮВ; он песчаный, на некоторых местах по берегу покрыт тростником, в иных местах совершенно бел от выброшенных на берег ракушек, издали кажущихся точно известковой почвой. Остров лежит под высотой полюса в $43^{\circ}5'$. Это единственный остров вплоть до самого Гиляна; он лежит к западу [востоку?] от обычного курса судов

и шкипера оставляют его с левой стороны.

Отсюда мы увидели по ЮЗ на суше очень высокие горы, которые на небе представлялись сходными с голубыми облаками. Они простирались с севера на юг и имели вид, представленный на прилагаемом рисунке. Наши люди назвали их Черкасскими горами, так как они лежат за Черкасией. Русские и черкасы

Остров Чечен и гора Арарат

называют их Золотыми. На самом деле это — знаменитые горы Кавказские, которые лежат в области Колхиде, известные по плаванью туда Иазона и похищению золотого руна из Аполлония Родосского «Argonautica». Горы эти, ввиду большой высоты своей (они оставляют облака далеко внизу и простираются как бы до звезд) дали поэтам повод к созданию сказки, будто Прометей на них при помощи сухой ветки похитил с солнца огонь и снес его вниз к людям.

На самом деле, однако, как объясняет Сервий, это баснословие содержит в себе нечто истинное. Прометей, как человек умный (последнее видно и из имени его), с этой кавказской горы, далеко превышающей облака, прилежно изучил путь, восход и заход планет и других звезд и был первым лицом, сообщившим ассириям астрономическую науку. Он же заметил, как гром и молния образуются под ним, как от солнечных лучей можно зажечь огонь, искусно воспроизвел этот опыт и показал людям. Так как легко себе представить, что в столь суровых горах он перенес много неприятностей и забот, то и говорили, будто он был прикован к скале и орел грыз его сердце.

Об этой горе и басне упоминает, говоря о них вполне справедливо, Кв. Курций: «Войско пришло к Кавказским горам, хребет которых, непрерывной грядой своей разделяет Азию. Отсюда, с одной стороны, открылся вид на море у берегов Киликии [и Красное море], с другой — на пролив Каспийский, на реку Аракс и другие пустынные области Скифии. Тавр — второстепенной высоты гряда — соединен с Кавказом; он, под-

нимаясь в Каппадокии, проходит Киликию и соединяется с горами Армении. Столь многие гряды, соединенные как бы цепью друг с другом, представляют непрерывную возвышенность, с которой стекают все почти реки Азии: одни — в Красное, другие — в Каспийское, третьи — в Гирканское и Понтское моря. В 17 дней войско перешло через Кавказ. В нем есть скала в десять стадий в окружности и четырех в высоту, к которой, по свидетельству древности, был прикован Прометей». Все эти горы в связи одни с другими; они поднимаются в Каппадокии, проходят через всю Персию и достигают Индии. В ширину эти горы у Каспийского моря, в сторону Понта, насчитывают 60 миль. В разных местах здесь различные наименования. К Кавказу примыкает Армянская горная страна, в которой находится Арарат.

Гора Арарат, на которой, как сказано в 8 главе I книги Моисеевой, остановился Ноев ковчег, теперь именуется армянами «Мессина», а персами — «Агри», арабами же — «Зюбейлан». С виду она, пожалуй, еще выше Кавказа; это была самая высокая гора, нами виденная за все путешествие. Это — совершенно черная, суровая скала; вершина ее как зимой, так и летом покрыта снегом. Высшие точки ее около 10 — 15 миль от Каспийского моря. Армяне, как и персы, уверены, что и в настоящее еще время кусок Ноева ковчега, отвердевшего вроде камня, находится на горе. Некоторым лицам из нашего посольства в Мидии, в Шемахе, в армянской церкви, показывали крест, длиной более чем в пол-локтя, из темно-коричневого дерева. Говорили, будто это кусок Ноева ковчега. Как

большая святыня, крест был завернут в шелковый платок. Говорят, что на гору теперь нельзя взобраться. Не только на несколько миль кругом, сколько можно обозреть, имеются лишь высокие суровые скалы и глубокие долины, но и высокая гора эта сама — может быть, от землетрясения — вся в разных местах раскололась и раздалась, так что из-за широких и глубоких ущелий нельзя пробраться в место, где находился ковчег.

Посол Имамкули-султан, которого шах персидский послал к его светлости князю шлезвиглтинскому и проч., владеет домом и живет недалеко от этой горы, а именно в области Карабах. Он много о ней рассказывал. Ввиду этих высоких гор, видных весьма издали, удобно ездить по Каспийскому морю, так как горы своими различными высотами и вершинами хорошо показывают путь.

11 того же месяца мы, по восходе солнца, вновь стали под паруса, взяв курс, рядом с островом, по направлению к югу. Почти у самого конца острова от материка в море направляется мыс или коса с песчаным рифом. Так как и напротив стороны острова идет длинный риф, то фарватер здесь узок и опасен, тем более, что у конца острова, с левой стороны, фарватеру мешает песчаная мель с бурунами. Прибыв на это место, мы опустили якорь и в лодке отправились искать по середине глубокого места. На расстоянии полумили перед нами оказалась глубина всего только в 2 сажени, а за мелью вновь глубина стала оказываться в 6, 7 и более сажен. Когда мы прибыли в глубокое место и ветер оказался попут-

ным, мы направились к Дербенту, взяв курс на ЮЮЗ таким образом, что все время с правой стороны видели сушу. К полуночи ветер изменил направление и подул с юга довольно сильно нам навстречу. Мы всю ночь шли лавируя, но ничего не добились, так что утром, когда ветер стал усиливаться, мы оросили якорь, на глубине 12 сажен. Здесь грунт был иловатый.

LXXX

(Книга IV, глава 15)

О втором нашем кораблекрушении

После того как мы 12 весь день простояли на якорю, к вечеру после 9 часов ветер переменялся и сильно подул с севера, мы вновь снялись с места, шли совершенно перед ветром (фордевинд) с курсом Ю к В [ZtO] и к 11 ч. имели грунт на глубине то 20, то 30 сажен, то совсем его теряли. Так как ветер перешел в бурю, то мы, не желая, в столь незнакомых водах, темной ночью, когда ничего нельзя было видеть кругом, давать кораблю слишком сильный ход, сняли все паруса, но, тем не менее, ветер нес нас с быстротой 2 миль в час. После 12 часов ночи одно несчастье за другим стало обрушиваться на нас. Прежде всего лот, при втаскивании, зацепился за корабль и затонул. Шлюпку мы сначала передали в особое управление двух боцманов, поручив им идти на парусах за нами, но так как шлюпка была низка, волны часто заливали ее, и боцманы, считая себя не в силах бороться с ними, поспешили вновь на корабль

и привязали шлюпку с помощью каната. Мы тащили за собой также корабельную лодку, а также и другую еще, купленную у русских. Все эти лодки, раньше, чем мы успели спохватиться, наполнились водой, и сначала погибла из них русская, а затем и корабельная. Наконец оборвалась и шлюпка, после того как с большим затруднением для корабля, ее некоторое время удавалось тащить позади, и затонула. На ней находились несколько орудий для каменных снарядов, ядра, цепи, канаты, смола и другие необходимые для корабля вещи; все они погибли также. Таково было начало нашего кораблекрушение на Каспийском море. Высокие и короткие волны приводили к тому, что наше судно, которое было очень длинно и лишь из соснового дерева, извивалось как змея и расходилось в скреплениях. Нижняя часть постройки так скрипела, что во внутреннем помещении едва можно было слышать собственное слово. Волны, одна за другой, опасно обрушивались на корабль и перебрасывались через него, заливая его так, что нам постоянно приходилось выкачивать и вычерпывать воду. Мы чувствовали себя при этом очень нехорошо, так как вспоминали, что уже испытано кораблем на Волге и при выходе в [Каспийское] море вследствие постоянного таскания в ту и другую сторону. Персидский лоцман также хотел быть на своем судне и поближе к суше, так как если бы корабль затонул, то решительно не на чем было спастись хотя бы одному человеку. Поэтому вновь мы провели ночь в сильном ужасе, страхе и опасениях.

13 ноября, с рассветом дня, мы заметили, что находимся недалеко от

суши. Мы увидели дербентские горы, от которых полагали себя в расстоянии приблизительно 10 миль. Так как буря несколько поулеглась, мы подняли большой парус [гротсель], а затем, чтобы тем скорее достигнуть суши, еще и мачтовые паруса [марсели]. Так как мы, однако, ночью слишком далеко вдались в море, а ветер, дувший с С к В [NtO], был слишком силен, мы, ради ветра, с горем должны были проехать мимо давно желанного города Дербента. Мы прошли мимо персидского берега, который тянется в постоянном направлении с С на Ю, и искали пристанища, которое нашли в 10 милях за Дербентом у персидской деревни Шазабат, которую у нас называли Низовой; пришлось, однако, остановиться в открытом море, в котором мы, около 4 часов пополудни, бросили якорь на глубине 4 сажен при иловатом грунте. Против Дербента и за ним более чем на 6 миль тянется исключительно скалистый грунт, так что нельзя бросить якорь; и у самого Дербента нет безопасной гавани, где бы можно было пристать и оставаться на долгое время в безопасности. Когда мы теперь стали на место, ветер и волны сильно стали теснить судно, так что сломился румпель у руля. Поэтому мы тотчас же взяли за брусся, подняли руль из крюка и спустили его на канате далеко в море, чтобы он не разбил кормы у корабля. Корабль так беспокойно стоял на якоре и так стал заливаться водой, что мы остальную часть дня, а равно и всю ночь должны были пронести у насосов. В течение одного часа я насчитал 2000 выкачиваний, но все-таки мы не освободились от воды.

На следующее утро, 14 ноября,

когда стало спокойнее, мы охотно вышли бы на сушу, но не имели лодки. Поэтому мы велели несколько раз выстрелить из орудий и мушкетов, чтобы персы с суши пришли к нам. Когда, однако, в течение 3 часов никого мы не увидели, то начали скреплять доски и бревна, чтобы сделать плот, на котором полагали несколько человек выслать на берег. Наконец, с суши вышли к нам 2 лодки, посланные начальником села (здесь его называли кауха), и доставили два больших метка с яблоками и грушами для привета. Мы так же были обрадованы их прибытием, как они, по их словам, нашим прибытием. Они заявили готовность служить во всем и просили послов, чтобы те с корабля поспешили на сушу, забрав с собою все самое для них дорогое: на тихую погоду, по их словам, нельзя было надеяться; так оно на деле и вышло.

Послы с несколькими людьми, мушкетерами и поручиками, равно как и с лучшей частью багажа или вещей, сели в персидские лодки и уехали в то время как остальные (среди них, по известным причинам, находился и я вместе с фон Ухтерцом, маршалом и гофмейстером) остались на судне, чтобы переправиться в другой раз. На берегу стоял кауха на серой лошади, окруженный многими слугами. Когда он увидел, что лодки, ввиду мелкого дна, не могут вполне пристать к берегу, он сошел с лошади, послал свою лошадь навстречу послам и они, один за другим, на ней выехали из воды. Таким образом, около полудня послы, с Божьей помощью, впервые стали ногой на почву Персии.

Первым зрелищем, которое они

увидели на берегу, был поезд невесты, которую провели мимо них в другую деревню; невеста, а с ней многие женщины ехали верхом по-мужски на лошадях. Что же касается нас остальных, оставшихся на корабле, то с нами, говоря словами фон Мандельсло в его описании путешествия, гирканский Нептун начал играть ту же трагедию, которую в минувшем году об это же время играл балтийский. Едва послы высадились на берег, как с юга подул сильный ветер, который превратился в столь жестокую и страшную бурю, что я сомневаюсь, была ли более сильна буря в Балтийском море, прогнавшая нас мимо револьской гавани; из-за бури никто ни с суши не мог попасть к нам, ни мы не могли выйти на сушу. Вследствие этого мы вновь впали в крайнюю опасность и в сильную боязнь. Корабль, освобожденный от части груза, зачастую высоко подбрасывался волнами, поднимавшимися с горы высотой, опасно кидался в воздух, затем опять низвергался в пропасть, как бы проглатывался морем и вновь извергался. Обыкновенно вода стояла на верхней палубе с фут высотой, так что никто не мог долго стоять здесь. Наверху у поперечных брусьев судно сильно раздалось, так что мы опасались, как бы оно, будучи вообще в плохой сохранности, не переломилось посередине, где оно сильные всего сотрясилось. Якорь начало стаскивать с места, и нас понесло на четверть мили дальше: это мы усмотрели по деревьям, которые сначала видны были на суше за нами, а затем оказалось впереди нас. Поэтому мы выбросили еще два якоря, которые, однако, вечером, около 11 ча-

сов, оба оторвались; тогда мы выбросили и большой главный якорь. Вскоре за тем оторвался руль, привязанный к канату, и пропал. Корабль стало так заливать водой, что не помогало никакое выкачивание; пришлось поэтому не переставая вычерпывать воду котлами. Около полуночи, когда ветер получил восточное направление, корабль пришелся вдоль волн, которые так его качали, что оба борта глубоко западали в воду; при этом [грот]-мачта разбилась на три части и вместе с бизанью с большим треском повалилась за борт. Благодаря Божьей помощи никто не пострадал от этого, несмотря на то, что мы большей частью расположились вверху на судне рядом с бизанью. Боцманы кричали мне, не рубить ли им канаты, чтоб освободить корабль от опасных толчков со стороны [сорвавшихся] деревьев. Я охотно дал свое согласие.

Так как, из-за трехдневной бури, мы очень мало ели и совершенно утомились от бодрствования и постоянной работы, то мы, в конце концов, опустили руки и совершенно отчаялись. Вновь на нас напал страх смерти, и слышны были большой плач и жалобы. Я и Флеминг взяли каждый по два пустых бочонка из-под водки, связали их веревками и повесили себе на шею; мы сели на верхнюю каюту в том мнении, что если корабль затонет, то в таком виде мы тем скорее попадем на сушу к нашим спутникам или живыми или же в виде мертвых тел. Во время столь большой опасности корабельный плотник Корнилий Иостен спустился вниз в погреб, который теперь уже никем не оберегался, и так напился водки, что потерял сознание и упал замер-

тво на палубе; мы бы и не знали, что с ним случилось, если бы его не выдал сильный запах водки, шедший от него. Другие боцманы не покладая рук продолжали усиленную работу и увещевали людей наших еще потрудиться пару часов, так как, может быть, буря уляжется, и Бог пошлет помощь. Тут стали вновь даваться обеты, обещаны были милостыни бедным, и работа была продолжена с тем, чтобы хотя продержаться судно над водой. Мы вывесили сигналы в виде белых платков и несколько раз стреляли из орудий, чтобы указать на сильнейшую нашу опасность и просить о помощи.

Хотя бывшие на берегу достаточно видели и слышали нашу опасность и принимали ее к сердцу столь же, как и сами мы, находившиеся в опасности, а послы совершали всяческие усилия и Брюг[ге]ман даже с обнаженной шпагой гнал наших простых служителей в воду, чтобы они отъехали в персидских лодках на некоторое расстояние от берега, тем не менее не было никакой возможности, чтобы в такую погоду кто-либо попал к нам. Хотя к утру ветер несколько поулегся, тем не менее разгневанное море было так беспокойно и гнало одну волну за другою к берегу так, что никакая работа ничего не могла поделывать с ними.

Не видя и после полудня никакой помощи с суши и узнав от шкипера, что держится лишь большой главный якорь, и в то же время опасаясь, как бы к вечеру вновь не поднялась буря, я под секретом спросил у главного боцмана, что теперь делать, не лучше ли при таком положении корабля выброситься на берег, чтобы, по крайней мере, спас-

ти людей. Этот, а также и другой еще боцман полагали, что корабль вряд ли еще долго выдержать все то, что он уже выдержал, и что, по их мнению, было бы хорошо, если бы я поговорил об этом с наиболее видными людьми на корабле и потом переговорил от их имени со шкиперами. Однако когда маршал и я спросили шкиперов об их мнении, то они сказали: если люди не поленятся работать, то корабль еще продержится некоторое время, так как у них еще имеется большой якорь и канат, да и погода представляется сносной. В то же время они и боцман указали на следующее обстоятельство, которое, по-видимому, они больше всего принимали к сердцу: если у них больше не окажется под ногами судна, то в нашей свите они будут самими жалкими и презираемыми лицами, и для них жизнь будет хуже смерти. Они также опасались, что потеряют свое жалованье и свой достаток. Хотя и выражая предположение, что будь тут посол Брюг[ге]-ман, то он давно бы уже приказал с кораблем выброситься на берег, шкиперы, все-таки, противопоставляли свое мнение нашему. Люди наши с униженными просьбами и жалкими воплями стали приставать к нам, убеждая добиться того, чтобы корабль направили к суше и спасли их.

Шкиперы и боцманы, наконец, заявили, что, если мы ручаемся избавить их от убытков в случае какого-либо ущерба им, то они готовы выброситься на берег; для этой цели они потребовали от нас подписей и печатей. Вследствие этого мы, за подписью всех нас, дали им ручательство, которое, по общему их жела-

нию, было составлено в такого рода выражениях:

«Во имя милосердного Бога мы нижепоименованные, во время настоящей большой опасности, которой мы вновь, по Божьему соизволению, подверглись, условились со шкипером Михаилом Кордесом и Корнилием Клаус(ен)ом относительно нашего корабля и по достаточном обсуждении постановили так: хотя вышеупомянутые шкиперы и указывают, что в настоящее время погода споена, якорь и канат еще в исправности и, если люди хорошенько помогут в работе, то корабль еще может быть сохранен, мы, тем не менее, сочли за лучшее выброситься с кораблем на берег по следующим причинам: наш корабль в настоящее время в плохом состоянии, разбит и заливаается водой; он потерял руль, грот и бизань-мачты, потерял 2 якоря и корабельную лодку; народ весь изнурен постоянным бдением и работой, а в столь позднее осеннее время нельзя надеяться на постоянство погоды даже в течение половины дня. Вследствие этого мы находимся в крайней опасности для жизни, а между тем убеждены, что господам послам не столько нужен корабль, сколько нужны люди и груз, а более всего люди, которые, при подобных обстоятельствах, весьма легко все могли бы погибнуть, но могут быть сохранены, если выброситься на берег, не говоря уже о других причинах [к подобному решению], о которых будет сказано господам послам. Чтобы теперь и шкиперов и боцманов привлечь на сторону нашего предприятия, мы обязались избавить их от всякого ущерба и в этом выдали им настоящее ручательство. Напи-

сано перед Низовой на корабле «Friadrich» 16 ноября 1636 г.».

Когда после выдачи ручательства шкиперы опять стали колебаться и противоречить, а тоскливые просьбы и мольбы народа, по-видимому, имели превратиться в нетерпение и опасное ожесточение, стали раздаваться крики: «Смотрите, шкиперы, что вы делаете! За все души, которые теперь пропадут и погибнут из-за вашего упорства, вам придется дать ответ на страшном суде!» Шкиперы сказали: «Если мы выбросимся, и корабль разобьет в куски, то мы все же не все живыми выйдем на берег. Кто тогда даст отчет за потонувших?» Мы отвечали: «Так поступаем мы не преднамеренно. Нужно решиться на это; пусть лучше несколько человек спасутся, чем никто!» Весь народ на это стал кричать: «Да! Да!» Каждый готов был идти па опасность, потому что и так приходилось рисковать; все мы уже находились наполовину в пасти смерти. После этого маршал и я должны были подойти к якорному канату и дать первый удар по нему; затем боцманы совершенно отрубили его, срубили и фок-мачту, и корабль понесло к берегу. Так как корабль был внизу плоский и не имел киля, то он тихо сел на песок, приблизительно в 30 сажнях от суши. Один из боцманов обвязал канат вокруг тела, подплыл к берегу и при помощи людей, стоявших на берегу, притащил судно поближе к суши. Послы и другие люди, которые были сильно опечалены нашим несчастьем, считали нас уже погибшими и уже молились за наши души, столь же сильно были обрадованы нашим благополучием и прибытием, приняли нас со слезами радости на глазах,

а некоторые даже в радости бросились к нам в воду и на плечах вынесли нас на берег. Когда мы захотели извиниться перед послами из-за нашего решения, принятого в беде, и за то, что выбросились на берег, мы узнали, что посол Брюггеман уже давно приказал Корнелию Клаус(ен)у, чтобы он, в случае нужды, посадил корабль на мель у берега, и даже хотел нам сообщить об этом своем желании помощью двух вырванных из записной книжки листов, если бы только оказалось средство добраться до нас.

LXXXI

(Книга IV, глава 16)

О свойствах Гирканского или Каспийского моря

Это море у различных наций и племен имеет различные названия. Древнейшие народы называли его морем Хозара, как о том напоминает Бохарт в своем «Phalec»; Ортесий в «Thesaurus geographicus» указывает на то же неправильным названием Кунзар, и об этом же говорить Nubiensis Geographus (parte VII-ma climatis V-ti, pag. 263). Причина этому та, что род Фогармы, Гомерова сына (всех в этом роде было 10, а старший был Хозар), жил, как говорят, по берегу этого моря и далее вверх по реке Итиль или Волге; на это указывает вышеназванный Бохарт, на стр. 226, в I части, на основании таблиц Измаила Абульфеды.

Nubiensis, по имени расположенной у того же моря провинции, называет его Таберистанским. Мавры

зовут его Богар Корсун, как зовется ими и Аравийский залив. Персы зовут его Кюлзум, каковое имя дается и Красному морю, как видно из Nubiensis'a на том же месте и на той же странице. Обыкновенно оно у писателей называется Гирканским или Каспийским по расположенным здесь местностям и народам, иногда же, по расположенному в Ширване городу Бакуйе [Баку], его зовут Бакинским морем. Русские называют его Хвалынским морем.

Море это вовсе не имеет той формы и вовсе не соединено и не сливается с океаном или с открытым морем, как о том пишет Дионисий Африканский или Александрийский: «Каспийское море имеет такого рода форму, что побережье его как бы изгибается в виде круга. Несомненно, что начинается оно из океана, который с севера ударяется в скифское побережье».

Этому писателю, который, во времена императора Августа, как видно из биографии его, будучи еще молодым человеком, написал книгу по географии, но моря этого не видел сам, следуют многие выдающиеся авторы, так, например, Помпоний Мела, писавший во времена Клавдия, кн. III, стр. 185: «Море Каспийское сначала врывается внутрь суши узким и длинным проливом вроде как он реки, и в том месте, куда направляется прямое его русло, разделяется на три залива: против самого устья — Гирканский залив, налево — Скифский, а направо тот, который в собственном смысле называется по имени всего моря Каспийским».

Плиний, во II кн., гл. 67: «Поблизости же, под тем же созвездием

(в той же местности) от востока из Индийского моря целая часть склоняется к Каспийскому морю», и в VI книге, гл. 13: «Каспий из Скифского океана вытекает в противоположные части Азии. Прибрежные жители именуют его разными именами, из которых наиболее известны «Каспийское» и «Гирканское море».

Основываясь на этом, Солин, обезьяна [т. е. подражатель] Плиния, живший во времена Веспасиана, пишет в главе XXVII, стр. 148: «Каспийское море, разливающееся через хребты Азии, впадает в Скифский океан». То же пишет и Марциан Капелла, в книге VI, на стр. 147: «Здесь персидская граница примыкает к стране скифов, а именно к Скифскому океану и Каспийскому морю, через которые можно пройти к Восточному океану». Страбон также того мнения, что это лишь морской залив большого океана, а не закрытое море. В книге II, стр. 83, он говорит: «Океан соединен со многими заливами, из которых наибольшие — четыре: северный из них называется Каспийским морем или Гирканским, далее следует Персидский залив, залив Аравийский» и т. д.

Василий Великий, святой человек, одобряет этих писателей, говоря («Homil. IV in Hexameron.», pag. 47): «Есть лишь одно море. Хотя и полагают, что Гирканское и Каспийское моря такие, которые стоят отдельно, ограниченные в своих пределах, но если обратить внимание на труды лиц, которые занимались описанием земель, то окажется, что и эти моря с помощью проливов соединены со всеми, и что все направляются к величайшему морю». Макробий также склоняется к этой мысли, но

все-таки он несколько сомневается и говорит: «По нашему свидетельству, однако, не следовало бы описывать это море (Каспийское), так как положение его продолжает оставаться неизвестным для нас» («In somn. Scipionis», кн. II, гл. IX, стр. 78).

Я лично стою на стороне Геродота и Аристотеля; последний из них пишет: «Гирканское и Каспийское моря отделены от внешнего моря, и вокруг всего побережья их живут люди», а первый: «Море Каспийское существует само по себе и не соединяется с другими». Это — особое море, не имеющее ничего общего с большим морем; отовсюду оно окружено берегами и по праву может быть названо «Средиземным морем».

Все это подтвердили мне и гиллянцы, живущие с западной стороны этого моря, и другие персы, которых я старательно об этом спрашивал.

Длина Каспийского моря обыкновенно писателями определяется в 15, а ширина в том месте, где она больше всего, в 8 дней пути — если ехать безостановочно все время на веслах, не прибегая к помощи ветра. Если же я захочу расположить границы этого моря по городам и местностям, находящимся на берегу и определенным мною не только из «Каталога долгот и широт», полученного от персов, или из «Fragmenta astronomica» Иоанна Гравия, но и на основании личных исследований, то окажется, что длина моря простирается не так, как указывалось до сих пор на обыкновенных картах, с востока на запад, но с севера на юг, или от полуночи к полудню, а ширина от востока к западу, или от восхода

к заходу. Длина от начала моря у Астрахани вплоть до Ферабата равняется 8 экваториальным градусам и, следовательно, 120 немецким милям, ширина же от области Хварезм до Черкасских гор составляет 6 экваториальных градусов или 90 миль.

Некоторые из добрых моих друзей из Лейпцигского университета, увидя в моем первом издании карту Персии, писали мне, ставя в упрек, что я так расположил Персидское [Каспийское?] море: «Это против мнения, бывшего до настоящего времени у всех географов». Но так как я — как уже сказано — получил лучшие известия об этом деле, то я могу не обращать внимания на мнения других. Говорят так: «Из-за ошибки одного ошибаются все». Дионисий Александрийский по ошибке расположил море неправильно, а другие, не видевшие моря, последовали его примеру. Море не имеет прилива и отлива, как другие моря, хотя Курций в указанном выше месте как будто так думает. Если же вода иногда не только поднимается у побережья, а иногда — особенно на западной стороне — даже заливают его, то это следует объяснить ветром, дующим с моря. При тихой погоде вода всегда держится на одном уровне. В середине, говорят, так глубоко, что даже на глубине 60 или 70 сажен нельзя достигнуть дна. Едва в 6 или 7 милях от дагестанского берега мы, как выше сказано, опустив лот на глубину 30 сажен, не нашли грунта.

В это море впадают многие реки: когда мы ехали в Персию, мы не верили, что их несколько сот, но на возвратном пути вполне этому поверили. За короткое время пути от Реш-

та до Шемахи, в течение 20 дней пути мы прошли через 80 больших и малых рек. Наиболее важные и значительные из рек, которые мы видели, были: Волга, Аракс, соединяющийся с Курою, Кизиль-узенъ, Быстрая, Аксай и Койсу. Кроме того, с севера впадают Яик и Ем[ба], а с юга и востока: Ниос, Окс и Орксант, именуемый у Курция Танаисом.

Многие удивляются, откуда это происходит, что это море поглощает в себе столь много рек, но не имеет заметного выхода. Некоторые полагают, что, ввиду своей замкнутости, оно отводится в океан и открытое море через скрытые каналы или лазейки под землю. Этому мнения Сварий, а на основании его и Цэзий «*De mineralibus*», кн. I, гл. VI, стр. 57 где сказано: «Сварий в кн. II о шестидневном творении, в гл. VI, говорит правильно: «Нужно думать, что если у Каспия нет никакого внешнего сообщения с океаном, за то должно быть какое-либо подземное».

Персы сообщили нам, что к югу между Табристаном и Мазандараном, недалеко от Ферабата, имеется большая пропасть, куда устремляется море, исчезая под горы. Но что может значить этот единственный выход при столь многих впадающих реках? Я лично полагаю, что с этим морем и реками происходит то же, что и с величайшим морем и реками. На этот счет имеются различные мнения, как можно прочесть у более сведущих в естествознании в сочинениях «*De generatione fontium*», т. е. о происхождении источников и рек. Николай Кабеус говорит в комментариях к «*Метеорологике*» Аристотеля о нескольких подобных мнениях. Перипатетики полагают, что невоз-

можно, чтобы реки выходили из моря и затем шли к нему под землей; да и противоречило бы естественному закону движения, если бы тяжелые вещи шли вверх.

Некоторые полагают, что земля, равно как и небо, имеют своих разумных духов или ангелов, управляющих внутри движениями и поднимающих из глубин воду.

Другие опять-таки говорят, что земля как бы животное, имеющее свой дух и душу, которыми все части земли как бы снабжаются жизнью и приводятся в движение. Поэтому воды естественной силой проходят сквозь скрытые жилы земли, и поднимаются к горам, как и в человеке кровь от печени идет к сердцу и через полую вену (*vena cava*) поднимается вверх и к голове: таким образом, хотя влага сама по себе и тяжела, все-таки естественная сила заставляет ее подниматься. Отсюда выводят, что не искусственным, но совершенно естественным движением является и то, что из центра или середины земли вода поднимается на высочайшие горы.

Лично у Кабеуса два мнения. Во-первых, он полагает, что высота моря не везде находится на одинаковом расстоянии от центра земли и что поэтому уровень моря в одном месте выше, чем в другом, хотя моря и соединяются проливами или узкими проходами: например, уровень Индийского океана много выше уровня Средиземного моря и т.д. Но откуда же в таком случае получают реки, которые с высоких индийских гор втекают в Индийский океан? И почему же уровень и высота морей, если последние друг с другом соединяются, не делаются, в конце концов, одинаковыми? Тем более ведь, что

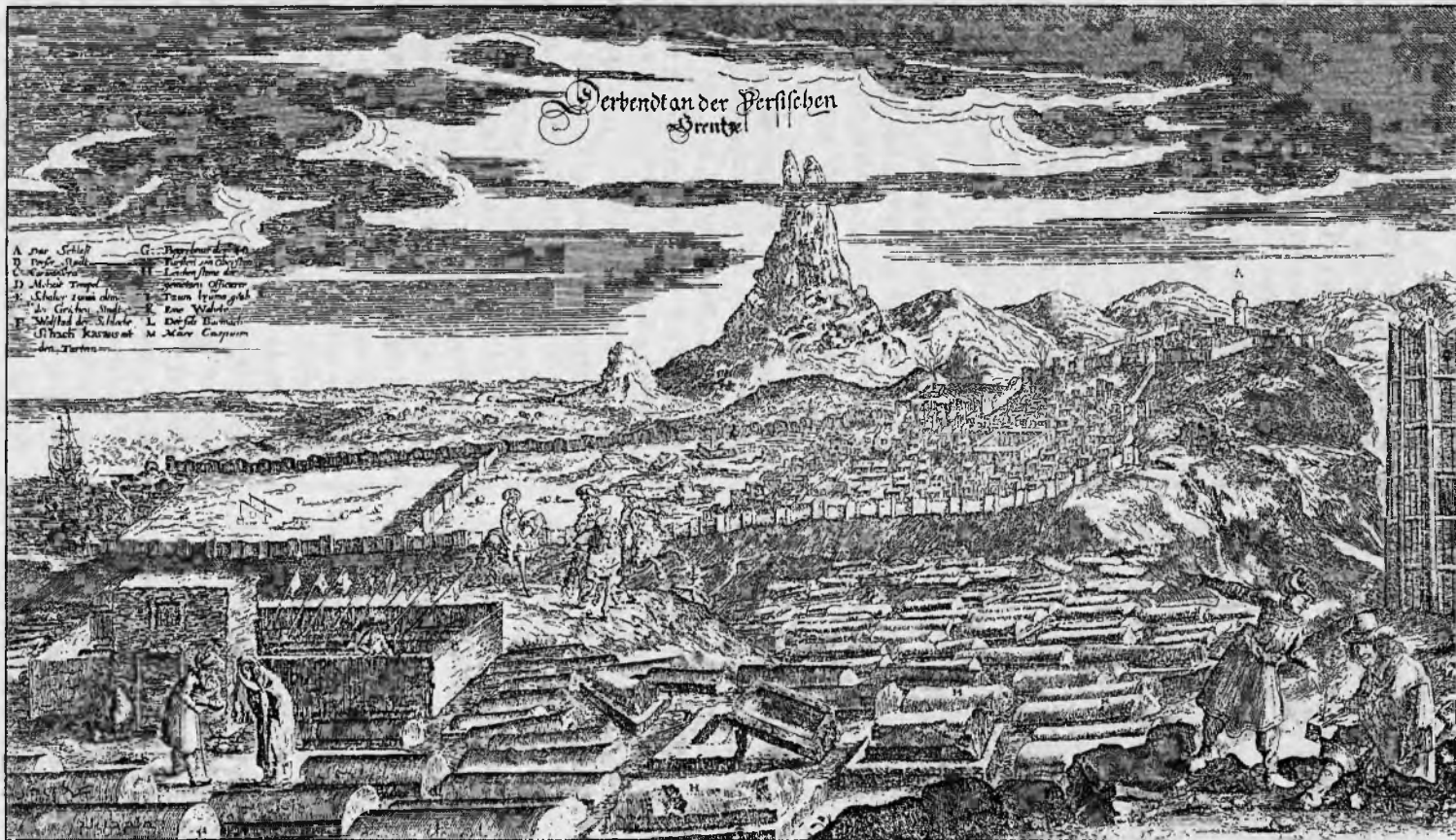
высшее море через реки стекало бы в низшее. Это, по его словам, может происходить следующим образом: так как известно, что существует подземный жар, вызывающий происхождение металлов и камней, и так как земля во многих местах состоит из песчаников или из скалистых пород с трещинами или же оказывается губчатого строения, и поэтому впитывает в себя морскую воду, то и происходит, что внутренний жар превращает воду в пары, которые затем через скрытые трещины и ходы поднимаются вверх и здесь, под холодными сводами, как бы в дистилляционной печи, опять превращаются в воду и вытекают в качестве потоков пресной воды, так как ведь соль при дистилляции всегда остается на дне. В тех случаях, когда подобные пары прорываются наружу, они превращаются в дождь. Таково, по его словам, было и мнение Аристотеля, говорившего, что «из сгущенного воздуха в пещерах земли образуются источники». Об этом в означенном трактате (*lib. и, textu 62*) сказано подробнее.

Скалигер полагает, что вытекание воды или источников происходит вследствие тяжести воды в море, которая большей частью не находится спокойно на своем месте, но приподнята, так что верхние слои давят о нижние, которые насильно вдавливаются в щели и трубы внутри земли и принуждены подниматься выше, чем самое море. Это он доказывает рисунком, изображающим массу земную, в которой 2 части воды и одна лишь часть суши. Он говорит, что Творец весьма мудро поднял на земле такие высоты, чтобы влага, выбрасываемая из них, могла слу-

жить на пользу творениям. Он прибавляет, хотя и в виде шутки, но для размышления: «Нельзя обойти и того, что говорил среди собутыльников полумонах: «есть в земли вены, в которых тянется вода, как кровь в венах животных». Это замечание я прибавляю тебе для смеха, после этих костей (*post haec ossa*)».

Это мнение Скалигера довольно-таки приемлемо; с ним совпадает и изречение Соломона, говорящего: «Вся вода приходит из моря и возвращается к нему». Теряет же она соль свою ввиду многих окольных путей, по которым она должна идти. Поэтому-то Скалигер («*Exercit.*» 50) и говорит (что и мы сами узнали на опыте): «ключи тем преснее (слаще), чем дальше они от моря».

Нет ничего противоречащего в том обстоятельстве, что подобные ключи иногда стекают с высот очень высоких гор: так как ведь земля и вода вместе образуют круглый шар, то высота этих гор не слишком велика. На возвратном пути из Персии, между Дербентом и Шемахою, у деревни Сорат (которую некоторые зовут Бахель), я поднялся на довольно высокий холм, взял для забавы астролябию в руки, поставил диоптру на горизонтальную линию и обратился в сторону моря, находившегося в 2 милях отсюда, так что я вполне мог заметить высоту моря. Я должен, однако, признать, что тогда ветер был несколько бурный. Варений, говорящий в своей «*Geographia*» об этом моем наблюдении, предполагает, что ветер мог поднять волны, которые во время бури ходят очень высоко и коротко. Квинт Курций в VI кн. пишет, будто это море более пресное, чем вода в других морях. Полибий же в

Дербент на Персидской границе

IV кн., стр 309, Страбон в I кн., стр. 34, и Арриан приписывают то же свойство Черному морю и причиной этого явления считают многие впадающие сюда реки, что замечается и в Каспийском море. Если признать мнение Курция, то нужно признавать его лишь по отношению к гирканскому или, по нынешнему названию, гиланскому побережью, где, действительно, вода, ввиду многих впадающих сюда рек, пресна. Как говорит Овидий, «*de Ponto*»:

*Влагой пополнясь обильной из рек,
изменились здесь воды,
Силу соленых своих море
утратили струй.*

Однако если рассмотреть его подалее от берега, то окажется, что оно столь же солоно, как лишь может быть открытое море. 12 ноября, когда мы ночью во время бури оказались несколько подалее в море, я нарочно, в целях удостоверения, попробовал на вкус эту воду. Преснее ли она (как пишет Скалигер о всех морях) внизу на дне, чем сверху, я не имел желанья испробовать. Скалигер объясняет это следующими словами: «солнце и воздух сверху высасывает чистую и пресную воду, оставляя густую и более соленую». По той же причине, по его мнению, в начале создания море было пресным, а со временем делается еще более соленым, так как оно поглощает в себе постоянно столько пресной воды из рек.

Весьма возможно, что во времена царя Александра море это было известно лишь у побережья, так как, по словам Арриана (кн. VII), Александр приказал на Гирканских горах

(полных леса) рубить лес и строить корабли для исследования моря. Следовательно, Курций упоминает лишь о том, что тогда уже было известно о морской воде.

Наши послы хотели и твердо решили, чтобы наши корабль и шлюпка, если бы они сохранились, исходили, за время пребывания нашего у шаха персидского, это море вдоль и поперек и собрали правильные сведения о его расположении. Последнее легко могло бы совершиться, если бы кораблекрушение не разрушило это предприятие.

По этому морю летом ходят персы, татары и русские; так как у них плохие и скверно защищенные суда, которые могут ходить только перед ветром (фордевинд), то они никогда не отваживаются в середину моря, но всегда остаются вблизи суши, где они могут бросить якорь.

Здесь мало хороших и безопасных гаваней. Место между Дженцени и сушей за Терками считается убежищем для судов, вследствие чего здесь всегда останавливаются и ночуют персы. Они устраивают себе прибежища и у Баку, Ленкорани и Ферабата, смотря потому, откуда ветер и как им легче спастись у подветренного берега. Лучшая гавань на всем море расположена к востоку, на татарской стороне, в Ховарезме и называется Мингишлак; по ошибке в описании путешествия Дженкинсона она названа *Manguslave*.

Чтобы, однако, вода в открытом море была черна как деготь и смола, как пишет о том Петрей в своей хронике (fol. 120), этого я и не замечал и не слышал. Точно так же неверно и то, что он говорит об островах этого моря, будто они населены и на них

расположены многие красивые города и местечки. На самом деле, нет на всем море ни одного острова, на котором были бы расположены несколько домов, не говоря уже о городах, за исключением разве Энзиль у Ферабата, где, ради хорошего пастбища, несколько пастухов имеют свои жилища. Я старательно расспрашивал гилянцев и других жителей каспийского побережья, находятся ли и теперь в море такие большие змеи, о которых Курций упоминает по поводу означенных мест. Однако все говорили, что ничего подобного не знают. Точно так же неизвестна и та рыба, о которой Амвросий Кантарен упоминает в своем «Itinerarium», приложенном Петром Бизарром к его сочинению «de rebus Persicis», и которое и сам Бизарр по Кантарену описывает в книге XII, стр. 327, а именно: будто в Каспийском море ловится круглая рыба без головы и других членов тела, длиной в 1 1/2 локтя; из этой рыбы жители будто вытапливают жир, который жгут в лампах; из него же якобы готовят верблюжьи мази, продающиеся по всей стране. Я получил на это в ответ, что им нет нужды вытапливать жир из рыбы, так как в этой области очень много нефти, которой они могут пользоваться для подобной цели.

Эта нефть — особое масло, которое около Баку и близ горы Бармах из постоянных колодцев в очень большом количестве вычерпывается и в мехах развозится большими возами по стране, как мы сами видели, для продажи. Мне сообщили, однако, что, действительно, в море имеется большая рыба нака (т. е. поглотитель), с короткими головой и

брюхом, большим ртом и круглым хвостом; она диаметром в 2—3—4 локтя и очень опасна и вредна для рыбаков. Она, обыкновенно, свешивает голову вниз, а хвостом может опрокинуть лодку, если та не будет достаточно осторожна. Подобной же опасности следует остерегаться от белуг, которые очень многочисленны и велики. Поэтому рыбаки и не решаются заходить в море в те места, где глубина более 4 сажен.

Это известие, вероятно, имел в виду Помпоний Мела, когда он писал в своей «Geographia»: «Это море страшно из-за чудовищ более, чем всякое другое, и поэтому менее судоходно»; иначе ничем это мнение нельзя подтвердить, так как о других каких-либо опасных морских животных ничего неизвестно. Говорят, что этих своих врагов жители в Гиляне, сейчас же напротив горы Сахебелан, где они большей частью водятся, ловят при помощи бычьей или бараньей печенки или мяса, вздетых на большие острые крючки с крепкими канатами, и вытаскивают на берег. Кроме этих рыб, в море, в противоположность мнению Кантарена и Бизарра, имеются всякие рыбы, как-то: прекрасные большие лососи, осетры, карпы, длиной более 2 локтей, особый вид сельдей, большая порода лещей, которую они зовут хашам (отличается она от наших менее высокой спиной); кроме того, швит, порода барб [*Cyprinus barbatus*], величиной до 2 локтей, но с мясом слишком жестким и не идущим в пищу в тех случаях, когда они величиной более полулоктя.

Суиахт — это особая порода форели, которую они обильно солят и коптят. К обеду ее готовят та-

ким образом: они окутывают копченую рыбу полотняной или бумажной материей, кладут ее на горячий очаг, осыпают горячей золой и жарят; вкус ее тогда очень приятный. Ни шук, ни угрей не видать во всей стране. Когда персы в Германии в первый раз увидели, что мы едим угрей, они подумали, что мы едим змей.

Так как море очень богато рыбой, то реки, впадающие в него, сдаются в аренду и ежегодно доставляют шаху невероятную сумму. Иногда, впрочем, налагают такой оброк на рыбаков при этом, что они терпят заметный ущерб. В наше время в городе Кескер был арендатор, по имени Шемзи, который должен был за 5 рек платить 8000 талеров; так как, однако, улов в этом году был плохой, то он потерпел убыток в 2000 талеров. Срок такой аренды считался с начала сентября до конца апреля. В это время река на некотором расстоянии от моря загоразживается частоколом, и между частоколом и морем никто в это время, кроме арендаторов, не имеет права ловить рыбу. По ту сторону частокола, а также вне срока аренды всякий свободно может ловить рыбу. Сказанного про Каспийское море достаточно.

LXXXII

(Книга IV, глава 17)

О местности, где мы выбросились на берег; как мы здесь жили

Та местность, где мы выбросились на берег, называлась Мюскюр; это была область и часть провинции Ширван или Старой Мидии. Она про-

стирается от Дербента вдоль Каспийского моря до Гиляна, заключает в себе 200 деревень и находится под управлением дербентского султана. Страна эта повсюду весьма приятна на вид, так как деревья и трава еще зелены; почва здесь тучна и плодородна, и вся область богата рисом, пшеницей и ячменем, а также хорошими плодами. Она заросла отдельными деревьями и немногими рощами, в которых птицы весело распевали еще в декабре месяце.

Скот как зимой, так и летом ходит на пастбища; поэтому у жителей и нет привычки заготавливать много сена для своего скота. Если они его заготавливают, то для путешественников.

Виноградные лозы подымались тут и там у заборов, выросли дикими, не будучи посажены. Некоторые, представляя прекрасный вид, поднимались по высоким деревьям на 8 или 10 сажень в высоту, обвивались вокруг ветвей и свисали вниз на 2—3 сажени.

Подобного рода виноградные лозы мы встречали на возвратном пути во всем Гиляне, особенно в Астаре, где они достигали невероятной высоты. Здесь было много красивой пернатой дичи, как-то: фазанов, кур; в большом количестве имелись зайцы, охота на которых доставляла нам большое удовольствие. Здесь же находится особый вид лисиц, которых жители называют шакалами; они величиной с обыкновенных лисиц, которые также встречаются в весьма большом числе и именуются тулки. У шакалов на спине густая шерсть, причем волосы твердые, длинные и торчащие вверх; брюхо у них белоснежное, уши черны как смоль, а хвост меньше,

чем у обыкновенной лисицы. Ночью они стаями бегали кругом деревни и жалостливо кричали, точно плакали.

У крестьян здесь имеется также очень много буйволов, на которых они перетаскивают бревна, деревья и большие тяжести. Их питание и корм состоят из шембелиле или *f[lo]renum graecum*, которым они, как у нас чечевицей и виками, засевают целые поля. Когда оно еще зелено, его срезают, и дают в пищу буйволам и стебли и семена. Молоко коров этой породы так жирно, что дает сливки в 2 пальца толщиной и весьма вкусное масло. Сыр они, однако, никогда не готовят из коровьего, но лишь из овечьего молока.

Деревня Низабат, в которую мы направились, лежит от экватора в $41^{\circ}15'$; в ней едва 15 разбросанных повсюду домов, которые все построены от земли четырехугольником высотой почти в два человеческих роста; сверху они были плоски, уложены дерном, на котором можно было ходить, как на земле. Подобного рода плоские постройки обычны во всей Персии и даже во всей Азии. В летнее время видно, как люди иногда ходят взад и вперед на крышах, где иногда есть палатки, иногда и нет, как здесь едят, а ночью, чтобы иметь прохладу, спят. Тут мы особенно ясно поняли, как это произошло, что расслабленный через крышу был спущен к ногам Господа Иисуса Христа. Поняли мы и слова Христа, что тот, кто на крыше, не должен сходить вниз, чтобы принести что-либо. Внутри все эти крестьянские дома были очень опрятны и в комнатах полы выстланы коврами.

Нас поместили в Нишабате в домах, и сначала каждый получал

хорошее угощение от своего хозяина. Так как, однако, нас было много народу, и нам полагалось оставаться здесь несколько недель, деревня же была невелика и, кроме того, не имелось приказания о доставлении нам пищи, то нас, на наш счет, стали кормить не в домах, а рядом с помещением послов в палатки. Ввиду отсутствия свежего хлеба и пива, нам пришлось довольствоваться черствыми «сухарями» и пить мутную ручную воду, так как поблизости не было ключа.

Корабль, насколько можно было перетащить через воду, был разобран, и его употребили на топливо.

19 ноября наместник дербентский Шахевирди-султан прислал двух сановитых людей, один из которых был брат каухи нишабатского, чтобы приветствовать послов. Они доставили, наряду с письмом, в подарок 2 лошадей, 2 быков, 12 овец, 20 кур, 3 больших кувшина с вином, кувшин с чистой водой, 2 корзины яблок, 5 мешков пшеничной муки; все это султан сам от себя приносил в дар. Когда послы узнали, что в письме султана говорится только об одной [лошади], то лишь одну они и хотели принять. Посланные, однако, указали на то, что султан знал лишь об одном поели и поэтому прислал только одну лошадь. Здесь же они узнали, что послов двое, и поэтому они приобрели еще одну лошадь, прекрасно зная, что султану это понравится; «все, что они — в особенности один из них, являющийся вице-губернатором в отсутствии султана, — сделают в этом отношении, будет одобрено султаном». Когда Брюг[геман] заметил, что его лошадь не так хороша, как лошадь Крузиуса, он

ни за что не захотел ее принять, как ни упрашивали его персы и как ни протестовали против обиды, наносимой этим султану. Султану также не сделано было никакого ответного подарка, столь же обычного в Персии, как и в России. Позже мы заметили, что султан во всем стал нам противиться и скорее мешал, чем помогал нашей поездке.

22 того же месяца после отправили трех лиц из свиты в Шемаху к хану или генерал-губернатору всей ширванской провинции, чтобы сообщить о нашем прибытии и просить о средствах для немедленного продолжения пути. Однако хан уже успел узнать о нашем прибытии и послал к нам проводника, с которым наши гонцы разошлись на дороге. Этот проводник прибыл 29 того же месяца в великолепной одежде, на лошади, прекрасно разубранной и украшенной многими камнями бирюзы, любезно приветствовал послов и сообщил им, что шемахинский хан назначил его мехемандаром (так называют они пристава или проводника) и прислал его для того, чтобы он снабдил послов всем необходимым по части провизии, подвод и лошадей и доставил в Шемаху. Этого проводника вместе с персами, прибывшими с ним, довольно долго угощали разными водками и плодами и увеселяли салютами и музыкой, которую они особенно любили слушать и о которой часто просили. Мехемандар в свою очередь прислал нам 5 овец, 3 кувшина вина и несколько гранатовых яблок.

30 ноября вернулись наши гонцы из Шемахи с сообщением, что хана встретили не в городе, а в нескольких милях впереди его в палат-

ках, с 400 человек. Гонцов любезно встретили и сообщили мы, что всякие меры уже приняты, и что на встречу послам послан мехемандар для помощи им. Далее было сказано, что хану известно о прибытии нашем в числе 300 человек; известие об этом уже послано шаху, которому мы все будем приятными гостями даже в том случае, если бы нас оказалось вдвое больше. [Как тут сказали], шах — их царь — уже давно услышал о посольстве и с нетерпением дожидается его. Хан также старательно расспрашивал под секретом нашего переводчика Рустама о наших нравах, жизни, обычаях и т. п.

Когда наш мехемандар узнал от нас, сколько нам требуется лошадей и подвод, а султан дербентский не захотел дать нам с собой такого количества из своей области, то он собрался в путь, чтобы набрать их в шемахинской области. Нам пришлось тем временем ждать целый месяц.

В течение этих дней шахский купчина, перенесший на море большую опасность, благополучно прибыл в это место.

24 того же месяца прибыла еще небольшая лодка с 5 лицами, которые одни лишь спаслись, после пятидневных скитаний по морю, с персидского судна, шедшего в Гилян и 13 того же месяца ночью во время сильной бури залитого водой и жалким образом затонувшего с товарами и 50 людьми экипажа.

Как велика была сначала наша радость, когда мы наконец добрались до давно желанной персидской земли после столь многих перенесенных нами бед; столь же сильно она была отравлена нам большой досадой и заметным ожесточением нравов, рас-

пространившимися во всей свите с самого вступления в страну и долго продолжавшимися из-за упрямства одного из главнейших лиц в нашей среде. Впрочем, вежливее будет промолчать об этом, чем приводить подробности.

Некоторые из нашей среды, одновременно отправившиеся из Мейссенской земли и Саксонии и постоянно державшиеся дружелюбно вместе, в первый день декабря, чтобы утешиться в досадах, отправились гулять в поле. Не только прекрасная, как бы летняя погода, но и приятный зеленый лес, изящно смешанный с виноградниками и гранатовыми деревьями, заставили нас присесть на приятном пригорке, который ручкой, дугой окаймлявшей его с приятным ропотом, превращался почти в полуостров; здесь мы услаждались воспоминаниями о добрых друзьях, оставленных нами в Германии. Улучшению нашего расположения сильно способствовал еще наш дорогой друг г. Гартман Граман сохранившимися у него запасом ветчины, вяленых бычьих языков, испанского вина Аликанте и водки. Это место, расположенное недалеко от деревни, мы с тех пор посещали зачастую и между прочим среди трав и цветов, которые здесь достигали необыкновенной величины, встретили очень много «небесных ключей» (Himmelschlüssel) и нарциссов.

9 того же месяца прибыл татарский князь из Тарку с братом своим, бывшим у нас в Терках, и со свитой в 20 человек, для посещения послов. Так как в Ниазабате ему негде было поместиться, он поселился в соседней деревне и на следующий день отправил послам в подарок быка,

несколько овец и две больших корзины с яблоками; ему в ответ подарили несколько локтей материи, атласу, водки и табаку. Он сообщил нам, что к нему пришел гонец из Терок, сообщивший, что дагестанский шемхал султан Махмуд, живущий на Койсу, с несколькими сотнями человек напал на его страну. Он просил по этому поводу послов, чтобы они помогли ему некоторым количеством пороха. Ему подарили бонок в 80 фунтов.

В этот день наш мехемандар снова явился и обнадежил нас относительно нашего отправления в путь, которое имеет быть не позже как через 14 дней, когда не только из шемахинской, но и из дербентской области придет достаточно верблюдов, лошадей и подвод. Действительно 12 кое-какие и прибыли, но ночью все они вновь разбежались. Мехемандар извинил их тем, что в эту ночь выпал снег и было так холодно, как в течение многих лет не бывало, а персы не привыкли ехать в такую погоду, да и, к тому же, верблюды, ввиду своих круглых ног, не могут подвигаться вперед на скользком пути. Кроме того, поездка в Шемаху, куда считается 20 фарзенгов или миль, была бы очень тяжела, если бы направиться через горы, где мало деревень. Бывало, по его словам, немало случаев, что караваны замерзали в горах за отсутствием дров; поэтому нам пришлось ждать еще 10 дней. В течение нескольких ночей была холодная снежная погода, но обыкновенно после этих дней наступало приятное солнечное сияние, которое опять удаляло снег. Мы, впрочем, полагали, что все сказанное — персидская выдумка, на ка-

ковые персы очень щедры, и что цель ее — задержать нас до тех пор, пока не придет приказание от шаха, как нас принять и угостить: до сих пор мы кормились на собственные деньги.

В течение этих дней п[осол] Б[рюггеман] велел разрубить и сделать для пушек лафеты из нескольких толстых бревен, которые, по словам персов, с большими затратами были доставлены издалека на берег для шахского судостроения; это было сделано, хотя персы и утверждали, что, в случае отнятия нами лучших бревен, в нынешнем году не придется строить шаху корабля. Однако на жалобы дань был такого рода отзыв: «С этим народом нужно всегда так поступать; чего они добровольно не дают, то нужно брать насильно». Персы, однако, и здесь поступили по своему. Когда мы собрались в путь, нам доставили поменьше лошадей, так что лафеты остались лежать, а пушки пришлось нагррузить на верблюдов.

21 декабря прибыли как шемахинский, так и особый дербентский мехемандары, доставив 40 верблюдов, 30 подвод с волами и до 80 лошадей; багаж был нагружен и с немногими служителями отправлен вперед. Когда послы захотели идти следом с остальными людьми, с кухнею и постельными принадлежностями, то для 94 человек едва осталось 60 лошадей для верховой езды. Мехемандар клялся головой шаха, что для него было невозможно в короткое время собрать больше лошадей, что мы находимся в области султана дербентского, которого мы настроили против себя враждебно: этот султан теперь проявляет свое не-

довольство нами; поэтому, по словам мехемандара, нам следовало, чтобы еще больше не потерять времени, собраться в путь и идти дальше, как мы лишь могли; как только мы прибудем в область хана шемахинского, он брался в достаточной мере пополнить недостающее у нас.

Поэтому мы 22 декабря собрались в путь из Шазабата, где простояли 5 недель. При этом некоторые, а именно мальчишки, должны были подсесть на лошадях сзади, а другие, как-то: лакеи, драбанты, солдаты и другой простой люд, — идти пешком. Путь шел вдоль персидского побережья к югу. Мы переправились через 4 небольших реки и к вечеру прибыли в деревню Мордов, через 4 больших мили; она принадлежит к Шемахе. Крестьяне жили вроде татар под Астраханью, в очень плохих, сплетенных из камыша и гибких прутьев круглых домах, которые они зовут оттак. Так как дров в этом месте не было, то мы, особенно те из нас, что перешли через реки и воду, имели плохой ночлег.

Мордов по-турецки обозначает болото, так как кругом и рядом с этой деревней большое болото и трясины, которые из-за многих ключей и в самую суровую зиму не замерзают. Поэтому именно в зимнее время там более всего ловят лебедей, и пух их идет на постели шаха. В этой, как и в соседних деревнях, живет нация, именуемая падар; у нее особый язык, несколько родственной турецкому и персидскому. Они турецкой веры, но имеют еще особые суеверные обычаи. Горячие кушанья у них стоят до тех пор, пока они сами собой не остынут совершенно, став удобными для еды. Никто не смеет дуть на них;

и если это сделает, по незнанию, кто-либо из зашедших в их дом иностранцев, то пищу, как нечистую, нужно выбросить.

Здесь посол Брюг[ге]ман призвал к себе кауху или начальника ниаз-батского и стал ему выговаривать за то, что султан дербентский дурно поступил с нами: он, посол, в самом сердце обижен тем, что ему приходится видеть, как люди, дорогие ему, как собственные глаза его, потому, что они обязаны жить и умереть с ним, — принуждены были сделать столь трудное путешествие пешком через многие болота и речки. Он говорил, что не может не пожаловаться на это шаху. Кауха возразил: они не полагали, что наш багаж столь велик и требует такого числа лошадей; к тому же он не знает, зачем мы хотели взять с собой паруса корабля, пушки и очень тяжелые деревянные подставки, на которых стояли орудия для каменных ядер; неужели мы думаем, что у шаха в стране нет дерева и т. д. Султан же, без сомнения, ответит на жалобу. На следующее утро наш мехемандар доставил еще 20 лошадей. Послы велели некоторым из простого люда и боцманам, разбив в куски ничего не стоящие ящики и бочки, прибавить хорошие вещи в другие [вместилища]. Затем мы направились дальше и прошли 3 мили до деревни Тахоуси, лежащей в долине и построенной из красных домов.

24 того же месяца мы прошли еще 3 мили дальше до горы и высокой скалы Бариах и зашли в открытый двор, расположенный под горой. Такие дворы или убежища, называемые у них караван-сараями, построены в Персии, ввиду пустынности и

неизвестности страны, у больших дорог там и сям в большом количестве; каждый из них на расстоянии дня пути от другого. В большинстве их не имеется ничего, кроме пустых сводчатых помещений и конюшен; поэтому провизию и корм нужно везти с собой. Когда здесь дербентские возчики заявили, что думают вернуться со своими верблюдами и лошадьми обратно и что мы должны будем ждать других подвод из Шемахи, послы барабанным боем и трубами велели созвать людей и показали вид, точно они все предполагают пешком идти в Шемаху, оставив багаж позади на ответственности возчиков. Тут возчики одумались и остались на месте.

Этот караван-сарай был очень старыми зданием, выстроенным из больших квадратных камней; он был построен четырехугольником, с каждой стороной в 42 шага. Вверху над воротами были две камеры, в одной из которых мы нашли некоторые еврейские буквы.

Внутри и вне тех же помещений нашли мы несколько писем.

25 декабря, в день Рождества Христова, справив в большой конюшне наш праздник и богослужение, некоторые из нас пошли посмотреть высокую гору и скалу, о которой персы нам много рассказывали и баснословили.

Эта гора лежит в двух выстрелах из мушкета от каспийского побережья; она видна издали, кругла и сверху увенчана высокой круглой скалой, которую по-турецки зовут Бармах («палец»), так как, подобно простертому вверх пальцу, она поднимается высоко над другими горами. С правой стороны из долины вверх

извивается дорога; так как, однако, она нам была неизвестна, то мы с большой опасностью вскарабкались вверх. Воздух вверху мы застали столь холодным, что дерн и травы, довольно длинные, были покрыты льдом, как леденцами. в то время, как внизу в каравансерае было тепло и погода приятная. По старым развалинам и остаткам стен на горе можно было легко заключить, что здесь, вероятно, стояло великолепное здание и прекрасное укрепление: у подножья высокой скалы Бармах находится ровное место в 50 квадратных сажен, которое было защищено толстыми стенами и 4 башнями; посередине его находился очень глубокий из камня сложенный колодец и невдали от него две могилы, покрытые большими круглыми камнями; особо стояла у северной части, у самой скалы, большая часть стены из больших вытесанных цокольных камней, составлявших, вероятно, особое укрепление. Отсюда по нескольким высеченным ступеням можно было проникнуть почти до вершины скалы, где опять находилось особое высеченное в камня сводчатое здание, которое могло служить третьим оплотом. Говорят, эта крепость построена Александром и разрушена Тамерланом. Некоторые из нас уселись на скале и дали друг другу обеты в искренней и постоянной дружбе. Мы сорвали несколько смокв, которые тут и там росли в старых стенах у щелей в камнях, и вернулись вниз по верной дороге. Тем временем внизу под нами шел дождь, между тем как вверху на горе был прекраснейший воздух и мы видели под собой туман, представлявший тучи.

26 того же месяца мы в очень

теплый солнечный день поехали дальше, велев багажу идти обходным путем по равнине у города Бакуйе [Баку]. На лошадях мы переправились через горы и к вечеру, пройдя 5 миль, прибыли к деревне Ханегэ, лежащей среди суровых гор; здесь имелись хорошие мед и всякие фрукты, но вода была гнилая.

27 того же месяца путешествие опять шло 5 миль дальше к деревне Пюрмара(а)с, лежащей в 3 милях от Шемахи. Здесь похоронен персидский святой, по имени Сеид Ибрагим. Персы говорили, что это древнее место погребения и что Тамерлан, который вообще все в этих местах опустошил, его не тронул. Оно окружено каменными стенами и двумя дворами и построено и украшено вроде замка. Наши послы захотели посмотреть могилу, но их не желали пустить дальше переднего двора, где находились много надгробных камней. Так как я, тем не менее, хотел подойти несколько поближе и все-таки посмотреть могилу, то я к вечеру опять собрался в путь к персидскому двору, взяв свою записную книгу в руки, и записывал арабские письмена, там и сям высеченные в стенах, чтобы усыпить бдительность мимо идущих персов. Когда я увидел, что персам, полагавшим, что я поступаю так в честь их святого, мои поступки нравятся, я отважился на большее и прошел через дверь к верхней площади, где находился вход к могиле святого, и где все стены также были покрыты письменами и молитвами. Не заметив в течение полчаса никого, я, наконец, прокрался в дверь, запертую лишь деревянным засовом, и осмотрелся внутри хотя и в страхе и ужасе: здесь находились

разные своды, в которые свет падал сквозь узкие окна. В переднем своде стояла высокая каменная гробница высотой в 2 ступени, наискось к дверям; она была окружена решеткой. По левую сторону можно было через дверь пройти в светлый выбеленный ход, выложенный прекрасными коврами. На стене было написано большими черными буквами:

*Бог — мой во всем оплот:
От всех Он бед спасет.*

В ходе направо был другой свод, где находились 8 выложенных камнем гробниц. Отсюда в правую сторону шел третий ход, где лежал Сеид Ибрагим. Эта гробница была устроена с локоть вышиной и покрыта желтой даматовой тканью. Вокруг стояли на больших желтой меди подсвечниках восковые свечи и фонари. Вверху на своде висели лампы, которые едва мог увидеть, так как было довольно темно. Когда я незамеченный вновь вышел, то и наш пастор захотел войти; поэтому я вновь решил войти и в безопасности вошел и вышел вместе с ним.

В двух выстрелах из мушкета от деревни к востоку находится благоустроенная гробница святого Тири-баббы, бывшего учителем Сеид-Ибрагима. Как нам рассказывали, он будто бы нетленным стоит на коленях, одетый в серый кафтан, и как бы молится. Это чудо будто испрошено его бывшим писцом С[еид]-Ибрагимом от Бога, чтобы учитель его и после смерти, так же как и при жизни, всегда представлялся набожно молящимся.

Говорят, что ежегодно на этот серый кафтан надевают белый, а ста-

рый делят на части и раздают паломникам: в определенное время изда-лека совершаются сюда людьми паломничества, зачастую пешком. Жители баснословили об этих обоих святых много невероятных вещей, которые были похожи или на колдовство или на совершенную ложь: ведь и то и другая у персов встречаются нередко. Поэтому я и не считаю нужным записывать эти вещи. Над дверьми этого места погребения стояли арабские слова:

О, Боже, отвори сию дверь!

Вокруг места погребения Тири-баббы в той же горе высечено много пещер и каморок, в которых останавливаются паломники и совершают жертвы. Некоторые из них были столь высоки над землей, что без лестницы нельзя было взобраться в них. Трое из нашей свиты не без опасности помогли друг другу взобраться на крутую стену. В ней были устроены четыре просторные камеры, места для постелей и ясли, — все высеченные в скале. Мы с удивлением заметили, что в этой твердой скале у сводов вкраплены небольшие раковинки, и что вся скала в иных местах имеет тот вид, точно она отлита из раковин и песку. На возвратном пути мы у Каспийского моря видели целые горы и твердые скалы такого рода. Об этом подробнее будет ниже сказано.

В деревне Пюрмарас никто из персов не смеет пить вино, и они пьют лишь воду, чтобы нарушением закона, на этот счет изложенного в Алкоране, не осквернить этого священного места.

В деревне, наряду с местом по-

гребения Ибрагима, под землей устроен очень глубокий свод в 62 фута длиной и 20 шириной, превосходно устроенный из квадратных камней. Здесь зимой собирают снег, лед и воду, а затем в течение лета, когда воды немного, пользуются этим сводом [цистерной] для себя и для своего скота.

29 декабря мы, по указанию хана, отправили нашего фурыера вперед в Шемаху, чтобы приготовить нам жилища. Когда мы, однако, вечером хотели следовать за ним и уже собрались в путь, хан прислал к нам гонца и просил еще одну ночь, не беспокоясь, прождать здесь. Как мы позднее узнали, его минаджим или астролог сказал: «Этот день неудобен и несчастлив для приема чужестранцев». Он прислал нам для утешения 4 больших кувшина и 4 мешка, полных вина, гранат, яблок, груш, квитов и каштанов. Точно так же каждому послу подарена была лошадь, прекрасно убранная, с седлом и уздой.

На следующий день, 30 того же месяца, мы около 8 часов утра отправились в дорогу от Пюрмараса и добрались, наконец, до Шемахи, где нас великолепнейшим образом приняли.

LXXXIII

(Книга IV, глава 20)

О городе Шемахе и об окружающих горах

Город Шемаха различно называется и пишется разными писателями. Некоторые пишут его Sumachia,

Summachia и Samachia, как, например, Бизарр, Барбар и др., а испанцы Xamachi. На ландкартах некоторые ставят его выше, другие ниже Дербента, а еще иные в обоих местах. Туземцы и персы называют его, по нашему произношению, Шамахи. Ввиду извилин дороги, переходящей через горы и посреди них, город этот лежит в 40 добрых милях или 6 днях пути за Дербентом. До Каспийского берега у Бакуе [Баку], если идти верхом или пешком через горы на Лахадж, таможенное место, 2 дня пути [отсюда], или тем же путем на верблюдах — 4 дня. Шесть дней пути приходится (как безразлично пишут другие), если захотеть с тяжело нагруженными верблюдами обойти горы равниной у реки Аракса. Долгота здесь составляет 84°30' а широта — 40°50'. Здесь столица важной страны, именовавшейся у древних Media Atropatia, а ныне называющейся Ширваном, хотя некоторые и желают зачислить ее в Гирканию, на границе которой она приходится. Как говорят, Шемаху построил Ширван-шах. Она лежит в горах: поэтому ее и нельзя увидеть, пока не подойдешь близко. Раньше она имела гораздо большую окружность и до 6000 очагов, но очень уменьшилась во времена шаха Аббаса вследствие войн с турками. Она состоит из двух различных частей, которые обе были окружены стенами. Так как шах Аббас заметил, что турки больше нападали на защищенные и укрепленные места, стараясь занять их, и проходили мимо открытых местечек, и так как он полагал, что крепости, лежащие не у границ или проходов, но посередине страны, для него более вредны, чем полезны, он и ве-

лел сам снести укрепления у южной части, которая имела наиболее сильную стену, так что она лежит теперь вроде открытого местечка. В том же роде было поступлено и с большими городами Тавриз, Нахджуан [Нахичевань] и Кенджэ.

Турки, однажды, отняв Шемаху у персов и думая ее укрепить, как говорят, построили стены исключительно из надгробных плит, похищенных с персидских могил и собранных отовсюду.

Северная часть несколько меньше; она лежит у холма и окружностью почти столь же велика, как Лейпциг. Окружена она каменной, но плохой стеной без особого рва, так что и при закрытых воротах можно пробраться в город. В городе 5 ворот. Улицы в обеих частях очень узки, с низкими каменными, глиняными и земляными домами; живут здесь персы, армяне и немного грузин; хотя каждая из этих наций и имеет свой особый язык, все они, как и вообще жители Ширвана, говорят по-турецки. Главное занятие их — пряденье, тканье и вышивание шелком и бумагой.

На южной стороне города имеется большой рынок или «базар» с несколькими различного вида крытыми улицами, в которых помещаются их лавки с разным товаром: пестрой бумажной тканью, шелком, серебряной и золотой парчой, луками, стрелами, саблями и другой ручной работой; все это можно купить по дешевой цене. Тут же на рынке 2 пакгауза или гостиных двора с разными ходами и каморками, куда являются чужие купцы и торгуют оптом. Один из них называется Шах-караван-сарай, здесь останавливаются

русские, торгующие оловом, медью, юфтью и соболями. Другой называется Лозги-караван-сарай, сюда заходят черкасские татары, ведущие здесь свою торговлю: они продают лошадей, женщин, малолетних или взрослых девиц, мальчиков и девочек, частью купленных ими, частью украденных у русских в пограничных местностях или же у кого-либо из своих же соплеменников. На возвратном пути русский посланник Алексей, человек смелый, шутливый и молодой, ради шутки пошел в этот каравансарай посмотреть на живой товар. Между прочим он приценился к красивому мальчику, за которого желали 6 томанов, предлагая за него 2 томана (32 рейхсталера). Эта цена показалась черкасскому работорговцу совершенной насмешкой, он ударил мальчика по его posteriora и сказал такие бесстыдные слова: «Ведь употребление и пользование этой частью его тела тебе обойдется дороже». В том же караван-сараяе находятся и евреи, доставляющие из Тессерана прекраснейшие персидские ковры.

Бань, [здесь] называемых хамам и почитаемых персами столь же высоко, как и русскими, имеется в городе три. Они посещаются ежедневно, а именно две из них днем женщинами, а ночью мужчинами: баня хамам-ших, расположенная недалеко от замка, посещается только мужчинами. Перед ней стоят два больших дерева, которые они высоко почитают, так как они посажены здесь ради святого, по имени Ших-Мурита, погребенного рядом с этой баней в мечети. Доходы этой бани употребляются на содержание места погребения: на свечи, платки и т.д.,

а остальное раздается бедным. Народ собирается здесь для молитвы чаще, чем в других мечетях, которых в городе Шемахе и вне его имеется шесть.

Город, равно как и вся область Ширван, управляется ханом и калентером в качестве губернатора и наместника; они имеют свое местопребывание в северной части города. Хан должен следить за правосудием, бдительно соблюдать страну от врага и держать постоянно наготове 1000 человек, которые содержатся той же провинцией. Калентеру поручено казначейство, т. е. он должен собирать подати и производить выплату их; он не может выступать в поход вместе с шахом, так как город всегда должен охраняться гарнизоном.

Этот хан, по имени Ареб, соблюдал во дворе своем большую пышность. По роду своему — на что в Персии не обращают большого внимания — он был низкого происхождения, а именно сын крестьянина из провинции Сераб, расположенной между Ардебилем и Тавризом. Он стал так знаменит своей храбростью, что когда шах Сефи подступил к крепости Эривани, чтобы вновь отнять ее у турок, ему поручено было быть цейхмейстером. Здесь он так мужественно бился, что не только понес от врага много ран (их он нам однажды на пиру показал на голове и руках), но и представил шаху несколько отрубленных турецких голов; за это его сделали ханом и назначили на должность, занимавшуюся раньше Ферруханом, погибшим во время той же осады. Он, как и калентер Яябек, был значительного роста и с серьезным выражением лица; если он не был пьян (оба они, Аребан в особенности, даже более еще, чем Яябек, были

подвержены пьянству и редко бывали трезвы), то был весьма любезен.

Из древностей мы в Шемахе не встретили ничего достойного упоминания. Никто ничего не знал о гнусной башне, которая (как говорит англичанин Джон Картрайт в своем описании путешествия) была построена из булыжника и плитняка, между которыми было замуровано много голов или черепов прежних здешних дворян. В городской стене я увидел высеченные из камня головы двух мужчин, но никто не мог мне сказать, что они обозначают. В остальном все так, как означенный англичанин пишет о расположенной недалеко от Шемахи старой разоренной крепости. В полумиле от города к северу находится довольно высокая крутая гора, которую они зовут Калэ Кюлустан. Близ нее и на ней видны многие куски стен бывшей сильной крепости. Наверху в почве находился выложенный большими квадратными камнями глубокий погреб, а рядом с ним колодец. Нам сообщили, что этот замок неким ширван-шахом (страна эта раньше имела своих царей) построен был для своей хассэ, или наложницы, более всех других им любимой, и назван был Кюлустан; разрушен же он Александром Великим. Внизу в долине течет река, по обе стороны которой очень плодородная местность; весной, как говорят, она стоит покрытая многими прекрасными цветами и разноцветными тюльпанами, которые дико растут здесь. Поэтому я полагаю, что от них гора получила свое название. «Кюлустан» [гюлистан] значит «долина роз», т. е. место, где растет много роз и цветов. «Калэ» же значит «крепость». Недалеко от Калэ Кюлустана в сто-

рону Шемахи стоит другая весьма высокая гора, на которой стояли две часовни; в первой, более значительной из них, построенной в форме параллелограмма, стояла высокая сложенная из камня гробница, обвешанная многими пестрыми лоскутами, тряпицами, изогнутыми хворостинками, перевязанными шелком в роде луков. В другой часовне стояли две гробницы с подобными же украшениями. Говорят, что в обеих часовнях лежат святые мужи; поэтому персы часто поднимаются сюда и молятся у их гробниц.

Здесь по нескольким ступеням можно было спуститься в более глубокий свод, где, говорят, была погребена Амелек-Канна, дочь царя. Эта последняя отличалась особой любовью к одинокой девичьей жизни, и, когда отец неволей хотел выдать ее замуж за татарского государя, то она, как говорят, сама покончила с собой. Возможно, что живущие здесь девицы (как говорит вышеупомянутый автор) ежегодно в определенное время собирались сюда к гробнице, чтобы оплакивать смерть [А]мелек-Канны; однако в настоящее время персы уже ничего подобного не знают. Если же жители города Шемахи и соседних деревень летом в течение нескольких недель посещают эту гору, а также Кюлустан в больших массах, то это происходит не ради означенной девицы, но по другим причинам, а именно из-за прохладного воздуха на высотах гор в то время, когда внизу в равнине царит, как говорят, сильная, нестерпимая жара. При таких обстоятельствах бывает, что они, по обыкновению своему, несколько более, чем в остальное время, молятся у расположенных

здесь гробниц своих пюров. Говорят, что некоторые ремесленники и бедняки только дни проводят наверху, но ночью вновь спускаются в свои дома. Что же касается хана, калентера и других вельмож, то они, как говорят, остаются наверху в своих палатках в течение трех месяцев, пока длится большая жара. Скот они в это время гонять к горам Эльбурс, где они находят не только сносный воздух, но и хорошие пастбища. Эльбурс — это часть Кавказа, граничащая с Грузией в сторону области Табессеран; с вышеозначенных гор ее очень хорошо видно. На этом Эльбурсе раньше персы держали свой негасимый огонь и поклонялись ему; теперь же подобные огни и их поклонники (как сообщают Теихера и другие на основании его) не только вокруг [Р]ешта, но во всей Персии уже не встречаются, а бежали в Индию, где теперь еще, говорят, сохранилась особая секта таких огнепоклонников. Об этом подробнее рассказано в путешествии высокоблагородного Иоганна-Альбрехта фон Мандельсло.

LXXXIV

(Книга IV, глава 21)

Путешествие из Шемахи в Ардебиль

Обращаюсь вновь к нашему путешествию. После того как 27 марта к вечеру наши вещи были посланы вперед, за ними на следующее утро за два часа до рассвета последовали господа послы. Так как хан и калентер в Шемахе при возврате истрачен-

ных на пропитание денег не оказались столь милостивыми, как мы ожидали, посол Брюг[ге]ман не захотел, чтобы калентер или вообще кто-либо из персов их провожал из города. Поэтому послы взяли свои пистолеты под мышки и впотьмах вышли из города, а за городом сели на лошадей и уехали с немногими людьми из свиты, предоставив остальным выбирать, как они сами могли. Сделав в 2 милях от города остановку для кормежки, мы нашли, что один из наших солдат Александр Чаммерс, шотландец, раньше болевший, но уже почти выздоровевший, сидит мертвый в телеге. Мы похоронили его здесь у красивого холма, поросшего многими гиацинтами, по левую сторону дороги, и после полудня сделали еще полмили дальше до места погребения персидского святого пюр-Мардехана в местности Факерлу. Здесь мы расположились в открытом поле под нашими телегами. Ночевка была весьма плохая; почти всю ночь была страшная буря с сильными раскатами грома, молнией, ветром, дождем, снегом и морозом; тут же еще посол Брюггеман велел греметь из пушек. На следующий день он сильно рассердился на персов за то, что они оставили на месте несколько пушек для металлических снарядов, слишком тяжелых для того, чтобы лошади могли их таскать на особо устроенных носилках. Он со многими бранными выражениями укорял мехемандара, плюя на хана, калентера и на самого мехемандара: он говорил, что все ими сказанное ложь, велел сказать хану, что он либо получит его голову, либо потеряет свою собственную. Сначала предполагали оставаться здесь до тех

пор, пока пушки прибудут. Но когда мы обсудили и обдумали неудобство этого места, где не было поживы ни человеку, ни скоту и не имелось ни огня, ни дров при очень холодной погоде, а мы все были в мокрых одеждах, так что, вероятно, наши больные и наша молодежь не долго бы выжили здесь, — то мы пошли дальше и через две мили прошли мимо расположенного с правой стороны караван-сарая Тахи, а затем прошли еще две мили далее до конца Шемахинских гор.

Эти горы сверху низко всхолмлены и очень плодородны; зимой же и осенью обыкновенно здесь дождь, снег и распутица. В конце этих гор имеется веселый вид вниз (в долину), так как страна под ними местами на 10, а иногда и более миль совершенно плоская, без холмов даже в локоть высотой; в ясную солнечную погоду она вся зеленела и было очень приятно на вид, в то время как у нас наверху шли снег и дождь. Очень удобно можно было рассмотреть, точно на разостланной ландкарте, обе знаменитые у писателей реки Аракс и Куру, со всеми их извилинами и местом слияния.

В то время как некоторые из нас, поехав вперед, спустились с горы (которая, несмотря на высоту в полмили, представляла удобную дорогу и вовсе не была крута, и пришли в место с прекрасной светлой погодой), мы увидели, что задняя часть поезда длинным рядом выходит как бы из тучи: верхняя часть горы была одета в густой туман и как бы скрыта в тучах. Мы расположились под горой по правую сторону, в нескольких оттаках или татарских хижинах, устроенных здесь пастухами, рядом

с их стадами, и разделенных на несколько обба или орд.

30 марта мы проехали 4 мили в равнину к деревне Казилу. По дороге мы встретили нескольких пастухов, которые рядом со стадами ехали в телегах или верхами, уложив с собой на телегах, лошадях, волах, коровах и ослах свои дома, своих жен, детей и все, сюда относящееся; это было очень смешное зрелище. В этот день, как затем в течение всего путешествия [в Персии], мы, большей частью, имели ясную солнечную, приятную погоду и не видели небо застанным нигде, разве лишь на высоких горах и вокруг них.

В последнее число марта мы прошли по берегу 2 мили вперед до деревни Джават, лежащей у реки Куры. Здесь дома были построены из тростника или камыша и вымазаны глиной. В четверти мили далее Аракс впадает в Куру под высотой полюса в $39^{\circ}64'$. Аракс берет начало к ЮЗ от Куры, но впадает в нее с ЗСЗ. Обе реки шириной по 140 шагов, вода в них бурая, тихая и глубокая, а берега довольно высоки. На берегах, как во всем Мокане, на лугах росла *Glycyrrhiza* или солодка в большом количестве и иногда толщиной с руку. Вываренный сок ее был гораздо слаще и приятнее на вкус, чем таковой же у нас в Германии.

Река Кура лежит на границе между Ширваном и Моканом; у деревни Джават на ней имеется корабельный мост, через который мы прошли 2 апреля, и по ту сторону реки в Мокане были встречены новым мехемандаром, или путеводителем, посланным от хана ардебильского. Нам дали для поездки и для доставки багажа 40 верблюдов и до 300 лоша-

дей, так как ввиду высоких гор и глубоких долин, через которые теперь шел наш путь, мы впредь не могли более пользоваться телегами. Кроме лишних средств для перевозки, мы получили достаточное количество провизии, а именно: на каждый день по 10 овец, 30 батманов вина, рису, масла, яиц, миндаля, изюму, яблок и т.п. в изобилии; в воскресенье после проповеди мы поехали дальше, и путь почти с милею шел по Араксу. Мы устроили свой привал на ночь в полумиле от берега в степи, в круглых пастушьих хижинах, которые мехемандар для нас велел сюда поставить.

3 того же месяца мы прошли по этой степи 4 ферзанга или мили и снова ночевали в упомянутых, посланных вперед хижинах. В этот день мы видели несколько больших табунов дичи, которая у турок зовется джейран, а у персов аху. Эти животные, с виду почти как олени, но шерсть у них красная и рога без отростков, загнутые назад, как у коз; бегут они очень быстро. Говорят, что дичь эта встречается только в Мокане а также вокруг Шемахи, Карабаха и Мерраге.

4 того же месяца мы прошли еще 6 миль и расположились у реки Вальхару, хотя и могли бы пойти дорогой более близкой посередине степи, но из-за водопоя пришлось идти таким окольным путем по реке. Здесь мы нашли много черепах. Они устроили в высоком берегу, а также и внутри суши в холмах отверстия в песке, поместили там яйца и притом исключительно со стороны, обращенной к полудню, чтобы они там лучше могли высидеться от солнечной жары. Так как мы увидели, что по ту сто-

рону реки люди живут в шалашах, некоторые из нас, чтобы узнать, что это за народ, перебрались на тот берег и заговорили с ними. Дети этих жителей бегали совершенно нагишом, а взрослые были в простых бумажных кафтанах; к нам отнеслись они весьма любезно и доброжелательно: они принесли молока нам испить; полагая, что мы солдаты, пришедшие помочь их государю против турок, они пожелали, чтобы Бог прогнал неприятеля перед нами вплоть до Стамбула: так называется Константинополь.

6 апреля мы дошли до конца Моканской (Муганской) степи, к горам и области Беджируан, перешли через небольшую реку, ввиду ее извилин, раз 12, и устроили привал на ночь у деревни Шехмурат в 5 милях от вчерашнего места ночлега. Дома здесь построены у горы или в горе, так как передние части сложены из обломков камней, а задняя часть строений примыкала к самой горе; покрыты они были тростником. Все дома оказались пусты. Люди Аребана, прошедшие впереди нас для поднесения новогодних подарков шаху, распространили о нас неправильный слух, будто мы жестокий, ненасытный народ, будто, куда мы ни придем, мы все грабим и опустошаем, и к тому же еще и бьем людей. Поэтому все крестьяне из боязни разбежались от нас во все стороны. Здесь некоторые из нас, чтобы поискать растений и осмотреть местность, забрались на очень высокую каменистую гору, но мы ничего особенного не увидели. К тому же расположенные кругом горы отнимали вид. Вверху горы из ущелья в скале выбегал чистый красивый ключ, у которого

мы нашли краба в скалистой щели, через которую текла вода; некоторые из нас, никогда ничего подобного не видевшие, посмотрели на это, как на чудо, и животное сочли ядовитым. Действительно, нужно было удивляться, как краб попал в это место, находящееся в 2 милях от моря и на столь высокой горе, ведь краб считается морским животным. Мы уселись у ключа, с тоской подумали о нашей дорогой родине, жалели о том нашем счастье и благополучии в Германии, которые теперь остались за нами, а также о злой судьбе, которую ежедневно можно ожидать в столь диких местах от нехристей, пили водой здоровье наших добрых друзей в Германии, и ввиду того, что гора была крута, спустились не без опасности.

6 того же месяца мы через горы и между ними прошли лишь 2 мили, встретили в разных местах фиговые деревья, росшие дико, и остановились в вымершей деревне Дизле. Едва мы заняли опустевшие помещения, как нам сообщили, что в минувшую осень чума здесь опустошила все дома. Послы тотчас же с большинством свиты выбрались из деревни в чистое поле, разбили палатку, вокруг которой народ сначала разместили под открытым небом, а потом поздно вечером получили несколько круглых хижин, которые мехемандар велел привезти на волах. Этого рода хижины [кибитки] состояются из длинных изогнутых брусьев, соединенных в виде круга и могущих быть то разобранными, то вновь сложенными. Когда благородный наш фон Ухтериц пробыл лишнее время в деревне и замедлил прийти в палатку, посол Брюг[ге]ман сурово на него напустился, говоря, что, придя из зачум-

ленного дома, он их всех может заразить; фон Ухтериц так испугался, что немедленно же после этого заболел изнурительной лихорадкой. Некоторые же из нас, видя, что воздух наполнен густым вонючим туманом и что погода холодная, остались вместе в одном из домов: здесь мы собрали дров, развели посередине дома добрый огонь, расселись кругом и услаждались завоеванным во время предыдущей ночевки вином, которое каждым было доставлено в собственной бутылке. И так мы провели эту ночь, отгоняя от себя страх чумы всякими веселыми историями и шутками. В той же деревне начат был постройкой большой караван-сарай для ост-индийцев, торгующих с Шемахой; он уже был достроен наполовину.

Отсюда до каравансерая Аггис 5 миль, и здесь растет очень много полыни. Путешественники на этом месте никогда не позволяют своим верблюдам и стадам пастись. Они по опыту знают, что пастбище отравленное и что скот от него умирает. Поэтому 7 того же месяца нам пришлось сделать большой переход за день, так как мы должны были рысью с одной лишь кормежкой проехать 10 миль через довольно высокие горы. Так как погода была неприятная, дул ветер и шел снег, то не только наши люди, которые должны были ехать весь день без еды, очень отошдали и заболели, но и верблюды частью отставали, частью даже падали со своей поклажей. К полудню мы прошли мимо названного каравансерая Аггис; он лежит по правую руку, прекрасен, велик и величествен; таких мы еще не встречали раньше. У него мы встретили прекрасно разубранного перса

с двумя слугами; он сказал, что послан к нам навстречу шахом, с приказанием быть нашим мехемандаром и позаботиться о том, чтобы господа послы получали хорошее содержание и были поскорее доставлены к шаху. К вечеру мы зашли в деревню Джанлю у подножья горы. Здесь находились прекрасные большие сады с плодовыми деревьями, но не было дров для разведения огня; пришлось поэтому жечь коровий, верблюжий и лошадиный помет, чтобы согреться. В эту ночь наше квартирмейстер был послан в Ардебиль, чтобы там приготовить для нас помещение.

8 того же месяца мы, после завтрака, опять пошли через горы Джичетлу добрых 3 мили. У конца этих гор течет река Карасу, вытекающая из гилянских гор Бакру и впадающая в Аракс; она протекает здесь у деревни Самиам под составленным из 6 сводов изящным каменным мостом, длиной в 80 шагов; мы перешли через него.

В полумили от реки находится деревня Джабедар в 2 небольших милях от Ардебилля; сюда мы зашли и остались здесь и на следующий день, т. е. на Пасху. Здесь люди из коровьего и лошадиного помета сложили большие и острые кучи, а частью прибили его к стенам, чтобы он здесь на воздухе и солнце высох и стал пригодным для горения. Дома и комнаты были полны вшей и блох, которые здесь осыпали нас и сильно нас мучили.

9 апреля мы праздновали нашу Пасху при восходе солнца, дав из каменных орудий и мушкетов 3 салюта, а затем мы слушали проповедь и совершили богослужение.

К полудню пришел присланный

шахом новый мехемандар, по имени Неджест-бек, любезный, веселый человек, посетил послов и приветствовал их по случаю праздника. Он доставил с собой подарки, состоящие из пяти вяленых рыб, блюда с хлебом, гранат, яблок, особой породы груш, похожих на лимоны, но очень сочных, с совершенно особенно приятным запахом и вкусом. Здесь же были огурцы, соленый чеснок и ширазское вино, считающееся наилучшим в Персии.

[После этой главы опущен весь рассказ о путешествии в Персию, а также все описание Персии, т. е. кн. IV, гл. 22—45, кн. V, гл. 1—42 (все), кн. VI, гл. 1—4 и 8. Нижеследующие главы, 5-я и 6-я, той же книги, приведены с опущением тех частей, которые находятся в связи с непереверенными главами. В главе 5 рассказывается, как в 1638 г., возвращаясь из пребывания в Персии, посольство вновь дошло до местностей, впоследствии вошедших в состав Российской империи].

LXXXV

(Книга VI, глава 5)

**От Решта до Кизилагача
и до конца области Гилян.
Февраль [1638 г.]**

1 февраля, около 10 часов утра, мы при прекрасной погоде и теплом солнечном сиянии поехали дальше [от города Кураба близ Решта]...

Проехав 2 мили, мы прибыли вновь к берегам Каспийского моря. Покрытая высоким лесом суша, с юга и севера, как казалось издали,

как бы двумя рогами выступала вперед в море: с правой стороны [это была область] Мазандерана и Ферата, с левой — Астары. Мы проехали на побережье еще милью вперед и устроили ночлег себе в доме Руассеру-кура [на карте Гиляна, составленной Олеарием, Руэссеру-кура], расположившись у моря близ реки Нассеру [на карте Гиляна — Нессеру]. Так как в доме этом было не более двух комнат, то нам нелегко было в ней устроиться, и большая часть людей легла под открытым небом.

Дневной переход 2 февраля составил 6 добрых миль близ берега к СЗ через 14 рек, из которых важнейшие: Шиберу, Динаджар [на карте — Динаджай], Халессера [на карте — Калесра], Аларус и Набаррус [на карте — Набарус]. На полдороге мы у реки Динаджар перешли в другую область, подчиненную хану астарскому... Эту область жители называли Каргару. Нас провели к месту ночлега вдаль от дорог через вязкие пашни к деревне Сенгаразара [на карте Сенгоразара]. Мы застали здесь пять больших диких свиней, которых ради нас закололи.

3 февраля мы, при снеге и дожде, поднялись весьма рано, вновь направились на берег, прошли к ВСВ и постоянно ехали очень близко к морю, а иногда и через море, так что вода шла лошадям по брюхо. Некоторые из нас даже попадали с лошадей в воду. В этот день ехать было сыро и нехорошо. Поздно вечером, проехав 7 миль, мы прибыли в область Хёвэ Лемюр [на карте — Хово Лимар] и устроили привал в неопрятной деревне.

4 того же месяца на свежих лошадях мы опять рано пустились в

путь, вдоль по берегу, изгибавшемуся к С, пройдя 4 мили. После этого мы шли 2 мили подлеском, миновав несколько деревень и более 22 больших и малых рек, из которых важнейшие: Лёме [на карте — Ломе], Канаб [на карте — Кенаб] и Бескешан [на карте Бескешон]; через них были устроены деревянные мосты, весьма, однако, ветхие, так что вновь некоторые из наших людей вместе с лошадьми попадали в воду. Этот дневной переход тоже был тяжелый. Потонули три крестьянина, шедшие пешком с нами, а также 4 лошади; 6 других усталых лошадей остались лежать у дороги. Когда мы в астарской области находились недалеко от ханской резиденции, сам хан со многими всадниками выехал к нам навстречу, хорошо принял трех послов [обоих голштинских и русского при них посланника] и проводил их до мест ночлега, которые были нам указаны в нескольких домах и дворах, разбросанных среди деревьев и садов. Эта деревня и местность, равно как и река, здесь впадающая в море, называется Хоскедехене [на карте Хош-кадехене], что значит «сухое устье», так как в этом месте море очень мелкое и не дает возможности рыбам подняться в реку. Город же, где находился хан, является открытым местечком, в доброй четверти мили от берега и недалеко от гор. Он назывался Астарою по области.

Здесь находится то место, где мы застали самые толстые виноградные лозы. Я думал сначала, что не поверят, если я сообщу, что у ствола они толщиной с человека; однако я нахожу, что и Страбон при описании этой местности говорит, что в Маргиане, одной из провинций Хораса-

на, виноградные лозы столь толсты, что их едва может двумя руками обнять мужчина. Далее верно и то, что он еще сообщает о Гиляне или, как область в то время называлась, Гиркании, а именно, что одна виноградная лоза дает более ведра вина. Что касается виноградных кистей, то их Страбон представляет слишком длинными, говоря, что они бывает длинной до двух локтей.

Хан, по имени Сару, был разумный и любезный старик... Он пользовался большой милостью у шаха Сефи и предстоящей весной должен был ехать послом к индийскому царю, на что уже получил приказание. Он вспомнил в разговоре о нападении грабителей-казаков, от которых они не чувствуют себя в безопасности. Казаки за 2 года перед тем ограбили Решт, а теперь их ожидали вновь. Мы должны были поэтому все время держать наготове наше оружие.

За Астарой лежит гора Шиндан, на которой вольная деревня [Ших Сахадан. Здесь, как говорят, жил и похоронен некий Сахад, бывший учителем шаха Сефи].

7 того же месяца мы проехали 4 мили, все время по берегу, и прибыли в провинцию Ленгеркунан, где имеется очень узкий проход. Здесь лесистые высокие горы спускаются довольно близко к берегу, а с другой стороны к морю идет вязкое болото, через которое ведет лишь узкая гребля, вследствие чего проход в страну крайне стеснен. За этим проходом из гор вытекает речка Сердане [на карте — Сейдане], а затем следовало местечко Ленкоран, где также имеется речка Варазарут. Эта область и местечко получили название от

якорной стоянки и гавани, хотя здесь настоящей гавани и нет, но есть лишь залив, который от двух выступов суши в море (один из них у Ленкорани порос лесом, другой у Кизилагача — тростником) получает вид полумесяца. Так как здесь очень мелкий песчаный грунт, то одни лишь плоские лодки могут входить сюда, но и они оказываются не в безопасности от северо-восточного ветра. Поэтому жители вытаскивают свои лодки на сушу. Сюда в 1603 г. прибыл морем императорский римский посол, умерший здесь и погребенный вместе с некоторыми из своей свиты; об этом сообщает Георг Дектандер в своем описании путешествия, но [из местных жителей] никто не мог нам сообщить что-либо об этом. Область и местечко эти удерживает за собой курджи-баши [начальник над стрелками из лука] как свое жалованье, несмотря на то, что наш мехемандар и некоторые другие персы, по разным причинам, и убеждали нас, что они подлежат управлению ардебильского хана. Визирь или канцелярский писец, находившийся здесь, принял нас и снабдил необходимой провизией.

8, 9 и 10 мы оставались здесь, пока, с одной стороны, не подоспели с нашими вещами верблюды, которые плохо справлялись со скользкими путями, а с другой — и самим нам доставили свежих лошадей.

11 того же месяца мы снова собрались в путь и ехали пять миль до Кизилагача через 4 весьма глубокие, снабженные мостами реки: это были Касиенде, Ноабине, Джили и Булади. Через последнюю реку, которая широка и глубока, мы переправлялись в лодках, а лошади плыли с

нами рядом. Когда вскоре за тем, из-за плоского побережья, море оказалось залившим большое пространство и образовало как бы особый большой круг, нам пришлось перебираться верхом через глубокую воду добрую четверть мили. Багаж на шести больших рыбацких лодках мы направили через море. Берег в этом месте, равно как и на двух противоположащих островах (один из них, из-за красной почвы, называется Сару) далеко вокруг покрыт высоким тростником или камышом. Говорят, иногда здесь таятся грабители-казаки. Едва мы вышли из воды на сушу, как явился и принял нас хозяин этого места с сотней хорошо убранных всадников.

Местечко Кизилагач (что значит — «золотое» или «красное дерево») также не окружено стеной; оно лежит в доброй полумили к СЗ в сторону суши в ровной местности у реки Виллеша... Гилянские горы здесь отходили налево к ССЗ, и, как казалось, переходили в сторону Мокана в мелкие холмы. У подножья гор видны были издали многие деревни, главнейшие из которых были Булади, Маджулэ [на карте — Мадуде], Бустер, Талишкеран, около которых стояли много деревьев, как бы посаженных в ряд одно возле другого; здесь же был большой луг, который едва можно было обозреть глазом: говорят, он является прекрасным пастбищем для скота.

По всем этим обстоятельствам я полагаю, что именно об этой местности Страбон пишет: «В сторону Каспийских ворот имеется очень низкая местность и весьма плодородная равнина, и здесь находится луг, именуемый «питающий лошадей». Одна-

ко, несогласно с истиной утверждение автора, будто на этом или на другом лугу этой страны пасется или может пастись 60 тысяч кобылиц персидского царского конского завода. Впрочем, еще недавно некий военный офицер, после путешествия своего в Татарию, где он не прошел дальше Астрахани, лежащей еще в 12 милях по эту сторону Каспийского моря, на заданный ему в Голштинии об этом луге вопрос: «Правда ли, что таковой имеется в Персии?» отвечал: «Да!» Однако, сколько же требуется жеребцов для этого количества кобылиц? И сколько нужно прислужников для ухода за таким количеством лошадей. Я не говорю уже о других обстоятельствах.

В этой местности между горами лежат области Куавер [на карте — Куэвер], Маранку, Деждевенд и другие, а в ближайших горах деревня Дубиль, обыкновенно именуемая Хатифекеки, жители которой во время шаха Аббаса вели срамной образ жизни. Ночью они сходились в определенных домах, зажигали огни, пировали, затем раздавались донага и как скоты валились друг на друга, так что часто отец с дочерью, сестра с братом, мать с сыном совершали срамные дела. Когда это отвратительное дело стало известно шаху Аббасу, он велел перебить всех жителей и старых и молодых, мужчин и женщин, не исключая и самых малых детей, и заселить деревню другими жителями.

Удивительно то обстоятельство, что о подобной срамной жизни обитателей этой местности писал еще греческий историк Геродот, живший во времена второй монархии. Упомянутая в книге I, главе 203, об этой ме-

стности, он говорит: «а совокупляются обитатели этих мест, как скот, открыто».

Напротив городка Кизилагач лежат в море в 1 1/2 милях от берега два острова Келехол и Аалибулах [на карте — Алибулах]. Последний из них, длиной в 3 мили, получил, по словам персов, название оттого, что Али однажды был здесь и, не найдя для утоления жажды свежей воды, божественной силой своей создал здесь колодец, который теперь еще дает пресную воду. Остров этот у берега порос камышом.

LXXXVI

(Книга VI, глава 6)

Путешествие из Гиляна к реке Араксу... Также о Муганской степи

12 февраля мы оставили Гилян и поехали дальше через открытую местность и через некоторые глубоко в земле лежавшие небольшие речки, важнейшими из которых были: Ускеру и Бутару [на карте — Питару], перекрытые мостами. К вечеру пришли мы к деревне Эллиесду [по карте — Эйлисду]. Она лежит в начале Моканской [Муганской] степи на склоне низких плодородных холмов. Ведь и вообще вся эта область у подножья гор повсюду весьма плодородна и обработана. Деревни, которых в этой местности было много, состояли из плохих домов, были сплетены вроде плетней и вымазаны глиной. Все они были заняты шахскими солдатами. Шах предоставил солдатам эти деревни для кормления: не только крестьяне должны были достав-

лять им кое-что для пропитания, но и сами они имели земли и пашни, которые могли обрабатывать. Деревня Эллиесду принадлежала офицеру по имени Бетер-Султан; он жил в трех милях отсюда...

Отсюда мы двинулись дальше по Моканской степи, прошли две мили и расположились в Оба в круглых пастушьих хижинах...

В этот день утром, а именно 13 февраля, в означенной деревне солнце взшло в точности на [румбе] юго-восток к востоку [Зюйд-Ост-тен-Ост], так что магнитное склонение от С к З оказалось здесь в 24° . У Оба я высоту солнца в полдень определил в $40^\circ 48'$, а высоту полюса под тем же меридианом в $39^\circ 28'$. Побережье здесь тянется с ЮЗ к СВ. Мы вновь могли видеть перед собой Шемахинские горы.

О Моканской [Муганской] степи нужно сказать подробнее. Полагают, что она тянется в длину более чем на 60, а в ширину на 20 миль. Турки зовут ее Миндюнлук (1000 дымовых отверстий), а персы Моган или Мокан. В этой степи живет весьма много племен и родов, которые во времена Гуссейна (против него их предки сражались под начальством Иезида) были в наказание как бы сосланы сюда. Им не разрешают жить ни в городах, ни в деревнях, но лишь в хижинах [кибитках]; зовут их Сумек-Райети, с одной стороны, потому, что они от кости к кости [от поколения к поколению], как самые жалкие рабы, навеки покорены шаху, с другой — потому, что им едва оставлено для пропитания, чем сохранить свои кости. Они кормятся от скотоводства, летом направляются под горы,

где у них хорошие пастбища и приятный климат, зимой же они располагаются лагерем в ровной степи. Их считают полудикими людьми и роды их перечисляются следующие: ходже-чаубани, текле, элменкю, хаджиказилю, султанбахшелю, карай, ардендюшенлю, халедж и др.

14 того же месяца мы продвинулись на три мили дальше к северу и пришли к племени хаджиказилю. По дороге в поле мы встретили часовню, в которой похоронен некий Байрам-Текле-Обаси. Он был во времена шаха Аббаса, когда турецкий паша Джалал-оглы напал на Персию, разбойником; с несколькими сотнями собранных вокруг себя оборванцев он часто с хитростью нападал на турок и почти ежедневно доставлял шаху Аббасу несколько турецких голов. Наконец ему дана была для набегов армия в 12000 человек, с которой он, пожалуй, больше зла сделал неприятелю, чем шах с своим главным войском. За это шах освободил его от наказания, сделал князем и подарил ему несколько деревень в этой местности.

Мы вновь расположились в круглых пастушьих хижинах [кибитках]. Поздно вечером, едва успев прилечь, мы услышали несколько выстрелов, которые быстро следовали один за другим. Мы подумали, что это измена или нападение, — и поспешно собрали наш багаж, устроили бруствер и приготовились к обороне. Однако оказалось, что русский посланник, Алексей Савинович, расположившийся на расстоянии выстрела от нас, поднял эту стрельбу, чтобы напугать посла Брюг[ге]мана и посмотреть, как он будет вести себя. Он объяснил потом свой поступок

тем, будто устроил стрельбу в честь посла, полагая, что это — день рождения Брюггемана.

15 того же месяца мы прошли через степь восемь миль и расположились лагерем в четверти [мили] пути от реки Аракса. Мы бы вошли и в Джават, где в предыдущий раз мы останавливались, если бы там не поместился Аребан, хан шемахинский, со всем своим двором, заняв все помещения. Он и следующий день пробыл там, так что мы остались поэтому на месте.

Мы от Аребана, по приведенным выше причинам, не ожидали особой дружбы и благодеяний. Он, однако, пока мы были в его области, все время был к нам очень любезен и делал нам добро. Всю вину в недоразумениях, возникших у нас с ним, он свалил на бежавшего у нас персидского толмача Рустама, который часто передавал ему от нас враждебные ему речи. По его словам, переводчик, вероятно, то же делал с его речами у нас; он грозил его поэтому обезглавить, как только удастся его схватить. Когда хан услышал, что мы вновь пришли к Араксу, он послал знатнейших своих слуг, чтобы принять нас и поднести нам три меха хорошего вина, которые нам были очень приятны, так как в этот, как и в предыдущий день, у нас угощения было ценного. С посланными от хана прибыл также наш бывший в Ардебиле мехемандар Неджеф-бек, чтобы посетить нас; он подарил послам прекрасную персидскую гончую собаку и очень весело беседовал с нами.

LXXXVII

(Книга VI, глава 7)

Сообщение о реках Араксе и Куре и о поездке в Шемаху

17 того же месяца мы вновь собрались в путь и перешли через важную реку Аракс, через которую у Джавата наведен был корабельный [понтонный] мост, у них именуемый джиср. Мост этот ежегодно весной в июле месяце, когда вода разливается, должен сниматься, так как река тогда выходит из берегов и заливают соседнюю плоскую низменность на милю и более водой; в это время никто не может путешествовать этим путем.

Остановиться несколько на этой реке и подробнее поговорить о ее качестве, мне дают повод географы, которые частью помещают ее в правильной местности, но неточны в подробностях, частью же сбиты с толку. Квинтом Курцием, так как он упоминает реку Аракс в двух разных местах в различном смысле: он говорит, что река эта находится в области Персиде и течет к полудню (кн. V), а в то же время он (кн. VII, гл. 5) и в особенности Плутарх в биографии Помпея (стр. 636) и Марка Антония (стр. 939) пишут, что Аракс через Мидию впадает в Каспийское море. Страбон, в данном случае, следует Курцию в однородных и полных сомнений речах (кн. XI и XV). Радер в комментарии к Курцию старается примирить эти с виду противоположные мнения и говорит, что река Мед, в которую Аракс впадает, сначала, должно быть, имеет

направление от полуночи к полудню, но потом поворачивается и в сторону полуночи впадает в Каспийское море. Это рассуждение его, однако, также не разрешает вопроса. Невозможно, чтобы река от Персеполя могла течь, совершая такие изгибы и переходя через чудовищный, во много миль шириной, Тавр, посередине пересекающий страну персов или даже всю Азию «непрерывным хребтом», как говорит Курций в указанном месте. Истинное сообщение об этом таково: имеются две различных реки, именовавшиеся Араксом; одна из них в Мидии, другая в Персиде. Ортелий это хорошо усмотрел и указал в следующих словах в своем «Thesaurus geographicus» при упоминании истинного Аракса: «О другом Араксе упоминают Страбон в кн. XV и Курций в кн. V». Последнюю реку, протекающую мимо города Персеполя (ныне Шираз), войскам Александра угодно было назвать Араксом подобно тому, как Александр назвал реку Яксарт, на границах Скифии, Танаисом, а восточную часть Тавра — Кавказом; см. об этом у Страбона, кн. II, стр. 348, § 30.

По каким причинам и в каком убеждении это им сделано, о том можно прочесть у Радера и в других комментариях.

Означенная река в Фарсии в настоящее время, ради большого чуда, здесь будто бы совершенного Али, называется Бендемир; она у Персидского залива впадает в большое открытое море. Возможно, что река но имени Мед и соединяется с этой рекой, так как, по словам персов, несколько небольших рек впадают в Бендемир. Возможно поэтому, что,

как полагает Радер, слова Курция «a mare ad meridiem versus» должно читать «ad mare meridiem versus», т. е. что Мед с означенным Араксом направляется к югу. Что касается настоящего Аракса, через который мы перешли в Моганской [Муганской] степи, то он и в настоящее время сохраняет название Аракса, происходящее, может быть, как полагает Евхстатий [Евстафий], от греческого «срываю», так как он, имея сильное течение, в иных местах срывает горы и почву и поэтому везде имеет высокие и подмытые берега. Он вытекает в Армянских горах за высокими горами Арарат и принимает много притоков, из которых важнейшие: Карасу, Зенки, Керни, Арпа. У Карасу русло его глубоко врыто в почву; вскоре за тем, недалеко от Ордабата, он со страшным шумом, который слышен более чем на расстоянии мили, ниспадает с очень высокого водопада в область Мокан. Мокан, если сравнивать его с Арменией и Ширваном, расположен очень низко. В этой области река совершенно тихо течет к морю, и за Джаватом, в 6 милях от моря, соединяется с рекой Курою или Киром (Кюр), имеющей ту же длину и текущей с северной стороны из Георгии (Грузии) или, как зовут ее ныне, Гурджистана. Как видно отсюда, Кура и Аракс не имеют, согласно с описаниями Птолемея и других, отдельные друг от друга устья в море. Со мной согласны все, что ходили этим путем, особенно же англичанин Картрайт, пишущий в своем описании путешествия: «Кура, по принятии многих притоков, впадает в Аракс и вместе с ним вливается в Каспийское море». Если бы

Кирополь был тем, чем в настоящее время является Шемаха, как полагают комментаторы к Птолемею, в особенности же Магин, и как, пожалуй, вытекает из показанных Птолемею градусов широты, то нужно бы обе эти реки расположить не выше Кирополя, а ниже его, к югу. Место стечения их, именуемое у туземцев «Каушан», мы нашли, как уже выше сказано, под $39^{\circ}54'$, а Шемаху под $40^{\circ}51'$ сев. шир., следовательно, на расстоянии 13 миль друг от друга, так как они под тем же меридианом; это пространство мы и прошли сами, найдя именно такое количество миль. Кроме того, по эту сторону Шемахи, на протяжении 9 или 10 дневных переходов, так же как и по ту сторону, во всем Гиляне нет особенно большой реки (все имеющиеся вытекают лишь из гилянских гор), которую бы можно было отождествить [с древним Киром, если посчитать Куры]. К тому же Шедаха не лежит, как говорится о Кирополе, близко к морю, но в двух днях пути от него, если идти прямо. Отсюда видно, что древние писатели сильно ошибались относительно этой местности и рек; я счел необходимым напомнить об этом в угоду любителям географических предметов.

Означенного 17 февраля мы вступили в Джават и были встречены и обильно угощены мехемандаром, назначенным от хана и оставленным им в городе. Мы направились в прежние наши квартиры и оставались в них в течение следующего дня. Это место получило свое название от арабского «джавас», что значит «переход», так как здесь имеется переход через реку, где каждый желаю-

щий перейти с той стороны обязан показать свой паспорт, чтобы не мог тайком пробраться кто-либо из турок — их неприятелей.

19 февраля мы проехали еще 8 миль дальше, большей частью по пустынной, поросшей тонким тростником местности, вплоть до Шемахинских гор, где для нас были раскинуты три аладжух или круглые хижины [кибитки]. По дороге умер наш живописец Дитерих Ниман из Бокстегуде; после того как он был болен четырехдневной лихорадкой, он получил дизентерию и через 4 дня умер от нее; смерть застигла его на телеге, в дурную погоду, 22 того же месяца мы похоронили его в городе Шемахе на армянском кладбище с подобающими почестями. Это был благочестивый, тихий, богобоязненный и в искусстве живописи весьма знающий человек; ради его искусства шах персидский хотел взять его к себе на службу на несколько лет, но так как он видел судьбу часовщика Рудольфа Штадлера [зарубленного персами за убийство проникшего к нему в квартиру вора-мусульманина и за нежелание обрезать и принять мусульманство], он не захотел остаться. Аребан также сильно жалел его, так как он получил от него несколько прекрасных живописных картин и охотно имел бы и самого его у себя.

20 февраля мы очень рано поднялись и взобрались вновь на Шемахянские горы, которые поднимаются к востоку со стороны моря, протягиваясь к Куре в виде полумесяца. Их зовут здесь Ленгебус-дахи по названию расположенной на высоте направо деревни Ленгебус. На этот раз дневной переход нам был непри-

ятен, так как не только погода была дождлива и очень холодна, но и дорога была скользка, грязна и вязка, так что казалось, точно мы из лета опять идем в зиму. Послы с теми из свиты, у кого были хорошие лошади, еще среди дня прибыли в город; другие же пришли только поздно вечером, а некоторые притащились лишь в полночь. Часть багажа запоздала более чем на восемь дней, так как нагруженные им верблюды не могли взобраться на столь крутую гору по скользкой дороге.

Хан вновь велел предоставить нам у армян прежние помещения, где мы приветливо были встречены нашими хозяевами.

LXXXVIII

(Книга VI, глава 9)

Путешествие от Шемахи до Дербента и затем до границы Персидского царства

30 марта мы собрались в путь из Шемахи, причем хан и каленгер с несколькими всадниками следовали за нами из города, заставили еще раз присесть с ними в открытом поле и угощали. Любезно простившись с нами, хан опять со своей свитой вернулся в город, а мы направились в Пюрмара(а)с, куда прибыли к вечеру, проехав добрых три мили.

В последнее число марта, рано утром, в 8 часов, мы все опять тронулись в путь и прошли 6 миль по очень высоким горам, где в течение целого дня не видели ни одной деревни, пока вечером не заметили деревню Кохани, в долине, где мы и

остановились на ночлег. 1 апреля мы вновь по высоким горам и глубоким долинам сделали семь миль, вплоть до деревни Бахель, обыкновенно, ввиду плодородия местности и роста пшеницы, весьма здесь изобильного, именуемой Суррат.

2 того же месяца мы оставили горы и пришли в равнину, в четверти пути от моря, прошли мимо высокой горы Бармах и недалеко от моря увидели нефтяные колодцы.

Это — разнообразные ямы, числом до тридцати, расположенные почти все на расстоянии одного выстрела из ружья; из них сильным ключом бьет нефть: это — *Oilum Petroleum*. Среди них были три главных колодца, к которым нужно было спускаться в глубину на две сажени, ради чего было поставлено несколько поперечных балок, которыми можно было пользоваться в качестве лестницы. Сверху было слышно, как бурлят эти ключи, как бы кипя; запах их довольно сильный, причем белая нефть имеет более приятный аромат, чем бурая. Здесь можно вычерпывать и бурую и белую нефть, но первой больше, чем второй. К вечеру мы прибыли к деревне Кизихт, расположенной недалеко от берега, в 6 милях от предыдущего нашего места ночлега.

3 апреля мы прошли две мили до местечка Шабран и перешли через 3 небольших реки. Вокруг этих мест в горах живет племя, называющееся падар; оно занимается сильно воровством и грабежами и предпринимает набеги на два или три дневных перехода кругом. В течение дня некоторые из них были в этом местечке, чтобы навести справки, как мы сильны и как бережемся.

Шабранцына своем языке называют себя «кюр», почему некоторые из нас предположили, что это курды, и так и записали в своих дневниках о путешествии. Однако, курды живут далеко отсюда, в Курдистане, который раньше именовали Халдеєю. Жители этой местности, так же как и мехемандар, искренно советовали нам, чтобы мы, если желаем пользоваться безопасностью, держали добрую стражу. Так мы и делали. Теперь мы багаж все время держали при себе и 4 апреля прошли 4 мили дальше через несколько холмов с отдельно стоящими деревьями. По дороге к нам примкнул караван черкасских и русских купцов, которые очень обрадовались возможности идти вместе с нами и пройти в безопасности от разбойников. В этой местности одного из разбойников пришлось увидеть. Когда его узнали, мехемандар с несколькими людьми погнался за ним; он же бежал, спрятался в кустах и оставил на произвол судьбы похищенную скотину. Мехемандар захватил ее и подарил послу. После полудня мы пришли к деревне, называвшейся Мишкар, в двух милях от Ниазабата, где наш корабль потерпел крушение; деревня лежала у большого болота. Крестьяне разбежались, полагая, что мы неприятели, попрятались по кустам и оставили все вещи лежать и стоять на своих местах. Впрочем, некоторые, узнав, что мы за люди, к вечеру опять вернулись. Здесь мы в доме священника нашли много великолепных рукописных книг.

5 апреля путь наш шел 8 миль через пустынные поля и кустарники до местечка Кектепе. По дороге мы встретили место погребения святого

пюр-Ших-Молласуфа, а также отряд в 28 вооруженных всадников, сказавших нам, что они крестьяне, живущие в этой местности. Из-за разбойников, мешающих безопасности здесь на улицах, им приходилось, по их словам, ездить столь большими отрядами; впрочем, они сами очень походили на разбойников. Жители Кектепе были из племени падар; они жили на склонах веселых холмов в домах, там и сям разбросанных среди отдельных высоких деревьев; большая часть домов была наполовину вкопана в землю. От одного дома на другой получался прекрасный вид.

6 апреля мы прошли три мили через лес и три реки: Коссар, Самбур и Кургани. Средняя, самая большая из них, течет с горы Эльбурс и, разделившись здесь на пять рукавов, течет весьма широко по мелкому каменистому руслу; она так неглубока, что не покрывала лошадям даже бедер.

7 апреля, пройдя три мили, мы вновь прибыли в старинный город Дербента. Здесь несколько кизилбашей выехали к нам навстречу и приняли нас. Наместник или Шахеверди-султан не явился с ними, — так как, по их словам, из-за несогласия, возникшего между ним и солдатами, он не смел выехать из замка.

9 того же месяца князь тарковский, бывший в Ниазабате у нас в гостях, прислал гонца к послам и велел сказать, что перед нами опасный путь через Дагестан; он предлагал нам поэтому, если мы пожелаем, конвой или стражу. Послы приняли в соображение, что эта стража, состоя также из дагестанцев, внушала бы столь же мало доверия к

себе, как и другие дагестанцы, и поэтому, вежливо поблагодарив князя, дали ему в ответ, что охотно избавят его от этих хлопот. Так как, однако, каждый мог рассказать весьма многое о диком нраве и грабежах дагестанцев, то мы не захотели оставить этих указаний без внимания и сочли за лучшее сами быть постоянно наготове. Поэтому 10 было осмотрено оружие наших спутников: мушкетов и длинных ружей было 52, а пистолетов 19 пар. Приготовлены были к действию и 2 пушки для металлических и 4 для каменных снарядов.

LXXXIX

(Книга VI, глава 10)

О городе Дербенте и о том, что здесь можно видеть достопримечательного

Что касается города Дербента, то персы полагают его под 85° долготы; широту я определил здесь в 41° 50'. Он тянется своими постройками в длину с З к В на полмили, а в ширину с С к [Ю] от одних ворот до других всего на 450 шагов, а не так, как пишет И. Барб[ар], «*medii miliaris spaciū*». Он простирается от гор до моря, так что волны иногда бьют высоко об стены, а то и ударяют в них сверху. Город этот, таким образом, замыкает путь, идущий между морем и непроходимыми горами, и является здесь как бы ключом и железными воротами персидского царства, как указывает на это новый в XIII книге «*Histor.*», pag. 237. Никто не может пройти в этой местности, не заходя в этот город.

Как не только о том сообщают

все писатели, но как жители и теперь еще сообщают, город построен Искандером, или Александром Великим. Им воздвигнуты, однако, лишь замок и одна стена, а именно южная, между тем как другая, по эту сторону, к северу, была, по словам жителей, построена их древним достохвальным царем Науширваном. Обе стены одинаково высоки и широки и сложены из мощных квадратных камней, объемом в 4 и 6 кубических фута. Все эти камни — что нам представлялось удивительным, были как бы слиты исключительно из мелких разбитых раковин. На стене Александра над воротами на длинном камне были высечены три строки сирийски, а в другом месте была арабская надпись и еще чуждые письмена, довольно неясные вследствие древности. Я весьма точно срисовал город, чтобы его здесь воспроизвести. В нем различаются три части. Высшая из них, это — замок на горе А. Здесь живет наместник; эта часть была вооружена пушками и 600 солдат из двух племен: аюрумлу и койдурша. Средняя часть В населена персами; позади она сильно опустошена, а именно собственным же их царем Эмиремзе, сыном Ходабенде, когда он вновь отнял ее у турки Мустафы, которому жители добровольно передались. Нижняя часть Е длиной в 2000 простых шагов, совершенно лишена домов и имеет лишь немного садов и пашен. Как они говорят, она была населена греками, вследствие чего и по сию пору именуется Шахернан — «городом греков».

Обе стены стоят на скалах, как ведь и все побережье у Дербента исключительно скалистое, так что корабельщикам здесь останавливаться

неудобно и опасно. Пovyше города через горы, лесистые здесь, построена была стена толщиной в три фута, которая, как говорят, тянулась на 60 миль в сторону Понта. В иных местах она вся была скрыта, в других стояли еще остатки ее высотой с колено или даже с рост человека.

Нужно удивляться, сколько труда пошло на обработку камней и на складывание этой стены, а также городских стен, которые столь широки, что по ним можно ехать в телеге.

Помимо стены, в верхней части города были устроены на холмах еще многие внешние оплоты и особые укрепления. Из них два ближайшие к городу еще сохранили тот вид, в котором они построены, и заняты гарнизоном из солдат; они возведены в виде четырехугольников, с очень высокими стенами. Кроме того, вокруг города на холмах расположены построенные из дерева и досок сторожевые дома или караулки. С них можно наблюдать окрестность и издали заметить подходящего врага; в данное время они были заняты стражей.

В городе Дербенте нет, как утверждают некоторые писатели, христиан; здесь живут лишь магометане и иудеи, писавшие себя из колена Вениаминова. Здесь нет особой торговой деятельности, если не считать того, что татары доставляют сюда много краденых детей, а также взрослых турок и русских для продажи; их затем перепродают в Персию.

Солдаты в городе, а также и некоторые из горожан, были люди отчаянные и дерзкие, о которых нельзя сказать доброго слова. Казалось, как

будто они нарочно хотели нас ввязать в драку, точно все еще со времен Шазабата у них сохранялась злоба. Поэтому 8 того же месяца послы после богослужения произнесли следующее увещание к свите: «Необходимо тихо и мирно оставаться в своих помещениях и под страхом строжайшего наказания не ввязываться в ссоры с кизилбашами или горожанами, а еще того менее оскорблять их. Если же, против ожидания, окажется, что кто-либо завяжет ссору с персом, то пусть другие ему не помогают. Лучше пусть пострадает один, чем подвергнется опасности вся свита, как это было с индийцами при прибытии нашем в Испагань. На здешних жителей, как указал мехемандар и как и сами мы в достаточной мере могли заметить, нельзя было положиться».

Среди остальных достопримечательностей этого места по ту сторону города расположено было место погребения Джюмджуме, о котором персы рассказывали следующую истинную басню, записанную поэтом Фезули. Рассказывают, что Эисси (так персы и турки называют Господа Христа), проходя однажды этим местом, увидел лежавший здесь череп мертвеца. Так как он желал узнать, что это был за человек, то он попросил Бога, чтобы тот оживил его. Бог услышал молитву Эисси (он много значил у Бога) и оживил человека. Эисси спросил, кто он такой. Тот отвечал: «Я Джюмджуме, богатый царь этих земель. У меня был пышный двор и всего было вволю; соли ежедневно уходило в пищу — груз сорока верблюдов. У меня было 40000 поваров, 40000 музыкантов, 40000

мальчиков с жемчужинами в ушах и столько же других слуг» (когда мусульмане желают назвать большую цифру, они, по примеру своего Магомета, обыкновенно пользуются цифрой 40). Потом Джюмджуме спросил: «А ты кто и какова твоя вера?» Христос отвечал: «Я Эисси и владею единой спасающей религией». Джюмджуме сказал: «В таком случае и я приму твою религию». Но в то же время он попросил Эисси, чтобы тот вновь позволил ему помереть, так как, оставшись без страны и людей, как того легко было ожидать, он не хотел более жить. После этого Эисси вновь позволил ему помереть, и он здесь теперь похоронен. На этой гробнице, недалеко от городской стены, стоит большое старое дерево и сложена из камня в 5 локтей вышиной и в 8 локтей диаметром площадка, вроде сцены, к которой ведут ступени. Они указаны на рисунке литерой I.

По эту сторону Дербента мы застали чрезвычайно много надгробных и могильных плит; их было несколько тысяч штук; они были длиной более человеческого роста, закруглены в роде полуцилиндров, и выдолблены, так что можно было лежать в них; на них были высечены арабские и сирийские письмена. Об этих могилах жители рассказывали следующую историю. Жил будто бы в древние времена, однако уже после Магомета, в Индии царь по имени Кассан, по происхождению из нации «окус», живущей за Эльбурсом в Табессеране, где теперь много живет иудеев. У него была ожесточенная битва с дагестанскими татарами, которых они зовут лезги[нами], в этом самом месте. Он

победил их, убив несколько тысяч человек; могилы наиболее знаменитых из убитых он велел выложить могильными плитами такого рода и такой формы, как показано на прилагаемом рисунке. Среди других мест погребения еще особое, окруженное стеной, находилось в сторону моря. Здесь лежали рядом сорок подобных длинных огромных надгробных плит и были водружены многие флаги. Персы называют это место погребения джалтенан, а турки и татары — керхлер. Здесь, как говорят, погребены 40 князей, святых мужей, погибших в той же битве; персы и татары ежедневно приходят сюда молиться. Прежде здесь учреждена была выдача богатой милостыни. Теперь же это место стережется лишь одним стариком, живущим здесь; он сам живет милостыней от тех, кто приходят для посещения могил. Царь Кассан, умерший позже своею смертью, похоронен у Тавриза при реке Аджи («горькая вода»). Там и теперь можно видеть его гробницу. Место погребения его супруги царицы Бурлэ показывают у крепости Уруми. Говорят, что могила в 40 фут длиной. Жители утверждают, что эта прежняя нация отличалась людьми гораздо более высокими и сильными, чем нынешние.

13 апреля сюда прибыли 60 татар: мужчин и женщин. На следующий день, 10 зилхадже, когда праздновалось жертвоприношение Авраама, они пришли к керхлеру, чтобы по своему обычаю принести жертву. Они шли друг за другом, целовали надгробные плиты, держали руки над ними и молились.

XC

(Книга VI, глава 11)

**От Дербента до дагестанских татар,
до Тарку, и о том, что мы по дороге
встретили**

После того как мы пробывли в городе Дербенте пять дней, не трогаясь с места и тшетно дожидаясь шахского персидского посла Имамкули, который обещал через немного дней быть с нами, и в то же время принуждены были питаться на свои деньги, так как султан ничего нам не доставлял, мы 12 того же месяца приготовились к уходу, велели собрать весь багаж и раздать каждой персоне на четыре дня хлеба, так как мы в течение этого срока не могли получить много больше.

Когда же 13 того же месяца хотели уходить и уже сидели на лошадях, султан велел запереть перед нами ворота, чем мы были поражены. Мы поэтому послали своего мехемандара к нему, чтобы узнать о причине. Он отвечал: до него дошли точные известия, что татарский князь Осмин, граница которого недалеко от Дербента, вооружился с большим войском, чтобы остановить нас и либо потребовать большой дани, либо, в случае отказа в уплате, ограбить нас; поэтому он, хан, не может разрешить, чтобы мы ехали без конвоя: если бы с нами случилось несчастье, ему пришлось бы нести тяжкую ответственность перед шахом, которому мы добрые приятели; конвой же не может быть снаряжен в этот же день. Хотя мы не придавали большого значения такому конвою, да и легко могли заметить, каково истин-

ное расположение хана, все-таки нам пришлось примириться с его заботливостью и попросить его, чтобы он только разрешил нам выйти из города, обещаясь подождать вне города до следующего дня, когда конвой будет готов. После этого ворота отворили, мы прошли четверть мили за город и расположились рядом с виноградником, где небольшая река образует границу между персидскими и дагестанскими татарами.

Здесь мы встретили [гробницы] еще двух мусульманских святых; одна из них — пюр-Мухара — была в поле, другая — Имам-Курхуда — в горе. Про Курхуда говорят, что он был другом Магомета, всегда держался у ног его, учился у него и прожил после его смерти еще триста лет. Он направился, как говорят, к царю Касану, играл перед ним на лютне и пел песни, в которых убеждал царя к войне с лезги[нами]. Когда он предпринял обращение лезги[н] или дагестанских татар, бывших язычниками, и открыто стал среди них проповедовать, они убили его. Его могила представляет большую пещеру, высеченную в скалистой горе. Гроб его был сколочен из четырех досок; далеко позади, в отверстии, поднимавшемся на два локтя от земли, он представлял весьма бедное зрелище и был виден для каждого. В предыдущий день я заходил туда, тщательно осмотрел все и не нашел никаких украшений. В качестве хранительницы гроба сидела старуха. Но на этот день, когда происходило паломничество для принесения жертвы, почва была выложена циновками, а перед отверстием, где находился гроб, повесили кусок золотой парчи. Из города и издалека

пришли многие женщины и девушки, прошли босиком в пещеру, целовали гроб и садились наземь, чтобы помолиться о том, чего каждая из них желала. После молитвы они жертвовали кое-что старухе, которая также считается святой и ночью у гроба поддерживает горящую лампаду. Жертвы состояли в сыре, масле, молоке, хлебе, деньгах, вине и т. п. В течение всей следующей ночи мы в нашем лагере слышали, как у этого места погребения, а также у места погребения сорока святых, раздавался сильный крик, как бы от лиц, которые веселились, плясали, а то и выли. Получалось впечатление чего-то языческого и варварского.

[1]4 апреля мы пробыли еще три часа после восхода солнца на месте. Для лучшего оберегания себя мы впредь установили для нашей свиты следующий порядок. Впереди шли три поручика с солдатами с горящими фитилями, затем следовала пушка для металлических ядер в 2 1/2 фунта (ее расположили на четырех колесах, так как уже более нам не нужно было переходить через горы), потом шла телега, на которой помещены были четыре пушки для каменных снарядов (тут же был и пушкарь со всеми необходимыми вещами), далее шли верблюды с багажом, а вокруг них посол Крузиус с несколькими отделенными к нему людьми и трубачом; за багажом опять следовала пушка для металлических ядер в роде предыдущей. А в конце шел посол Брюг[ге]ман со своим отрядом и трубачом. Так как никакой конвой не явился, то мы таким образом в добром порядке направились вперед, оставили персидскую границу и пришли к дагестанским татарам.

XCI

(Книга VI, глава 12)

О Дагестане, особой татарской области и об амазонках

При прибытии в эту страну мы сначала, по доброй охоте, обратимся мыслями своими к прежним временам и посмотрим, что за люди в старину владели этой страной и обитали здесь. Судя по тому, что сообщают Птолемей, Дионисий, александрийский философ, равно как и Страбон, эта местность была частью области Албании, расположенной между Иберией и Каспийским морем. Чтобы Албания могла получить название *ab albis capillis*, «от белых или седых волос», которые, по словам Плиния и Геллия, свойственны от ранней молодости здешним обитателям, этого я на нашем месте не заметил: у всех жителей здесь, как и у соседних черкасов, черные как смоль волосы.

Как видно из Страбона, в одной из частей этой страны должны были жить амазонки. По мнению Курция, они жили между Каспийским морем и горой Кавказом. «На самой границе Гиркании находится племя амазонок», - говорит он в книге VI, гл. 10. Их государыня Фалистра пришла через Каспийские ворота (это, вероятно, Дербент) с 300 вооруженных женщин к Александру в Гирканию и, чтобы получить наследство от столь славного героя, просила о разделении с ним лежа, что и было ей предоставлено в течение 13 дней. Об этом можно прочесть в указанном месте у Курция.

Если, однако, Страбон, а с ним

и по нему и другие возражают против помещения Курцием амазонок сюда к Каспийскому морю (он говорит о гирканских границах) и в то же время на берега Фермодоонта в Каппадокии (как то делают другие), то я лично не считаю этого столь нескладным, сколько бы по поводу прибытия Фалистры ни смеялся над Курцием Горопий. Ведь если верить другим историкам, скифские амазонки не только занимали большое пространство в греческой земле, но и многие провинции в Азии, как о том подробно писали Диодор Сицилийский, Иорнанд, Родерик Толедский, а также и сам Бекан. Вполне могло быть, что у Фалистры ее главнейшая столица была на Фермодоонте, но что в данное время она находилась в своей провинции, расположенной у Каспийского моря, и тем скорее могла посетить Александра.

Среди ученых людей идет спор, и некоторые из них сомневаются: существовали ли когда-либо на свете амазонки, будто бы в качестве воинственных героинь совершившие столько мужественных подвигов. Диодор Сицилийский вполне уверен, что они существовали. Он рассказывает о войнах их и победах, а также о городах, ими построенных. Он различает среди них две нации: африканскую и азиатскую, и говорит, что африканская была гораздо древнее и знаменитее в делах своих, чем другие амазонские нации.

Геродот в IV книге, § 110, Юстин во II книге, гл. 4, Иорнанд (Иордан) «De rebus Geticis», гл. 7, Родерик Толедский «De rebus Hispan.», кн. I, гл. 12, и многие другие записали, как истинные события, то, что случилось с амазонками. Они указыва-

ют и на происхождение их. Они жены скифов и готов, которые, оставшись одни дома ввиду выступления мужей в войну, принуждены были, чтобы отражать нападения соседних народов, желавших у них пограбить, сами по необходимости братья за оружие и отражать таким образом насилие. Когда они заметили, что им была удача, они собрались вместе и вооруженной силой напали и на другие государства, завоевали их, но и пострадали при этом кое-где достаточно: когда они в разных местах опустошали Персию, однажды сорок тысяч из их числа были перебиты персами, как о том можно прочитать у означенного толедского писателя. По его словам, амазонки правили еще во времена Юлия Цезаря. Далее он прибавляет: «С того времени вплоть до настоящей поры они царят в стране, обыкновенно именуемой Женской (Foeminea)». Пусть, однако, кто-либо сходит и найдет эту страну.

Страбон вполне отрицает, чтобы когда-либо существовали амазонки, говоря: хотя древние писатели и заявили, что они были, но он все-таки не может этого себе представить. «Кто может поверить, — говорит он, — чтобы могло существовать войско из одних женщин или целые города, даже царства и управления без мужчин? И что еще того более: чтобы женщины подвергли нападению и завоевали целые страны, имевшие храброе мужское население и воинов? Далее, что мужья амазонок, которым с рождения парализовали правую руку, совершали женскую работу, воспитывали детей и находились под властью женщин? Ведь что бы это могло значить иное,

как не то: в данное время женщины были мужчинами, а мужчины — которые на самом деле по природе склонны к власти — женщинами, не говоря уже о чудесных и невероятных вещах, которые о них рассказываются».

Арриан в VII книге говорит: «Мне кажется невероятным считать это женское племя никогда не существовавшим, так как столь многие и знаменитые авторы его прославляют». По его мнению, вполне возможно, что амазонки существовали, но только не во времена Александра Великого.

Горопий Бекан также присоединяется к мнению Арриана; изложив некоторые другие мнения, Горопий говорит в книге VIII: «Мы полагаем, что такие общераспространенные сказания отличаются одним свойством: хотя содержание их и перемешано с баснями, все-таки в основе их какой-либо истинный источник». Древние сказания, по его мнению, нельзя совершенно откидывать; в них должно быть некоторое зерно истины, даже в том случае, если древние писатели и перемешали подобные истории со многими баснями, по обычаю поэтов.

После этого мы вновь обращаемся к нынешним жителям этой области. Это — татары; персы зовут их лезги[нами], а сами они зовут себя «дагестан-татар», т. е. горными татарами. «Даг» га их языке и по-турецки обозначает гору; они живут на склонах горы и между горами, миль от двадцати до тридцати к западу от Каспийского моря. К югу их граница, как здесь сказано, сейчас же у Дербента; она простирается вдоль моря к С до Терок, эту дорогу мы в

извилинах ее определили в 40 миль. Горы в иных местах отступают на полмили, на целую, а иногда и на две и три мили от моря, оставляя близ подножья прекрасные плодородные поля, а у моря — сухие степи. Жители черно-желтого цвета кожи, крепки телосложением, лицом безобразны, дики и жестоки, волосы их длинные, черные как смоль; они ходят в длинных серых и черных кафтанах, сделанных из плохого сукна, а поверх надевают грубый войлочный плащ. На голове у них шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна. Их башмаки из овечьей или лошадиной кожи, вырезаны из одного куска со швом сверху на ноге и сбоку ее. Эта одежда показана на рисунке, представляющем город Тарку. Они, правда, признают себя по вере мусульманами, дают производить над собой обрезание, следуют туркам, по скольконибудь ревностным благочестием не отличаются.

Кормятся они скотоводством, чем больше всего приходится заниматься женщинам. Мужчины же ездят верхом, совершают набеги, крадут и грабят кругом и нисколько не совестятся красть даже у собственных друзей, сестер и братьев детей и продавать их персам или туркам. Поэтому никто из них и не доверяет другому. Они ездят верхом или ходят обыкновенно защищенные броней, щитом и шлемом, нося стрелы, лук и дротики. Сплошь и рядом мы видели, как подобным образом были вооружены даже те, кому приходилось только стеречь пару овец. С проезжающих купцов они берут большую дань, а если те недостаточно сильны, то их и грабят. Поэтому караван

ны и идут либо большими отрядами, либо следуют водой. Ни персы, ни русские, между владениями которых они расположены, не могут укротить их военной силой, так как [в случае опасности] они сейчас же убегают в непроходимые горы и прячутся в высокие безопасные пещеры.

В этой стране имеются различные князья; почти в каждом городе имеется особый, а главный из них именуется шемхал (у нас звали его шавкалом); это как бы царь между ними, избираемый бросанием яблока. Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник [мулла] бросает в них позолоченное яблоко; в кого оно попадет, тот становится шемхалом. Священник, однако, хорошо знает, в кого он должен бросить. Такого рода шемхал (или *Lumen* [светоч?]), как на их языке он именуется, пользуется, правда, почетом и уважением, но другие князья не особенно ему повинуются и доверяют, как может быть усмотрено из нижеследующих рассказов.

Как сказано, мы начали свою поездку через Дагестан 14 апреля и прибыли во владение Осмин (именуемое некоторыми Исмин), князь которого Рустам имел свой двор в местечке того же наименования. Путешествие шло в течение этого дня пять миль через три красивые деревни, имевшие вокруг себя несколько плодовых садов и тучные пашни. Нас встретил сын князя Рустама 15 всадниками в латах; он приветствовал нас в своей стране. После этого они взяли от нас налево в лес, а мы направились направо в открытое поле и стали лагерем у деревни, устроив вагенбург и расставив хорошую стражу.

К вечеру вновь прибыл молодой князь, посетил, однако, лишь посланника Алексея, устроившего свой лагерь близ нашего, и спросил, что мы за люди. Ему приготовили в качестве подарка 12 дукатов и 3 куска персидского атласу на тот случай, если бы он пришел и к нам; так как он, однако, не явился и лишь прислал двух своих офицеров, то подарок не был передан. Когда князь со своими опять собрался в путь, мы велели для салюта дать выстрелы из двух орудий, заряженных ядрами.

15 того же месяца мы прошли через низкие холмы, где встретили очень много зайцев, которые в иных местах поднимались до 4 или по 5 зараз. Мы могли при помощи наших собак устроить хорошую забаву и в немного часов поймали 9 штук. К вечеру, пройдя шесть миль, мы пришли в другое владение, именуемое Бойнак, и расположились лагерем у деревни того же имени, а именно у склона холма, который к морю опускался круто и с двух сторон давал место глубоким долинам. Перед нами мы в виде шанца устроили наши сундуки и другой багаж и посередине расположили пушки в форме полумесяца. У владельца этой местности, как говорят, немного подданных и средства для жизни он получает от овечьих стад, которых у него было очень много. Его люди были гости дерзкие и отчаянные. Посол Брюг[ге]ман так на них рассердился, что, когда некоторые из них остановились, чтобы посмотреть на нас, как на чужих и удивительных для них людей, он приказал силой гнать их прочь и выстрелить порохом [холостым зарядом] им под глаза. Он еще более рассердился при этом на нас

за то, что мы, полагая нежелательным раздражать это шмелиное гнездо, не хотели исполнить его приказания. Когда варвары заметили, что их присутствие нам тягостно, они сказали: разве это не их земля, и не имеют ли они столько же или даже больше права, чем мы, стоять на ней; пусть бы мы поэтому не важничали. Правда, теперь мы сильнее их, но если им их государь лишь подаст знак, то они спешно соберут столько народу, что их хватит, чтобы сломать нам шею. Далее они говорили: Им нет дела ни до шаха персидского, ни до великого князя московского: они дагестанцы и подвластны одному лишь Богу. Сначала они не хотели допустить, чтобы наши люди, не платя денег, брали воду, которую приходилось приносить из глубокой долины. Так как они, однако, заметили, что путь к воде мы могли обстреливать из нашего лагеря и уже приготовились к этому, то они пропустили нас. Поздно вечером князь велел нам сказать, чтобы утром мы не двигались с места, пока он не велит обыскать нас, нет ли у нас купеческих товаров, за которые следует платить ему пошлину. Мы ему велели сообщить в ответ: «Мы не купцы, а послы, во всем мире имеющие право свободного прохода; по справедливости мы пользуемся этим правом и здесь, но если кто, против права, захочет что-либо силой отнять у нас, тот пусть знает, что встретит сопротивление». После этого никто уже больше ничего от нас не требовал.

На том же месте, где мы расположились, на возвратном пути стал лагерем польский посол [Феофил фон Шенеберг], которого мы встретили в Персии. Он также попал в со-

ру с бойнаками, но оказался слишком слабым для борьбы с ними, его одолели и убили со всеми его людьми, за исключением лишь трех слуг, которые спрятались в долгие. Три беглеца вернулись обратно по дороге в Дербент. Отсюда мехемандар, доставивший посла до этого города, взял их обратно в Персию, где, по распоряжению шаха Сефи, каждый из них получал по талеру в сутки для пропитания, пока через 9 месяцев не пришел к шаху русский посланник, взявший их с собой в Москву. Таким образом доброму господину Феофилу фон Шен(е)бергу, видному храброму мужчине, пришлось закончить свою жизнь, будучи убитым в посольстве в варварской стране. Тем более мы должны благодарить Бога, что с нами не случилось ничего подобного.

16 апреля рано утром около 6 часов мы опять двинулись в путь и, пройдя недалекое расстояние, пришли в область другого князя, а именно тарковского. Здесь и чуть было не попал в качестве добычи татарам в руки. Так как путь наш шел приблизительно в полумили от Каспийского моря и мне хотелось узнать, что за грунт у берега и какое берег имеет направление, то я со шкипером Корнилием Клаус(ен)ом и отделился от свиты и поехал к морю. Едва мы прибыли к берегу, который здесь расположен за двумя холмами, как увидели, что два татарина, за которыми следовали подальше еще восьмеро, едут вдоль берега. Когда они нас увидели, то поспешили за нами, но мы, не мешкая, повернули опять в сторону дороги. Оба ближайшие татарина взяли свои дротики в руки и, дав шпоры коням, во всю прыть погнались за нами. Другие же, полагая, мо-

жет быть, что такого рода людей здесь должно быть больше, проехали на холм, чтобы произвести разведки. Когда они увидели, что на расстоянии не далее доброго выстрела из ружья длиной лентой тянется наша свита, они стали кивать и кричать нашим преследователям: «Тутма, тутма!», чтобы те не преследовали и не хватали нас, так как там сильная засада. После этого они медленно поехали за нами и, догнав нас близ свиты, любезно поздоровались с нами и попросили посмотреть наши пистолеты, желая узнать, что это за оружие. Однако ни один из пистолетов не был им дан в руки, они осмотрели нашу свиту и после этого опять поехали дальше поперек поля. Нам повстречались и после этого разные отряды одетых в латы всадников; иногда они на расстоянии пары выстрелов из ружья ехали с нами, заезжая иногда назад, иногда вперед; иногда они хотели пересечь наш отряд, но мы этого не допускали. После этого они опять ехали дальше своей дорогой. К вечеру мы прибыли к городу Тарку, расположенному в 7 милях от Бойнака. Мы расположились в ровном поле близ свежего ключа, приблизительно в расстоянии доброй четверти мили от Каспийского берега.

СХII

(Книга VI, глава 13)

О городе Тарку и тарковской области

На следующий день, 17 апреля, главный правитель этого города прислал своего младшего брата с

другими тремя осанистыми мужчинами приветствовать нас и предложить всяческую дружбу и услуги. Сам хан о себе сообщал, что он болен и лежит в постели. Послы отправили к нему нашего медика, чтобы поблагодарить за такое предложение дружбы и помочь ему, если он того пожелает, советом и лекарствами медика для восстановления его здоровья. Он охотно согласился на это. Когда он, при лечении врачом, в течение немногих дней выздоровел, он не находил слов для выражения своей благодарности нам.

Что касается города Тарку, то это главный город в Дагестане. Он лежит в высокой местности, на склоне и между гор, среди обрывистых скал. Скалы эти, как выше сказано, с виду похожи на то, точно они спаяны из одних раковин вроде тех, которые море в этом месте выбрасывает на берег (все эти раковины величиной в скорлупу грецкого ореха). Некоторые из раковин еще целые; притом встречаются эти раковины не поодиночке, но нет обломка величиной с кулак, в котором не насчитывалось бы пять и более раковин; самый камень тверд, как кремь. Над этими скалистыми горами была ровная местность и хорошее пастбище для скота.

Город лишен стен и лежит совершенно открыто; в нем до тысячи домов, почти на персидский манер, но построены она несколько хуже. Из скалы вытекают различные обильные водой ключи, которые через город стекают с горы с приятным шумом. Здешние дагестанцы, равно как и бойнаки и живущие более к северу люди, именуется

кайтаками. За Тарку в горах к западу находятся еще другие, которые зовутся кумуки [кумыки] или казукумуки [казикумыки]; каждое из этих племен имеет особых своих государей.

Главный правитель этого города Тарку и всей этой местности был Сурхован, господин лет 38, хвалившийся происхождением из персидского царского дома. Он и поддерживал добрую дружбу с персами, чтобы в том случае, если среди дагестанцев произойдет междоусобная война, ему могла быть доставлена помощь из Персии. Рядом с ним живут еще другие мурзы, его двоюродные братья. Младший из них, сын его брата, Имамрза, управлял также частью города.

Тарковские татары были дики и дерзки не менее бойнаков, но их женщины были любезны. Женщины, как и девицы, без стеснения, с открытыми лицами, ходили среди людей. Девицы заплетали свои волосы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы; они были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички.

Здесь мы встретили старого человека, по имени Матфия Махмара, из Эттингена в Вюртембергской стране родом. По ремеслу своему он был ткач бархента [бумажной материи], в венгерскую войну был схвачен турками, продан этим татарам и обрезан. Он почти совершенно забыл свой немецкий язык, мог припомнить едва столько слов, чтобы дать понять свои мысли. Он сказал: он знает и верит, что есть Единый Бог и три Лица и что Христос за него пострадавал. Он мог прочитать и «Отче наш», хотя не совсем твердо.

ХСIII

(Книга VI, глава 14)

О большой опасности, которую мы испытали у татар

Когда при прибытии нашем Сурхован предложил нам большую дружбу и помощь, мы думали, что теперь всякая опасность прошла, и что мы будем в безопасности и на свободе под защитой этого мурзы. Однако никогда не угрожала нам большая опасность, чем здесь. В течение всех этих пяти недель, что мы пробыли у дагестанских татар, почти ежедневно ни о чем ином не говорилось и не слышно было, как о грабежах, захватах, убийствах и сломании шеи, чем нам грозили.

Мы просили нашего персидского мехемандара, обещая ему большой подарок, чтобы он нас проводил или хотя верблюдам позволил идти с нами до Терок у русской границы, так как видно было, что здесь много времени пройдет, пока мы получим подводы. Мехемандар отвечал на это, что под страхом смерти он не смеет действовать против данного ему приказания, которое простирается лишь до этого места. Возчики наши также не хотели дольше оставаться среди татар, но хотели все-таки еще переговорить с мехемандаром. Мехемандар, однако, в эту же ночь молча, не простившись, ушел вместе с возчиками; это причинило нам немало раздумья. К этому присоединилось, что около полудня две молодые татарские женщины, принесшие для продажи молоко, скакали нам следующее: они дочери русских родителей и христианки. Татары похитили

их у родителей и взяли в жены. Они жалели, что о нас, христианах, также татары замыслили столь злое дело; они втайне желали предупредить нас, чтобы мы остереглась: о нас ходят слухи, будто при нас очень много товаров и даже несколько сот тысяч (тонн) денег, что через Осмин и Бойнак мы прошли, не платя пошлины, о чем у жителей плохая молва, и что поэтому не желают нас пропустить свободно. Вчера пришли из Осмина и Бойнака гонцы к Сурховану, и гонец прошел и к шемхалу, чтобы поднять против нас этих государей. Составлен план общими силами напасть на нас, перебить стариков, а молодых захватить в плен, причем надеются получить большую добычу. Женщинам показали вид, будто им не особенно верят и не придают значения их словам. Однако мы были немало смущены, так как уже четыре дня находились здесь, и не было надежды на то, чтобы скоро уйти отсюда. Кроме того мы видели, что вскоре после сообщения женщин вдоль гор проехал и заехал в Тарку отряд в 40 бойнаков, и что по временам гонцы спешили с места на место.

Послы созвали наиболее важных лиц нашей свиты перед лагерем, сообщили им о предстоящей опасности и выслушали затем наше мнение по этому поводу. Было взвешено и то и се, полагали, что было бы лучше, если бы с варварами обошлись любезные, чем было сделано. Так как, однако, теперь положение таково, то приходилось положиться на Бога относительно предстоящего нам; мы увещевали друг друга быть мужественными и стойкими, так как если бы дело дошло до боя, то лучше было

бы с крайним напряжением сил биться и умереть, чем потом весь век свой жить среди варваров слугами и рабами, с опасностью для душ. К такому мужеству и стойкости побуждало нас и самое расположение местности: справа от нас было море, слева — высокие, недоступные горы, за нами и впереди нас — неприятель.

Однако во время этой беды и опасности приходилось сильнейшим образом жалеть, что мы сами не были согласны друг с другом. Посол Брюг[ге]ман кое-кого из свиты приблизил к себе, а других не признавал. На все он раздражался и досадовал, что говорил по совести тот или иной. Пожалуй один из нас готов был скорее ходатайствовать о смерти другого, чем отстранять ее, если бы только одинаковая опасность не угрожала его собственной жизни.

XCIV

(Книга VI, глава 15)

Как татарские князья нас посещали, а мы их

Позднее мы узнали, что подобного рода опасное покушение на нас со стороны татар действительно предполагалось и что оно, пожалуй, осуществилось бы, если бы не воспротивился делу шемхал, может быть, думавший с помощью другого средства получить добычу всецело в свои руки. Он сам прислал гонца в послам и велел сказать, чтобы мы шли не дорогой внизу у моря, где нужно было в лодках переправляться через реки, но направились бы недалеко от его столицы через корабельный мост;

в противном случае, грозил он, он примет нас как неприятелей. После этого гонец встал и хотел идти. Однако, русский [посланник] Алексей схватил его за руку, заставил его еще несколько обождать и сказал: «Скажи твоему шавкалу, что мы пойдем той дорогой, которая нам угодна будет; он, правда, может скоро справиться с нами, так как нас всего горсть, но царь, для которого важны дела обоих посольств, не оставит этого неотомщенным». Получив этот ответ, гонец ушел. Так как татары находили в настоящий момент нападение нежелательным, то 20 апреля четыре татарское князя одновременно пришли дружелюбно навестить послов. Им в палатке послов предложено было возможно хорошее угощение. Большая часть разговоров их была о воровстве, краже и продаже людей. Один из них жаловался, что на этой неделе ничего не успел увести, как одну лишь девицу. Об этих людях по справедливости можно было сказать словами пророка: «Князья твой — сообщники воров».

Когда они ушли, пришел брат князя из Осмина, был очень любезен и предлагал всяческие услуги. Вскоре затем пришел даруга (или начальник) из города Тарку. Будучи спрошен, как это случилось, что нам до сих пор не дают подводы, он откровенно сказал, что нас не раньше доставят дальше, как мы сделаем подарок Сурховану, главному князю этого города и области. После этого послы на следующий день отправили ему пару золотых браслетов, два куса персидского атласу и два куса другой персидской шелковой материи, фунт немецкого табаку, пистолет, ружье, немного пряностей и

бочку пороху; они обещали при этом, что из Терок пошлют еще обратно бочонок водки. Сурхован с большой благодарностью принял эти подарки и обещал в течение двух дней наверное перевезти нас и наше добро; он пригласил послов и пять князей к себе на обед. Сначала послы сомневались, стоит ли явиться, но, в конце концов, они, по некоторым причинам, все-таки явились вместе с четверья из нас. Обед по персидскому обычаю был приготовлен на земле. Угощение состояло из 4 блюд, наполненных нарезанной в виде небольших кружков и жареной на деревянных вертелах бараңиной, нескольких кусков белужины, творогу и нескольких посудин с рисом, сваренным с крупным изюмом и выложенным вареной бараңиной. Кравчий сел посередине стола, положил друг на друга несколько длинных, толщиной с палец, хлебов или лепешек, перервал их пополам и бросил каждому по куску. Затем он разорвал и мясо и рыбу небольшими кусками и руками наложил их гостям. Сало бежало с его пальцев, которые были сморщены и черны, как и лица их; поэтому мы чувствовали мало охоты к еде. Напитком служила вода в немецких пивных кружках и водка в серебряных чарах, так как здесь уже нельзя более достать вина. По окончании обеда хан захотел послушать наших музыкантов, которых пришлось привезти сейчас же сюда на лошадях.

После того как они в течение трех часов слушали музыку, очень понравившуюся татарам, вновь было подано на стол; между другими кушаньями поданы были вареная целая баранья печень и овечий хвост [кур-

дюк], весивший 5—6 фунтов и состоявший из чистого жира. Эти кушанья один из кравчих (их теперь пришло трое), сильно посолив их, очень мелко изрубил и смешал и затем руками раздавал; с виду это была серая каша, похожая на то, точно раз уже была съедена, но на вкус она была вовсе не плоха. Когда и этот обед закончился, мы, хорошенько простившись, вновь вернулись в наш лагерь.

На следующий день послы были приглашены в гости другим князем. Его звали Имамрзой; это был еще молодой человек, едва 18 лет от роду, а мать его была кази-кумычка. Слуги его сказали, что он сын брата Сурхована и что ему подобало бы главное начальство, которое Сурхован насильно захватил в свои руки. Им, слугам, по их словам, приходились тщательно его охранять, так как Сурхован тайно хотел умертвить его. Пир был более великолепный, чем вчерашний. Он происходил в длинной зале, построенной только из глины. Имамрза сидел с нами и с некоторыми из знатнейших людей своего двора на стульях у небольшого высокого стола. На столы приносились довольно хорошо приготовленные кушанья, в том числе и целиком изжаренный ягненок, от которого каждый мог отрезать, сколько ему хотелось. По стенам кругом сидели на земле многие старые осанистые мужчины. При еде они не пользовались ножами, но рвали мясо руками. Если кто-либо откладывал в сторону обгрызенную кость, то сосед брал ее, обгрызал ее еще больше; иногда кость переходила в третьи и четвертые руки, пока, наконец, кто-либо ее не разобьет и не вынет мозг. Их сосуда-

ми для питья являлись длинные коровьи рога, в которых проворно передавали кругом напиток, именовавшийся «брагой», вареный из пшена и по цвету и густоте сходный с дрожжами, а также и водку. В короткое время все они сильно напились и стали так громко говорить, что еле можно было слышать собственные слова, — несмотря на присутствие их князя. Угостив нас по своему обычаю, они нас дружелюбно отпустили.

Через несколько дней после этого другой князь Эмиран пригласил к себе послов и сам с некоторыми другими пришел, чтобы посетить их. Все они интересовались лишь подарками, которые и были получены большинством из них.

XCIV

(Книга VI, глава 16)

О том, как татарский князь Сурхован и долее удерживал нас хитростью, а также о добром предложении шемхала

23 апреля даруга доставил подводи для багажа. Мы тотчас же велели нагрузить, полагая ехать на следующий день. Сурхован к вечеру послал гонца к послам с сообщением, что султан Махмуд (так назывался шемхал) с множеством народа повсюду занял реку Койсу, через которую мы должны были идти, и желает принять нас не по нашему желанию. Поэтому, [сообщил Сурхован], он не может еще отпустить нас.

К позднему вечеру в Тарку явился отряд в 20 человек хорошо воору-

женных всадников; они расположились лагерем недалеко от нас. Послы с несколькими мушкетерами вышли к ним навстречу и спросили, откуда они идут и чего желают. На это они отвечали: они посланы были князем осминским к шемхалу, чтобы сообщить ему, что несколько чужих послов прибыли сюда, пропущенные обоими князьями в Осмине и Бойнаке в безопасности и беспошлинно через их земли. Они просили, чтобы он, шемхал, в уважение к шаху персидскому и великому князю московскому сделал то же. По их словам, султан дал на это полное согласие, однако лишь в том случае, если при послах нет купеческих грузов. Так как мы, однако, не верили ни сообщению этих татар, ни им самим, то мы в течение этой ночи соблюдали добрую стражу и держались все наготове.

На следующее утро татары ушли до восхода солнца. Вскоре затем султан Махмуд, прислав двух посланцев, велел спросить: почему мы не желаем двигаться дальше? Пусть бы мы о нем ничего дурного не думали, так как он желает оказать нам, при проезде, полную дружбу и всяческие услуги, если только мы поедем правильным путем. Едва они ушли, пришел Сурхован, чтобы посетить послов, и когда мы просили ускорить поездку, он ответил: Правда, лошади и волы (которых мы за дорожную плату наняли на свои деньги) готовы, и он, по желанию нашему, велит им следовать, лишь бы послы дали ему письменное свидетельство, что он добросовестно предупредил их, а они прошли дальше против его воли. В таком случае он бы имел оправдание перед шахом персидским и

великим князем московским, которые оба являются его добрыми друзьями. Лично ему султан Махмуд более известен, чем нам: этот человек не держит слова, не заботится ни о боге, ни о черте, ни о каких-либо государях. Это архиразбойник, которому кровопролитие доставляет удовольствие. Ему, Сурховану, прекрасно известно, что, уходя без конвоя, мы в земле султана подвергаемся опасности для жизни, или, по крайней мере, для товаров. Поэтому его совет, чтобы мы подождали еще несколько дней, пока подойдет посол шаха Сефи, уже 8 дней стоящий в Дербенте и ожидающий лишь прибытия переводчика. Этот посол, вероятно, доставит с собой письма от шаха на его имя, с тем, чтобы он нам доставил конвой. Получив его и идя вместе с послом шаха, мы могли бы тем безопаснее продолжать наш путь. Однако, на свой страх помогать одним нам идти дальше он бы побоялся ради других татар. Так как мы, однако, не знали, сколько пройдет времени до прибытия персидского посла, и Сурхован казался нам столь же подозрительным, как и остальные соседи его, мы, вместе с русским посланником Алексеем, отправили гонца в Терки к воеводе, чтобы получить оттуда конвой; это было, однако, тщетно. Тщетна была и посылка служителя Сурхована, также в виде гонца, в Дербент к шахскому послу. После того как прошло несколько дней со времени его отбытия, хан велел нам сказать следующее: Правда, посол вернулся, и, действительно, им было получено письмо от Имамкули-султана, но так как он, сунув это письмо в колчан, нечаянно вытащил его, вынимая стрелу при

стрельбе дичи по дороге, и потерял, то ему и пришлось ехать обратно за новым письмом. Мы поэтому не знали, что нам делать, были сильно смущены и в большом затруднении должны были еще довольно долго пробыть в поле. Несколько армянских купцов, которые здесь к нам примкнули и пробыли несколько дней, чтобы быть в нашем обществе, — отделились от нас и ушли в город, так как узнали, что 200 татар соединились, чтобы произвести на нас нападение.

В течение нескольких дней подряд была весьма свирепая холодная погода при сильном дожде, так что мы в наших хижинах совершенно промокли; не могли мы разводить и огонь и сушить одежды или варить кушанья. Таким образом, мы лежали в мокрых хижинах, как самые жалкие и всеми оставленные люди, голодая, печалась и страхась. Воздыхания и слезы были ежедневной пищей некоторых из нас. Нельзя было также решиться пойти в дома татар для отдыха, так как хан нас предупредил, что мы при этом сильно бы рисковали: его подданные имели свободу красть людей и продавать их, где могли.

27 апреля у нас, действительно, украли солдата Вильгельма Гой, шотландца, который в сумерки немного удалился от лагеря. Он не вернулся, сколько мы ни спрашивали о нем. Уже после ухода нашего мы узнали, что его повели в крепость Сахур, лежащую за Тарку.

В течение этих дней в нашем лагере во время стрельбы из лука в цель, устроенной нашими людьми, наш пушкарь Альбрехт Штук [Штук] из Гамбурга, приблизившийся к цели

во время поисков за стрелой, был ранен русским служителем ниже пула в живот и умер от этого на следующий день. Виновник был в отчаянии и просил, чтобы и его убили. Однако, так как здесь произошла несчастная случайность, и сам пострадавший просил за него, его оставили на свободе. Труп мы, по совету нескольких татарских женщин, которые были тайне христианками, похоронили тайком в том месте, где стояли лошади. [Это было сделано в тех видах], чтобы татары, по уходе нашем, не выкопали его вновь, не сняли с него одежду и не бросили, как у них это было в обычае, на съедение собакам. Другая могила была устроена открыто перед лагерем; здесь совершены были похороны с обычными церемониями.

Здесь же умер и выдающийся русский купец, прибывший с нами из Персии. Труп его заколотили [в гроб], и секретно увезли с собой в Терки, где его похоронили среди единоверцев его. Таким образом, у нас одно несчастье следовало за другим, а в то же время мы должны были, в угоду татарским князьям, посещавшим нас зачастую, заставлять играть наших музыкантов. В данном случае положение наше было немногим лучше тех, кто в давние времена сидели в темницах на реках вавилонских и должны были заниматься музыкой в угоду врагам.

Как кончился апрель, в течение которого мы имели дело с чисто апрельской погодой, мы отправили двух русских к султану Махмуду с просьбой о свободном пропуске. Гонец прибыл на следующий день, т. е. 2 мая, с четырьмя татарами, через которых султан сообщил следующее:

он слышал, что Сурхован выставляет его подозрительным перед послами и называет его разбойником; ему, однако, неизвестно, как подобные вещи ему могут приписываться. В свое время он за это сумеет отомстить Сурховану. Нам он обещает всяческую дружбу и помощь. В случае, если ему не верят, он готов прислать, для обеспечения нас, трех знатнейших своих людей в заложники; их мы можем либо взять к себе, либо оставить у Сурхована, пока мы беспрепятственно не минуем его земли. Это неожиданное дружелюбное предложение привело опять к тому, что мы не знали, кому больше всего верить. Правда, этот султан Махмуд не приобрел такой дурной славы за грабежи, как его отец, одного с ним имени (этот последний в данное время, будучи престарелым, старался жить свято и находился на пути в Мекку и Медину, к храму и гробнице Магометовой), но, тем не менее, его считали подозрительным ради его отца и общего нрава всех дагестанских татар.

Мы, однако, тем не менее, удовольствовались его предложением, в особенности потому, что 6 мая получено было давно ожидавшееся письмо от шахского посла, доставившего известие, что из-за запоздавших переводчика и нескольких писцов, ожидаемых им от шахского двора, ему вряд ли удастся раньше месяца выехать из Дербента. Поэтому он предоставлял на волю послов, желают ли они дольше ждть его на этом месте или же в Астрахани. Мы поэтому непрестанно просили у Сурхована об ускорении нашего путешествия, на что этот последний и согласился, получив еще, кроме пре-

дыдущего, другой, им самим вытребованный, подарок. Двух из посланных шемхалом заложников, более для обеспечения сохранности своих поданных, лошадей и волов, чем нас, Сурхован взял к себе, а нас отпустил с третьим заложником.

XCVI

(Книга VI, глава 17)

Отбытие из Тарку и прибытие к шемхалу

12 мая мы вновь собрались в дорогу и рискнули, соблюдет ли Махмуд слово или нет. Багаж везли на телегах, запряженных волами и лошадьми от тарковцев; возчикам пришлось усилить провозную плату втрое: тогда они только согласились запрячь. Когда они, при снаряжении в путь верховых лошадей, захотели еще больше с нас потребовать, мы их оставили на месте, и большая часть людей наших в течение первых двух дней должны были идти пешком. В течение этого дня мы шли через ровную, пустынную местность две мили вплоть до пределов страны султана Махмуда, которую небольшая река отделяет от тарковской области. По дороге несколько татарских князей прибыли к нам и просили, чтобы наш медик Гартман Граман поехал с ними в горы к пациенту. Так как мы опасались, что его там удержать, и не хотели сначала согласиться на их просьбу, то татары оставили двух князей при свите в качестве заложников. Мы ночевали в открытом поле, расставив сильную стражу. Нашим ужином были хлеб и мутная вода.

После полуночи татары вновь доставили нашего медика в лагерь.

13 мая, в день Святой Троицы, мы собрались в путь весьма рано и прошли 4 мили по пустынной стране с подлеском. Когда по дороге Алексей ударил одного из возчиков палкой по голове, все татары распрягли своих лошадей у телег и хотели уходить, оставив багаж среди поля; нам пришлось ласковыми словами снова уговаривать их. Мы переночевали в подлеске и легли не евши.

14 того же месяца мы проехали лишь мило и пришли к реке Койсу. Это, по моему мнению, река Albanus, описанная Птолемеем. Она берет начало в Кавказе, несет мутные воды при очень сильном течении, по ширине мало уступает Эльбе, и в данном месте была глубиной более, чем в три роста человеческих.

По эту сторону реки на холме лежит деревня или местечко Андре, в котором султан Махмуд имеет свою резиденцию; говорят, что недалеко от этой деревни находится ключ с кипящим горячим ключом, впадающим в пруд, в котором можно купаться.

Жители этой местности, как говорят, между прочими свадебными церемониями, обладают такой, что каждый свадебный гость приносит с собой стрелу, которой он стреляет вверх в стену или в потолок помещения. Стрелы должны оставаться так, пока они или сами упадут или же сгниют; значения этого обычая я не мог узнать. Жители здесь большей частью рыбаки; часто они находились на реке, так как она богата рыбой, и помощью острых железных крючков, привязанных к длинным местам и удерживаемых на дне, они ловили

очень много осетров, а также другую породу рыбы, сходную с осетром.

Едва дошли мы до реки, как татары в нескольких лодках поспешили к нам и предложили перевезти нас на другую сторону. Они сплели две палатки из ветвей, подвязали под каждую из них две лодки и приготовили таким образом два плота, так, что на каждом могла стоять телега. Когда это приспособление было готово, они потребовали с каждой телеги (их было с русским багажом 70 штук) два рейхсталера. Когда мы стали говорить против этой несправедливой платы за перевоз, они, не сказав нам и доброго слова, оставили нас у реки, перевели плоты вновь на другую сторону и там ликовали, кричали и били в ладоши. Шемхал оставался также на той стороне в подлеске с несколькими всадниками, так что мы опять не знали, преданы ли мы или проданы. Около реки мы устроили хижины из зеленых ветвей и поместились здесь. Так как по некоторым причинам мы не могли совершить нашего богослужения в открытом собрании, то несколько человек нас собрались и совершили одни свое богослужение по случаю Троицы, насколько мы были в силах это сделать. При этом мы вспомнили о родине нашей, а я в особенности о милом Лейпциге, где мы зачастую с величайшим весельем справляли этот праздник; поэтому начать наше празднование пришлось слезами, которые примешивались к нашему напитку, каковым здесь являлась вода с уксусом. Обед наш, к которому наши ученые люди пригласили друг друга в гости, состоял из прохладительного напитка из воды, уксуса и хлеба. При этом, однако, все-таки мы начали с

того, что, с добрыми пожеланиями, вспомнили о наших добрых друзьях.

ХСVII

(Книга VI, глава 18)

Как нас шемхал принял и угощал

15 того же месяца русский посланник Алексей подошел к берегу, знаками попросил доставить себе лодку, велел переправить себя на тот берег, поговорил с шемхалом о том, как к нам отнеслись [перевозчики], и повел дело так, что они должны были взять с нас за перевозку всего багажа не более двух томанов или 32 талеров. Когда мы еще в тот же день переехали, послы тотчас же велели поставить свою палатку и распределить кругом нее орудия. Шемхал явился с двумя своими братьями в сопровождении 50 вооруженных всадников. Это был человек 36 лет, жирный, крепкий и осанистый, с рыжеватой бородой. Он явился в шелковом кафтане из зеленого дараи с броней, над которой был надет мохнатый черный войлочный плащ; у него были сабля, лук и стрелы, как и у всех других. Он сошел с коня, любезно принял послов, сел с ними под палатку и предложил нам всяческие добрые услуги и подарил несколько овец и ягнят. Он велел предложить нашим людям большой котел осетрины, нарезанной и разорванной небольшими кусочками и вареной с солью, [равлив его] по деревянным корытам, выдолбленным вроде наших, подобного рода, посуды (Mulden); кроме того, в особых деревянных сосудах подавалась похлеб-

ка из щавеля и коровьего масла, чтобы туда макать рыбу. Этот обед мы вкусили со столь хорошим аппетитом, как ни разу еще не ели во время великолепнейших персидских банкетов, так как здесь голод был нашим кравчим. Послы со своей стороны угощали шемхала водкой и музыкой, которую он захотел послушать; в промежутках мы много раз стреляли в виде салюта из пушек.

Когда шемхал пробыл около двух часов и наполовину охмелел, он уехал, но потом вновь приехал. Ему подарили: пару золотых браслет, серебряный кубок, красный суконный плащ, подбитый бархатом (его носил во время аудиенции наш покойный художник), пару пистолетов, саблю, бочку пороху, несколько кусков шелковой материи, несколько кусков сафьяну. Он немедленно же накинул плащ, и в свою очередь подарил послу Брюг[ге]ману свой войлочный плащ, накинул его на него, и был очень весел и радостен.

Посол Брюг[ге]ман — к выгоде нашей — в лъстивых речах внушил татарам надежду на гораздо более великолепные подарки и выгоды, которых они впредь могут ожидать от нас. [Он сказал:] «Мы ежегодно будем посещать эту страну, привозя богатые товары; теперь мы лишь готовили дорогу, что шах Сефи велел подтвердить своему послу, следующему за нами. Данные места нам в нашей стране были совершенно неизвестны, и поэтому мы не знали, что за знатный государь здесь живет; иначе бы наш милостивый князь и государь не преминул почтить и его посольством. Впредь это непременно будет сделано». Говорилось и еще многое другое, в том же роде. Все это

очень понравилось шемхалу, и он тем охотнее пропустил нас и устроил так, что мы за дешевую цену могли получить 22 верховых лошади до Терок.

Таким образом, мы примирились с этим расславленным перед нами столь жестоким Исавом, и дело дошло до того, что он выказал к нам одну лишь дружбу. Если бы варвары захотели, и Бог попустил бы, то нам мог бы придти здесь конец. Так как мы находились между двумя реками, то татарам, чтобы погубить нас, не нужно было даже обращаться к силе; они могли просто лишить нас жизненных и путевых средств. Однако, Господь Бог, Которому еще раз слава, милостиво помог нам пройти это место.

Рано утром 16 мая шемхал с 50 всадниками вновь прибыл и конвоировал нас на протяжении четверти мили сквозь частый подлесок; потом, любезно простившись с нами, он поехал обратно. Мы же поехали открытым полем еще две мили до другой реки, именуемой Аксаем, с водой тихой и мутной и шириной немногим более 25 локтей. Некоторые говорят, что это рукав реки Койсу, который недалеко от моря вновь к этой реке возвращается. Поэтому я так и изобразил эту реку на своей персидской карте.

У этой реки нам пришлось ждать, пока татары не перевезли сюда на телегах челноки и плетенки. Тем временем, так как у берега находилось глубокое болото, через которое телеги не могли идти — каждый из нас, сколько нас тут было, должен был отрезать еще вязку тростнику, росшего густо и обильно на берегу; с их помощью мы загатили болото и уст-

роили пристань. В начале ночи, при лунном свете, мы переправились. Здесь нам также пришлось заплатить возчикам два томана, хотя они вряд ли заслужили больше 6 талеров. Некоторые из нас — как сказано, оставленные одним из начальников — должны были вновь лечь без еды.

17 мая мы проехали 7 миль через ровную сухую степь, откуда уже более не были видны Кавказские горы, исчезнувшие в направлении к СЗ. К полудню, когда я несколько заехал вперед с магистром Флемингом, послы со свитой, ранее, чем мы предполагали, расположились к полуденному обеду и к кормежке, и, хотя мы и приехали обратно, все-таки после обеда нам уже ничего не хотели дать. Поэтому, чтобы утолить голод (ведь мы и предыдущий день постились), мы принуждены были накопать из земли дикого чеснока, есть его с черствым хлебом и пить воду из гнилой лужи. Посланник [Романчуков] пожалел нас и велел нам дать кусок рыбы, вяленой на солнце.

Поздно вечером мы прибыли к реке Быстрой и разлеглись в кустах, расположенных по берегу. Эта река — одна из главнейших: она так глубока и почти так же широка, как Койсу, но течет не столь быстро; вода ее такая же мутная. В северной своей части, приблизительно в 6 милях от каспийского побережья, она отделяет от себя два рукава, из которых один теперь получил название Тименки, а раньше назывался, как и теперь его зовут, Тер[е]ком. Он дал городу, мимо которого течет, наименование Терки. Ширины он в 30 локтей. Другой рукав — севернее его — той же величины и именуется Кизляром, потому что в песке своем он несет

некоторые зернышки, блестящие как золото; он несколько мелок, вследствие чего в жаркое лето совершенно высыхает. Этот рукав отделяется в 8 милях к северу от города. Все эти реки текут с ЗСЗ в море, а Кизляр является последней рекой в этих местах, за которым в 65 милях следует Волга, текущая с севера. По свереению с Птолемеем, эти реки и рукава их должны быть [тождественны с следующими древними названиями]: Аксай — это Caesius, Быстрая — Cergus, Тименка или Терек — Alonta, а Кизляр — Adonta. Дело в том, что между Albanus'ом или Койсу и Rha или Волгой никаких больше других рек нет.

Река Быстрая отделяет пределы дагестанских и черкасских татар. Поэтому, когда тарковские возницы нас сюда доставили, они опять ушли.

XCVIII

(Книга VI, глава 19)

О поездках в Терки и о виденных нами больших землях и странных полевых мышях

На следующий день мы переправились с нашим багажом и опять с большой радостью вступили в страну христиан. Мы воскликнули, обращаясь назад:

*Язычники! Теперь спокойной ночи вам
Желаем мы, прибыв к крещеным
берегам.*

*Привет, черкасы, вам! Вы с храбрым
вашим станом,*

*Хотя не крещены, послушны
христианам!*

Дело в том, что хотя эта страна и обитается языческими татарами, но все же все они подвластны великому князю, который повсюду среди них насадил воевод и правителей, а также простых русских, и церкви.

Провизия здесь была очень дорога, так что мы за барана должны были заплатить 2 1/2 рейхсталера. Правда, для кухни закупалось немного, так как в этом месте, в подлеске, много гнездились галок, птенцы которых пошли некоторым из нас в пищу.

19 того же месяца мы поехали с черкасскими возницами дальше, прошли 5 миль через бездорожную равнину, поросшую тростником и немногими деревьями. Деревья в некоторых местах были рассажены далеко простирающимися кругами, с голым пространством внутри. Пройдя шесть миль, мы остановились в степи у выкопанного колодца или, вернее, у лужи, в которой вода была такая гнилая, что даже некоторые из животных не хотели пить ее. Почва в этом месте была так продырявлена змеями и другими гадами, что нельзя было найти целой площади даже в локоть шириной. Хотя нам и пришлось лежать на земле, все-таки никто из нас не получил вреда от какого-либо гада.

20 мая степь продолжалась на протяжении 4 миль до города Терки. Там и сям мы видели очень много красивых пестро окрашенных змей, из которых иные бывали толщиной с добрую руку и длиной более трех локтей; свернувшись клубками, они лежали на солнце.

В этой области, особенно вокруг Терок, мы видели странный род полевых мышей, называющихся по-

арабски *jerbuah*. Они похожи на мушловки, по величине и окраске — на хомяков, встречающихся часто в Саксонии, вокруг Магдебурга и Ашерслебена, моего отечества; или же они похожи почти на белку; только шерсть их темно-коричневого цвета, и головы, как у мышей, но с длинными ушами. Спереди у них короткие, а сзади очень длинные ноги; бежать они в состоянии лишь в гору, а в ровной местности должны очень медленно ползти, вследствие чего обыкновенно прыгают — в чем они очень проворны. Они поднимаются более чем на локоть от земли. Хвосты у них гладкие и длинные, как у крыс, но не такие толстые и с белым пучком в конце; хвост они держат загнутыми вперед на спину в роде, как у нас обыкновенно рисуют львов; когда большое количество их прыгает, то получается очень приятное зрелище. Говорят, что их много вокруг Вавилона и в Арабии; арабы их употребляют в пищу. Где они привыкнут забираться в дом, там они, как говорят, уносят деньги, если могут достать их. Пример этому рассказал мне перс Хакверди. Однажды у его отца пропали деньги из комнаты, и он заподозрил жену и детей. Увидав, однако, как-то выглядывавшего из-за ковра *jerbuah*, он пришел к мысли, не уносит ли это животное деньги, положил на ковер аббас [монету с изображением шаха Аббаса], ушел и запер дверь; когда аббас также исчез, он велел раскопать нору и нашел гораздо больше денег в грудке, чем у него пропало.

В этот день мы стремились возможно скорее в город Терки. Когда мы были в 1/4 мили расстояния от-

сюда, явился вышеназванного Мусала — в это время уехавшего — брат с полковником, посланцем от воеводы и 30 всадниками, чтобы нас встретить. Мы были желанными гостями; в палатках, разбитых ими под городом, они нас угощали пряниками, пивом, медом и водкой, пока в городе не приготовили квартиру, куда нас и повели.

На следующий день получен был подарок от воеводы, а именно 40 кушаний для послов; мы их с удовольствием ели.

Послы отправили некоторых из нас, да и лично сами через некоторое время отправились к Бикэ, матери князя Мусала, чтобы, по любезной просьбе ее, посетить ее. Они были очень любезно приняты, послали за нашими музыкантами и при хорошем угощении время проведено было весело. Вся свита сердечно радовалась, что мы освободились от диких, вероломных, враждебных дагестанских татар и вновь находимся в обществе русских, к которым мы давно привыкли. Нам казалось, что мы уже в отечестве своем. Поэтому Павел Флеминг и написал тогда, по случаю именин нашего доброго приятеля, веселым пером песню...

XCIX

(Книга VI, глава 20)

О черкасских татарах

Выше мы обещали на обратном пути подробнее остановиться на этих черкасах, так как ведь, насколько мне известно, никто ни из древних,

ни из новых писателей ничего особенного о них не писал. Скалигер, правда, упоминает о черкасах в «Ехегс.», 33, pag. 167 и 303, s. 3, но в очень немногих словах. Он зовет их, как и Страбон, «зигами» (*zygi*); они их помещают над Кавказом у Понта и Мэотийского болота, т. е. близко к границам Азии и Европы. Однако, те, которых мы видели, это — скифы или сарматы каспийские; они живут в части Албании, которую с В и З замыкают Каспийское море и Кавказ, а с Ю и С река Быстрая и большая татарская или астраханская степь. Главным городом их были Терки. Великий царь московский военной силой покорил себе эти народы, населил укрепленные места русскими и предоставил черкасам жить вместе с ними в местечках и деревнях, притом под начальством князей и государей собственной своей нации, которые являются присягнувшими вассалами великого князя и должны просить от него земель в лен. Но когда происходят важные судебные разбирательства, то их приходится обсуждать с привлечением русского воеводы. Они платят великому князю дань, но не более того, чем нужно на содержание там солдат.

Мужчины большей частью крепкого сложения, черно-желтого цвета и с несколько широкими лицами, но не столь широкими, как у крымских и нагайских татар; у них длинные, черные как смоль волосы; от лба через темя вплоть до затылка они дают себе выбривать полоску шириной с дюйм; помимо того они у себя сверху на макушке (как мы видели у Мусала) дают свисать вниз небольшой изящно сплетенной косе. Скалигер

плохо отзываясь о черкасах и говорит: «Они вероломнее всех смертных и отличаются выдающейся бесчеловечностью», что мы могли бы, пожалуй, сказать о их соседях дагестанцах. Черкасы же теперь заметно мягче и ласковые, может быть потому, что они живут среди русских христиан и ежедневно с ними общаются. Язык их общий с другими татарами, и почти все умеют говорить по-русски. Одежда мужчин похожа на дагестанскую, но шапки их несколько шире и почти похожи на иезуитские шапки. Войлочные их плащи висят у них на ремне или на ленте через плечо; они у них не запахиваются, а поворачиваются ими по ветру и дождю; под ними тело может считаться вполне закрытым от всяческой погоды и ветра.

Женщины у них обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицом, белотелы и краснощеки; волосы, черные как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытыми лицами. На голове у них двойные черные подушки, на которые они кладут нужный бумажный платок или платок, пестро вышитый, и затем все это связывают под подбородком. У вдов же сзади у головы большие надутые бычьи пузыри, обвитые пестрым флером или белой бумажной материей; издали получалось впечатление, точно у них по две головы. В летнее время женщины ходят в одних сорочках, окрашенных в красный, зеленый, желтый или синий цвет и сверху до пупа раскрытых, так что можно было видеть груди, живот и пуп.

Они были общительны и любез-

ны. В первые дни нашего приезда они по четыре и более стояли по дорожки на улицах, шли нам навстречу с нахальным выражением лица, которое приписывается древним амазонкам (ведь граница этих последних будто простиралась и сюда и еще дальше) и не отпускали нас раньше, как хорошенько осмотрев спереди и сзади. Когда они сидели в домах, то кивали нам, чтобы мы подошли. Они нисколько не стеснялись, когда некоторые из нас, трогая и осматривая их четки из янтаря, разных пестрых раковин, скорлупок, пестрых камней, оловянных и медных колец, свисавшие с шеи ниже груди, иногда руками касались голого тела. Некоторые даже приглашали нас зайти в их дома. Говорят, что у них такой обычай: если заходят чужие посетить жен, то мужья добровольно удаляются и предоставляют гостям беседовать с женами. Впрочем, и вообще мужчины в течение дня редко бывают дома, но находятся на пастбищах у своего скота, которым они более всего и кормятся. Однако, говорят, что жены, тем не менее, верны своим мужьям и, как они говорили, — не соединяются плотски с другими. Это засвидетельствовал один из наших военных офицеров. Побужденный любезными кивками и речами молодых женщин, он отправился к ним в дом; здесь он искал способа попытаться их, дав омыть свою голову и сшить себе носовые платки; эту службу ему охотно оказали, но когда он пожелал большего, ему было отказано со словами: их мужья вполне им доверяют, вследствие чего они должны непременно хранить верность; в противном случае, если бы дело обнаружилось, их не стали бы дер-

жать ни мужья, ни община. Во всем остальном, кроме соития, они позволяли делать с собой что угодно, причем были очень жадны и бойки, выпрашивая подарки; они и сами хватили все, что лишь могли достать. Осматривая и ощупывая у иных их немецкие костюмы снаружи и внутри, они залезали в карманы и вынимали, что им там попадалось.

Хотя мужчины, по обычаю магометан, имеют право брать более одной жены, все-таки большинство ограничивается одной. Когда муж помирает без детей и оставляет братьев, то старший должен взять вдову, чтобы восстановить семя своего брата, как и Мусал получил вдову брата в жены.

Вера черкасов почти языческая. Правда, они обрезаются и веруют в Единого Бога, но у них нет ни писем, ни жрецов, ни храмов. В определенные сроки они сами приносят жертвы, особенно об Ильин день. Также когда умирает знатный человек, собираются мужчины и женщины в поле, приносят в жертву козу и, как нам говорили, производят при этом странную дурацкую пробу, годится ли животное в жертву, а именно: они отрезают производительную часть, бросают ее об стену или забор, и если она не прилипнет, но скоро отпадет, то жертва признается недостойной; тогда нужно заколоть другую; если же она прилипнет, то жертва считается избранной. Тогда снимается шкура, растягивается и насаживается на длинный шест. Перед ним приносят жертвы, варят и жарят и друг с другом съедают мясо. Затем выступают несколько мужчин и молятся перед шкурой, один за другим. Когда молитва закончена,

женщины уходят. Мужчины же остаются, садятся вновь и сильно напиваются брагой и водкой, так что потом вцепляются друг другу в волосы. Шкура остается на шесте до тех пор, пока ее не сменил новая жертва.

Такого рода козью шкуру мы приезде в Терки и выезде оттуда встретили недалеко от дома княгини Бикэ; вместе с головой и рогами она была натянута на черный крест, в середине четыре раза прорезана и водружена на длинном шесте. Это можно видеть на прилагаемом рисунке. Шест охранялся невысоким плетнем, чтобы собаки или что-либо нечистое не могли подойти и загадить святыню.

Своих покойников они честно хоронят, ставя на могилах колонны, а если похоронен кто-либо знатный, то целые прекрасные дома. Например, на гробе Мусалова брат построен прекрасный дом с пестрыми балками, расставленными в шахматном порядке; сверху он был усажен разными, но неуклюжими изображениями, представлявшими охоту. Жилые дома у них очень плохи, они лишь сплетены из кустарника и внутри обмазаны глиной; снаружи они не лучше с виду, как хлева крестьян в деревнях Голштинии. Их гробница и дома, устроенные для покойников, гораздо величественнее и ценнее, чем жилища живых. Почему это делается, мне не было сообщено, так что я не знаю, не из того же ли предположения, какое были у древних египтян, живших в Мемфисе, по словам Диодора, пишущего в I книге, на стр. 47: «Жители этой страны весьма не высоко понята здешнюю жизнь, замкнутую в пределы. Но зато высоко они почитают все то, что после

смерти даст большую славу за добродетели. Жилища живых называют они постоянными дворами, так как в них мы проводим короткое время, а гробницы умерших — вечными домами, так как в преисподней проводится бесконечный век. Поэтому мало заботятся они о постройке домов, но не жалеют трудов для украшения гробниц». Черкасы весьма по-варварски печалются о своих покойниках, царапают и рвут себе лоб, грудь и руки, так что кровь течет струями. Траур длится до тех пор, пока раны вновь заживут; поэтому некоторые, желая чтобы траур длился дольше, снова расцарапывают полужившие раны.

Вот что я имею сообщить о черкасах, встреченных нами у Каспийского моря.

С

(Книга VI, глава 21)

Путешествие от Терок, через большую степь, к Астрахани

2 июня мы направилась в дальнейший путь, и так как более семидесяти миль нам приходилось идти по обширной необитаемой степи, а необходимого количества верховых лошадей не могли достать иначе как за большие деньги, то были наняты черкасские возчики, чтобы как людей, так и багаж перевезти в телегах, считая на каждую троих или четверых лиц. За каждую телегу с двумя лошадьми или одним верблюдом на дорогу от Терок до Астрахани мы дали 9 рейхсталеров.

К нам присоединился еще ка-

раван купцов всяких наций: персов, турок, греков, армян и русских, так что собралось всего до 200 телег. Провизия для столь дальнего пути была роздана очень скупо, а именно каждому, кроме черствых черных сухарей и другого хлеба с плесенью, дали еще половину небольшого вяленого зловонного лосося, безо всяких напитков. Так как татары затруднялись, помимо людей, о которых одних лишь был уговор, взять с собой еще полные бочечки, а посол Брюг[ге]ман не хотел нанять особой телеги для этой цели, то мы не в состоянии были взять с собой ни единого глотка воды. Сам же посол, наряду с некоторыми из близких ему лиц, обильно снабдил себя едой и хорошими напитками. Сначала мы не сочли это важным, полагая ежедневно, как и раньше, находить на пути свежую воду, но потом оказалось, что мы обманулись, как это будет видно из дальнейшего.

Итак, 4 июня после обеда мы вновь собрались в путь из Терок и начали идти по вышеупомянутой обширной степи. Дорога шла недалеко от моря, причем мы в течение 11 дней не встретили ни города, ни деревни, дерева, холма, рики (кроме Кизляра), ни каких-либо птиц; везде мы видели лишь одну ровную, пустынную, сухую, песчаную, редкой травой поросшую почву, лужи с солью и морской водой. В первый день мы прошли только 4 мили. 5 того же месяца дошли мы до только что упомянутой реки Кизляр. 6 июня, через 6 миль, дошли мы до выступившей из моря лужи. Эти три дня мы большей частью шли к ЗСЗ, потом мы шли три дня к С, затем к

СВ и ВСВ до Волги. Так мы прошли 6 миль по большому болоту, через которое лошади с трудом перебирались. В этот день нас сильно мучила большая жара; сюда же присоединялись множество комаров, мух и ос, от которых ни человек, ни животное не могли избавиться. Верблюдам не так легко было прогонять от себя этих гнусов, как лошадям; к вечеру они были покрыты многими волдырями, из которых текла кровь, точно с них содрана была шкура.

8 июня мы направились вперед еще до восхода солнца, и до полудня, пройдя 4 мили, пришли к песчаному месту. После обеда мы опять сделали 4 мили и дошли до соляной лужи. По дороге одна из лошадей у татар устали; они опасались, что она заболит; поэтому они разрезали ей шею, разделили ее на части и каждый привесил себе кусок мяса сзади у телеги; когда дело дошло до ночлега, они разложили огонь из кустарника и тонкого тростника, зажарили мясо и съели его друг с другом с большим удовольствием. Мне они дали его попробовать; вкус был как у грубой жесткой говядины.

9 того же месяца наш дневной переход составил 7 миль. К полудню мы расположились у залива морского, а к вечеру у гнилой соляной лужи. Это было плохое питье. У таких луж, а в особенности у этой, во время питья нужно было зажимать нос, чтобы дурной запах не сделал питья противным.

10 того же месяца мы опять сделали 7 верст до разлива, поросшего тростником; из-за близости Волги, в нем вода была более пресная. 11

опять мы сделали 7 миль до новой лужи, не соляной, но гнилой; ее, как говорят, образует Волга при разливе. По дороге с запада забежали 12 больших диких свиней; так как их, охотясь, преследовали несколько татарских всадников и пригнали к нам, тянувшимся длинным рядом, то они прорвались перед моей телегой и побежали к морю. Наши лошади взбесились, побежали из всей мочи поперек через поле, так что медик и гофмейстер, со всеми вещами, один здесь, другой там, повалились с телеги и упали. Фон Ухтериц и я, сидя впереди и не решаясь, ввиду опасности, прыгнуть с лошади, были не в малой боязни, пока лошади не устали и не остановились перед болотом. 12 того же месяца мы прошли 8 миль и по дороге встретили двух молодых голых птенцов, лежавших около дороги в гнезде; некоторые из нас сочли их за орлят. Также увидели мы 2 соляных озера, которые распространяли при приближении к ним приятный запах фиалок. 13 мы опять проехали 8 миль; и к вечеру могли увидеть город Астрахань. 14 июня мы, пройдя еще 3 мили, в большой радости, достигли реки Волги напротив Астрахани. Люди наши, стремясь к столь давно желанной пресной воде, побежали к реке, толпой пали наземь у ее берегов и пили воду. Таким образом мы, с Божьей помощью, закончили очень тяжелое путешествие через степь. Трудности его и наше веселье у берегов Волги Павел Флеминг так описал в оде на имя нашего [спутника] Гартмана Грамана:

...Настала третья ночь...

Я мучился без сна, и голод был

не в мочь;

*Подушкой мне земля, покрыт одним я
небом,*

*Я голод утолял гнилым и черствым
хлебом,*

*А пил рассол. Не раз был умереть
готов*

*Днем с жажды и жары, а в ночь
от комаров,*

*Прости мне, Эвиан, властитель
небосклона,*

*Что я не клал тебе столь низкого
поклона,*

*Как перед славной Ра, увидевши струю,
Которой жажду смог я утолить
свою...*

Когда в Астрахани узнали про наше прибытие, тотчас же к нам навстречу выехали несколько лодок. Между прочим наш заведующий провизией Иоганн Шумахер доставил к берегу 2 мешка, полных хлеба, копченой говядины и языков, бочку пива и бочонок водки; при их помощи мы вновь подкрепились.

Мы оставались этот день на берегу, пока воевода готовил нам удобные помещения для остановки.

На следующий день нас переправили и разместили в новом «амбаре», или пакгаузе, лежавшем перед городом на берегу; здесь, однако, нас сильно мучили чрезвычайно многочисленные блохи и комары. В особом «амбаре» мы застали большое количество провизии, которую наш фактор в Москве Давид Рютц [Рутс] за полгода еще доставил сюда для нас.

СІ

(Книга VI, глава 22)

Что случилось в Астрахани за время нашей остановки

Так как мы пробыли в Астрахани вплоть до 8 недели, я зачастую ходил вокруг и поперек города и несколько раз измерял его; при этом я нашел, что круговая стена заключает в себе 8000 футов и имеет ту форму, которую представляет прилагаемая фигура.

В последнее число июня послы вновь отправили подарки воеводе, который 1 июля выказал свою благодарность ответным подарком, состоявшим в быке, бочке пива, бочке меду, 4 баранах, 10 утках, 10 курах и 6 гусях.

Одной вещи я не могу пройти молчанием, так как о ней знают все люди нашей свиты, из которых еще многие живы. Дело в том, что посол Брюг[ге]ман, может быть, считая себя задетым проповедями о покаянии, которым наш проповедник г. Соломон Петри из чувства долга давал довольно резкую форму — дал возможность обязательному красному одеянию пастора до того обтрепаться, что на возвратном пути в Шемахе, а также и здесь, ему пришлось говорить проповедь и причащать, будучи в спальных штанах. Русский посланник Алексей, который в общем был очень доволен нашим богослужением, об этом выразался с сильной бранью; он даже сам хотел — как и мы все — одеть проповедника на собственные деньги, если бы только не приходилось опасаться гнева посла.

Посол Брюг[ге]ман имел даже намерение с немногими только из людей отправиться в путь из Астрахани, а своего коллегу с другими оставить позади; для этого уже делались приготовления. Однако Алексей Савинович, с которым он об этом посоветовался, отсоветовал ему поступить так. Он же и выдал это предположение, увещевая нас быть очень осторожными, так как предприятие нашего посла немногим лучше поступка Руссея, французского посла, который вероломно оклеветал своего коллегу маркиза перед патриархом в Москве, предал его и довел до Сибири. Об этом рассказано выше. На это намерение намекают и последние стихи оды, которую один из нас написал на план города Астрахани:

На Волге, Астрахань, пред нами
ты предстала!
Страна нагаев здесь вокруг тебя
лежала.
Столицей ты была татар
нагайских встарь,
Теперь твой властелин
Москвы великий царь.
Хоть ты не велика, но торг тебя
прославил
И дальних множество племен
к тебе направили.
Снаружи ты пышна
как Иерусалим,
Внутри же Вифлеем с тобой едва
сравним.
Грань лучших двух частей
вселенной здесь проходит,
И, в Астрахань явясь, всяк
в обе раз входит.
Он руку может здесь Европе про-
тянуть
И, повернувшись, вновь

до Казани получил 6 рублей или 12 рейхсталеров.

Незадолго до нашего отбытия пришли несколько стрельцов и доставили девочку в 10 лет для продажи нам. Они ее под Азовом (этот город, расположенный у устья Дона и Мэотийского болота, 1 августа с. г. был взят с большим кровопролитием у казаков и турок) увезли у перекопского татарского школьного учителя. Вскоре за тем другие два стрельца доставили другую девочку, 7 лет, украденную ими из расположенной у Астрахани нагайской орды ночью от ее бабушки. Это дитя они доставили в мешке, совершенно голым, так как оно было только что из бани, и высыпали его, точно это был поросянок, перед покупателями. Родители его, по татарскому обычаю, заклеямили, а именно — на щеках двумя синими точками, величиной с чечевицы, для того, чтобы в случае, если, будучи украдено и продано, оно вновь найдется, его можно было узнать. Посол Брюг[ге]ман при этом выказал себя с похвальной стороны: так как он увидел, что при такой покупке можно было приобрести и души детей, спасти их и обучением в христианской религии и крещением привести к Христу, он охотно принял их, дав за перекопскую девочку 26, а за нагайскую 16 рейхсталеров, тайно вывез их из страны и передал их его княжеской светлости нашего милостивейшего князя и государя супруге, которая поручила этих девочек своей достохвальной женской свите для обучения их немецкому языку, богобоязни, добродетели и искусному рукоделию. В этом учении они в скором времени доведены были до того, что при крещении своем

(оно состоялось в виде торжественного акта в 1642 г. 19 мая по случаю крестин младенца княжеской семьи, в присутствии многих именитых дворян и других знатных персон, их воспитанников) они не только могли бойко произнести наизусть лютеров катехизис, но в состоянии были дать много правильных ответов на другие, касавшиеся христианства, вопросы, к изумлению многих. Перекопская, раньше именовавшаяся «Танна», получила имя Анны-Мариин, а нагайская, называвшаяся «Тауби», — Софии-Елисаветы; обе по имени ее княжеской светлости Мариин-Елисаветы.

Достойно памяти, что в то время в Астрахани наш татарский и турецкий переводчик Мартин-Альбрехт, по рождению татарин, также ребенком увезенный, доставленный в Москву и крещенный, когда он был узан отцом и друзьями, желавшими за деньги выкупить его, тем не менее, не захотел идти к ним, говоря: он раз уже принял христианскую правую веру, и желает в ней жить и умереть; ради нее он готов отказаться от родителей, которых он, впрочем, любит. Он не отходил далеко от нашей свиты, чтобы татары, по их угрозам, не украли его. Это был парень лет 26, благочестивый и перед всеми услужливый.

Здесь же персидский посол купил себе в жены нагайскую татарскую девочку у ее собственного брата — мурзы, сидевшего под арестом; он дал за нее 120 талеров наличными и лошадь за 10 талеров. Этот посол был человек лет 70, но еще довольно сильный.

СII

(Книга VI, глава 20)

**Путешествие из Астрахани в Москву
и о том, что в это время случилось**

7 сентября произошло наше отбытие из Астрахани, и мы вновь направились на Волгу. Послы поделили между собой свиту и каждый взял по лодке. Мы отошли от города в этот день на полмили и ждали прибытия султана. Поэтому, когда этот последний примкнул к нам на следующий день с тремя лодками, мы встретили его салютными выстрелами и вместе пошли дальше; 10 мы прошли мимо острова Бузана, рядом с которым крымские и перекопские татары обыкновенно переплывают Волгу, которая здесь очень узка. Чтобы воспрепятствовать этому, русские с восточной стороны реки устроили стражу из 50 стрельцов. Некоторые из них явились и просили хлеба; им дали мешок с сухарями.

16 сентября мы пришли к Черному Яру, который, будучи построен великим князем Михаилом, зовется и Михайло-Новгородом. Отсюда 300 верст или 60 миль до Астрахани. Воевода прислал на судно письмо на латинском языке, оставленное Алексеем Савиновичем по адресу послов; воевода прибавил просьбу, чтобы послы вышли на берег и посетили его; он, по любезной рекомендации Алексея, хотел, по силам своим, угостить нас; мы, однако, желая выиграть время, не захотели выходить на берег.

24 сентября мы достигли города Царицына, находящегося в 200 верстах от предыдущего. 29 сентября в

Михайлов день, мы имели попутный ветер и шли против течения на парусах 40 верст. Некоторые из русских приписывали это обстоятельство именинам великого князя Михаила.

2 октября лодка персидского посла с лошадьми попала на мель; со стаскиванием ее было много хлопот. Тем временем султан вышел на берег, а наши послы присоединились к нему и вместе обедали. Простой люд свел знакомство и персы так напились водки, что сильно опьянев, один из них здесь, а другой там, попадали в воду; как мертвых животных, их пришлось тащить в лодки. Когда лодка сошла с мели и мы хотели опять двигаться дальше, персы начали браниться с русскими, били дубинами и рубили саблями в сторону стрельцов своего конвоя. Султан, напившийся водки не менее слуг своих, хотел стрелять в стрельцов, но мы его уговорили, и ссора была улажена.

Сегодня ночью мальчик султана, страдавший поносом и поднявшийся на борт, упал в воду. Хватились его не раньше, как к утру, когда река уже успела давно унести его далеко вниз.

6 октября мы дошли до Саратова, в 350 верстах от Царицына. Здесь нам сообщили, что партия казаков встретила ушедшую сушей вперед «станицу», но, заметив достаточное сопротивление, казаки не решились напасть, но с несколькими кобылицами с большими криками проехали мимо, и вследствие этого много «аргамаков» (так русские зовут персидских лошадей), плохо охранявшихся, они увлекли за собой из станицы и увели их.

11 октября к вечеру началась

сильная буря с ЮЗ, которая там и сям разоряла наши суда. Наша лодка, в которой был посол Крузиус, вместе с двумя лодками султана, где находились лошади, была прибита к восточному берегу, получила пробоину и быстро наполнилась водой. Нам пришлось все имущество из нее вынести на берег. Персы, увидя, что лошади бедствуют в воде, разбили бока у лодок и спасли лошадей, кроме одной, которая утонула. Эта буря продолжалась 2 дня и ночь. Так как мы боялись, что ветер доведет нашу лодку до полного крушения, мы срубили мачту; после этого она стала спокойно. 16 ветер поулегся, наша затонувшая лодка опять была поднята, вытащена на берег и законопачена. Персы же, которые не могли более пользоваться своими лодками, пустили теперь лошадей своих берегом. 24 мы прибыли под город Самару, отстоящий от Саратова на 70 миль.

4 ноября праздновались именины посла Оттона Брюг[ге]мана и троекратными салютными выстрелами с обеих лодок ему пожелали счастья. При этом случилось следующее несчастье. Под крышей палубы засунут был заряженный мушкет; когда внутри на судне стали стрелять из орудия, выстрелило и это ружье, и пуля из него пролетела у лакея Каспара Зе(е)лера и Христофа Бута [Пудта], барабанщика, стоявших в это время на палубе, сквозь ноги. Один из них из-за этого долго еще пролежал больным в Казани.

6 мы прошли мимо большой реки Камы и 8 вечером, при большом холоде зашли в казанскую речку. Мы остановились в доброй четверти мили от города, против монастыря. Доль-

ше не имело бы смысла оставаться на Волге, так как ночью настала столь сильная стужа, что на другой день вся речка [Казанка] стала.

Сначала воевода Иван Васильевич Морозов, бывший год тому назад советником царя, принял нас плохо. Причиной было, с одной стороны, что тотчас же не пошли навстречу общей их жадности к подаркам, с другой — что он был близким приятелем наиболее выдающихся русских купцов, стремившихся тогда помешать нашему путешествию и намерению и т. д. Послы, переслав к нему великокняжескую подорожную, любезно приветствовали его и просили о квартирах. Он, однако, не захотел допустить до себя посланцев, сказав им: пусть они идут обратно на суда; он им пришлет ответ. На следующий день он прислал сына боярского на лодку посла Бр[юггемана] и велел спросить: «Кто на них посол и кто купец?» Посол Бр[юггеман], по справедливости, рассердился на это, взял сына боярского за руку и сказал: «Скажи воеводе, что я погонщик свиней. Далее, если сам твой господин не умеет читать, то неужели у него нет людей, которые могли бы прочесть и узнать из подорожной, как нас великий князь титулует?» Тем не менее нам пришлось при большом холоде несколько дней выдержать на лодках; тем из нас, у кого одежда была скудна, пришлось очень тяжело. Воевода, правда, велел сказать, чтобы мы за наши деньги сами искали себе помещения, но русским он в то же время запретил принимать нас иначе, как по его приказанию. Так же точно он велел выпороть стражника, поставленного у входа в речку Казанку за то, что тот нас пропус-

тил. То же было сделано с мальчиком, который принял у болота в свою телегу наших гофмейстера и переводчика, когда они были посланы к воеводе.

11 того же месяца воевода ввел персидского посла и поместил в предместье. Когда этот последний стал говорить о нас воеводе, то нам 13 разрешили продвинуться к самому городу, куда мы с большим трудом и должны были пробираться сквозь лед. Однако нас поместили лишь в слободе, или предместье, а не внутри круговой стены.

Разделение послов и людей по помещениям и еде должно было соблюдаться и здесь, как и на лодках. Но так как едой заведовал посол Бр[юггеман], то нам на особом столе некоторое время давали еду лишь раз в день и в виде напитка давали лишь воду без уксусу и водки.

20 ноября послы подарили воеводе обе свои лодки и поднесли еще другие подарки, которые с благодарностью были приняты и вызвали со стороны воеводы большую готовность помогать нам в пути.

6 декабря русские праздновали выдающийся свой праздник в честь св. Николая; целых 8 дней подряд добрые друзья, мужчины и женщины, усердно посещая друг друга, уходили пьяные домой; иных же таскали. Хозяйка в нашей квартире, обладая хорошим достатком, была посещена несколькими молодыми и старыми женщинами; своих гостей, стыдясь нас, она принимала в особой части комнаты за занавеской, где хорошо угощала их калачами, пирогами, водкой, пивом и медом. Когда, однако, крепкие напитки уничтожили их ро-

бость, они сняли занавеску, пришли и подсели к нам, чтобы и немцев сделать участниками своей попойки и веселья; из вежливости нельзя было отказать им, и пришлось с ними вместе веселиться.

В этот день пришел и поп со своим капелланом [дьяконом] покадить перед иконами и в то же время посетить и утешить хозяйку, муж которой был посажен в долговую тюрьму. Он много говорил со мной о их религии и о чудесах у них; между прочим, по его словам, в Казани, в Спасском монастыре, 40 лет тому назад были выкопаны два святых монаха, по имени Варсанофий и Гурий. Они и теперь еще лежат нетленные; если больной человек приходит к ним помолиться, то он тотчас становится здоровым. Когда я спросил: если это так, то почему он не исцелится этим способом от боли в спине, на которую он перед тем жаловался хозяйке? Далее, как же это в Казани столько же слепых, хромых и других калек, как и в других местах России? По этому поводу капеллан громко рассмеялся, а поп начал бранить и капеллана и меня и ушел.

Пробыв спокойно в Казани пять недель; пока установился хороший санный путь, мы 13 декабря около полудня вновь собрались в путь и направились вперед с 60 санями, оставив, по совету воеводы, персидского посла назад. Мы поехали вверх по Волге и 21 декабря въехали в Нижний, отстоящий от Казани на 60 миль. Послы поместились в доме нашего фактора Ганса Бернгарда, а свита поместилась кругом. Здесь мы, как уже сказано, застали самую крайнюю на востоке лютеранскую церковь, которая в данное время, как нам ска-

зали, стояла здесь уже 68 лет. Пастор ее магистр Христофор Шелиус из Ростка, прекрасный молодой человек, находившийся в ней 4 года, умер за полгода до нашего прибытия. Когда наш пастор в 4 день адвента [последнее воскресенье перед Рождеством] сказал проповедь в их церкви, они просили, чтобы мы остались лишь 2 дня еще здесь у них и провели с ними праздник Рождества, так как, не имея по правилам поставленного пастора, они у нашего хотели принять причастие. Однако из-за спешки посла Брюг[ге]мана пришлось оставить это намерение. Поэтому 23 с. м, пообедав, мы снова двинулись дальше и из Волги проехали в Оку. 26 декабря очень рано в 2 часа мы слушали рождественскую проповедь в деревне Юрино, в 50 верстах от Нижнего, и в тот же день проехали еще 60 верст дальше.

29 того же месяца мы достигли старинного города Володимира. Он в 42 милях от Нижнего и в 29 от Москвы. По старым развалинам и разрушенным стенам башен и домов видно, что раньше это, вероятно, был большой выдающийся город.

В последнее число декабря мы дошли до деревни Рупосо[во], в 8 милях от города Москвы. Здесь наш пристав, направившийся вперед к великому князю, вернулся с сообщением, что послезавтра нас, вероятно, поведут в город.

Здесь Брюг[ге]ман опять стал беспокоем и без причины грозился обрубить нос и уши некоторым из вовсе не маловажных лиц свиты, как только он доберется до границы. Однако никто не обращал на это внимания и не собирался бежать, как это ему было бы угодно.

СIII

(Книга VI, глава 24)

Как нас в Москве вновь приняли, как мы имели аудиенцию и что еще произошло

1 января мы до рассвета поднялись и прошли 25 верст далее, до деревни Пехры, которой мы заблаговременно достигли. Мы слушали новогоднюю проповедь и остановились на этот день.

2 января нас снова весело ввели в Москву. Два отряженных его царским величеством пристава, сопровождаемые большим количеством народа, вышли к нам навстречу, любезно приняли послов и повезли их в город в двух больших санях с красной атласной обивкой, высланных прекрасными коврами. Для знатнейших из свиты доставлено было 12 белых царских лошадей. Таким образом, при любезных приветствиях многих добрых друзей, находившихся здесь, мы въехали в город и расположились на большом посольском дворе; здесь же мы получили для приветия обычные напитки, а также ежедневный «корм», т. е. все, что относится к кухне и погребу.

Мы застали перед нами тех лошадей и людей наших послов, которые ушли вперед из Астрахани. Рейснер, однако, для исполнения тайного своего уговора с Брюг[ге]м[аном] уже уехал спешно вперед в Голштинию.

5 [6] января, по случаю дня св. Крещения, русские совершили большое торжество водосвятия, на котором присутствовали великий князь и патриарх со всем придворным штатом и клиром.

8 послов потребовали на первую тайную аудиенцию, во время которой беседа с ними продолжалась с час. В эту ночь умер молодой сын великого князя князь Иван Михайлович, господин лет 8, вследствие чего во всей Москве, особенно при дворе, была сильная печаль. Все подданные должны были снять свои украшения, золото, жемчуг и другие одежды и надеть рваные темные кафтаны.

21 января послов позвали на вторую тайную аудиенцию; ввиду траура их повезли на черных лошадях. Покои были все обтянуты черным сукном, и советники в черных камлотовых костюмах. Эта аудиенция продолжалась целых два часа.

30 января фон Ухтериц, раньше всех, собрался в свой давно желанный обратный путь в Голштинию. При снаряжении его произошло следующее памятное происшествие. Фон Ухтерицу, ради собственных его дел, в особенности ради наследства, очень хотелось поскорее приехать в Германию. Поэтому он не раз просил послов об отпуске. Брюггеман], однако, не хотел давать на это согласия, разве лишь, в конце концов, под следующим условием: чтобы он ни от кого больше, как от него, не брал с собой писем в Германию, а в особенности к голштинскому двору; остальные письма пусть он все передаст ему, Брюггеману; тогда он не только будет отпущен, но ему будет оказана всяческая добрая помощь для путешествия; в противном же случае пусть он и не думает выбраться. Фон-Ухтерицу, честному дворянину, это показалось странным и трудным; он спрашивал посла Крузиуса и других: как здесь быть? Сочтено было за луч-

шее, чтобы он подал вид, точно готов согласиться на подозрительное предложение Брюгг[ге]мана. Когда, однако, фон Ухтериц напомнил при этом Брюгг[ге]ману, как же ему отвечать, если и посол Крузиус передаст ему письма на имя его княжеской светлости, а он их не доставит, то Брюгг[ге]ман дал ему письменное ручательство за собственной рукой, что из-за этого у него не будет затруднений, и что бы ни случилось, вреда ему не будет. Когда фон Ухтериц уже более не возражал, Брюгг[ге]ман успокоился и содействовал его путешествию. Тем временем посол Крузиус приготовил два пакета писем, из которых он один передал фон Ухтерицу тайно, а другой — для уничтожения — явно. Так же точно поступили и секретарь и другие. При этом пришлось соблюсти ту предосторожность, чтобы Брюгг[ге]ман, вскрыв письма, не сразу догадался о «скрытом кушанье» и не отменил поездки. Поэтому Ухтериц сказал Брюгг[ге]м[ану], что он находит неудобным отдавать письма в Москве, но предлагает их передать в полумиле за городом, чтобы Крузиус не заметил проделки: Крузиус, по его словам, мог потребовать пакет обратно для дополнения его, и тогда он оказался бы в постыдном положении. Это умное предложение до того понравилось Брюгг[ге]ману], что он одного из своих верных слуг послал вслед за Ухтерицом, как бы — проводить его, а на самом деле для того, чтобы взять письма. Когда это совершилось, путешественник поспешил вперед, насколько он мог, и счастливо уехал. Брюгг[ге]ман же, вскрыв письма и заметив, что ничего особого в них нет (притом в пакете Крузеуса оказались

лишь бумаги одного почерка, а между тем он писал со своим писцом и мальчиком целых два дня), понял, что не удалось поймать настоящую рыбу и что его перехитрили. Поэтому он стал еще несноснее, чем прежде, но не мог высказать истинной причины.

2 февраля Иоганн Грюневальд, патриций данцигский, один из знатнейших в свите, проболел 8 дней, безмятежно и блаженно скончался и 6 того же месяца в торжественной процессии похоронен на немецком кладбище. Это был человек очень благочестивый, богобоязненный и тихий, со всеми ладивший и со всякой неприятностью примирявшийся; до этого путешествия он совершил также большие и трудные поездки в Вест- и в Ост-Индию и имел большой опыт.

6 февраля персидский султан с весьма большой пышностью был доставлен русскими в город; чтобы нас не задерживать, ему на третий день после этого дали аудиенцию.

11 посол Брюг[ге]ман пожелал и получил одну тайную аудиенцию. 12 наши солдаты и офицеры, которых мы с соизволения его царского величества брали с собой из Москвы в Персию, получили благодарность и расчет.

23 февраля мы в последний раз были приняты на публичной аудиенции, приложились к рукам его царского величества и получили отпуск.

7 марта персидский султан вновь собрался в путь из Москвы и поехал вперед в Лифляндию.

CIV

(Книга VI, глава 25)

Отбытие из Москвы, через Лифляндию, обратно в Голштинию, в резиденцию его княжеской светлости нашего милостивейшего государя

После этого мы вновь собрались в путь, и 16 марта по санному пути опять выехали из Москвы, в сопровождении наших приставов, нескольких стрельцов и многих немцев. После любезного прощания мы помчались вперед и стали делать быстрые дневные переходы, чтобы не потерять санного пути, так как весна уже наступала, а погода была ясная. 18 мы пришли в Тверь, а 19 в Торжок. И та и другой — «ямы», где нам давали свежих лошадей.

Как ни мал город Торжок, в нем все-таки 30 церквей и часовен, которые ежедневно посещаются; одна из них каменная и довольно красива, если судить по наружному виду. Никого из нас не хотели пустить в город.

23 марта мы вновь прибыли в Великий Новгород и были хорошо приняты воеводой, доставившим нам некоторые кушанья и напитки. Мы застали прибывшего до нас персидского посла, с которым мы на следующий день отправились в путь и 24 марта перешли через русскую границу.

Когда по въезде в Ингерманландию наш медик был послан вперед ради знатного мужа, моего бывшего доброго друга, который лежал в Лифляндии опасно больным и неоднократно просил о присылке нашего

врача, я также, заболев лихорадкой и не имея надобности дольше оставаться при свите, собрался вместе с ним вперед в Ревель.

В последнее число марта послы с султаном въехали в Нарву, где полковник Врангель с 50 всадниками выехал к ним навстречу. Султан был помещен у магистратского советника Иакова Мюллера. Когда у дверей его собралось много людей, особенно женщин, чтобы посмотреть, как жена персиянина будет выходить из закрытых саней, султан был так сильно раздосадован, что он готов был скорее выехать из города, чем показать свою жену. Он спросил также: «Неужели все женщины в Нарве, ходящие с открытыми лицами, блудницы?» Он хотел судить о наших нравах по своим, так как в Персии ни одна честная женщина не показывается перед иностранцами. Поэтому пришлось убрать весь народ, пока жена его выходила из саней. После этого султан во всех местах подводу с женщинами ставил близко к месту остановки и обвешивал весь промежуток от телеги до дверей платками, между которыми его жена с ее прислугой (купленной в Казани за 30 рейхсталеров) входили и выходили, никому не показываясь.

4 апреля послы с тем же конвоем, как въехали, так и выехали из Нарвы и направились в деревню Пурц, где отдохнули день и наняли других лошадей. 8 апреля все они направились в мызу Кунда и оставались там 4 дня. Отсюда уже, за отсутствием снега, нельзя было поехать на санях; поэтому пришлось поехать на лошадях и в телегах.

13 апреля они достигли города Ревеля, где были хорошо приняты и

приведены в город почтенным магистратом. Так как Брюг[ге]ман здесь, как и прежде в других местах, сильно преследовал секретаря, то этот последний 15 апреля сел на корабль и уехал вперед в Голштинию, где оставался у княжеского двора в Готторпе, пока не прибыли послы. Послы, однако, со свитой пробыли 3 месяца в Ревеле, притом по особому желанию и охоте посла Брюг[ге]мана, который преследовал особые виды, относительно которых, однако, его компас сильно оказался сдвинутым. Тем временем послы с их свитой проводили время в городе и вне его у добрых друзей с полным удовольствием. Некоторые из нашей свиты вступили в браки с ревельскими [гражданками]. Так были справлены и отпразднованы свадьбы: г. посла Крузиуса с девицей Марией, дочерью покойного г. Иоганна Мюллера из Кунды; нашего медика г. Гартмана Грамана с девицей Елисаветой, дочерью г. Иоганна Фонна, знатного магистратского заседателя; Ганса Арпенбэка, бывшего нашего русского переводчика, с девицей Бригиттой фон Аккен; свадьба трубача Адама Мёллера; далее магистра П[авла] Флеминга обручение с девицей Анной, дочерью г. Генриха Нигуз(ен)а, альдермана и выдающегося купца в городе.

11 июля послы с султаном и русским посланником, отправленным от великого царя к его княжеской светлости герцогу Фридрику голштинскому, ушли в море. Они шли на 4 судах под парусами, и на 11 день своего мореплавания прибыли к голштинскому берегу у Фемерна. Они хотели войти в кильскую гавань, но так как ветер был для них неблагоприятен

тен, они направились в Нейштадт, в 2 милях от Любека, и бросили здесь якорь 22 июля. Когда они, однако, от гонца, посланного в город, узнали, что там будто бы царит чума, они тотчас ушли, направились в гавань Травемюнде и сюда благополучно въехали 23 июля.

Отсюда они отправили багаж с несколькими людьми морем в Киль, сами же пошли сушей и 28 того же месяца направились в Эйтин, в резиденцию г. брата его княжеской светлости, герцога Иоганна, епископа любекского. Здесь его княжеская милость любезно приняло их и великолепно угостило.

30 июля все они направились в

город Киль, известный своими ежегодными переменами. Отсюда наши послы ушли вперед к его княжеской светлости и 1 августа счастливо достигли опять княжеской резиденции Готторпа, таким образом совершенно закончив, по милости Божьей, московитское и персидское путешествие.

Всемогущему Великому Богу, Который во время долгого трудного путешествия чудесно избавлял от многих опасностей для жизни и так милостиво сохранял под своей могучей защитой и радостно привел нас опять в наше отечество, да будет за столь великую благодать хвала, честь и благодарение отныне и до века!

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 20

Глава 2 Первую главу 1 книги мы не переводим, так как в ней заключается лишь общее рассуждение о пользе путешествий в чужие страны.

Фридерик Так в русских документах именуется Фридрих III, из шлезвиг-готторпской линии герцогов шлезвиг-голштинских. Он правил с 1616 по 1669 г. Приводимый в книге титул его целиком входит в настоящее время в российский императорский титул, в который его внес император Петр III. Родство дома Романовых с готторпским домом выясняется из следующей родословной:

Герцог Фридерик (Фридрих III)

Христиан Альбрехт (1669—1694)

Фридрих IV (1694—1702)

Карл Фридрих (1702—1739) Анна Петровна

Карл Петр Ульрих (Петр III Феодорович).

Крузиуса, Крузиус, Крузениерна, Крузени-терн, родился ок. 1698 г., ум. 10 апр. 1676 г. в Ревеле. В издании 1647 года напечатано написанное им латинское стихотворение «Ad lektorem» (к читателю) с похвалой Олеарию.

милостью его королевского величества шведского г. е. короля Карла Густава шведского. Об этом «Dictionnaire» J. Chauferie, 1753, III, s. v. Olearius, not.

Отто Бругман Он именуется ниже все время Брюгманом или Брюггеман(н)ом. Это был купец из Гамбурга. О судьбе его сказано в введении.

Готторна У Олеария все время Gottorff. Форма, принятая в переводе, более привычна и известна.

Травемюнде Это — гавань Любека у устья р. Траве.

корабельщика иначе говоря, шкипера (Schifter).

Венделин Зибелист иначе Сибелист (Schifter). Он известен и по русским документам. В издании 1647 г. напечатана латинская вводная его заметка, поясняющая разнообразие материала в книги и особую милость царя к голштинцам.

Стр. 21

ластов масла Last — мера, равная 120 пудам.

крестинного подарка Неясно, к какому это относится событию. В 1647—1656 гг. Борнгольм был датским; с 1525 по 1576 г. остров, по договору, управлялся любекцами.

Стр. 24

реке Эмбек Beck по-нижненемецки то же, что Bach. Поэтому Embeck-Эмбах (Embach), как река эта обыкновенно называется.

геермейстерами Heermeister—глава провинции рыцарского ордена.

Магнус супруг княжны Марии Владимировны, принц датский, вассальный король ливонский.

тирана обычное у Олеария и у других

писателей XVII в. наименование Иоанна IV Грозного.

его королевского величества шведского Карла X Густава, правившего с 1654 по 1660 г. университет старинный дерптский (юрьевский); учрежден Густавом Адольфом шведским.

гофгерихт высший (собственно придворный) суд в Ливонии.

информатора и гофмейстера т. е. учителя и дворецкого.

Стр. 25

ради известных причин обычный у Олеария оборот, когда дело касается дипломатической сущности посольства или причин, которые он не желает излагать.

Павел Флеминг известный поэт (1609—1640), один из наиболее видных лириков XVII в.

Стр. 27

зесслинга Зессдинг или зексдинг (Sessling, Sechsling) — монета в 6 пфеннигов.

мейссенской монете Эта ссылка Олеария на мейссенскую монету объясняется многолетним его пребыванием в Саксонии, частью которой является Мейссенская земля.

Стр. 28

Васильевича Имя в подлиннике указано лишь буквою N, фамилия совсем не указана. Что это за боярин, живший на шведской территории, определить трудно.

перед Лейпцигом известная битва при Брейтенфельд.

Стр. 30

Ние на реке Неве, на месте нынешней Охты.

Нотебург точнее Нётебург (Noteburg), ныне Шлиссельбург.

53°30' Так напечатано во всех изданиях Олеария. Цифра эта неправильна. В числе опечаток при изд. 1656 указано, что вм. 53°30' следует читать 63°80'.

Стр. 31

его королевским величеством Густавом Адольфом, в Смутное время.

его королевским величеством Это — погрешность; нужно «ся королевским величеством», так как с 1632 по 1664 г. в Швеции королевою была Христина, дочь Густава Адольфа, при регенте Акселе Оксеншерне.

Лаве По столбовскому договору граница с Швецией шла «Ладожским озером в устье реки Лавуи, а от устья реки Лавуи, рекою Лавуи, вверх до раздвою рек» и т. д.

Стр. 34

его величество король шведский Необходимо исправить: ея величество королева шведская (Христина).

Крекшин Фамилия восстановлена по русским документам; в подлиннике Kareschschin.

Никольского на Волховской губе Переведено предположительно. В подлиннике: Nawoikus Konski. Возможно, что это — Медведский Николаевский монастырь, упраздненный в 1704 г.

Стр. 35

шиллинга Шиллинг Олеарием всегда приравнивается копейке, а рейхсталер — полтиннику.

Стр. 36

про великого государя и царя Михаила Феодоровича Жаль, что Олеарий не записал песни; про царя Михаила песен сохранилось мало.

Ильмер-озером В подл. Imeg-See. Форма «Ильмер» для Ильменя встречается и в наших летописях.

Стр. 37

Николы на Посаде В подл. Nepostiza. «На посаде» назывался Николаевский Староладожский монастырь. Может быть, правильнее предположить в данном месте упоминание Николаевского-Гостинопольского монастыря.

Стр. 38

Городище Городище, как и нижеупоминаемые Сольца (Сельцо), Грузино (позднейшее имение гр. Аракчеева), Высокая (Высокое-Прилуки), Кречевица (Кречевицкие казармы), существуют поныне.

Стр. 40

в Бронницах Это старинное село в Новгородской губернии, известное с XIII в. *картину* конечно, икону.

Стр. 41.

Красные Станки Это и следующие

наименования местностей (нын. город Крестцы, села Яжелбицы, Зимогорье, город Волочок, или Вышний Волочок, село Коломенское, или Коломна, Будово и т. д.) имеются по сю пору.

Фукса... Шарльса Это фамилии иностранных офицеров на русской службе. В «Книгах разрядных» (1855, II, 497), упоминается «полковник Самойло Шарль» или «Самойло Шарль Дееберт».

очень большой широкий камень Ср. соответствующее изображение и текст в «Альбоме» Мейерберга.

Стр. 42

русский князь О князе этом ниже рассказывается, как он рассердился, будучи принят за крестьянина.

Стр. 43

Медной ныне Медное между Тверью и Торжком, на Тверце.

епископская вернее архиепископская.

Стр. 44

Николы Нахимского Никольское село у реки Химки.

Стр. 45

два пристава «Встречали послов за городом, за Тверскими вороты, и в приставах у них были Андрей Васильев сын Усов, да подьячий Богдан Обобуров». («Дворц. разр.» II, 391). Ниже приведено лишь имя и отчество подьячего.

императорского У Олеария неоднократно царь именуется императором.

Стр. 46

провизия Это так называемые: «государева жалованья корм и питье», бесплатно отпускавшиеся послам.

в некое село на паломничество «Слушал государь заутреню у Рожества Богородицы, а обедню у Екатерины Христовы мученицы... после обеда ходил государь с сыном своим государевым с царевичем, с князем Алексеем Михайловичем, в аптекарский сад» («Выходы государей царей», стр. 36).

Стр. 47

под Смоленском при сдаче Шеина.

Подарки были В сохранившихся рукописях посольского приказа упоминаются некоторые из этих подарков:

1. «жеребец немецкой темнокарей», «науужен на немецкую статью».

2 и 3. «жеребец да конь серые».

4. «узда с вожжами и с наперстью, оправлено серебром с камнем».

5. «крыж золот с камнем».

6. «аптека гебанова дерева, оправлена золотом с камени».

7. «кружка хрустальная, оправлена золотом с камнем».

8. «зеркало, оправлено серебром».

9. «шкатула мудрая с боевыми часы».

10. «посох серебрян, а в нем часы солнечные и трубка зрительная, во что в даль смотрят»

11. «боевые часы».

Стр. 48

два командированные князь Никита Никитич Гагарин и дьяк Михайло Данилов.

Ганс Гельмес именуется то Helms, то Helmes.

аудиенц-зал По «Дворц. разр.» (II, 392), «золотая подписная палата».

Стр. 49

Портрет царя Михаила. Он нами взят из издания 1647 г. В позднейших изданиях (особ. 1696 г.) мало сходства с этим первоначальным портретом не только в лице, но даже в одежде. Кругом портрета надпись: «Zaar Michael Fedorovitz Magnus Muscovitarum Dux Aetatus Suae 42», т. е. «Царь Михаил Феодорович, великий князь московитов, в 42-летнем возрасте». Царь Михаил Феодорович родился 12 июля 1596 г. Следовательно, портрет, по-видимому, должен был отнесен к 1638 г. Подпись латинскими стихами:

Zar Michael Fedrowitz, quo non clementior alter

Dux fuerat, tali fronte tuendus erat

т. е.

Царь Михаил, сын Феодора, в милости не превзойденный

Князем иным, таковой облик являет с чела.

Стр. 51

четыре молодых и крепких князя кн. Фед. Андр. Телятевский, Вас. Вас. Бутурлин, кн. Вас. Богд. Волконский, Степ. Вас. Телепнев.

Стр. 52

«Князь Фридерик еще здоров?» Эта фраза

у Олеария приведена, в транскрипции, по-русски: «Knees Frederick jescho sdogoff?» По русскому рукописному церемониалу: «...И государь спросит про голстенского князя, а молить: «Голстенской Фридерик князь по здоровью ли?» Олеарий записал слова неточно.

некий князь Это не был князь. По русским документам, «августа в 19 день государь... велел столнику Микифору Сергеевичу Собакину ехать со столом...»

Стр. 53

стол русского императора В подлиннике: «des Russischen Kayzers Tafel». Известно, что еще в кн. Василий III именовался иногда в иностранцев императором.

за первым тостом Русский текст второго тоста по рукописи посольского архива: «Чаша Фредерикуса, князя голстенского, чтоб он здоров был и к царскому величеству был приятен и любителен».

Стр. 55

на тайную аудиенцию по русской терминологии: «в ответе».

Стр. 58

черкасским принцем, или князем черкасского Терского городка (Терки).

дамаста В подл. «Damaschen». Damast — материя с крупными узорами.

Софию София Михайловна, род., по указателю к «Выходам госуд. царей», 30 сентября 1634 г., скончалась 23 июня 1636 г. Крестины по «Дворц. разр.», II, 412, были в Чудове монастыре 6 октября.

турецкий посол По русским документам, «турского Мурат-салтана царя посол Муслага». Встреча его была «за Белым городом, за Тверскими вороты».

Стр. 60

тобину Tobin в подл.; волнистая тафта. *камлотовых кафтанах* Kammlot—грубая бумажная ткань.

Стр. 61

день св. Михаила по лютеранскому календарю.

Иоанн Георг правил с 1611 по 1656 г. «Как поживает...» Эта фраза приведена по-немецки.

праздник В подлиннике «Prassnick».

Троицкую церковь иначе Василий Блаженный.

Стр. 63

на паломничество «пошел государь в село Покровское» («Дворц. разр.», II, 403).

дяде и шурину Можно перевести: дяде и свояку. Последнее слово совпадает с русским выражением в документах: «и свойственному».

Стр. 66

Иваном Тарасовичем Иваном Тарасевичем Грамотиным.

Стр. 67

Иваном Львовым По русским рукописным данным: «со столом послан столник кн. Василий Львов» (в «Дворц. разр.», II, 407: Василий Петрович Львов).

Стр. 68

вышеупомянутого Михаила Кордеса см. стр. 20. *на... шестой день* Олеарий ошибся здесь в счете.

Мокрицы Мокрицы — деревня в Новгородской губернии, близ верховьев реки Луги. Верстах в 40 от нее, по направлению к Орлину, находится река Зверинка, впадающая в р. Ордеж; на берегу этой реки, вероятно, находилось Зверино, называемое у Олеария Tzweig. Орлино, иначе Спасское, находится близ озера Орлинского, к востоку от нынешней железной дорога, между станциями Дивенской и Сиверской. Заречье (Старое Заречье) — село в верховьях реки Ордеж (справа от реки). Олеарий не случайно называет именно эти селения. Почти все они имеются на карте Массы, где мы видим в верховьях Тосны (это неточно: Мокрицы значительно южнее р. Тосны): Mokrissa, к югу от верховьев Ordis fluvius — Orlinsko pogost, справа от верховьев Ordis fluv. — Saritz (у Олеария Saritzа)

Стр. 69

Коза Может быть, Козена, подл. Kosen.

Стр. 70

Таллеран В «Обзоре внешн. снош. России» Н. Н. Бантыша-Каменского (I, 109) говорится: «1632 г., окт. 8, гонец француз Гастон Дошарон приезжал с грамотою от английского короля к патриарху Филарету (от 20 янв. 1631 г.) просительную исходатайствовать у государя свободу венгерскому послу, уроженцу французскому, маркизу д'Асседвиллю, по оговорке служителя его Якова Русселя, содержавшемуся под стражею

в Костроме. О том же и тогда же просил и Оранский князь штатгальтер голландский».

Виргилия нужно: Вергилия.

Стр. 71

Бадарена иначе — Паддерна. Поддерн, Доблен и нек. другие местности на этом пути Олеария изображены в «Альбоме» Мейерберга.

Стр. 72

Касперу Шульцу и др. Олеарий называет современных ему географов Германии. Из них Цейлер — автор соч. «Itinerarium Germanifae», 1682.

Стр. 73

шаху персидскому Олеарий обыкновенно пишет Konig, «король»; во избежание недоразумений в переводе везде приняты наименования «шах», «шахский» и т. п.

Стр. 75

Корнилий Клаус Ниже он обыкновенно называется Клаусен (Clausen).

Стр. 76

Прощальное стихотворение Мы помещаем его, а также и некоторые другие сонеты и стихотворения Павла Флеминга, приводимые Олеарием, в переводе размером подлинника, чтобы дать читателю некоторое представление о тех поэтических прибавлениях, которыми автор снабдил свою книгу. Стих Флеминга — 6-стопный ямб с цезурой после 6-го слога.

Стр. 81

остров Готланд Нами опущена глава, заключающая описание его, как не имеющая никакого отношения к России. В главе этой (книга II, гл. 3) выказано очень много учености. Между прочим упоминается датская хроника Ганса Нильсона Стрелова (Hans Nielssons Strelow «Gottlandische Chronica»), где рассказано, что в XIV в. до Р. X. вооруженное население Готланда, Эзеля и Даго прошло по России до Танаиса или Дона, и, смешавшись там с гетами, образовало много племен, в том числе и готское. Олеарий как бы верит этим басням. Перечисляя в той же главе народы, съезжавшиеся в Висби на Готланде для торговли, Олеарий не забывает упомянуть и русских.

Стр. 82

нактоузка В подл. Nachthausgen, маленькие нактоузы — помещения компаса.

Стр. 84

Эльзенфосс Гельсингфорс ли это, остается под сомнением. На карте Балтийского моря у Олеария и Helsinga и Elsenvoss.

Стр. 92

стихотворение Переведено около половины стихотворения, приведенного Олеарием из сочинений Флеминга.

Стр. 93

в чем королям запрет В этом роде бояре во время совещаний говорили голштинским послам, ссылаясь одновременно на невыполнение условия:

«...И бояре говорили прямо: они говорят, что иным государем будет то в великое подивление, что их (т. е. голштинцев) пропустят ныне в Персиду даром без платежа. Окрестные государи Аглийской и Польской и иные государи просили того у царского величества, чтобы через московское государство пропустить хотя послов их или посланников или гонцов, не токмо что торговых людей пустили в Персиду, и оттого давали государю многую казну и царское величество им ход в Персиду не дал, а дал ход по государя их прошенью торговать их голштинским людем, а им было платить по уговору ефимки погодно безпереводно, и они не хотят по уговору ефимков платить, товаров своих в Ярославль не привезли, и просят ехать ныне в Персиду без платежа, а едут они не для посольских государственных каких дел, договариваться едут с персидским шахом о торговле, чтоб... голштинским торговым людем приехать в Персиду для торгового промыслу...» (Рукопись моск. главн. архива мин. ин. дел).

Стр. 103

преимущественно 5 округов следует исправить: «5 округов, а именно».

Стр. 105

Московит Иоанн IV.

закреплено... договорами В столбовском договоре говорится: «Тем же обычаем, что наперед сего великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича... подданные торговые люди имели вольный

торговый двор в Кольвани (т. е. Ревеле), тажж и ныне, по тязвинскому и выборгскому договору, его царского величества торговым людям дану быть двору доброму и месту к тому в Кольвани». Этот же договор давал русским право на свою церковь в Кольвани. «Полн. собр. зак.», I, 19.

Стр. 107

альдерменов или альдерманов, подлин. Old-erleute и Aeltermanneg, выборные старосты купечества.

В данное время т. е. по время посольства.

Стр. 110

1169 Очевидная ошибка исправлена цифрой, нами поставленною в прямых скобках.

Стр. 115

формула... клятвы В тексте у Олеария формула названа в изд. 1647 г. просто «ненемецкой», а в изд. 1656 г. и следующие; «латышской (lettisch) или ненемецкой». Формула написана чистым эстонским языком, хотя и не вполне исправно. В пятой строке текста в подлиннике: wannutan. Та же опечатка во всех изданиях. Нами исправлено: wannutan.

Selcke naht etc. Эта фраза совершенно правильно приведена по-эстонски.

Стр. 121

жестокой расправе Она представлена на рисунке (по изд. 1647 г.).

Стр. 122.

Медведи Рассказы о медведях иллюстрируются рисунком (по изд. 1656 г.).

Стр. 124.

Иовий автор известного сочинения о России.

долготе Словом Lange обозначались в XVII в. и долгота, и прямое восхождение. Место это для переводчика осталось неясным.

Стр. 126.

одолеи тиран Иван Вас. По-видимому, ошибка Олеария. Впрочем, Грозным называли и Ивана III.

Стр. 127

дворянин Яков В других местах в переводе напечатано: Иаков. Его фамилия Ульфельд; озаглавлена его книга: «Jacobi Nobilis Dani,

Hodoerogicon Ruthenicum», Francofurt, 1608.

Стр. 130

Никола Дербни иначе *Никола Дербеновского*.

Стр. 131

приставы Салманов и Чубаров.

Стр. 132

испанского вина по русскому рукописному списку «романеи».

различных медов В русском рукописном списке названы меды: обарный (выше всех), вишневый или малиновый, ковшечный, паточный, цеженный и «добрый» (последний сорт).

Стр. 133

Пропозиция В подл. Proposition, обычное название речи на аудиенции.

Стр. 135

Иерусалимскую церковь иначе Покровскую (Василий Блаженный). Описание этого шествия на осляти в «Выходах государей царей» и в «Дворцовых разрядах» не сохранилось.

Стр. 138

особую тайную аудиенцию В русских документах говорится, что 28 апреля Брюггеман заявил: «Арцух (герцог) мне милостиво приказал некоторые дела тайно объявить, — чтоб его царское величество обеима им доверному переводчику те дела велел у меня у одного слушать, как мне от его княжеской милости наказано». Аудиенция была 29 апреля на казенном дворе. Говорилось о задержке «и бояре послу говорили, что они сами себя держать и отпуском мотчают (т. е. медлят), что по своему договору казны ефимков в царского величества казну не платят, а, не заплатя им по своему договору ефимков, в Персиду отпустить немочно». Тут же посол Брюггеман подал письмо о желаний голландцев поселиться в Ижорской земле; здесь говорилось: «Ныне прямое время приходит, чтоб то велели говорити с свейскою коруною... деньгами, честью и дружбою без кровопролития можно назад поворотить что прежде сего к тому было и много тысячи людей, гинуло». Предполагалась какая-то денежная комбинация для возвращения

России Ижорской земли (Ингерманландии). По-видимому, Олеарий считает эти переговоры Брюггемана не основанными на инструкции, но в русских документах говорится, что Брюггеман представил выписку из наказа со словами: «Что именованный Отто Брюгман один станет делати, и Филиппу Крузиусу то любити».

купчина Это — обычное наименование персидских (как тогда говорили — кизылбашских) послов. Наурус или, по русским документам, Наврум-ага, также запрашивался русскими властями. К нему для этой цели, во время переговоров с голштинцами, посылался Прокофий Враской. О разговоре с ним купчины русские документы сообщают:

«И кизылбашский де купчина Наврум-ага ему Прокофью говорил, что в том волен царское величество, даст ли голстенскому князю голстенским его торговым людям для торговли ход через свое государство в Персиду или нет. А будет царское величество голстенским торговым людям ход в Персиду для торговли через свое государство даст и велит об них о торговле их отписать ко государю их, и государь де его, для царского величества братственные дружбы и любви, учнет их во всем беречь, а государя де он своего мысли не ведает, будет ли ему в том на царское величество в любовь или нет. А прибыли до государю его в торговле их, как они учнут ездить, никакие не будет, пошлин де никаких в персидском государстве, опричь Гилян [т. е. помимо провинции гилянской], с приезжих никаких торговых людей не емлют, а емлют де пошлины в одной Гиляни с проезжих людей, с товаров со всяких со ста рублей по два рубли, потому что в Гилянах у государя их пошлина откупная и тем ея откупщикам торговых людей и беречь велено, только де у которых торговых людей какие товары в котором городе либо покрадут или разобьют и те де товары правят по государя их указу на них».

Стр. 139

отправиться из Москвы в Персию Это было выражено не так любезно. Послы просились или в Персию или назад, и вот «пришел от царя бояре говорили послам, что они, царского величества бояре, с ними, послы, говорили и они, послы, с ними, и они те их речи до царского величества доносили и царскому величеству объявили и великому государю царю и его

царского величества бояром то в великое подивление, что они, послы, то делают своим упрямством; да только царское величество положил то на свой государской rassуд и, оказуючи свою государскую любовь ко государю их, Фридерiku князю, им, послом его, ход ныне в персидское государство дал».

Об этих солдатах и офицерах имеются следующие (рукописные) документы посольского приказа:

I. «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои капитаны: Гугор Краферт, Яганка Кит, Арцбадка Юнгер и саржанты и рядовые солдаты 19 человекъ. По твоему государеву указу взяты мы, холопи твои, из иноземского приказу в посольской приказ и велено нам для провожання и обереганья с голстенскими послы в Кизылбаскую землю ехать, а сказано нам, холопом твоим, твое царское жалованное слово, как будем назад к Москве и ты, государь, помилуешь нас, холопей своих, по-прежнему. А ныне мы, холопи твои, приехали из Кизылбаские земли к тебе, государю, к Москве. Милосердый государь царь и великий князь Михаиле Федорович всеа Русии, пожалуй нас холопей своих, вели, государь, имяна наши опять отослать из посольского приказу в иноземской приказ и вели, государь, нам свое царское жалованье корм давать против нашей братьи. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

На обороте помета: «147, генваря в 30 день подал полковник Александр Краферт. Указал государь отослать тех иноземцев в иноземской приказ».

II. «Перевод с росписи, что прислали в посольской приказ к диаком думному Федору Лихачеву, да Михаилу Матюшкину да Григорию Львову голстинские послы Филипус

Кризийос да Отто Брюггеман с приставы Федором Рагозиным да с подьячим с Иваном Протопоповым в нынешнем во 147 году генваря в 11 день.

Роспись тем людям, которых великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца и иных многих государств государя и обладателя, его царского величества, в великом царстве и земле пресветлейшаго и высокорожденного князя и государя Фредрика, наследника норвецкаго, арцуха шлезвицкаго, голстенскаго и иных, его княжеской мило-

сти, думные и послы Филипус Крузиус да От Брюггеман в прошлом 1686 году наняли на свой ход в Персиду, которой ход Божию помощью ныне вершился и где те люди давались. Солдаты: Гуго Крафорт капитан опять здесь на Москве, Яган Кит опять здесь на Москве, Эртвад Юнгер капитан опять здесь на Москве, Видим Бурлей, сержант, опять здесь на Москве, Александр Эйкенгур, сержант, опять здесь на Москве, Юрьи Фарьисон, сержант, опять здесь на Москве, Андрей Моррей, сержант, убит в Испагане, Даниель Глон, сержант, опять здесь на Москве. Ричерт Майсон, Давыд Лондес, Яган Кит, Михель Зибрис, Лоренц Рим, Томас Стоклом, Грилис Томсон, Якуб Якобсон, Вильгельм Моррей, Петр Смок, Индрик Доль, Юрьи Ватсон, Конрат Янсон, сии все еще живы и ныне здесь на Москве. Вильгельмс Гривес умер в Испагане, Шарль Стокс убит в Испагане, Андрес Тот убит в Испагане, Вильгельм Гой в Таркове у Суркай-хана украден, Тобияс Гансон на Оке утонул, Карл Олофон убит в Испагане.

А те все, которые живы ныне опять в его царского величества в царствующем в великом граде Москве в лицах заплачены и отпущены.

Стр. 140

Русские люди: «Семен Кирилов сын Уланов опять здесь на Москве. Иван Степанов сын в Персиде в Касхане, туды едучи умер, Филип Юрьев сын опять с нами к Москве приехал, Ларион Офанасьев сын назад едучи в Астрахани отпущен и заплачен, Влас Сергиев сын назад едучи в Астрахани отпущен и заплачен, а из Нижнего опять к нам пристал и с нами к Москве приехал, Иван Еремеев да Остафей да Григорей да Иван Садко, сии четыре человека в Низовой, туды едучи, по их прошенью отпущены и заплачены и назад на Русь поехали».

польские послы «Пришли к Москве польского и литовского короля Владислава посланники Януш Оборской да Ян Куновской» («Дворц. разр.» II, 511).

Стр. 141

русский паспорт Подлинной подорожной нам не удалось найти.

Стр. 142

Печать царя Михаила, изображенная (по изд. 1647 г.) на этой странице, в подлиннике помещена между концом подорожной и подписями.

Стр. 143

Володимером Мономахом.

Стр. 144

Данилов Михайлович В подл, Danilow Michailowitz вместо Иван Данилович.

Стр. 146

у Белой стены точнее по тексту «в Белой стене».

Стр. 149

Ганс Фадькен иначе Фальк.

Стр. 151

На карте (по изд. 1656 г.) представлено Белое море с Пудожемским и Соловецким островами. Названия на карте: Graue huck — Серый мыс, Wachthaus — сторожка, S.-Nicolaus Tieffe — Свято-Николаевский фарватер, Neue Tieffe — Новый фарватер, Fischer-Insul — Рыбачий остров, Lotzenhause — лоцманский домик св. Николая, Viriv nach Kolmogor — речка к Холмогорам.

Стр. 152

Кузова Cosowa, в переводе П. Барсова — Косого. На нынешних картах показан остров Кузова. О. М. Бодянский полагает, что нужно читать «остров Косого» и понимать под ним нынешний Заячий остров.

нынешнем 1664 г. Слово «нынешнем» написано для издания 1656 г., но сохранено в последующих.

Стр. 159

Вейгат Вайгач.

Стр. 165

В переводе целиком опущена книги III глава 4 с описанием быта гренландцев, о которых Олеарий вспоминает по поводу самоедов. Фр. Ратцель в своей биографии Олеария придает этой главе большое историко-географическое значение. России она совершенно не касается.

Стр. 165

каттуна бумажной материи.

Стр. 166

нынешний патриарх Никон.

Стр. 169

Черкасскому Про этого боярина в изд. 1647 г.

Олеарий говорит, что он очень любил «инострannую историю и велел перевести для себя Юста Липсия «Политику».

Стр. 173

год тому назад vom Jahre в подлиннике во всех изданиях с 1656 г. Слова: «дядя» и «свойственный» (т. е. свояку) встречаются во многих сохранившихся обращениях голштинского герцога к царю (в русских переводах грамот XVII в.).

Стр. 174

спор о значении После этого в подлиннике: Bledinsin, Sukkinsin, butzfui matir.

на языке После этого в подлиннике: bledinsin, sukkinsin, sabak, butzfui mat jabona mat.

in os ipsius Виздю 1647 г. по-немецки: «Ich schende dirs in deine Augen, in deine Mund».

Стр. 175

де-Грэна или де-Грона, как он именуется ниже.

Стр. 177

Иаков Ульфельд

безнравственными речами В изд. 1647 г. речи предполагаются не немецкие, а русские; приведено их начало: «Druske potzudi, dobro etc» («Дружки, почудите, т. е. поглядите, добро» и т. д.).

Стр. 178

обычным их После этого в подлиннике: ja butfui Matir (изд. 1647 г.).

Стр. 180

кофент В подл. Kofend, вернее Koventbier (по словарю Sanders'a от conventus - фр. couvent), название в Германии легкого монастырского пива, получаемого от разбавки водою осадков в пивных чанах.

патриарха По времени судя, это был Иоасаф.

Стр. 186

Пяецкий Его книга напечатана в Кракове в 1648 г.

Стр. 189

Шляховским В подл.: von Sclackow.

Стр. 190

Фальк Выше он назван Фалькен.

Стр. 197

На рисунке представлено венчание, как его представлял себе Олеарий, сам, как лютеранин, не могший видеть ни внутренней обстановки церкви, ни обрядов, в ней совершаемых.

Стр. 201

В прямых скобках вставлены исправления очевидных исторических погрешностей Олеария.

Стр. 202

как видно и т. д. Цитируются «Бытие», XXXVII, 25, и Иеремиа, LI, 8.

Стр. 204

«Саду роз» «Гюлистане».

умерший 97 лет в подлиннике прибавлено: vom Jahre — год тому назад (в издании 1656 г., составлявшемся в 1654—1665 г.)

10 лет тому назад Это определение во всех изданиях с 1656 по 1696 г.

Микляев Так он называется в русских документах. В подлин.: Miclaff.

Стр. 206

у Баркляя У Олеария в разных местах цитируется Barclai «Icon animorum» и его же «Argtnis».

Стр. 207

Надписи на рисунке читаются:

Полушки:

Государь, Государь.

Денежки:

Князь великий Иван. Magni Ducis Joannis.

Монета тирана Ивана Васильевича.

Копейки:

Царь и великий князь Дмитрий Иванович-Растрига [sic!].

Moneta falsi Demetrij

Царь и великий князь Михаил

Феодорович вся России. Москва

Moneta Michael Fedrowitz.

Царь и великий князь Алексей

Михайлович вся России.

Moneta moderni Imperatoris Russiae. (т. е. монета современного императора русского).

Стр. 209—218

В главе 11 книги III дается история событий с 1584 по 1613 г. Очевидные неточности (напр., неправильно показанные годы правления Иоанна Грозного, а также иные

хронологические даты) в некоторых из рассказов легко будут усмотрены читателем и помимо наших указаний. Несмотря на неточности, в рассказах много исторически ценного. Основую рассказов Олеария, как указано О. М. Бодянским, послужила хроника Петрея.

Стр. 215

Иваном Ржевским В тексте подлинника — Kesefski, очевидная опечатка вместо Resefski или Rsefski. П. Барсов переводит: Косовский — такого деятеля в смуту не было. В «Летописи Московской» (Бера) Ив. Резецкий. Вполне очевидно, что речь идет об Иване Ржевском, о котором см. у С. Ф. Платонова «Очерки по истории смуты».

Стр. 217

пропажу большого единорога Ср. в Введенни, переписку по поводу «единорогова рога».

Стр. 221

Ермоличу В изданных русских актах он именуется Ермолиным.

Стр. 227

великолепная одежда знаменитые бармы. *Димитрий Мономах* Такого князя не было.

Стр. 230

шесть тонн В подлинн.: Tonne, что обозначает 100 000 рублей золота.

Стр. 231

«Государю кушанья» В подл.: Gosudar Kuschinung.

Стр. 235

приносил подарков После этих слов в подлиннике В. Я. М.

Стр. 245

Алмаз Иванович Алмаз Иванов, выдающийся думный дьяк, долго служивший в посольском приказе.

Стр. 260

В алфавите пропущена буква ь (ерь). Алфавит из изд. 1647 г.

Стр. 262

На рисунке (из изд. 1647 г.) изображено крещение, как его себе представлял Олеарий.

Стр. 264

цинковой окиси В подл.: Nichte.

Стр. 265

Пьер-де-Ремон Потомство его упоминается в русских документах под именем дворян Деремонтовых. Иван Деремонт упоминается под 1628 годом в числе дворян в «Дворцовых разрядах».

Стр. 267

Вятку В подлиннике: Siwatka; может быть, имелся в виду и Свиажск. Впрочем, по воеводским спискам де-Ремонт ни тут, ни там, ни вообще где-либо не был воеводою.

Стр. 278

Каменный монастырь Спасокаменный монастырь не на Волге, а на Кубенском озере. *вонзил ему нож* Св. Филипп был задушен, а не зарезан.

Нынешний патриарх Никон. Он был в 1651 г. митрополитом новгородским.

Михаила Левонтьевича Рассказ о доставке мошей в Москву и о лицах, для этой цели отряженных, весьма неточен. Погиб из членов посольства дьяк Гавриила Леонтьев.

ростовский и ярославский митрополит... *Варлаам* Варлаам ум. 9 июля 1652 г. В этот же день доставлены в Москву мощи св. Филиппа.

Олеарий, вообще допускавший веру в сверхъестественное, относился, как видно из текста, весьма недоверчиво к чудесам русских святых.

скончался в 1563 г. Это грубая ошибка. О. М. Бодянский предполагает здесь опisku, вместо 1393.

Стр. 280

Варлама Хутынского Св. Варлаам ум. 6 ноября 1193 г. Он первый игумен Спасо-Варлаамиева Хутынского монастыря.

Стр. 281

Цэлий Rodiginis нужно исправить Rodiginus. Его книга «Lectiones antiquae», fol, 1550. *нынешний патриарх* Никон.

Стр. 284

вельможе Никите Романову.

Стр. 283

бывшего лишь игуменом Это Иосиф, хиротонисанный 27 марта 1642 г. из архимандритов Симоновских.

Стр. 284

митрополитом ростовским и ярославским Таковым Никон не был; он был из архимандритов новоспасских хиротонисан в 1643 г. в митрополиты новгородские, а затем в 1652 г. в патриархи.

коломенский и каширский В переводе П. Барсова неправильно: «коломенский и касимовский».

Стр. 285

послания русского митрополита Иоанна О. М. Бодянский в примечании к переводу П. Барсова указывает, что этот митрополит — Иоанн II (XI века), а папа — Климент III (антипапа). Митрополит был грек и писал послание по-гречески. Славянский текст данного места таков: «Третья вина ваша о браце иерейстем есть, яко и гнушаетея от рук таковых причащатися. Послушай же ныне, что о сей главизне глаголет святыи благочестивый собор иже в Гангре. Пишет же ныне в правиле таковое: иже уничижает презвитера, по закону жене причтено, и глаголет, яко же подобает, служашу ему, от того причащений не примати, да проклят будет».

Стр. 287

Este mihi латинское название последнего воскресенья перед постом, по началу католической обедни с Псалма LXXI, 3.

Concilia magna Здесь опечатка; нужно: *Concilia magna*.

Стр. 290

«кутьею» Олеарий здесь, очевидно, напутал.

Стр. 294

мертвецу паспорт У Олеария ясно сказано «паспорт» (Pass), и такое название этой грамоты было обычно у иностранцев (ср. «Посольство фон Кленка», 1900, стр. 437). П. Барсов переводит: «разрешительную молитву».

Стр. 296

лет 20 тому назад Так сказано во всех изданиях, начиная с издания 1656 г.

Стр. 297

в виде брани: «Немчин и т. д. Подл.: «Nimzin trisna chui, du Teutscher, packe dich auff etc.» У Даля в словаре говорится о поговорке «Фрыга [то же, что иностранец, немчин,

шиш на Кокуй», причем Кокуй является обычным, неизвестного происхождения, названием места, а «шиш» обозначает приблизительно то же, что и «цыц». Тз у Олеария обыкновенно обозначает ч.

Стр. 288

Авербахом в разных изданиях Averbach и Awerbach; можно передать и через «Ауэрбах».

Стр. 299

... *Так как греки* Нами пропущено длинное церковно-историческое отступление у Олеария. Здесь излагается, по доступным Олеарию церковно-историческим актам и трудам канонистов, происхождение греко-римской церковной распри. Факты приводятся со времен апостольских вплоть до XV в. Это ученое исследование Олеария почти не касается непосредственно России (упомянута здесь, впрочем, роль митрополита Исидора на Флорентийском соборе) и не имеет самостоятельной ценности. Поэтому оно в переводе опущено.

Стр. 300

по имени Максимиана Имеется в виду известный Максим Грек.

греческим купцом Марком Пропущено перед этими словами: «неким» (подлин.: «*einem griechischen Kauffmann*»).

прекрасные мысли В переводе уделено место этому идиллическому восхвалению русских поселян XVII в. в противовес грубым, непристойным стихам неизвестного. Заметим кстати, что, кроме П. Флеминга и самого Олеария, из членов свиты писали стихи посол Ф. Крузиус, Г. Граман и Имгофф, поместившие стихи при предисловии к изданию 1647 г.

Стр. 302

30 июня Так совершенно верно указано в издании 1647 г. В других изданиях неправильно — 16 июня.

Родион Матвеевич Горбатов.

Марчук теперь обыкновенно именуется Морчугами, в документах XVII в. в форме, нами приведенной. За очень немногими исключениями нам удалось найти на новейших картах почти все упоминаемые у Олеария названия. Пособиями для нас служили: 2-верстная карта Московской губ., 10-верстная карта Европейской России, карта Оки и части течения Волги в атласе «Волга» В. Рагозина, карта течения Оки и Волги в

«Спутнике по реке Волге и ее притокам Каме и Оке», год IV (Саратов, на 1904 г.), книга Н. А. Богуславского, «Волга, как путь сообщения» (1887), поверстные описания Волги и др. книги и карты.

Бобренева Бобренев монастырь, всего в одной версте от Коломны; поэтому возможно, что Porsenis не самый монастырь, а одна из принадлежащих ему деревень; ныне названий подходящих на реке нет. В издании 1647 г. сказано «bey dem Dorffe Porsenis», в изданиях с 1656 г. «bey dem Dorffe und Kloster Porse-nis».

Стр. 303

будто бы учрежденный св. Сергием Божоявленский Голутвин — Старый монастырь основан в 1386 г., по просьбе вел. князя Дмитрия Донского, преп. Сергием Радонежским.

Стр. 304

Габилоской подл. Gabiloska. На нынешних картах этой деревни нет; другие местности, указанные на этой и предыдущих страницах, все могут быть отождествлены с новыми.

Рес-Кичи В подл.: Res Kitzi.

Стр. 306

Русбонор В подл.: Rusbonor. На нынешних картах ничего сходного нет. Это, по Олеарию, — Heide «сухая степная местность», а никак не «бор, сосняк», как переводит П. Барсов. Другие названия, упоминаемые на этой странице, большею частью, могут быть найдены на картах.

Чухтского В подл.: Zuchtsko Ostrow. На нынешних картах мы не нашли схожего названия.

Стр. 308

Павлово В тексте Prewospalo (в изд. 1647 г.: Prewos Palo); возможно, что это значит «Перевоз Павлов».

Владимира В подл.: Wladimer, Володимира, нынешнего Владимира-губернского.

корабль «Friedrish» Помешаем его изображение как оно дано на рисунке Нижнего Новгорода в издании 1647 г. В позднейших изданиях этот рисунок заменен тем, который мы поместили на особом листе.

сидел лишь 7 фут Н. А. Богуславский («Волга, как путь сообщения», 1887, стр. 48) говорит: «Корабль посольства не имел большого груза и проходил ниже Астрахани мели в четыре фута, как о том говорит сам Олеарий;

кроме того, так как мера осадки суден всегда на Волге велась на четверти, то вероятнее всего, что корабль этот в 120 фут — такой длины, какую имеет нынешняя малая барженка, сидел не 7 фут, а 7 четвертей».

Стр. 310

По поводу составленной Олеарием карты Волги Н. А. Богуславский, в книге «Волга, как путь сообщения» (Спб., 1887, стр. 100), пишет: «Если считать карту Олеария за верную, то сравнение ее с теперешними картами Волги должно привести к заключению, что Волга за 200 лет до нас имела совершенно другое направление. Но всякий, кто знает, что такое съемка по компасу, конечно, такого заключения не сделает».

изгибы, углы Winkel, Ecken. Можно привести: «заливы, мысы».

Стр. 311

именье Грамотина В подл.: Grammatins Gute (в издании 1647 г. первое слово, как собственное, латинскими, второе — готическими буквами). Грамотин — известный дяк, упоминаемый выше.

Стр. 312

Телятинского, Собщинским Собщинский затон, Собщинские луга и Телячий брод, судя по карте при атласе Рагозина, довольно далеко влево от нынешнего судоходного русла Волги. Возможно, что Волга в данном месте отступила вправо.

Из перечисленных на этой странице местностей все, кроме Стобы и Спаса-Белки, находятся и на современных нам картах.

400–600 ластов Н. А. Богуславский говорит: «Ласт — 120 пудов. Следовательно, нагрузка судов того времени не была более 60 тыс. пудов».

Стр. 314

«лугового сена» подл.: Lugowi Zenne.

Немдою По словам того же автора, святых черемис, камень керемета Чембулата, находится на реке Немде, притоке Пижмы, впадающей в Вятку. Реки Шокшем здесь нет, но имеются три селения этого названия.

Стр. 315

По поводу рисунка (у нас из изд. 1647 г.) на этой странице С. К. Кузнецов пишет в статье «Поездка к древней черемисской святыне» («Этнографич. Обзорение» 1906 г.,

стр. 133—134): «Гравюра эта в высшей степени любопытна; она дает много верного, но и значительно грешит против истины в некоторых деталях. Является вопрос: исполнен ли рисунок с натуры или только по рассказам? Мне кажется — только на основании словесного описания, сделанного тем черемисином, который доставил Олеарию в Казани все сведения о своем племени. Поразительно, что вся жертвенная обстановка и характер реки Немды переданы превосходно. Одно странно, что костюмы черемис, которых Олеарий видел близ устья р. Ветлуги в большом количестве и неоднократно встречал потом, проезжая по р. Волге до Казани, переданы весьма неправдоподобно. Особенно режут глаза эти ботинки, пригодные разве для тогдашней европейской шеголихи». Автор статьи в черемисине с остроконечной шапкою видит жреца, а на заднем плане отмечает действительно употребительное у черемис вешание полотенец на деревья.

Стр. 318

Юнгского монастыря у речки Юнга. Тут же теперь села Спас-Юнга и Покровское (иначе Юнга).

Туричьего Туричий перекат, а за ним остров Туричий — в 10—15 верстах ниже Козмодемьянска.

Стр. 319

Казину остров Казин (карта в атласе Рагозина).

Сундырь у речки Сундырь.

Кокшае теперь — Кокшайск.

двух кабаков теперь д. Кабачищи, 337 в. от Нижнего.

деревни Вязовки с. Вязовья, в 340 в. от Нижнего, и о. Вязовский у Кабачишенского переката.

Свияжск, расположенный по левую руку Свияжск на левом берегу Свияги, но справа от Волги.

Стр. 320

по имени Мусал Он назван в русских документах Музал.

великий князь Василий Иванович Олеарий довольно подробно и в общем верно, излагает русско-казанские отношения при Василии III. Магмет-гирея он последовательно именуется Менгли-гиреем.

Стр. 322

Ивану Ковару Kowag очевидная описка у Олеария, вм. Chabar. Речь идет об окольном Хабаре-Симском.

Стр. 324

деревню Ключищи с. Ключищи, 385 в. от Н.-Новгорода. Мель за нею — Матюшинский перекат.

Стр. 325

кабака Теньковского с. Теньки, 412 в. от Н.-Новгорода. Мели, упоминаемые здесь, это по нынешним названиям, по-видимому, расположенные ниже Теньков перекаты Буртасовский, Красновидовский и Антоновский. У самых Теньков Шеланговские перекаты (6 четвертей). Название «мель Теньковская» имеется в «Судоходном дорожнике», где говорится, что в межень эта мель занимает 800 сажень, Красновидовская же — 600 сажень.

как Везер Кама значительно больше реки Везер; длина Везера с Верро — 720 км, Камы — 1797 км.

два возвышения В подлиннике Holme, что может обозначать и острова. На картах у устья обозначены теперь о-в Грязнуха, а против Старой Камы — Светлая коса и Теплый; последний самый большой из трех.

Поганицина на новых картах не показана.

Каратаи — с. Каратаево, 450 в. от Н.-Новгорода.

Киреевская с. Киреевское по «Судоходному дорожнику». На картах с. Кирельское.

Чертыг р. Чертыг или Чертык. Указана на 10-верстной карте.

Стр. 329

Тетюши — г. Тетюши, Казанской губ.

Пролей-Каша теперь название деревни на нагорном берегу. Поблизости остров Богородицкий (севернее) и Сергиевский реву (южнее).

воевода теркский В списках воевод А. П. Барсукова показан до 1686 г. стольник Михайло Петрович Пронской, а с 1636 г. кн. Василий Григорьевич Ромодановский.

реки Утке Незначительная река, впадающая в Волгу.

города Булгара Это, вероятно, нын. с. Успенское (Болгары), в 6 верстах от Волги.

Унеровская гора От Тетюш в 65 в. по реке находится с. Ундоры, с Ундорскими горами близ него.

Стр. 330

острову Ботемскому В этом месте теперь о. Часовенный, против которого д. (с пристанью) Поливной Враг. Река Ботьма на 10-верстной карте не показана; зато указана деревня Ботьма в немногих верстах влево от реки.

Симбирская гора Города Симбирска Олеарий не мог видеть, так как он заложен лишь в 1648 г.

Арбухим На современных картах нет похожего названия.

Так как надписей Олеарий сам не видел, то начертание их у него и не соответствует тому, что предполагается в контексте. Нужно бы ожидать в первой:

Буде ты мя подымеши, добро тебе будет;
а во второй:

Чего ищещи, ничего не положено.

Стр. 329

Реки Атробы подл. Atrobe.

часто усаживались на мели По мнению Н. А. Богуславского, речь идет о Климовском перекате.

Бригмана В подл.: Brighmann вместо Bruggemann.

вновь вливается в Волгу Уса близко подходит к берегам Волги на юге луки, но впадает в нее лишь на севере.

Стр. 330

Девичья гора На нын. картах Девушкина гора, при впадении р. Усы.

Стр. 332

Царев курган Таково нынешнее название; в подл.: Sargol kurgan,

Соковская Таково нынешнее название; в подл.: Soccobei.

Стр. 333

Сын-Самары На нынешних картах этого названия мы не встретили.

река Аскула О. М. Бодянский предполагает ее близ нынешнего села Аскулы.

гора Печерская Он же предполагает эту гору у с. Печерского-Николаевского.

остров Батрак ныне станция Батраки близ железнодорожного моста через Волгу.

река Сызрань ныне речка Сызранка.

сочинен был Павлом Флемингом.

Стр. 334

реки Паньцины На нынешних картах есть

большой остров Паньшинский и с правой стороны (вниз) у него Паньшинская воложка.

островом Сагеринским На нынешних картах мы этого названия не нашли. Названия Чагра, Сосновый, Осиновый и Колтов, встречающиеся на этой и след. страницах, имеются на нынешних картах. Счет верст, однако, не сходится с нынешним. Например, Колтов (Колтовский) остров в 90, а не в 50 верстах от Саратова по фарватеру.

Шисмамаго В подлин. Schismamago; на карте Олеария: Schichtamago. Это название невозможно отождествить с каким-либо из современных.

Стр. 335

Сорок островов прил. от Баронска до Саратова.

300 ластов Ласт — 120 пудов.

монастырю Троицкому т.е. Троицко-Сергиевскому.

Криушой Криуша — название островов и т. п. очень частое на Волге.

Ахматовской горе В 1300—1315 верстах от Нижнего село Ахмат и Ахматовский остров.

Стр. 336

Горы, упоминаемые здесь, как и выше, — отдельные части Средневолжской возвышенности.

Еруслан В подлин.: Ruslane.

Ураков бугор Так на нынешних картах; в подл.: Urakoffskarul.

вытекает из Иловли Иловлю и Камышинку предполагал соединить Петр I; бифуркация, может быть, существовала в половодье.

Стр. 338

в особом сонете В сонете заключается лишь обращение к Эолу, Нептуну, Юпитеру и другим божествам, ссорой которых Флеминг объясняет внезапные перемены в погоде.

Стр. 339

Царевым городом Он расположен на развалинах Сарая, столицы Золотой орды.

Стр. 341

чиберика По догадке О. М. Бодянского, может быть, чабань.

Поповицкою Юркою Ныне Поповицкое. Название «Юрка» теперь отсутствует на картах. Почти все дальнейшие названия находятся на нынешних картах.

Осинового В подлин.: Ossino. «Осинового острова» теперь нет, но есть «Сенной».

Стр. 342

островами Кизяр В подл.: Inseln Kisiar На новейших картах их нет.

Стр. 343

Пирушки В подл.: Piruski.

Митюшка Ср. нынеш. название Митина на 10-верстной карте низовьев Волги.

Ичибурский На соврем. картах его нет.

Стр. 343

Болчука В подл.: Baltzik

Матвей из Мехова польский историк, вошедший в «Historie Ruthenica scriptores exteri» (СПб., 1841).

Стр. 345

Яком Уралом.

Стр. 346

соляные россыпи После этих слов опущена ссылка на часть книги Олеария, касающуюся Персии.

перешла в Утопию т. е. оказалась выдуманной.

Стр. 347

1 августа 1554 г. Вернее: 2 июля 1554 г.

двух воевод Бывало в Астрахани и по трое воевод: напр., с 1636 по 1637 г. окольный Федор Васильевич Вольтский, Иван Никифорович Давыдов и Илья Иванович Зубов («Списки городовых воевод» А. П. Барсукова).

Стр. 348

половцами Этимология эта очень сомнительного достоинства.

Стр. 349

у персов Опущена ссылка на часть книги, касающаяся Персии.

Стр. 352

Наурус В русских документах Наврум-ага.

Стр. 356

фунтовую... кожу В подл.: Pfundleder. Обозначение более тяжелой кожи.

Стр. 357

человек, встреченный... По-видимому, Рейсер.

Перул На современных картах он нами не найден.

Стр. 361

нашей... карты Часть составленной Олеарием карты Персии, изображающая Каспийское море, помещена в нашем издании.

Стр. 362

Сухатер Его на нынешн. картах нет.

Стр. 366

Тис сокращ. Маттис, т. е. Матвей.

Стр. 369

Джецени На карте Tzezeni, в тексте Tzent-seni нынешняя Чечень.

Стр. 377

Бохарт Vochartus, латиниз. фамилия франц. богослова Бошара.

Фогармы См. книгу Бытия, гл. X, ст. 3.

Nubiensis Нубийский, мусульманский анонимный географ.

Стр. 379

Хварезм Хива.

Стр. 380

Кизиль-Узень В подл.: Kisel-Oisen.

Емба В подл.: Jems

Окс Аму-Дарья.

Орксант Сыр-Дарья.

Стр. 383

Дженци Иначе — Джецени (Чечень).

Мингишлак нынешний Мангышлак.

Стр. 390

еврейские буквы Олеарий знал древнееврейский язык, но смысл начертанных букв остался для него неясным. Четыре своеобразных знака, может быть, не имеют характера письмен.

Стр. 393

Главы 18 и 19 IV книги нами не переведены. 18 глава рассказывает о въезде в Шемаху и приеме посольства местными персидскими властями. Присутствовал при приеме русский посланник Алексей Савинович Романчуков. Среди персидских войск находился отряд пехоты в 2 000 чел., по словам Олеария, большею частью из армянских христиан. Здесь же рассказывается

о великолепном угощении у хана, об иллюминации Шемахи и т. п. 19 глава излагает, как посольство 3 месяца оставалось в Шемахе. Среди разных эпизодов, рассказанных в этой главе, следует отметить описание водосвятия у армян. Богослужение армян Олеарий нашел сходным с католическим, а само водосвятие — с русским однородным обрядом. Во время торжества русский посланник сидел по левую, а голштинские послы по правую руку шемахинского хана. За присутствие и за охрану водосвятия армянская церковь ежегодно платила хану 1 000 талеров, но, тем не менее, праздник проходил не без надругательств со стороны мусульман. Армянский епископ просил послов похлопотать за него у хана, чтобы добиться постройки армянского монастыря в городе; соответствующая просьба послов, действительно, была уважена. Армяне за эту услугу обещали записать имена послов в вечное поминанье. Посланник Романчуков, недовольный приемом у хана, выехал из Шемахи раньше голштинцев. Олеарий в Шемахе посетил мусульманское медресе и мечеть. Встреченный им здесь мусульманский астроном сообщил ему долготы и широты почти всех мест Азии и частичные карты; Олеарий, по проверке их своими наблюдениями, нашел большинство из них совершенно правильными. В марте послов посетил в Шемахе католический монах Ambrosius dos Anios, португалец по рождению, бывший приором августинского монастыря в Тифлисе. Он говорил, кроме родного и латинского языков, еще на грузинском, турецком и персидском. Он помог Олеарию в занятиях этими языками и рассказывал о виденных им странах. Здесь же рассказывается следующий эпизод о переводчике: «Был некий персидский раб, по имени Фаррух, по рождению русский, но в молодости похищенный, проданный в Персию и обреченный. Так как он часто беседовал с нашими людьми, с которыми мог говорить по-русски, то он вечером 20 марта 1637 года явился и предупредил послов, чтобы они не очень полагались на нашего персидского переводчика Рустама. Последний, по его словам, писал своим друзьям в Испагань и сообщал им следующее: «Хотя он и пробыл довольно долгое время у немцев, язычников, тем не менее он вовсе не отступил, как они воображают, от магометанской религии, но твердо ее держится; по возвращении он это

достаточно докажет». Рустама этого обыкновенно называли Сергием; он был перс по рождению и несколько лет тому назад ездил с шахским персидским послом в Англию. Когда здесь господин его стал сурово с ним обращаться, он бежал, направился к англичанам, крестился у них и пробыл здесь несколько лет. В наше время он жил у своего восприемника, английского резидента в Москве. Когда он узнал, что мы направляемся в Персию, он разными средствами и мольбами добивался участия в поездке в Персию, говоря, что намерен получить свое наследство от отца и начать торговлю в Москве. Наконец, после усиленных уверений, что он вернется с нами обратно, он нами был охотно принят, так как обещал верно служить, и был назначен переводчиком. По прибытии в Ардебиль мы начали замечать, что Фаррух говорил правду, так как Рустам направился к месту погребения их великого святого Ших-Сефи, делал земные поклоны и молился, выказывая себя истинным мусульманином, что и просил явно засвидетельствовать. Когда в Испагани мы его задержали под арестом, он бежал в убежище Аллакапи, земно со слезами кланялся шаху и главе их религии, сетеру, принят был под их защиту и остался в Персии».

Аббас Великий, правил с 1586 по 1628 г.

Стр. 395

Эрвани В подл.: Ervan.

Джон Карп्राйт В подл.: Kartright. Заглавия его сочинения Олеарий не приводит.

Кюлустан Так и теперь называются развалины крепости у Шемахи.

Стр. 396

Амелек-Канны Во второй раз Олеарий почему-то называет ее уже не Amelek-Kanna, а Melek-Kanna.

Стр. 406

Беджируан tz у Олеария мы передаем в персидских и др. восточных названиях обыкновенно через дж.

Стр. 402

Ших Сахадан Это добавление, показанное в скобках, взято из гл. 3 кн. V подлинника.

Стр. 403

Георг Дектандер В подл.: Georg Dectander.

Стр. 404

во времена второй монархии т. е. персидской. В подлиннике в главе 6 кн. VI рассказано, как Брюггеман, рассерженный персидским солдатом-поселенцем, не только велел разорить весь его дом, но и самого солдата засек до смерти. Это событие представлено в подлиннике на рисунке, который мы сочли за излишнее воспроизводить.

Стр. 409

Опущена опять глава с описанием пребывания в Шемахе. Из ее содержания стоит лишь отметить следующие факты: 1 марта посланник Романчуков праздновал банкетом день рождения великой княгини, т. е. царицы Евдокии Лукьяновны. 22 марта в армянской церкви в Великий четверг происходило омовение священником правых ног мужчинам и правых рук женщинам. 26 марта армяне одновременно праздновали Новый год и Пасху. К неудовольствию Романчукова, хан в этот день, устроив банкет, приказал армянам содействовать торжественности его, вынося из церквей к ханской палатке хоругви, иконы и крест.

Стр. 410

курды... в Курдистане Замечание правильное.

Стр. 411

С к Ю В подл.: N nach W вместо N nach S. *Иосиф Барбар*, венецианский посол в Персии в конце XV в.

Стр. 412

с *индийцами* О столкновении посольской свиты с индусами в Испагани рассказано в подлиннике в 87 главе IV книги.

Фезули В подл.: Fesuli.

Стр. 413

зилхадже Silhatzae по кн. V, гл. 29: Dsilhatza, 12-й месяц по арабско-персидскому календарю.

Стр. 416

Иорнад Iornandes, в новейших изданиях Iordanes, историк времен переселения народов.

Родерик Толедский цитируется Rodericus Toletanus «De rebus Hispania» Francoforti, 1579.

Стр. 417

Гороний Бекан Goropii Becani «Indoscyth-

ia» цитируется Олеарием и в примечаниях к изданному им сочинению Мандельсло.

Стр. 418

Lumen В изд. 1656 г. и след. годов: «Schemchal (oder Lumen) wie es in ihrer Sprache heisst». В издании 1647 г. последние слова взяты также в скобку после Lumen. Неясно, что Олеарий хотел сказать: татарское ли это слово Lumen, или латинское Lumen «светоч, светило» — перевод татарского «шемхал».

вагенбург лагерь, забаррикадированный телегами.

Стр. 419

Шенеберг Во 2 главе книги VI рассказывается: «9 января 1638 мы встретили в 3 милях от предыдущей стоянки у старого караван-сарая Хиджиб польского посла Феофила фон-Шенеберга (по происхождению немецкого дворянина), старого величавого человека, с 25 лицами. С добрый час мы с ним беседовали по-латыни. Он не хотел подать виду, что понимает по-немецки, как лишь при прощании. Он рассказал, что свита его в начале состояла из 200 человек, но так как великий князь не мог пропустить его с таким количеством людей, то ему пришлось целых 6 месяцев простоять в Смоленске, а затем отослать людей, за исключением немногих. Он доставил письмо от армянского архиепископа, нами встреченного в Астрахани, и сообщил, что в Астрахань прибыло много для нас провизии и о нас сильно стосковались».

Стр. 421

бархента В подл.: Parchenweber вместо Barchentweber.

Стр. 422

несколько тонн Tonne — немецкое старинное обозначение 100 000.

Стр. 422

некоторым причинам по-видимому, намек на нежелание Брюггемана.

Стр. 423

дараи В подл.: Darai.

Стр. 429

одним из начальников Брюггеманом.

Стр. 430

галок В подл.: Thalen, то же, что Dohlen. *полевых мышей* сусликов.

Стр. 431

песню Песня чисто личного характера и с исторической точки зрения не представляет ценности. Поэтому она здесь опущена.

Стр. 440

Долгого Название острова, на котором расположена Астрахань.

умер Романчуковым по пути не особенно были довольны и сами послы. Об этом имеется следующий рукописный документ посольского приказа:

«Перевод с росписи с немецкого письма, что прислали в посольской приказ голстенские послы с голстенским агентом с Балтазаром Демушароном нынешнего 147 году февраля в 3 день.

Роспись, что Олексию Романчукову от княжеских голстенских послов дошло: в Казбине 2 тюмени, в Реште 2 тюмени, в Шамахе 12 тюменей, в Койзае за перевоз пол-2 ж тюмени. И всего 19 тюменей, а русскими деньгами доведетца 158 рублей.

Да по его прошенью в Шамахе ему делана золотая табашная трубка да золотой сосудец, в чем табак держат, в 15 золотых да за дело 2 золотых.

От Быстрой до Терки его царского величества казну вести ему ж для царского величества чести дано на провоз два куса золота, во всяком кусе по 20 золотых червонных, итого 40 золотых; а всего русскими деньгами 57 рублей.

И обоего деньгами до нево дошло 215 рублей.

Назад едучи в Астрахани по ево прошенью ему на харч запасом дано 60 ведр вина горячево, да 16 мехов сухарей, да 6 мехов солоду, 80 гривенок хмелю, 60 частей мяса, 100 языков говяжьих сушеных, 2 меха круп, бочка уксусу.

Да Олексеевых же 6 лошадей да 5 человек людей ево ествою и питьем и конским кор[мом] сподобляли.

И те выше сего описанныя деньги все без росту ему даваны, а против того от нево нам дошло в Астарахани 150 рублей, и те он деньги занял у восводы в кабалу. Да он же Олексий голстенского князя послу Отто Брюгману купил лошедь, а дал 3 тюмени да того ж продавца он подарил на платно портише дорогов персицких и посол ему Олексию те деньги заплатил, а за труды и за те дороги ему подарил шандан серебряной весом 258 золотников.

И то все от княжеских голстенских послов Олексию Романчукову для его царско-

го величества чести дружба оказана потому, что вместе ехали и, видели ево безденежна, на пути ему помогали и после того на то и не думали и назад ничего не просали.

И для того бы его царского величества канцлеру о сем помыслить, что того Олексеевым братьям за их бесстыдство и запрос достоин и недостойно ли было на них тот недоплат доправить и лутче бы бедным людем то роздати нежели таким бесстыдным людем оставити». Как видно из последних слов, братья Романчукова требовали уплаты каких-то денег от послов.

полукартаульных орудий Так назывались единогори для полупудовых снарядов.

Стр. 441

под Азовом Азов взят донскими казаками (а не у казаков) в 1637 г., возвращен в 1642 г.

Стр. 442

Михайлов день по лютеранскому календарю; на самом деле именины царя Михаила праздновались в день св. Михаила Малеина 12 июля.

Стр. 444

Варсанофий и Гурий Их мощи обретены 4 октября 1696 г.; первый был архимандритом казанского преображенского монастыря, второй — первым архиепископом казанским.

Стр. 445

Пехры Таково нынешнее название; у Олеария— Behra.

два пристава «Лета 7147 генваря в 1 день государь царь... велел Федору Рагозину да подьячему Ивану Протопопову встретить голштинских послов».

5 января Очевидная ошибка Олеария; нужно: 6 января.

Стр. 446

Иван Михайлович Счет годов у Олеария неверен; царевич род. 2 июня 1638 г., скончался 9 января 1639 г. («Выходы государей царей», указатель).

Стр. 447

Грюневальд или Грюневальдт.

Стр. 448

секретаря Олеария.

компас Олеарий намекает на свои собственные хлопоты в Готторне.

альдермана Aldermann или *Oldermann*, выборный купеческий старшина.

Стр. 449

переменами В подл.: «wegen des jährlichen Umschlages». Смысл для нас неясен; это выражение во всех изданиях с 1647 г.

Последние две главы нами оставлены без перевода, так как 26 глава VI книги является действительным окончанием описания путешествия, а они должны считаться как бы дополнениями. В 26 главе рассказан прием персидского посольства в Голштинии, перечислены аудиенции его и русского посланника и рассказана судьба бежавших из свиты перса шести человек. 27 глава посвящена исключительно судьбе Брюггемана; здесь перечислены вины

(см. Введение), возводившиеся на него, рассказано предсмертное примирение его с Олеарием и говорится о казни его. В издании 1647 года на последних страницах, где говорится о Брюггемане, приведен текст торжественного заявления, которое Брюггеман должен был сделать относительно неправоты своей перед Олеарием. В заявлении говорится: «Я, Оттон Брюггеман, сим заявляю публично, что во всем том, что я совершал по отношению к магистру Адаму Олеарию действиями и рассказывал о нем предосудительного, я поступал напрасно и несправедливо, и что, на самом деле, я в состоянии сказать о нем лишь то, что почетно и вполне достойно человека честного. Поэтому сим я публично отказываюсь от прежних моих слов».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ГОЛШТИНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКОВИЮ И ПЕРСИЮ	20
I. (Книга I, глава 2) О первом отбытии из Голштинии, плавании по Балтийскому морю и прибытии в Лифляндию	20
II. (Книга I, глава 3) Из Риги, через Вольмар и Дерпт, в Нарву	23
III. (Книга I, глава 4) Как мы прибыли в Нарву. Путешествие оттуда, через крепости Ям и Копорье, до Нотебурга	25
IV.	31
V. (Книга I, глава 6) Как нас перед городом Москвою приняли и ввели в город	44
VI. (Книга I, глава 7) Как нас в Москве принимали: о первой публичной аудиенции и о прибытии Спиринга в Москву	46
VII. (Книга I, глава 8) Как русские справляют свой Новый год	54
VIII. (Книга I, глава 9) О первой тайной аудиенции, а также о том, каков был выезд татарских послов. О рождении великокняжеской дочери	55
IX. (Книга I, глава 10) О встрече турецкого посла	58
X. (Книга I, глава 11) О поезде турок к первой публичной аудиенции, далее: о поезде греков к аудиенции, и как мы передали грамоту от его светлости курфюрста саксонского	60
XI. (Книга I, глава 12) О большом русском празднике, далее: о нашей третьей, четвертой и пятой или последней тайных ауди- енциях и об отпуске шведских господ послов.	61
XII. (Книга I, глава 13) О русской церковной процессии, а также о том, как крымские татары ехали к аудиенции	65
XIII. (Книга I, глава 14) О последней публичной аудиенции	66

XIV. (Книга I, глава 15) О нашей возвратной поездке в Голштинию, от Москвы до Новгорода	67
XV. (Книга I, глава 16) Путешествие через Нарву, Ревель, Пернов в Ригу	68
XVI. (Книга I, глава 17) О поездке через Курляндию	70
XVII. (Книга II, глава 1) Имена лиц, участвовавших во втором посольстве	73
XVIII. (Книга II, глава 2) Часть весьма трудного и опасного мореплавания	76
XIX. (Книга II, глава 4) О дальнейшем ходе нашего опасного мореплавания	81
XX. (Книга II, глава 5) О Гохланде и о том, как мы наконец переправились в Лифляндию и выехали в Ревель	88
XXI. (Книга II, глава 6) Магистра Павла Флеминга стихотворение о нашем кораблекрушении	92
XXII. (Книга II, глава 7) О княжеском и посольском наказах, которые мы соблюдали во время посольства	93
XXIII. (Книга II, глава 8) О городе Ревеле	103
XXIV. (Книга II, глава 9) О немцах или древних обитателях Лифляндии	109
XXV. (Книга II, глава 10) Поездка из Ревеля в Нарву; далее: о городе Нарве	117
XXVI. (Книга II, глава 11) От Нарвы до Новгорода и о Новгороде	123
XXVII. (Книга II, глава 12) Поездка от Великого Новгорода до Москвы и въезд наш в Москву	129
XXVIII. (Книга II, глава 13) О нашем ежедневном продовольствии и о продовольствии, назначенном по особой милости; также о первой публичной и о первых двух секретных аудиенциях	132
XXIX. (Книга II, глава 14) Как русские торжественно справляли праздник Входа в Иерусалим, или Вербное Воскресенье, и праздник Пасхи	135
XXX. (Книга II, глава 15) Об особых аудиенциях Брюггеманна, о наших аудиенциях третьей, четвертой, пятой и последней тайной, равно как и об аудиенциях иных народов; кроме того, вообще о бывших в то время событиях	138
XXXI. (Книга II, глава 16) Как мы собрались в путь в Персию,	

и сколько человек мы взяли с собою из Москвы	139
XXXII. (Книга II, глава 17) О польских послах, как они прибыли под Москву и как они вели себя с русскими	140
XXXIII. (Книга II, глава 17 bis) Русский паспорт	141
XXXIV. (Книга III, глава 1) О русском государстве, его провинциях, реках и городах	143
XXXV. (Книга III, глава 2) О состоянии воздуха, погоды, почвы, растительности и садов страны	152
XXXVI. (Книга III, глава 3) О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами.	158
XXXVII. (Книга III, глава 5) О самих русских — в отношении их внешнего вида и одежды	163
XXXVIII. (Книга III, глава 6) О природе русских, их душевных качествах и нравах	168
XXXIX. (Книга III, глава 7) О домашнем хозяйстве русских, их обыденной жизни, кушаньях и развлечениях	186
XL. (Книга III, глава 8) О браках русских и о том, как они справляют свадьбу	193
XLI. (Книга III, глава 9) О положении русских женщин	198
XLII. (Книга III, глава 10) О светском состоянии и о полицейском строе у русских	202
XLIII. (Книга III, глава 11) О московитских великих князьях, как они в течение 100 лет, один за другим, правили и что при этом случилось достопамятного	209
XLIV. (Книга III, глава 12) О лже-Шуйском, иначе говоря — Тимошке Анкудинове, его происхождении, действиях и гибели	218
XLV. (Книга III, глава 13) О короновании нынешнего великого князя Алексея Михайловича и о том, как вообще происходит коронование	227
XLVI. (Книга III, глава 14) О доходах и расходах великого князя, о столе его, лейбмедиках и толмачах	229
XLVII. (Книга III, глава 15) О свадьбе и бракосочетании великого князя Алексея Михайловича	233
XLVIII. (Книга III, глава 16) Как после царского бракосочетания вели себя друзья великой княгини, каков был полицейской строй, как отправлялось правосудие и что еще при этом произошло достопамятного	234

XLIX. (Книга III, глава 17) О мятеже, возникшем во Пскове	241
L. (Книга III, глава 18) О боярах или государственных советниках, окольных и других заседающих в судах должностных лицах	243
LI. (Книга III, глава 19) О различных канцеляриях в Москве и о их делопроизводстве	246
LII. (Книга III, глава 20) О русском судопроизводстве, правосудии и видах наказаний	250
LIII. (Книга III, глава 21) О религии русских вообще и о начале ее	255
LIV. (Книга III, глава 22) О шрифте русских, их языке и школах	259
LV. (Книга III, глава 23) О внешнем проявлении их христианства, о нынешнем богослужении и в особенности о их крещении	261
LVI. (Книга III, глава 24) О крещении отпавших христиан и других взрослых	265
LVII. (Книга III, глава 25) О русских торжественных и праздничных днях и о том, как они слушают слово Божие, а также о их церквах	270
LVIII. (Книга III, глава 26) О крестном знамени русских, о том, как они себя благословляют, и об иконах святых, перед которыми они кладут поклоны	273
LIX. (Книга III, глава 27) О предполагаемых у русских святых, которые имеются у них в стране и к которым они совершают паломничества	278
LX. (Книга III, глава 28) О русских церквах	280
LXI. (Книга III, глава 28 bis.) О духовном управлении русских, о клириках, церковнослужителях и монахах	283
LXII. (Книга III, глава 29) О посте у русских	287
LXIII. (Книга III, глава 30) Об исповеди и причастии	288
LXIV. (Книга III, глава 31) О погребении их покойников	292
LXV. (Книга III, глава 32) О приверженцах других религий, которых московиты частью переносят, частью не терпят	295
LXVI. (Книга IV, глава 1) Об отъезде из Москвы и поездке до Нижнего Новгорода. Как мы ехали по рекам Москве и Оке и что мы за города, деревни, монастыри и дачи встречали по дороге	302
LXVII. (Книга IV, глава 2) О городе Нижнем и Волге	308

LXVIII. (Книга IV, глава 3) От Нижнего до Васильсурска	315
LXIX. (Книга IV, глава 4) О черемисских татарах	317
LXX. (Книга IV, глава 5) Как мы прошли мимо Козмодемьянска, Чебоксар, Кокшаи и Свияжска	320
LXXI. (Книга IV, глава 6) О городе Казани и о том, как Казань подпала под власть московитов	322
LXXII. (Книга IV, глава 7) Путешествие до города Самары	322
LXXIII. (Книга IV, глава 8) Путешествие от Самары до [Царицына]	332
LXXIV. (Книга IV, глава 9) От Царицына до Астрахани	339
LXXV. (Книга IV, глава 10) О стране Нагайской и Астраханской, а также о жителях их	344
LXXVI. (Книга IV, глава 11) Что еще произошло во время нашего пребывания в Астрахани, и как нас разные лица посещали и угощали пирами	350
LXXVII. (Книга IV, глава 12) О поездке из Астрахани до города Терки	356
LXXVIII. (Книга IV, глава 13) О городе Терки и о том, что с нами там случилось	363
LXXIX. (Книга IV, глава 14) Дальнейшая поездка морем до кораблекрушения. Также о горах Кавказ, Тавре и Арарате	369
LXXX. (Книга IV, глава 15) О втором нашем кораблекрушении	372
LXXXI. (Книга IV, глава 16) О свойствах Гирканского или Каспийского моря	377
LXXXII. (Книга IV, глава 17) О местности, где мы выбросились на берег; как мы здесь жили	385
LXXXIII. (Книга IV, глава 20) О городе Шердахе и об окружающих горах	393
LXXXIV. (Книга IV, глава 21) Путешествие из Шемахи в Ардебиль	396
LXXXV. (Книга VI, глава 5) От Решта до Кизилагача и до конца области Гилян Февраль [1638 г.]	401
LXXXVI. (Книга VI, глава 6) Путешествие из Гиляна к реке Араксу Также о Муганской степи	404
LXXXVII. (Книга VI, глава 7) Сообщение о реках Араксе и Куре и о поездке в Шемаху	406
LXXXVIII. (Книга VI, глава 9) Путешествие от Шемахи до Дербента и затем до границы Персидского царства	409

LXXXIX. (Книга VI, глава 10) О городе Дербенте и о том, что здесь можно видеть достопримечательного.....	411
XC. (Книга VI, глава 11) От Дербента до дагестанских татар, до Тарку, и о том, что мы по дороге встретили.....	414
ХСІ. (Книга VI, глава 12) О Дагестане, особой татарской области и об амазонках.....	415
СХІІ. (Книга VI, глава 13) О городе Тарку и тарковской области.....	420
ХСІІІ. (Книга VI, глава 14) О большой опасности, которую мы испытали у татар.....	421
ХСІV. (Книга VI, глава 15) Как татарские князья нас посещали, а мы их.....	422
ХСV. (Книга VI, глава 16) О том, как татарский князь Сухован и долее удерживал нас хитростью, а также о добром предложении шемхала.....	424
ХСVІ. (Книга VI, глава 17) Отбытие из Тарку и прибытие к шемхалу.....	427
ХСVІІ. (Книга VI, глава 18) Как нас шемхал принял и угощал.....	429
ХСVІІІ. (Книга VI, глава 19) О поездках в Терки и о виденных нами больших землях и странных полевых мышах.....	431
ХСІХ. (Книга VI, глава 20) О черкасских татарах.....	432
С. (Книга VI, глава 21) Путешествие от Терок, через большую степь, к Астрахани.....	435
СІ. (Книга VI, глава 22) Что случилось в Астрахани за время нашей остановки.....	439
СІІ. (Книга VI, глава 20) Путешествие из Астрахани в Москву и о том, что в это время случилось.....	442
СІІІ. (Книга VI, глава 24) Как нас в Москве вновь приняли, как мы имели аудиенцию и что еще произошло.....	445
СІV. (Книга VI, глава 25) Отбытие из Москвы, через Лифляндию, обратно в Голштинию, в резиденцию его княжеской светлости нашего милостивейшего государя.....	447
ПРИМЕЧАНИЯ.....	448

— *Научно-популярное издание*
Серия «Библиотека историка»

Адам Олеарий
Описание путешествия в Московию

Ответственный редактор *В. А. Суханова*
Художественный редактор *С. А. Сидоркин*
Технический редактор *Е. А. Цветкова*
Корректор *Т. В. Новик*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.01.2003.

Формат 70×100¹/₁₆.

Бумага типографская. Печать офсетная.

Гарнитура «Times ET».

Объем 30 печ. л. Усл. печ. л. 38,7.

Тираж 3000 экз. Заказ 187.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 32 от 29.08.1997.

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

E-mail: rusich@keytown.com — редакция.

E-mail: salerus@keytown.com — отдел реализации.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Издательство «РУСИЧ» представляет
книжную серию

«ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

книги которой живо, увлекательно и научно достоверно
рассказывают о важнейших событиях мировой и отечественной
истории, о древних цивилизациях, обычаях, быте и нравах людей
различных исторических эпох и культур.

Вышли в свет:

- А. Рамбо. История древней и новой России
Эпоха крестовых походов
- П. Монте. Египет Рамсесов
- В. Сидихменов. Китай: страницы прошлого
- Дж. Тревельян. История Англии от
Чосера до королевы Виктории
- Ю. Липс. Происхождение вещей
- Г. Ч. Ли. История инквизиции в Средние века
- У. Черчилль. Рождение Британии
- М. Г. Давыдов. Российские государи (862–1598)
- Я. Буркгардт. Культура Италии в эпоху Возрождения
- Г. Бёмер. История ордена иезуитов
- Э. Фукс. История нравов
Древний Вавилон
История пиратства
История масонства

Издательство «РУСИЧ» представляет
книжную серию

«Библиотека поэзии»

которую составляют лучшие поэтические
произведения мастеров мировой
и отечественной литературы.

Вышли в свет:

«Александр Пушкин»	«Арсений Тарковский»
«Анна Ахматова»	«Омар Хайям»
«Марина Цветаева»	«Федор Тютчев»
«Николай Гумилев»	«Афанасий Фет»
«Сергей Есенин»	«Игорь Северянин»
«Осип Мандельштам»	«Николай Рубцов»
«Эдуард Асадов»	«Игорь Губерман»

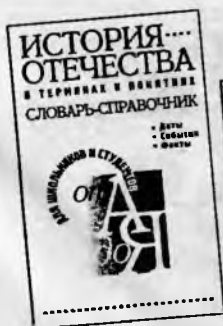
Издательство «РУСИЧ» представляет
книжную серию

«Для школьников и студентов»,

которую составляют словари,
справочники и учебные пособия.

Вышли в свет:

- ◆ Орфографический словарь
- ◆ История Отечества в терминах и понятиях
- ◆ Англо-русский и русско-английский словарь
- ◆ Новый юридический словарь-справочник
 - ◆ Мифологический словарь
- ◆ Английский язык для поступающих в вузы
 - ◆ Словарь английских пословиц и фразеологических выражений
 - ◆ Толковый словарь иностранных слов в русском языке
- ◆ Словарь литературных персонажей
- ◆ Мировая художественная культура в терминах и понятиях

Готовятся к изданию:

- ◆ Экономический словарь
- ◆ Библийский словарь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ»

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7

Тел./факс (0812) 68-36-99

E-mail: rusich@keytown.com (редакция)

E-mail: salerus@keytown.com (отдел реализации)

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

в Смоленске
«Русич-Пресс»

Офис: 214016, Смоленск,
ул. Соболева, 7

Тел.: (0812) 68-36-87
51-41-00

Мелкооптовый магазин
и служба «Книга-почтой»

214016, Смоленск,
ул. Соболева, 7
Тел.: (08122) 9-15-96

в Москве «Русич-М»

129626, Москва,
3-я Мытищинская, 16,
кор. 47, 9 этаж
Тел.: (095) 284-10-54
тел./факс (095) 284-10-56
E-mail: cherry@bestcom.ru

в Санкт-Петербурге
«Русич-Сан»

Тел.: (812) 589-12-23
589-29-75
E-mail: rusich@home.ru

в Новосибирске
«Топ-книга»

630117, Новосибирск,
ул. Арбузова, 1/1
(Академгородок),
Тел.: (383-2) 36-10-28
E-mail: office@top-kniga.ru
Web: www.top-kniga.ru

Описание путешествия немецкого ученого, посла Голштинии, Адама Олеария (1603–1671) в Московию стало одним из интереснейших и ценнейших источников по изучению истории, быта и нравов России 30-х гг. XVII в.

В настоящем издании использованы перевод на русский язык и комментарии 1906 года.

В книге воспроизведены многочисленные рисунки из изданий 1647 г. и 1656–1671 гг., выполненные при участии самого автора.

ISBN 5-8138-0374-2

9 785813 803741